

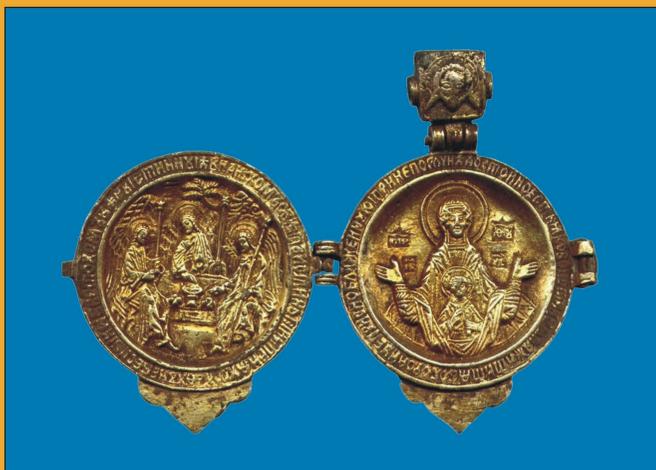

4 (55)

2021

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Рябогина Н.Е., Южанина Э.Д., Иванов С.Н., Гольева А.А. Микробиомаркеры природного окружения и внутреннего обустройства жилищ неолита и энеолита (поселения Мергень 6 и 7)	5
Дегтярева А.Д. Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья	17
Бляхарчук Т.А., Боброва А.И., Жилина Т.Н. Природно-климатические условия на юго-востоке Западной Сибири и развитие этнокультур Прикетья (V в. до н.э. — XVII в.)	36
Барышникова О.Н., Михаревич М.В., Грушин С.П., Сайберт В.О. Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2 одинцовской культуры Алтая в IV–VIII вв. н.э.	49
Грачев М.А., Зеленков А.С., Слепцова А.В. Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов	60
Ткачев А.А. Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья	74
Аношко О.М. Первый и Второй Гостиные раскопы в Тобольске	88
Рафикова Т.Н., Аношко О.М. Позднесредневековые комплексы лесостепного и подтаежного Зауралья (по материалам городища Старый Погост (Кысым-Туры)).....	101

Антропология

Багашев А.Н. Краниологические источники к проблеме этногенеза нарымских селькупов.....	113
Слепченко С.М., Сударев Н.И., Цокур И.В., Абрамова А.Н. Первые результаты археопаразитологического исследования грунтового могильника Волна 1 (Темрюкский район, Краснодарский край)	125
Рассказова А.В., Зейфер В.А., Мазурок О.И. Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском	138
Козлов А.И. Полиморфизм генетических детерминант минерального обмена в кости в различных группах коми	151

Этнология

Богордаева А.А. Женский праздничный костюм хантов и манси в конце XX — начале XXI в.: динамика и функции	162
Данилова Н.К. Этноэтикет в якутской культуре: сакральные стратегии и поведенческий кодекс	173
Прокопьева А.Н. Женская прическа и головные украшения якутов XVIII в.	183
Белякова Н.А. Повседневная жизнь русского женского монашества на Святой Земле в условиях трансформаций Ближнего Востока 1940–1950-х гг.	190
Мавлютова Г.Ш. Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.	201
Бубликов В.В. Русско-украинское население приграничных с Украиной территорий России: этнокультурная или переходная группа?.....	212
Рудь А.А. Алкоголь и его функции в культуре хантов Сургутского Приобья	224
Миссонова Л.И. Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»	235

Рецензии

Головченко Н.Н. Рецензия на монографию: <i>Лихачева О.С.</i> Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. 320 с. ISBN 978-5-91556-710-7	248
--	-----

Информация для авторов	254
Список сокращений	257

На передней стороне обложки: медная позолоченная панаяга из Второго Гостиного раскопа на верхнем посаде Тобольска; счетный пфенниг из раскопа на верхнем посаде Тобольска; участница Фестиваля ремесел в традиционном праздничном костюме, восточные (ваховские) ханты, 2006 г. (фото А.А. Богордаевой).

Contents

Archaeology

Ryabogina N.E., Yuzhanina E.D., Ivanov S.N., Golyeva A.A. Microbiomarkers of the local environment and interior of Neolithic and Eneolithic dwellings (settlements of Mergen 6 and 7).....	5
Degtyareva A.D. The non-ferrous metal toolkit of the Petrovka Culture of the South Trans-Urals	17
Blyakharchuk T.A., Bobrova A.I., Zhilina T.N. Natural and climatic conditions in the south-east of Western Siberia and development of ethnocultures of the Ket' River region (5 th c. BC — 17 th c. AD)	36
Baryshnikova O.N., Mikharevich M.V., Grushin S.P., Saybert V.O. Natural conditions of the formation of the monument of Maly Gonbinsky Kordon-2 of the Odintsovo Culture of Altai in the 4 th –8 th centuries A.D.....	49
Grachev M.A., Zelenkov A.S., Sleptsova A.V. Krasnoyarsky-IV kurgan cemetery of the Great Migration Period.....	60
Tkachev A.A. Early Medieval Kyrgyz burial from the Upper Irtysh region	74
Anoshko O.M. The First and Second Gostiny Dig Sites in Tobolsk	88
Rafikova T.N., Anoshko O.M. Late Medieval complexes of the forest-steppe and sub-taiga Trans-Urals (based on materials from the settlement of Stary Pogost).....	101

Anthropology

Bagashev A.N. Craniological sources on the problem of ethnogenesis of the Narym Selkups	113
Slepchenko S.M., Sudarev N.I., Tsokur I.V., Abramova A.N. First results of the archaeoparasitological study of the Volna 1 burial ground (Temryuk District, Krasnodar Krai).....	125
Rasskazova A.V., Zheyfer V.A., Mazurok O.I. Medieval mass burial in Pereslavl-Zalessky.....	138
Kozlov A.I. Polymorphism of the genetic determinants of bone mineral metabolism in various groups of the Komi people	151

Ethnology

Bogordayeva A.A. Female festive costume of the Khanty and Mansi in the late 20 th — early 21 st century: dynamics and functions.....	162
Danilova N.K. The ethno-etiquette in the Yakut culture: sacred strategies and behavioral code	173
Prokopenko A.N. Women's Hairstyles and Head Ornamentation of the Yakuts in the 18 th century	183
Beliakova N.A. Everyday Life of the Russian Nuns in the Holy Land at the Time of Changes in the Middle East, 1940s–1950s	190
Mavlyutova G.Sh. Islamic religious buildings in the Tobolsk Province in the late 18 th — early 20 th century	201
Bublikov V.V. Russian-Ukrainian population of the Russian territories bordering with Ukraine: ethnocultural or transition group?	212
Rud' A.A. Alcohol and its functions in the culture of the Khanty of the Surgut Ob region	224
Missonova L.I. The Study of the Northern Tungus in the Academic Project "History of Yakutia".....	235

Reviews

Golovchenko N.N. Review of the Monograph: <i>Likhacheva O.S.</i> Weaponry and warfare of the population of the Forest-Steppe Altai in the Early Iron Age (8 th –1 st centuries B.C.). Barnaul: Publ. IP I.A. Kolmogorov, 2020. 320 p. ISBN 978-5-91556-710-7	248
Memo to the authors	254
Abbreviations	257

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-1>

Рябогина Н.Е.^{a,*}, Южанина Э.Д.^a, Иванов С.Н.^a, Гольева А.А.^b

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017

E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com (Рябогина Н.Е.); el.yuzh@gmail.com (Южанина Э.Д.); ivasenik@rambler.ru (Иванов С.Н.); golyevaaa@yandex.ru (Гольева А.А.)

МИКРОБИОМАРКЕРЫ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ВНУТРЕННЕГО ОБУСТРОЙСТВА ЖИЛИЩ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА (ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 И 7)

По результатам спорово-пыльцевого и микробиоморфного анализов на многослойных поселениях Мергень 6 и Мергень 7 (Приишимье, юг Западной Сибири) представлена реконструкция локальных условий обитания людей в раннем/среднем неолите и энеолите. Жилой ландшафт двух поселков отражает мозаичные условия лесостепи, однако сравнение результатов показало, что жители выбирали разные ландшафтные участки для поселения: в раннем неолите и энеолите поселение Мергень 6 приурочено к открытым лугово-степным участкам, а поселение Мергень 7 функционировало в период среднего неолита на террасе, покрытой березовым лесом. Выявлены особенности использования растительного сырья в строительстве и обустройстве интерьера жилищ, частично подтверждающие археологические наблюдения и реконструкции.

Ключевые слова: пыльца, фитолиты, неолит, энеолит, поселения, локальное природное окружение, Западная Сибирь.

Введение

В результате многолетних археологических работ в лесостепном Приишимье исследованы остатки одних из наиболее ранних стационарных долговременных поселков каменного века в Западной Сибири. Особенно интересен комплекс нео- и энеолитических слоев поселений охотников и рыболовов, сосредоточенный на берегах озера Мергень. Масштабные площадные раскопки этих памятников дали исключительно ценный, разнообразный и хорошо сохранившийся материал для последующей реконструкции домостроения, домашнего производства, особенностей хозяйства, ритуалов и традиций, существовавших на протяжении неолита и энеолита [Зах и др., 2008, с. 75–80; Еньшин, 2015; Еньшин, Скочина, 2014, 2018; Еньшин, 2020; Еньшин, Белогов, 2020]. Однако до сих пор фактически нет данных о природном окружении, которое определяло условия адаптации людей, ресурсную базу и стратегии их природопользования. Отложения близлежащих торфяников, которые можно было бы использовать как палеоэкологические архивы (off-site данные), в Приишимье сравнительно молоды (Гладиловский Рям — 4620 л.н. [Рябогина, Орлова, 2004], Станичный Рям — около 5000 л.н. [Иванов, Рябогина, 2003]) и не могут предоставить информацию о ландшафтах и климате в неолитическую эпоху. Значительно более перспективны донные отложения оз. Мергень, по предварительным датировкам сапропели и илы здесь последовательно накапливались в течение всего голоцена, однако их изучение только начато и потребует времени. Спорово-пыльцевой анализ культурных слоев археологических памятников Катенька (мезолит) и Мергень 3 (ранний неолит), к сожалению, дал нерепрезентативный материал [Зах и др., 2008; Рябогина, Иванов, 2009]. Общие представления о природном окружении и растительности вокруг поселка получены только по разрозненным исследованиям на разных участках поселения Мергень 6 [Зах и др., 2008; Рябогина, Иванов, 2009].

Данная работа посвящена обсуждению новых палинологических материалов из культурных слоев поселений Мергень 6 и Мергень 7 и результатов изучения микробиоморфного состава культурных отложений в пределах их сооружений. Полученные данные используются для сопоставления условий обитания в раннем (Мергень 6) и среднем (Мергень 7) неолите, а также

* Corresponding author.

анализируются и интерпретируются в контексте особенностей домостроительства и обустройства интерьера сооружений.

Объекты исследования

Район исследования расположен на юге Западной Сибири, в лесостепи Ишимской равнины, в 10 км к ЮЗ от г. Ишима Тюменской области. Поселения выявлены на участке, прилегающем с СВ к наиболее крупному озеру Мерген, входящему в цепь озер на месте палеоруслу Ишима на второй левобережной надпойменной террасе. С востока и ЮВ участок ограничен Ишимом и старичными озерами, с севера — вытекающей из озера протокой Мергенской. Глубина озера не превышает 6 м, в настоящее время по берегам оно заросло прибрежно-водной растительностью и частично затянута сплавиной, однако богато рыбой и является местом гнездования водоплавающей птицы.

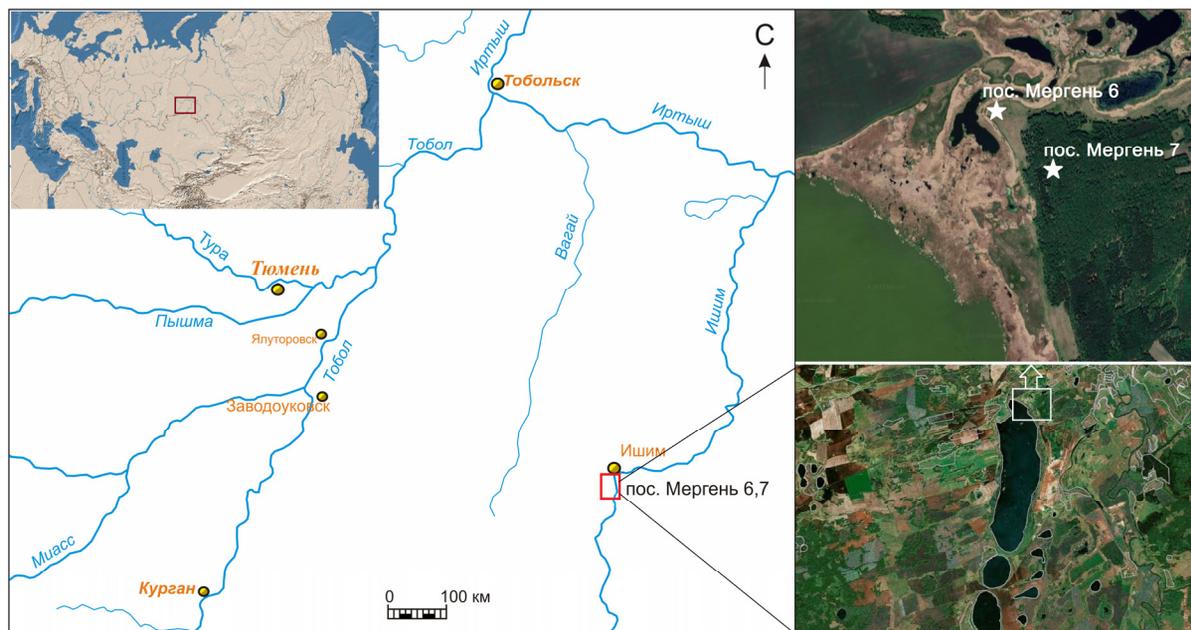

Рис. 1. Местоположение многослойных поселений Мерген 6 и 7 в Приишимье.
Fig. 1. The location of the multilayer settlements Mergen 6 and 7 in the Ishim region.

Многослойное поселение Мерген 6 находится на оконечности мыса, образованного берегом озера и вытекающей из него протокой, оно располагается довольно низко на луговом участке озерной поймы, непосредственно у воды, и в настоящее время подтапливается при высоком уровне грунтовых вод. Раскопками исследовано 1494 м² площади поселения, получены представительные керамические коллекции, каменные и костяные орудия и археозоологические комплексы неолита, энеолита и переходного времени от бронзового к раннему железному веку, единичны фрагменты посуды раннего железного века и средневековья [Еньшин, Скочина, 2018]. Сохранившиеся в материковой породе следы 13 неолитических сооружений позволили реконструировать структуру жилого поселка и домостроительные особенности жилых и хозяйственных построек [Еньшин, Скочина, 2014; Еньшин 2020]. Начало функционирования поселения Мерген 6 связано с ранним этапом неолита в Западной Сибири и относится к концу VII тыс. до н.э., что подтверждается серией радиоуглеродных и AMS-дат (21 дата), определенных по керамике, кости, рогу и нагару на керамике [Piezonka et al., 2020]. Энеолитический период представлен остатками ям и сооружений, не углубленных в материк, частично повреждающих неолитический слой. Время бытования соотносится с концом IV — III тыс. до н.э. на основании полученных дат по рогу (дата не опубликована) и углю [Зах, Волков, 2019].

Многослойное поселение Мерген 7 расположено примерно в 200 м к ЮВ от Мергена 6 и современного берега на повышенном геоморфологическом уровне озерной террасы, занятой березовым лесом с посадками сосны. В результате работ исследовано полностью одно двухкамерное жилище и частично два других сооружения. Время существования памятника уста-

Микробиомаркеры природного окружения и внутреннего обустройства жилищ неолита...

новлено по серии радиоуглеродных дат (7 дат) по углю и керамике — середина — вторая половина V тыс. до н.э., наиболее представительный комплекс находок соотносится с поздним этапом козловской археологической культуры [Еньшин, 2015]. Однако в культурном слое были обнаружены и другие материалы неолита и энеолита, что указывает на многослойный характер памятника.

Судя по датировкам, в неолите поселения Мергень 6 и 7 функционировали хронологически последовательно и, возможно, на раннем и среднем этапах — синхронно [Еньшин, 2014].

Материалы исследования

Пробы для палинологических исследований отобраны во время раскопок согласно методике [Рябогина, Якимов, 2010]: грунт выбирался сплошной колонкой из вертикального профиля стенки раскопа; кроме этого из-под дна развалов сосудов отбирались площадные пробы, т.е. грунт «дневной поверхности», на которую был поставлен сосуд.

На поселении Мергень 6 *на спорово-пыльцевой анализ* в 2009 г. колонкой отобраны пробы в центре котлована жилища № 5 (кв. Н/6), которые включают непосредственно заполнение неолитического жилища (слои «нижнего» и «верхнего» пола, разделенные отсыпкой, и собственно отложения слоя обитания), перекрытого отложениями энеолитической постройки, перерезавшей неолитическую. В условиях лугового почвообразования слои неолита и энеолита интенсивно прокрашены гумусом, не имеют четкой визуальной границы и разделяются по находкам. Выше располагается слой с артефактами красноозерской культуры, не привязанный к каким-либо структурам, нарушенный современным пахотным слоем (рис. 2, А–В). Площадные пробы грунта на пыльцевой анализ взяты в зачищенных секторах в жилище № 5 из-под крупных развалов сосудов раннего неолита (кошкинский тип керамики) и из-под энеолитического сосуда (ассоциируется с гребенчато-ямочной общностью) в соответствующих стратиграфических горизонтах (рис. 2, С-I, II). Дополнительно в 2011 г. внутри заполнения жилища № 21 (ранний неолит) на пыльцевой анализ отобраны три площадные пробы из придонного слоя сооружения (рис. 2, С-III).

На *микробиоморфный анализ* из пыльцевой колонки жилища № 5 взяты пробы с шести стратиграфических уровней, связанных с разными периодами обитания (рис. 2, В). Кроме этого отобраны две площадные пробы из-под керамики раннего неолита в придонном слое и в энеолитическом слое в средней части заполнения жилища № 5 (рис. 2, D-I, II). В жилище № 21 на микробиоморфный анализ отобраны три пробы из пепельно-серого суглинистого слоя в верхней части заполнения сооружения (рис. 2, D-III). На этом уровне могли быть остатки завалившихся конструкций и крыши (кв. М2/4). Также исследован состав фитолитов из трех площадных проб на условном уровне пола этого жилища (рис. 2, D-IV).

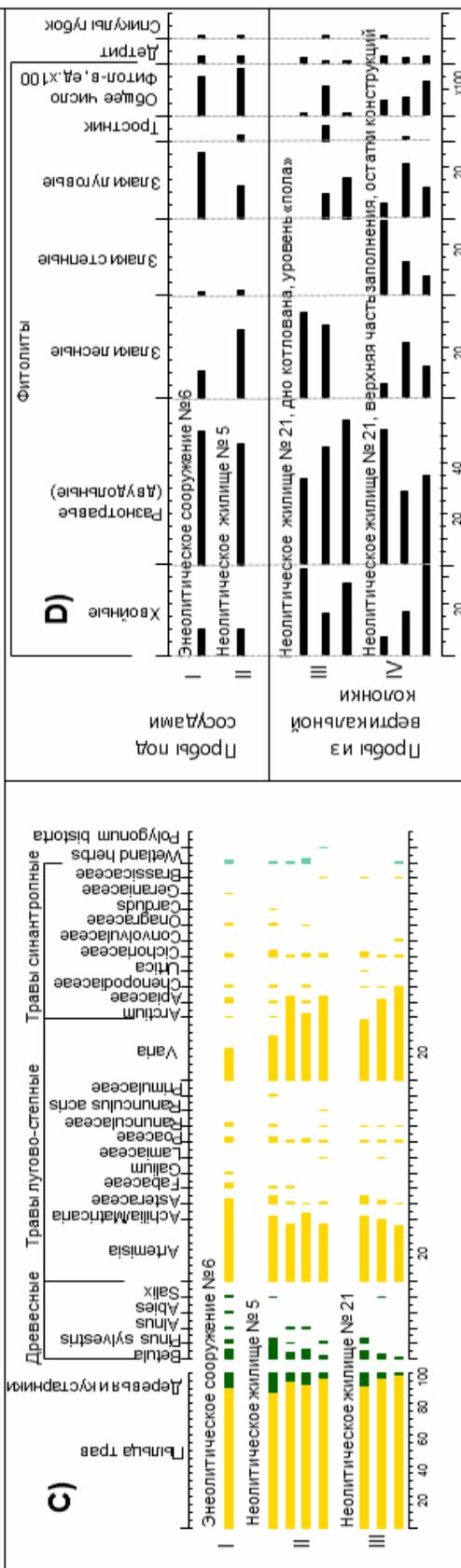
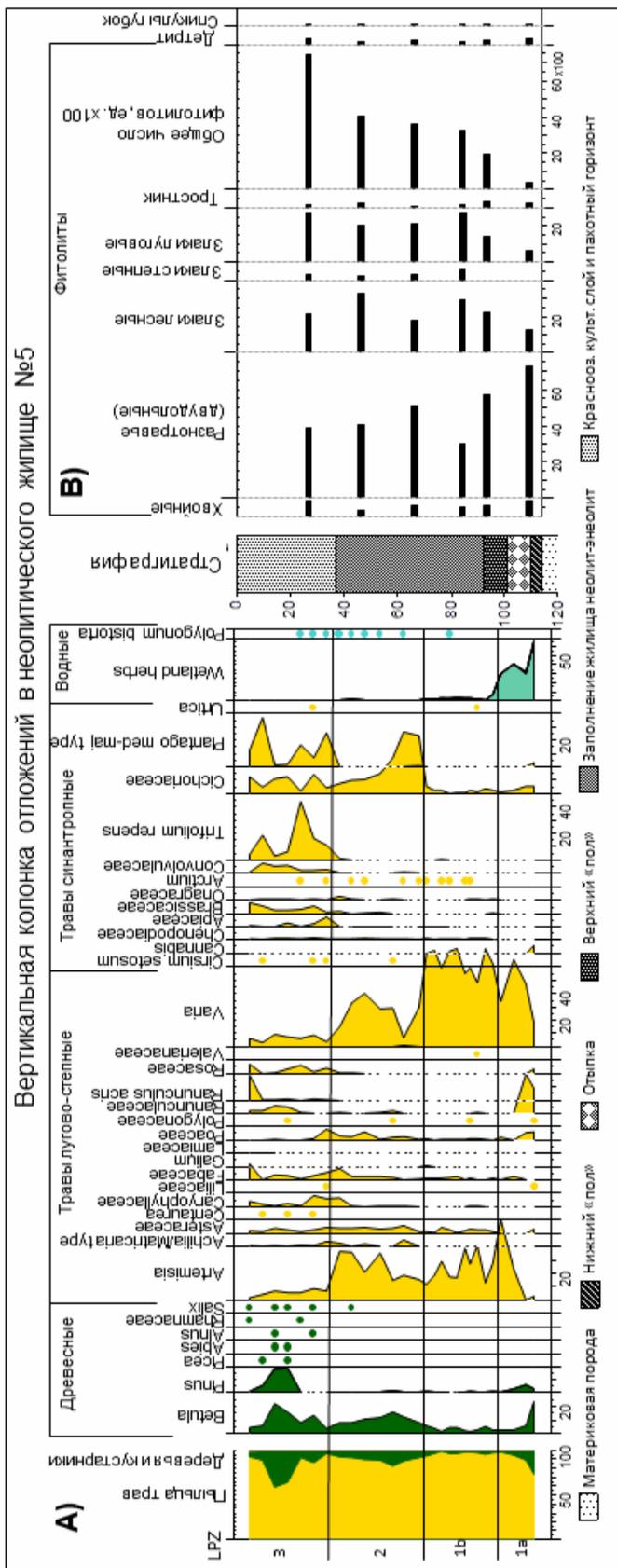
На поселении Мергень 7 *на спорово-пыльцевой анализ* в 2011 г. отобраны две вертикальные колонки: в котловане жилища № 1 (кв. П/6), включая его заполнение от дна до современной почвы, и на участке межжилищного пространства под выбросом из котлована жилища, включая культурный слой эпохи среднего неолита и погребенную почву под ним (рис. 3, А). Площадные пробы из-под развалов сосудов на этом поселении не отбирались. На *микробиоморфный анализ* в каждой вертикальной колонке из ключевых стратиграфических слоев отобраны по две пробы: из заполнения жилища № 1 (средняя и верхняя часть заполнения в камерах 1 и 2) и на межжилищном пространстве (из грунта ниже и выше выброса из котлована) (рис. 3, В).

Методы исследования

Извлечение пыльцы и спор из грунта выполнено с применением сепарационного метода Гричука [Методические рекомендации..., 1986], без ацетализа. Подсчет и идентификация пыльцы выполнены при рабочем увеличении $\times 400$ – 640 , на пыльцевых диаграммах представлено изменение содержания палиноморф в процентах, рассчитанных от суммы наземной пыльцы (*terrestrial*), и только группа пыльцы околводных трав и споры — от общей суммы палиноморф (*total*). В пыльцевых данных особо выделена и проанализирована группа трав, потенциально связанная с хозяйственной деятельностью и нарушением естественной растительности.

Микробиоморфный состав отложений исследован по стандартной методике при увеличении $\times 400$, диагностика базировалась на сравнении с эталонными кремнеземными формами [Гольева, 2001, 2008; Сперанская и др., 2013]. При проведении фитолитного анализа за основу было взято морфологическое описание форм согласно правилам и требованиям ICPN 2.0, а биоценотическая характеристика выделенных форм дана в соответствии с [Golyeva, 2007] (табл.).

Вертикальная колонка отложений в неолитическом жилище №5

Микробиомаркеры природного окружения и внутреннего обустройства жилищ неолита...

Рис. 2. Спорово-пыльцевые и микробиоморфные данные культурного слоя поселения Мергень 6:

A — спорово-пыльцевая диаграмма и *B* — диаграмма содержания микробиоморф из вертикальной колонки отложений внутри неолитического жилища № 5 (в %); *C* — площадные пробы из-под сосудов *I* — в энеолитическом сооружении № 6, *II* — в неолитическом жилище № 5, *III* — в неолитическом жилище № 21; *D* — содержание микробиоморф в пробах под сосудами (в %) *I* — в энеолитическом сооружении № 6, *II* — в неолитическом жилище № 5, *III* — в неолитическом жилище № 21, *IV* — в пробах из пепельно-серого слоя в верхней части заполнения жилища № 21 (вертикальная стенка).

Fig. 2. Palynological and microbiomorph data of the cultural layer of the Mergen 6 settlement:

A — pollen diagram and *B* — microbiomorphs diagram of the column of sediments inside Neolithic dwelling No. 5 (in %); *C* — pollen data from under the vessels *I* — in the Eneolithic structure No. 6, *II* — in the Neolithic dwelling No. 5, *III* — in the Neolithic dwelling No. 21; *D* — microbiomorph data from under the vessels (in %) *I* — in the Eneolithic structure No. 6, *II* — in the Neolithic dwelling No. 5, *III* — in the Neolithic dwelling No. 21, *IV* — in the samples from the grey layer in the upper part of the filling of the dwelling No. 21 (vertical column).

Результаты представлены на диаграмме в процентах от общей численности выявленных микробиоморф (фитолитов, детрита, спикул губок), состав фитолитов показан в виде биоценологических групп (разнотравье, степные, лесные, луговые злаки), а также таксономических групп (хвойные и тростник).

Статистическая обработка данных, построение спорово-пыльцевых и микробиоморфных диаграмм выполнены в программе TILIA и TILIA-Graph [Grimm, 1990].

Соотношение фитолитных морфотипов и их биоценологической характеристики

The ratio of phytolith morphotypes and their biocenotic characteristics

Растительное сообщество	ICPN 2.0 Морфотипы
Двудольные и некоторые однодольные травы (разнотравье)	Elongate entire
Хвойные (иглы)	Blocky rectangular Blocky velloate
Лесные злаки и лесные осоки	Acute bulbosus_1*
Луговые злаки	Acute bulbosus_2* Bilobate Elongate sinuate Polylobate
Степные злаки	Rondel conical Rondel trapeziform
Тростник	Bulliform flabellate

*1 — with large base; 2 — with small base.

Результаты палинологического и микробиоморфного исследования

Поселение Мергень 6

Палинологические данные заполнения жилища № 5 (вертикальная колонка). По составу пыльцы и спор отчетливо выделяется несколько локальных пыльцевых зон (LPZ), маркирующих разные стратиграфические части культурного слоя (рис. 2, A):

LPZ 1 (115–70 см) соотносится с первым заполнением котлована в раннем неолите:

LPZ 1a — в отложениях «нижнего пола» и прослойки «отсыпки пола» крайне низкая концентрация пыльцевых зерен, но постоянно встречаются остатки пресноводных губок, зеленых мхов и разнообразные непыльцевые палиноморфы (преимущественно аскоспоры, не представлены на диаграмме и точно не идентифицированы). Здесь же наблюдается обилие пыльцы кувшиновых (*Nyphaceae* gen. sp.);

LPZ 1b — начиная с прослойки «верхнего пола» и в основном заполнении раннеэнеолитического жилища насыщенность пылью выше, господствует пыльца трав (от 73 до 98 %), в ее составе преобладают полыни (*Artemisia* sp.) и луговое разнотравье, часто встречаются сложноцветные (*Asteraceae* gen. sp.), бобовые (*Fabaceae* gen. sp.) и злаки (*Poaceae* gen. sp.). Древесной пыльцы менее 7 %, в основном береза (*Betula* sp.), реже — сосна (*Pinus sylvestris* L.). Стабильное участие пыльцы маревых (*Chenopodiaceae* gen. sp.) и цикориевых (*Cichoriaceae* gen. sp.), нередко с лопухом (*Arctium* sp.) и иван-чаем (*Onagraceae* gen. sp.) может быть связано частично с природным фоном, но также с расселением рудеральной растительности рядом с поселением.

LPZ 2 (70–37 см) соотносится с отложениями, насыщенными находками эпохи энеолита; в пробах по-прежнему доминирует пыльца трав, однако в нижней части зоны резко увеличивается доля пыльцы цикориевых (до 40 %). Среди палиногрупп антропогенных маркеров в большом количестве по-прежнему отмечены маревые, лопух, иван-чай, а также встречаются крестоцветные (*Brassicaceae* gen. sp.), зонтичные (*Apiaceae* gen. sp.), подорожник (*Plantago me-*

dia-major type) и вьюнковые (*Convolvulaceae* gen. sp.). В остальном же состав трав меняется незначительно — появляется тысячелистник/ромашка (*Achilia/Matricaria type*), чаще встречаются гвоздичные (*Caryophyllaceae* gen. sp.) и розовые (*Rosaceae* gen. sp.). Примечательно, что подъем кривой пыльцы березы (до 17 %) следует непосредственно за тах цикориевых; сосна встречается редко, единично появляется ива (*Salix* sp.).

LPZ 3 (37–0 см) включает культурный слой красноозерской культуры, нарушенный современной распашкой. Пыльцевые данные отражают явные нарушения растительности, которые маркированы пиками подорожника и клевера ползучего (*Trifolium repens*), хорошо представлены крестоцветные, цикориевые и вьюнки. В составе пыльцы трав сокращается доля полыни, но увеличиваются встречаемость и разнообразие других лугово-степных таксонов. Увеличилась и вариативность пыльцы в древесной группе, по-прежнему продолжают доминировать береза и сосна, но изредка появляется пыльца ели (*Picea* sp.), пихты (*Abies* sp.), ольхи (*Alnus* sp.) и крушиновых (*Rhamnaceae* gen. sp.)

Палинологические данные проб из-под керамики в жилищах № 5, 6, 21 поселения Мергень 6. Пробы из-под развалов сосудов кошкинского типа в жилище № 5 и 21 (рис. 2, С) по спорово-пыльцевому составу аналогичны раннеэнеолитическому слою из вертикальной колонки этого жилища (LPZ 1b): доминирует группа пыльцы трав, в основном полынь и разнотравье; древесной пыльцы очень мало, наиболее часто встречается береза. Состав пробы из-под энеолитического сосуда (сооружение № 6, кв. Н 4/5) не отличается от состава неолитических проб — в нем нет обилия пыльцы цикориевых, которая маркирует энеолитический слой в вертикальной колонке. Вероятно, исследованный грунт под энеолитическим сосудом — более ранний культурный слой, так как придонная часть котлована энеолитического сооружения врезана в заполнение жилища эпохи неолита.

Микробиоморфный анализ заполнения жилища № 5 (вертикальная колонка) поселения Мергень 6. В образце из придонной части заполнения раннеэнеолитического жилища (глубина 100 см) фитолитов немного (42 ед.), в основном разнотравье, но часто встречается обугленный древесный детрит (рис. 2, В). В основном заполнении жилища (82–94 см) общая численность фитолитов возрастает (до 322 ед.), а обугленный древесный детрит встречается реже. Во всех образцах присутствуют спиккулы губок. В составе фитолитов высока доля разнотравья (формы двудольных трав), особенно в придонной части, и отмечаются разные типы фитолитов злаков (лесные и луговые, в верхней части степные). Кроме того, присутствуют формы, характерные для тростника и хвойных пород.

В слое с находками энеолита численность фитолитов продолжает увеличиваться (361 ед.), их состав прежний, встречается обугленный детрит, спиккулы губок, редко диатомовые водоросли. В верхней части отложений, связанных с красноозерской культурой и современной пашней, отмечена максимальная концентрация фитолитных форм (до 747 ед.), большое количество обугленного детрита, встречаемость спиккул губок снижается, а в составе фитолитного комплекса появляются единичные формы сорной флоры.

Микробиоморфный состав грунта под сосудами, поселение Мергень 6. Сосуд кошкинского типа из жилища № 5 был поставлен на грунт, в котором обнаружено обилие древесного детрита и фитолиты хвойных пород; численность фитолитов трав средняя (183 ед.), доминируют формы лугового разнотравья (двудольных трав) и много спиккул губок (рис. 2, D-II). Фитолитный комплекс из-под энеолитической керамики в сооружении № 6 (рис. 2, D-I) отличается только исчезновением тростника.

Микробиоморфный состав неолитического слоя жилища № 21, поселение Мергень 6. Исследование площадных проб на уровне пола из раннеэнеолитического жилища №21 (рис. 2, D-III) показало, что в двух образцах концентрация кремнистых микробиоморф крайне низкая (8–11 ед.). В основном это формы разнотравья (двудольных трав), но много также фитолитов хвойных пород, лесных и луговых злаков. Немного отличается лишь одна из проб — верхняя (рис. 2, D-III, кв. П2/12) — содержание фитолитов здесь выше (113 ед.), в том числе игл хвойных пород и тростника, единично отмечены спиккулы губок.

В верхней части заполнения жилища для идентификации состава растительных материалов, которые могли использоваться при строительстве, исследован микробиоморфный состав трех образцов (рис. 2, D-IV). Содержание кремневых микробиоморф в целом низкое (55–66 ед.), но наибольшая концентрация фитолитов наблюдается в нижнем образце (128 ед.), в том числе от игл хвойных и древесного детрита. Во всех образцах много фитолитов двудольных трав и злаков, причем часто корродированных фрагментарных форм, скорее всего от молодых расте-

Микробиомаркеры природного окружения и внутреннего обустройства жилищ неолита...

ний. Это может свидетельствовать о том, что крыша и стены сооружались из ветвей деревьев, в том числе хвойных, а также из луговых трав, срезанных в начале лета.

Поселение Мергень 7

Спорово-пыльцевой анализ вертикальных колонок, поселение Мергень 7. К сожалению, грунт в заполнении жилища № 1, накопившийся в период обитания, содержал предельно низкое число пыльцевых зерен плохой сохранности (начеты менее 100 ед.). Таких показателей недостаточно для статистически достоверной обработки и представления результатов в виде диаграммы. В пробах встречалась преимущественно пыльца березы и сосны, а также единичные пыльцевые зерна пихты, ольхи, вяза, ели, ивы, нередко — пыльца маревых, цикориевых, иван-чая, злаков, полыни, астровых и вероники. В целом палинологический состав проб с большой долей вероятности указывает на накопление отложений в условиях разреженного березового леса.

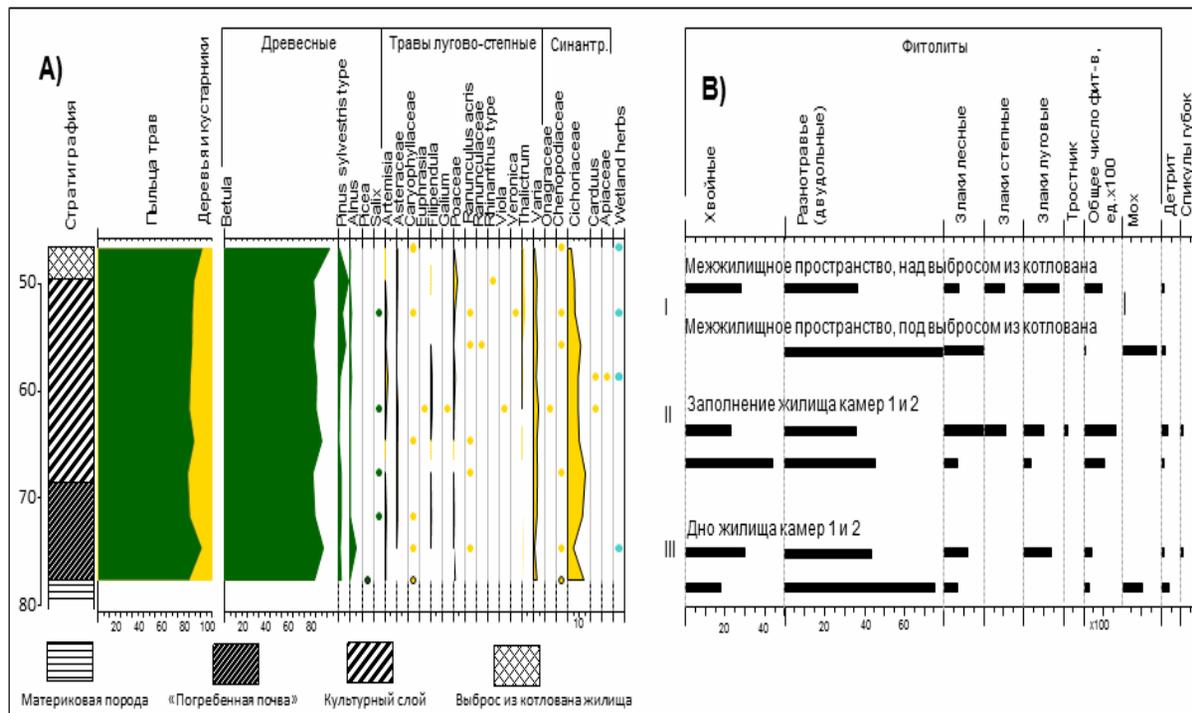

Рис. 3. Спорово-пыльцевые и микробиоморфные данные культурного слоя поселения Мергень 7:

A — пыльцевой состав отложений на межжилищном пространстве, под выбросом из котлована жилища; B — микробиоморфные данные из заполнения жилища (камеры 1 и 2) в %: I — на межжилищном пространстве, II — основное заполнение внутри жилища (камеры 1 и 2), III — придонная часть заполнения жилища (камеры 1 и 2).

Fig. 3. Palynological and microbiamorphic data of the cultural layer of the Mergen 7 settlement:

A — pollen composition of sediment in the inter-dwelling space under the soil ejection from the dwelling pit; B — microbiamorphic data from the filling of the dwelling (chambers 1 and 2) in %: I — in the space between dwellings, II — the main filling inside the dwelling (chambers 1 and 2), III — the bottom part of the filling of the dwelling (chambers 1 and 2).

Более благоприятные условия для сохранности пыльцы в межжилищном пространстве позволили подтвердить лесной характер накопления отложений (рис. 3, A). В целом все пробы под выбросом из котлована жилища очень схожи — в них доминирует древесная пыльца, доля пыльцы трав составляет менее 20 %. Пыльцевые данные из верхних двух проб наиболее синхронны периоду обитания и отражают природное окружение поселения непосредственно перед сооружением жилища № 1. Различия в составе проб из «погребенной почвы» и культурного слоя среднего неолита несущественны.

В образцах доминирует береза (80–90 %), редко отмечаются сосна, ольха и ива. В группе пыльцы трав господствующую позицию занимают цикориевые (15 %) и разнотравье, реже встречаются астровые, полынь, злаки, гвоздичные, маревые, лютиковые, василистник и прочие травы. Постоянное повышенное участие пыльцы цикориевых логично связывать с распространением представителей синантропной растительности вокруг поселения. Однако в «погребен-

ной почве» встречаемость цикориевых не ниже, чем в культурном слое, по-видимому, этот горизонт также имеет следы антропогенного изменения.

Микробиоморфный анализ культурных отложений, поселение Мергень 7. Результаты показывают, что до сооружения жилища участок был покрыт древесной растительностью, так как в пробе почвы под выбросом из котлована встречаются остатки древесного детрита (хвойных форм нет), редкие фитоолиты двудольных трав, мхов и лесных злаков (всего 12 ед.) (рис. 3, B-I). А в пробе над выбросом из котлована — увеличилась численность (до 91 ед.) и сменился состав фитоолитов: появляются степные и луговые злаки и много (19 %) фитоолитов хвойных. Вероятно, из-за вырубки деревьев изменилась и освещенность места, поэтому появились злаки, растущие на открытых участках. В придонной части заполнения камер жилища (рис. 3, B-III) фитоолитов мало (28–46 ед.), это формы, связанные с разнотравьем, лесными и луговыми злаками, но много древесного детрита (особенно в камере 1), в том числе хвойных пород, и аморфной органической массы. В верхней части заполнения жилища (рис. 3, B-II), напротив, обнаружено мало древесного детрита, но больше фитоолитов (до 162 ед.), среди которых преобладают корродированные и фрагментарные частицы двудольных трав, игл хвойных пород и встречаются фитоолиты тростника.

Обсуждение и интерпретация результатов

Природное окружение и жилой ландшафт

Разная локализация поселений Мергень 6 и Мергень 7 изначально предполагала, что у жителей этих стационарных поселков были разные предпочтения в выборе жилого ландшафта и стратегии адаптации к нему. Результаты спорово-пыльцевого анализа подтвердили это: так же как и в настоящее время, мыс с поселением Мергень 6 был занят лугово-степной растительностью, а терраса озера с поселением Мергень 7 была покрыта березовым лесом.

Ранний неолит (конец VII — начало VI тыс до н.э.). Судя по обилию полыней в составе растительности эпохи раннего неолита, природные условия были более сухими и теплыми, чем современные. По-видимому, участки разнотравных лугов и полынно-злаковых остепненных лугов занимали большую площадь, а доля лесов была меньшей, чем сейчас в северной лесостепи. Сосновых лесов в ближайшем окружении поселений однозначно не было, редкая встречаемость сосновой пыльцы свидетельствует о дальнем ветровом заносе и/или единичных деревьях.

В целом пыльцевые данные показывают, что озеро зарастало прикрепленными макрофитами (кувшинки), но нет явных свидетельств зарастания береговой зоны прибрежно-водными растениями. Сейчас в мелководной зоне озера вдоль берегов накопилось много сапропеля и растительного детрита, поэтому она сильно обмелела и здесь расселились тростник, камыш и рогоз. Судя по данным нашего тестового бурения и датирования озерных отложений в центральной части озера (не опубликованы), мощность сапропеля составляет около 1 м, а начало его аккумуляции приходится на начало VIII тыс. до н.э. Таким образом, в раннем неолите озеро было глубже в целом, а уступы его берегов круче и, вероятно, свободны от тростниковых зарослей и сплавины. Несмотря на то что круглогодичное функционирование [Еньшин, 2014] берегового поселения Мергень 6 происходило в более сухой период, есть факты, что поселок оставался уязвимым для высоких паводковых вод. Как минимум однажды жилище № 5 затоплялось озерной водой, так на дно котлована попала пыльца кувшинок, по этой причине, вероятно, была сделана отсыпка пола.

Пыльцы растений синантропной группы мало, что указывает на сравнительно низкую нарушенность естественной растительности вокруг поселения за счет вытаптывания и разрушения дернового слоя: вполне предсказуемо для хозяйства, которое базировалось на охоте и рыболовстве.

Средний неолит (середина второй половины V тыс. до н.э.). Судя по пыльцевым и микробиоморфным данным, обитатели поселения Мергень 7 в среднем неолите изначально предпочли строительству жилища в лесу на террасе, по-видимому, освободив от деревьев небольшую часть с мохово-злаково-разнотравной растительностью. Полностью лесным окружение Мергень 7 назвать сложно, скорее это был полуоткрытый ландшафт с березовыми колками и луговыми участками рядом с озером. Пыльцевые данные не подтверждают возможную примесь сосны в составе близрасположенных лесов. Повышенное участие представителей цикориевых указывает на расселение синантропной растительности вокруг поселка и усиленную антропогенную нагрузку, в том числе до строительства исследованного жилища.

Локализация поселка на более высоком месте могла быть вызвана общим повышением уровня озера или участвовавшими эпизодами подтопления, однако судить достоверно об изменении уровня увлажнения будет возможно только по off-site данным (палеоэкологическим дан-

Микробиомаркеры природного окружения и внутреннего обустройства жилищ неолита...

ным из донных отложений). С другой стороны, такая приуроченность поселения Мергень 7 позволяла скрывать жилища в лесу и делала поселок менее заметным, что могло иметь принципиальное значение для его обитателей.

Энеолит (конец IV — III тыс. до н.э.). Пыльцевые данные из энеолитического слоя поселения Мергень 6 показывают, что в это время окружение поселения формировали открытые лугово-степные участки и облик ландшафтов не существенно отличался от такового в период раннего неолита. Однако, по-видимому, массовое расселение цикориевых вокруг поселения демонстрируют ситуацию, когда неолитический этап обитания завершился, поселение было оставлено людьми и на месте заброшенных жилищ расселились сорняки. Не исключено, что и некоторое увеличение доли березы происходило как на фоне улучшения увлажнения, так и вследствие снижения антропогенной нагрузки и кратковременного восстановления березовых лесов. Однако и позже, непосредственно во время функционирования поселка в энеолите, доля лесов опять сократилась, а расселение синантропной растительности указывает на более интенсивное нарушение почвенного покрова вокруг, чем это было в неолите. Активизация хозяйственной деятельности подтверждается и по данным рентгенофлуоресцентного анализа культурных слоев поселения Мергень 6 [Рябогина и др., 2011]: отмечено заметное повышение концентрации биофильных элементов (прежде всего P_2O_5), что свидетельствует о поступлении дополнительного органического вещества в почву в энеолитический период обитания.

Изменения в жилом ландшафте в более поздние периоды обитания поселения Мергень 6 связаны с появлением сорной растительности пастбищного типа, однако слой красноозерской культуры частично нарушен распашкой, и это не позволяет нам сделать хронологическую привязку и достоверные выводы.

Внутреннее обустройство жилищ

В отличие от пыльцевых данных, микробиоморфный анализ показывает состав растительных остатков на месте, так как кремниевые частицы клеток и растительный детрит не разносятся далеко от того места, где растение разлагалось [Гольева, 2001].

Состав фитолитов из раненеолитического слоя жилища № 5 Мергень 6 в целом соответствует предположению об использовании лугово-степных растений (разнотравья, луговых и степных злаков) в обустройстве дома. Следы тростника встречаются очень редко, тростник/камыш вряд ли был распространенным и доступным строительным материалом в то время, когда берега не были заняты прибрежной растительностью (см. «Природное окружение и жилой ландшафт»). Удивительно, что фитолиты хвойных пород (древесины и хвои) постоянно встречаются в заполнении жилища, хотя пыльцевые данные не подтверждают произрастание сосновых лесов рядом с поселением. Тем не менее жители поселка однозначно использовали сосну при сооружении опор каркаса жилищ [Еньшин, Белоногов, 2010], не исключено, что они знали места ее локального произрастания на песчаных отложениях вдоль Ишима и целенаправленно доставляли древесину и ветки для строительных целей. Кроме фитолитов хвойных пород в образцах придонного слоя и в верхней части заполнения много древесного детрита, оставшегося после разложения настилов на полу жилищ и строительной древесины перекрытий/крыши после обрушения конструкции. Различная насыщенность фитолитами проб под сосудами из сооружений поселения Мергень 6 позволяет предположить, что в жилище № 5 сосуды были установлены на деревянную поверхность, но кроме этого пол в помещении мог быть покрыт чем-то наподобие циновки либо сухой травой, здесь же много степных форм злаков. Обилие спикул губок здесь также легко объяснить рыбохозяйственной спецификой хозяйства, если снасти и сама рыба заносились в дом [Еньшин, Скочина, 2018]. Деревянный пол внутри жилища № 21, напротив, судя по всему, не имел никаких покрытий из сухих трав и, возможно, очищался, здесь нет разнообразия фитолитов и признаков других растительных материалов.

Выводы о неместном происхождении древесины хвойных пород подтверждаются и на поселении Мергень 7, так как до строительства жилища на участке не выявлено следов фитолитов хвойных, но уже после сооружения котлована, поверх выброса из него, обнаружены остатки древесины хвойных пород, вероятно принесенной сюда для сооружения каркаса или перекрытия кровли. Ранее элемент обгорелого перекрытия из сосны с корой был обнаружен в заполнении котлована 2 поселения Мергень 7 [Еньшин, Скочина, 2014]. Микробиоморфный комплекс придонных отложений камер жилища № 1, с аморфной органикой, вероятнее всего, соответствует деревянному полу, покрытому шкурами животных. В верхней части заполнения жилища много фитолитов трав, преднамеренно срезанных в начале лета, тростника и хвои — по-видимому, это остатки растений, использованных для сооружения крыши и/или внутреннего обустройства дома.

Заключение

В результате исследований получена информация о ближайшем природном окружении поселений Мергень 6 и Мергень 7 в неолите и энеолите. В связи с тем что анализировались только пробы культурного слоя, по этим данным неправомерно судить об общей ландшафтно-климатической ситуации в Приишимье во время функционирования этих поселений, однако полученные данные наглядно свидетельствуют о разнице в локальных условиях непосредственно вблизи этих двух поселков.

Жилой ландшафт двух поселений отражает мозаичные условия лесостепи: поселение Мергень 6 существовало на открытом месте, в раннем неолите и в энеолите поселок располагался на участке с лугово-степной растительностью, в отдалении от леса; жители поселения Мергень 7 (средний неолит) построили поселок непосредственно в березовой роще. В эпоху неолита лесов в ближайшем окружении поселков было меньше, чем сейчас, и в их составе почти не было хвойных пород. Несмотря на меньшую облесенность территории, разнообразие экологических ниш лесостепи позволяло населению отдавать предпочтение более удобным или выгодным местам для сооружения жилья — открытым или лесным участкам ландшафта. Место обитания могло выбираться исходя из необходимости защиты от неблагоприятных последствий подтопления при колебаниях грунтовых вод в прибрежной зоне на разных этапах заселения. Не исключено, что определенную роль играло удобство ведения рыбной ловли, например возможность близкого расположения жилищ к воде для контроля рыболовных запоров, или фактор скрытности поселения со стороны озера.

Микробиоморфный анализ подтвердил, что жители неолитических поселений использовали сосну, несмотря на дефицит хвойных пород леса рядом. Для внутреннего обустройства углубленных жилищ использовались деревянные настилы, местами покрытые травой и шкурами.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию ТюмНЦ СО РАН № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М.: ИГ РАН, 2001. 200 с.
- Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
- Зах В.А., Волков Е.Н. Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2. (45). С. 5–20. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-45-2-005-020>
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a29/15-27.pdf
- Еньшин Д.Н. К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень 6) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. Вып. 7: Археология и этнография. С. 203–215. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>
- Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири: (На примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 39–48. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a12/39-48.pdf
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Адаптационные ресурсы неолитического поселения озера Мергень: (Домостроительный аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 4–14. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a25/4-14.pdf
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Промышленно-хозяйственная деятельность раннеэнеолитического населения озера Мергень как стратегия адаптации к окружающей среде (по материалам поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 5–18. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-005-018>
- Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Материалы палинологического исследования торфяника Станичный Рям // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. 2003. Вып. 4. С. 62–68.
- Методические рекомендации к технике обработки осадочных пород при спорово-пыльцевом анализе / Под ред. Е.Д. Заклинской, Л.А. Пановой. Л.: ВСЕГЕИ, 1986. 77 с.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Археопалинологические исследования в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 174–186. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a11/174-186.pdf
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергень 6 в Тюменском Приишимье // Труды III (XIX) Всероссийского ар-

Микробиомаркеры природного окружения и внутреннего обустройства жилищ неолита...

хеологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. II. С. 403–404. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22407050_10428140.pdf

Рябогина Н.Е., Орлова Л.А. Позднеголоценовый торфяник Гладиловский Рям как индикатор изменения палеоэкологических условий Ишимской равнины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. С. 203–214. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a4/4-rya.pdf

Рябогина Н.Е., Якимов А.С. Палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: анализ возможностей и методика работ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 186–200. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a13/186-200.pdf

Сперанская Н.Ю., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М., Гальцова Т.В. Основы фитолитного анализа: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 76 с.

Golyeva A. Various phytolith forms as bearers of different kinds of ecological information // Madella M., Zurro D. (Eds.). *Plants, People and Places: Recent Studies in Phytolithic Analysis*. Oxbow Books, UK, 2007. P. 197–203.

Grimm E.C. TILIA and TILIA GRAPH. PC spreadsheet and graphics software for pollen data // INQUA, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter, 1990. 4. P. 5–7.

International Committee for Phytolith Taxonomy (ICPT), International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0 // *Annals of Botany*. 24 July 2019. Vol. 124. Iss. 2. P. 189–199, <https://doi.org/10.1093/aob/mcz064>

Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chernyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2020. Vol. 116. P. 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105100>

Ryabogina N.E.^{a,*}, Yuzhanina E.D.^a, Ivanov S.N.^a, Golyeva A.A.^b

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b Institute of Geography RAS, Staromonetny per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation
E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com (Ryabogina N.E.); el.yuzh@gmail.com (Yuzhanina E.D.); ivasenik@rambler.ru (Ivanov S.N.); golyevaaa@yandex.ru (Golyeva A.A.)

Microbiomarkers of the local environment and interior of Neolithic and Eneolithic dwellings (settlements of Mergen 6 and 7)

The paper concerns the analysis of the local environment around the multi-layer settlements of Mergen 6 and 7 situated in the immediate vicinity of each other. The settlements existed successively (partly contemporaneously in the early and high Neolithic) in the forest-steppe belt of Western Siberia. Two methods were chosen to obtain the results: spore-and-pollen (palynological) and microbiomorph analyses of the cultural layers of the settlements of Mergen 6 and Mergen 7. In the settlement of Mergen 6, the following samples were collected for the palynological and microbiomorph investigation: a vertical column from the center of the ditch of the dwelling no.5; areal soil samples of the dwelling no.5 from underneath the pottery debris of the Neolithic and Eneolithic periods; areal samples from the bottom layer of the dwelling no.21. In the settlement of Mergen 7, two vertical core samples were selected for the pore-and-pollen analysis: in the ditch of the dwelling no.1; and in the inter-dwelling area. Samples from the hearthing of the dwellings and from the inter-dwelling space were collected for the microbiomorph analysis. The obtained results show that both settlements existed during the forest-steppe conditions, although the original landscapes of the sites chosen by the people for building the settlements were different in the early and high Neolithic. It appears that during the early Neolithic, the settlement of Mergen 6 was associated with an open site with meadow-steppe vegetation; birch forests constituted a small part of the landscape, whilst there were no pine forests in the close vicinity. During the middle Neolithic, people in the settlement of Mergen 7 preferred to settle in a birch wood, having cleared out a small area to build the dwelling. The results of the microbiomorph analysis show that, despite the lack of pine forests nearby the settlements, people still used pine timber in housebuilding, apparently, intentionally. The frequent occurrence of remains of the wood detritus at the level of the floor of the dwellings and under pottery supports the initial archaeological observations about timber decking inside the houses. However, pollen and phytolithic studies do not demonstrate a wide use of the wetland waterside vegetation in housebuilding, apparently, because the lake at the time was not overgrown on the banks by reed and cattail. Therefore, despite the close location of the two sites and their similar hunting-fishing specialization of the subsistences, their populations in different chronological periods preferred distinct local conditions.

Keywords: pollen, phytoliths, Neolithic, Eneolithic, settlements, local environment, Western Siberia.

Funding. The research was carried out on the basis of the state assignment, the project No. 121041600045-8.

* Corresponding author.

REFERENCES

- Enshin, D.N. (2015). A pottery complex from the settlement of Mergen' 7 (Low Ishim basin): Description and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 29(2), 15–27. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a29/15-27.pdf
- Enshin, D.N. (2020). The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Philology*, 19(7), 203–215. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>
- Enshin, D.N., Belonogov, D.A. (2010). On methods of studying dwellings of the neolithic age on the territory of West Siberia (illustrated by reconstruction of dwelling 5, settlement Mergen' 6). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 12(1), 39–48. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a12/39-48.pdf
- Enshin, D.N., Skochina, S.N. (2014). Adaptation resources of the Neolithic population from the Mergen' lake: (Housebuilding aspect). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 25(2), 4–14. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a25/4-14.pdf
- Enshin, D.N., Skochina, S.N. (2018). Economic activity of the early neolithic population having resided around lake Mergen as a strategy of adaptation to the environment (based on the materials of the Mergen 6 settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 42(3), 5–18. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-005-018>
- Golyeva, A. 2007. Various phytolith forms as bearers of different kinds of ecological information. In: Madella, M., Zurro, D. (Eds.). *Plants, People and Places: Recent Studies in Phytolith Analysis*. Oxbow Books, UK, 197–203.
- Golyeva, A.A. (2001). *Phytoliths and their informational role in the study of natural and archaeological objects*. Moscow; Syktyvkar; Elista. (Rus.).
- Golyeva, A.A. (2008). *Microbiomorphic complexes of natural and anthropogenic landscapes*. Moscow: LKI. (Rus.).
- Grimm, E.C. (1987). CONISS: A FORTRAN 77 program for stratigraphically constrained cluster analysis by the method of incremental sum of squares. *Computers and Geosciences*, 13(1), 13–35.
- International Committee for Phytolith Taxonomy (ICPT), (2019). International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0. *Annals of Botany*, 124(2), 189–199. <https://doi.org/10.1093/aob/mcz064>
- Ivanov, S.N., Ryabogina, N.E. (2003). Materials of palynological research of the Stanichny Ryam peatland. *Problems of interaction between man and the natural environment*, 4, 62–68. (Rus.).
- Piezonka, H., Kosinskaya, L., Dubovtseva, E., Chemyakin, Y., Enshin, D., Hartz, S., Kovaleva, V., Panina, S., Savchenko, S., Skochina, S., Terberger, T., Zakh, V., Zhilin, M., Zykov, A. (2020). The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, 116, 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105100>
- Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N. (2009). Archaeopalynological investigations in the low Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 174–186. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a11/174-186.pdf
- Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N., Yakimov, A.S. (2011). Reconstruction of paleoecological conditions and habitat at the multilayer settlement of Mergen 6 in Tyumen Priishimye. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda*, 2. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, 403–404. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22407050_10428140.pdf
- Ryabogina, N.E., Orlova, L.A. (2004). The late Holocene peat-bog of Gladilovsky Riam as indicator of changes in paleoecological condition of the Ishim plain. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 203–214. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a4/4-rya.pdf
- Ryabogina, N.E., Yakimov, A.S. (2010). Palynological and paleosol investigations at archaeological sites: Analysis of possibilities, and working methods. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 13(2), 186–200. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a13/186-200.pdf
- Speranskaya, N.Yu., Solomonova, M.Yu., Silantyeva, M.M., Galtsova, T.V. (2013). *Fundamentals of phytolith analysis: The manual*. Barnaul: Altay University. (Rus.).
- Zakh, V.A., Zimina, O.Yu., Ryabogina, N.E., Skochina, S.N., Usacheva, I.V. (2008). *Landscapes and Cultural Interactions in the Tobol-Ishim basin during the Holocene*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zakh, V.A., Volkov, E.N. (2019). The pottery complex of the Mergen 6 early metal settlement in the Ishim area. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 45(2), 5–20. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-45-2-005-020>
- Zaklinskaya, E.D., Panova, L.A. (Eds.) (1989). *Guidelines for the technique of processing sedimentary rocks during spore-pollen analysis*. Leningrad: VSEGEI. (Rus.).

Рябогина Н.Е., <https://orcid.org/0000-0003-1098-0121>

Южанина Э.Д., <https://orcid.org/0000-0002-7077-2618>

Иванов С.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8566-0080>

Гольева А.А., <https://orcid.org/0000-0002-1162-3321>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Дегтярева А.Д.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: adegyareva126@gmail.com

ОРУДИЙНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Приведены данные морфолого-типологической характеристики орудий труда петровской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья, происходящих из памятников Челябинской, Курганской и Тюменской областей. Хронологический диапазон существования памятников определен по ^{14}C в пределах XIX–XVIII вв. до н.э. В номенклатуре типов орудий петровской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья доминируют общевразийские типы, генетически связанные с очагами среднего бронзового века Циркумпонтийской металлургической провинции — позднеямно-полтавкинской, катакомбной культур и металлопроизводящими центрами культур шнуровой керамики — вольско-лбищенской, балановской. В появлении у петровского населения Зауралья некоторых типов орудий: кованых втульчатых орудий — долот, ножей, стрел, двулезвийных ножей с выделенной рукоятью, серпов со слабой степенью изогнутости — просматривается влияние абашевских стереотипов производства.

Ключевые слова: петровская культура, металлические изделия, типология орудий, Южное Зауралье, Среднее Притоболье.

Целью работы явилось обобщение данных морфолого-типологического исследования металлургического орудийного комплекса петровской культуры (далее — ПК) Южного Зауралья и Среднего Притоболья, происходящих из памятников Челябинской, Курганской и Тюменской областей, всего 77 экз. (с учетом ранее опубликованных ножей 126 экз.) [Дегтярева, Рындина, 2020]. В работе использованы материалы поселений Кулевчи 3, Устье 1, Убаган 2, Шибяево 1, Убаган 3, Камышное 2, Нижнеингальское 3, Каменный Амбар, Старокумляжское, могильников Степное 7, Кривое Озеро, Кулевчи 6, Большекараганский, Троицк 7, Убаган 1, Камышное 1, Озерное 1, Озерное 3, а также 2 случайные находки (Курганская обл.). Проблемы историко-культурной атрибуции перечисленных памятников с отнесением их к петровской (раннеалакульской) культуре, хронологии памятников достаточно подробно рассмотрены в работах Т.М. Потемкиной [1985], Н.Б. Виноградова [1982, 2011], С.Г. Боталова с соавт. [1996], Н.Б. Виноградова, А.В. Епимахова [2013], Е.В. Куприяновой, Д.Г. Зданович [2015], Л.Н. Коряковой с соавт. [2011], Р. Краузе с соавт. [2019]. Хронологический диапазон существования памятников определен по ^{14}C в пределах XIX–XVIII вв. до н.э. [Краузе и др., 2019]. Вопросы морфологии и типологии отдельных категорий орудий, таких как топоры, серпы, наконечники копий и некоторые другие, исследованы в обобщающих работах Е.Н. Черных [1970], Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых [1989], Н.А. Аванесовой [1991], В.А. Дергачева, В.С. Бочкарева [2002]. Вместе с тем за последнее 20-летие произошло значительное накопление источниковой базы по металлу эпохи бронзы Евразии, что, безусловно, сказалось на актуальности тематики в плане пересмотра некоторых парадигм культурно-ареального распределения типов.

Методы исследования

При распределении орудий по типам мы опирались на приемы типологического членения инвентаря с учетом конфигурации изделия, наличия тех или иных качественных признаков, а также рассмотрения географических и культурных ареалов аналогичных изделий. При этом мы учитывали и отчасти использовали схемы конечных типологических разрядов (КТР), обоснованные Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых [1989], Н.А. Аванесовой [1991], В.А. Дергачевым, В.С. Бочкаревым В.С. [2002].

Материал

В исследованной выборке численно преобладают орудия, обнаруженные на поселениях (65,1 %), одна треть найдена в погребениях могильников (33,3 %), случайные находки составляют 1,6 % выборки. Наибольшее количество орудий из цветного металла обнаружено в процессе исследования крупных специализированных металлопроизводящих центров Кулевчи 3 и Устье 1 (43 % от известных

изделий [Виноградов, 1982, 2011; Виноградов и др., 2013]). Перечень металлических изделий приведен в таблице с указанием места хранения и публикации материалов (табл., рис. 1).

Рис. 1. Карта памятников петровской культуры Южного Зауралья с металлическими орудиями труда:
Могильники: 1 — Степное 7; 2 — Кривое Озеро; 3 — Троицк 7; 4 — Кулевчи 6; 5 — Большекараганский; 6 — Верхняя Алабуга; 7 — Озерное 1; 18 — Озерное 3; **поселения:** 8 — Устье 1; 9 — Старокумлякское; 10 — Кулевчи 3; 11 — Шибаво 1; 12 — Нижнеингалское 3; 13 — Высокая Грива; 14 — Камышное 1, Камышное 2; 15 — Убаган 1–3; 27 — Каменный Амбар (Ольгино); **случайные находки:** 16, 17 — Курганская область; **рудники:** 19 — Кыштымская группа; 20 — Таш-Казган, Никольское; 21 — Кичигинское; 22 — Новониколаевский; 23 — Новотемирский, Стародубцева Яма; 24 — Камышлы-Узяк; 25 — Бакр-Узяк; 26 — Воровская яма (19–26 — по: [Черных, 1970; Зайков и др., 2005; Зайков и др. 2013]).

Fig. 1. Map of the sites of the Petrovka culture of the South Trans-Urals with metal knives:
Burial grounds: 1 — Stepnoe 7; 2 — Krivoe Ozero; 3 — Troitsk 7; 4 — Kulevchi 6; 5 — Bolshaya Karaganka; 6 — Verkhnyaya Alabuga; 7 — Ozernoe 1; 18 — Ozernoe 3; **Settlements:** 8 — Ust'e 1; 9 — Stary Kumlyak; 10 — Kulevchi 3; 11 — Shibaevo 1; 12 — Nizhnyaya Ingala 3; 13 — Vysokaya Griva; 14 — Kamyshnoe 2; 15 — Ubagan 1–3; 27 — Kamenniy Ambar (Olgin); **accidental finds:** 16, 17 — Kurgan region; **mines:** 19 — Kyshtym group; 20 — Tash-Kazgan, Nikolskoe; 21 — Kichiginskoe; 22 — Novonikolaevskiy; 23 — Novotemirskiy, Starodubtseva Yama; 24 — Kamyshly-Uzyak; 25 — Bakr-Uzyak; 26 — Vorovskaya Yama (19–26 — to: [Chernykh, 1970; Zaykov et al., 2005; Zaykov et al., 2013]).

Вислобушные топоры обнаружены в материалах памятников Южного Зауралья в количестве 4 экз. (пос. Кулевчи 3; мог. Степное 7, 3 экз.; погр. комплексы 4, яма 17; 7, яма 78; рис. 1, 1–4) (табл.). Три орудия относятся к типу орудий **массивновислобушных, с Г-образным абрисом в плане, клиновидной в сечении рабочей частью, со слабо скошенной или почти прямой верхней гранью обуха и овальной втулкой**. Основным критерием разграничения узковислобушных и массивнообушных топоров по Е.Н. Черных определена величина угла между плоскостью верхнего среза втулки и линией от угла лезвия до верхнего внутреннего края втулки [1970, с. 58]. Для массивнообушных — угол составляет 155–170°, у петровских топоров — 160–176°, длина в пределах 18,3–20 см, ширина и высота обуха 6,5×6 см, ширина лезвия 3,8–4,4 см (рис. 2, 1–3). Аналогичные орудия обнаружены в казахстанских петровских (Бозенген, Бестамак), абашевском (Кондрашкинский), сейминско-турбинских (Сейминский, Соколовский, Мурзахинский I) могильниках [Черных, Кузьминых, 1989, с. 128, рис. 70, 4–8; Прягин и др., 1989, рис. 4, 2; Ткачев, 2002, рис. 94, 12; Логвин, Шевнина, 2008, рис. 2, 3].

Одно орудие, найденное в погр. 17 петровской культуры могильника Степное 7 в комплексе с топором первого типа, представлено изделием, характерным для синташтинских памятников, с **Г-образным абрисом в плане, клиновидным в профиле, с узким обухом, овальной втулкой с клевцевидным выступом-бойком на задней стороне обуха, квадратным в**

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

сечени (рис. 2, 4). Топорик относительно миниатюрный в сравнении с тремя топорами первого типа: длина 16,5 см до выступа, с бойком 21 см, лезвие секирообразное, шириной 5 см. Аналогичные орудия обнаружены только в синташтинских погребальных комплексах (Синташтинский большой (погр. 3, 39), Березовский, Малиновский 2) [Дегтярева, 2010, с. 90]. Они могли использоваться не только как инструменты, но и как боевое ударное оружие.

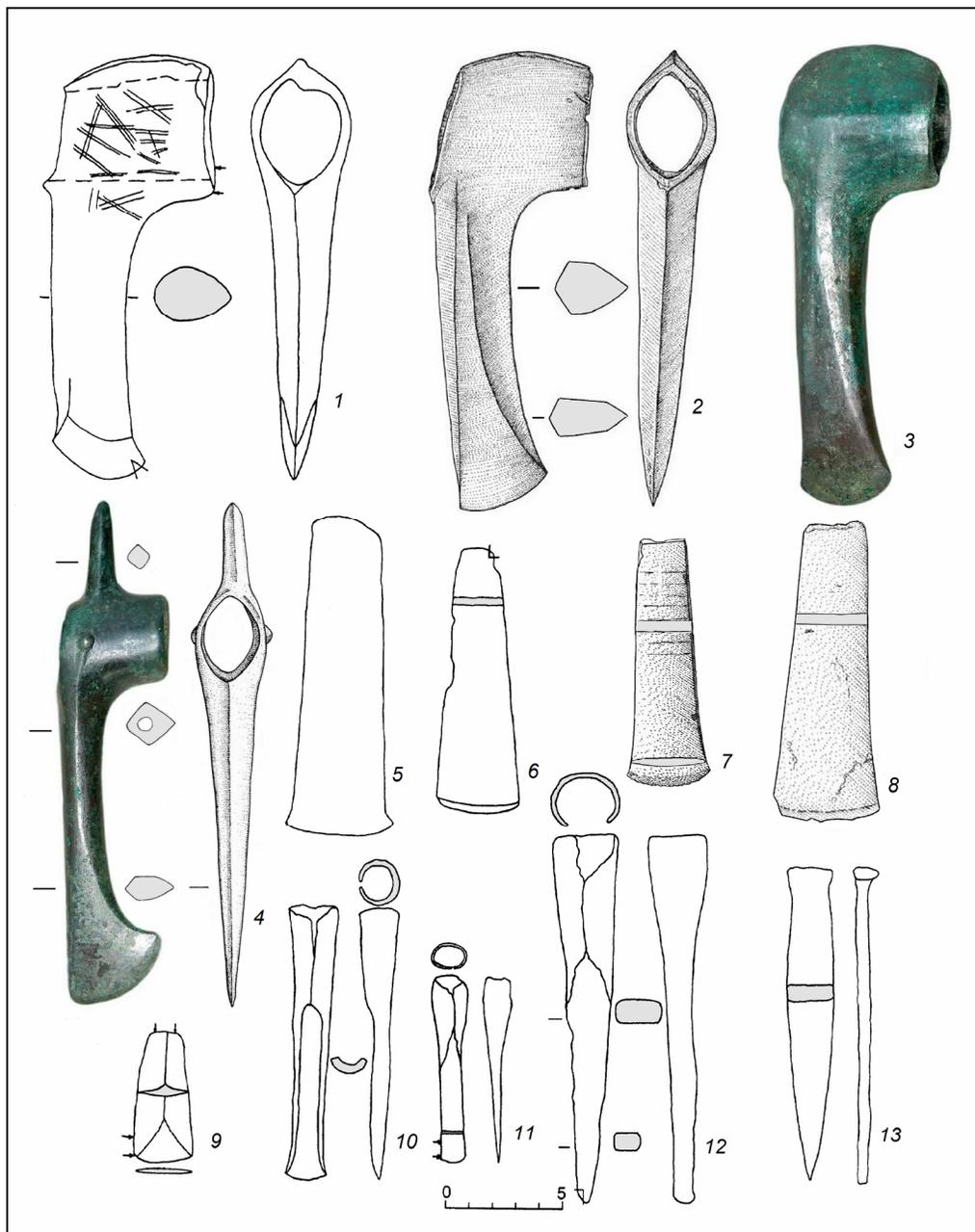

Рис. 2. Вислобушные топоры (1–4), тесла (5–9), втульчатые долота (10–12), пробойник (13) петровской культуры Южного Зауралья:

1, 9, 11 — пос. Кулевчи 3 (ан. 345, 439, 358, 362); 2–4, 7, 8 — мог. Степное 7; 5 — мог. Верхняя Алабуга; 6 — мог. Кривое Озеро (ан. 439); 10 — пос. Высокая Грива; 12 — пос. Устье (ан. 571); 13 — пос. Шибаво 1 (2–4, 7, 8, 13 — по: [Куприянова, Зданович, 2015; Нелин, 2004]).

Fig. 2. Axes (1–4), adzes (5–9), socket chisels (10–12), punchon (13) of the Petrovka culture of the South Trans-Urals:

1, 9, 11 — Kulevchi 3 settlement (an. 345, 439, 358, 362); 2–4, 7, 8 — Stepnoe 7 burial ground; 5 — Verkhnyaya Alabuga burial ground; 6 — Krivoje Ozero burial ground (an. 439); 10 — Vysokaya Griva settlement; 12 — Ust'ye 1 settlement (an. 571); 13 — Shibaev 1 settlement (2–4, 7, 8, 13 — to: [Kupriyanova, Zdanovich, 2015; Nelin, 2004]).

Орудия труда петровской культуры Южного Зауралья *
Tools of the Petrovka culture of the South Trans-Urals

№	Наименование	Памятник	Рис.	№ спектр., АЭСА, РФА	№ структур. ан.	Хранение	Публикации
Топоры вислобушные							
1	Топор	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 1	29421	345	ЮУргГПУ, 6336/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 1.
2	Топор	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	2, 2	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим»	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 136, 1
3	Топор	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	2, 3	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим»	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 44, 2
4	Топор с бойком	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	2, 4	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим»	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 44, .
Тесла							
5	Тесло	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	2, 5	27872	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 82, 19
6	Тесло	Мог. Кривое Озеро, Челябинская обл.	2, 6	284	439	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 2003, рис. 15, 4
7	Тесло	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	2, 7	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим»	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 1
8	Тесло	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	2, 8	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим»	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 136, 2
9	Тесло	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 9	29390	358	ЮУргГПУ, 1223/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 7
Долота втульчатые							
10	Долото	Пос. Высокая Грива, Курганская обл.	2, 10	323 Е.Н.	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 48, 4
11	Долото	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 11	32144	362	ЮУргГПУ, 9718/395к	Виноградов, 1982, с. 99
12	Долото	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	2, 12	206	571	ЮУргГПУ, 161У/7850	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 1
Пробойник							
13	Пробойник	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	2, 13	49030	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 8, 13
Долота черенковые							
14	Долото	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 1	29380	359	ЮУргГПУ, 8779/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 6
15	Долото	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 2	035	489	ЮУргГПУ, 161У/10031	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 2
16	Долото	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 3	32145	360	ЮУргГПУ, 9754/395к	Виноградов, 1982, с. 99
17	Долото	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 4	29398	385	ЮУргГПУ, 8166/395к	Виноградов, 1982, с. 99
18	Долото	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	3, 5	402	948	КурОКМ, 17775/373	Потемкина, 1985, с. 126
19	Долото	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	3, 6	369	944	КурОКМ, 17775/372	Потемкина, 1985, с. 126
20	Долото	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	3, 7	370	964	КурОКМ, 17775/379	Потемкина, 1985, с. 126
21	Долото	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	3, 8	301	947	КурОКМ, 17775/388	Потемкина, 1985, с. 126
Серпы с коэффициентом изгиба лезвия 0,06–0,08							
22	Серп	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 9	29419	350	ЮУргГПУ, 8325/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 10
23	Серп	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 10	013	457	ЮУргГПУ, 161У/8299	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 5
24	Серп	Пос. Камышное 2, Курганская обл.	3, 11	17904	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 33, 1
25	Серп	Пос. Нижнеингальское 3, Тюменская обл.	3, 12	49759	1139	ТюмГУ	Матвеева и др., 2003, рис. 16, 8
26	Серп	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 13	29424	352	ЮУргГПУ, 1227/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 11
27	Серп	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	3, 14	49014	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 7, 24
28	Серп	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 15	029	482	ЮУргГПУ, 161У/9850	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 6
Серпы с коэффициентом изгиба лезвия 0,15–0,2							
29	Серп	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 16	010	454	ЮУргГПУ, 161У/6244	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 3
30	Серп	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	3, 17	49016	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 7, 5
31	Серп	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	3, 18	49010	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 7, 7
32	Серп	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	3, 19	49008	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 7, 6
33	Серп	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	3, 20	49020	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 7, 8
34	Серп	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 21	29384	351	ЮУргГПУ, 3059/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 9
35	Серп	Пос. Каменный Амбар, Челябинская обл.	—	—	—	Институт истории и археологии УрО РАН	Корякова и др., 2011, с. 68, рис. 8, 11
Крюки втульчатые							
36	Крюк	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 1	031	484	ЮУргГПУ, 161У/10310	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 21
37	Крюк	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 2	001	413	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
38	Крюк	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	—	—	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 8, 12
Крючки							
39	Крючок	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	4, 3	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим»	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 16, 18
40	Крючок	Пос. Убаган 3, Курганская обл.	4, 4	501	1056	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, с. 124
41	Крючок	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	4, 5	27901	946	Курганский ОКМ, 17775/384	Потемкина, 1985, рис. 47, 11
42	Крючок	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 6	29378	378	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
Шилья с упором-утолщением							
43	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 7	023	466	ЮУргГПУ, 161У/10310	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 22
44	Шило	Мог. Убаган 1, Курганская обл.	4, 8	299	942	Курганский ОКМ, 17775/389	Потемкина, 1985, с. 202
Шилья без упора, обоюдоострые							
45	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 9	236	602	ЮУргГПУ, 161У/6367	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 29
46	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 10	225	591	ЮУргГПУ, 161У/10062	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 24
47	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 11	38525	581	ЮУргГПУ, 161У/1928	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 26
48	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 12	38534	488	ЮУргГПУ, 161У/5608	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 27
49	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 13	38523	593	ЮУргГПУ, 161У/3554	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 25
50	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 14	—	—	ЮУргГПУ, 161У/9003	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 28
51	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 15	29386	388	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
52	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 16	29382	397	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
53	Шило	Мог. Озерное 3, Курганская обл.	4, 17	49875	1197	Курганский госун-т	Новиков и др., 2014, рис. 6, 3
54	Шило	Мог. Кривое Озеро, Челябинская обл.	4, 18	285	440	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 2003, рис. 18, 4
55	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 19	29395	391	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
Шилья без упора, односторонние							
56	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 19	29381	398	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
57	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 20	29393	393	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
58	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 21	29389	394	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
59	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 22	29387	403	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
60	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 23	223	589	ЮУргГПУ, 161У/10859	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 31
61	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 24	38527	603	ЮУргГПУ, 161У/4	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 33
62	Шило	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	4, 25	29391	406	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1982, с. 99
63	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 26	242	608	ЮУргГПУ, 161У/5158	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 34
64	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 27	238	604	ЮУргГПУ, 161У/7368	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 35
65	Шило	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	4, 28	403	955	Курганский ОКМ, 24843/1581	Потемкина, 1985, с. 126
66	Шило	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	4, 29	27874	897	Курганский ОКМ, 17774/365	Потемкина, 1985, рис. 82, 12

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

Окончание табл.

№	Наименование	Памятник	Рис.	№ спектр., АЭСА, РФА	№ структур. ан.	Хранение	Публикации
67	Шило	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	4, 30	—	—	Челябинский гос. ун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 4
68	Шило	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	4, 31	396	897	Курганский ОКМ, 17774/342	Потемкина, 1985, с. 194
69	Шило	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	—	27873	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 82, 11
70	Шило	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	4, 32	224	590	ЮУрГПУ, 161У/784	Виноградов и др., 2013, рис. 4, 2
71	Шило	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	4, 38	49774	1065	Курганский ОКМ, 24843/1578	Потемкина, 1985, с. 126
Иглы							
72	Игла с ушком	Пос. Убаган 3, Курганская обл.	4, 33	398	929	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, с. 124.
73	Игла с ушком	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	4, 34	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 33, 5
74	Игла с ушком	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	4, 35	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 5
75	Игла с ушком	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	4, 36	—	—	Фонды Заповедника «Аркаим	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 6
Предметы вооружения							
76	Наконечник копья	Мог. Кривое Озеро, Челябинская обл.	4, 39	38502	451	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 2003, рис. 26, 1
77	Наконечник стрелы	Мог. Убаган 1, Курганская обл.	4, 40	306	960	Курганский ОКМ, 17775/137	Потемкина, 1985, с. 202

*Спектральный анализ с 5-значными номерами произведен в ИА РАН; АЭСА (атомно-эмиссионный спектрометрический анализ) с 3-значными номерами — в ИНХ СО РАН; РФА (рентгенофлуоресцентный анализ) с 5-значными номерами начиная с 49000 — в ИА РАН; структурный анализ произведен в ТюмНЦ СО РАН.

Тесла петровской культуры Зауралья относятся к типу **орудий трапецевидной формы, с округлым или прямым обушком, расширяющимися к лезвию боковыми гранями** (5 экз.; рис. 2, 5–9). Изделия найдены в материалах могильников Верхняя Алабуга (погр. 6), Степное 7 (2 экз.; погр. комплекс 4, я. 17; погр. комплекс 7, я. 78), Кривое Озеро (кург. 2, погр. 14), пос. Кулевчи. Тесла имеют длину 10,2–12,3 см, ширину обуха 2–2,5 см, ширину лезвия 3,2–4,2 см. Параметры самого небольшого тесла (рис. 2, 9) — соответственно 6,3; 1,8; 2,8 см. Орудия типа и каменная створка литейной формы с негативом тесла известны в погребениях петровской культуры в зоне Тургайского прогиба на территории Казахстана (Бестамак, 5 экз., Токанай 1, Семиозерное 2) [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 5, 29; Калиева, Логвин, 2014, fig. 6, 31; Логвин, Шевнина, 2008, рис. 2, 2; Калиева, Логвин, 2009, рис. 11, 15; 13, 10; 16, 13; Логвин, Шевнина, 2011, рис. 3, 8].

Наибольшее количество аналогичных орудий происходит из погребальных комплексов синташтинской культуры (далее — СК) (23 экз.; мог. Синташтинский большой, Синташтинский 1, Синташтинский 2, Каменный Амбар 5, Большекараганский, Танаберген 2, Обилькин луг 3 [Дегаева, 2010, рис. 37]. В прочих памятниках ранней фазы Евразийской металлургической провинции (далее — ЕАМП) подобные тесла обнаружены в единичных экземплярах в позднеабашевских, сейминско-турбинских (далее — С-Т), потаповских и покровских могильниках (Кондрашкинский, Никифоровское лесничество, Русско-Тангировский 1, Решное, Усть-Гайва, Юринский, Покровский (2 экз.), Потаповский, Утевка 6 (2 экз.), Натальино 2 [Там же, с. 92]. Особенно многочисленны тесла с расширяющимися боковыми гранями в материалах катакомбных культур. По данным Е.И. Гака, в памятниках южной степной зоны России обнаружено 39 экз. [2005, с. 14]. Известны они и в среднеазиатских памятниках периода Намазга V конца III тыс. до н.э. (Алтын-депе; одно орудие имеет цапфы) [Кирчо, 2001, рис. 1, 1, 10].

Пробойник-чекан имеет корпус, прямоугольный в сечении, длина 12,9 см, ширина 2 см при толщине 0,6 см, заостренное поперечное рабочее окончание (пос. Шибаетово 1; рис. 2, 13). Обушная часть расклепана в результате использования при ударном воздействии. Аналогичные орудия найдены на поселениях петровской (Икпень 2, Семиозерное 2), абашевской (Береговское 2) культур и в материалах синташтинского могильника Каменный Амбар 5 [Пряхин, 1976, рис. 29, 15; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 5, 17; Ткачев, 2002, рис. 26, 10; Епи-махов, 2005, рис. 85, 1]. Четыре подобных орудия (тип Чк-4, чеканы-пробойники малые по Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых) происходят из С-Т комплексов Волго-Камья (Турбино 1, Коршуново, Решное, Соколовка), три негатива литейных форм — из памятников Среднего Прииртышья [1989, с. 125, рис. 69, 5, 6, 8–11].

Долота распределены по двум группам — втульчатые и черешковые орудия. Три экземпляра относятся к типу **втульчатых долот с разомкнутой кованой втулкой с желобчатым, прямым или поперечным лезвием** (рис. 2, 9–12). Длина составляет 8–15 см, диаметр втулки 1,6–2,6 см, ширина лезвия 0,9–1,8 см. Обнаружены в слое поселений Кулевчи 3, Устье, Высокая Грива. Экземпляр из слоя пос. Устье 1 длиной 15 см вполне может трактоваться как кирка, используемая для горных работ. Подобные инструменты были обнаружены в составе Прыговского клада (Курганская обл., 3 экз.), два из них имеет двутавровое сечение в центральной части корпуса. По мнению исследователей, комплекс не имеет однозначной культурной

интерпретации в связи с отсутствием в его составе предметов-индикаторов, скорее может быть отнесен к кругу синташтинско-петровско-алакульских памятников [Корочкова и др., 2017]. Еще одно долото известно в составе комплекса с кельтом самуьско-кижировского типа на Андреевском озере [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 89]. Аналогичные орудия с желобчатым, реже — прямолезвийным рабочим окончанием найдены в материалах комплексов ПК Казахстана (пос. Петровка 2, 2 экз., Новоникольское 1, мог. Бестамак), в синташтинских (мог. Большекараганский, 2 экз., Танаберген 2, Халвай 3), абашевских (клады Куш-Тау, Верхнекизыльский, поселения Тюбьяк, мог. Левобережный Березовский), потаповских (Утевка 6) древностях, а также в составе металлокомплекса С-Т типа святилища Шайтанское озеро 2 ранней фазы ЕАМП [Дегтярева, 2010, с. 95; Корочкова и др., 2020, с. 77; рис. 31, 1, 2; Шевнина, Логвин, 2015, с. 90, рис. 39, 4].

Втульчатые долота появляются еще в РБВ в ямной КИО (мог. Мустаево V, Тамар-Уткуль VII), далее, в СБВ, они известны в погребальных комплексах полтавкинской, катакомбной культуры (учтено более 25 экз.) [Черных, 1966, рис. 36, 475, 537; Chernykh, 1992, fig. 42, 19; 44, 34; 45, 21, 28; 46, 3; Ткачев, Гуцалов, 2000, рис. 3, 8; Кияшко, 2002, табл. XXXVI, 15; Моргунова, 2014, рис. 31, 3; 48, 5; Гак, 2005, с. 14]. Производство кованых долот с прямой и желобчатой рабочей частью продолжалось на последующих этапах ЕАМП во второй четверти II тыс. до н.э., особенно много их в срубных древностях (Новопавловский могильник, поселения Мосоловское, Отрожское, Максимовское, Шелехметь, клады Ибракаевский, Ильдеряковский, Москательникова) [Виноградов и др., 2013, с. 6]. На ряде поселений срубной общности (Усово озеро, Капитаново 2, Мосоловка, Липовый Овраг, Усть-Курдюм, Горный 2) найдены многочисленные глиняные литейные формы для отливки трапецевидных или прямоугольных заготовок долот этого типа [Там же, с. 6–7].

Узкие стержневидные долота с черенковым насадом имеют незначительно расширенное продольное прямое или желобчатое лезвие, заостренное противоположное окончание, сечение — квадратное, прямоугольное или округлое (8 экз.; рис. 3, 1–8). Длина орудий 3–13,2 см, ширина лезвия 0,9–1,8 см, толщина 0,5–0,7 см. Долота обнаружены в слое поселений Кулевчи 3 (3 экз.), Убаган 2 (4 экз.), Устье 1. Подобные орудия найдены в комплексах ПК Центрального Казахстана — пос. Икпень 2 (2 экз.), мог. Бозенген, Бестамак [Ткачев, 2002, рис. 26, 4–5; 94, 10; Калиева, Логвин, 2009, рис. 9, 1]. Стержневидные долота с черенковым насадом являлись ремисценцией стереотипов ЦМП и в целом распространены в большинстве культур ЕАМП, но на ранней стадии провинции сосредоточены преимущественно на Южном Урале (более 2/3 находок). Они характерны для абашевского, синташтинского, С-Т производства ранней фазы ЕАМП (поселения Береговское 1 (2 экз.), Синташта, Аркаим (2 экз.), могильники Каменный Амбар 5 (2 экз.), Репьевка, Ростовка, Сейма, Юринский [Виноградов и др., 2013, с. 8].

Распределение серпов по типам проведено с использованием признаков, выделенных Н.А. Аванесовой, в числе которых величина и характер изгиба лезвия, длина основания [Аванесова, 1991, с. 18–19]. Величина изгиба лезвия определена исследователем как отношение высоты дуги к длине основания рабочей части. Фиксация вершины дуги лезвия на отрезке режущей части — посередине или со смещением в сторону завершения рабочей части — позволяет выделить симметричные и асимметричные экземпляры. Всего учтено 13 экз. серпов, которые с учетом указанных признаков разделены на два типа: 1) **без выделенного черенка, со слабоизогнутыми симметричными спинкой и лезвием** и 2) **со среднеизогнутыми симметричными или асимметричными спинкой и лезвием**.

Орудия 1 типа имеют **слабоизогнутое, почти прямое, симметричное узкое лезвие и спинку с закругленным окончанием рабочей части, черенок обычно не выделен**. Величина изгиба лезвия составляет 1/12–1/16 длины основания, высота дуги 0,5–0,9 см. Сечение клиновидное, с округлым скосом спинки с одной стороны, другая сторона плоская. Подобный профиль изделий характерен для отлитых в односторонних литейных формах с плоской крышкой. Лезвийная кромка прокована с одной стороны. Длина 15–21 см, ширина лезвия 2,5–3,2 см. К этой группе отнесено 7 экз., обнаруженных в инвентаре поселений Кулевчи 3 (2 экз.), Устье 1 (2 экз.), Камышное 2, Нижнеингальское 3, Шибаво 1 (рис. 3, 9–15). Режущая кромка одного орудия ближе к носу имеет зубчики в виде пилки (рис. 3, 10). Серпы 1 типа соотносены с группой А — жатвенными ножами по Н.А. Аванесовой и группой Береговка по В.А. Дергачеву, В.С. Бочкареву [Аванесова, 1991, с. 19; Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 31–34]. Аналогичные орудия обнаружены также в материалах поселений ПК Казахстана Новоникольское 1 (2 экз.), Петровка 2 (2 экз.), Икпень 2 [Аванесова, 1991, рис. 19, 25, 27–29; Ткачев, 2002, рис. рис. 26, 3]. Большая часть серпов этого типа найдены в абашевских памятниках Южного Урала и Подонья (21 экз.; могильники Староябалаклинский, Метев-

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

Тамак, поселения Малокизыльское, Баланбаш, Барковское, Мельгуново 3, Береговское 1 (4 экз.), Тюбяк (3 экз.), Ивановское (2 экз.), Верхнекизыльский (5 экз.) и Красноярский клады [Bortvin, 1928, fig. 2, 1, 2, 4–6; Сальников, 1967, рис. 4, 2, 3, 5; 6, 1, 2, 4–6; Черных, 1970, рис. 55, 3–8; Пряхин, 1976, рис. 26, 1–4; 6–14; Моргунова, Порохова, 1989, рис. 5, 1, 2; Горбунов, 1992, рис. 25, 54; Екимов, 2001, рис. 1, 13; Обыденнов и др., 2001, рис. 75, 1–3]. Шесть экземпляров известно в материалах поселений Аркаим (2 экз.), Синташта, могильников Синташтинский 1, Каменный Амбар 5 (2 экз.) СК, два орудия — в С-Т могильниках Турбино 1 и Заосиново 4 [Дегтярева, 2010, рис. 41, 12–17; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 61, 12, 14].

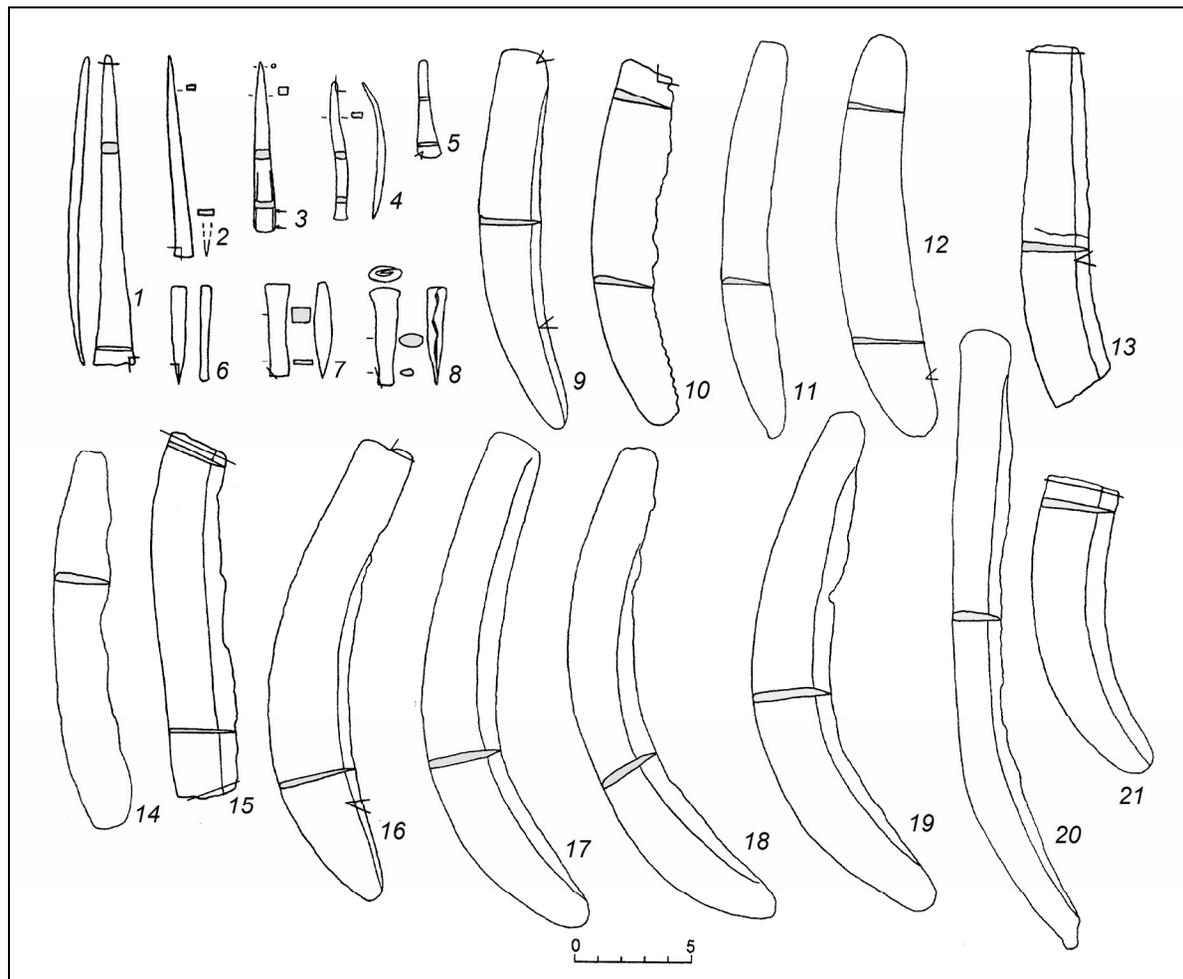

Рис. 3. Долота стержневидные (1–8), серпы (9–21) петровской культуры Южного Зауралья: 1, 3, 4, 9, 13, 21 — пос. Кулевчи 3 (ан. 359, 360, 385, 350, 352, 351); 2, 10, 15, 16 — пос. Устье 1 (ан. 489, 457, 482, 454); 5–8 — пос. Убаган 2 (ан. 948, 944, 964, 947); 11 — пос. Камышное 2; 12 — пос. Нижнеингальское 3 (ан. 1139); 14, 17–20 — пос. Шибаво 1.

Fig. 3. Rod-shaped chisels (1–8), sickles (9–21) of the Petrovka culture of the South Trans-Urals: 1, 3, 4, 9, 13, 21 — Kulevchi 3 settlement (an. 359, 360, 385, 350, 352, 351); 2, 10, 15, 16 — Ust'ye 1 settlement (an. 489, 457, 482, 454); 5–8 — Ubagan 2 settlement (an. 948, 944, 964, 947); 11 — Kamyshnoe 2; 12 — Nizhnyaya Ingala 3 settlement (an. 1139); 14, 17–20 — Shibaev 1 settlement.

Серпы второго типа имеют **среднеизогнутые спинку и лезвие, в основном симметричной формы, прямоугольный черенок, закругленный нос, клиновидное сечение**. Величина изгиба лезвия составляет $1/6$ – $1/8$ длины основания, высота дуги — 1,8–2,8 см. Лезвийная часть прокована с одной стороны. Орудия второго типа длиннее и более массивны, нежели изделия первого, — длина 18–26 см, ширина лезвия 3–3,5 см. В группе 7 экз., которые обнаружены в поселениях Устье (2 экз.), Каменный Амбар (Ольгино), Шибаво 1 (4 экз.) (рис. 3, 16–21). Тип орудий с изогнутыми симметричными или асимметричными спинкой и лезвием соответствует группам Б_{1а}, Б_{1в} (симметричные и асимметричные ножевидные серпы), выделенным Н.А. Ава-

несовой, группе Петровка по В.А. Дергачеву, В.С. Бочкареву [Аванесова, 1991, с. 19–20; Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36–41]. Второй тип серпов шире представлен в материалах памятников ПК Казахстана (поселения Конезавод 3 (2 экз.), Петровка 2 (2 экз.), Новоникольское 1, Боголюбово 1, могильники Бестамак (3 экз.), Бектениз, Кызылтау) [Аванесова, 1991, рис. 18, 10, 11; 19, 26, 30, 31, 33, 34; Логвин, Шевнина, 2008, с. 192; Калиева, Логвин, 2009, рис. 9, 10; Кукушкин и др., 2019, рис. 3, 37]. Аналогичные серпы встречены в материалах абашевской (Верхнекизильский клад, пос. Баланбаш), синташтинской культур (пос. Устье, у горы Березовой, Аркаим — створка литейной формы с 2 негативами), могильника Утевка 6 потаповского типа [Bortvin, 1928, fig. 2, 3; Сальников, 1967, рис. 4, 4; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 13, 8; Дегтярева, 2010, рис. 41, 10, 18; Виноградов и др., 2013, рис. 2, 4].

Основной ареал выделенных типов серпов совпадает с Южным Уралом (свыше 57 % изделий), откуда орудия этих типов распространялись в Тоболо-Ишимье, Казахстан и далее в Среднюю Азию. Находки орудий типов связаны прежде всего с абашевской (46,9 % изделий), затем петровской (34,7 %) и синташтинской (18,4 %) культурами.

Орудия сходной формы обнаружены и в памятниках алакульской культуры (поселения Стариковское, Высокая Грива, Варакосово, Ушкаты 1, Черняки 3, Ук 3, Семиозерное, Гладунинский клад), однако алакульские серпы выглядят более массивными, с широкой асимметричной лезвийной частью, утолщенной спинкой, со смещенным к лезвийному окончанию вершиной дуги лезвия [Аванесова, 1991, 18, 1–3, 5, 6, 14, 20; Корочкова, Федорова, 2019, рис. 2, 11, 12].

Впервые серпы появились в очагах металлообработки ЦМП в Закавказье и на Северном Кавказе, откуда они могли проникнуть на юг Восточной Европы [Chernykh, 1992, fig. 19, 3, 4; 42, 11, 12]. Однако связь их с ранними сериями волго-уральских серпов начала ЕАМП остается проблематичной. Подобные серпы, но с загнутыми вверх крючками обнаружены на Царевом кургане близ Самары — памятнике, не имеющем однозначной культурной идентификации [Черных, Корневский, 1976, рис. 2, 6–8]. И.Б. Васильев отнес царевские материалы, включающие наряду с металлическими изделиями своеобразную керамику, к числу памятников вольско-лбищенского типа, связанных как с западными «шнуровыми» культурами, так и с полтавтинской Заволжья, синхронных ранней абашевской, фатьяновско-балановской, воронежской и катакомбной культурам [Васильев, 1999, с. 68–78].

Наиболее массовыми и характерными в погребальных и поселенческих комплексах петровской культуры Южного Зауралья являются ножи, доля которых составляет свыше 40 % от общего числа орудий (49 экз.). Ножи представлены тремя группами: с выделенной рукоятью (I), втульчатыми (II) и черенковыми (III) орудиями. Всего учтено ножей ПК 100 экз., включая орудия из памятников Приуралья и Казахстана. Распределение ножей по типам, культурам и памятникам ЕАМП достаточно подробно охарактеризовано ранее [Дегтярева, Рындина, 2020, с. 17–28].

Крюки имеют **кованую несомкнутую втулку, края которой подведены встык, заостренное изогнутое окончание, прямоугольное в сечении**. Сбоку на втулке одного орудия пробито сквозное отверстие, длина изделий 7,3–8,8 см, диаметр втулки 1–1,7 см, толщина прутка в нижней части 0,5×0,7 см. Обнаружены в поселениях Устье 1, Кулевчи 3, Шибаетово 1 (рис. 4, 1, 2). Аналогичные экземпляры известны в материалах ПК (мог. Ащису, Бестамак), СК (мог. Большекараганский, гора Березовая), абашевской (пос. Тюбяк) культур Казахстана и Урала [Горбунов, 1992, рис. 19, 38; Зданович, 2002, рис. 21, 7; Ткачев, 2007, рис. 67, 6; Кукушкин, 2011, рис. 2; Логвин, Шевнина, 2011, рис. 3, 13]. Этот тип орудий является наследием очагов ЦПМ, в которых они представлены достаточно широко, особенно часто встречаются в катакомбных погребениях (37 экз.) [Chernykh, 1992, fig. 36, 7; 39, 9; 42, 7; 44, 35, 36; 45, 29; Корневский, 1983, рис. 1, 16, 18–20; Гак, 2005, с. 15].

Рыболовные крючки изготовлены из прутков, имеющих прямоугольное или округлое сечение, заостренное рабочее окончание, со свернутым в петельку противоположным концом, в редких случаях имеют жальце (рис. 4, 3–6; мог. Степное 7, пос. Убаган 2, 3, Кулевчи 3). Общая длина изделий 2,2–5,8 см.

Наиболее многочисленная категория орудий представлена **шильями** (29 экз.), распределенными по группам **с упором-утолщением** и **без упора**. Шилья с упором имеют квадратное или прямоугольное сечение, длину 3,7–12,4 см; происходят из слоя пос. Устье 1 и мог. Убаган 1, длина 3,7–12,4 см (2 экз.; рис. 4, 7, 8).

Шилья без упора, в свою очередь, подразделены на типы: **двусторонние** (обоюдоострые; 11 экз.; рис. 4, 7–18, 37) и **односторонние** с затупленным, противоположным острию, окончанием (16 экз.; рис. 4, 19–32, 38). В большинстве случаев сечение орудий — прямоугольное или

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

квадратное, реже овальное, длина изделий 2,9–13,3 см. Шилья происходят преимущественно из поселений (21 экз.; Устье 1, Кулевчи 3, Убаган 2), в меньшей мере (6 экз.) — из погребений (могильники Озерное 3 (разрушенное погребение), Кривое Озеро (погр. 3 кург. 1), Верхняя Алабуга (погр. 6), Степное 7 (яма 17, комплекс 4)).

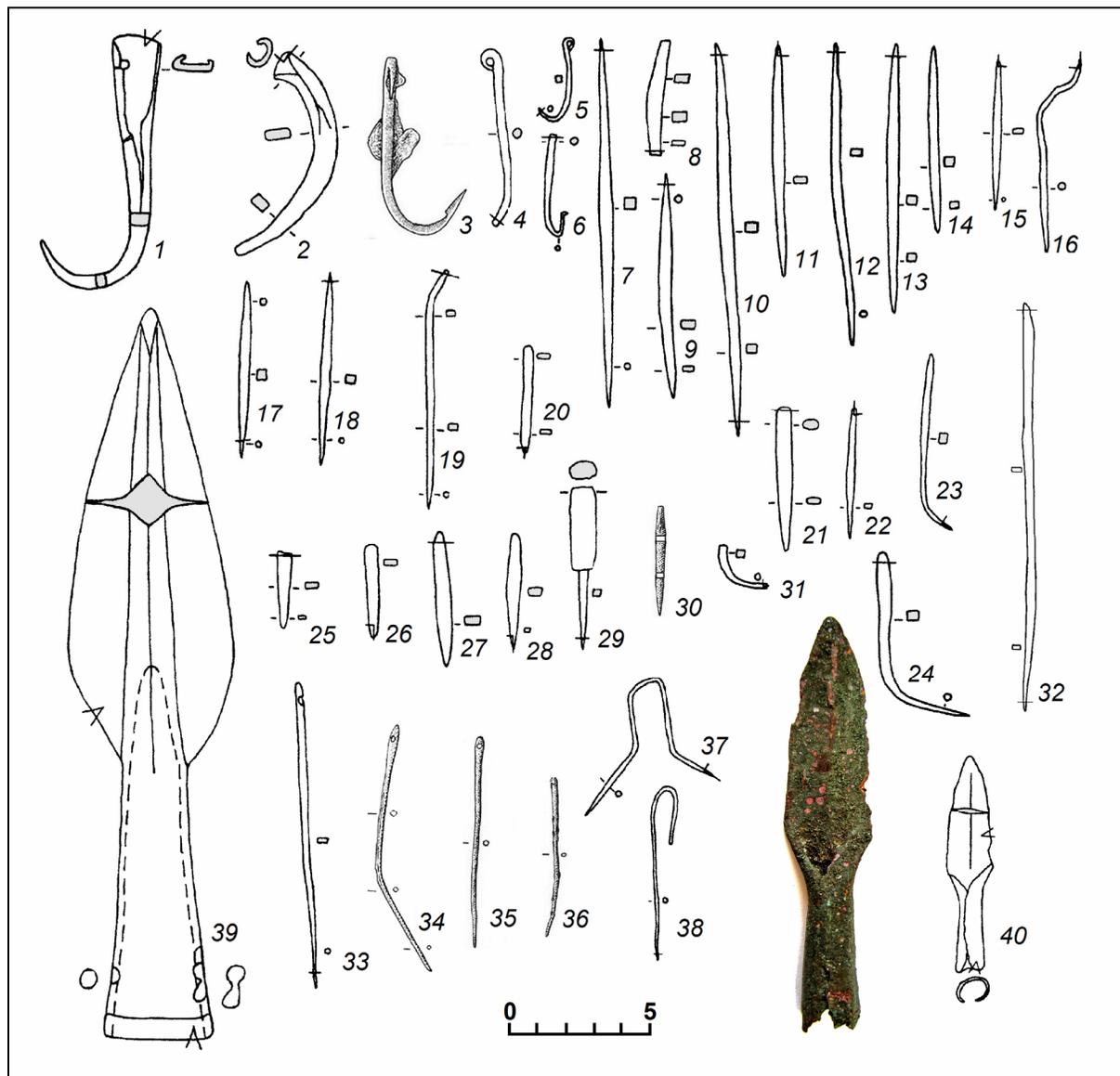

Рис. 4. Орудия труда и предметы вооружения петровской культуры Южного Зауралья:
 1, 2 — крючки (ан. 484, 413); 3–6 — крючки (ан. 1056, 946, 378); 7–18, 37 — шилья двусторонние (ан. 466, 942, 602, 591, 581, 488, 593, 388, 397, 1197, 440, 391); 19–32, 38 — шилья односторонние (ан. 398, 393, 394, 403, 589, 603, 406, 608, 604, 955, 897, 910, 590, 1065); 33–36 — иглы (ан. 929); 39 — наконечник копья (ан. 451); 40 — наконечник стрелы (ан. 960) (1, 7, 9–14, 23, 24, 26, 27, 32 — пос. Устье 1; 2, 6, 15, 16, 19–22, 25, 37 — пос. Кулевчи 3; 3, 30, 34–36 — мог. Степное 7; 4, 33 — пос. Убаган 3; 5, 28, 38 — пос. Убаган 2; 8, 40 — мог. Убаган 1; 17 — мог. Озерное 3; 18, 39 — мог. Кривое Озеро; 29, 31 — мог. Верхняя Алабуга.

Fig. 4. Tools and weapons of the Petrovka culture of the South Trans-Urals:
 1, 2 — hooks (an. 484, 413); 3–6 — fishing hooks (an. 1056, 946, 378); 7–18, 37 — double-sided awls (an. 466, 942, 602, 591, 581, 488, 593, 388, 397, 1197, 440, 391); 19–32, 38 — one-sided awls (an. 398, 393, 394, 403, 589, 603, 406, 608, 604, 955, 897, 910, 590, 1065); 33–36 — needles (an. 929); 39 — spearhead (an. 451); 40 — arrowhead (an. 960) (1, 7, 9–14, 23, 24, 26, 27, 32 — settlement Ustye 1; 2, 6, 15, 16, 19–22, 25, 37 — settlement Kulevchi 3; 3, 30, 34–36 — burial ground Stepnoye 7; 4, 33 — settlement Ubagan 3; 5, 28, 38 — settlement Ubagan 2; 8, 40 — burial ground Ubagan 1; 17 — burial ground Ozernoye 3; 18, 39 — burial ground Kryvoye Ozero; 29, 31 — burial ground Verkhnyaya Alabuga.

Иглы имеют овальное в срезе острие, квадратное, прямоугольное или овальное в центральной части изделия сечение, сквозное отверстие, сформованное ковкой. Группа представлена 4 экз., обнаруженными в слое пос. Убаган 3, мог. Степное 7 (яма 11, комплекс 3; яма 17, комплекс 4). Длина изделий 6,2–10,3 см (рис. 4, 33–36).

Предметы вооружения достаточно редки в памятниках ПК Южного Зауралья в отличие от нуринско-петровских древностей Центрального Казахстана с находками наконечников копий, литых и кованых стрел [Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Ткачев, 2002; Дегтярева и др., 2020]. Предметы вооружения представлены лишь 2 экз. — наконечниками копья и стрелы.

Наконечник копья с литой втулкой имеет листовидное перо с ромбическим сечением, без ушек, двумя боковыми — круглым и восьмеркообразным отверстиями, незначительно выраженным утолщением внизу втулки. Обнаружен в мог. Кривое Озеро (погр. 1 кург. 2; рис. 4, 39). Общая длина 25 см, длина пера 15,5 см, максимальная ширина 5,8 см, длина втулки 9,5 см, диаметр устья втулки 3,8 см, отношение длины пера к длине втулки 1,6:1.

Аналогичные изделия (тип КД-36 по Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых; выделен на основании находок из мог. Кривое Озеро, Бектениз, случайная находка на территории Украины) известны только в материалах погребений ПК Центрального и Северного Казахстана (Ащису, Алгабас, Талдинский 1, Бектениз) [Жауымбай и др., 2018, рис. 3, 1; Дегтярева и др., 2020, рис. 3, 1, 2]. Похожее копье, но уже с видоизменениями в виде бокового ушка (КД-28) или ушка и литого валика по венчику втулки (тип КД-30) обнаружены в С-Т, позднеабашевских, синташтинских, раннесрубных комплексах (Сейма, 3 экз., Решное, 2 экз., Юринский, Покровский, Карамыш, Селезни 2, Халвай 3) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 79–84; Пряхин и др., 1998, рис. 9, 1; Соловьев, 2005, рис. 6, 14; Шевнина, Логвин, 2015, рис. 79].

Наконечник стрелы (или дротика?) относится к типу **кованых, со свернутой сквозной втулкой, с подтреугольным пером, линзовидным в сечении** (рис. 4, 40). Изделие обнаружено в разрушенном погребении мог. Убаган 1. Общая длина 8,2 см, длина пера 5 см, ширина пера 1,8 см, длина втулки 3,2 см, диаметр устья втулки 1,2 см. Подобные наконечники стрел с подтреугольным или овальным пером со сквозной втулкой найдены на поселениях ПК Южного Зауралья и Казахстана (Мирный 4, Талдысай, 2 экз., Тасты-Бутах) [Аванесова, 1991, с. 40, рис. 47, 16, 27; Кузьминых, Ермолаева, 2020, с. 138, рис. 6, 1, 2]. Кованый наконечник копья с разомкнутой сквозной втулкой, листовидным лезвием длиной 18 см обнаружен в петровском погребении мог. Бестамак [Шевнина, Ворошилова, 2009, рис. 1, 10].

Аналогичные кованые наконечники стрел, дротиков, копий со сквозной втулкой были распространены у населения абашевской культуры Среднего Подонья, Южного Урала (поселения Шиловское 2, Береговское 2, Тюбьяк, Тюнинские курганы, клады Коршуновский, Куш-Тау, 2 экз. [Пряхин, 1976, рис. 24, 1, 2, 8, 9; Кузьмина, 2000, рис. 20, 8; 24, 2, 3]. Несколько случайных находок происходят с территории Среднего Поволжья, Подонья, Урала [Пряхин, 1976, рис. 24, 3, 4; Кузьмина, 2000, рис. 20, 2–5, 7]. Сопоставляя этот тип наконечников с классическими абашевскими копьями с коротким пером треугольной формы с закрытой сверху, длинной втулкой, А.Д. Пряхин и О.В. Кузьмина рассматривают их как наиболее архаичные в абашевских предметах вооружения [Пряхин, 1976, с. 135; Кузьмина, 2000, с. 91].

Типы наконечников копий и дротиков из кованой пластины со свернутой втулкой относятся к числу пережиточных форм очагов ЦМП. Ранее они были характерны для памятников позднеямно-полтавкинской, катакомбной, балановской, гаринской культур Южного Урала, Среднего Приоболжья, Поволжья, Прикамья (мог. Болдыревский 1, Убаган 1, Балановский, Илекшар 1, Сторожевка 1, поселения Ош-Пандо, Заюрчимское, Копейск, случ. нах.) [Сальников, 1967, рис. 4, 15, 16; Бадер, Халиков, 1987, рис. 41, 9; Кузьмина, 2000, рис. 20, 6; Кияшко, 2002, табл. XXXIII, 2; Ткачев, 2006, рис. 14, 7; Моргунова, 2014, рис. 35, 3; Дегтярева, 2010, с. 63, рис. 2, 10].

Обсуждение и результаты

Географическое распределение типов орудий очевидно показывает, что в номенклатуре орудийного комплекса ПК Южного Зауралья и Среднего Приоболжья доминируют общеевразийские типы, генетически связанные с очагами среднего бронзового века Циркумпонтийской металлургической провинции — позднеямно-полтавкинской, катакомбной культур и металлопроизводящими центрами культур шнуровой керамики — вольско-лбищенской, балановской. К их числу относятся плоские тесла трапецевидной формы, кованые долота со сквозной втулкой, черешковые долота, втульчатые крюки, стрелы и дротики со сквозной втулкой. К этой же категории общеевразийских форм принадлежат и ранее рассмотренные типы ножей — двулезвийные с втульчатой рукоятью;

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

с удлиненным узким черенком и листовидным клинком; с удлиненным, закругленным черенком и выделенным перехватом, без перекрестья; с закругленным черенком, выделенным перекрестьем, без перехвата. Перечисленные типы ножей морфологически близки к стереотипам изделий очагов северной зоны ЦМП, прототипы которых представлены в материалах ямно-полтавкинских, вольско-лбищенских, катакомбных древностей, софиевской группы памятников [Черных, 1966; Chernykh, 1992; Дегтярева, Рындина, 2019]. Общеевразийские типы орудий характерны для культур 1 фазы ЕАМП лесостепной и степной полосы от Подонья до Прииртышья — абашевской, синташтинской, раннесрубной (покровской), петровской (раннеалакульской), с достаточно плотными контактами на севере с носителями С-Т транскультурного феномена. Последнее проявилось во взаимопроникновении типов орудийного комплекса, присущих памятникам С-Т типа, в более южные культуры (абашевскую, синташтинскую, раннесрубную, петровскую), и наоборот — известны импорты некоторых изделий из более южных культур в С-Т среду.

Наиболее наглядно зона культурных контактов культур ранней фазы ЕАМП (ЗАМП) отражена на карте с распространением ножей с ромбическим черешком, перехватом и перекрестьем [Дегтярева, Рындина, 2020, рис. 4, с. 25]. Ареал ножей совпал с обширной территорией от Среднего Подонья до Притоболья и Тургайского прогиба, охватившей западные очаги ЕАМП, фактически с бывшей территорией позднеямно-полтавкинских племен, по сути послуживших катализатором в генезисе свиты культур лесостепной и степной зоны рубежа III–II тыс. до н.э.

К числу специфических групп орудий, присущих памятникам петровской культуры, следует отнести лишь несколько типов — массивнообушных топоров, среднеизогнутых серпов с выделенным черенком, втульчатых наконечников копий без ушек и валиков по краю втулки, возможно, и кованых наконечников стрел со сквозной втулкой. Эти изделия обнаружены большей частью в комплексах ПК Южного Урала, Среднего Притоболья и Казахстана, а также в меньшем количестве в материалах могильников С-Т типа, абашевской культуры Среднего Подонья и Южного Урала. Помимо перечисленных орудий для ПК характерны ножи с прямой выделенной рукоятью — двулезвийные и однолезвийные — универсальные орудия с удобной, удлиненной рукоятью. К группе орудий, характеризующих металлопроизводство ПК, относятся ножи с кованой несомкнутой втулкой.

Характеризуя тип топоров Т-4, обнаруженных в сейминско-турбинских памятниках на Оке и в Прикамье (5 экз.), Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отнесли их к массивнообушным топорам, входящим в большую группу сходных топоров, связываемых с металлопроизводственными очагами срубной общности Волго-Донского бассейна [1989, с. 127–128]. А.Д. Пряхин отметил также близость негативов топоров с небольшим скосом верхней части втулки литейных форм Мосоловского поселения срубной культуры к экземпляру из Кондрашкинского кургана, относимому к этой серии орудий [Пряхин, 1996, с. 22]. Действительно, с этим следует согласиться, однако при этом нужно отметить, что срубные (пос. Мосоловка) и алакульские (мог. Евгеньевский) топоры имеют несколько больший угол скоса между линиями втулки и верхней поверхностью лезвия, менее массивный и более длинный обух в сравнении с орудиями петровской культуры [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 107, рис. 6, 3].

Обсуждая вопросы культурной идентификации серпов типов Береговка и Петровка, В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев связали первую группу орудий с металлопроизводством населения абашевской культуры и определили их функциональное назначение как жатвенных ножей. Серпы второй группы — Петровка, которые имели большую длину, величину изгиба лезвия, ширину, по их мнению, представляли собой линию эволюционного развития абашевских орудий и использовались как полноценные жатвенные инструменты [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 33–41]. Судя по количественному преобладанию в этой группе орудий, происходящих их памятников ПК Южного Зауралья, Среднего Притоболья и Казахстана, этот тип связан с петровскими очагами металлопроизводства Урала и Казахстана.

Н. Бороффка и К.-М. Манту-Лазарович, в связи с отсутствием палинологических и карпологических данных, указывающих на наличие земледелия в комплексах Урала и Казахстана первой четверти II тыс. до н.э., развили гипотезу о функциональном назначении серпов. Орудия были обнаружены на поселениях и в могильниках в довольно большом количестве, вероятнее всего, использовались для заготовки сена в условиях стойлового содержания крупного рогатого скота зимой. Это мнение было подтверждено фактами преобладания костей КРС на памятниках лесостепной и степной зон, наряду с наличием масштабной системы водоснабжения — колодцев внутри жилищ на поселениях синташтинско-петровского времени при явном отсутствии свидетельств земледелия [Бороффка, Манту-Лазарович, 2012, с. 181–183; Епимахов, 2012,

с. 215–221]. На основании приведенных данных, подтвержденных этнографическими наблюдениями, вполне логичен вывод о стойловом содержании скота зимой с соответствующим снабжением кормами посредством серпов.

Литые втульчатые наконечники копий ранее, до накопления базы данных, исследователями безоговорочно идентифицировались как С-Т орудия. Однако с появлением серии аналогичных орудий, происходящих из материалов памятников ПК Северного, Центрального Казахстана, Урала, их происхождение в рамках петровского металлопроизводства уже не вызывает сомнений. Вместе с тем в погребении ПК могильника Новоильновский 2 (Западный Казахстан) известен и кованый наконечник копья с разомкнутой втулкой синташтинского облика, в технологии изготовления которого интегрированы черты обработки металла синташтинской и петровской культур [Дегтярева и др., 2021].

Наконечник стрелы со сквозной втулкой имеет архаичный облик, в первую очередь сопоставимый с образцами раннеабашевской металлургической традиции. Однако изготовлен из низколегированной оловянной бронзы в процессековки, что подтверждает местное происхождение изделия. Кованые втульчатые стрелки, в том числе со сквозной втулкой, известны в памятниках ПК Казахстана, хотя в большей степени там распространены литые втульчатые и черешковые наконечники [Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Ткачев, 2002; Кузьминых, Ермолаева, 2020; Дегтярева и др., 2020].

Вполне вероятным представляется влияние абашевских стереотипов металлопроизводства на появление некоторых типов орудий у петровского населения Зауралья, в частности кованых втульчатых орудий — долот, ножей, стрел, двулезвийных ножей с выделенной рукоятью, серпов со слабой степенью изогнутости. Эти данные подтверждаются и проведенным сопоставлением радиоуглеродной хронологии памятников абашевской, С-Т, синташтинской культур с приоритетом абашевских в Среднем Поволжье [Кузьминых, Мимоход, 2016; Епимахов, 2020]. Результаты исследования позволили А.В. Епимахову констатировать продвижение абашевских групп населения из Среднего Поволжья в южном и юго-восточном направлении, в том числе в Зауралье [Епимахов, 2020, с. 57]. Выявлены достаточно протяженные импорты абашевских орудий на территорию Западного Казахстана — в синташтинских погребениях могильников Халвай 3 и Бестамак найдены наконечник копья и узковислобушный топор [Шевнина, Логвин, 2015, рис. 78, с. 146; Логвин, Шевнина, 2011, рис. 3, 14].

В последние годы получено достаточно данных о прямых импортах или о сопряженности типов металлических орудий и оружия синташтинской, петровской, С-Т, абашевской культур в закрытых комплексах. О культурных контактах синташтинской и петровской групп свидетельствуют факты обнаружения в погр. 17 мог. Степное 7 двух топоров — массивнообушного петровского типа и орудия синташтинского облика с клевцевидным бойком [Куприянова, Зданович, 2015, рис. 44, 1, 2]. По мнению Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановича, взаимодействие синташтинской и петровской групп населения зафиксировано также присутствием в четырех центральных погребениях могильника Степное 7 (17, 19, 78, 88) керамики как петровского, так и синташтинского типа и сопутствующего инвентаря. Эти группы относились к двум элитным кланам, имевшим разное происхождение, различающимся по родовому, социальному, профессиональному статусам или разным функциям в древнем обществе [Куприянова, 2015, с. 144–178]. Синкретичность петровских и синташтинских культурных стереотипов проявилась в особенностях погребального обряда, совместном нахождении синташтинской и петровской керамики, в технологии медного и бронзового инвентаря в петровских погребениях могильника Новоильновский 2. Радиоуглеродная датировка погребений могильника допускает подобную возможность взаимопересечения носителей этих культурных традиций [Чечушков и др., 2020; Chechushkov et al., 2020; Дегтярева и др., 2021].

Прямые импорты пластинчатых С-Т ножей обнаружены в погребении 17 мог. Степное 7, в слое пос. Устье 1 [тип НК-6; Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 2, 3; Виноградов и др., 2013, 2, 14]. Один экземпляр найден в погребении синташтинской культуры у горы Березовой [Халяпин, 2001, рис. 3, 1]. Эти и другие примеры свидетельствуют о степени интенсивности контактов и связей, зачастую иногда и очень отдаленных, между популяциями I фазы ЕАМГ.

Выводы

Зауральский металлургический очаг петровской культуры является одним из наиболее мощных центров металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. В сравнении с Приуральским ГМЦ продукция очага представлена более разнообразным набором металлических орудий, функционированием крупных специализированных поселений с металлургической специализацией.

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

цией — Кулевчи 3, Устье 1, Шибаево 1 [Виноградов, 2011; Виноградов, Епимахов, 2013; Ткачев, 2018, 2019]. В номенклатуре типов орудий петровской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья доминируют общеевразийские типы, генетически связанные с очагами среднего бронзового века Циркумпонтийской металлургической провинции — позднеямно-полтавкинской, катакомбной культур и металлопроизводящими центрами культур шнуровой керамики — вольско-лбищенской, балановской. Выраженное разнообразие морфотипов орудий, особенно ножей, свойственно начальной стадии этногенеза культур лесостепной, степной зоны Евразии в переходный период от СБВ к ПБВ с взаимопересечением историко-металлургических контактов и связей. Общеевразийские типы орудий характерны для культур 1 фазы Евразийской (Западноазиатской) металлургической провинции лесостепной и степной полосы от Подонья до Прииртышья — абашевской, синташтинской, раннесрубной (покровской), петровской (раннеалакульской), наряду с контактами племен с носителями С-Т транскультурного феномена. Выявлены специфические группы орудий, присущие племенам петровской культуры: массивнообушные топоры, среднеизогнутые серпы с выделенным черенком, втульчатые наконечники копий без ушек и валиков по краю втулки, кованые наконечники стрел со сквозной втулкой, ножи с прямой выделенной рукоятью — двулезвийные и однолезвийные, ножи с кованой несомкнутой втулкой. В появлении некоторых типов орудий у петровского населения Зауралья: кованых втульчатых орудий — долот, ножей, стрел, а также двулезвийных ножей с выделенной рукоятью, серпов со слабой степенью изогнутости — просматривается влияние абашевских стереотипов производства. В то же время получено достаточно данных о прямых импортах или о сопряженности типов металлических орудий и оружия синташтинской, петровской, сейминско-турбинской культур в закрытых комплексах.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Бабер О.Н., Халиков А.Х.* Балановская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 76–84.
- Бороффа Н., Манту-Лазарович К.-М.* Зимовка степных скотоводов и два уральских бронзовых серпа из Пойненьш // Российский археологический ежегодник. 2012. 2. С. 172–193.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника: (Публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.
- Васильев И.Б.* Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1999. С. 66–114.
- Виноградов Н. Б.* Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 94–100.
- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тысячелетия до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Епимахов А.В.* (отв. ред.). Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
- Виноградов Н.Б., Десярева А.Д., Кузьминых С.В.* Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 4–30.
- Горбунов В.Г.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Башкир. пед. ин-т, 1992. 223 с.
- Десярева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Десярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А.* Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 98–116. <https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.98.116>
- Десярева А.Д., Кузьминых С.В., Усманова Э.Р.* Металл петровской культуры могильника Новоильиновский 2: (Морфология и технология изготовления) // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Н.А. Аванесовой. Самарканд: СамГУ, 2021. С. 236–242.
- Десярева А.Д., Рындина Н.В.* Модели цветного металлопроизводства западной и восточной зоны ямной культурно-исторической области // КСИА. 2019. № 256. С. 58–74. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.256.58-74>

Дегтярева А.Д., Рындина Н.В. Ножи петровской культуры Южного Зауралья: Морфолого-типологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 17–34. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-2>

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высш. антропол. шк., 2002. 348 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

Екимов Ю.Г. Абашевские памятники на северной периферии донской лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 413–417.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии. Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. 2012. 2. С. 215–221.

Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // УИВ. 2020. 4 (69). С. 51–60. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-51-60](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-51-60)

Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский 1) // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. С. 224–234.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 174–195.

Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 101–114.

Зданович Д.Г. Раздел 1. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 17–105.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак: (Предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 32–58.

Калиева С., Логвин В. Могильник Токанай 1 // Prehistory studies Pontic Area. Mangalia: Callasprint, 2014. P. 203–218.

Кирчо Л.Б. Металлические изделия Алтын-Депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 60–84.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2002. 268 с.

Корневский С.Н. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1983. С. 96–109.

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И. Прыговские находки // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2017. Т. 5. № 1. С. 63–72.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 214 с.

Корочкова О.Н., Федорова Н.В. Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы — раннего железного века: состав, контексты, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 17–28. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028>

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. С. 61–74.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 1. Т. 47. С. 54–63. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.1.054-063>

Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники погребального типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. С. 122–151.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла: (Ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–134.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в неолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб., 2016. С. 39–44.

Кузьминых С.В., Ермолаева А.С. Глава 3.3. Металлические изделия: функциональная и морфологическая характеристика // Талдысай — поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 136–205.

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2. С. 103–109.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Материалы могильника Кызылтау как отражение срубного компонента в формировании раннеалакульских древностей Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 109–130.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Куприянова Е.В. Стилевые вариации керамического комплекса могильника Степное VII в социо-культурном аспекте функционирования некрополей эпохи бронзы Южного Зауралья // Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 144–178.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 190–197.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: ММНК. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 349–359.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 160–172.

Нелин Д.В. Шибяево I: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. 1, Ист. науки. 2004. № 2. С. 150–181.

Новиков И.К., Дегтярева А.Д., Шилов С.Н. Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3: (Результаты исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 24–35.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбьяк: Поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во Башкир. пед. ун-та, 2001. 159 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 164 с.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. Кн. 2. 176 с.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989. 20 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни 2: Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998. 44 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник: (Итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюмен. нефтегаз. ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.

Ткачев В.В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск: Рифей, 2006. 75 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбин. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Ткачев В.В. Генезис алакульской культуры в контексте горной археологии // Известия Самарского НЦ РАН. 2018. № 3 (2). С. 517–526.

Ткачев В.В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // УИВ. 2019. 1. С. 38–47.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита — средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Оренб. губерния, 2000. Вып. 4. С. 27–53.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 417–425.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132. 144 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.

Черных Е.Н., Корневский С.Н. О металлических предметах с Царева кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 201–208.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Чечушков И.В., Овсянников А.А., Усманова Е.Р. К вопросу о времени начала использования желобчатых псалий и возникновения всадничества (по материалам могильника Новоильиновский II в Северном

Дегтярева А.Д.

Казахстане) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 2 (48). С. 49–58. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.2.049-058>

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Филитал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 248 с.

Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Таиров А.Д. (отв. ред.). Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 59–63.

Bortvin N.N. The Verkhny-Kizil Find // *Eurasia septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1928. Vol. III. P. 122–131.

Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: University press, 1992. 335 p.

Chechushkov I.V., Usmanova E.R., Kosintsev P.A. Early evidence for horse utilization in the Eurasian steppes and the case of the Novoil'novskiy 2 Cemetery in Kazakhstan // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 32. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020b.102420>

ИСТОЧНИКИ

Гак Е.И. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 27 с.

Degtyareva A.D.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: adegtyareva126@gmail.com

The non-ferrous metal toolkit of the Petrovka Culture of the South Trans-Urals

The article presents data on the morphological and typological characteristics of the trade tools of the Petrovka Culture of the South Trans-Urals and middle Tobol River region, originating from the sites of Chelyabinsk, Kurgan, and Tyumen Regions (77 specimens in total; 126 specimens in total including knives). According to the radiocarbon dating, the chronological period of the Petrovka sites in the Southern Trans-Urals spans the 19th through 18th centuries B.C. The distribution of tools into types was based on the techniques of typological division of the artifacts, taking into account their shape, presence of certain qualitative features, as well as consideration of the geographical and cultural areal of similar articles. The produce of the Southern Trans-Urals center is represented by a diverse set of metal tools and by functioning of large settlements with metallurgical specialization — Kulevchi 3, Ustye 1, and Shibaevo 1. In the typology of the tool complex of the Petrovka Culture of the Southern Trans-Urals and the Middle Pre-Tobol region, common Eurasian types dominate, being genetically associated with the centers of the Middle Bronze Age of the Circumpontian Metallurgical Province — the Late Yamnaya-Poltavkino, Catacomb Culture, and metal-producing centers of the Corded Ware Culture — Volsk-Lbische and Balanovo. A pronounced variety of the morphotypes of the tools, especially knives, is characteristic of the initial stage of ethnogenesis of the cultures of the forest-steppe and steppe zone of Eurasia during the transitional period from the MBA to the LBA. Common Eurasian types of tools are characteristic of the cultures of the 1st phase of the Eurasian (West Asian) metallurgical province of the forest-steppe and steppe belt from the Don region to the Irtysh region: Abashevo; Sintashta; Early Srubnaya (Pokrovka); Petrovka (Early Alakul). Specific groups of tools inherent in the tribes of the Petrovka Culture were revealed: axes with a massive head; medium-curved sickles with a prominent handle; socketed spearheads without eyelets and raised ribs along the edge of the socket; forged arrowheads with a through socket; knives with a straight prominent handle — double-edged and single-edged; knives with a forged open socket. In the appearance of some types of tools among the Petrovka population of the Trans-Urals, such as forged socketed tools — chisels, knives, arrows, double-edged knives with a prominent handle, and sickles with a small curvature, the influence of the Abashevo stereotypes of production is discernible. In the meantime, sufficient data have been obtained on the direct imports or on the conjugation of types of the metal tools and weapons of the Sintashta, Petrovka, and Seima-Turbino Cultures in closed complexes.

Keywords: Petrovka Culture, metal products, typology of tools, South Trans-Ural region, Middle Tobol region.

Funding. The work was carried out according to state order No. 121041600045-8.

REFERENCES

Avanesova, N.A. (1991). *The culture of the shepherd tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR*. Tashkent: FAN. (Rus.).

Bader, O.N., Khalikov, A.Kh. (1987). Balanovskaya culture. In: *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy lesnoy polosity SSSR*. Moscow: Nauka, 76–84. (Rus.).

Boroffka, N., & Mantou-Lazarovich, K.-M. (2012). Wintering of steppe pastoralists and two Ural bronze sickles from Poyenesht. *Rossiyskiy arkhologicheskiy yezhegodnik*, 2, 172–193. (Rus.).

Bortvin, N.N. (1928). The Verkhny-Kizil Find. *Eurasia septentrionalis Antiqua*, vol. III, 122–131.

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

Botalov, S.G., Grigoriev, S.A., Zdanovich, G.B. (1996). Burial complexes of the Bronze Age at the Bolshekaragan burial ground (publication of the results of archaeological excavations in 1988). In: *Materialy po arkhologii i etnografii Yuzhnogo Urala*. Chelyabinsk: Kamenny poyas, 64–88. (Rus.).

Chechushkov, I.V., Ovsyannikov, A.A., & Usmanova, E.R. (2020). On the Earliest Use of Plate-Formed Cheekpieces and the Emergence of Horse Riding (Based on Finds from the Novoiynovskiy II Cemetery in Northern Kazakhstan). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 48(2), 49–58. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.2.049-058>

Chechushkov, I.V., Usmanova, E.R., & Kosintsev, P.A. (2020). Early evidence for horse utilization in the Eurasian steppes and the case of the Novoi'inovskiy 2 Cemetery in Kazakhstan. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 32, 102420. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102420>.

Chernykh, E.N. (1966). History of the oldest metallurgy in Eastern Europe. In: *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*, 132. (Rus.).

Chernykh, E.N. (1992). *Ancient metallurgy in the USSR*. Cambridge: University press.

Chernykh, E.N. (1970). The oldest metallurgy of the Urals and the Volga region. In: *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*, 172. (Rus.).

Chernykh, E.N. Korenevskiy, S.N. (1976). About metal objects from Tsarev's kurgan near Kuibyshev. In: *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy*. Moscow: Nauka, 201–208. (Rus.).

Chernykh, E.N. Kuzminykh, S.V. (1989). *Ancient metallurgy of Northern Eurasia*. M.: Nauka. (Rus.).

Degtyareva, A.D. (2010). *History of metal production in the Southern Trans-Urals in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V., Loman, V.G., Kukushkin, I.A., Kukushkin, A.I., & Dmitriev, E.A. (2018). Non-Ferrous Metal of Early Alakul (Petrovka) Culture of Bronze Age in Central Kazakhstan. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 1(31), 98–116. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.98.116>

Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V., Usmanova, E.R. (2021). Metal of the Petrovka culture of the Novoiinovka 2 burial ground (morphology and manufacturing technology). In: *Kul'tury aziatskoy chasti Yevrazii v drevnosti i srednevekov'ye*. Samarkand: SamGU, 236–242. (Rus.).

Degtyareva, A.D., Ryndina, N.V. (2019). Models of non-ferrous metal production in the western and eastern zones of the Yamnaya cultural-historical area. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhologii*, 256, 58–74. (Rus.). <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.256.58-74>

Degtyareva, A., & Ryndina, N. (2020). Knives of the Petrovka Culture in the Southern Trans-Urals: morphological and typological characteristics. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 3 (50), 17–34. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-2>

Dergachev, V.A., Bochkarev, V.S. (2002). *Metal sickles of the Late Bronze Age of Eastern Europe*. Chisinau: Higher. anthropol. shk. (Rus.).

Evdokimov, V.V., Varfolomeev, V.V. (2002). *The Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan*. Karaganda: KarGU. (Rus.).

Yekimov, Yu.G. (2001). Abashevo sites on the northern periphery of the Don forest-steppe. In: *Bronzovyy vek Vostochnoy Yevropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya*. Samara: Izd-vo OOO NTTTS, 413–417. (Rus.).

Epimakhov, A.V. (2005). *Early complex societies of the north of Central Eurasia*. Chelyabinsk: Chelyab. dom pechati. (Rus.).

Epimakhov, A.V. (2012). On sickles, wells and agriculture of the Bronze Age. *Rossiyskiy arkhologicheskiy yezhegodnik*, 2, 215–221. (Rus.).

Epimakhov, A.V. (2020). Radiocarbon arguments of the Abashevo origin of the Sintashta traditions of the Bronze Age. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 69(4), 51–60. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-51-60](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-51-60)

Gorbunov, V.G. (1992). *Bronze Age of the Volga-Ural forest-steppe*. Ufa: Bashkir. ped. institut. (Rus.).

Kadyrbaev, M.K., Kurmankulov, J. (1992). *Culture of ancient cattle breeders and metallurgists of Sary-Arka*. Almaty: Gylym. (Rus.).

Kalieva, S.S., Logvin, V.N. (2009). The burial ground near the settlement of Bestamak: (Preliminary communication). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (9), 32–58. (Rus.).

Kalieva, S., Logvin, V. (2014). Tokanay 1 burial ground. In: *Prehistory studies Pontic Area*. Mangalia: Callasprint, 203–218. (Rus.).

Kircho, L.B. (2001). Altyn-Depe metal products. In: *Osobennosti proizvodstva poseleniya Altyn-depe v epokhu paleometalla*. St. Petersburg: IIMK RAN, 60–84. (Rus.).

Kiyashko, A.V. (2002). *Cultural genesis in the east of the catacomb world*. Volgograd: Izd-vo Volgogr. un-ta. (Rus.).

Khalyapin, M.V. (2001). The first burialless burial ground of Sintashta culture in the steppes of the Urals. In: *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya*. Samara: NTTs, 417–425. (Rus.).

Korenevskiy, S.N. (1983). The legacy of the Catacomb period in the metalworking of the Late Bronze Age of the Ural mining and metallurgical region. In: *Kul'tury bronzovogo veka Vostochnoy Yevropy*. Kuybyshev: Kuybyshev. ped. in-t, 96–109. (Rus.).

Korochkova, O.N., Spiridonov, I.A., Stefanov, V.I. (2017). Prygovo Finds. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 5(1), 63–72. (Rus.).

- Korochkova, O.N., Stefanov, V.I., Spiridonov, I.A. (2020). *The sanctuary of the first metallurgists of the Middle Urals*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).
- Korochkova, O., & Fedorova, N. (2019). Ural and West Siberian Hoards (Bronze Age — Early Iron Age): Composition, context and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 46(3), 17–28. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028>
- Koryakova, L.N., Epimakhov, A.V., Sharapova, S.V., Panteleyeva, S.E., Berseneva, N.A., Molchanov, I.V., Krause, R., Fornasier, J., Kaiser, E., Chechushkov, I.V. (2011). Archaeological studies of the Kamenny Ambar (Olgin) fortified settlement. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 39(4), 61–74.
- Krause, R., Epimakhov, A.V., Kupriyanova, E.V., Novikov, I.K., & Stolarczyk, E. (2019). The Petrovka Bronze Age Sites: Issues in Taxonomy and Chronology. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 47(1), 54–63. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.1.054-063>
- Kuznetsov, P.F., Semenova, A.P. (2000). Sites of the Potapovka type. In: *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney: Bronzovyy vek*. Samara: Izd-vo Samar. NTs RAN, 122–151. (Rus.).
- Kuzmina, O.V. (2000). Metal products and questions of the relative chronology of the Abashevo culture. In: *Drevniye obshchestva yuga Vostochnoy Yevropy v epokhu paleometalla. (Ranniye kompleksnyye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii)*. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 65–134. (Rus.).
- Kuzminykh, S.V., & Mimokhod, R.A. (2016). Radiocarbon dates of the Pepkino burial mound and some questions of the chronology of the Middle Volga Abashevo culture. In: *Vneshniye i vnutrenniye svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Yevropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.)*. St. Petersburg, 39–44. (Rus.).
- Kuzminykh, S.V., & Yermolaeva, A.S. (2020). Chapter 3.3. Metal products: functional and morphological characteristics. In: *Taldysay — poseleniye drevnykh metallurgov pozdnebronzovogo veka v Ulytauskoy stepi*. Almaty: In-t arkeologii im. A.Kh. Margulana, 136–205.
- Kukushkin, I.A. (2011). Metal products of the early Andronovo burial ground Ashisu (Central Kazakhstan). In: *Rossiyskaya arkeologiya*, (2), 103–109. (Rus.).
- Kukushkin, I.A., Dmitriev, E.A., Kukushkin, A.I. (2019). Materials of the Kyzyltau burial ground as a reflection of the timber-frame component in the formation of Early Alakul antiquities of Central Kazakhstan. In: *Teoriya i praktika arkeologicheskikh issledovaniy*, 26(2), 109–130. (Rus.).
- Kupriyanova, E.V., & Zdanovich, D.G. (2015). *Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Cemetery Stepnoye VII*. Chelyabinsk: Encyclopedia. (Rus.).
- Kupriyanova, E.V. (2015). Style variations of the ceramic complex of the Stepnoye VII burial ground in the socio-cultural aspect of the functioning of the necropolises of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. In: Kupriyanova, Ye.V., Zdanovich, D.G. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoye VII*. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 144–178. (Rus.).
- Logvin, A.V., & Shevnina, I.V. (2008). Elite burial of the Sintashta-Petrovka period from the Bestamak burial ground. In: *VII istoricheskiye chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova*. Omsk: Izd-vo OmGU, 190–197. (Rus.).
- Logvin, A.V., & Shevnina, I.V., (2011). About one Sintashta burial complex of the Bestamak burial ground. In: *Arkeologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: Itogi, perspektivy. Vol. 1*. Almaty: In-t arkeologii im. A.Kh. Margulana, 349–359. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Volkov, E.N., Ryabogina, N.E. (2003). *New sites of the Bronze and Early Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Morgunova, N.L. (2014). *The Ural group of monuments in the system of the Volga-Ural version of the Yamnaya cultural-historical area*. Orenburg: OGPU. (Rus.).
- Morgunova, N.L. & Porokhova, O.I. (1989). Settlements of the Srubnaya culture in the Orenburg region. In: *Poseleniya srubnoy obshchnosti*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 160–172. (Rus.).
- Nelin, D.V. (2004). Shibaev I: Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. In: *Vestnik Chelyab. gos. ped. un-ta. Seriya 1, istorich. nauki*, (2), 150–181. (Rus.).
- Novikov, I.K., Degtyareva, A.D., Shilov, S.N. (2014). Burial grounds of the Bronze Age Ozernoe 1 and Ozernoe 3: (Research results). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 24–35. (Rus.).
- Obydenov, M.F., Gorbunov, V.S., Muravkina, L.I., Obydenova, G.T., Garustovich, G.N. (2001). *Tyubyak: A Bronze Age settlement in the Southern Urals*. Ufa: Izd-vo Bashkir. ped. un-ta. (Rus.).
- Potemkina, T.M. (1985). *Bronze Age of the forest-steppe Tobol region*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Pryakhin, A.D. (1976). *Settlements of the Abashevo community*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (Rus.).
- Pryakhin, A.D. (1996). *Mosolovska settlement of metallurgists-foundry workers of the Late Bronze Age. Vol. 2*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (Rus.).
- Pryakhin, A.D., Besedin, V.I., Levykh, G.A., Matveev, Yu.P. (1989). *Kondrashkino burial mound*. Voronezh: Voronezh. un-t. (Rus.).
- Pryakhin, A.D., Moiseev, N.B., Besedin, V.I. (1998). *Selezni 2: Mound of the Don-Volga Abashevo culture*. Voronezh: Voronezh. un-t. (Rus.).
- Salnikov, K.V. (1967). *Essays on the ancient history of the Southern Urals*. M.: Nauka. (Rus.).
- Shevnina, I.V., & Logvin, A.V. (2015). *Burial ground of the Bronze Age Khalvay III in Northern Kazakhstan*. Astana: Filial Instituta arkeologii im. A.Kh. Margulana. (Rus.).

Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Южного Зауралья

Shevnina, I.V. & Voroshilova, S.A. (2009). Children's burials of the developed Bronze Age (based on materials from the Bestamak burial ground). In: Tairov A.D. (Ed.). *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale*. Chelyabinsk: Izd. tsentr YuUrGU, 59–63. (Rus.).

Soloviev, B.S. (2005). Yurino (Ust-Vetluga) burial ground: (Results of excavations 2001–2004). *Rossiyskaya arkhologiya*, (4), 103–111. (Rus.).

Stefanov, V.I. & Korochkova, O.N. (2000). *Andronovo antiquities of the Tyumen Tobol region*. Yekaterinburg: Polygraphist. (Rus.).

Tkachev, A.A. (2002). *Central Kazakhstan in the Bronze Age. Vol. 1*. Tyumen: Tyumen. neftegaz. un-t. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2006). *The final stage of the Middle Bronze Age in the steppe Urals*. Chelyabinsk: Rifev. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2007). *Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Age*. Aktobe. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2018). The genesis of the Alakul culture in the context of mountain archeology. *Izvestiya Samarskogo NTs RAN*, 3(2), 517–526. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2019). Mining and metallurgical production in the structure of economic and cultural models of the western periphery of the Alakul culture. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (1), 38–47. (Rus.).

Tkachev, V.V., & Gutsalov, S.Yu. (2000). New burials of the Chalcolithic — Middle Bronze Age in Eastern Orenburg and Northern Kazakhstan. In: *Archaeological sites of the Orenburg region. Vyp. 4*. Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 27–53. (Rus.).

Vasiliev, I.B. (1999). Settlement Lbische on Samarskaya Luka and some problems of the Bronze Age of the Middle Volga region. In: *Voprosy arkhologii Urala i Povolzh'ya*. Samara: Izd-vo Samar. un-ta, 66–114. (Rus.).

Vinogradov, N.B. (1982). Kulevchi III is a site of the Petrovka type in the South Trans-Urals. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhologii*, (169), 94–100. (Rus.).

Vinogradov, N.B. (2003). *Burial ground of the Bronze Age Krivoye Ozero in the South Trans-Urals*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).

Vinogradov, N.B. (2011). *The steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the II millennium BC: (Sites of the Sintashta and Petrovka types)*. Chelyabinsk: Abris. (Rus.).

Vinogradov, N.B., & Epimakhov, A.V. (Eds) (2013). *Ancient Ustye: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals*. Chelyabinsk: Abris. (Rus.).

Vinogradov, N.B., Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V. (2013). Metallurgy and metalworking in the life of the inhabitants of the fortified settlement Ustye 1. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, (3), 4–30. (Rus.).

Zaikov, V.V., Yuminov, A.M., Ankushev, M.N., Tkachev, V.V., Noskevich, V.V., Epimakhov, A.V. (2013). Mining and metallurgical centers of the Bronze Age in the Trans-Urals and Mugodzhary. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkhologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2(1), 174–195. (Rus.).

Zaikov, V.V., Yuminov, A.M., Dunaev, A.Yu., Zdanovich, G.B., Grigoriev, S.A. (2005). Geological and mineralogical studies of ancient copper mines in the South Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 101–114. (Rus.).

Zdanovich, D.G. (2002). Section 1. Archeology of mound 25 of the Bolshekaragan burial ground. *Arkaim: Nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 17–105. (Rus.).

Zhauymbay, S.U., Kukushkin, I.A., Kukushkin, A.I., Dmitriev, E.A., Shokhataev, O.S. (2018). New information about the early history of the Andronovo tribes of Central Kazakhstan (based on materials from mound 7 of the Taldinskiy 1 burial ground). *Kazakhstan arkhologiyasy*, (1–2), 224–234. (Rus.).

Дегтярева А.Д., <https://orcid.org/0000-0002-1945-7145>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Бляхарчук Т.А.^{a,*}, Боброва А.И.^b, Жилина Т.Н.^c

^a Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН
просп. Академический, 10/36, Томск, 634055

^b Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
просп. Ленина, 75, Томск, 634050

^c Национальный исследовательский Томский государственный университет»
просп. Ленина, 36, Томск, 634050

E-mail: blyakharchuk@mail.ru (Бляхарчук Т.А.); a_bobrova@bk.ru (Боброва А.И.);
zhilinatn@mail.ru (Жилина Т.Н.)

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР ПРИКЕТЬЯ (V в. до н.э. — XVII в.)

Анализируется природно-климатическая обстановка эпохи раннего железа — позднего средневековья археологического района Прикетья (Верхнекетский р-н Томской обл.). Проведена реконструкция динамики природной среды по палеопалинологическим данным разреза Максимкин Яр. Выявлено, что динамика климата в этом лесном районе оказывала влияние на образ жизни и хозяйство народа, населявшего Прикетье. Миграции населения могли быть связаны как с негативными, так и с позитивными последствиями климатических изменений. Последние вызывали рост населения и отток его на новые территории.

Ключевые слова: Прикетье, микрорайон, археологические памятники, эпоха железа, пыльца, климат, растительность.

Введение

В настоящее время возросло внимание общества к состоянию природной среды, экологии и его прогнозированию. Ученые разных стран мира отмечают потепление в современную эпоху, которое объясняют как антропогенным влиянием на климатическую систему [Jones et al., 1999; Parker et al., 2009; Груза, 2009; Котляков, 2012; и др.], так и изменением солнечной активности и атмосферной циркуляции и астрономическими факторами [Попова, Полякова, 2013].

На всем протяжении человеческой истории отмечались периоды изменения климата, которые оказывали влияние на ход природных процессов, на жизнь и деятельность человека, вызывали миграции населения, приводили к гибели людей и наносили материальный ущерб [Шнитников, 1957; Гумилев, 1966; Ладюри, 1971; Львова, 1979; Матющенко, 1979; Могильников, 1979; Плетнева, 1979; Чиндина, 1979; Косарев, 1981; Жилина, 2012; и др.]. Исследование проблем взаимоотношений человека и природы в прошлом важно для анализа современного и исторического состояния системы «человек — природа», для реконструкции былого состояния природы по палеоэкологическим индикаторам и использования этих данных при характеристике природных условий существования и развития различных археологических культур в позднем голоцене.

Цель данного исследования — выявить влияние климатических изменений на археологические культуры лесной зоны Западной Сибири. В данной работе мы используем метод сопряженного анализа археологических данных и имеющейся для Верхнекетского района Томской области (среднетаежная зона Западной Сибири) палеоэкологической информации в виде спорово-пыльцевых данных из торфяного разреза, расположенного непосредственно в районе исследования с наибольшим скоплением археологических памятников у с. Максимкин Яр.

Район исследования

Современные природно-климатические условия района исследования в Прикетье

Особенности рельефа, климата и растительного покрова района исследования определяются его положением на юго-востоке Западно-Сибирской равнины. В административном отношении это территория Верхнекетского района Томской области. Под территорией Прикетья понимается географический район, включающий в себя бассейн р. Кети, правого притока Оби, располагающийся в пределах подзоны средней тайги.

* Corresponding author.

Для Прикетья характерен равнинный рельеф, с абсолютными высотами, не превышающими 200 м над ур. м. На исследуемой территории выделяются крупные орографические единицы — Чулымская и Кетско-Тымская равнины с ложбинами древнего стока [Евсеева, 1997, с. 24–26]. Долина Кети с тремя ее надпойменными террасами ярко выражена в рельефе. Средние абсолютные высоты водоразделов равны 140–155 м над ур. м., второй и первой террас — от 80–100 и 70–75 м, третьей — 100–120 м [Базанов и др., 1987, с. 80–81; Евсеева, Земцов, 1990, с. 79]. Пойма Кети шириной 10–12 км, ей присущи сохранившиеся останцы второй надпойменной террасы [Базанов, 1980]. Рассматриваемая территория располагается в области умеренно-континентального климата. Средняя температура января -23°C , июля — $+18^{\circ}\text{C}$, годовая сумма осадков 500 мм [Евсеева, 1997, с. 29–31]. Территории Верхнекетского района свойственны повсеместное распространение сезонной мерзлоты и спорадическое нахождение реликтовых многолетнемерзлых образований в торфяниках и в грунтах [Blyakharchuk and Sulerzhitsky, 1999]. Заболоченность бассейна Кети составляет от 15 % (Кеть-Чулымский водораздел) до 85 % (надпойменные террасы правобережья реки и ложбины древнего стока) [Базанов, 1980, с. 99–100]. От морфометрических показателей рельефа зависят формы болотных котловин и размеры болот [Львов, 1987, с. 47–68; Евсеева, 1997, 2001].

Строгая широтная зональность растительного покрова, характерная для центральной части Западно-Сибирской равнины, на юго-востоке нарушена. Темнохвойная тайга широкими языками спускается с гор южной Сибири по водораздельным пространствам с глинистыми и суглинистыми почвами и соединяется с равнинной темнохвойной тайгой в виде своеобразного темнохвойного «моста» [Шумилова, 1962, с. 108]. На песчаных почвах ложбин древнего стока доминируют сосновые леса. В 300 км к юго-востоку от изучаемого района, в Средней Сибири, этот «таежный мост» расчленяется «степными островами», на которые распадается единая лесостепная и степная зоны Западной Сибири к востоку от р. Енисея [Шумилова, 1962, с. 108].

Таким образом, особенностью природных условий района исследования является как соединение равнинной темнохвойной тайги с горной темнохвойной тайгой, так и относительная близость лесостепных и степных пространств, подступающих к нему с юго-востока.

Археологические культуры Прикетья эпохи раннего железа и позднего средневековья

Берега р. Кети в среднем ее течении невысокие, затопляемые в половодье. Так было и в отдаленные времена, поэтому археологические памятники сосредоточены преимущественно на второй надпойменной террасе. В ряде мест района исследования наблюдается концентрация разновременных археологических памятников, образующих археологические микрорайоны. Так, в окрестностях пос. Максимкин Яр (Верхнекетский р-н, Томская обл.) на одном из участков, протяженностью 5,5 км, сосредоточено около 40 археологических памятников эпохи раннего железа (V в. до н.э. — V в. н.э.) и средневековья (VI–XVII вв.). Еще 9 памятников находятся на Богатырской горе неподалеку от поселка. Таким образом, археологический микрорайон включает 8 погребальных памятников (6 курганных могильников, два одиночных кургана) и 30 поселенческих, в числе которых различаются: неукрепленные поселения/селища, одиночные жилища и укрепленные поселения — городища. Количество объектов, обнаруженных на поселениях и городищах, невелико — от 1–2 до 6 западин квадратной или прямоугольной в плане формы; некоторые имеют выходы в виде неширокого коридора длиной около 2 м. Городища расположены на высоких мысах, с двух сторон окружены рвом и валом. Они небольшие по площади — от 250 до 1000 м², что, вероятно, отражает их хронологические различия [Гребнева, 1977, с. 197–198]. По мнению исследователей, большинство памятников датируется II тыс. н.э. [Гребнева, 1982; Чиндина и др., 1990, с. 210–219]. Это объективно отражает картину расселения: 1) праселькупского этноса — носителей релкинской культуры раннего средневековья; 2) формирующихся этнических групп развитого средневековья; 3) представителей диалектной группы сюзсюком селькупского этноса в позднем средневековье. Большинство памятников возникло в результате жизнедеятельности человека в эпоху раннего — позднего средневековья; ряд городищ — в эпоху раннего железа. С остальных памятников материалы представлены сборами, которые позволяют предварительно относить их появление к эпохе железа.

В эпоху позднего средневековья (XV–XVII вв.) долину Средней Оби — самую заболоченную часть южно-таежной зоны Западной Сибири, где произрастают темнохвойные (елово-пихтово-кедрово-сосновые) и хвойно-лиственные (с березой и осиной) леса, населяли селькупы южной и центральной групп. Селькупы р. Кети относятся к кетскому диалекту южной группы [Тучкова и др., 2011, с. 52]. Основу их жизнеобеспечения в прошлом составляли рыболовство, охота, со-

бирательство, соотношение которых зависело от места проживания относительно крупных рек [Там же, с. 64]. По своему хозяйственно-культурному типу селькупы Прикетья — таежные охотники и рыболовы, и их образ жизни характеризовался значительной подвижностью, так как требовал сезонных перемещений внутри освоенной территории. Тип поселения и его планиграфия зависели от многого: культурных традиций, образа жизни, хозяйственно-культурного типа, природно-климатических условий. Поскольку селькупы Прикетья вели полуоседлый образ жизни, то и их поселения отражают свойственный им характер расселения. До конца XIX в. образ жизни у нарымских селькупов был более подвижным. Различия в их хозяйственном укладе определяли разную степень мобильности отдельных групп и соответственно тип их селений и характер жилищ — постоянный, сезонный, временный [Тучкова, 2014, с. 71–72]. Материалы А.П. Дульзона о селькупах р. Кети дополнительно свидетельствуют об этом: «...раньше отдельные семьи расходились и жили, кто на песке, кто еще где-нибудь, где рыба есть»; осенью они уходили в тайгу со своими семьями и оставались там до конца декабря, а 20 декабря возвращались домой за запасами. Дома, в стационарных поселках-юртах, оставались в декабре — январе, а затем опять уходили в лес до 20 апреля, «смотря по весне и по белке» (цит. по: [Тучкова, 2014, с. 72]).

Круглогодичные стационарные поселения селькупов (юрты) зафиксированы на картах XIX–XX вв. Некоторые из них обозначены как летние и зимние юрты (рис. 1, а, б). В конце XIX — начале XX в. количество поселений на Кети варьировалось от 26 до 34. Самым крупным поселком был Максимкин Яр, в нем насчитывалось 15 хозяйств. Остальные имели от 2–5 до 7–9 хозяйств [Тучкова, 2014, с. 105]. Сезонные поселения промысловиков обычно имели одну избу, селькупы называли их жилищем. Таких жилищ на промысловом участке могло быть 2–3 (рис. 1, б). На местах интенсивной добычи рыбы (на обских стреж-песках) устраивали сезонные поселения — балаганы, избушки [Тучкова, 2014, с. 74–75].

Рис. 1. Типы поселений нарымских селькупов:

- а — вид сезонного поселения на р. Кети (рисунок выполнил А.Г. Варгин в 1920 г., по: [Тучкова и др., 2011, с. 119]);
 б — вид стационарного поселения на р. Кети (рисунок К. Доннер, 1912 г., по: [Тучкова и др., 2011, с. 121]).

Fig. 1. Types of settlements of the Narym Selkups:

- a — type of seasonal settlement on the river Ket' (the drawing was made by A.G. Vargin in 1920);
 б — type of stationary settlement on the river Ket'.

Результаты

Анализ реконструкции природно-климатических условий эпохи железа и средневековья Прикетья по данным спорово-пыльцевой диаграммы Максимкин Яр

Для обширной территории Западной Сибири имеется не так много спорово-пыльцевых разрезов, датированных радиоуглеродным методом и пригодных для детальной реконструкции климата голоцена. Для среднетаежной зоны (к которой принадлежит район исследования) можно отметить лишь несколько работ [Глебов и др., 1974, с. 194–199; 1996, с. 497–504; Карпенко, 2000, с. 635–644; Бляхарчук, 2012, с. 42–46]. Наиболее близко к исследуемым археологическим памятникам расположен спорово-пыльцевой разрез «Максимкин Яр» [Бляхарчук, 2012, с. 43], на данных которого основаны реконструкции природно-климатических условий эпохи железа и средневековья Прикетья в предлагаемой работе.

Природно-климатические условия на юго-востоке Западной Сибири и развитие этнокультур...

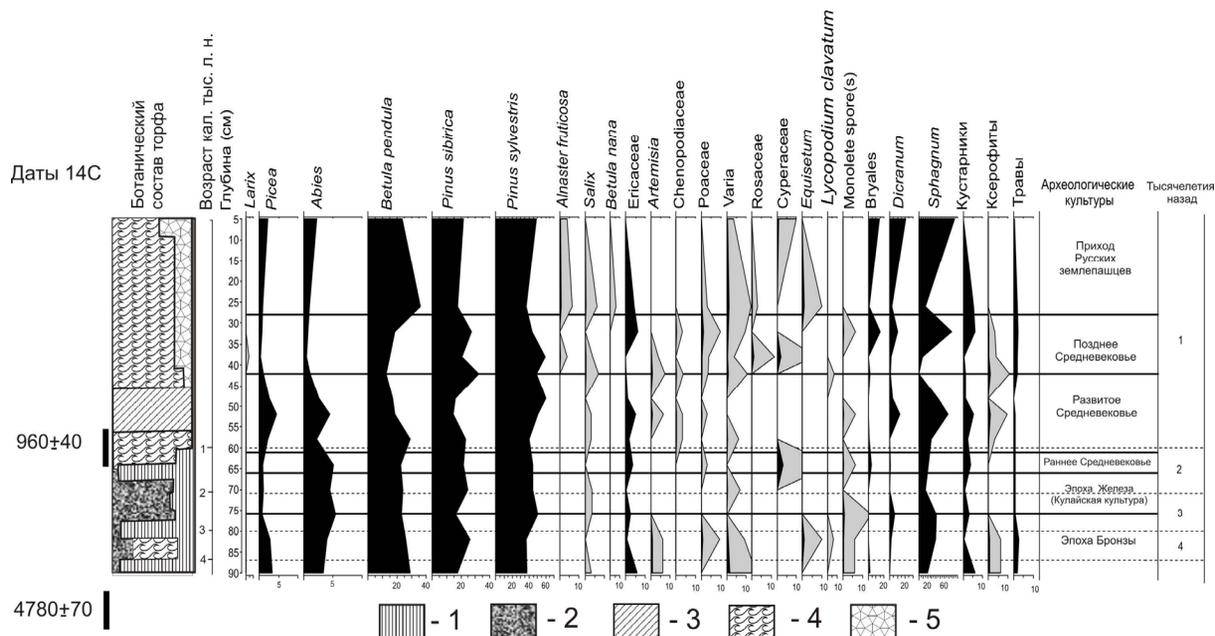

Рис. 2. Часть спорово-пыльцевой диаграммы «Максимкин Яр», отражающая динамику растительного покрова эпохи железа и средневековья в Прикетье. Полная спорово-пыльцевая диаграмма опубликована в монографии Т.А. Бляхарчук [2012, с. 43].

Условные обозначения: 1 — древесный торф; 2 — пушица; 3 — осоки; 4 — сфагновые мхи; 5 — болотные кустарнички.

Fig. 2. Part of spore-pollen diagram Maksimkin Yar showing vegetation dynamic during Iron Age and Middle Age in the Kiet' River region. The complete spore-pollen diagram Maksimkin Yar is published in the monograph T.A. Blyakharchuk [2012, p. 43].

Legend: 1 — wood peat; 2 — cotton grass; 3 — sedges; 4 — sphagnum mosses; 5 — marsh shrubs.

Спорово-пыльцевая диаграмма «Максимкин Яр» получена из естественного торфяного обнажения на р. Кети, у пос. Максимкин Яр (58°30' с.ш., 86°48' в.д., 100–150 м над ур. м.). Общее описание диаграммы и реконструкция растительного покрова с 7300 лет назад до современности приведены в монографии Т.А. Бляхарчук [2012, с. 42–46]. Хронология спорово-пыльцевой диаграммы основана на 4 радиоуглеродных датах, самая молодая из которых, 960 ± 40 лет, получена с глубины 60 см методом сцинтилляции бензола в Радиоуглеродной лаборатории г. Киева. В данной работе рассмотрим более детально ландшафтно-климатическую обстановку Прикетья в периоды расцвета археологических культур: раннего железного века (VI–IV вв. до н.э. — V в.); раннего средневековья (VI–IX вв.); развитого средневековья (X–XIV вв.) и позднего средневековья (XV–XVII вв.). Палеопалинологические данные из берегового обнажения торфяника у пос. Максимкин Яр (рис. 2) свидетельствуют о существовании постоянного таежного растительного покрова в Прикетье в период с V в. до н.э. до современности. В течение рассматриваемого периода лишь несколько менялось соотношение древесных пород в лесах, в которых, однако, постоянно доминировал кедр сибирский (*Pinus sibirica*) при субдоминантном положении сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*), видов древовидных берез (*Betula pendula* и *Betula pubescens*) и подчиненной роли ели (*Picea obovata*) и пихты (*Abies sibirica*). Болотный массив за это время эволюционировал от мезотрофного древесно-пушицевого до олиготрофного сосново-кустарничково-сфагнового болота.

Палеозоологические изменения по периодам археологических культур

При детальном рассмотрении палеозоологических изменений по периодам археологических культур можно отметить следующие особенности растительности и климата исследуемого района:

1. В эпоху раннего железа (VI–IV в. до н.э. — V в.) растительный покров Прикетья по обле-сенности был сходен с современным, но с большим участием пихты (*Abies sibirica*) в лесах. Кедрово-пихтовые леса с березой доминировали на суглинистых и глинистых почвах, а сосна (*Pinus sylvestris*) произрастала на песчаных и супесчаных почвах ложбин древнего стока. В целом с этого времени роль сосны обыкновенной в ландшафте стала более стабильной, вероятно в результате массового перехода болот в олиготрофную стадию развития с доминированием сосново-кустарничково-сфагновой растительности на них. Практически в течение всей этой

эпохи климат в Прикетье был достаточно влажным. В результате этого на исследуемом болоте существовала пушицевая топь, а в лесах значительную роль играла пихта. В такой климато-экологической обстановке в Прикетье достигла расцвета кулайская культура охотников и рыбаков. Хозяйственный уклад кулайских поселений хорошо соответствовал природно-климатической обстановке и способствовал росту населения, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники (поселения и городища) этого времени. В течение этой эпохи, возможно из-за избытка населения, имели место миграции кулайцев на юг и на запад в IV–III в. до н.э. и на рубеже новой эры [Плетнева, 1979, с. 75; Чиндина, 1979, с. 48–50; 2006, с. 410; Косарев, 1981, с. 137; Рыбаков, 2015, с. 19–21] (рис. 3).

2. Период раннего средневековья (VI–IX вв.). В конце V — VI в., вероятно, имело место сильное иссушение климата, в результате которого болото у с. Максимкин Яр заросло лесом. Возможно, отражением этого краткого периода иссушения климата является появление дальнезаноной пыльцы маревых (*Chenopodiaceae*) (рис. 2), индикатора расширения пустынно-степных ландшафтов на юге Западной Сибири. Роль пихты (*Abies sibirica*) (наиболее мезофильной и термофильной древесной породы) в лесах начала постепенно сокращаться. Эти ландшафтно-климатические изменения могли повлиять на закат кулайской культуры, которая сменилась релкинской культурой раннего средневековья. Имеются свидетельства о проникновении в это время степных культур в лесную зону [Львова, 1979, с. 118]. Можно отметить, что к эпохе стабильно влажного климата эпохи раннего железа в Прикетье относятся 14 поселений, а к последующей эпохе раннего средневековья — только 3. Климатическая нестабильность эпохи этого времени проявлялась в резких сменах увлажненности климата. Так, вскоре сухой климат раннего средневековья вновь сменился более влажным и холодным климатом. О похолодании и увлажнении свидетельствует внезапное распространение сфагновых мхов на исследуемом болоте и исчезновение древесного яруса на нем. Неустойчивость климатических условий отмечена в этот период и в более южных лесостепной и степной зонах Западной Сибири и Казахстана [Maskay and Oberhänsli, 2007, p. 314], а также на Алтае [Büntgen et al., 2016, p. 3–4].

3. В эпоху *развитого средневековья* (X–XIV вв.) в Прикетье также происходили ландшафтно-климатические изменения. Если в начале эпохи климат был влажным, то в ее середине, примерно в XII в., имело место климатическое изменение, в результате которого в лесах увеличилась роль ели (*Picea obovata*), а на болоте распространились осоки. Интересно, что распространение ели на диаграмме «Максимкин Яр» почти всегда сопровождается увеличением количества пыльцы полыни (*Artemisia*). Ель, в отличие от пихты, более толерантна к сухому воздуху. Возможно, данная зависимость отражает усиление континентальности климата (более холодные зимы и более жаркие летние сезоны). Это же явление могло способствовать распространению пожаров и усилению в лесах Прикетья роли сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*), как более пирогенно-устойчивой древесной породы, которая стала доминировать также в растительном покрове олиготрофных болот. Постепенное похолодание климата и усиление его континентальности сказалось неблагоприятно на распространении термофильной пихты, уступившей место более приспособленному к континентальному климату кедру сибирскому в конце эпохи развитого средневековья.

4. Таким образом, *к началу эпохи позднего средневековья* (XV–XVII вв.) ландшафты Прикетья характеризовались распространением темнохвойных лесов из ценного орехоплодного дерева — кедра сибирского (*Pinus sibirica*), сосновых боров с мохово-кустарничковым напочвенным покровом и олиготрофных сосново-кустарничково-сфагновых болот. Перечисленные растительные формации, богатые ягодниками, грибами и дичью, могли служить хорошей кормовой базой для охоты и собирательства народов, живших в Прикетье в позднем средневековье. Не исключено, что это способствовало быстрому росту населения, которое практиковало полуседлый образ жизни с осенне-весенними промысловыми выездами в тайгу и оседлой жизнью в зимний и летний периоды (рис. 1). Так, только в археологическом микрорайоне в окрестностях пос. Максимкин Яр обнаружено более 10 селищ и поселений эпохи развитого — позднего средневековья и 8 курганных могильников позднего средневековья. Конец позднего средневековья (XVII в.) хорошо маркируется в пыльцевой диаграмме болота Максимкин Яр по резкому возрастанию обилия пыльцы березы (*Betula pendula*) и сокращению обилия пыльцы сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и кедра (*Pinus sibirica*). Это, по-видимому, отражает приход русских поселенцев, которые стали вырубать ценную строевую сосну для строительства своих селений. В

результате вырубки спелых сосновых лесов доля пыльцы сосны обыкновенной в пыльцевых спектрах снизилась, а березы — увеличилась.

В заключение можно сказать, что динамика климата в бореально-лесной зоне Западной Сибири несомненно оказывала влияние на образ жизни и хозяйственные занятия народов, населявших Прикетье, способствуя либо увеличению кормовой базы всех обитателей ландшафтов изучаемой территории (включая человека), что приводило к росту их числа, либо уменьшая эту базу, что вызывало голод и вымирание. Миграции населения могли быть связаны как с негативными последствиями климатических изменений, так и с позитивным влиянием климато-экологической обстановки, способствовавшей росту населения и оттоку его на новые территории [Жилина, 2012; Могильников, 1979, с. 47; Матющенко, 1979, с. 43–44].

Корреляция природно-климатической ситуации Прикетья и соседних регионов

Детальный анализ данных палинологического исследования торфяника Максимкин Яр показал удивительную синхронность палеоклиматических изменений, имевших место в лесной зоне Прикетья (данные пыльцевой диаграммы «Максимкин Яр» Т.А. Бляхарчук [2012, с. 43] и для лесостепной зоны Барабы (оз. Большие Тороки [Zhilich et al., 2017, p. 155]). Однако эти синхронные изменения не всегда были однонаправленными. В некоторые периоды в этих районах отмечаются противоположные изменения. В Барабинской лесостепи после III тыс. до н.э. климат изменился от сухого, доминировавшего в V–III тыс. до н.э., к более влажному, в результате чего сухая открытая степь сменилась березовой лесостепью. На первый взгляд это находится в противофазе с климатическими изменениями в Прикетье, где после влажного климата среднего голоцена, продолжавшегося с V по III тыс. до н.э., наступил период более сухого климата и топкое шейхцериное болото заросло лесом [Бляхарчук, 2012, с. 43, 45]. Однако это подтверждает гипотезу гетерохронного увлажнения лесной и степной зон Евразии широтным смещением ложбины низкого давления, по которой движутся влагоносные циклоны с запада на восток [Гумилев, 1966, с. 62–71; Абросов, 1962]. В периоды, когда эта ложбина проходит целиком по одной из зон, больше увлажняется именно эта зона (степная или лесная). В период же, когда ложбина низкого давления охватывает обе зоны, — увлажнение климата происходит в обеих зонах. Когда же эта ложбина смещается далеко на север в тундровую зону, обе более южные зоны — лесная и лесостепная синхронно получают меньше влаги. Но последствия синхронного увлажнения или иссушения климата для разных зон и для людей, в них обитающих, будут разными.

Бронзовый век. Наиболее благоприятно, по мнению Гумилева [1966, с. 81–90], было сочетание увлажнения степной зоны с иссушением лесной зоны. Такая ситуация сложилась, судя по всему, пять и четыре тысячелетия назад. Пыльцевая диаграмма «Максимкин Яр» свидетельствует о более континентальном и, возможно, более сухом климате в Прикетье, судя по значительному распространению березы вместе с польнейю и елью. На юго-западе от исследуемого района, в Барабе, наоборот, после III тыс. до н.э. климат стал более влажным и на месте открытой степи распространилась березовая лесостепь. В результате увлажнение степной зоны в бронзовом веке привело к развитию скотоводства с большой долей крупного рогатого скота и зачаточному земледелию на юге Западной Сибири в Барабинской лесостепи [Zhilich et al., 2017, p. 155]. А более сухой климат в лесной зоне осушил непроходимые болота, и южные племена начали продвигаться на север в зону тайги, где стало также меньше изнуряющего гнуса и больше открытых луговин, на которых можно пасти коней и скот. Возможно, именно благодаря таким климатическим изменениям предки кулайцев мигрировали в район Прикетья, принеся с собой с юга развитую технологию добычи и литья металла.

Ранний железный век. По окончании эпохи бронзы климат снова изменился, так как ложбина низкого давления надолго задержалась над лесостепной и лесной зонами Западной Сибири. В результате климат резко увлажнился и в районе Барабинской лесостепи, и в таежном Прикетье. Как отмечено выше, в Прикетье это время совпало с началом эпохи раннего железа и расцветом кулайской культуры. Видимо, новые технологии добычи и использования металла, принесенные ранее предками кулайцев, способствовали прогрессу охотников-рыболовов таежной зоны, и их культура стала стремительно развиваться, а население расти. В результате начались миграции — отток излишнего населения кулайцев на юг и на запад (рис. 3), туда, где, по преданию их предков (пришедших в незапамятные времена с юга), были большие травяные луга и не было топких болот с изнуряющим гнусом [Плетнева, 1979, с. 75; Чиндина, 1979, с. 48–50].

Так охотники-рыболовы появились в Барабинской лесостепи у озера Большие Тороки 2, 3–1,8 тыс. лет назад [Zhilich et al., 2017, p. 155]. Да и сама лесостепь в этот период уже больше

походила на лесную зону, в которой кроме березы распространились кедр и ель. Сходное увлажнение климата и продвижение южной границы таежной зоны на юг в степную зону реконструированы для западных районов Тоболо-Ишимского междуречья 2,1–1,9 тыс. лет назад [Zakh et al., 2010, p. 100]. Во 2-й половине I тыс. носители саргатской культуры, доминировавшие в Барабе, были оттеснены на запад северными племенами — носителями потчевашской культуры, охотниками и рыбаками [Елагин, Молодин, 1991]. Можно отметить, что сходное увлажнение климата в этот период отмечается на юго-востоке Западной Сибири в лесной зоне [Blyakharchuk, 2003, p. 67; Бляхарчук, 2012, с. 43] по пыльцевой диаграмме «Ново-Успенка», где на пойменном Обском болоте распространилась вахтовая топь, а в лесах увеличилась роль кедра и пихты. В Обь-Томском междуречье в лесах также стало больше темнохвойных пород кедра и ели [Vorisoa et al., 2011, p. 68]. А дальше к востоку увлажнились Хакасские степи и повысился уровень воды в оз. Шира в период 2,1–1,5 тыс. лет назад [Kalugin et al., 2013, p. 251].

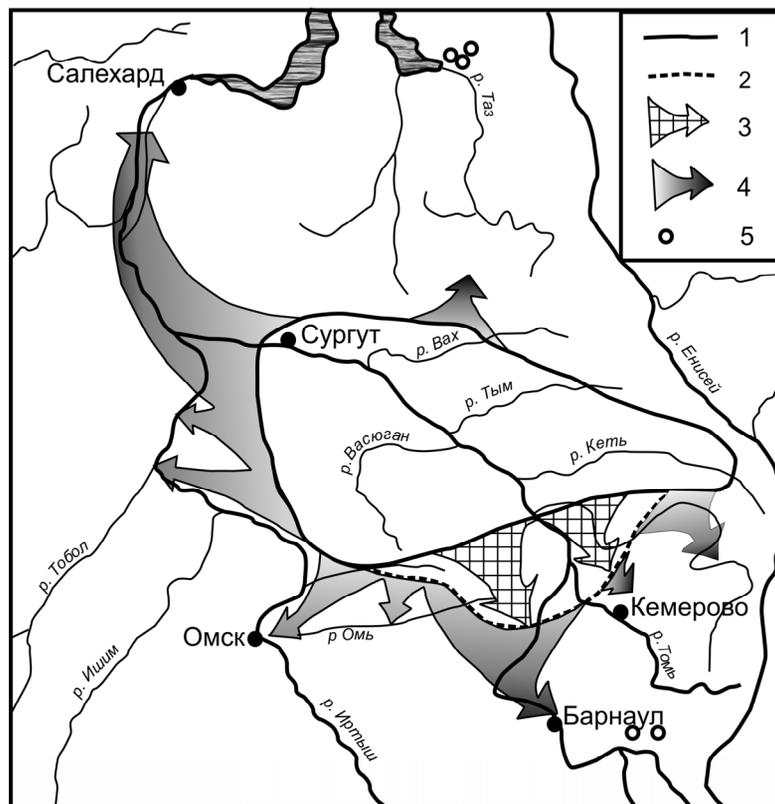

Рис. 3. Миграционные пути кулайского населения:

Условные обозначения: 1 — границы формирования кулайской культуры; 2 — границы кулайской культуры на рубеже III–II вв. до н.э.; 3 — направления первоначальных миграций; 4 — направления миграций кулайцев (саровцев) с рубежа II–I вв. до н.э.; 5 — разрозненные кулайские памятники (по: [Чиндина, 1984, рис. 48]).

Fig. 3. Migration routes of the Kulayka population:

Legend: 1 — the boundaries of the formation of the Kulayka culture; 2 — the boundaries of the Kulayka culture at the turn of the III–II centuries BC; 3 — directions of initial migrations; 4 — directions of migration of the Kulayka people (Sarov people) from the turn of the 2nd to 1st centuries BC; 5 — scattered Kulayka sites (according to: [Chindina, 1984, fig. 48]).

Раннее средневековье (VI–IX вв.). Как было отмечено выше, в Прикетье климат отличался неустойчивостью увлажнения. Периоды сильного иссушения сменялись периодами сильного увлажнения. Если во влажные периоды, когда на болотах разрастались непроходимые топи, охотники-рыболовы могли жить относительно спокойно в изоляции от более воинственных степняков, то в периоды более сухого климата болота становились проходимыми, зарастали лесом и к ним все чаще наведывались южные нежеланные гости. Неустойчивость климатических условий отмечена в этот период и в более южной лесостепной и степной зонах Западной Сибири и Казахстана [Maskay and Oberhänsli, 2007, p. 314], а также на Алтае [Büntgen et al., 2016, p. 3–4]. На юго-востоке от Прикетья в Хакасских степях в VIII–XI вв. имел место период

сильного понижения уровня оз. Шира [Kalugin et al., 2013, p. 251], вызванного, видимо, аридизацией климата. Это могло стимулировать племена местных кочевников к походам на север. Иссушение климата, последствия которого докатывались до таежного Прикетья, в Барабе привели к тому, что в VIII–IX вв. тюркские кочевники — носители сrostкинской культуры стали проникать в район оз. Большие Тороки с юга. С этого времени потомки угров с их таежной культурой сосуществовали здесь с потомками кочевых тюрков, дав начало современным южным хантам и тарским татарам [Молодин, Соловьев, 2004, с. 123–127]. В Прикетье же контакты с южными племенами, возможно, не были столь мирными и релкинская культура пришла в упадок.

Период развитого средневековья (X–XIV вв.) в целом в Прикетье отличался более континентальным и сухим климатом, хотя некоторые циклические вариации в режиме увлажнения имели место. Если в начале развитого средневековья климат был влажным, то примерно в XII в. увеличилась континентальность и он стал суше. Очевидно, область низкого давления сместилась к югу, и циклоны больше увлажняли степную зону, а лесная зона получала меньше осадков, что благоприятствовало развитию культур развитого средневековья в Прикетье. Подтверждением такого сценария является резкое повышение уровня степного озера Шира в Хакасии в XII–XIV вв., выявленное тонкими геохимическими методами [Kalugin et al., 2013, p. 251]. Это время совпало с экспансией татаро-монголов. Увлажнение степной зоны могло способствовать расцвету монгольской империи.

Период позднего средневековья, продолжавшийся в Прикетье в XV–XVII вв. был климатически благоприятным для стабильного проживания племен, занимавшихся рыболовством и охотой. Между тем в Хакасии сильное понижение уровня озера Шира отмечено в XV–XVII вв., после чего уровень озера вновь поднялся и был высоким вплоть до начала XX в. [Kalugin et al., 2013, p. 251]. Небольшое снижение роли таежного биома реконструировано для этого периода в Барабинской лесостепи [Zhilich et al., 2017, p. 155]. Пойменное Обское болото в этот период зарастало лесом и даже горело [Blyakharchuk, 2003, p. 67; Бляхарчук, 2012, с. 43]. Возможно, некоторое иссушение климата ослабило народы, жившие в лесостепной зоне Сибири, и облегчило проникновение русских дружинников на эту территорию, чему благоприятствовало и высыхание болот.

Переход к современности. Дальнейшее длительное увлажнение климата степи, продолжавшееся с XVII по XX в. [Kalugin et al., 2013, p. 251], способствовало закреплению русских землепашцев на новой территории. Пойменное Обское болото в этот период вновь стало влажным и топким, с открытыми вахтово-гипновыми сообществами. Русские переселенцы активно преобразовывали сибирскую природу, вырубая леса для строительства селений и городов, расчищали и распахивали все новые участки леса и лесостепи для земледелия. Обильно увлажнявшаяся лесостепная зона с богатыми черноземными почвами как нельзя лучше благоприятствовала расцвету земледелия и домашнего скотоводства русских крестьян.

Выводы

Анализ палеопалинологических, макрофоссильных и геохимических данных озерных и болотных отложений в лесной, лесостепной и степной зонах Западной Сибири и Хакасии, а также археологических источников позволяет сделать следующие выводы:

1. Динамика климата в бореально-лесной зоне Западной Сибири оказывала влияние на образ жизни и хозяйственные занятия населения Прикетья, либо способствуя увеличению кормовой базы всех обитателей ландшафтов изучаемой территории (включая человека), что приводило к росту их числа, либо уменьшая эту базу, что вызывало голод и вымирание. Миграции населения могли быть связаны как с негативными последствиями климатических изменений, так и с позитивным воздействием климато-экологической обстановки, способствовавшей росту населения и оттоку его на новые территории.

2. Корреляция климатических и культурных событий Прикетья и соседних юго-западных, южных и юго-восточных районов показала синхронность с динамикой увлажненности этих территорий.

3. В эпоху железа и после завершения периода позднего средневековья имело место синхронное повышение увлажнения, как в степной, так и в лесной зоне. Однако в отдельные периоды увлажненность лесной и степной зон была разнонаправленной. Так было в эпоху бронзы и в период развитого средневековья, когда увлажнялась степная зона, а в лесной зоне выпадало меньше осадков. Эти колебания увлажненности хорошо сопоставимы с 500–600-летними циклами увлажненности степной зоны, выявленными по геохимическим индикаторам степного озера Шира [Kalugin et al., 2013, p. 251] в Хакасии. Разнонаправленность гидроклиматических изменений

обычно благоприятно сказывалась на развитии разных культур. При однонаправленном синхронном изменении увлажнения степной и лесной зон чаще происходили миграции и смены культур.

Финансирование. Работа выполнена в рамках программы НИР ИМКЭС СО РАН, проект No. ААААА-А16-116041356666-6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абросов В.Н.* Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Известия ВГО. 1962. № 4.
- Базанов В.А.* Болота бассейна р. Кети // Новые данные о природе Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 96–103.
- Базанов В.А., Евсеева Н.С., Пологова Н.Н.* Роль рельефа и неотектоники в формировании болот левобережья р. Кети // Вопросы географии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 17. С. 68–86.
- Бляхарчук Т.А.* Новые палеопалинологические данные о динамике растительного покрова и климата Западной Сибири и прилегающих территорий в голоцене. Новосибирск: ГЕО, 2012. 138 с.
- Глебов Ф.З., Карпенко Л.В., Климанов В.А., Миндеева Т.Н.* Палеоэкологический анализ торфяного разреза на водоразделе Оби и Васюгана // Сиб. экол. журнал. 1996. № 6. С. 497–504.
- Глебов Ф.З., Толейко Л.С., Стариков Э.В., Жидовленко В.А.* Палинологическая характеристика и датирование по 14С торфяника в Александровском районе Томской области (среднетаежная зона) // Типы болот и принципы их классификации. Л.: Наука, 1974. С. 194–199.
- Гребнева Г.И.* Исследования в бассейне р. Кети // АО 1976 г. М., 1977. С. 197–198.
- Груза Г.В.* Оценка предстоящих изменений климата на территории Российской Федерации // Метеорология и гидрология. 2009. № 11. С. 15–29.
- Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века: (Ландшафт и этнос) // Вестник ЛГУ, 1966. № 18. С. 81–90.
- Евсеева Н.С.* Краткий очерк природы Верхнекетского района // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 23–37.
- Евсеева Н.С.* География Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 222 с.
- Евсеева Н.С., Земцов А.А.* Рельефообразование в лесоболотной зоне Западно-Сибирской равнины. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 241 с.
- Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в первом тысячелетии нашей эры. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Жилина Т.Н.* Природно-климатические условия 1550–1850 гг. как фактор риска развития сельского хозяйства в Западной Сибири // Вестник Том. ун-та. 2012. № 354. С. 77–80.
- Карпенко Л.В.* Основные закономерности развития леса и болота среднетаежной подзоны Обь-Енисейского междуречья в голоцене // Сиб. экол. журнал. 2000. № 5. С. 635–644.
- Косарев М.Ф.* К истории взаимоотношений человека и природы в Западной Сибири (по материалам археологических исследований) // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981. С. 125–141.
- Котляков В.М.* О причинах и следствиях современных изменений климата // Солнечно-земная физика. 2012. Вып. 21. С. 110–114.
- Ладюри Э. Ле Руа.* История климата с 1000 года. Л.: Гидрометеиздат, 1971. 280 с.
- Львов Ю.А.* Географическая структура болотного покрова Западной Сибири // Флора, растительность и растительные ресурсы Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 47–68.
- Львова Э.Л.* К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа (на примере Чулымских тюрок) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 116–122.
- Матющенко В.И.* Естественно-географический и социально-экономический факторы миграции древнего населения Приобья и Прииртышья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 42–45.
- Могильников В.А.* К вопросу о причинах и характере миграций в лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 45–47.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Памятник Сопка 2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 184 с.
- Плетнева Л.М.* Влияние природных условий на хозяйство населения Томского Приобья в эпоху железа // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 73–76.
- Попова В.В., Полякова И.А.* Изменение сроков разрушения устойчивого снежного покрова на севере Евразии в 1936–2008 гг., влияние глобального потепления и роль крупномасштабной атмосферной циркуляции // Лед и снег. 2013. № 2. С. 29–38.
- Рыбаков Д.Ю.* Томское Приобье в конце IV — V вв. до н.э. — IV в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 24 с.

Природно-климатические условия на юго-востоке Западной Сибири и развитие этнокультур...

- Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена: Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
- Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головнев А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. 318 с.
- Чиндина Л.А. О миграциях кулайцев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 48–51.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
- Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: Вчера, сегодня // II Сев. археол. конгресс. Ханты-Мансийск, 2006. С. 404–420.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. 338 с.
- Шнитников В.А. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Географического общества СССР. 1957. Т. 16. 340 с.
- Шумилова Л.В. Ботаническая география Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. 439 с.
- Borisova O.K., Novenko E.Yu., Zelikson E.M., Kremenetski K.V. Lateglacial and Holocene vegetational and climatic changes in the southern taiga zone of West Siberia according to pollen records from Zhukovskoye peat mire // Quaternary International. 237. 2011. P. 65–73.
- Blyakharchuk T.A. Four new pollen sections tracing the Holocene vegetational development of the southern part of the West Siberian Lowland // The Holocene. 2003. Vol. 13. № 5. P. 715–131.
- Blyakharchuk T.A. and Sulerzhitsky L.D. Holocene vegetational and climatic changes in the forest zone of Western Siberia according to pollen records from the extrazonal palsa bog Bugristoye // The Holocene. 1999. Vol. 9. № 5. P. 621–628.
- Büntgen U., Myglan V.S., Ljunqvist F.C., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclauss J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kipling J.O., de Vaan M.A.C., Luterbacher J., Wasker L., Tegel W., Kirdyanov A. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature Geoscience. Advance online publication. 8 February, 2016. <https://doi.org/10.1038/NNGEO2652>
- Jones P.D., New M., Parker D.E., Martin S., and Rigor I.G. Surface air temperature and its changes over the past 150 years // Reviews of Geophysics. May 1999. Vol. 37. No. 2. P. 173–199.
- Kalugin I., Darin A., Rogozin D., Tretyakov G. Seasonal and centennial cycles of carbonate mineralization during the past 2500 years from varved sediment in Lake Shira, South Siberia // Quaternary International. 290–291. 2013. 245–252.
- Mackay A.W. and Oberhänsli H. Reconstructing past environments from remnants of human occupation and sedimentary archives in western Eurasia // Quaternary Research. 2007. 67. P. 313–314.
- Parker D.E., Jones P.D., Peterson T.C. and Kennedy J. Comment on «Unresolved issues with the assessment of multidecadal global land surface temperature trends» by Roger A. Pielke Sr. et al. // Journal of Geophysical Research. 2009. 114. D05104. <https://doi.org/10.1029/2008JD010450>
- Zakh V.A., Ryabogina N.E., Chlachula N.E. Climate and environmental dynamics of the mid-to late Holocene Settlement in the Tobol-Ishim forest-steppe region, West Siberia // Quat. Int. 2010. 220. P. 95–101.
- Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L. Environmental dynamics of the Baraba forest-steppe (Siberia) over the last 8000 years and their impact on the types of economic life of the population // Quaternary Science Reviews. 2017. 163. 152–161.

ИСТОЧНИКИ

Гребнева Г.И. Отчет от археологических исследованиях Кетского отряда летом 1982 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 843.

Blyakharchuk T.A.^{a,*}, Bobrova A.I.^b, Zhilina T.N.^c

^a Institute of monitoring of climatic and ecological systems of Siberian Branch of RAS Academicheskoye prosp., 10/3, Tomsk, 634055, Russian Federation

^b Tomsk Local Lore Museum of M. B. Shatilov Lenin prosp., 75, Tomsk, 634050, Russian Federation

^c National research Tomsk State University Lenin prosp., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation

E-mail: blyakharchuk@mail.ru (Blyakharchuk T.A.); a_bobrova@bk.ru (Bobrova A.I.); zhilinatn@mail.ru (Zhilina T.N.)

Natural and climatic conditions in the south-east of Western Siberia and development of ethnocultures of the Ket' River region (5th c. BC — 17th c. AD)

The paper presents the analysis of the natural and climatic conditions of the Early Iron and Middle Ages in the archaeological region of Priketye (Ket' River region; Verkhneketsky district of the Tomsk Oblast, middle taiga)

* Corresponding author.

based on the available archaeological data and spore-and-pollen diagram of Maksimkin Yar, 58°30'N, 86°48'E, 100–150 m.a.s.l. (Blyakharchuk, 2012). The chronology of the archaeological sites and monuments covers a large time span — from the Neolithic to the late Middle Ages, including the time of the arrival of Russian farmers into the area. The aim of the study is to reconstruct the dynamics of the natural environment during the existence of the archaeological cultures of the indicated time interval using paleopalynological data from a nearby spore-and-pollen section, as well as to demonstrate the capabilities and advantages of complex paleoecological-archaeological research in the taiga zone of Western Siberia (middle course of the Ket' River near the Maksimkin Yar village) previously not covered by such studies. The material and source of the archaeological data comprised collections and archives of exploratory and stationary excavations of the archaeological sites from the area in the vicinity of the Maksimkin Yar village. Paleopalynological (spore-and-pollen diagram) and paleoecological (botanical composition of peat) data were obtained and published by one of the authors earlier (Blyakharchuk, 2012). In this work, comparative historical and statistical methods of the analysis of archaeological data were employed, along with two paleoecological methods (spore-and-pollen analysis and analysis of the botanical composition of peat) with respective statistical processing of the numerical data from these analyses. The paleoecological block of information is presented graphically in the form of a spore-and-pollen diagram built on the basis of the paleopalynological data and two radiocarbon dates covering the studied time interval. The Bacon software was used to calibrate the radiocarbon dates and to date each sample. The studies have shown that the climate change in the boreal forest zone of Western Siberia influenced the lifestyle and economic activities of the population of the Priketye area. Correlation of the climatic and cultural events of the studied area with neighboring southwestern, southern, and southeastern regions showed their synchronicity with the dynamics of the hydroclimate on these territories. During the Iron Age and after the end of the late Middle Ages, there was a synchronous increase in humidity, both in the steppe zone and in the forest zone. In the Bronze Age and during the high Middle Ages, the steppe zone was humid, but less atmospheric precipitation fell out in the forest zone. These fluctuations in the moisture content are well correlated with the 500–600-year hydrological cycles in the steppe zone, identified by geochemical indicators of the steppe Shira Lake in Khakassia (Kalugin et al., 2013, p. 251). Changes in the hydroclimatic conditions in the forest and steppe zones had different effects on the local cultures and could stimulate either their rise or decline, as well as migrations.

Keywords: Ket' River region, microdistrict, archaeological sites, the Iron Age, pollen, climate, vegetation.

Funding. The work was carried out within the framework of the budget program of the IMCES SB RAS project No. AAAAA-A16-116041356666-6.

REFERENCES

- Abrosov, V.N. (1962). Heterochronism of periods of increased moistening of the humid and arid zones. *Izvestiia Vserossiiskogo Geograficheskogo Obshchestva*, (4), 1–25. (Rus.).
- Bazanov, V.A. (1980). Swamps of the Ket' River basin. In: *Novye dannye o prirode Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 96–103. (Rus.).
- Bazanov, V.A., Evseeva, N.S., Pologova, N.N. (1987). The role of relief and neotectonics in the formation of bogs on the left bank of the Ket' River. *Voprosy geografii Sibiri*, (17), 68–86. (Rus.).
- Blyakharchuk, T.A. (2003). Four new pollen sections tracing the Holocene vegetational development of the southern part of the West Siberian Lowland. *The Holocene*, 13(5), 715–731.
- Blyakharchuk, T.A. (2012). New palaeopalynological data on the dynamics of the vegetation cover and climate of Western Siberia and adjacent territories in the Holocene. Novosibirsk: GEO. (Rus.).
- Blyakharchuk, T.A., and Sulerzhitsky, L.D. (1999). Holocene vegetational and climatic changes in the forest zone of Western Siberia according to pollen records from the extrazonal palsa bog Bugristoye. *The Holocene*, 9(5), 621–628.
- Borisova, O.K., Novenko, E.Yu., Zelikson, E.M., Kremenetski, K.V. (2011). Lateglacial and Holocene vegetational and climatic changes in the southern taiga zone of West Siberia according to pollen records from Zhukovskoye peat mire. *Quaternary International*, (237), 65–73.
- Büntgen, U., Myglan, V.S., Ljunqvist, F.C., McCormuck, M., Di Cosmo, N., Sigl, M., Jungclaus, J., Wagner, S., Krusic, P.J., Esper, J., Kplan, J.O., de Vaan, M.A.C., Luterbacher, J., Wasker, L., Tegel, W., Kirilyanov, A. (2016). Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. *Nature Geoscience. Advance online publication*. <https://doi.org/10.1038/NGEO2652>
- Chindina, L.A. (1979). About migrations of Kulay population. In: *Osobennosti yestestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskoy protsessy v Zapadnoy Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 48–51. (Rus.).
- Chindina, L.A. (1984). *Ancient history of the Middle Ob River region in the Iron Age*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Chindina, L.A. (2006). Problems of the Kulayka culture: Past, contemporary. In: *II Northern Archaeological Congress*. Khanty-Mansiysk, 404–420. (Rus.).

Природно-климатические условия на юго-востоке Западной Сибири и развитие этнокультур...

- Chindina, L.A., Yakovlev, Y.A., Ozheredov, Yu.I. (1990). *Archaeological map of the Tomsk region. Tom 1*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Elagin, V.S., Molodin, V.I. (1991). *Baraba in the first millennium AD*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Evseeva, N.S. (1997). A brief outline of the nature of the Verkhneketsky district. In: *Zemlia Verkhneketskaia*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 23–37. (Rus.).
- Evseeva, N.S. (2001). *Geography of the Tomsk region*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Evseeva, N.S., Zemtsov, A.A. (1990). *Relief formation in the forest-bog zone of the West Siberian Plain*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Glebov, F.Z., Karpenko, L.V., Klimanov, V.A., Mindeeva, T.N. (1996). Paleocological analysis of the peat section on the watershed of the Ob and Vasyugan. *Sibirskii ekologicheskii zhurnal*, (6), 497–504. (Rus.).
- Glebov, F.Z., Toleiko, L.S., Starikov, E.V., Zhidovlenko, V.A. (1974). Palynological characteristics and dating to 14C of peat in the Aleksandrovsky district of the Tomsk region (mid-taiga zone). In: *Tipy bolot i printsipy ikh klassifikatsii*. Leningrad: Nauka, 194–199. (Rus.).
- Gumilyov, L.N. (1966). Heterochronism of humidification of Eurasia in the Middle Ages: (Landscape and ethnos)]. *Vestnik Leningradskogo Universiteta*, (18), 81–90. (Rus.).
- Jones, P.D., New, M., Parker, D.E., Martin S., and Rigor, I.G. (1999). Surface air temperature and its changes over the past 150 years. *Reviews of Geophysics*, 37(2), 173–199.
- Kalugin, I., Darin, A., Rogozin, D., Tretyakov, G. (2013). Seasonal and centennial cycles of carbonate mineralization during the past 2500 years from varved sediment in Lake Shira, South Siberia. *Quaternary International*, (290–291), 245–252.
- Karpenko, L.V. (2000). The main peculiarities of forest and swamp development in the middle taiga subzone of the Ob-Yenisei interfluvium in the Holocene. *Sibirskii ekologicheskii zhurnal*, (5), 635–644. (Rus.).
- Kosarev, M.F. (1981). On the history of the relationship between man and nature in Western Siberia (based on archaeological research). In: *Antropogennye faktory v istorii razvitiia sovremennykh ekosistem*. Moscow: Nauka, 125–141. (Rus.).
- Kotlyakov, V.M. (2012). On the causes and consequences of modern climate change. *Solnechno-zemnaya fizika*, (21), 110–114. (Rus.).
- Ladurie, E. Le Roy (1971). *Climate history since 1000*. Leningrad: Gidrometeoizdat. (Rus.).
- Lvov, Yu.A. (1987). Geographic structure of the bog cover of Western Siberia. In: A.V. Polozhy (Ed.). *Flora, rastitel'nost' i rastitel'nye resursy Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 47–68. (Rus.).
- Lvova, E.L. (1979). To the question of some patterns of development of an ethnos and a cultural-economic type (on the example of the Chulym Turks). In: *Osobennosti yestestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskiye protsessy v Zapadnoy Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 116–122. (Rus.).
- Mackay, A.W., Oberhänsli, H. (2007). Reconstructing past environments from remnants of human occupation and sedimentary archives in western Eurasia. *Quaternary Research*, (67), 313–314.
- Matyushchenko, V.I. (1979). Natural-geographical and socio-economic factors of migration of the ancient population of the Ob and Irtysh river basins. In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskikh uslovii i istoricheskiye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 42–45. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (1979). On the causes and nature of migrations in the forest-steppe of Western Siberia in the Early Iron Age. In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskikh uslovii i istoricheskiye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 45–47. (Rus.).
- Molodin, V.I., Solov'yev, A.I. (2004). *Monument Sopka-2 on the Om' River basin. Tom. 2*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Orlova, L.A., and Panychev, V.A. (1985). Radiocarbon Chronology and History of Lake Vats in the Middle Late Holocene. In: *Stratigrafiya pleystotsena Sibiri*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta geologii i geofiziki, 20–29. (Rus.).
- Parker, D.E., Jones, P.D., Peterson, T.C., and Kennedy, J. (2009). Comment on “Unresolved issues with the assessment of multidecadal global land surface temperature trends” by Roger A. Pielke Sr. et al. *Journal of Geophysical Research*, (114), D05104. <https://doi.org/10.1029/2008JD010450>
- Pelikh, G.I. (1981). *Selkups of the 17th century (essays on socio-economic history)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 176. (Rus.).
- Pletneva, L.M. (1979). The influence of natural conditions on the economy of the population of Tomsk Ob' River area in the era of iron. In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskikh uslovii i istoricheskiye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 73–76. (Rus.).
- Shnitnikov, V.A. (1957). Variability of the total moisture content of the continents of the northern hemisphere. *Zapiski Geograficheskogo obshchestva SSSR*, 16. (Rus.).
- Shumilova, L.V. (1962). *Botanical geography of Siberia*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Tuchkova, N.A. (2014). Selkup ecumenical school: *The habitable space of the Selkups of the southern and central dialect groups*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).

Бляхарчук Т.А., Боброва А.И., Жилина Т.Н.

Tuchkova, N.A., Glushkov, S.V., Kosheleva, E.Yu., Golovnev, A.V., Baydak, A.V., Maksimova, N.P. (2011). *Selkups: Essays on traditional culture and Selkup language*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Zakh, V.A., Ryabogina, N.E., Chlachula, N.E. (2010). Climate and environmental dynamics of the mid-to late Holocene Settlement in the Tobol-Ishim forest-steppe region, West Siberia. *Quaternary International*, 220, 95–101.

Zhilich, S., Rudaya, N., Krivonogov, S., Nazarova, L. (2017). Environmental dynamics of the Baraba forest-steppe (Siberia) over the last 8000 years and their impact on the types of economic life of the population. *Quaternary Science Reviews*, 163, 152–161.

Zhilina, T.N. (2012). Natural and Climatic Conditions in 1550-1850 as a Risk Factor of Agricultural Development in Western Siberia. *Tomsk state university journal*, (354), 77–80. (Rus.).

Бляхарчук Т.А., <https://orcid.org/0000-0001-7650-1600>

Боброва А.И., <https://orcid.org/0000-0001-9309-1359>

Жилина Т.Н., <https://orcid.org/0000-0002-0120-2961>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Барышникова О.Н.^a, Михаревич М.В.^b, Грушин С.П.^{a,*}, Сайберт В.О.^a

^a Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

^b Сибирский НИИ геологии, геофизики и минерального сырья, Красный просп., 67, Новосибирск, 630091
E-mail: onb-olga@yandex.ru (Барышникова О.Н.); miharevich@yandex.ru (Михаревич М.В.);
gsp142@mail.ru (Грушин С.П.); vita77792@mail.ru (Сайберт В.О.)

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКА МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН-2 ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ В IV–VIII вв. н.э.

Исследования отложений культурного слоя комплекса памятников Малого Гоньбинского Кордона-2 позволили реконструировать особенности растительного покрова и облика окружающих поселения ландшафтов в раннесредневековое время. Представлены результаты спорово-пыльцевого анализа, проведенных палеорусловой реконструкции и геоинформационного моделирования территории памятника. В результате были сделаны выводы о характере природных условий и расположении основного русла р. Оби вблизи комплекса городищ, а также доказана приуроченность поселенческих комплексов к промысловым угодьям.

Ключевые слова: *одинцовская культура, раннее средневековье, реконструкция ландшафтов, археология, палинологический метод, геоинформационное моделирование.*

Введение

Одинцовская культура, существовавшая на территории Барнаульско-Бийского Приобья во второй половине IV — VIII в. н.э., сформировалась на основе взаимодействия местных самодийских племен с кочевыми племенами Средней Азии и Горного Алтая [История Алтая..., 2019, с. 312]. Археологические памятники одинцовской культуры были обнаружены на Бие-Чумышской возвышенности, Предсалаирской равнине, в предгорьях Алтая, междуречье Катунь и Бии, а также в долине р. Оби. В статье впервые представлена реконструкция природных условий периода существования комплекса городищ и поселений этой культуры, получившего название Малый Гоньбинский Кордон-2 (МГК-2).

Объект исследования

Комплекс городищ и поселений Малый Гоньбинский Кордон-2 (МГК-2) расположен в Тальменском районе Алтайского края, открыт Ю.Ф. Кирюшиным в 1978 г., исследован А.А. Казаковым [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68]. Особый интерес для изучения представляют городища Малый Гоньбинский Кордон-2/6 (МГК-2/6), состоящие из шести самостоятельных объектов, имеющих чешуевидное взаиморасположение [Казаков, 2014, с. 22]. На поверхности памятников отчетливо прослеживается система земляных рвов и валов подковообразной формы. Эти антропогенные формы рельефа представляют собой сооружения, которые имели большое практическое значение для жителей поселения. Земляной вал, окружавший поселение, начинался и заканчивался у края надпойменной террасы р. Оби.

Городище МГК-2/6-2 (рис. 1, 3), которое расположено в западной части комплекса, было исследовано А.А. Казаковым в 1993 г. сплошным раскопом площадью 3368 м². Зафиксировано 30 построек как жилищного, так и хозяйственного назначения. Часть, а именно девять, жилищных конструкций исследованы частично, так как были утрачены из-за обрушения уступа террасы. Сохранившиеся постройки (21 объект) исследованы полностью [Казаков и др., 2015, с. 312–315]. Проведенные исследования позволили охарактеризовать хозяйственную деятельность населения одинцовской культуры как комплексную, сочетающую в себе производящие и присваивающие элементы хозяйства при ведущей роли охоты и рыболовства [Казаков, 2014, с. 140].

В 2018 г. экспедицией Алтайского государственного университета проведено археологическое обследование комплекса городищ МГК-2/6. Работы показали, что на памятнике МГК-2/6-3 и МГК-2/6-4 полностью уничтожен траншеей культурный слой на площади более 325 м² (рис. 1, 3). К сожалению, в результате было частично разрушено пять западин, оставшихся на месте жилищ,

* Corresponding author.

и два участка рва, опоясывающего городище. В ходе обследования были зачищены стенки траншеи, пересекающей городище. Из отложений культурного слоя отобраны пробы для споро-пыльцевого анализа (рис. 1, 2).

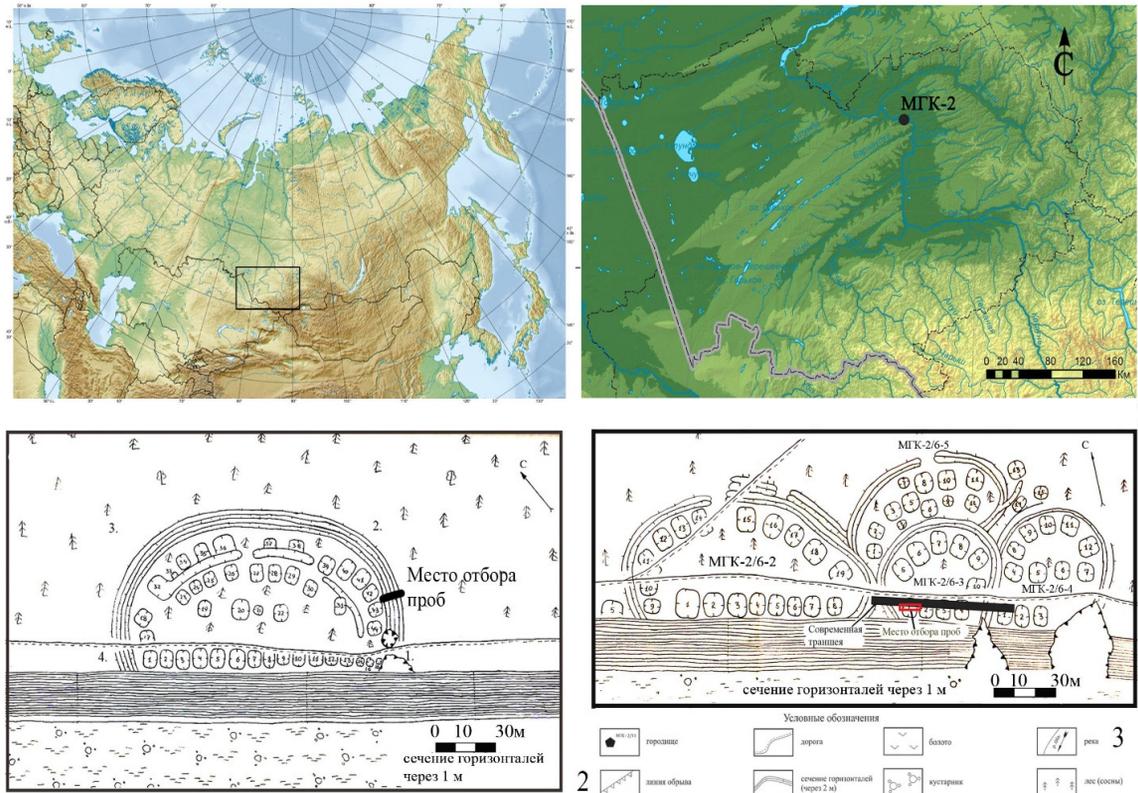

Рис. 1. Расположение комплекса городищ МГК-2:

1 — МГК-2 на карте Северной Евразии и Верхнего Приобья; 2, 3 — топоплан городищ МГК-2/11 и МГК-2/6 с указанием мест отбора проб.

Fig. 1. Location of the complex of settlements MGK-2:

1 — MGK-2 on the map of Northern Eurasia and the Upper Ob region; 2, 3 — topographic plan of the fortified settlements MGK-2/11 and MGK-2/6, indicating the places of sampling.

Географическое положение

Положение района исследования в долине реки позволяет осуществить относительную временную привязку природных условий, соответствующих времени одинцовской культуры. С.А. Архиповым и И.А. Волковым установлено, что отложения пойменной и частично I надпойменной террасы формировались на протяжении голоцена [Архипов, 1971, с. 276; Волков, 1976, с. 212]. С начала голоцена (12 750–5880 л.н.) в долинах крупных рек и их притоков происходило формирование I надпойменной террасы и отложений современной поймы. Терраса сформировалась в два этапа, разделенных кратковременным периодом иссушения. Ранний этап охватывал время 14–12 тыс. л.н., а поздний, начавшись 11–10 тыс. л.н., завершился уже в голоцене во время атлантического периода (около 7 тыс. л.н.). Нижняя часть изученных нами отложений — это галечниково-песчаный материал цоколя террасы, так называемая русловая фация аллювия. Верхние 2–3 м отложений этой террасы представлены песками с единичными включениями мелкого галечника (аллювий I террасы). Выше располагаются отложения, послужившие материнской породой для почвенного покрова.

Высота I надпойменной террасы Оби достигает 6–12 м, на ее притоках — около 8 м. Пойма же возвышается над урезом воды на 2–4 м. Песчаный субстрат террасы и относительно неглубокое залегание грунтовых вод благоприятны для произрастания сосны. Под современными сосновыми лесами сформировались молодые дерново-боровые почвы [Гаель, Маланин, 1977, с. 23–24]. В растительном покрове этих лесов значительную роль играют степные травы. Ос-

тепнение боров происходит со времени малого ледникового периода и последовавшего за ним иссушения [Николаев, 1999, с. 68].

Современная ландшафтная структура района исследования отличается высоким разнообразием. На участке поймы Оби, примыкающем непосредственно к эрозионному уступу первой надпойменной террасы, чередуются старичные понижения с осоковыми и разнотравно-осоковыми лугами на дерново-слоистых почвах, бывшие прирусловые валы и гривы с ивовыми и тополевыми лесами на дерново-слоистых почвах. На террасовой поверхности, в нижней части склонов гряд, произрастают сосновые леса, которые в межрядовых понижениях постепенно переходят в сосново-березовые высокотравные леса на серых лесных почвах. Днища межрядовых понижений заняты березовыми папоротниковыми лесами на дерново-глеевых почвах. В ложбинах стока и в замкнутых понижениях встречаются болота.

Появление городищ одинцовской культуры на поверхности I надпойменной террасы по археологическим материалам относится ко второй половине IV — VIII в. н.э. [Казаков, 2014, с. 21–23]. Изменения климата во время существования одинцовской культуры развивались на фоне относительно теплого и сухого интервала климатического ритма, который характеризовался постепенным нарастанием среднегодовой температуры воздуха от начала нашей эры до 1000 года [Шнитников, 1957, с. 237]. Положение района исследования в зоне умеренной теплообеспеченности и недостаточного увлажнения определило решающую роль последнего в изменении растительного покрова территории. Около 1800 л.н. (200–300 гг.) в горах Алтая происходило некоторое похолодание климата — средняя температура июля могла опускаться ниже современной на 0,2–0,3 °С, что сопровождалось ростом ледников [Галахов и др., 2005]. В интервале 4000–1000 л.н. в осадках пресноводных озер плато Улаган обнаружена пыльца ели сибирской (*Picea obovata*) и пихты сибирской (*Abies sibirica*), что допускает вероятность существования на данном отрезке времени теплого и влажного климата [Blyakharchuk et al., 2004, р. 259–279]. В бассейне р. Чуи на основе изучения прослоек торфа из отложений урочища Ештыккель, имеющих возраст 1745 ± 45 л.н. (СОАН 4866) и 1880 ± 60 л.н. (СО АН 2341), также было зафиксировано некоторое потепление климата [Галахов и др., 2005].

По данным спорово-пыльцевых спектров, выделенных из голоценовых отложений Тархатинской долины, в интервале 370–580 н.э. установлен холодный и влажный период [Schlüt, Lehmkuhl, 2007, р. 14]. К этому времени можно отнести похолодание климата, повышение уровня и снижение минерализации вод оз. Кучук [Rudaya et al, 2012]. Колебания климата, происшедшие в бассейне Верхней Оби, сопровождались изменением расходов воды в реках и перестройкой растительного покрова. Ранее исследованные споро-пыльцевые спектры заполнения жилищ одинцовских городищ Сошниково-1 и Городища-2 на озере Большой Иткуль, расположенных на высоких террасах правого берега Верхней Оби, соответствуют сосновому и березово-сосновому лесу. По мнению А.А. Казакова, эти данные, а также топографические особенности расположения поселенческих комплексов свидетельствуют о большей увлажненности климата в одинцовское время и соответственно о более высоком уровне залегания грунтовых вод [2014, с. 95–96]. Общим для памятников одинцовской культуры, сформировавшихся на разновозрастных и разновысотных поверхностях, является их расположение в лесных массивах и на берегу водоемов. Не является исключением положение городищ МГК-2.

Материалы и методы

Археологические работы на памятниках МГК-2/6-3 и МГК-2/11 в 2018–2020 гг. позволили изучить отложения первой надпойменной террасы, обнажающиеся в стенке траншеи, и отобрать образцы породы для спорово-пыльцевого анализа. Пробы отбирались из отложений культурного слоя городища и смежных с ним слоев, которые заполняли котлован жилища и рвы, через каждые 10–15 см. Отбор проб осуществлялся в соответствии с требованиями палинологического метода [Dimbleby, 1985, с. 20–35; Рябогина, Якимов, 2010, с. 197–199]. Пробоподготовка проводилась с использованием сепарационного метода В.П. Гричука [Пыльцевой анализ, 1950]. При расчете доли отдельных компонентов пыльцы за 100 % взята общая сумма пыльцевых зерен, при расчете участия спор за 100 % принималась общая сумма пыльцы и спор. Остатки проб были промыты на палеокарпологический анализ. После изучения пыльцы растений, обнаруженных в образцах из культурного слоя, были построены диаграммы, отражающие изменения соотношений пыльцы растений, относящихся к разным экологическим группам. Полученные результаты были дополнены данными об ископаемых семенах. Особое внимание обращалось на виды, индицирующие антропогенную трансформацию природной среды.

Применение данных методов позволило восстановить растительный покров времени существования комплекса памятников МГК-2.

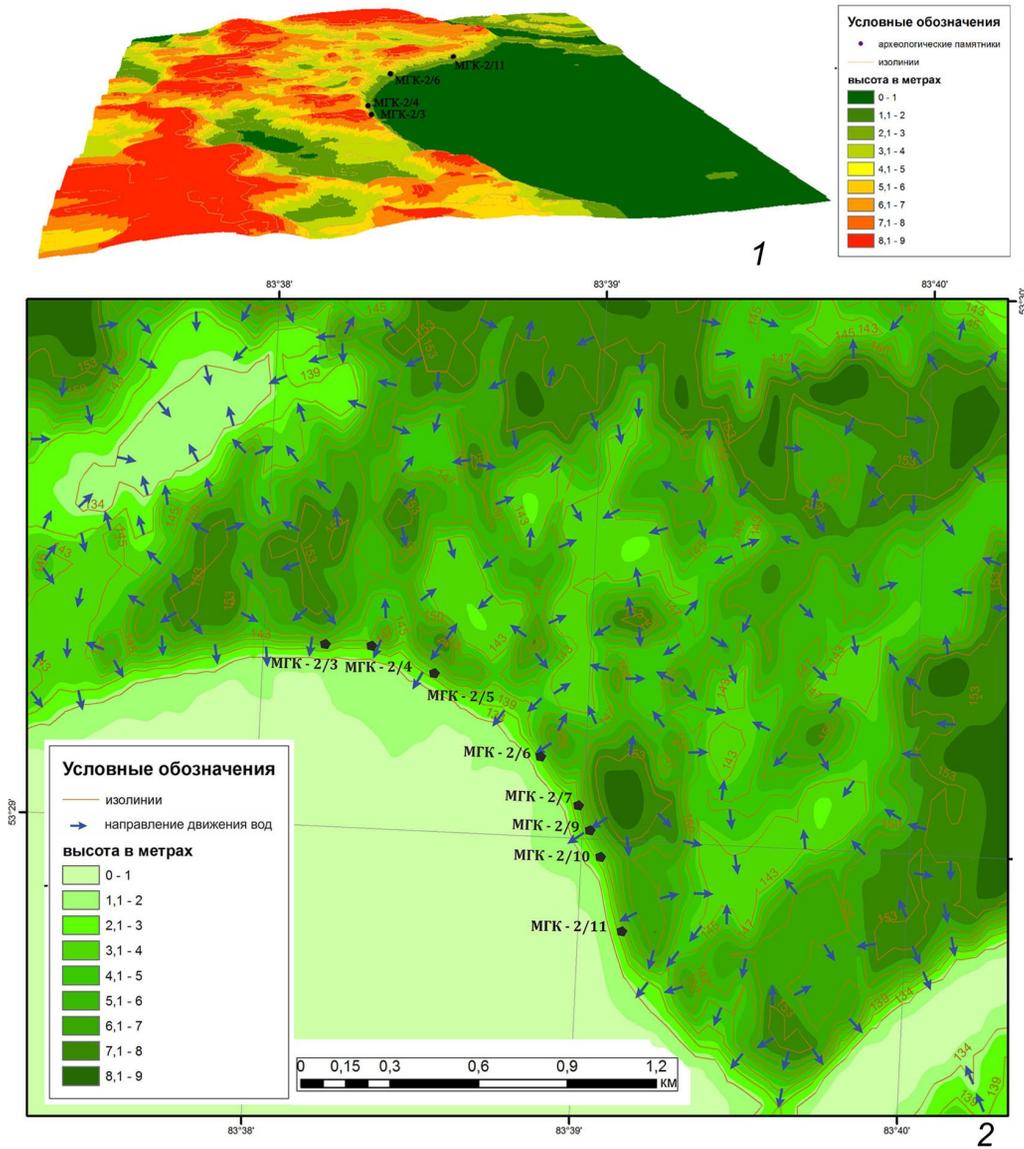

Рис. 2. Геоинформационные модели окрестностей памятника МГК-2:

1 — 3D модель рельефа; 2 — схема миграции поверхностных вод.

Fig. 2. Spatial models of the vicinity of the MGK-2 monument:

1 — 3D relief model; 2 — is a diagram of surface water migration.

Ведущим методом дальнейшей интерпретации фактических данных был ландшафтный анализ. Его применение для проведения палеогеографических реконструкций обусловлено наличием в морфологической структуре современных ландшафтов реликтовых, т.е. характеризующих свойства прошлых ландшафтообразующих процессов, элементов, а также необходимостью сопоставить факты, полученные в районе исследования, с данными других авторов с учетом основных факторов дифференциации ландшафтной сферы Земли [Полынов, 1952, с. 381–393]. Восстановление плановых деформаций русла р. Оби проводилось с помощью установления средней высоты и особенностей строения поймы [Чалов, 1973, с. 71–77; Кирик, Чалов, 1980, с. 37–45]. По космическим снимкам с анализом расчетов NDVI изучались разновозрастные сегменты поймы (рис. 3, 1). Наиболее выровненные поверхности соответствуют более древним сегментам, гривистые — относительно молодым участкам поймы [Чернов и др., 2009, с. 181–190;

Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2...

Karmanov et al., 2011, p. 128–137; Назаров и др., 2014, с.4–7]. Применение геоинформационных технологий позволило создать 3D-модели рельефа, схему миграции поверхностных вод, установить принадлежность разных типов растительности к определенным элементам рельефа и построить карту современных ландшафтов [Сайберт и др., 2020, с. 239–342]. Это повысило объективность реконструкции природной обстановки времени существования городищ МГК-2.

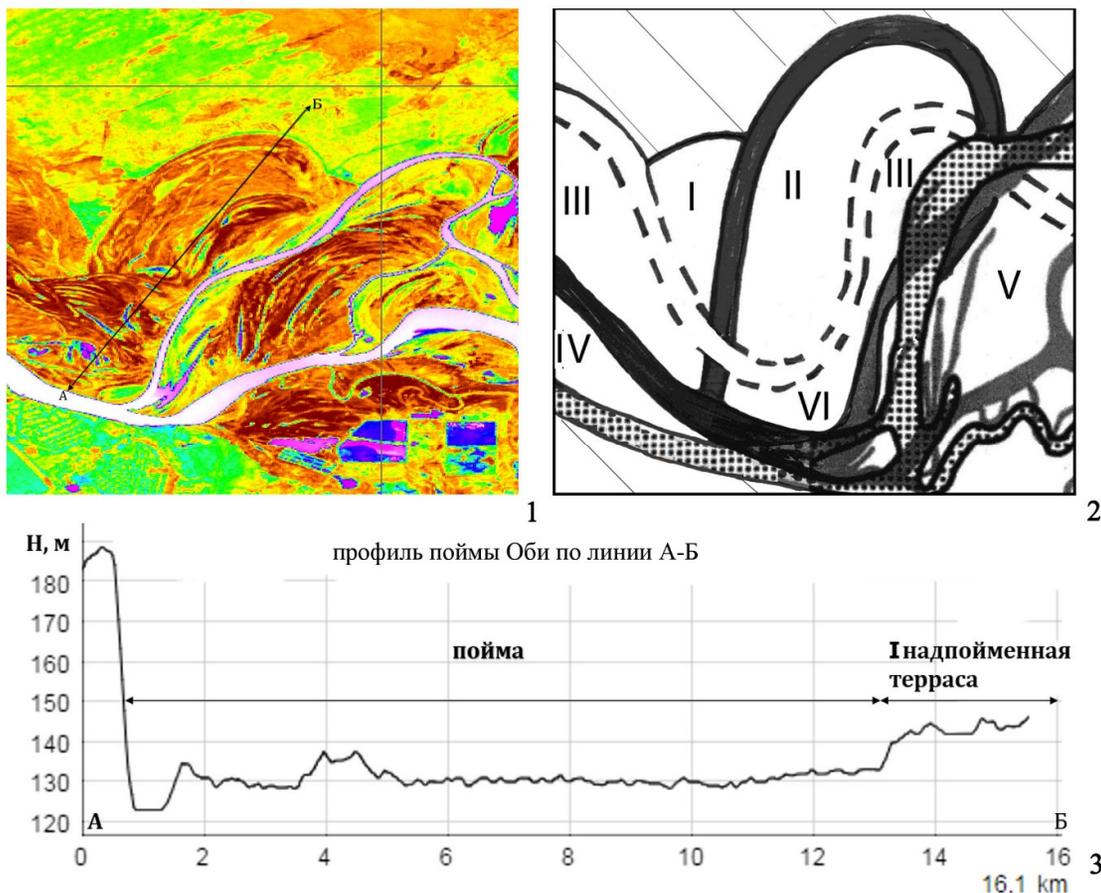

Рис. 3. Результаты палеорусловых реконструкций участка поймы р. Оби в районе МГК-2: 1 — NDVI, построенный по фрагменту космоснимка Landsat 8 (фрагмент квадрата 148023 от 17.07.2020); 2 — горизонтальные деформации русла р. Оби в районе археологического памятника МГК-2 (I–V — номера сегментов поймы в порядке уменьшения их возраста); 3 — профиль по линии А–Б через долину р. Оби в районе археологического памятника МГК-2.

Fig. 3. Results of paleo-channel reconstructions of the Ob river floodplain in the area of MGK-2: 1 — NDVI built on a fragment of the Landsat 8 satellite image (fragment of the square № 148023 from 17.07.2020). 2 — horizontal deformations of the Ob river in the area of the MGK-2 archaeological site (I–V — numbers of floodplain segments in order of decreasing age); 3 — profile along the line A–B through the valley of the river. Ob in the area of the archaeological site MGK-2.

Результаты

На основе цифровой модели рельефа была получена 3D-визуализация форм поверхности отложений, перекрывающих культурный слой памятников МГК-2, что показало приуроченность разных типов растительности к определенным гипсометрическим уровням рельефа (рис. 2, 1). Геоинформационные модели наглядно демонстрируют, что комплекс МГК-2 располагался на самых низких отметках поверхности I надпойменной террасы и мог испытывать воздействие грунтовых вод, а также потока поверхностных талых и дождевых вод (рис. 2, 2). Возможно, это обстоятельство обусловило необходимость создания вокруг поселения дренажной системы, основными элементами которой были неглубокие рвы, которые могли одновременно играть роль фортификационных сооружений [Сайберт и др., 2020, с. 239–242].

Ландшафтный анализ участка поймы Оби, примыкающего к I надпойменной террасе в районе расположения комплекса памятников МГК-2, позволил выделить шесть разновозрастных сегментов поймы, два из которых непосредственно граничат с уступом террасы (рис. 3). На по-

верхности наиболее древнего сегмента в настоящее время существует притеррасное низинное болото. Следующий за ним сегмент представляет собой чередование невысоких гряд, разделенных неглубокими межгрядовыми понижениями. Наиболее низкая часть этого сегмента поймы представляет собой заросшее русло реки Оби, которое сформировало огромную петлеобразную старицу. Подобные образования исследователи связывают со снижением водности реки и преобладанием плановых деформаций над вертикальными деформациями русла [Чернов и др., 2010, с. 181–190; Karmanov et al., 2011, p. 128–137; Карманов и др., 2013, с. 83–93]. Н.И. Маккавеевым было установлено, что в районе г. Барнаула русловые деформации в основном обусловлены изменением руслоформирующих расходов воды [Маккавеев, Чалов, 1964, с. 120–125]. Из этого можно заключить, что снижение водности на реках с алтайским типом водного режима, к которым относится Верхняя Обь, может быть обусловлено сокращением доли ледникового питания в периоды похолодания климата. Такое похолодание сопровождалось подвижкой ледников в горах Алтая [Галахов и др., 2005]. Оно установлено также в интервале 1800–1560 л.н. Н.А. Рудой по увеличению некоторых видов диатомовых водорослей в отложениях озера Большое Яровое Кулундинской равнины [Rudaya et al, 2012, p. 32–42]. Этот временной интервал соответствует времени существования памятника МГК-2, реконструкция растительного покрова окрестностей городища отражает некоторую перестройку структуры растительного покрова под новые климатические условия.

Характер растительного покрова времени существования одинцовской культуры был восстановлен по результатам анализа пяти проб, полученных из культурного слоя городища МГК-2. В разрезе отложений I надпойменной террасы культурный слой находится на глубине 10–42 см. Его мощность составляет около 50 см. Отложения культурного слоя представлены буровато-серыми супесями с линзами и прослойками суглинков с включениями углей. Осадки культурного слоя перекрыты отложениями торфа или буровато-серого суглинка, переходящего в верхней части в горизонт погребенных почв мощностью 6–20 см. Выше располагается слой желтовато-серой супеси с прослойками окиси железа. На поверхности этих отложений существуют современные почвы с выраженным дерновым горизонтом мощностью около 5–10 см.

На археологическом памятнике МГК-2/11 зачищены отложения основного вала, внутреннего и внешнего рвов (рис. 4, А–В), расположенных на границе поселения. Из культурного слоя этих отложений, а именно из рвов и вала, отобраны пробы для проведения спорово-пыльцевого анализа. Полученные спорово-пыльцевые спектры сравнивались с субрецентным спектром, характеризующим верхний дерновый горизонт отложений (проба 1) (рис. 4, А). Он отражает структуру современной ассоциации сосновых лесов зеленомошников с участками злаковых и осоковых березовых лесов, возможно в незначительной степени подвергшихся антропогенному воздействию.

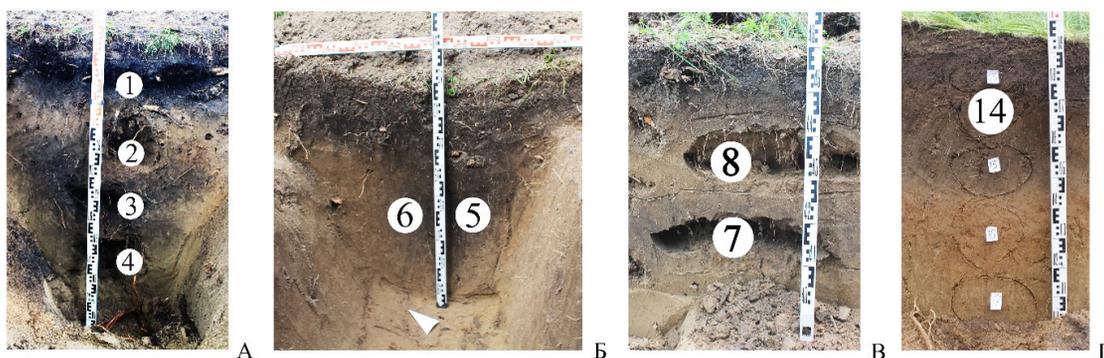

Рис. 4. Разрезы с местами отбора проб:

А — обнажение № 1 отложений внутреннего рва; Б — обнажение № 2 отложений внешнего рва; В — обнажение № 3 отложений основного вала; Г — обнажение № 4 отложений котлована жилища.

Fig. 4. Sections with places of sampling:

А — outcrop No. 1 of sediments of the inner ditch; Б — outcrop No. 2 of the outer ditch deposits; В — outcrop No. 3 of the main shaft deposits; Г — outcrop No. 4 of the dwelling pit deposits.

Здесь же из культурного слоя отобраны пробы 4 и 3 (рис. 5, А). Их палинологические спектры характеризуются резким доминированием пыльцы группы древесных. В меньшей степени отмечены группы трав, в единичных количествах определены споры. Преобладает пыльца дре-

Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2...

вовидной березы, семейство сосновых большей частью представлено сосной обыкновенной. Доля пыльцы индикаторов антропогенной трансформации составляет не более 5 %. Восстанавливаются разнотравные березовые леса. Сходные с последними спектры, соответствующие березовым лесам, установлены для культурного слоя, вскрытого в разрезе внешнего рва (пробы 5, 6) (рис. 5, Б). Палинологический спектр из погребенной палеопочвы (проба 7) отражает растительность времени непосредственно перед ее перекрытием насыпью вала (рис. 5, В). Он соответствует разреженному березовому лесу с нарушенным травянистым покровом. Важным индикатором антропогенного воздействия является увеличение доли пыльцы маревых и крестоцветных, а также появление представителей подсемейства цинкориевых. Высокая доля данных пыльцевых маркеров, составляющая 36 % и в целом снижение разнообразия таксонов в группе, характеризует антропогенную трансформацию растительности.

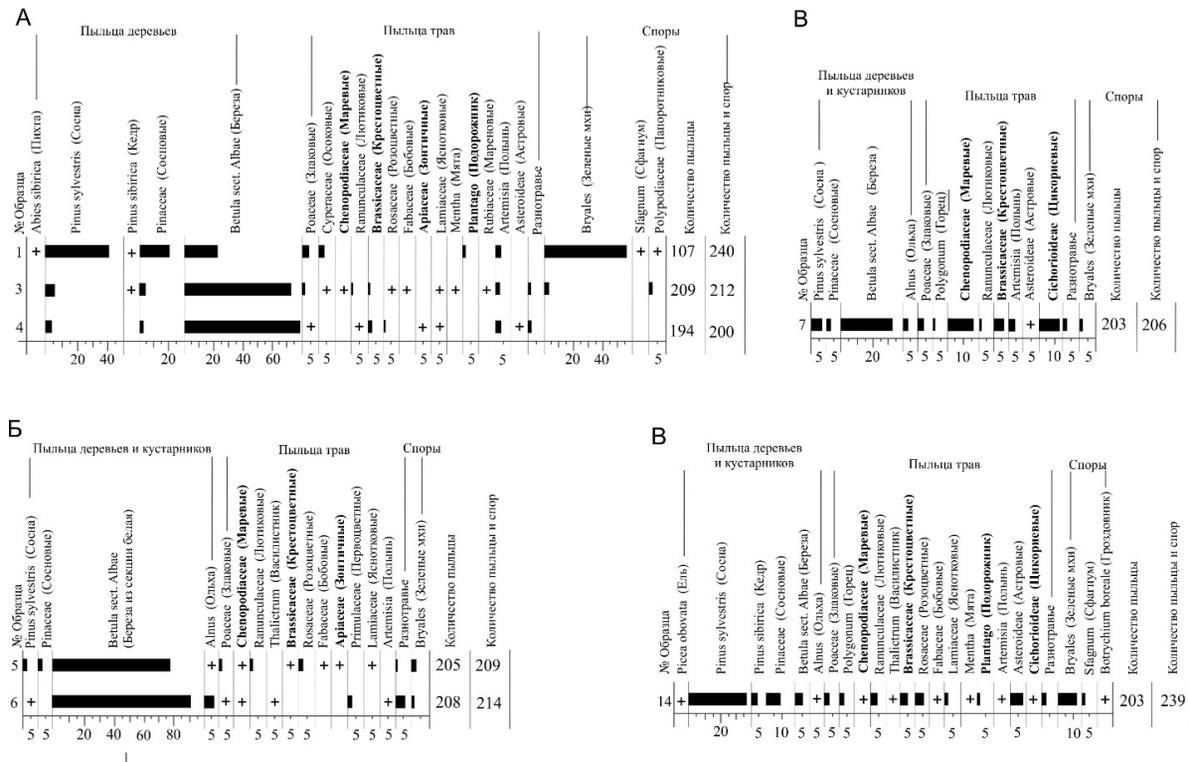

Рис. 5. Палинологические диаграммы отложений:

А — из разреза внутреннего рва; Б — из разреза внешнего рва; В — погребенной почвы; Г — из разреза котлована жилища (жирным шрифтом выделены таксоны — индикаторы антропогенного воздействия).

Fig. 5. Palynological diagrams of sediments:

A — from the section of the inner ditch; Б — from the section of the outer ditch; В — buried soil; Г — from the section of the dwelling pit (taxon indicators of anthropogenic impact are highlighted in bold).

Пробы, отобранные непосредственно из культурного слоя памятника МГК- 2/6-3, в котловане жилища, к сожалению, оказались пустыми на палиноморфы (рис. 4, Г; 5, Г). По данному разрезу получен только спектр пробы 14, из слоя, сформировавшегося, вероятно, уже после того как городище было заброшено. Здесь доминирует пыльца древесных пород (51 %), в меньшей степени, но довольно разнообразно представлена пыльца трав (34 %). Пыльца индикаторов антропогенной трансформации растительности составляет 9 %. Однако в остатке пробы (800 мл) было найдено много семян лапчатки гусиной (*Potentilla anserina* L.) и лапчатки серебристой (*Potentilla argentea* L.), 15 семян мари белой (*Chenopodium album* L.), 5 семян лебеды татарской (*Atriplex tatarica* L.), 6 семян осоки (*Carex* sp.), индицирующих пастбищную депрессию. Возможно, семена сохранились ввиду режима переувлажнения в остаточном рельефе котлована.

Выводы

Сравнительный анализ спорово-пыльцевых спектров, выделенных из отложений I первой надпойменной террасы в районе расположения городищ МГК-2, позволяет предположить, что

городище возникло на поверхности I надпойменной террасы на стадии существования разреженных березовых разнотравных лесов. В дальнейшем под защитой берез появился подрост сосны, а на наиболее возвышенных участках сформировались сосновые леса (рис. 6). Основное русло Оби первоначально располагалось в непосредственной близости от уступа террасы, затем оно превратилось в пересыхающую протоку реки с береговыми отмелями, лишенными растительного покрова. На поверхности надпойменной террасы наиболее глубокие понижения могли быть заняты озерами или низинными болотами, в ложбинах стока существовали разнотравно-злаковые или осоковые луга. Склоновые поверхности были покрыты березовыми разнотравными лесами. Наиболее возвышенные участки заняты березово-сосновыми лесами.

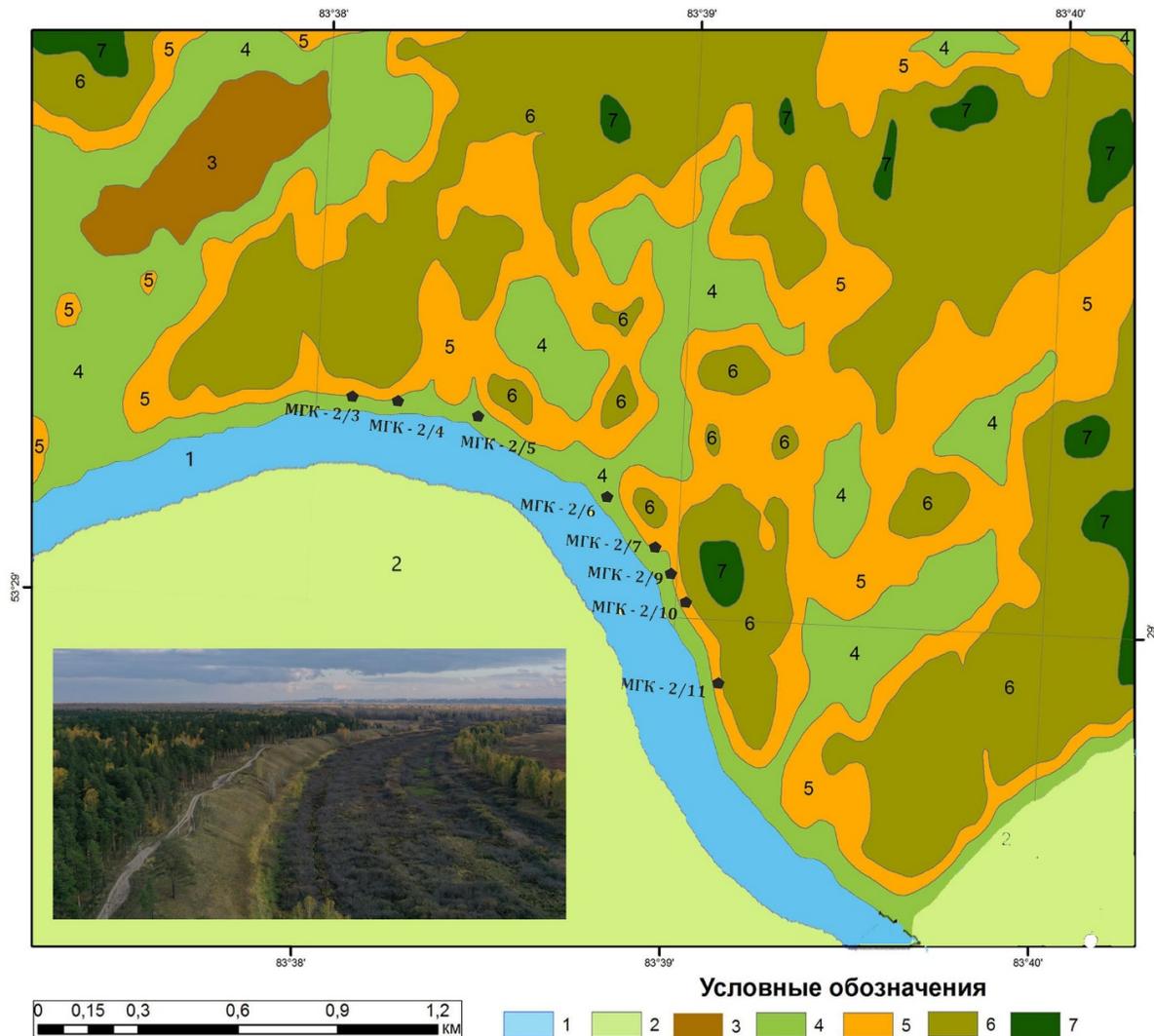

Рис. 6. Реконструкция ландшафтов района расположения МГК-2 (IV–VIII вв. н.э.):
 Условные обозначения: 1 — основное русло реки Оби; 2 — пересыхающая протока реки с береговыми отмелями лишенными растительного покрова; 3 — заболоченные осоковые луга и низинные болота; 4 — замкнутые понижения и ложбины стока с разнотравно-злаковыми лугами на луговых почвах и березовыми лесами на серых лесных почвах; 5 — слабонаклонные поверхности с закустаренными березовыми лесами на луговых почвах; 6 — нижние части склонов песчаных гряд с сосново-березовыми лесами на серых лесных почвах; 7 — пологие склоны с березово-сосновыми лесами на дерново-подзолистых почвах.

Fig. 6. The area of the MGK-2 landscape reconstruction (IV–VIII centuries AD):
 Legend: 1 — The Ob River main channel; 2 — The river drying up channel with coastal shoals devoid of vegetation; 3 — boggy sedge meadows and low-lying bogs; 4 — closed depressions and runoff troughs with forb-grass meadows on meadow soils and birch forests on gray forest soils; 5 — slightly sloping surfaces with bushy birch forests on meadow soils; 6 — the lower parts of the slopes of sandy ridges with pine-birch forests on gray forest soils; 7 — gentle slopes with birch-pine forests on sod-podzol soils.

Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2...

Русло Оби представляло собой промысловое угодье и надежную водную преграду на пути неприятеля. Рвы, окружающие жилую площадку, кроме фортификации могли выполнять роль дренажных канав, созданных для отвода талых и дождевых вод. Функционирование городища сопровождалось вырубками леса и деградацией травяного покрова в результате пастбищной депрессии. Степень антропогенного воздействия, вероятно, не приводила к дигрессии растительного покрова выше третьей стадии. Это воздействие определялось особенностями хозяйственной деятельности населения, основу которой составляло присваивающее комплексное хозяйство с небольшой ролью скотоводства. Сосновые леса, развивающиеся в настоящее время на первой надпойменной террасе, являются относительно молодыми образованиями, сменившими березовые сообщества уже после исчезновения поселения одинцовской культуры предположительно в малый ледниковый период.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов С.А.* Четвертичный период в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. 331 с.
- Волков И.А.* Роль климата и колебаний базиса эрозии в развитии речных долин (на примере бассейна Оби) // Проблемы экзогенного рельефообразования. М.: Наука, 1976. Кн. 2. С. 191–229.
- Гаель А.Г., Маланын А.Н.* Об особенностях почвообразования на песках и о дерновых неоподзоленных почвах // Почвоведение. 1977. № 4. С. 23–34
- Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламова Н.Ф.* Колебания ледников и изменения климата в позднем голоцене по материалам исследований ледников и ледниковых отложений Актру (Центральный Алтай, Северо-Чуйский хребет). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 132 с.
- История Алтая: В 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / Под общ. ред. А.А. Тишкина.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 392 с.
- Казаков А.А.* Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.
- Казаков А.А., Грушин С.П., Сайберт В.О.* Малый Гоньбинский Кордон 2/6 — новый памятник одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья // Археология Западной Сибири и Алтая: Опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 312–315.
- Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В.* Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 83–93.
- Кирик О.М., Чалов Р.С.* Принципы и методика составления карт русловых процессов на крупных реках // Вестник МГУ. Сер. 5, География. 1980. № 5. С. 37–45.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А.* Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон 2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 68–72.
- Маккавеев Н.И., Чалов Р.С.* О развитии рельефа поверхности речных террас и признаки глубинной эрозии на примере Верхней Оби // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1964. № 4. С. 120–125.
- Назаров Н.Н., Копытов С.В., Чернов А.В.* Пространственно-временные особенности формирования разновозрастных генераций поймы верхней Камы // Географический вестник. 2014. № 4 (31). С. 4–7.
- Николаев В.А.* Ландшафты азиатских степей. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.
- Польнов Б.Б.* Геохимические ландшафты // Географические работы. М., 1952. С. 381–393.
- Пыльцевой анализ.* М.: Гос. изд-во геол. лит., 1950. 517 с.
- Рябогина Н.Е., Якимов А.С.* Палеоэкология, палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: Анализ возможностей и методика работ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 186–200.
- Сайберт В.О., Барышникова О.Н., Грушин С.П., Мартынова Я.В.* Геоинформационное моделирование ландшафтной структуры территории городища Малый Гоньбинский Кордон IV–VIII вв. н.э. в Верхнем Приобье // Историческая география России: Концептуальные основы комплексных полимасштабных исследований регионов: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 ноябр. 2020 г. СПб.: Астерион, 2020. С. 239–342.
- Чалов Р.С.* Формирование рельефа пойм меандрирующих рек // Геоморфология. 1973. № 2. С. 71–77.
- Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Карманов В.Н., Панин А.В.* История развития средней Вычегды в позднеледниковье и голоцене // Древние и современные долины и реки: История формирования, эрозионные и русловые процессы. Волгоград: Перемена, 2009. С. 181–190.
- Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 337 с.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap, W.O., Ammann B. Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2004. 209. 259–279.

Dimbleby G.W. *The Palynology of Archaeological Sites*. L.: Academic Press, 1985. 176 p.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Panin A.V., Chernov A.V. Reconstruction of local environments of ancient population in a changeable river valley landscape (the middle Vichегда river, Northern Russia) // *Geochronometria*. 2011. Vol. 38. № 2. P. 128–137.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid-late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: Vegetation, climate and humans // *Quaternary Science Reviews*. 2012. Vol. 48. P. 32–42. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2012.06.002>

Schlütz F., Lehmkuhl F. Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results, with implications for climatic teleconnections and human history since the middle Holocene // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 16. 2007. P. 101–118.

Baryshnikova O.N.^a, Mikharevich M.V.^b, Grushin S.P.^{a,*}, Saybert V.O.^a

^a Altai State University, Lenina av., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

^b Siberian Research Institute of Geology, Geophysics, and Mineral Resources, Krasnyi av., 67, Novosibirsk, 630091, Russian Federation

E-mail: onb-olga@yandex.ru (Baryshnikova O.N.); miharevich@yandex.ru (Mikharevich M.V.); gsp142@mail.ru (Grushin S.P.); vita77792@mail.ru (Saybert V.O.)

Natural conditions of the formation of the monument of Maly Gonbinsky Kordon-2 of the Odintsovo Culture of Altai in the 4th–8th centuries A.D.

The study is aimed at reconstructing the natural and climatic conditions of the Upper Ob River region (south of Western Siberia) in the early Middle Ages (4th–8th centuries A.D.), based on the paleosol data obtained from the fortified settlements of Maly Gonbinsky Kordon-2/11 and Maly Gonbinsky Kordon-2 / 6-3. Settlements are located on the terrace of the right bank of the Ob River. The fortification elements are represented by a horse-shoe-shaped system of a ditch and a rampart, adjacent to the edge of the above-floodplain terrace, inside which there were dwellings and outbuildings. Archaeological investigations of the settlements permitted to study the sediments of the first terrace above the floodplain and to select core samples for palynological analysis. Application of this method allowed reconstruction of the vegetation during the occupational period of the complex of monuments MGK-2. For interpreting of the actual data, the method of landscape analysis was employed. The need for its application for carrying out paleogeographic reconstructions is warranted by the presence of the relict elements in the morphological structure of the landscapes. To establish their paleogeographic status, within the framework of this study, there was determined the percentage ratio of the amount of pollen and seeds of plants extracted from the deposits of the first above-floodplain terrace, corresponding to the existence of the Odintsovo Culture and belonging to different ecological groups. As the result, the dominance of sparse birch forests and forb dry meadows in the landscape structure of that time was established, whereas the vegetation associations featuring pine forests were in the status of progressive elements of the landscape structure. Also, supersedence of birch forb forests by green moss pine forests was revealed. The use of the landscape approach allowed reconstruction of natural conditions of the territory occupied by the complex of fortified settlements of MGK-2. On the basis of the digital elevation model, 3D visualization of the surface of the sediments overlapping the cultural layer of the monuments was rendered, which shows the location of the objects at the lowest elevations of the surface I above the floodplain terrace and the effects of the surface water flow. This necessitated construction of a drainage system, the main elements of which might be represented by shallow ditches.

Keywords: Upper Ob River region, Early Middle Ages, landscape, archeology, paleosol analysis, geoinformation modeling.

REFERENCES

- Arkhipov, S.A. (1971). *Quaternary period in Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Blyakharchuk, T.A., Wright, H.E., Borodavko, P.S., van der Knaap, W.O., Ammann, B. (2004). Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 209, 259–279.
- Chalov, R.S. (1973). Formation of the relief of floodplains of meandering rivers. *Geomorfologiya*, (2), 71–77. (Rus.).
- Chernov, A.V., Zaretskaia, N.E., Karmanov, V.N., Panin, A.V. (2009). History of the Middle Vycheгда in the Late Glacial and Holocene. In: *Drevnie i sovremennye doliny i reki: Istoriia formirovaniia, erozionnye i ruslovnye protsessy*. Volgograd: Peremena, 181–190. (Rus.).
- Dimbleby, G.W. (1985). *The Palynology of Archaeological Sites*. London: Academic Press.

* Corresponding author.

Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2...

- Gael', A.G., Malan'in, A.N. (1977). A note on soil formation on sands and soddy nonpodzolized soils. *Pochvo-vedenie*, (4), 23–34. (Rus.).
- Galakhov, V.P., Nazarov, A.N., Kharlamova, N.F. (2005). *Glacier fluctuations and climate changes in the Late Holocene based on the materials of studies of glaciers and glacial deposits of Aktru (Central Altai, North Chui ridge)*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Karmanov, V.N., Chernov, A.V., Zaretskaya, N.E., Panin, A.V., Volokitin, A.V. (2013). Paleochannel studies in archaeology: The case of the Vycheгда river, Northeastern European Russia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 54(2), 83–93.
- Karmanov, V.N., Zaretskaya, N.E., Panin, A.V., Chernov, A.V. (2011). Reconstruction of local environments of ancient population in a changeable river valley landscape (the middle Vicheгда river, Northern Russia). *Geochronometria*, 38(2), 128–137.
- Kazakov, A.A. (2014). *Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob region*. Barnaul: Barnaul'skii iuridicheskii institut MVD Rossii. (Rus.).
- Kazakov, A.A., Grushin, S.P., Saibert, V.O. (2015). Maliy Gonbinskiy Cordon 2/6-2 — a new site of the Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob region. In: A.A. Tishkin (Ed.) *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaia: Opyt mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 312–315. (Rus.).
- Kirik, O.M., Chalov, R.S. (1980). Principles and methods of mapping riverbed processes on large rivers. *Vestnik MGU. Geografiya*, (5), 37–45. (Rus.).
- Kiriushin, Iu.F., Kazakov, A.A. (1996). The complex of archaeological sites Maliy Gonbinskiy Cordon 2 (based on the materials of intelligence in 1991). In: *Aktual'nye problemy sibirskoi arkheologii*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 68–72. (Rus.).
- Makkaveev, N.I., Chalov, R.S. (1964). On the development of the surface relief of river terraces and signs of deep erosion on the example of the Upper Ob. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya geografiya*, (4), 120–125.
- Nazarov, N.N., Kopytov, S.V., Chernov, A.V. (2014). Spatiotemporal features of formation of different-age generations of Upper Kama floodplain. *Geograficheskii vestnik*, 31(4), 4–7. (Rus.).
- Nikolaev, V.A. (1999). *Asian steppe landscapes*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Polynov, B.B. (1952). Geochemical landscapes. *Geograficheskie raboty*. Moscow, 381–393. (Rus.).
- Riabogina, N.E., Iakimov, A.S. (2010). Palynological and paleosoil investigations at archaeological sites: Analysis of possibilities, and working methods. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 13(2), 186–200. (Rus.).
- Rudaya, N., Nazarova, L., Nourgaliev, D., Palagushkina, O., Papin, D., Frolova, L. (2012). Mid-late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: Vegetation, climate and humans. *Quaternary Science Reviews*, 48, 32–42. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2012.06.002>
- Saibert, V.O., Baryshnikova, O.N., Grushin, S.P., Martynova, Iu.V. (2020). Geoinformation modeling of the landscape structure of the territory of the hill-fort Maliy Gonbinskiy Cordon of the 6th–8th centuries AD in the Upper Ob region. In: D.A. Subetto, L.B. Vampilova, A.A. Sokolova (Eds.). *Istoricheskaia geografiya Rossii: Kontseptual'nye osnovy kompleksnykh polimasshtabnykh issledovaniy regionov: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 18–19 noiabria 2020 goda*. St. Petersburg: Asterion, 239–342. (Rus.).
- Schlütz, F., Lehmkuhl, F. (2007). Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results, with implications for climatic teleconnections and human history since the middle Holocene. *Vegetation History and Archaeobotany*, 16, 101–118.
- Shnitnikov, A.B. (1957). *Variability of the total moisture content of the continents of the Northern hemisphere*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Tishkin, A.A. (Ed.) (2019). *History of Altai: In 3 vol. Vol. 1: The most ancient era, antiquity and the Middle Ages*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Volkov, I.A. (1976). The role of climate and fluctuations in the basis of erosion in the development of river valleys (on the example of the Ob basin). In: *Problemy ekzogennogo rel'efoobrazovaniia*. Moscow: Nauka, 191–229. (Rus.).

Барышникова О.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8205-0970>

Михаревич М.В., <https://orcid.org/0000-0002-6151-895X>

Грушин С.П., <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>

Сайберт В.О., <https://orcid.org/0000-0002-5408-935X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Грачев М.А.^а, Зеленков А.С.^{б,*}, Слепцова А.В.^с

^а Омский государственный педагогический университет, ул. Партизанская, 4а, Омск, 644099

^б Тюменский государственный университет, ул. Ленина, 23, Тюмень, 625003

^с ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

E-mail: max803@yandex.ru (Грачев М.А.); a.s.zelenkov@utmn.ru (Зеленков А.С.); sleptsova_1993@mail.ru (Слепцова А.В.)

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КРАСНОЯРСКИЙ-IV ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Публикуются материалы 13 погребений из 8 курганов могильника Красноярский-IV, исследованного в 2009 г. в Усть-Ишимском районе Омской области. По результатам исследования предложен хронологический интервал функционирования некрополя в конце IV — начале VI в. н.э., что соответствует появлению памятников карымского типа нижнеобской историко-культурной общности на территории южной тайги Западной Сибири. Признаки искусственной деформации черепа, возведение небольших насыпей, кремации, наличие восточноевропейского и среднеазиатского импортов демонстрируют причастность карымского населения к эпохальным историко-культурным процессам, их контакты с соседними лесостепными и южнотаежными культурами Урало-Сибирского региона.

Ключевые слова: карымский тип памятников, Великое переселение народов, южнотаежное Прииртышье.

Введение

Относительно устойчивое существование саргатской культуры на протяжении почти тысячи лет прервалось в эпоху Великого переселения народов. Упадок культуры объясняется ухудшением природно-климатических условий на крайних северных [Морозов, 2003, с. 166] и южных [Рябогина, Иванов, 2013, с. 138] рубежах ареала, приведшим к притоку степных и таежных мигрантов [Матвеева, 2016, с. 217–222]. Все это способствовало появлению новых очагов культурогенеза в Западной Сибири, и в частности в южнотаежном Прииртышье. До недавнего времени в регионе был известен только один памятник IV–VI вв. н.э. [Скандаков, Данченко, 1999], что существенно осложняло исследование вопросов происхождения и развития культуры начала средневековой эпохи. Представляемые в данной статье материалы курганного могильника Красноярский-IV еще раз подчеркивают особое место карымского наследия в историко-культурном развитии южнотаежного Прииртышья.

Объекты исследования

Курганный могильник Красноярский-IV был открыт И.В. Моревым в 1989 г., повторно осмотрен И.М. Колесниковой в 2003 г. Некрополь находится в Усть-Ишимском районе Омской области и представлен цепочкой из 39 небольших насыпей, вытянутых вдоль кромки коренной террасы р. Иртыша (рис. 1). В ходе полевых работ в 2009 г. под руководством М.А. Грачева суммарно было изучено 10 курганов (8, 12, 13, 15, 17, 20, 18, 19, 24 и 26) шестью раскопами в восточной и центральной частях могильника (рис. 1). В публикацию не вошли маловыразительные комплексы из курганов 12 и 26.

Курганные насыпи могильника сформированы из песочного грунта, овальной, реже — округлой формы, диаметром от 4 до 10 м и высотой до 1 м. Они расположены двумя группами с 50-метровым промежутком, образованным естественным повышением террасы. Западная группа представлена сплошной цепочкой курганов с шагом от 5 до 10 м, а восточная, вероятно, устроена по принципу родового кладбища в виде нескольких скоплений, где центральными являлись более крупные насыпи. Практически все они нарушены грабительскими ямами.

Источники

Курган 8. *Погребение 1* (рис. 2, 5) располагалось в юго-восточном секторе кургана, проявилось вначале на фоне материка в виде овального пятна размерами 1,60×1,10×0,85 см, ориен-

* Corresponding author.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

тированного по линии СЗ–ЮВ. Впоследствии яма уменьшилась до размеров 1,30×0,7 м, 0,6 м в глубину и приобрела подпрямоугольную форму. В ее южной части осталась ступенька шириной и высотой до 0,2 м, вероятно от перекрытия. Общая глубина погребения с отвесными стенками составила 1,08 м, его заполнение было представлено светло-желтым суглинком, мешанным с углем и комочками прокаленной почвы. Сохранились кальцинированные фрагменты длинных костей ног и ребер ребенка, находившиеся в анатомическом порядке. В шейном отделе лежала бронзовая плоская гривна в обломках (рис. 2, 1).

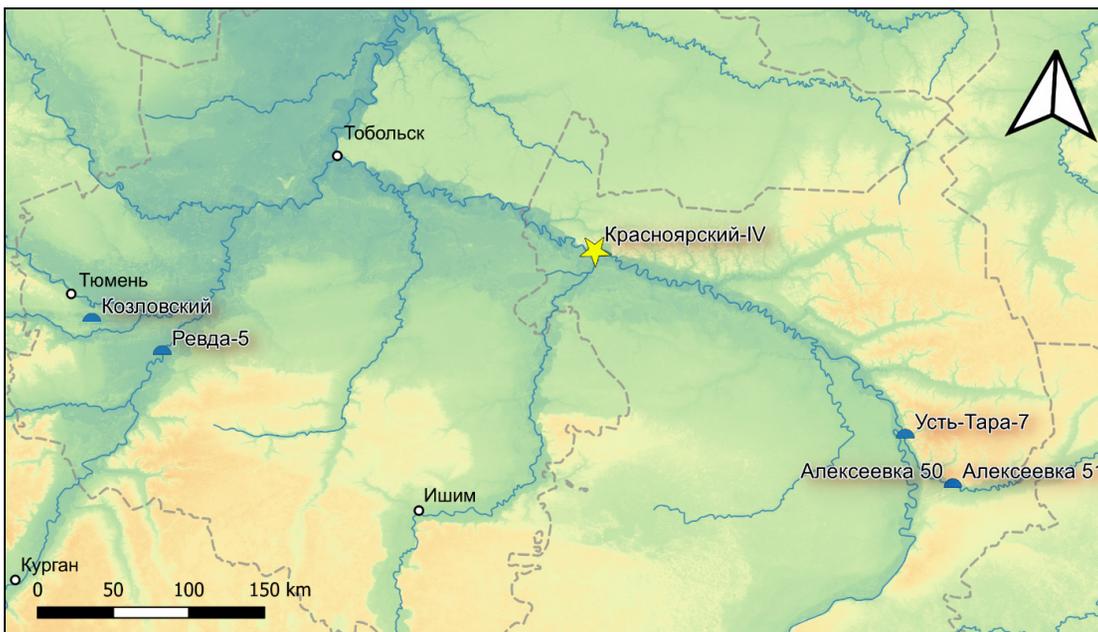

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников карымского типа в Тоболо-Иртышье.

Fig. 1. The map of burial complexes location of the Karym type in the territory between Tobol and Irtysh rivers.

Курган 8. *Погребение 2* (рис. 2, 6), в виде ямы прямоугольной формы размерами 1,4×0,75 м, глубиной до 0,25 м, ориентированной по линии С–Ю. От индивида сохранились коронки молочных зубов верхней и нижней челюстей. На фрагментах жевательной поверхности полностью отсутствуют следы стирания, скорее всего на момент смерти зубы находились в теле нижней челюсти. Такая ситуация характерна для периода первого детства (*Infantilis I*)¹. В пояском отделе обнаружены прямоугольные накладки от ремня (рис. 2, 2) из узких пластин с двумя выпуклыми шляпками и бронзовый дрот (рис. 2, 2).

Курган 8. *Погребение 3* (рис. 2, 6), в виде ямы овальной формы размерами 2×0,75 м, глубиной до 0,3 м, ориентированной по линии СЗЗ–ЮВВ и прорезавшей северный торец погребения 2. По центру фиксировался прокол, из которого происходили кальцинированные фрагменты свода черепа. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган 13. *Погребение 1* (рис. 2, 4), в виде ямы прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,20×0,64×0,30 м, ориентированной по линии С–Ю с небольшим отклонением к востоку. Стенки ямы отвесные, дно ровное. На дне могилы, в ее северо-восточном и юго-западном углах, на фоне ярко-рыжего прокала располагались деревянные плахи размерами 40–50×5–12 см от перекрытия. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган 15. *Погребение 1* (рис. 3Б, 6) в виде ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,15×1,1 м, глубиной 0,55 м, ориентированной по линии С–Ю, со ступеньками шириной и высотой до 0,2 м от перекрытия. Стенки отвесные, дно ровное. В могиле сохранилась обожженная нижняя челюсть взрослого человека. Там же были обнаружены развал карымского горшка (рис. 3Б, 5) и бронзовая гривна (рис. 3Б, 4), обернутая в бересту. У западной

¹ Сохранность костного материала не позволяет определить пол и возраст большинства индивидов. Возраст смерти пяти погребенных определен по степени облитерации швов черепа и стертости зубов [Ubelaker, 1989; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Для описания стертости использовалась пятибалльная шкала для фронтальных зубов и шестибалльная для заклыковых [Зубов, 1968].

стенки лежали железный нож (рис. 3Б, 3) с остатками деревянных ножен (разрушились при расчистке) и железное тесло (рис. 3Б, 4), по центру — железная пряжка (рис. 3Б, 1), у восточной стенки — обуглившийся фрагмент дерева размерами 0,25×0,15 м.

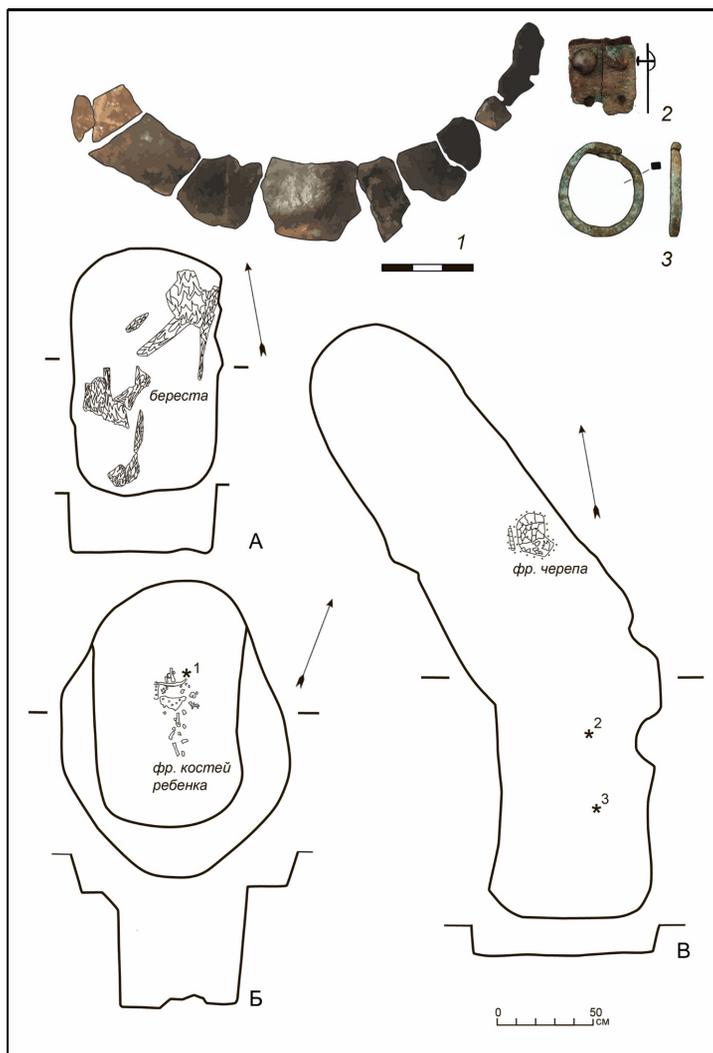

Рис. 2. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — курган 13, погребение 1; Б — курган 8, погребение 1 (1 — бронза); В — курган 8, погребение 1 и погребение 2 (2, 3 — бронза).

Fig. 2. Krasnoyarsky-IV burial ground:

A — mound 13, burial 1; B — mound 8, burial 1 (1 — bronze); В — mound 8, burial 1 and burial 2 (2, 3 — bronze).

Курган 17. *Погребение 1* (рис. 3А, 3), в виде ямы подпрямоугольной формы размерами 2,38×0,82 м, глубиной до 0,4 м, ориентированной по линии С–Ю с отклонением на запад. Восточная стенка имела скругленную форму со ступенькой высотой 10 см. Северная стенка имела ступеньку шириной 15 см. Дно ямы ровное. В северной части могилы были обнаружены останки индивида, в частности кости плохо сохранившегося черепа и фрагменты челюсти, в южной части — неудовлетворительной сохранности бедренные кости и фрагменты костей голени (не сохранились). Возраст индивида определен как старческий (*senilis*), так как швы черепа полностью закрыты (балл 3), а сохранившиеся коронки зубов стерты значительно, в частности, коронка первого нижнего моляра стерта до шейки, коронка второго — до половины высоты. Свод черепа значительно деформирован (рис. 3Б, 1) при жизни индивида при помощи эластичных повязок и дощечек. Зафиксированную деформацию можно отнести к циркулярному (кольцевому) типу (по классификации Е.В. Жирова) [Жиров, 1940, с. 88–95]. Инвентарь представлен бедно — развалом карымского сосуда (рис. 3А, 2).

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

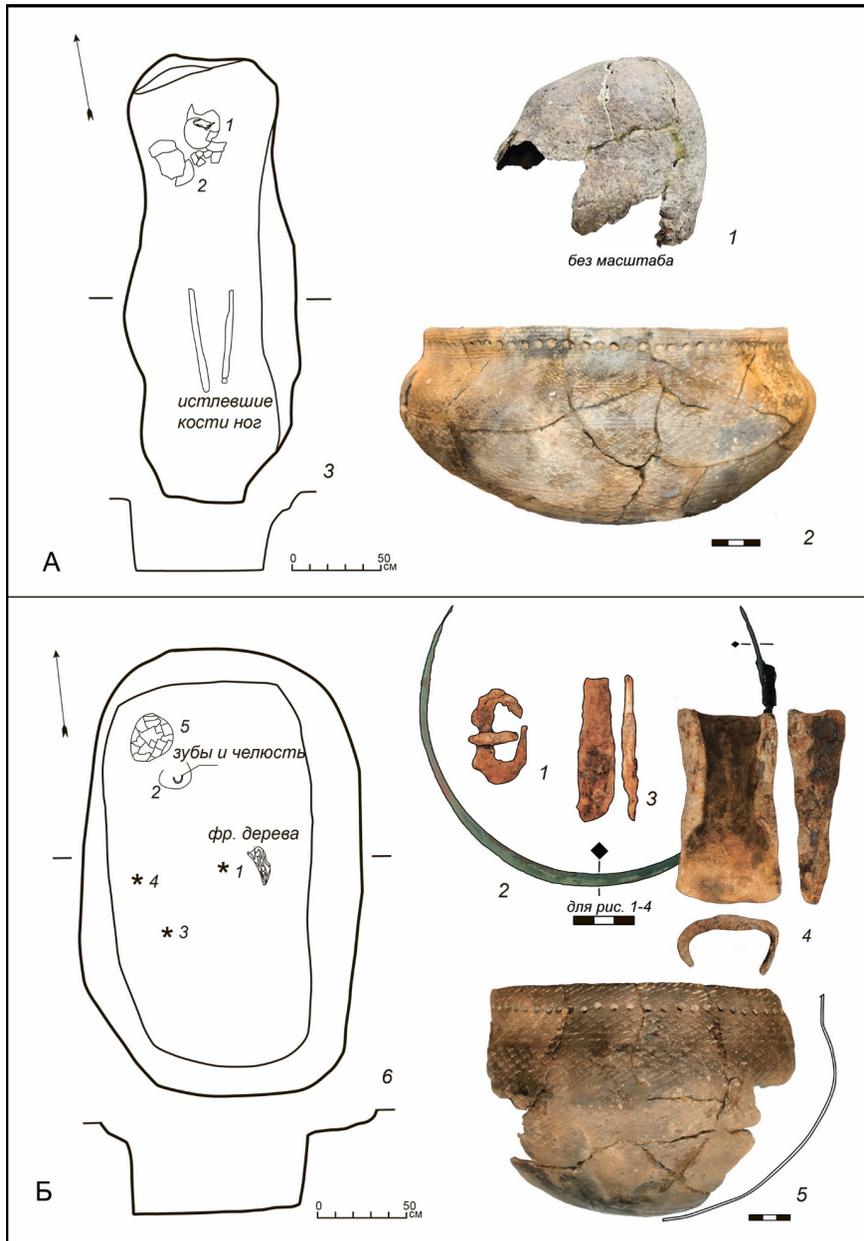

Рис. 3. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — курган 17, погребение 1 (1 — остатки свода черепа, 2 — глина); Б — курган 15, погребение 1 (1, 3, 4 — железо, 2 — бронза, 5 — глина).

Fig. 3. Krasnoyarsky-IV burial ground:

A — kurgan 17, burial 1 (1 — remains of the cranial vault, 2 — clay); Б — kurgan 15, burial 1 (1, 3, 4 — iron; 2 — bronze; 5 — clay).

Курган 18. *Погребение 1* (рис. 4А, 4), в виде ямы овальной формы размерами 1,2×0,7 см, глубиной 0,36–0,4 м, ориентированной по линии С–Ю. Человеческих останков обнаружено не было. В головном конце могилы найдены небольшой сосуд карымского типа (рис. 4А, 3) и две округлые поперечно сжатые бусины из глухого стекла сизо-зеленого цвета с гладкими краями (рис. 4А, 1, 2).

Курган 18. *Погребение 2* (рис. 4Б, 6), в виде ямы подовальной формы размерами 1,36×0,7–0,9 см и глубиной 0,3 м, ориентированной по линии СЗЗ– ЮВВ. Человеческих останков обнаружено не было. В изголовье могильной ямы стоял керамический сосуд (рис. 4Б, 5), орнаментированный округлыми ямками по верхней части шейки и плечам, внутри него лежала бронзовая пряжка на кожаном ремешке (рис. 4Б, 4). В шейном отделе были собраны керамическая бусина (рис. 4Б, 3), две стеклянные бусинки (рис. 4Б, 1, 2), фрагменты неопределенного железного предмета.

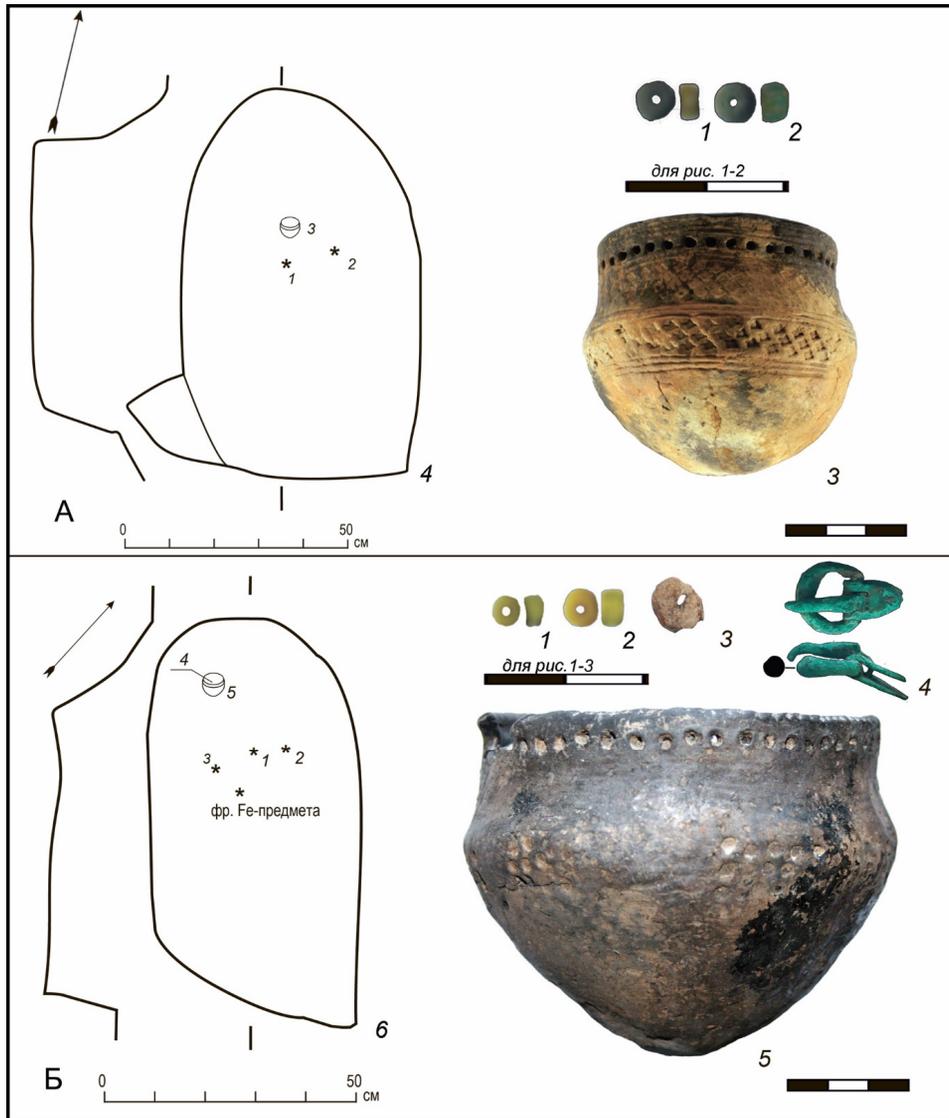

Рис. 4. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — курган 18, погребение 1 (1, 2 — стекло, 3 — керамика);

Б — курган 18, погребение 2 (1, 2 — стекло, 4 — бронза, 5 — глина).

Fig. 4. Krasnoyarsky-IV burial ground:

A — kurgan 18, burial 1 (1, 2 — glass, 3 — ceramic); Б — kurgan 18, burial 2 (1, 2 — glass, 4 — bronze, 5 — clay).

Курган 18. *Погребение 3* (рис. 5Б, 19), в виде ямы овальной формы, размерами 2,62×1,32–1,05 см, глубиной 0,80 м, ориентированной по линии С33–ЮВВ. От индивида 16–20 лет сохранились фрагменты нижней челюсти и коронки постоянных зубов. В головном конце на уровне материка располагались карымский сосуд (рис. 5Б, 18), бронзовая гривна на берестяном полотне (рис. 5Б, 14), бронзовые спиралевидные височные подвески (рис. 5Б, 9, 10) с напускными бусинками на конце (рис. 5Б, 9), парные бронзовые трапециевидные подвески (рис. 5Б, 11–13), стеклянные бусы (рис. 5Б, 1–6), бронзовые трубчатые пронизки с красными бусинами распределителями (рис. 5Б, 8). В пояском отделе обнаружено берестяное полотно П-образной формы размерами 0,38×0,49 см, покрывавшее остатки пояса из последовательно соединенных узких подпрямоугольных бронзовых накладок (рис. 5Б, 16), аналогичных тем, что были в погребении 2 кургана 8 (рис. 2, 2). К нему были прикреплены деревянные ножны, украшенные бронзовым стержнем с зооморфной полый подвеской на конце (рис. 5Б, 15). С западной стороны от него лежал бронзовый перстень с овальным щитком (рис. 5Б, 7). Еще один карымский сосуд стоял вверх дном в ножном конце погребения, под ним находился каменный оселок (рис. 5Б, 17).

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

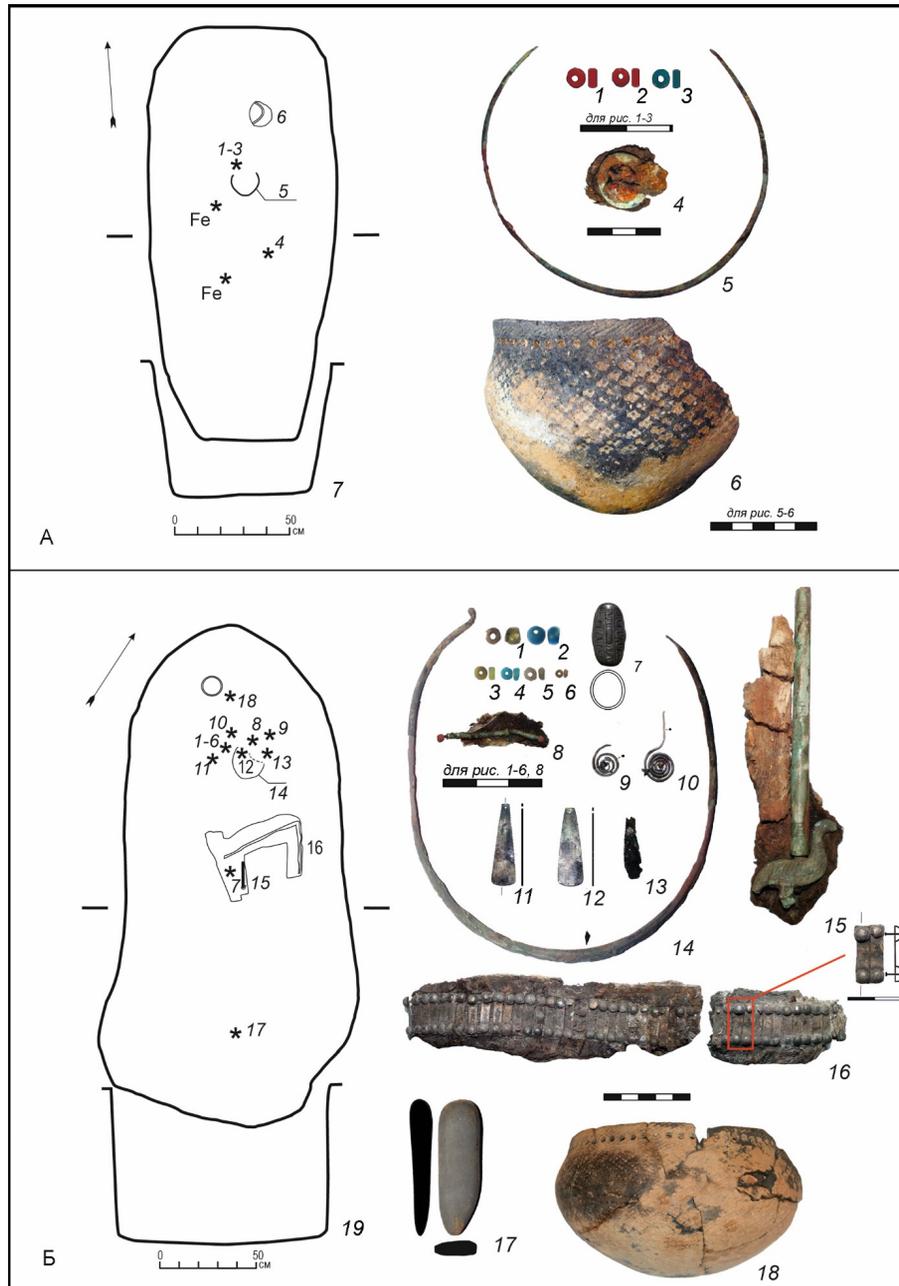

Рис. 5. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — погребение 1 кургана 19 и вещи (1–3 — стекло, 4, 5 — бронза, 6 — глина);
 Б — погребение 3 кургана 18 и вещи (1–6 — стекло, 7–16 — бронза, 17 — камень, 18 — глина).

Fig. 5. Krasnoyarsky-IV burial ground:

А — kurgan 19, burial 1 and finds (1–3 — glass, 4, 5 — bronze, 6 — clay);
 Б — kurgan 18, burial 3 and finds (1–6 — glass, 7–16 — bronze, 17 — stone, 18 — clay).

Курган 19. *Погребение 1* (рис. 5А, 7), в виде ямы подпрямоугольной формы размерами 1,80×0,52–0,82 м, глубиной до 0,56 м, ориентированной по линии С–Ю. Яма имела слегка наклонные стенки и плоское дно. От индивида сохранилась челюсть с изолированными зубами молочной и постоянной смен. Корни молочных зубов полностью сформированы, на жевательной поверхности отсутствуют следы стирания. Коронки фронтальных зубов постоянной смены развиты на половину своей высоты, коронки первых постоянных моляров полностью сформированы, находятся в теле челюсти. Данные признаки характерны для ребенка 3–4 лет. В северном конце могилы лежали карымский сосуд (рис. 5А, 6), на подложке из бересты бронзовая

ромбовидная в сечении гривна (рис. 5А, 5), три стеклянные бусины — две красные и одна синяя (рис. 5А, 1–3). В поясном отделе обнаружена бронзовая пряжка (рис. 5А, 4). У западной стенки обнаружены фрагменты неопределенных железных изделий.

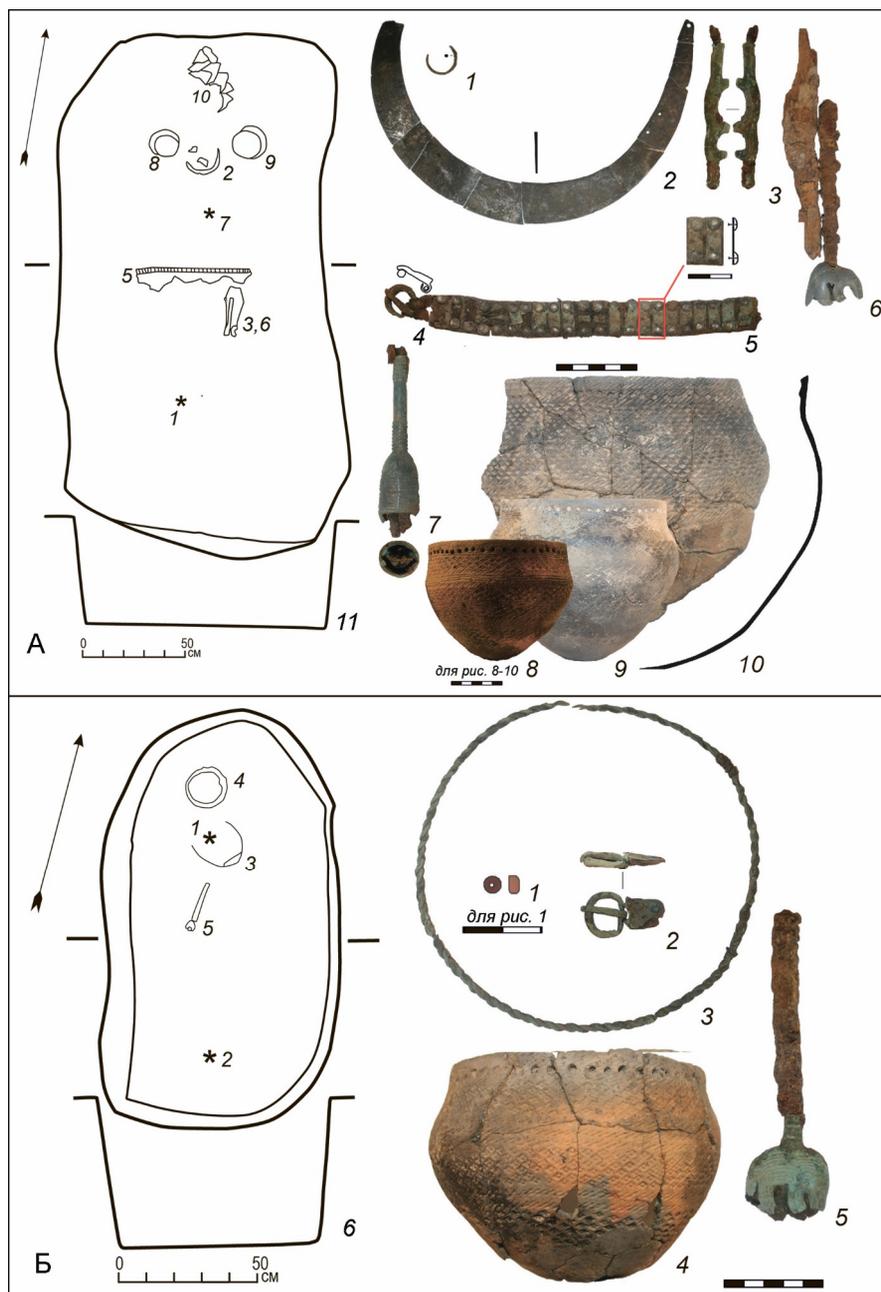

Рис. 6. Курганный могильник Красноярский-IV:
 А — курган 20, погребение 1 (1, 2, 5, 7 — бронза, 6 — бронза и железо, 3 — железо);
 Б — курган 20, погребения 2 (1 — стекло, 2, 3, 5 — бронза, 4 — глина).

Fig. 6. Krasnoyarsky-IV burial ground:
 А — kurgan 20, burial 1 (1, 2, 5, 7 — bronze, 6 — bronze and iron, 3 — iron);
 Б — kurgan 20, burials 2 (1 — glass, 2, 3, 5 — bronze, 4 — clay).

Курган 20. *Погребение 1* (рис. 6А, 11), в виде ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,5×1,15 м, глубиной 0,5 м, ориентированной по линии С–Ю. Стенки отвесные, дно ровное. От индивида 20–25 лет сохранились два фрагмента челюсти с изолированными зубами верхней и нижней челюстей, в центре ямы обнаружен тлен от бедренных костей.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

тей. В северной части могилы стояло три сосуда карымского типа (рис. 6А, 8–10). Между ними, на уровне шеи, лежала бронзовая плоская гривна (рис. 6А, 2), завернутая в бересту. В поясном отделе найдена бронзовая пряжка (рис. 6А, 4) с набором бронзовых накладок (рис. 6А, 5) от ремня. К нему с восточной стороны крепились деревянные ножны, украшенные трубчатыми пронизями (рис. 6А, 3) с зооморфными полыми бронзовыми подвесками (рис. 6А, 6) на конце. Нож сохранился в виде отдельных сильно коррозированных фрагментов. В ножном конце могилы были зафиксированы бронзовый дрот (рис. 6А, 1), железные предметы плохой сохранности и трубчатая кость животного.

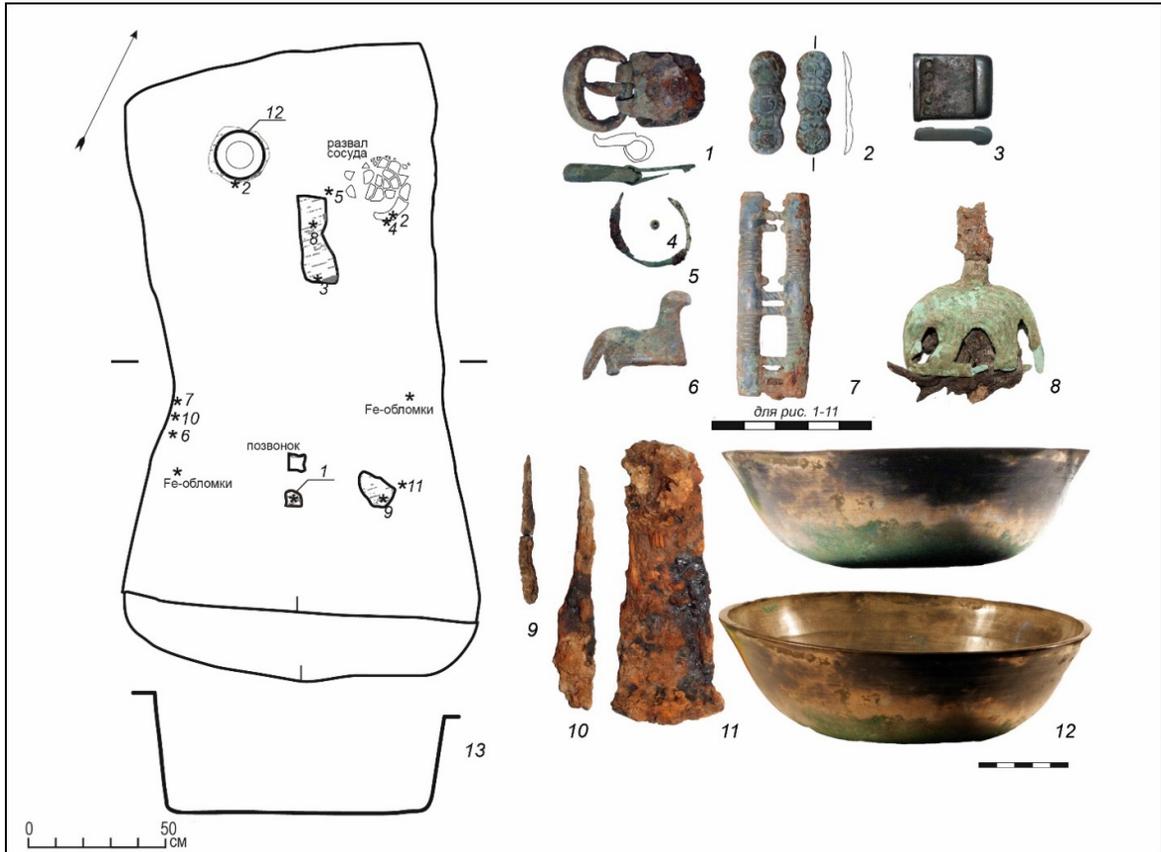

Рис. 7. Курганный могильник Красноярский-IV: курган 24, погребение 1 (1–3, 5–8, 12 — бронза, 5 — стекло, 9, 11 — железо).

Fig. 7. Krasnoyarsky-IV burial ground: kurgan 24, burial 1 (1–3, 5–8, 12 — bronze, 5 — glass, 9, 11 — iron).

Курган 20. *Погребение 2* (рис. 6Б, 6), в виде ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами 1,36×0,82 м, глубиной 0,53 м, ориентированной по линии С–Ю. Стенки покатые, дно ровное. Кроме этого, зафиксирована ступенька по краям могилы от перекрытия. От скелета индивида сохранилось только два зуба в головном конце могилы, иных останков обнаружено не было. В изголовье погребения располагались карымский сосуд (рис. 6Б, 4), бронзовая витая гривна (рис. 6Б, 3), обернутая остатками кожи, красно-коричневая бусинка (рис. 6Б, 1), а также сильно коррозированный и плохо поддававшийся расчистке фрагмент железного изделия. В центре могилы был обнаружен комплекс из остатков деревянных ножен, состоящих из железного стержня с бронзовой полый зооморфной подвеской на конце (рис. 6Б, 5). В ножном конце погребения лежала бронзовая щитковая пряжка с остатками кожаного ремня (рис. 6Б, 2), а чуть восточнее — сильно коррозированный неопределенный железный предмет.

Курган 24. *Погребение 1* (рис. 7), в виде ямы подпрямоугольной формы, размерами 2,2×1,25 м, по центру шириной до 0,98 м, глубиной до 0,43 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Стенки слегка покатые, в южном конце зафиксирована ступенька от перекрытия, дно ров-

ное. Кроме этого, у юго-восточного угла ямы отмечался мощный прокал трапециевидной формы размерами 1,1 м × 0,2 см, глубиной до 0,5 м. Останки индивида представлены фрагментами кальцинированных костей. В северном конце могилы лежали бронзовая чаша (рис. 7, 12) на берестяной обкладке округлой формы, бронзовые накладки (рис. 7, 2), бисер (рис. 7, 4) и фрагменты карымского сосуда. Под ними вдоль погребения фиксировалась полоска бересты размерами 0,2×0,1 м, покрывавшая бронзовую пряжку (рис. 7, 1), наконечник ремня с остатками кожи (рис. 7, 3) и орнитоморфную полую подвеску с остатками кожаного шнура (рис. 7, 8), обломки бронзового кольца (рис. 7, 5). У западной стенки обнаружены обломок железного ножа (рис. 7, 10), бронзовые полые спаренные пронизки с продетым в них тонким кожаным шнуром (рис. 7, 7) и бронзовая зооморфная подвеска (рис. 7, 6), завернутая в бересту. В юго-восточном углу обнаружены тесло (рис. 7, 11) и черешок железного ножа (рис. 7, 9).

Обобщая характеристики погребений Красноярского-IV некрополя, можно предположить, что население южнотаежного Прииртышья конца IV — VI в. н.э. совершало погребения под небольшими курганами в одиночных неглубоких подпрямоугольных или овальных ямах. Судя по расположению инвентаря и сохранившимся останкам, умерших укладывали вытянуто на спине чаще головой на север с небольшим отклонением в западный сектор. Вещи размещали таким образом, как если бы их носили при жизни, сосуды устанавливали у головы, очень редко в ногах. Из-за высокой концентрации угля в заполнении могил и скоплений кальцинированных костей можем предполагать, что большая часть погребений была совершена по обряду трупосожжения.

Обсуждение

Для культурно-хронологической оценки памятника обратимся к поиску аналогий вещевым комплексам и наиболее ярким характеристикам погребального обряда. Гривны представлены проволочными (рис. 3Б, 2; 5Б, 13; 5А, 5), пластинчатыми (рис. 6А, 2) и витыми (рис. 6Б, 3) вариантами. Аналоги проволочным гривнам находим в материалах некрополя Усть-Тара-VII [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 13, 1]. Пластинчатые плоские с небольшими округлыми отверстиями на концах для крепления на шее известны по материалам могильника Малгет Томско-Нарымского Приобья [Чиндина, 1991, рис. 32, 38]. Витые гривны были широко распространены в кокзельских и таштыкских памятниках Южной Сибири первой половины I тыс. н.э. [Тетерин 2001, с. 107–115].

Спиралевидным височным подвескам из тонкого бронзового дрота с напускной на конце бусинкой (рис. 5Б, 9, 10) прямые аналоги встречены в материалах Усть-Тары-VII, а также в могильнике Релка [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 13, 5; Чиндина, 1991, рис. 32, 1]. Зооморфные полые подвески (рис. 6А, 6; 6Б, 5; 7, 6, 8) были широко распространены в Урало-Сибирском регионе: аналогичные рассматриваемым имеются в материалах могильника Козлов-Мыс-2 [Матвеева, 2012, с. 176, рис. 59, 18; с. 127, рис. 7, 5], Ипкульском, Устюг-1 могильниках, где датируются III/IV–VI вв. н.э.

Аналоги перстню с массивным орнаментированным овальным щитком (рис. 5Б, 7) находим в материалах памятников кулайской, релкинской и верхнеобской культур [Гусев, Федорова, 2012, рис. 32, 17, 18; Чиндина, 1991, рис. 32, 34, 35; Троицкая, Новиков, 1998, с. 102, рис. 15, 6].

Орнаментированная желобками пронизь с раздутым основанием (рис. 6А, 7) — не редкая находка в памятниках фоминской культуры [Ширин 2003, табл. LXVIII, 7, 8]. В них же представлены трубчатые (рис. 5Б, 15) [Там же, табл. LXXXVIII, 20, 21, 27] и спаренные (рис. 7, 7) [Там же, табл. ХС1, 10–12] варианты. Бусинки с диаметром поперечного сечения 3–5 мм, высотой 2–3,5 мм, с гладким краем из глухого сизо-бирюзового (рис. 4А, 1, 2), красного (рис. 5А, 1, 2), голубого (рис. 5Б, 4), темно-синего (рис. 5А, 3) желтого (рис. 4Б, 1, 2), оранжевого (рис. 6Б, 1) стекла, золоченые округлые бусы с закраинками вокруг отверстия (рис. 5А, 1) изготавливались в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры [Алексеева, 1978].

Бронзовые трехсоставные пряжки с язычками, имеющими уступчик у основания, прижатыми концом к середине диаметра рамки, с треугольным, овальным или прямоугольным щитком (рис. 4Б, 4; рис. 6Б, 2; рис. 7, 1) — им по форме и разрезу аналогичны бесщитковые (рис. 5А, 4; 6А, 4). Пряжки подобной морфологии известны по материалам конца IV — V в. н.э. Прикамья (Мокинский и Бродовский могильники) [Перескоков, 2018, рис. 94б, 30, 35] и Южного Урала (ранняя часть Бирского могильника) [Мажитов, 1968, с. 124; Амброз, 1980, с. 48–49]. По мнению И.П. Засецкой, в Волго-Уралье данные типы пряжек производились местными мастерами под влиянием западных образцов, так как в Северном Причерноморье и в Западной Европе они изготавливались из серебра [Засецкая, 1994, с. 80–81].

Составные пояса из узких прямоугольных пластин со шпеньками-крепежами с двумя массивными выпуклыми шляпками (рис. 5Б, 16; 6А, 5) широко представлены в памятниках Крыма (Лучи-

стое) [Айбабин, Хайрединова, 2001, с. 76], Днестро-Дунайского междуречья (Кубей) [Субботин, Дзиговский 1990, рис. 17, 9], Приднепровья (Капуловка, Волниковский клад) [Комар, 2000, с. 43, рис. 2, 3; Радюш, Щеглова, 2014, с. 17], Казахстана (Канаттас) [Добжанский, 1990, табл. XIX, 3]. По мнению М.М. Казанского, данные пояса были популярны среди лесостепных и степных кочевников Восточной Европы в конце IV — первой половине V в. н.э. [2019, с. 60–61]. В данные хронологические рамки попадает коробчатый наконечник ремня с расширением на конце и закрытыми боками с пятью шпеньками-крепежами (рис. 7, 4). Широкий круг аналогов наконечникам «коробочкой» приводит И.П. Засецкая по материалам гуннского времени конца IV — V в. н.э. южнорусских степей [1993, с. 60–61; 1994, с. 67], при этом в Приуралье они существовали продолжительное время вплоть до VII в. н.э. в составе харинских поясов [Красноперов, 2012, с. 2018, рис. 1А].

Керамические наборы могильника (рис. 3А, 2; 3Б, 5; 4А, 3; 4Б, 5; 5А, 6; 5Б, 18; 6А, 8–10; 6Б, 5) в основном представлены горшковидными емкостями. По типологии карымской керамики Сургутского Приобья они относятся ко II типу, характеризующемуся наличием специфического ромбического штампа [Чемякин, Борзунов, 2015, с. 56]. Отличает находки на Красноярском могильнике от более северных плотная орнаментация, в том числе очень частая постановка штампов. Это может быть их локальной характеристикой, уже известной по поселенческим материалам южнотаежного Прииртышья.

Неорнаментированная бронзовая чаша в виде сферического сегмента с плоским дном. Граффити на чаше также отсутствуют. Подобные экземпляры известны из Согда и Пенджикента [Маршак 2017, рис. 279, 2], где датируются VI–VIII вв. н.э. [Маршак 2017, с. 104]. Подобные чаши происходят из Васюганского клада VII в. н.э. [Могильников, 1964, с. 227, рис. 1], могильника Архиерейская заимка [Беликова, Плетнева, 1983, с. 86]. Н.А. Лещинская и И.Ю. Пастушенко время поступления бронзовых чаш в Приуралье определяют VI–VII вв. н.э., а их происхождение связывают с мастерскими Центральной Азии [2018, с. 75].

Таким образом, при относительно небольшом количестве узко датированных вещей — пряжек и поясных наборов могильник Красноярский-IV предлагаем датировать широким хронологическим периодом в рамках конца IV — начала VI в. н.э., учитывая, что в комплексе присутствуют изделия, характерные как для конца раннего железного века (в небольшом количестве их существование вполне возможно и в более позднее время), так и для раннего средневековья (основной комплекс вещей и керамика). Данная датировка не противоречит устоявшимся представлениям относительно времени функционирования известных в литературе карымских могильников южнотаежного Тоболо-Иртышья — Козлов-Мыс-2 и Усть-Тара-VII. Существенно отличает Красноярский-IV могильник разнообразие импортов восточноевропейского и среднеазиатского происхождения, что позволяет предположить достаточно высокий социальный статус отдельных погребенных.

Включение карымского населения в общий процесс культурогенеза средневековых культур региона иллюстрируется сочетанием инноваций в погребальном обряде и традиций поздней саргатской культуры раннего железного века. Последнее свидетельствуется такими признаками погребального обряда, как расположение инвентаря в могилах, С и С3 ориентировки, использование дополнительных конструкций в виде перекрытий и ровиков [Матвеева, 2016, с. 122–128]. Определенная связь с позднесаргатским населением Прииртышья прослежена по результатам сопоставления индивидуальных одонтометрических характеристик (рис. 8).

Инновации в погребальном обряде у населения эпохи Великого переселения народов южнотаежного Прииртышья проявились в следующих чертах: возведение небольших курганных насыпей и совершение захоронений по обряду трупосожжения. Первая была характерна для соседней лесостепной бакальской культуры, а также ряда культур Приуралья, в частности неволинской (бродовская стадия), харинской, турбаслинской. Обряд трупосожжения роднит карымские комплексы с потчевашской культурой конца VI — VIII в. н.э. [Могильников, Конилов, 1983], а также кулайской культурой, к которой, по мнению Т.Н. Троицкой, восходят истоки данной погребальной практики [1994, с. 182–183]. Признаки трупосожжения также встречены в ранних бакальских погребениях могильника Ревда-5 и карымских комплексах Козлов-Мыс-2 Притоболья [Матвеева, 2016, с. 124].

На территории Западной Сибири искусственная деформация черепа не является редкостью. В раннем железном веке традиция бинтования головы у детей существовала в саргатской среде на протяжении всего периода бытования культуры, причем ее распространенность среди населения увеличивалась в поздний период. Наибольшее количество деформированных черепов зафиксировано в выборке из Прииртышья (24 % из 53 обследованных черепов). В Прииртышье деформация встречена в 15 % случаев (из 94 черепов). В Притоболье количество деформированных черепов — 6 % (из 32 черепов). Наибольшая доля деформированных черепов встречена в се-

рии кашинской культуры из могильника Абатский 3 (42 %) [Ражев, 2006]. В эпоху Великого переселения народов распространение кольцевой деформации черепа приобретает массовый характер, достигая 75 % от общего числа погребенных в отдельных могильниках Западной Сибири [Слепцова, 2016]. В данном контексте череп из погребения 1 кургана 17 Красноярского-IV могильника (рис. 3А, 1) по степени деформации сопоставим с черепами из Усть-Тары VII [Скандаков, Данченко, 1999] и подобен образцам из могильников Устюг-1 и Ревда-5 лесостепного населения Приобья [Матвеева, 2016, с. 215]. О популяционных связях южнотаежных и лесостепных групп населения свидетельствуют результаты сопоставления индивидуальных размерных характеристик первых нижних моляров (рис. 8), что отчасти подтверждает гипотезу о тесных контактах бакальских и карымских групп в IV–VI вв. н.э. [Данченко, 2008].

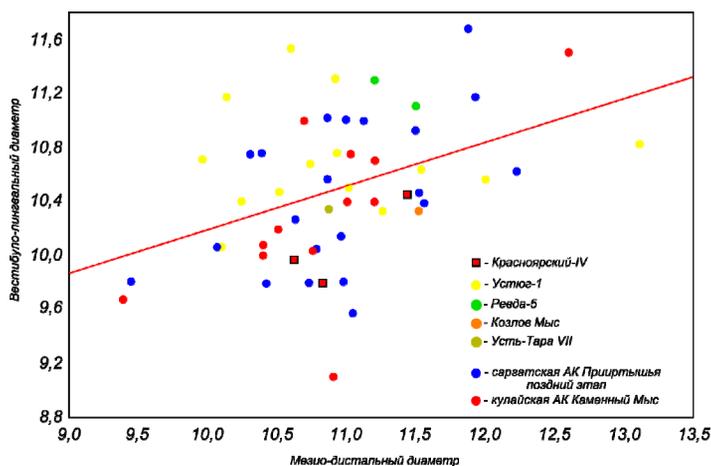

Рис. 8. Соотношение продольных и поперечных диаметров коронок постоянных нижних первых моляров индивидов с памятников эпохи Великого переселения народов Тоболо-Иртышья и раннего железного века (саргатская культура Прииртышья позднего периода, кулайская культура Новосибирского Приобья).

Fig. 8. Comparison of the sagittal and transverse diameters of the crowns of the permanent lower first molars of the Migration period Tobol-Irtysh River region and Iron Age samples (the Late Sargatka culture of Irtysh River region and Kulayka culture of Novosibirsk Ob River region).

Заключение

Таким образом, исходя из анализа вещей и погребений Красноярский-IV могильник следует рассматривать в кругу древностей карымского типа нижнеобской ИКО конца IV — начала VI в. н.э. Данный памятник примечателен сложным составом комплексов погребений, отчасти продолжающих традиции конца раннего железного века и вместе с тем характеризующихся уже чертами эпохи переселения народов. Это частично подтверждается антропологическими данными. Такое смешение традиций и сложный состав погребальных комплексов отмечают исследователями как свойственные времени функционирования могильника на пространствах Евразии.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований №№ проектов 19-39-90009, 20-49-720010 и госзадания № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 74–90.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. 120 с.
- Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 246 с.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 56–66.
- Гусев А.В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: Конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард, 2012.
- Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы семинара. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- Жиров Е.В.* Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 88–95.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
- Зубов А.А.* Одونتология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Казанский М.М.* О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 70-летию А.И. Айбабина. Симферополь: Антик ва, 2019. С. 60–64.
- Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С. 19–55.
- Красноперов А.А.* Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конф. 3. Тула, 2012. С. 218–254.
- Лещинская Н.А., Пастушенко И.Ю.* Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Камско-Вятского междуречья // РА. 2018. № 4. С. 66–81.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 164 с.
- Маршак Б.И.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 178 с.
- Могильников В.А.* Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–231.
- Могильников В.А., Конилов Б.А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Приитышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Морозов В.М.* Бакальская культура, бакальский тип памятников: К истории изучения // Междунар. (XVII Урал.) археол. совещание: Материалы конф. Пермь, 2003. С. 166–167.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 320 с.
- Радюш О.А., Щеглова О.А.* Волниковский «клад» 1-й половины V в. н.э. в контексте синхронных древностей эпохи Великого переселения народов // Волниковский «клад»: Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н.э.: Каталог коллекции. М.: Голден-Би, 2014. С. 4–27.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 133–138.
- Ражев Д.И.* Обычай деформации головы у населения саргатской общности // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии: Сб. ст. конф., проведенной в Санкт-Петербурге в октябре 2004 г. СПб., 2006. С. 82–87.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность. Ежегодник. Вып. 3: Сборник науч. трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 160–186.
- Слепцова А.В.* Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи Великого переселения народов // Экология древних и традиционных обществ: Сб. материалов конф. Вып. 5: В 2 ч. Ч. 1. Тюмень, 2016. С. 57–60.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья: Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев: Институт археологии, 1990. 48 с.
- Тетерин Ю.В.* Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 6. С. 107–115.
- Троицкая Т.Н.* Лесостепное Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 169–184.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 179 с.
- Ширин Ю.В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Buikstra J., Ubelaker D.H.* (eds). Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, 1994. No. 44.
- Ubelaker D.H.* Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. 2nd ed. Washington, DC: Taraxacum, 1989.

Krasnoyarsky-IV kurgan cemetery of the Great Migration Period

The paper presents the materials of the Great Migration Period from the Omsk Irtys region, obtained during the excavations of the Krasnoyarsky-IV burial ground. In total, eight burial mounds with 13 burials were examined in 2009 by the expedition of the Omsk State Pedagogical University led by M.A. Grachev. The aim of this work is to determine regional features and chronology of the Krasnoyarsky-IV burial complexes, as well as some details of the historical and cultural development of the local population in the transitional period from the Iron Age to the early Middle Ages. The research methodology is based on comparative and typological analyses of the material complexes, morphological and constructional specifics of the burials, and on anthropological studies, including methods of odontology. According to the results of the study, the chronological interval of the functioning of the necropolis spans the end of the 4th — first decades of the 6th centuries A.D., which corresponds with the appearance of the Karym type monuments in the territory of the southern taiga of Western Siberia. The signs of artificial skull deformation, erection of small embankments, cremations, and Eastern-European and Central Asian imports suggest involvement of the Karym population in the epochal historical and cultural processes, as well as contacts with neighboring forest-steppe and southern taiga cultures of the Ural-Siberian region. Characteristics associated with the heritage of the cultures of the Early Iron Age, particularly, the Sargatka and Kulayka Cultures, were noted: orientation of the buried; location of the goods in the grave; ornamental and morphological features of the ware; and specific types of bronze decorations. The symbiosis of innovations and traditions of the previous epoch is partly confirmed by the anthropological characteristics in the ratio of the longitudinal and transverse diameters of the crowns of the permanent lower first molars.

Keywords: Karym type, Migration period, south taiga Irtys River region.

REFERENCES

- Aibabin, A.I., Khairedinova, E.A. (2001) New early complexes from the burial ground near the village Luchistoe in Crimea. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, (8). Simferopol, 74–90. (Rus.).
- Alekseeva, E.M. (1978) Antique Beads from the Northern Pontic region. In: *Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. G1-12*. (Rus.).
- Ambroz, A.K. (1980). Birsk burial ground and problems of chronology of the Urals in the 4–7 centuries AD. In: *Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei*, Moscow, 3–56. (Rus.).
- Belikova, O.B., Pletneva, L.M. (1983). Archaeological sites of the Tomsk Ob region in the 5–8 centuries AD. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Borzunov, V.A., Chemiakin, Iu.P. (2015). Karym pottery of the taiga Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 56–66. (Rus.).
- Buikstra, J., Ubelaker, D.H. (Eds.) (1994) Standards for data collection from human skeletal remains. In: *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, (44). Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series.
- Chindina, L.A. (1991). History of the Middle Ob region in the Early Middle Ages. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Danchenko, E.M. (2008). On the description of the historical and cultural situation in the Middle Irtys region at the turn of the early Iron Age and the Middle Ages. In: *Problemy Bakal'skoi kul'tury: Materialy seminara*. Chelyabinsk: Rifei, 45–60. (Rus.).
- Dobzhanskii, V.N. (1990) *Belts with decorated plates of Asian nomads*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Gusev, A.V., Fedorova, N.V. (2012). *The ancient sanctuary of Ust-Poluy: Constructions, actions, artifacts. Results of studies of planigraphy and stratigraphy of the site: 1935–2012*. Salekhard. (Rus.)
- Kazanskii, M.M. (2019). About belts with overlaid narrow plates from the Luchistoe burial ground. In: *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina*. Simferopol: Antikva, 60–64. (Rus.).
- Komar, A.V. (2000). Aktual'nye problemy khronologii material'noi kul'tury gunnskogo vremeni Vostochnoi Evropy. In: *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ia*, (1). Donetsk, 19–55. (Rus.).

* Corresponding author.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

Krasnoperov, A.A. Polychrome objects with cloisonne inlays in the Kama region ("before the Huns" style of cloisonne inlays). In: *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov: Konferentsiia 3*. Tula, 218–254. (Rus.).

Leshchinskaya, N., & Pastushenko, I. (2018). Bronze bowls and their derivatives from early medieval sites of the Kama-Vyatka Interfluve. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 66–80. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/s086960630003389-6>

Marshak, B.I. (2017). *History of Eastern toreutics of the III–XIII centuries, and problems of cultural continuity*. St. Petersburg: Akademiia issledovaniia kul'tury. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2012). *Kozlovsky burial ground of the Great Migration time*. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2016). *The Western Siberia in the Migration period: (Problems of cultural genesis according to the data of burial monuments)*. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).

Mazhitov, N.A. (1968). *The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle of I Millennium AD*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1964). Vasiuganskii klad. *Sovetskaia arkheologiya*, (2), 227–231. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A., Konikov, B.A. (1983). Burial ground of the Potchevash culture in the Middle Irtysh region. *Sovetskaia arkheologiya*, (2), 162–182. (Rus.).

Morozov, V.M. (2003). The Bakal culture, Bakal type of monuments: towards the history of study. In: *Mezhdunarodnoe (XVII Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy konferentsii*. Perm, 166–167. (Rus.).

Pereskokov, M.L. (2018). *Perm Ural region in final of Early Iron Age*. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. (Rus.).

Radiush, O.A., Shcheglova, O.A. (2014). The buried "treasure" Volnikovka of the 1st half of the 5th century AD in the context of synchronous antiquities of the Migration period. In: *Volnikovskii "klad": Kompleks snariazheniia konia i vsadnika 1-i poloviny V v. n.e.: Katalog kolleksii*. Moscow: Golden-Bi, 4–27. (Rus.).

Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N. (2013). Reconstruction of the landscape of the Tobol region in the Early Middle Ages (based on the results of spore-pollen analysis of the buried soil of the Ustyug-1 burial ground). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 20(1), 133–138. (Rus.).

Shirin, Iu.V. (2003). *Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium A.D.: (Burial monuments of the Fominsk culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).

Razhev, D.I. (2006). The custom of deformity of the head among the population of the Sargatka community. In: *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoi antropologii*. St. Petersburg, 82–87. (Rus.).

Skandakov, I.E., Danchenko, E.M. (1999). Burial mound Ust-Tara-VII in the southern taiga Priirtyshie. In: *Gumanitarnoe znanie. Seriya Preemstvennost'. Ezhegodnik: Sbornik nauchnykh trudov*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 160–186. (Rus.).

Sleptsova, A.V. (2016). The custom of artificial deformation of the skull among the population of the Tobol region of the era of the Great Nations Migration. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Sbornik materialov konferentsii. Vyp. 5. Chast 1*. Tyumen, 57–60. (Rus.).

Subbotin, L.V., Dzigovskii A.N. (1990). *Sarmatian antiquities of the Dniester-Danube interfluve: The burial mounds of Vasilevsky and Kubey*. Kiev: Institut arkheologii. (Rus.).

Teterin, Iu.V. (2006) Grivnas of Hunno-Sarmatian era in South Siberian. In: *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii*, (6). Gorno-Altaysk, 107–115. (Rus.).

Troitskaia, T.N. (1994). Forest-steppe Ob region. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Tom 2. Mir real'nyi i potustoronni*. Tomsk, 169–184. (Rus.).

Troitskaia, T.N., Novikov, A.V. (1998). *The Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).

Ubelaker, D.H. (1989). *Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. 2nd ed.* Washington, DC: Taraxacum.

Zasetskaia, I.P. (1993). Materials of the Bosphorus necropolis of the second half of the 4th — first half of the 5th centuries AD. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, (3). Simferopol, 23–105. (Rus.).

Zasetskaia, I.P. (1994). *Culture of the nomads of the Southern Russian steppes in the Hun era*. St. Petersburg. (Rus.).

Zhirov, E.V. (1940). On artificial head deformation. *Kratkie soobshcheniia o polevykh issledovaniiax Instituta istorii material'noi kul'tury*, (8), 88–95. (Rus.).

Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology for Anthropological Research*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Грачев М.А., <https://orcid.org/0000-0002-4374-2229>

Зеленков А.С., <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

Слепцова А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ КЫРГЫЗСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ИЗ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

В Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. происходит развитие и быстрая смена полиэт- нических государственных образований близких родоплеменных групп. Одним из таких образований яв- лялся Кыргызский каганат, сформировавшийся в верховьях Енисея. Во второй половине IX в. власть кыр- гызских каганов распространилась на значительные территории. Исследование погребений с кремацией, выявленных за пределами прародины кыргызов, позволило проследить межплеменные контакты и на- правления военных походов в период «великодержавия». Материалы могильника Меновное VIII очерчива- ют юго-западную границу проникновения носителей кыргызских традиций в Верхнее Прииртышье.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, эпоха средневековья, кыргызы, курган, погребаль- ный обряд, вещевой инвентарь.

Введение

Ранняя история енисейских кыргызов воссоздается в своей основе через археологические источники. Китайские хроники и орхоно-енисейские тексты передают отрывочные сведения об истории народов, обитавших в верховьях Енисея. Особенности государственного развития на- селения Минусинской котловины позволили Кыргызскому каганату к середине VIII в. стать рав- ноправным политическим партнером для оседлых и кочевых государств Азии. В середине IX в. начинается эпоха «кыргызского великодержавия», когда власть кыргызских каганов распростра- няется на значительные территории Центрально-Азиатского региона. Появление на сопредель- ных территориях курганов, содержащих захоронения по обряду трупосожжения, характерного для погребального ритуала кыргызов, дает возможность проследить пути и направления экспансии Кыргызского каганата за пределы Минусинской котловины. Материалы одного из курганов мо- гильника Меновное VIII не только способны воссозданию специфики погребальной обрядно- сти и элементов материальной культуры носителей кыргызских традиций, но и позволяют наме- тить юго-западные границы степной зоны Прииртышья, находившийся под кыргызским влиянием.

Общая характеристика памятника

Могильник Меновное VIII расположен на левом берегу Иртыша в безымянном урочище, огра- ниченном невысокими сопками, в 2,1 км к юго-востоку от пос. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области. Он объединяет 16 разновременных поминальных объектов: переходного времени от бронзового к раннежелезному веку; насыпи скифо-сакского времени; разновременные погребальные сооружения средневековых кочевников.

В северо-западной части урочища в 1998 г. археологической экспедицией ВКГУ исследован курган, соотносимый с периодом раннего средневековья, но отличающийся погребальной обряд- ностью от всех других поминальных объектов, оставленных средневековыми кочевниками и ис- следованных в пределах Усть-Каменогорского микрорайона [Ткачев, Ткачева, 1999]. Насыпь кур- гана расположена на кромке узкого водораздела, отделяющего, с одной стороны, две сопки, ог- раничивающие урочище, на которых сосредоточена основная часть поминальных объектов, с другой — две долины, локализованные с севера поймой Иртыша и обрамленные по внешнему периметру отрогами невысоких сопкок (рис. 1, 1–4).

Курган 8 имел округлую форму, диаметр 10 м. Современная хорошо задернованная поверх- ность поросла невысоким степным кустарником. Располагавшаяся на пологом склоне насыпь име- ла разную высоту в отдельных секторах: в северном — свыше 0,5 м, южном — около 0,4 м. В центре просматривалась овальная западина размером 3,1×2,3×0,2 м, вытянутая в широтном направлении. Центральный участок западной части западины плавно переходил в канавку, направленную на запад. Длина канавки 3,2 м, ширина 0,3–0,5 м, глубина от уровня материка 0,45–0,5 м. Провал над верхней частью западины на глубину 0,2 м заполнен черной гумусированной супесью (рис. 2).

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

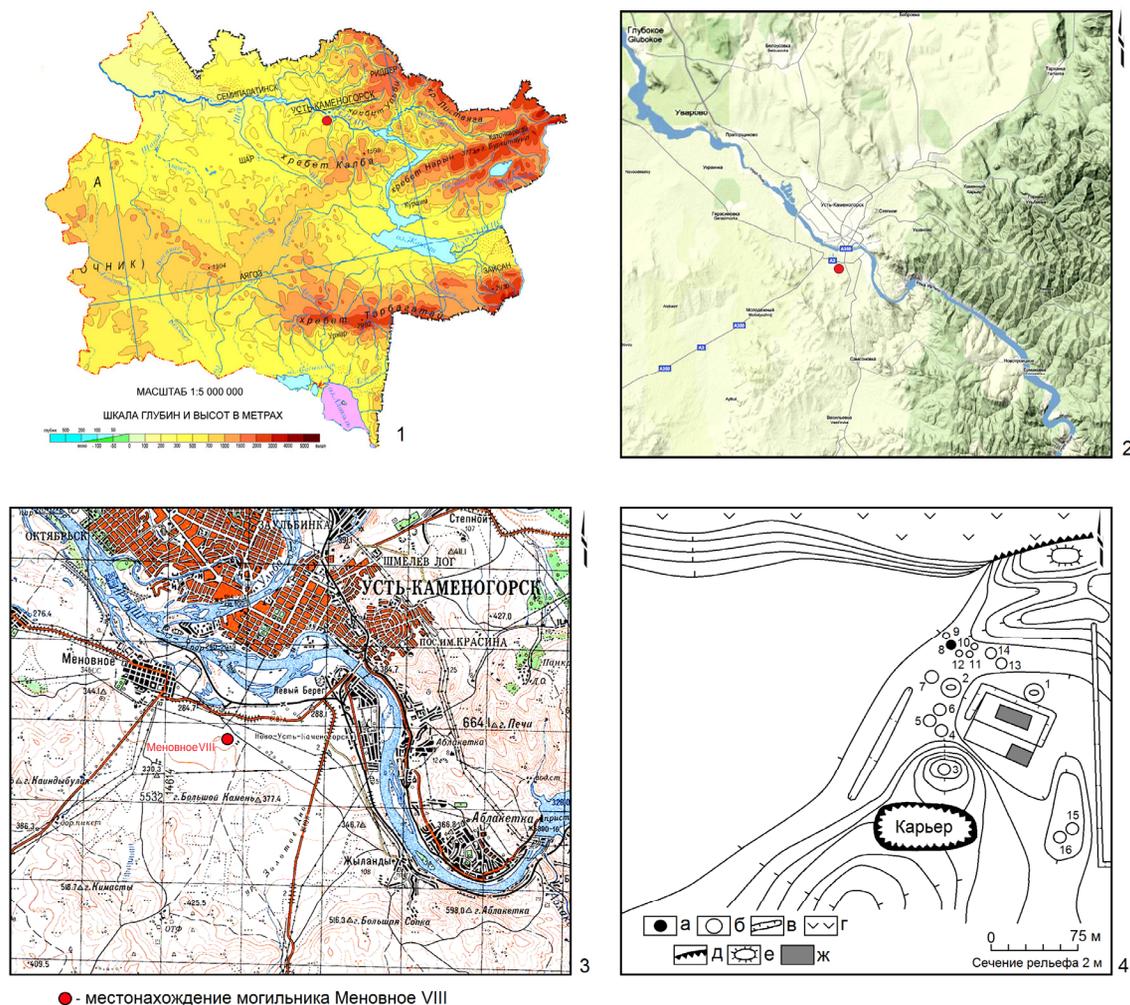

Рис. 1. Могильник Меновное VIII. Местоположение (1–3) и план (4) памятника:

а — кыргызский курган; б — разновременные курганы эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья;
 в — противопожарные траншеи; г — высокая пойма Иртыша; д — скальный обрыв; е — скальный выход;
 ж — постройки склада для хранения химических удобрений.

Fig. 1. Burial ground Menovnoye VIII. Location (1–3) and plan (4) of the monument:

а — Kyrgyz barrow; б — burial barrows of the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages; в — fireproof trenches;
 г — high floodplain of Irtysh; д — rocky cliff; е — rocky exit; ж — building of a warehouse for storing chemical fertilizers.

Для отсыпки насыпи толщиной 0,2–0,3 м использован коричневый суглинок с примесью мелкого щебня, под которым залегала прослойка желто-серого суглинка с примесью белесого щебня, образовавшегося в результате выброса грунта при сооружении могилы, мощностью 0,2–0,25 м. Выброс перекрывал погребенную почву, сложенную коричневой гумусированной супесью толщиной 0,1 м. Ниже залегала прослойка желтой глины толщиной до 0,2 м, перекрывавшая, в свою очередь, скальное основание сопки, сложенное хорошо колющимся камнем белесого цвета.

Насыпь перекрывала оградку с одной дополнительной пристройкой. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют о том, что первоначально была сооружена основная ограда А, в ее центре разместили могилу, торцевая стенка которой соединена с неглубоким коридором-дромосом. Выкид из ограды отмечен на погребенной почве на расстоянии 0,5–0,7 м от стенок за ее пределами. Более поздним сооружением является пристройка — камни, примыкающие к стенкам основной конструкции, уложены поверх тонкой прослойки выброса, тогда как остальные, использовавшиеся для сооружения стенок ограждения, установлены поверх погребенной почвы.

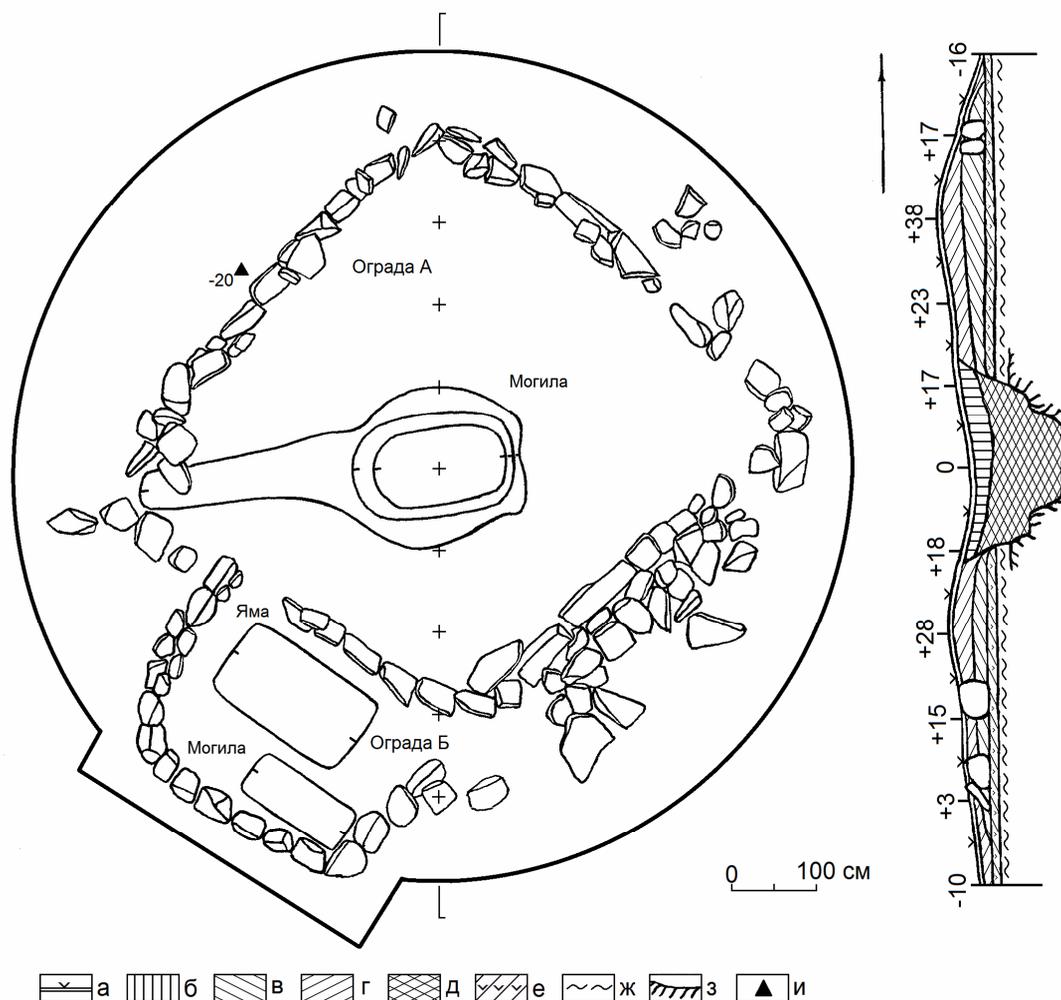

Рис. 2. Могильник Меновное VIII. Курган 8. План ограды:

а — дерн; б — черная гумусированная супесь; в — коричневый суглинок с примесью мелкого щебня; г — желто-серый суглинок с примесью белесого щебня; д — серо-коричневый мешаный суглинок с примесью белого щебня и древесного тлена; е — погребенная почва (коричневая гумусированная супесь); ж — желтая глина; з — скальное основание сопки; и — бронзовая бляха-тройчатка.

Fig. 2. Burial ground Menovnoe VIII. Barrow 8. Plan of the fence:

а — turf; б — black humus sandy loam; в — brown loam with an admixture of fine gravel; г — yellow-gray loam with an admixture of whitish rubble; д — gray-brown mixed loam with an admixture of whitish rubble; е — buried soil (brown humus sandy loam); ж — yellow clay; з — rocky base of the hill; и — bronze plaque triplet.

Ограда А — основная — неправильно-ромбической формы, ориентирована углами по сторонам света. Размеры по линии запад — восток составляли 8,4 м, север — юг — 7,2 м. Сооружена из крупных блоков серо-коричневого ломаного камня. Развал камней позволяет предполагать, что при сооружении поминальной конструкции использовали вертикальную кладку в один-два горизонта при общей высоте стенок ограждения в 0,3–0,4 м. В стенках ограды прослеживаются разрывы. Один шириной 0,4 м, расположен в западном углу конструкции, его появление связано с преднамеренным смещением камней в связи с общей ориентацией коридора-дромоса в данном направлении. Остальные разрывы зафиксированы близ восточного угла ограды: два шириной 0,3 и 0,4 м — в северо-восточной стенке; один шириной 0,3 м — в юго-восточной. Если первый проход сделан преднамеренно в процессе проведения погребального обряда, то время появления остальных (при строительстве, в процессе захоронения или в результате ограбления) определить невозможно. За пределами ограды вдоль юго-восточной стенки прослеживался завал из разбитых плит серого гранита, представлявших собой остатки перекрытия могильной конструкции и выброшенных за пределы конструкции в процессе ограбления (рис. 2). За

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

оградой у северо-западной стенки под дерном обнаружена бронзовая прорезная бляха-тройчатка, утерянная, скорее всего, в процессе ограбления кургана (рис. 4, 3).

Могила, расположенная в центре огражденного пространства, представляла собой грунтовую яму неправильно-овальной формы размером 2,1×1,9×0,85 м, ориентированную по линии запад — восток с незначительным отклонением к югу. Придонная часть ямы на глубину 0,65 м вырублена в белесой хорошо колющейся скальной породе. Придонная часть ямы, размером 1,6×1,0 м, заполнена серо-коричневым мешаным суглинком с примесью белесого щебня. Придонная часть ямы, размером 1,6×1,0 м, заполнена серо-коричневым мешаным суглинком с примесью белесого щебня. На дне в юго-восточном углу ямы обнаружена овальная линза кальцинированных костей человека диаметром 23–25 см, толщиной 3–4 см (рис. 3, 1). Около северо-западного края линзы лежал обломок железной накладки (рис. 4, 1).

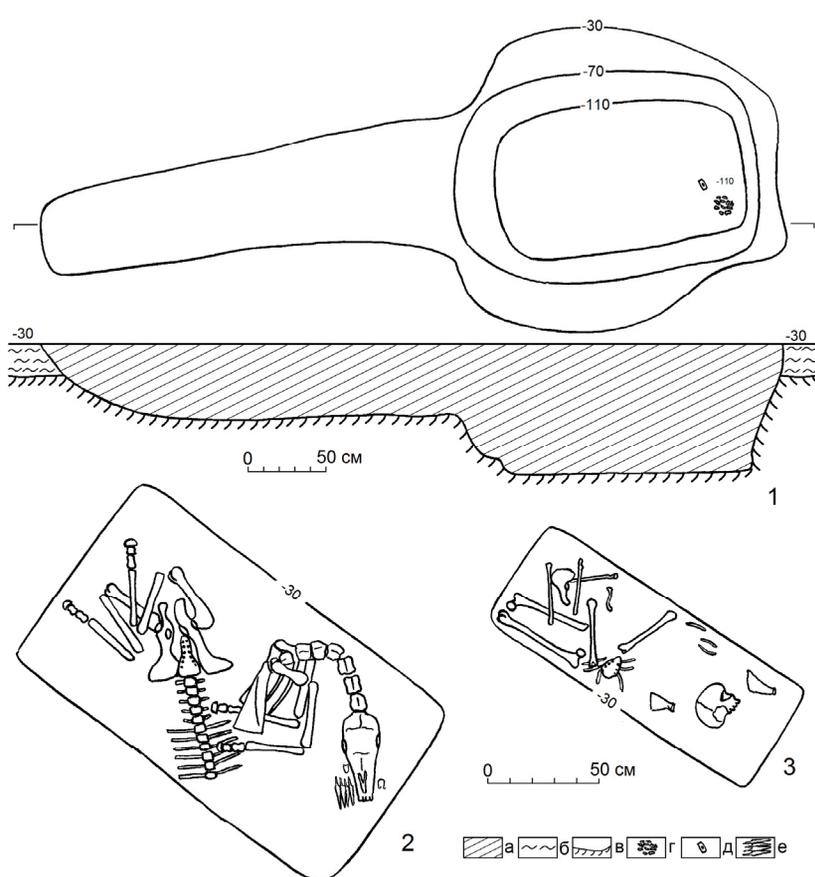

Рис. 3. Могильник Меновное VIII. Курган 8:

1 — ограда А, план могилы; 2 — ограда Б, план жертвенной ямы; 3 — ограда Б, план могилы;
 а — серо-коричневый мешаный суглинок с примесью белесого щебня и древесного тлена; б — желтая глина;
 в — скальное основание сопки; г — скопление кальцинированных костей; д — железная накладка;
 е — остатки колчана с напильником и железными наконечниками стрел.

Fig. 3. Burial ground Menovnoe VIII. Barrow 8: 1 — fence A, plan of the grave;
 2 — fence B, plan of the sacrificial pit; 3 — fence B, plan of the grave:

а — gray-brown mixed loam with an admixture of whitish rubble; б — yellow clay; в — rocky base of the hill;
 г — accumulation of calcified bones; д — iron plate; е — remains of a quiver with a file and iron arrowheads.

Западная стенка ямы соединена с узким коридором-дромосом, направленным к западному частично разобранному углу ограды. Длина подземной части дромоса 2,6 м, ширина 0,5–0,9 м, глубина 0,4 м. Придонная часть равномерно заполнена серо-коричневым мешаным суглинком с примесью щебня. Стенки дромоса, резко понижаясь в восточной части на глубине -40 см от уровня материка, переходят в яму, размер которой на уровне дна дромоса составляет 1,9×1,3 м. Кроме того, на этом уровне вдоль длинных стенок могильной ямы просматривались пологие уступчики шириной 0,15–0,2 м. В заполнении дромоса и могильной ямы встречался тлен и мелкие кусочки древесины от разрушенного перекрытия (рис. 2; 3, 1).

Незначительные глубина и протяженность подземного коридора-дромоса позволяют предполагать, что данная конструкция является только имитацией входа-выхода из погребальной камеры, ведущего за пределы огражденного пространства. После размещения в могиле кремированных останков умершего могильное углубление перекрыли двумя уровнями защиты: первое перекрытие, из гранитных плит, разместили на боковых уступчиках на уровне дна дромоса; второе — на уровне материковой поверхности: яму и дромос закрыли деревянными бревнами или плахами, поверх которых сделали дополнительное перекрытие из гранитных плит.

Ограда Б пристроена к юго-западной стенке основной конструкции. Юго-восточная стенка начиналась от южного угла ограды, северо-западная — на расстоянии 1,6 м от западного угла. При сооружении использовались уплощенные камни размером 0,3–0,5×0,2–0,4×0,3–0,4 м. Основная часть конструкции представляла собой кладку камней, уложенных в один ряд, и только на небольшом участке северо-западной стенки прослежена кладка из двух горизонтально уложенных небольших камней (рис. 2).

Пристройка прямоугольной формы с закругленными углами размером 3,6×2,5 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Первый камень пристройки, размещавшийся у южного угла основной ограды, сдвинут в сторону так, что образовался проход вовнутрь шириной 0,5 м. Второй проход, шириной 0,6 м, соединяющий основную ограду и пристройку, расположен близ центрального участка юго-западной стенки основной ограды у северного угла пристройки. Часть камней северо-западной и юго-восточной стенок уложены на выброс мощностью 5–10 см, тогда как камни юго-западной стенки размещены поверх погребенной почвы, что позволяет констатировать более позднее сооружение пристройки по отношению к основной ограде. В огражденном пространстве находились могильная и жертвенная ямы (рис. 2).

Могилка располагалась вдоль стенок, образующих южный угол пристройки. Грунтовая яма размером 1,4×0,55×0,4 м ориентирована по линии северо-запад — юго-восток (рис. 2). Придонная часть на глубину 0,2 м вырублена в скальном грунте. Внутреннее пространство заполнено серо-коричневым мешаным суглинком с примесью белесого щебня. На дне ямы встречены разрозненные останки подростка в возрасте 12–14 лет. Распределение костей скелета в пределах погребальной пространства позволяет предполагать, что умерший лежал головой на юго-восток (рис. 3, 3).

Жертвенная яма обнаружена в центральной части северного сектора пристройки, размещена параллельно могиле и юго-западной стенке основной ограды, вплотную к камням последней (рис. 2).

Прямоугольная грунтовая яма размером 1,8×1,0 м ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Стенки ямы прорезали глинистый выброс и погребенную почву. Придонная часть углублена в материковую глину на 2–3 см. Общая глубина ямы от верхнего среза по уровню выкида и до дна составляла от 0,2 до 0,25 м.

На дне находился костяк лошади, преднамеренно расчлененной перед захоронением на две части между шестым и седьмым ребрами (рис. 3, 2). Задняя часть туши, размещенная по диагонали углубления, занимала западный сектор ямы. Останки тела уложены на живот, ноги присогнуты в суставах и смещены к западной стенке, кости левой преднамеренно вывернутые, перекрывают кости правой ноги. Передняя часть туши лошади сдвинута в северо-восточный сектор ямы. Передние ноги присогнуты в коленных суставах, кости бабок и копыт частично перекрывают грудной отдел задней части туши. Кости шейных позвонков плавно изогнуты, но между третьим и четвертым шейными позвонками наблюдается небольшой разрыв, свидетельствующий о преднамеренном сломе. Голова лошади, уложенная на основание, ориентирована на юг. С левой стороны черепа на стыке передней части верхней и нижней челюстей находилась железная изогнутая скоба с загнутыми краями для закрепления ее в деревянном псалии (рис. 4, 2), с левой стороны у основания черепа находился бронзовый наконечник ремня (рис. 4, 4). находка наконечника ремня и скобы, использовавшейся для закрепления в ней ремня повода, свидетельствует, с одной стороны, о том, что лошадь была взнуздана, с другой стороны, отсутствие удила позволяет предполагать размещение поверх головы животного не полной упряжи с одним свисающим ремешком, украшенным наконечником, в сопровождении одного деревянного псалия, что и должно было имитировать запряженную лошадь.

С правой стороны, вдоль резцовой кости черепа, параллельно друг другу лежали три железных наконечника стрел остриями, ориентированными на юг (рис. 4, 6–8), между ними располагался железный напильник (рис. 4, 5). Особенности размещения вещевого комплекса относительно останков животного допускают наличие колчана длиной не менее 60 см, уложенного по линии север — юг вдоль головы и изгиба шеи лошади.

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

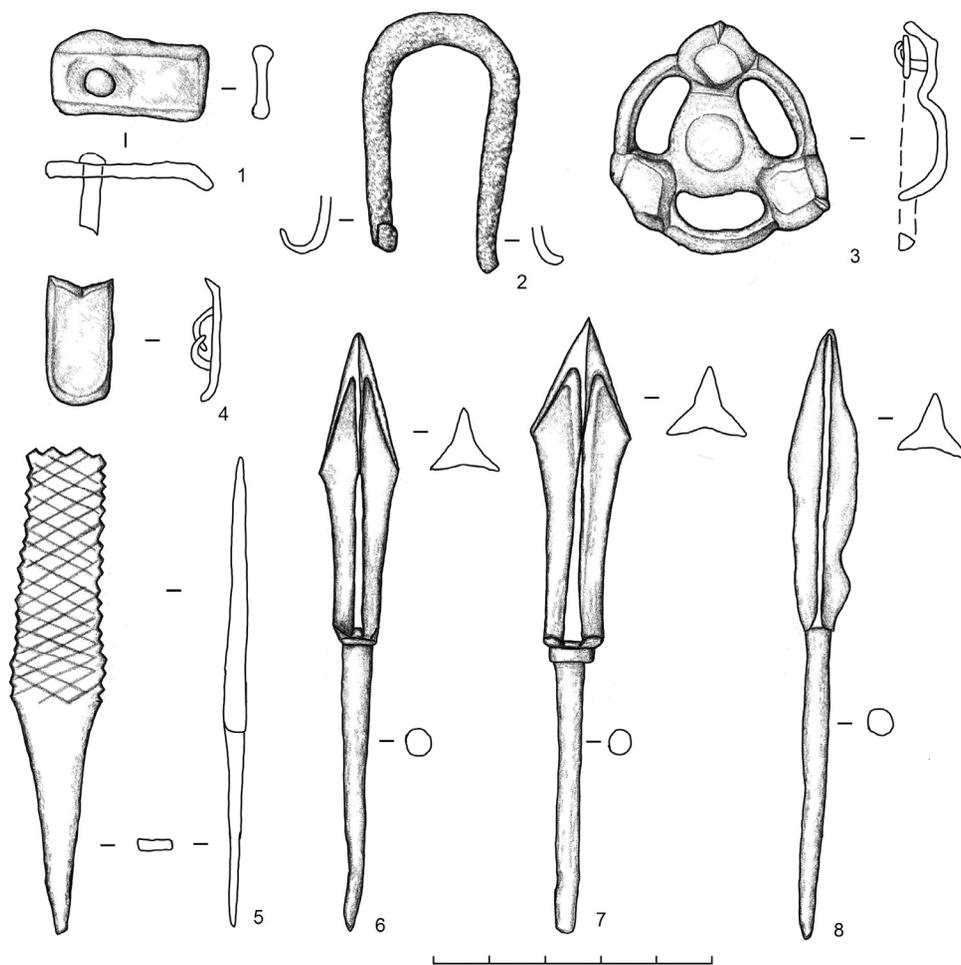

Рис. 4. Могильник Меновное VIII. Курган 8. Вещевой инвентарь:

1 — ограда А, могила; 2, 4–8 — ограда Б, жертвенная яма; 3 — насыпь, СЗ сектор (1, 2, 5–8 — железо; 3, 4 — бронза).

Fig. 4. Burial ground Menovnoe VIII. Barrow 8. Goods inventory:

1 — fence A, grave; 2, 4–8 — fence B, sacrificial pit; 3 — embankment, NW sector (1, 2, 5–8 — iron; 3, 4 — bronze).

Особенности погребального обряда

Стратиграфические наблюдения позволяют констатировать, что между сооружением основной ограды и пристройки существовал определенный временной разрыв, но структура насыпи свидетельствует об одномоментности ее отсыпки над обеими конструкциями. Грунт (коричневый суглинок с примесью мелкого щебня) привнесен со стороны, скорее всего из долины, примыкающей с запада к погребальной площадке. Подтверждает данное предположение отсутствие вокруг насыпи ровиков или карьерных ям для получения грунта, необходимого для отсыпки кургана. Получить грунт, идентичный насыпи, в пределах окружающего пространства невозможно: на прилегающих участках тонкий слой дерна перекрывал небольшую прослойку желтой глины, залегавшей на скальном основании сопки. Работы на одном из погребальных объектов, располагавшихся в центре сопредельной долины, показали, что горизонт идентичного грунта, использовавшегося для насыпи, достигал здесь 50–60 см. Углубление, образовавшееся в процессе получения грунта, с течением времени могло частично заполниться гумусом и окончательно слиться с окружающей местностью в процессе многолетней современной распашки долины.

Для сооружения поминальных оград использованы разные конструкторские подходы: стенки основного сооружения, имевшего подквадратную форму с углами, ориентированными по сторонам света, оформлены вертикальной двурядной кладкой каменных блоков; в основу овально-прямоугольной пристройки, вытянутой вдоль юго-западной стенки основной ограды,

положена однорядная кладка. Об определенной хронологической близости конструкций свидетельствует идентичность использованной породы камня.

Погребальные сооружения, исследованные в пределах оград, отличаются как внутренним устройством, так и принципами погребального обряда. Могильная яма, располагавшаяся фактически в центре огражденного пространства основной ограды, имела овально-аморфную форму и соединена с узким неглубоким дромосом, ориентированным на запад. В процессе сооружения дромоса частично разобрали западный угол ограды, открыв проход вовнутрь. Останки умершего, кремированного на стороне, аккуратно поместили в юго-восточный угол ямы, которая могла иметь двойное перекрытие. Первое, из гранитных плит, располагалось на уступчиках по уровню дна дромоса; второе, фиксируемое на уровне погребенной почвы, перекрывало яму и подземный коридор деревянными плахами, перекрытыми гранитными плитами. Назначение коридора-дромоса не определено. Расстояние между дном и верхним перекрытием не превышает 40–45 см, поэтому проникнуть через него вовнутрь ямы, имевшей на уровне пола дромоса каменное перекрытие, практически невозможно. Вероятно, сооружение, имитирующее подземный коридор-дромос, носило некий сакральный характер.

Наличие в пристройке погребения подростка, совершенного по обряду ингумации, позволяет рассматривать его как преднамеренное захоронение социально зависимого человека. Косвенно подтверждается это наличием погребения коня, размещенного в отдельной яме, прорезавшей только выброс, образовавшийся при сооружении могилы основной ограды, слой дерна и почти не углубленной в материковый грунт. Тело коня перед размещением в едва намеченной яме аккуратно расчленили между шестым и седьмыми ребрами на две части — переднюю и заднюю. Части туши смещены относительно друг друга, занимали разное положение также относительно дна ямы, но обе имели идентичную ориентацию: задняя часть по линии позвоночного столба и передняя часть по линии черепа направлены на юг. Зависимость подчеркивается и фактической имитацией узды, в которой отсутствовали удила, но имелись один деревянный псалий со скобой и один бронзовый наконечник для украшения свисающего ремня оголовья. К тому же в пределах ям не прослеживались следы перекрытий.

Определенная взаимосвязь погребенного по обряду кремации и подростка прослеживается по наличию в яме с конем колчана, содержащего напильник и три стрелы с железными наконечниками. У большинства народов мира тройка является священным символом единства мира через триаду мироустройства и олицетворение жизни. Можно допустить, что два почти идентичных наконечника отражали рождение и смерть, а третий — жизнь. Подчиненное положение подростка (раба или оруженосца) подчеркнуто наличием напильника, необходимого для поддержания оружия господина в боевом состоянии.

При анализе материалов, полученных из курганов Копенского чаатаса, исследователи пришли к мнению, что по обряду трупосожжения погребалась элита кыргызского (хакасского) общества, тогда как рабов и слуг хоронили по обряду трупоположения [Евтюкова, Киселев, 1940, с. 30–32]. В отдельных курганах Зевакинского могильника, соотносимых со временем кыргызского проникновения в бассейн Иртыша, присутствуют захоронения, совершенные по обряду как кремации, так и ингумации. Захоронения в грунтовых ямах, в основу которых положен обряд трупоположения, находятся в подчиненном положении, располагаясь в полах курганов [Арсланова, 1972, с. 58, табл. II]. Лошадь как элемент погребального ритуала отсутствует в захоронениях культуры чаатас, но на позднем этапе, в VIII–IX вв., у основных курганов, содержавших захоронения по обряду кремации, появляются сопутствующие погребения под небольшими округлыми насыпями по обряду ингумации в сопровождении коней, рассматриваемые как захоронения союзников, слуг и клиентов [Кызласов, 1981а, с. 47, 49]. На стадии развития тютятской культуры древних хакасов (кыргызов), датирующейся IX–X вв., обряд кремации начинает сопровождаться отдельными черепами, неполными скелетами без черепов и нижними конечностями лошади [Кызласов, 1981б, с. 55]. В кургане 114 Зевакинского могильника с одиночным захоронением по обряду кремации, совершенным на уровне древнего горизонта, отмечены не только отдельные кости лошади и три черепа, но и почти полный скелет животного [Арсланова, 1972, с. 56–57]. Появление лошадей в курганах с захоронениями по обряду кремации в пределах как Минусинской котловины, так и Верхнего Прииртышья можно рассматривать через призму тюркского или кимакского влияния, для погребального обряда которых характерно широкое использование коней в ритуале.

Социальную значимость погребенного подчеркивает не только единичность данного вида захоронения в пределах сакральной зоны урочища, но и определенная историческая память о нем в

последующих поколениях, что отразилось в размещении вокруг погребальной конструкции сооружений, соотносимых с более поздней стадией развития культуры средневековых кочевников региона.

Характеристика предметного комплекса

Вещевой инвентарь, полученный при исследовании кургана, связан с вооружением воина и амуницией, использовавшейся для управления лошадей.

Бронзовая прорезная бляха-тройчатка соотносится с конструктивно-декоративным компонентом, связанным с распределением ремней портупеи. Она оформлена в виде округлой рамки с тремя уплощенными симметрично расположенными перемычками-лопастями и округло-выпуклой уплощенной центральной частью диаметром 1,5 см, высотой 5–7 мм. Две лопасти заканчиваются выделенными приостренными носиками; у третьей кончик обломан и пришлифован. Рамка имеет треугольно-уплощенное сечение с шириной основания 3,2–3,5 мм при высоте около 3 мм. Между центральной частью и рамкой просматриваются три овально-фасолевидные прорезы длиной 1,5–1,6 см, шириной 6,1–6,5 мм. Общий диаметр бляхи 4,1 см, диаметр рамки 3,6 см. К внутренним сторонам лопастей припаяны железные шпеньки. Для закрепления ремней использовались небольшие медные пластинки квадратной или прямоугольной формы, надевавшиеся на шпеньки с последующим их расклепыванием (рис. 4, 3). Данные изделия имели широкое распространение на всем протяжении тюркской эпохи, в том числе в киргизских древностях. Сочетание орнаментированных и неорнаментированных изделий, используемых для украшения конской амуниции, отмечается с конца VII в. [Ткачев, Ткачев, 2021, рис. 4, 12, 15] до рубежа X–XI вв. [Могильников, 1981а, с. 42, рис. 23, 22; с. 43, рис. 24, 16]. На территории Минусинской котловины и Тувы подобные бляхи присутствуют в погребальных комплексах тюхтятской культуры IX–X вв. [Кызласов, 1978, с. 53, рис. 11, 6; 1981б с. 56, рис. 33, 58]. Неорнаментированные портупейные бляхи отмечены и в кыргызских курганах Зевакинского могильника [Арсланова, 1972, с. 58, табл. V, 1, 2], Четырехдырчатая неорнаментированная бляха встречена в кыргызском захоронении могильника Коргон I [Дашковский, 2015, с. 74, рис. 50, 1]. Для кимакских древностей Верхнего Прииртышья и Алтая более характерны изделия, орнаментированные растительным или линейным узором [Арсланова, 2013, с. 39, рис. 5, 10; фото 29; Могильников, 2002, с. 13, рис. 6, 4; с. 22, рис. 48, 74; Суворова, Ткачев, 1995, с. 256, рис. 5, 22].

Бронзовый наконечник ремня имеет геральдическую форму с фигурным основанием типа «ласточкин хвост». Гладкая поверхность щитка не орнаментирована, параллельные бортики плавно переходят в округлый носик. Длина изделия 2,2 см, ширина 1,2 см, высота бортиков 2,2–2,3 мм. К внутренней стороне припаяны два приостренных железных шпенька. При закреплении на ремне шпеньки были загнуты навстречу друг другу, острые концы впущены в кожу ремня (рис. 4, 4). Неорнаментированные наконечники ремней широко бытовали на всем протяжении тюркской эпохи [Гаврилова, 1965, с. 69, рис. 11, 27–30; Могильников, 1981б, с. 45, рис. 27, 45; Трифонов, с. 140, рис. 172, 9, 10]. Аналогично оформленный наконечник встречен в кургане с кремацией Зевакинского могильника [Арсланова, 1972, табл. I, 1]. Если для культуры чаатас (VI–IX вв.) характерны неорнаментированные наконечники ремней с гладким основанием и округлым носиком [Кызласов, 1981а, с. 50, рис. 28, 42, 45], то в тюхтятской культуре (IX–X вв.) появляются гладкие наконечники ремней с фигурным оформлением основания [Кызласов, 1978, с. 48, 50, рис. 8, 14, 15, 23; 1981б, с. 56, рис. 33, 68].

Железная накладка овально-прямоугольной формы с выемкой вдоль центральной части и округлыми бортиками вдоль длинных сторон, длина 2,7 см, ширина 1,3–1,4 см, толщина 2–2,5 мм. Один конец изделия обломан, второй слегка закруглен. В центре овального конца пробито отверстие диаметром 3,5 мм, куда вставлен железный гвоздик диаметром 3 мм, использовавшийся для соединения накладки с каким-то достаточно толстым предметом. С внешней стороны накладки конец гвоздика расклепан с образованием округлой выпуклой шляпки диаметром 5–6 мм, высотой около 2 мм; внутренняя часть гвоздика длиной 9 мм обломана (рис. 4, 1). Назначение изделия не определено.

Дугообразная скоба изготовлена из железной пластинки длиной около 9 см, ширина в центральной части 6 мм, на концах 3–4 мм, толщина 1,5–2 мм. Изделие имеет овально-трапециевидную открытую форму с загнутыми концами. Длина изделия около 4 см, ширина овального конца 2,5 см, открытого — 2,1 см. Загнутые концы сохранились частично: один обломан, высота изгиба второго около 4 мм. Судя по расстоянию между загнутыми концами, толщина деревянной пластины псаля в пределах 5–6 мм (рис. 4, 2). Деревянные псаля с закрепленными в них желез-

ными скобами в сочетании с разнообразными типами удил достаточно широко распространены в IX–X вв. в комплексах тюхтятской культуры [Кызласов, 1978, с. 52, 56, рис. 11, 1, 12, 13]. Аналогичные изделия встречаются как в кыргызских [Дашковский, 2015, с. 74, рис. 50, 1], так и в кимакских [Могильников, 2002, с. 86–87, рис. 8, 3] древностях Алтая. Не исключено, что их появление можно соотнести с древностями кудыргинского типа [Гаврилова, 1965, с. 15, табл. IV, 4].

Железный напильник с выделенным насадом длиной 8,6 см. Рабочая часть уплощеннотрапециевидной формы, оформлена по периметру треугольными зубчиками с длиной шага 1,5–4 мм при высоте 1,2–1,5 мм. Длина рабочей поверхности 4,5 см, ширина одного конца 1,3 см, ширина при переходе в черешок 1,6 см, толщина 1,5–4 мм. С обеих сторон на плоскую поверхность изделия нанесены перекрещивающиеся насечки, формирующие рвано-приостренные грани, нанесенные под углом от края рабочей поверхности к рукояти. Рабочая часть изделия плавно переходит в удлиненно-треугольный черешок прямоугольного сечения длиной 4,1 см, толщиной 1,5–3 мм (рис. 4, 5). Аналогичные изделия характерны для погребальных комплексов тюхтятской культуры Минусинской котловины, где они входили в состав походного инвентаря воинов [Кызласов, 1981b, с. 56, рис. 33, 25].

Железные наконечники стрел по особенностям изготовления относятся к группе трехлопастных черешковых изделий. По особенностям оформления боеголовки их можно подразделить на два типа:

— первый представлен трехлопастным черешковым изделием, имеющим удлиненно-ромбическую форму пера, остроугольные узкие лопатки и покатые плечики; длина пера 5,2 см, ширина 0,8–1,2 см, длина черешка 5,4 см, диаметр до 4 мм (рис. 4, 8);

— второй тип представлен двумя черешковыми изделиями с трехгранно-трехлопастными монолитными боевыми головками, с уплощенными выемками на гранях, удлиненной шейкой, переходящей через округлый уплощенный упор в черешок. Длина пера одного наконечника 6,1 см, ширина 1,7 см, длина черешка 4,7 см (рис. 4, 7); размеры второго — соответственно 5,4; 1,3; 5,1 см (рис. 4, 6).

Наконечники первого типа широко использовались кочевыми племенами Центральной Азии на протяжении всей тюркской эпохи. Боеголовковые наконечники второго типа наиболее часты в погребениях с кремацией, что позволяет считать данную форму изобретением кыргызских ремесленников. В погребальных комплексах тюхтятской культуры боеголовковые наконечники стрел, наряду с асимметрично-ромбическими и пятиугольными, являются одним из доминирующих видов изделий, используемых в оружии дальнего боя [Кызласов, 1969, с. 111, табл. II, 19; II, I, 16; 1975, с. 194–195, рис. 3, 1–4; 1978, с. 45, рис. 12, 6, 7; 1979, с. 108, рис. 6, 2; Худяков, 1980, с. 79–77, табл. XIX, 7–9; XXXVII, 7–12]. Прототипы данных наконечников, появившиеся в комплексах культуры чаатас, видоизменяясь, продолжают бытовать и в более поздних комплексах тюхтятской и аскизской культур [Кызласов, 1981a, с. 49, рис. 28, 32; Кызласов И.Л., 1983, с. 38, табл. XIX, 16, 18, 19].

Появление боеголовковых наконечников на территориях, занятых кимакским населением, объясняется контактами с пришедшими с востока группами кыргызов, что подтверждается и их распределением по отдельным курганам. Широко данный тип изделий представлен в кыргызских захоронениях Горного Алтая (могильник Янукор, Коргон I, Чинета II), причем в одном из курганов последнего памятника аналогичные наконечники составляли 38,1 % [Дашковский, 2015, с. 9, рис. 2, 7, 14, 16, 17; с. 42, рис. 30, 1, 3, 4; с. 69, рис. 46, 2–9]. На р. Алей в погребальных комплексах Гилевского микрорайона в захоронениях по обряду кремации они составляют 10,5 %, по обряду ингумации — 3,7 % [Могильников, 2002, с. 111, 113]. Из 28 наконечников, обнаруженных в кыргызских курганах Зевакинского могильника, 9 (32,1 %) относятся к типу боеголовковых [Арсланова, 1972, табл. III, 9, 10, 12, 13; IV, 3, 4, 7, 10, 12].

Обсуждение результатов

Анализ материалов из раннесредневековых памятников Минусинской котловины позволяет исследователям отождествлять древности народа, обитавшего здесь на протяжении длительного времени, с двумя этнонимами. Средневековые китайские источники для обозначения населения Верхнего Енисея использовали этноним «хагяс» [Бичурин, 1950, с. 351–355; Киселев, 1951, с. 560]. Значительная часть советских исследователей этнонимы «хагяс» и «кыргыз» рассматривали как тождественные [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 21; Киселев, 1951, с. 359]. В работах Л.Р. Кызласова древности чаатасской, тюхтятской и аскизской культур интерпретируются как последовательное и непрерывное развитие хакасской государственности, во главе которой стоял царский род «хыргыс» [1981a, b; 2001, с. 73–75]. Иных взглядов придерживается Ю.С. Ху-

дяков, который, ссылаясь на работы лингвистов, считает форму «хагяс» китайской транскрипцией слова «кыргыз» [Худяков, 1980, с. 3–26; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 18–39]. Исследователь предлагает и собственную периодизацию непрерывного развития кыргызской культуры, включающую четыре этапа (эпохи чаатас, единой державы, сууктэр и монгольская эпоха) [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 99–114]. Периодизационные системы истории кыргызской культуры, предложенные исследователями, по основным параметрам совпадают [Савинов, 2005, с. 257–258]. Итоги дискуссии показали, что появление этнонима «кыркыс» (кыргыз) связано с древними тюрками, которые стали соотносить его с населением, обитавшим в верховьях Енисея. В дальнейшем данный этноним получил широкое распространение среди сопредельных народов. В то же время использование этнонима «кырыз» или «хагяс» в качестве самоназвания народа, заселявшего на протяжении средневековья Минусинскую котловину, можно только предполагать¹.

Активное расселение енисейских кыргызов за пределы Минусинской котловины началось после разгрома уйгуров в 840 г. и было обусловлено периодом «великодержавия» Кыргызского каганата, распространившего свое влияние на огромные территории Центральной Азии [Бартольд, 1963, с. 489–500]. По мнению Л.Р. Кызласова, в процессе завоеваний в рамках нового государственного объединения формируются и взаимодействуют 4 крупных княжества: «Хакассия» (Хакаско-Минусинская котловина), «Кешдым» (Тува), «Алтай» (Горный и Северный), «Уйгурия» (Северо-Западная Монголия) [1984, с. 135], что подтверждается и письменными источниками [Кляшторный, 2013, с. 227–228]. Д.Г. Савинов выделил несколько локальных вариантов культуры енисейских кыргызов, фактически совпадающих с территориями княжеств (минусинский, тувинский, алтайский, восточно-казахстанский, красноярско-канский, прибайкальский) [1984, с. 90–97; 2005, с. 266–272]. Восточно-казахстанский вариант вряд ли территориально входил в состав Кыргызского каганата, во-первых, из-за удаленности от метрополии; во-вторых, из-за существования в Верхнем Прииртышье в IX–X вв. Кимакского каганата, находившегося на пике своего могущества [Кумекоев, 1972].

В пределах территорий, занятых кимаками, число могил, содержащих захоронения с кремацией, незначительно. На Алтае курганы с трупосожжением (могильники Гилево, Карболиха, Новофирсово, Иванов Ключ, Михайловка) расположены компактно — в степной зоне Алей-Чарышского междуречья [Алехин, 1990; Могильников, 2001; Грушин, 2014, Тишкин, 1991]². В Верхнем Прииртышье аналогичные захоронения встречены в четырех памятниках: Зевакино³, Камышенка, Ново-Камышенка, Меновное VIII. Погребальная обрядность данных объектов сопоставима с кыргызскими древностями Минусинской котловины, а появление трупосожжения в среде кимаков отражает политическую ситуацию, сложившуюся в результате взаимодействия племен Центральной Азии в период раннего средневековья.

Под воздействием древнетюркских каганатов, господствующих в степях Азии на протяжении VI–VIII вв., по окраинам складываются предпосылки появления новых государственных образований: Кыргызского (верховья Енисея) и Кимакского (степи Алтая и Верхнего Прииртышья) каганатов [Савинов, 1994, с. 24–35, 65–76]. После гибели Восточно-Тюркского каганата и образования в 745 г. Уйгурского каганата начинается его военная экспансия, приведшая к подчинению значительных территорий Азии, в том числе и государства енисейских кыргызов. С 758 г. возникает пусть и номинальное, но подчинение кыргызов уйгурским правителям [Кызласов, 1969, с. 57–59]. Данные о политических взаимоотношениях кимаков и уйгур неизвестны, но в процессе похода на карлуков, предпринятого после завоевания кыргызов, под власть Уйгурского ка-

¹ Во всех письменных источниках, выявленных в пределах границ Кыргызского каганата, в том числе на территории Минусинской котловины, отсутствуют этнонимы, о которых спорят исследователи. Единственным этническим названием, упоминающимся в кыргызских письменных источниках, является «татар», причем один и тот же древний текст исследователи переводят по-разному (см.: [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 121–126]).

² В последнее время наблюдается тенденция датирования курганов с трупосожжением, оставленных носителями кыргызской культуры, временем грязновского этапа сrostкинской культуры (вторая половина IX — первая половина X в.) [Тишкин и др., 2011, с. 56, 73, 74, 77; Дашковский, 2015, с. 87, 92, 96]. В результате часть кыргызских захоронений степного Алтая не только интерпретируются как сrostкинские, но и само появление носителей кыргызских традиций на этой территории соотносится лишь со временем «кыргызского великодержавия», с чем вряд ли можно согласиться.

³ Могильник Зевакино представляет собой скопление свыше 500 погребальных конструкций бронзового века и средневековья, занимающее площадь в несколько квадратных километров, что не позволяет рассматривать его как единый памятник. Курганы с кремацией — это три отдельные группы, вытянутые по линии СВ–ЮЗ, объединяющие соответственно пять, три и четыре насыпи. Расстояние между центральной и крайними группами составляет 800 и 300 м [Арсланова, 1972, с. 58, 70], что дает право рассматривать их как отдельные разновременные объекты. Непонятно и их планиграфическое соотношение с кимако-кипчакскими курганными средневековыми группами.

ганата могли попасть и кимаки [Савинов, 1994, с. 36]. После того как в 795 г. правящая уйгурская династия была пресечена, кыргызы постепенно обретают независимость: в 818 г. представитель правящей династии объявляет себя каганом. Последующие длительные кыргызо-уйгурские войны завершились в 840 г. падением Уйгурского каганата. До этих событий имели место дипломатические контакты по вопросам создания военного союза Кыргызского каганата с сопредельными государствами [Бичурин, 1950, с. 354–355].

Можно предположить, что одним из естественных союзников Кыргызского каганата являлся Каганат кимаков. Письменных источников о политических взаимоотношениях двух государств не обнаружено, но археологические данные позволяют констатировать, что эти контакты осуществлялись на протяжении значительного временного периода от второй половины VIII до начала XI в.

В настоящее время территориально выделяются два крупных микрорайона кимакских памятников, содержащие и курганы с кремацией. Первый расположен в верховьях р. Алей (Гилевский микрорайон — 27 курганов с кремацией); второй — на правом берегу Иртыша (Зевакинский микрорайон — 11 курганов с кремацией). Для поминальных объектов, расположенных за пределами микрорайонов, характерно наличие единичных курганов с кремацией (Новофирсово VII — 1⁴, Михайловка — 1, Иванов Ключ I — 1, Камышенка — 2; Ново-Камышенка — 1; Меновное VIII — 1). Появление подобных объектов на территории кимаков объясняется военной экспансией кыргызов и размещением здесь военных гарнизонов [Алехин, 1990, с. 66–67; Могильников, 2002, с. 123]. Необходимо отметить, что письменные и археологические данные о военном противостоянии кимаков и кыргызов отсутствуют; наоборот, некоторые исследователи отмечают мирный характер взаимоотношений разнокультурного населения [Тишкин и др., 2011, с. 56–57; Дашковский, 2015, с. 33].

Два крупных микрорайона кимакских древностей, скорее всего, отражают существование территориальных кимакских центров, соотносимых с летней и зимней ставками кимакских каганов. Наличие курганов с кремацией в пределах сосредоточения кимакских древностей позволяет предполагать, что при ставках могли функционировать дипломатические представительства Кыргызского каганата, а захоронения по обряду кремации содержат останки людей, умерших в процессе длительных контактов, что и предопределило незначительное количество таких захоронений.

В пределах Верхнего Прииртышья наиболее ранней погребальной конструкцией, содержащей захоронения по обряду кремации, является курган 97 Зевакинского могильника⁵ [Арсланова, 1972, с. 58, табл. II]. В центре кургана на уровне материка располагалась линза кальцинированных костей, вокруг которой находились три скопления, включающие оружие, орудия труда и детали конской амуниции. В восточном секторе у края насыпи исследована яма, содержащая безынвентарное захоронение по обряду ингумации. Погребальный обряд данного кургана сопоставим с традициями культуры чаатас, для которой характерны кремация, размещение вещей в тайниках и наличие отдельных захоронений по обряду труположения, что позволяет датировать данный комплекс второй половиной VIII — первой половиной IX в.

Наиболее поздним кыргызским объектом, соотносимым с эпохой «кыргызского великодержавия», является курган 8 могильника Меновное VIII. Кремированные останки размещены в квадратной ограде, ориентированной углами по сторонам света. С одной стороны, такие поминальные конструкции характерны для древностей тухтятской культуры IX–X вв. [Кызласов, 1981b, с. 55], с другой — данный тип оград свойственен и погребальному обряду кимаков IX–X вв. [Могильников, 2002, с. 174; Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142], что позволяет датировать поминальный комплекс рубежом IX–X вв.

Таким образом, материалы памятников Восточного Казахстана позволяют наметить территориальные и хронологические границы присутствия носителей кыргызских традиций в пределах Кимакского каганата. Для разработки внутренней хронологии данных комплексов требуются накопление новых источников и тщательный анализ уже известных материалов.

Благодарности. Приносим искреннюю признательность Д.А. Белоногову за прорисовку вещевого инвентаря.

⁴ Захоронение по обряду трупосожжения определено только для кургана 3, в полностью разграбленной центральной могиле кургана 4 каких-либо останков погребенного не обнаружено, поэтому с кыргызской составляющей могильника может соотноситься только одно сооружение (см.: [Алехин, 1990, с. 65]).

⁵ Следует подчеркнуть, что это практически единственный курган, изученный на территории Восточного Казахстана, который при публикации не только описан, но и сопровождается планом раскопа. Многочисленные средневековые объекты, исследованные А.Х. Арслановой, отражены в публикациях только через описание курганов, могил и обнаруженных артефактов (см.: [Арсланова, 2013]).

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алехин Ю.П.* Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: СО РАН, 1990. С. 62–75.
- Арсланова Ф.Х.* Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.
- Арсланова Ф.Х.* Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: МОН РК, Филиал ИА им. А.Х. Маргулана, 2013. 405 с.
- Бартольд В.В.* Киргизы: Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 471–543.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 382 с.
- Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан: Хакас. ун-т, 2000. 272 с.
- Гаверилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грушин С.П.* Археология Рудного Алтая: Исследование древних с средневековых памятников у горы Татаскина. Барнаул: Алт. ун-т, 2014. 118 с.
- Дашковский П.К.* Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. 224 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаатас у села Копены // ТГИМ. Вып. XI. 1940. С. 21–54.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Кляшторный С.Г.* Вторая Бай-Булунская стела // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 223–229.
- Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков в IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири // САИ. 1983. Вып. Е3-18. 128 с.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 193–211.
- Кызласов Л.Р.* Курганы древнехакасской тютятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестник МГУ. 1978. № 6. С. 38–56.
- Кызласов Л.Р.* Курганы тюркоязычных племен северной Тувы в IX–X вв. // Известия СО АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1979. Вып. 1. С. 105–112.
- Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981а. С. 46–52.
- Кызласов Л.Р.* Тютятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981б. С. 54–59.
- Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высш. школа, 1984. 167 с.
- Кызласов Л.Р.* Династическая традиция и возникновение древнехакасского государства // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Алт. ун-т, 2001. С. 63–77.
- Могильников В.А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981а. С. 29–43.
- Могильников В.А.* Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981б. С. 45–46.
- Могильников В.А.* Курганы с трупосожжением в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Алт. ун-т, 2001. С. 77–139.
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–X веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху ранних кочевников. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 376 с.
- Суворова Г.И., Ткачев А.А.* Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1995. С. 253–266.
- Тишкин А.А.* Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 1991. С. 16–19.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г.* Алтай в эпоху средневековья: Иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: Печатная компания АРТИКА, 2011. 136 с.
- Ткачев А.А., Ткачева Ал.Ал.* Тюрское погребение в сопровождении коня из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 136–145. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-9>
- Ткачева А.А., Ткачева Н.А.* Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115–246.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Tkachev A.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: sever626@mail.ru

Early Medieval Kyrgyz burial from the Upper Irtysh region

In Central Asia in the second half of the 1st millennium A.D., there were development and rapid change of large polyethnic state formations of allied congeneric groups of the Turkic people, Uigurs, Kyrgyz, Kimaks, and Kipchaks. The material goods of most of the tribal unions are unidentified and cannot be associated with the names of specific ethnic groups known from the written sources. Continuance and cultural affinity of the successive nomadic communities are based upon identity of the subsistence systems in similar natural and climatic conditions. The Kyrgyz (Khakass) Khaganate, which emerged in the Upper Yenisei region, was one of the Early Medieval states. In the second half of the 9th century, the authority of the Kyrgyz khagans spread onto the vast territories of Central Asia. The main culture-forming attribute of the Kyrgyz ethnos is cremation burials. The study of the cremation burials found beyond the ancestral homeland of the Kyrgyz allows tracing the intertribal contacts and directions of military campaigns of the Kyrgyz during the period of their “greatpowerness”. In this paper, materials of the burial mound of Menovnoe VIII, situated in the territory of the Upper Irtysh 2.1 km south-east from the village of Menovnoe, Tavrichesky district, East-Kazakhstan Region, are analysed. Under the mound of the kurgan, there was a fence with an outbuilding. The central grave contained a cremation burial, and the outbuilding — an adolescent burial and a sacrificial pit with a horse carcass split into halves. The grave goods are represented by a bronze waistbelt clasp and a fragment of an iron object. Alongside the horse, there was a quiver with three arrowheads and a rasp-file, as well as part of a bridle (a snaffle bit fixed to a wooden cheekpiece and a bronze buckle tip). The specifics of the burial rite and analysis of the material obtained during the study of the funeral complex allows attribution of the Menovnoe-VIII kurgan 8 graves to representatives of the Kyrgyz-Khakass antiquities, who were in contact with the rulers of the Kimak Khaganate during the second half of the 8th — 10th century.

Keywords: Upper Irtysh region, Middle Ages, the Kyrgyz people, barrow, burial rite, goods inventory.

REFERENCES

- Alekhin, Yu.P. (1990). Yenisei Kyrgyz in South-West Altai. *Pamiatniki kyrgyzskoi kul'tury v Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: SO RAN, 62–75. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1972). Kurgans with corpse burning in the Upper Irtysh. In: *Poiski i raskopki v Kazakhstane*. Alma-Ata: Nauka, 56–76. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (2013). *Essays on Medieval archeology of the Upper Irtysh region*. Astana: MON RK, Filial IA im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Bartold, V.V. (1963). *Kirgizy: Historical essay*. In: *Soch. Tom. II. Part 1*. Moscow, 471–543. (Rus.).
- Bichurin, N.Ya. (1950). *Collection of information about the peoples who lived in Middle Asia in ancient times*. Vol. 1. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Butanaev, V.Ia., Khudyakov, Iu.S. (2000). *History of Yenisey Kyrgyz people*. Abakan: Khakas. un-t. (Rus.).
- Dashkovskii, P.K. (2015). *Kyrgyz people in Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *Burial ground of Kudyrge as source on history of the Altaian tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Grushin, S.P. (2014). *Archeology of the Rudny Altai: A study of ancient monuments from the Middle Ages near Mount Tataskina*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).
- Evtiukhova, L.A., Kiselev, S.V. (1940). Chaatas near the village of Kopyony. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, (9), 21–54. (Rus.).
- Khudyakov, Yu.S. (1980). *Armament of the Yenisei Kyrgyz*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kiselev, S.V. (1951). *Ancient history of Southern Siberia*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (Rus.).
- Kliashornyi, S.G. (2013). The second Bai-Bulun Stele. In: *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. St. Petersburg, 223–229. (Rus.).
- Kumekov, B.E. (1972). *The state of Kimak people in the IX–XI centuries*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Kyzlasov, I.L. (1983). Askiz culture of Southern Siberia. SAI, (E3-18). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kyzlasov, L.R. (1969). *History of Tuva in the Middle Ages*. Moscow: Moscow State University. (Rus.).
- Kyzlasov, L.R. (1975). Kurgans of medieval Khakass (Askiz culture). In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 193–211. (Rus.).

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

Kyzlasov, L.R. (1978). Kurgans of the Old Khakass Tyukhtian culture in Tuva (based on the materials of the Tuva archaeological expedition of Moscow State University). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), 38–56. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1979). Kurgans of the Turkic-speaking tribes of northern Tuva in the IX–X centuries. *Izvestiia SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*, (1), 105–112. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1981a). Old Khakass Chaatas culture of the VI–IX centuries. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 46–52 (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1981b). Tyukhtyat culture of the ancient Khakass (IX–X centuries). In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 54–59. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1984). *History of Southern Siberia in the Middle Ages*. Moscow: Higher School. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (2001). Dynastic tradition and the emergence of the Old Khakass state. In: *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia*. Barnaul: Alt. un-t, 63–77. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1981a). Turks. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 29–43. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1981b). Srostki culture. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 45–46. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (2001). Burial grounds with corpse burning in the northwestern foothills of Altai. In: *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia*. Barnaul: Alt. un-t, 77–139. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (2002). *Nomads north-western foothills of Altai in IX–X ages*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Savinov, D.G. (1984). *Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era*. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University. (Rus.).

Savinov, D.G. (1994). *States and cultural genesis on territory of South Siberia in the epoch of Early Nomads*. Kemerovo. (Rus.).

Savinov, D.G. (2005). Ancient Turkic tribes in the mirror of archeology. In: Kliashtorny S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii Evrazii*. St. Petersburg: St. Peterb. un-t. (Rus.).

Suvorova, G.I., Tkachev, A.A. (1995). Kimak burials of the burial ground Akhmirovo I. In: *Voennoe delo i srednevekovaiia arkhologiiia Tsentral'noi Azii*. Kemerovo: Kemerov. un-t, 253–266. (Rus.).

Tishkin, A.A. (1991). Some results of archaeological research of mounds of the north-western foothills of the Altai. In: *Okhrana i issledovanie arkhologicheskikh pamiatnikov Altaia*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).

Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Gorbunova, T.G. (2011). Altai in the Middle Ages: An illustrated historical atlas. Barnaul: Pechatnaia kompaniia ARTIKA. (Rus.).

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2021). Turkic burial accompanied by a horse from the Upper Irtysh *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 136–145. (Rus.).

Tkachev, A.A., Tkacheva, N.A. (1999). Results of research of archaeological monuments of Ust'-Kamenogorsk microregion (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987). Monuments of Medieval Nomads. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 115–146. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Аношко О.М.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: oKanoshko@yandex.ru

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ГОСТИНЫЕ РАСКОПЫ В ТОБОЛЬСКЕ

Данная публикация является продолжением серии статей, посвященных введению в научный оборот материалов, полученных в результате археологических исследований культурного слоя Тобольска. Первый и Второй Гостиные раскопы заложены в центральной части верхнего посада, за стенами Гостиного двора. Раскопки показали, что этот посадский квартал с самого момента основания города являлся частью жилищно-хозяйственной застройки, а его жители были людьми достаточно состоятельными.

Ключевые слова: Тобольск, верхний посад, XVII–XIX вв., жилье и хозяйственные сооружения, артефакты.

Александру Васильевичу Матвееву посвящается

Введение

Богатая история Тобольска, уникальность его природного ландшафта, планировочно-пространственной структуры и архитектурного наследия неизменно привлекают внимание архитекторов, историков, искусствоведов. Многолетние археологические исследования открыли новые горизонты в изучении этого города. О его непростой судьбе говорят следующие факты. Вплоть до второй четверти XIX в. Тобольск был главным городом Сибири, его столицей, с переносом же торговых путей и управленческих функций превратился в уездный городок. В советское время, когда по всей стране шла активная стройка, он оставался в забвении. А в 2010 г. совместным приказом № 418/339 Минкультуры и Минрегионразвития Тобольск был исключен из списка исторических городов, в котором из сибирских продолжают числиться Верхотурье, Енисейск, Иркутск, Кяхта и Томск.

Именно с раскопок у стен Гостиного двора началось наше с А.В. Матвеевым знакомство с богатым историко-культурным наследием Тобольска. В 2007 и 2008 гг. был изучен значительный участок городского культурного слоя, на котором впоследствии провели работы по благоустройству территории и сооружению фонтана [Матвеев и др., 2008, с. 114–129]. К месту строительства последнего и были привязаны раскопы (рис. 1). Площадь Первого Гостиного раскопа (открытый лист О.М. Аношко) составила 501 м², Второго Гостиного (открытый лист А.В. Матвеева) — 231 м². Мощностъ вскрытых отложений достигала 2,5–3 м в заполнении котлованов сооружений и 0,8–1,8 м за их пределами. В основании стратиграфических колонок местами прослеживался слой погребенной почвы толщиной до 0,5 м. Исследованы остатки 24 разновременных сооружений жилого, хозяйственного и производственного назначения.

С целью установления этапов и характера застройки верхнего посада Тобольска по материалам Первого и Второго Гостиных раскопов мы в первую очередь решали вопросы датировки вскрытых сооружений на основе планиграфического, стратиграфического анализов и датирующих находок. Для определения функциональной принадлежности построек учитывались: наличие и особенности расположения деревянных конструкций, дощатого пола, форма и конфигурация котлована, его площадь и глубина, детали обустройства (наличие печи, подполья, хозяйственных ям и других объектов), а также состав артефактов.

Описание, датировка и назначение построек

К самому раннему строительному периоду, видимо еще к XVII в., относятся сооружения 3, 12, 13, 18, 20, 21, 23 и 24. Их котлованы были перекрыты всеми отложениями и впущены лишь в погребенную почву и материк. О более раннем возрасте этих объектов свидетельствуют и данные планиграфии. Так, материковый выброс из постройки 2 перекрыл заполнение сооружения 3, а сооружения 18–20 оказались под деревянными конструкциями жилищ 15 и 16. Для этих построек характерна округлая, овальная или подквадратная форма, они имели размеры 1,8–3,8×1,8–3,2 см, выступы и ступеньки по периметру котлованов, глубина которых от уровня материка не превы-

Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске

шала 1,2 м. Остатки деревянных конструкций не выявлены, лишь в сооружении 3 на ступеньках параллельно друг другу располагались два бревна диаметром 0,1 и 0,2 м, длиной 1,1 и 2,1 м. Следовательно, эти объекты имели хозяйственное назначение и служили, скорее всего, погребями, располагавшимися за пределами жилищ. В их заполнении в основном найдены кости животных, обломки гончарной посуды, фрагменты кожаной обуви, обрезки кожи, войлока, берестяные туески, железный однолезвийный нож, оружейный кремь, костяная проколка. В котловане постройки 20 обнаружена серебряная чешуйка.

Рис. 1. Расположение Первого (1) и Второго (2) Гостиных раскопов на верхнем посаде Тобольска.
Fig. 1. The location of the First (1) and Second (2) Gostiny excavations on the upper posad of Tobolsk.

К несколько более позднему периоду на основании стратиграфии и планиграфии относятся сооружения 4, 8 и 11, возведенные также в XVII в. непосредственно на поверхности ископаемого почвенного горизонта. От постройки 4, захваченной Первым Гостиным раскопом лишь частично, сохранились отдельные бревна сруба и застеленный на некоторых участках несколькими слоями бересты деревянный пол, сложенный из длинных досок шириной 0,15–0,25 см, толщиной 0,03–0,05 м, щели между которыми заткнуты мхом (рис. 2, А). Под досками пола находились еще две-три плахи плохой сохранности на расстоянии 2–3 м друг от друга, служившие лагами. Юго-западный угол конструкции постройки 4 разрушен котлованом сооружения 6. Среди обломков гончарной посуды, фрагментов кожаной обуви здесь обнаружены железное ядро, хорошо отполированная челюсть животного с соляными знаками. Сооружения 8 и 11 имели впущенные в грунт котлованы площадью не более 14 м² с остатками бревенчатых срубов в несколько венцов, при этом восточная стена последнего в центральной части разрушена котлованом постройки 6, а вдоль западной — расчищен прокол с черной углистой прослойкой и очень мелкими фрагментами кирпича и кусками спекшейся глины, являвшимися остатками печи. Срубы построек 8 и 11 располагались по одной линии и были объединены общими деталями конструкции, расчищенной между ними и представлявшей собой два параллельных ряда бревен, перпендикулярно которым залегали плахи. Исходя из такого соотношения сооружений 8 и 11 мы рассматриваем их как единый жилищ-

но-хозяйственный комплекс. В первом из них среди остатков навоза обнаружены кости животных, обломки гончарной посуды, изразцов, обрезки кожи, войлока, фрагменты кожаной обуви, железный однолезвийный нож, шаровидное керамическое пряслице, во втором — кроме таких же находок берестяные туески, глиняные шарики, костяной гребень.

А

Б

Рис. 2. Верхний посад Тобольска:

- А — остатки конструкции и пола сооружения 4 в Первом Гостином раскопе;
- Б — остатки конструкции сооружения 15 во Втором Гостином раскопе.

Fig. 2. The upper posad of Tobolsk:

- А — remains of the structure and floor of dwelling № 4 in the First Gostiny excavation;
- Б — remains of the structure of dwelling № 15 in the Second Gostiny excavation.

С этим же или, что более вероятно, следующим условным временным интервалом следует соотносить постройку 15, около 30 м², состоящую из двух частей: жилой и хозяйственной (ви-

Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске

димо, сени) (рис. 2, Б). От срубной конструкции сооружения сохранилось по одному венцу бревен, лишь западная стена жилища представлена тремя венцами, а восточная — частично разрушена котлованом постройки 16. Из-за плохой сохранности дерева способ их крепления установить не удалось, можно лишь сказать, что углы рублены с выпуском. В жилой части сооружения 15 расчищен пол в виде полусгнивших досок шириной 0,15–0,4 м, толщиной 0,03–0,05 м, на которых в центре у восточной стены располагалась печь, представлявшая собой кладку размерами 1,4×1,35 м из слабообожженных кирпичей, обмазанных глиной. Под дощатым полом постройки зафиксировано подполье, котлован которого в верхней части обшит досками, его размеры составляют 3,5–2,6×4–2 м. В заполнении сооружения 15 найдены в большом количестве кости животных, обломки гончарной, поливной, стеклянной и фарфоровой посуды, фрагменты изразцов; глиняные шарик, грузило цилиндрической формы со сквозным отверстием; бронзовая подвеска ромбовидной формы, роговая проколка, свинцовая пуля, медный наперсток; железные изделия: два однолезвийных ножа, совок для выгребания золы, скоба, штырь, набойка подковообразной формы, гвозди. Самой ценной находкой является меднолитая позолоченная панагия. В заполнении подполья зафиксирована в большом количестве рыба чешуя, а также черепки и кости животных, обрезки кожи, поршень, верхняя носовая часть сапога с берестяной стелькой, стеклянный шарик и обломки фарфоровых блюдец китайского происхождения, изделия из железа, глиняное грузило цилиндрической формы со сквозным отверстием, три кибаса и каменный оселок.

В отличие от описанных выше объектов, котлованы сооружений 1, 2, 9 и 22 перерезали не только погребенную почву, но и нижние напластования культурного слоя, хотя они, впрочем, могут оказаться отнюдь не синхронными. Над заполнением первых двух построек залежали остатки деревянной конструкции сооружения 14, а над котлованом постройки 22 — бревна южной стены сруба жилища 16. Полностью исследованы лишь постройки 2 и 9, их площадь не превышала 14,4 м², глубина от уровня материка — 1,2 м. По периметру стен или на ступеньках котлованов сооружений 1, 2 и 9 зафиксированы фрагменты бревен и досок. В постройках найдены кости животных, обломки гончарной посуды, фрагменты кожаной обуви, войлока, костяная рукоятка ножа, часть ножниц, железные серповидное изделие, дверной крючок, гвозди, берестяные изделия и другие предметы. На полу сооружения 2 также отмечен мощный слой угля и прокала, а в заполнении обнаружены керамическое сопло и большое количество шлака, что позволяет говорить о том, что эта постройка выполняла определенную производственную функцию.

Сгоревшие постройки 5, 14 и 16 относятся к следующему строительному периоду, датируемому XVIII в. Первое сооружение представлено наземной конструкцией, его руины зафиксированы в виде обугленных плах пола и развала печи. При их расчистке найдены обломки гончарной посуды, изразцов, обрезки кожи и другие предметы. На одном уровне с этим сооружением фиксировалась деревянная конструкция постройки 14, от которой сохранились лишь отдельные фрагменты плах и бревен, образывавших ее юго-восточный угол, а также мощный провал со скоплением обломков кирпичей, являвшийся развалом печи. Сооружение 16 изучено не полностью, прослежены его южная и восточная стены, представленные одним-двумя венцами бревен, параллельно которым на расстоянии 0,8–0,9 м расчищены еще фрагменты бревен. Не исключено, что эта постройка имела двойной сруб. Такой строительный прием довольно часто встречается в материалах русских памятников. В юго-восточном углу сруба между бревнами его южной стены залежали четыре-пять плах, которые, вероятно, являлись остатками входа в постройку и представляли собой приподнятое над землей крыльцо. Внутри сруба было обнаружено еще одно бревно, обгоревшее в верхней части и являвшееся остатками стены, разделявшей данную постройку на два помещения. От ее дощатого пола сохранились сильно обугленные плахи длиной до 2,2 м, шириной от 0,2 до 0,35 м, толщиной не более 0,07 м. В заполнении сооружения 16 найдены скопление обугленного зерна, кости животных, обломки гончарной, поливной, фарфоровой посуды, изразцов; железные гвозди, дверные петля и крючки, части обода, набойки подковообразной формы, штырь, однолезвийные ножи; свинцовые пули, берестяной туесок, полушки 1750 и 1751 г., две деньги 1750 г., изогнутое лезвие бритвы из бронзы; костяные мунштуки, гребни, берестяные туески, фрагменты обуви. В нижней части котлована постройки также найден медный наперстный крест.

На основании стратиграфии и планиграфии группу позднейших объектов образуют сооружения 6, 7, 10 и 17, которые, скорее всего, были построены во второй половине XVIII — начале XIX в. Котлован постройки 6 с опущенным в него срубом площадью около 16 м² не менее чем из

девяти венцов, срубленных в обло, не только разрушил пол сооружения 4 и примыкавший к нему с востока венец сруба сооружения 11, но и прорезал почти всю пачку культурных отложений. При этом выброс из него частично перекрыл заполнение постройки 5. На дне котлована сооружения 6 находились остатки дощатого пола, при этом на некоторых досках имелись отверстия, наличие которых позволяет предположить, что в строительстве пола использовался вторичный материал. В его заполнении найдены кости животных, обломки гончарной, фарфоровой и стеклянной посуды, в том числе днища стеклянных бутылей с пробками «ТФС, АНЬ, 1781 ГОД» (рис. 3, 11) и «LONDON», фрагменты полихромных изразцов, кожаная обувь, костяной гребень, медный наперсток, бронзовая пуговица. Почти все слои прорезали и углубленные в грунт постройки 7 и 10, примыкавшие одна к другой и представлявшие собой единый комплекс. С сооружением 7 связан котлован площадью 27 м² с установленным в него срубом, который насчитывал не менее пяти венцов. На дне постройки расчищены остатки дощатого пола, а поверх него — развал печи, представленный обломками кирпичей и кусками спекшейся глины. В заполнении сооружения 7 обнаружены в довольно большом количестве чешуя и кости рыбы, обломки гончарной посуды, фарфоровых блюдец и чашек, фрагменты полихромных рельефных изразцов, железные гвозди, кожаная обувь, деревянная кружка, берестяные туески, счетный пфенниг (1746–1768 гг.). Постройка 10, также имевшая довольно глубокий котлован и остатки сруба, представленного тремя-пятью венцами бревен, вскрыта не полностью, его южная и юго-западная части оказались за пределами Первого Гостиного раскопа. На полу сооружения обнаружен фрагмент нижнего камня глиняного «жернова» размерами 0,4×0,8 м с коническим отверстием в центре, рядом с которым отмечен прокаленный участок, где расчищены крупный раздавленный сосуд, куски шлака и спекшейся стекловидной массы серо-зеленого цвета. В заполнении постройки присутствовали кости животных, обломки гончарной, поливной, стеклянной посуды, фарфоровых блюдец, фрагменты изразцов, кирпичей, в том числе с клеймом; железные гвозди, два однолезвийных ножа, пряжка подквадратной формы с язычком, кожаная обувь. Во Второй Гостиный раскоп попал лишь северо-западный угол сруба сооружения 17, который образовывали три венца бревен, скорее всего, сложенных в лапу.

Археозоологическая коллекция. По характеру раздробленности костный материал, полученный в ходе археологических исследований, представляет собой «кухонные остатки» [Пластеева, 2011, с. 231–234]. Преобладают кости домашних животных; кости диких видов, а также птиц и рыб немногочисленны (табл.).

Видовой состав животных из раскопов верхнего посада Тобольска*
Species composition of animals from the excavations of the upper settlement of Tobolsk

Вид	Первый Гостиный раскоп	Второй Гостиный раскоп	Всего/%
Крупный рогатый скот	3809	910	4719/64,5
Мелкий рогатый скот	181	105	286/3,9
Лошадь	96	34	130/1,8
Свинья	418	116 + 1 скелет	535/7,3
Собака	22	6 + 2 скелета	30/0,4
Кошка	3	1	4/0,054
Заяц-беляк	1	1	2/0,026
Лисица	1	—	1/0,014
Волк	—	1	1/0,014
Медведь	—	2	2/0,026
Косуля	2	—	2/0,026
Северный олень	3	—	3/0,04
Лось	9	5	14/0,19
Млекопитающие неопр.	1206	132	1338/18,3
Птицы неопр.	165	41	206/2,8
Рыбы неопр.	25	14	39/0,54
<i>Итого</i>	5941	1371	7312/100

* Археозоологические определения осуществлены Н.А. Пластеевой, научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН.

В нижних слоях Гостиных раскопов доля крупного рогатого скота составляла 76 %, а в верхних — увеличилась до 87 %. Костей свиньи (8 % в верхних и 16 % в нижних отложениях) в процентном отношении в два раза больше, чем костей мелкого рогатого скота. Костных остатков ди-

Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске

ких животных меньше 1 %. Заяц, волк, лисица, бурый медведь и лось представлены отдельными костями скелета, а северный олень и косуля — фрагментами рогов. В целом структура потребления мяса жителями верхнего посада Тобольска в период с конца XVII по XIX в. носила традиционный для русского населения характер, ведущая роль в ней принадлежала крупному рогатому скоту.

Характеристика материалов. Как видно из описаний построек, с ними связана репрезентативная коллекция находок. Охарактеризуем самую представительную часть из них. Многочисленную категорию составляют *предметы быта и домашнего производства*.

Коллекция стеклянной посуды представлена 540 обломками рюмок, фужеров, стаканов, бутылок, банок. Разнообразен цвет стекла — белый, синий, голубой, зеленый, имеются прозрачные и многоцветные обломки, орнаментированные белыми и красными геометрическими узорами (рис. 3, 10). Столь представительное собрание свидетельствует о налаженном стеклодувном производстве на территории тобольского посада. Например, в подполье сооружения 15 обнаружен стеклянный шарик со следами выдува, являвшийся производственным браком. Находка в сооружении 6 дна сосуда с надписью «LONDON» свидетельствует о том, что в столицу Сибири поступала импортная стеклянная тара.

Рис. 3. Первый и Второй Гостиные раскопы. Предметы быта и домашнего производства:

1 — горшок; 2–5 — обломки китайской фарфоровой посуды; 6–9 — обломки русской фарфоровой посуды; 10 — обломок изделия из многоцветного стекла; 11 — клеймо на стеклянной бутылке; 12 — полихромный рельефный изразец; 13 — глиняная свистулька; 14 — терракотовый тарелкообразный изразец; 15, 16 — железные ножи.

Fig. 2. The First and Second Gostiny excavations. Household and home-made items:

1 — pot; 2–5 — fragments of Chinese porcelain; 6–9 — fragments of Russian porcelain; 10 — fragment of a multi-colored glass product; 11 — brand on a glass bottle; 12 — polychrome relief tile; 13 — clay whistle; 14 — terracotta plate-shaped tile; 15, 16 — iron knives.

Мы обработали 2373 обломка гончарной посуды, из них к Первому Гостиному раскопу относится 1947 обломков, ко Второму — 426. Абсолютно доминирует группа керамики, представленная горшечными формами,— 94 % [Аношко, Селиверстова, 2009] (рис. 3, 1). Размеры горшков сильно варьируются, но отмечается устойчивое сочетание широкого устья и средне раздутого тулова. Разнообразие наблюдается лишь в оформлении среза венчиков: округлый, прямой, приостренный, с валиком и без валика. Практически с каждым вариантом связан такой признак, как желобок, идущий по валику либо по краю горловины. Преобладание горшков свидетельствует о их многофункциональном употреблении — при готовке горячей пищи, хранении продуктов либо в других бытовых целях. Корчаги составляют 1 %, это сосуды больших размеров, вытянутых пропорций, с узким горлом и сильно раздутым, в некоторых случаях — шаровидным туловом. По мнению Л.В. Татауровой, они использовались для приготовления браги, кваса, засолки рыбы и капусты [1998, с. 101–104]. Еще меньше в полученной коллекции сковород, банок, мисок. Обнаружены в культурном слое и немногочисленные обломки разноцветной поливной керамики.

Фарфоровая посуда, насчитывающая 451 черепок, в основном представлена фрагментами блюдца, реже — чашек, пиал, чайников [Матвеев и др., 2011]. По происхождению выделяется две группы — китайская и русская. В первую включено не менее 100 черепков, встреченных в основном в нижней части культурного слоя (рис. 3, 2–5). Для них характерны тонкие, полупрозрачные стенки, глазурь молочно-белого цвета, плавность узоров, четкость их прорисовки и разнообразие деталей. Есть экземпляры, покрытые желтой, коричневой глазурью, что часто встречается на старинном китайском фарфоре [Кочетова, 1956, с. 29]. Велика доля в этой группе бело-голубых (кобальтовых) изделий, демонстрирующих технику «цинбай». В тобольской коллекции есть черепки с пейзажами, обнаруживающими китайские мотивы: на одном, например, показана пагода. На трех обломках чашек ручной росписью изображены мужчины монголоидного типа в динамичных позах. На многих черепках присутствуют стилизованные красные, синие, зеленые, желтые цветы, очень схожие с надглазурным стилем «ву-цай» — «пятицветный фарфор». Несколько фрагментов имеют черно-красную раскраску, которая также была известна у китайских мастеров [Вестфален, Кречетова, 1947, с. 15]. На днищах четырех изделий синей краской нанесены иероглифы, заключенные в круглую либо квадратную рамку. Пятое — китайское синее клеймо в виде изображения двух соприкасающихся головами рыб, такое известно на марках разных китайских заводов и рассматривалось как эмблема супружеского счастья. Присутствие китайской посуды на данной территории свидетельствует о высоком уровне благосостояния ее обитателей.

Вторая многочисленная группа фарфоровой посуды представлена в основном обломками с простыми орнаментами (рис. 3, 6–9). Для российского фарфора, изготовленного на частных заводах XVIII–XIX вв., характерна одно- или двухцветная раскраска с преобладанием синих узоров на белом фоне. Часть фрагментов имеет металлический оттенок, образованный нанесением люстровых красок, встречается позолота в виде обводки по краю изделия или прорисовки рисунка. Среди растительных орнаментов преобладают изображения стеблей, листьев, травных завитков, ягод, распустившихся цветов или бутонов; среди геометрических — узкие и широкие полосы, круги, ромбы, волнообразные линии. Судя по клеймам, основная часть русской фарфоровой посуды из данных раскопов принадлежит фабрике Г.А. Маркова и заводам Кузнецовых, функционировавшим во второй половине XIX в. Фаянсовые изделия представлены всего 13 экземплярами.

Еще одну представительную группу находок составляют фрагменты изразцов (84 экз.) разных типов. Терракотовые рельефные и гладкие изделия (16 экз.) являются стенными, на некоторых из них сохранилась идущая от самых краев коробчатая румпа (рис. 3, 14). Их основу составляют геометрические мотивы, довольно часто сочетающиеся с растительными узорами. Муравленные рельефные изразцы исчисляются шестью мелкими фрагментами, их лицевая пластина покрыта стекловидной зеленой глазурью. На них выявлены отдельные стилизованные орнаменты: пятилепестковая пальметта, крестообразная розетка и завитки. Полихромные рельефные изразцы (27 экз.) в основном относятся к стенным плиткам, четыре — к поясам, городку и перемычке (рис. 3, 12). По цветовой гамме они делятся на изделия, имеющие светлый фон (белый, светло-зеленый, желтый), и предметы с темной лицевой поверхностью (зеленой, темно-зеленой, синей). На них преобладают изображения цветов: от распустившегося растения или бутона с пестиком, тычинками и длинным стеблем до пяти-семилепестковой розетки с венчиком посередине. На двух обломках основу композиции представляет виноградная гроздь, изображение которой является самым популярным мотивом на печных изразцах центральной части России [Маслих, 1983, с. 21]. Полихромные распис-

Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске

ные и монохромные гладкие изделия (4 и 10 экз.) зафиксированы в верхней части культурного слоя. Преобладание в Гостиных раскопах полихромных рельефных изразцов над другими типами позволяет говорить о том, что, несмотря на дороговизну, в первой половине XVIII в. изразцовые печи стали проникать в быт тоболяков.

Ассортимент железных изделий из Гостиных раскопов разнообразен и представлен: коваными гвоздями, скобами, крючками, ножницами, дверными петлями, засовами, частями печного устройства (вьюшка, фигурный бордю, совок для выгребания золы) и др. Железных ножей найдено около 30 экз., они разделены на три группы. К первой отнесены кухонные предметы с прямой ручкой, параллельной спинке клинка (рис. 3, 15); ко второй — столовые с более длинным клинком и качественной отделкой лезвий и рукояток; к третьей — сапожные, имеющие лезвие с расширяющимся и плавно закругленным концом (рис. 3, 16). Металлографическому изучению подвергнуты топор, гвоздодер, тесло, резец по дереву, три фрагмента кос-горбуш и мотыга [Зиняков, 2012, с. 51]. В результате сделан вывод, что тобольские кузнецы в сфере металлообработки использовали и продолжали традиции древнерусских кузнецов, проявившиеся в конструктивных формах, видах и технологии выпускаемых изделий.

Предметы личного пользования. По материалам Гостиных раскопов можно предположить, в какой обуви ходило тобольское посадское население. 272 артефакта представлены фрагментами кожаных изделий, из них 31 предмет позволяет определить тип обуви, остальные — каблук из прошитых слоев кожи, подошвы, стельки, неопределимые детали, обрезки. К первой разновидности обуви относятся поршни (4 экз.), длина которых составляла 24–26 см (рис. 4, 11). Их делали из прямоугольных кусков кожи, которые сгибались и через особые прорезы по краям стягивались кожаными шнурками (оборами). Они украшались бахромой в виде надрезанных по краю кусочков кожи. Поршни были широко распространены в Центральной России [Осипов, 2006, с. 40] и Сибири [Белов и др., 1981, с. 51]. Второй тип обуви из раскопов — туфли (17 экз.), которые изготавливали из одного или нескольких кусков кожи (рис. 4, 12). Овальной формы подошва пришивалась отдельно при помощи выворотного или тачного шва, каблук крепился к ней деревянными шпильками. У некоторых изделий сохранились ремешки, крепившие туфли к ноге. Головки туфель встречаются как цельнокроеные, так и отдельного кроя носка и задника. Интересной находкой является пара детских туфель длиной около 17 см. К третьей разновидности обуви относятся сапоги (10 экз.), от которых сохранились лишь их головки с треугольными и округлыми вырезами в носовой части (рис. 4, 13). Аналогичные изделия достаточно долго бытовали в Тобольской, Енисейской губерниях, вплоть до конца XIX в. [Белов и др., 1981, с. 51]. Найдены при раскопках и железные обувные подковки, защищавшие каблук от изнашивания.

На площади Гостиных раскопов обнаружено 13 образцов текстильных изделий, которые были подвергнуты Т.Н. Глушковой материаловедческому и структурному анализу. По небольшим фрагментам удалось выделить ткани, вязаные вещи, пояса, витые веревки и жгуты. По способу переплетения лоскутки тканей подразделяются на полотняные и саржевые, изготовленные из шерсти. Большинство полотняных образцов представляет собой толстые и грубые полотна, которые, видимо, являлись фрагментами шерстяных портянок. Лишь два образца тканей достаточно высокого качества, они тонкие, ровные, с однородной фактурой. К суконному текстилю относится небольшой лоскуток ткани, всю поверхность которого занимает вышивка в виде трех листочков на веточке, выполненная «в прикреп» металлическими окислившимися нитями зеленого цвета. Ткани саржевого переплетения представлены как толстыми, так и тонкими плотными фрагментами с равномерно пропряденными нитями, характерным диагональным узором и хорошо различимой фактурой «в елочку». Из Первого Гостиного раскопа происходят два образца тканых разноцветных поясов полотняного переплетения с полосами из темно-синих или темно-зеленых шерстяных и некрашеных растительных нитей; а также верхняя часть шерстяного вязаного чулка. В коллекции имеются экземпляры толстых двужильных шнуров — веревок из растительных волокон и один тонкий витой жгут из шерстяного сырья. Все текстильные изделия, кроме фрагментов тонких тканей полотняного переплетения, относятся к домотканому текстилю. По технологическим характеристикам тобольский текстиль находит аналогии среди материалов русских археологических памятников Западной Сибири XVII–XVIII вв. [Глушкова, Сутула, 2008].

Детали костюма в материалах Гостиных раскопов представлены квадратными железными поясами пряжками с подвижными язычками — стержневидными (рис. 4, 8), реже — антропоморфными, а также экземплярами плоских пуговиц с отверстиями для крепления, изготовленных из металла, дерева, кости. Стекланные бусины в основном синего и белого цветов, реже —

зеленого, желтого и коричневого. Находки бус присутствуют практически на всех русских памятниках позднего средневековья и нового времени.

Рис. 4. Первый и Второй Гостиные раскопы. Предметы личного пользования:

- 1, 2 — костяные мундштуки; 3 — деревянная шахматная фигурка; 4 — медный наперсный крест;
5 — медная позолоченная панагия; 6, 7 — костяные гребни; 8 — железная поясная пряжка;
9 — серебряный крест-тельник; 10 — счетный пфенниг; 11–13 — кожаная обувь.

Fig. 2. The First and Second Gostiny excavations. Personal items:

- 1, 2 — bone mouthpieces; 3 — wooden chess piece; 4 — copper pectoral cross; 5 — copper gilded panagia;
6, 7 — bone ridges; 8 — iron belt buckle; 9 — silver cross-vest; 10 — counting pfennig; 11–13 — leather shoes.

Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске

К числу распространенных предметов туалета относились костяные гребни, которых в Гостиных раскопах обнаружено 11 экз. Все они были двусторонними с частыми и редкими зубьями, три предмета имели декоративное оформление в виде горизонтальных желобков у начала зубьев с каждой стороны. Наиболее крупные из гребней, имевшие трапециевидную форму, скорее всего, принадлежали женщинам и использовались как для расчесывания волос, так и для украшения прически (рис. 4, 7). Прямоугольные гребешки меньших размеров — длина одного из них составляла всего 3 см — являлись мужскими атрибутами, служившими для расчесывания бороды и усов (рис. 4, 6). Для двусторонних гребней характерны широкие хронологические и территориальные рамки существования.

Предметами личного благочестия являются металлические кресты-тельники (5 экз.), случайно потерянные их владельцами. Несмотря на то что на их лицевой стороне изображен один и тот же иконографический сюжет — восьмиконечный крест на подножии (Голгофе) с соответствующими надписями, они относятся к разным типам согласно разработанным типологиям ставрографических материалов [Молодин, 2007]. Два образца представлены четырехконечными изделиями простой формы с широкими либо узкими лопастями (рис. 4, 9). Другие два являются фигурными, с терновым венцом вокруг средокрестия, прямыми либо сердцевидными оконечностями. Кресты-тельники из Гостиных раскопов имеют широкий круг аналогий как в сибирских материалах, так и в комплексах европейской части России. Исключение составляет лишь наперсный крест, найденный в нижнем заполнении сооружения 16 (рис. 4, 4). Он четырехконечный, размерами (без учета ушка) 5,7×4,4 см, с овальными, постепенно расширяющимися к концам лопастями и закругленными углами в средокрестии. В центре на его лицевой стороне представлено рельефное изображение Распятия Христа, на левой и правой оконечностях в круглых медальонах — поясные парные фигуры предстоящих — Богоматери и Святой Марии, апостола Иоанна Богослова и мученика Лонгина сотника. На конце верхней лопасти в медальоне изображена Троица Ветхозаветная, а на нижней — еще две фигуры святых. Обратная сторона изделия сильно затерта. Подобного типа предметы очень редки в археологических материалах. Ближайшей аналогией являются наперсные кресты, найденные при раскопках Мангазеи [Белов и др., 1981, с. 47, рис. 8, 12] и при благоустройстве Софийского двора на территории Тобольского кремля [Балюнов, 2014].

На площади Второго Гостиного раскопа найден уникальный предмет — медная двустворчатая панагия, покрытая позолотой (рис. 4, 5). Особенности местонахождения позволяют интерпретировать ее как клад. Она была спрятана в углу постройки 15, где *in situ* лежала между нижними венцами бревенчатого сруба. Обнаружение в рядовом жилом доме посады довольно редкого предмета христианского культа, выполненного на высоком художественном уровне, вызывает много вопросов [Матвеев и др., 2012]. Тобольская панагия состоит из подвижного оглавия и двух створок округлой формы. В закрытом виде без оглавия размеры изделия составляют 4,5×5,5 см, а в раскрытом — 4,5×9,8 см. Обратная сторона предмета гладкая, на ней хорошо видны следы потертости об одежду. На оглавии панагии представлен Спас Нерукотворный, с лицевой стороны на правой створке в круглом клейме изображено Распятие Христово, по кругу идет надпись — отрывок из молитвы «Достойно есть...». С внутренней стороны панагии на правой створке изображена Троица Ветхозаветная, а на левой — Богоматерь Знамение в типе Воплощение. По определению С.В. Гнутовой, она относится к типу путных панагий, по стилистическим особенностям и символике иконографии имеет прямую связь с московской школой литья и датируется XVI в. По всем признакам этот предмет принадлежал весьма обе-спеченному человеку.

Интересными находками являются семь сломанных костяных мундштуков длиной до 4–5 см, с отверстием внутри, со следами копти от длительного использования (рис. 4, 1, 2). Изначально они были белого цвета. Похожий предмет был найден при раскопках Тары [Татауров, 2020, с. 80]. На одном из тобольских трубок присутствует надпись «GOUДА», окруженная тремя рельефными кольцами. Город Гауда с 1617 г. стал центром европейского трубочного производства. Данные артефакты свидетельствуют о попадании импортных товаров на сибирские рынки.

Предметы игры. В слоях XVIII в. обнаружены деревянные, сильно заполированные шахматные фигурки, от трех из них сохранились лишь верхние части. Один целый предмет высотой 3 см, видимо, пешка, изготовлен на токарном станке (рис. 4, 3). Шахматы в виде усеченного конуса с разнообразными дополнениями, отличающимися одну фигуру от другой, имеются в археологических коллекциях Мангазеи [Белов и др., 1981, с. 43–45] и других сибирских памятников. К предметам игры в тобольской коллекции относится и керамическая свистулька в виде птички с

длинной шейей (рис. 3, 13). Птички-свистульки и птички-погремушки встречаются на территории древнерусских городов начиная с домонгольского времени.

Музизматическая коллекция состоит из 36 русских монет, из них две серебряные чешушки, полушки 1736, 1737, 1739, 1740, 1749, 1751 гг. и деньги 1737, 1746, 1748, 1749, 1750, 1770 и 1793 гг. Есть также монеты, ходившие в обращении только на территории Сибири, — полушка 1767 г. и деньги 1770 г. Монеты XIX — начала XX в.: «2 копейки» 1826 г., «¾ копейки серебром» 1844 г. с вензелем Николая I, «5 копеек» 1877 г., «1 копейка» 1895 г., а также «2 копейки» 1905 г. Счетный пфенниг, найденный при раскопках, изготовлен в мастерской Иоганна Адама Дизеля (1746–1768 гг.) в Нюрнберге. На одной его стороне приведены персональные данные мастера «JOH ADAM DIE[t]ZEL», на другой — изображен профиль Людовика XV (1710–1774 гг.) и помещена легенда монеты: «LUD[ovicus] XV D[ux] G[ermaniae] FR[anciae] ET NAV[arrae] REX», т.е. «Людовик XV, правитель Германии, король Франции и Наварры» (рис. 4, 10).

Находки военного снаряжения. На площади Гостиных раскопов обнаружено два мелкокалиберных металлических ядра и около 30 чугунных осколков (фрагментов) от разрывных гранат, а также семь круглых свинцовых пуль диаметром 1 см. Первое ядро кованое, диаметром 3,5 см. Его калибр и вес указывают на принадлежность к полуфунтовой затинной пищали [Зиняков, 2013, с. 104]. Второе ядро литое, чугунное, диаметром 4 см, относится к полторагивенковой пищали. Разрывные гранаты представляют собой осколки полых чугунных шаров, разных размеров и одного калибра, по назначению относятся к трехфунтовой полковой пушке [Зиняков, 2013, с. 105–107]. Все эти снаряды были в составе вооружения Тобольского военного гарнизона.

Заключение

В целом системный анализ материалов Гостиных раскопов, самых крупных по площади из всех, которые закладывались в исторической части Тобольска, дает важную информацию для реконструкции планировки города на разных этапах его истории и способствует решению задач, связанных с изучением материальной культуры его жителей. Все исследованные за стенами Гостиного двора жилые постройки были одноэтажными, срубленными в обло с выпуском. Некоторые из них следует считать двухкамерными. Рядом с подобными сооружениями довольно часто располагались погреба. Археологические материалы свидетельствуют о том, что этот квартал верхнего посада с самого момента основания города являлся частью жилищно-хозяйственной застройки, а его жители были людьми достаточно состоятельными. Данный вывод подтверждают разновременные чертежи С.У. Ремезова XVII — начала XVIII в. и более поздние планы города. Анализ стратиграфических колонок культурного слоя в этой части Тобольска подкрепляет информацию письменных источников о происходивших с чудовищной регулярностью на протяжении XVII–XVIII вв. пожарах. Однако, как показали археологические исследования, верхнепосадская территория не поустовала, поврежденные дома сносились и начиналась новая застройка.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум», № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории верхнего посада Тобольска // Вестник ТюмГУ. 2009. № 7. С. 80–90.
- Балюнов И.В. Наперсный крест из культурного слоя XVII века города Тобольска // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 218–225.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 152 с.
- Вестфален Э.Х., Кречетова М.Н. Китайский фарфор. Л.: Государственный Эрмитаж, 1947. 54 с.
- Глушкова Т.Н., Сутула А.В. Опыт систематизации технологической информации об археологическом текстиле // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. III. С. 162.
- Зиняков Н.М. Кузнечное производство г. Тобольска XVII–XVIII вв.: (Металлографическое исследование хозяйственного инвентаря) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4. С. 46–52.
- Зиняков Н.М. Металлографический и химический анализ артиллерийских снарядов Тобольского посада XVII–XVIII вв. // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 100–114.
- Кочетова С.М. Фарфор и бумага в искусстве Китая. М.: АН СССР, 1956. 91 с.
- Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобр. искусство, 1983. 245 с.

Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске

Матвеев А.В., Аношко О.М., Алиева Т.А. Тобольская панагия // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 104–113.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В., Сомова М.А., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Три Т, 2008. Вып. 2. С. 114–149.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 116–124.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2006. Т. 7. 200 с.

Пластеева Н.А. Костные остатки животных из раскопок верхнего посада Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 231–234.

Татауров С.Ф. Табак и трубки в городе Таре в XVII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 77–82.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1998. С. 88–123.

Anoshko O.M.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: okanoshko@yandex.ru

The First and Second Gostiny Dig Sites in Tobolsk

This article continues a series of papers dedicated to introducing in the scientific discourse materials obtained during archaeological investigations of the cultural layer of Tobolsk — the main city of Siberia during the Russian colonization. In the course of investigation of the First and Second Gostiny dig sites, laid at the walls of Gostiny Dvor, there were recorded 24 structures of residential and economic purposes, dated to the period from the 17th to the 19th centuries on the basis of planigraphic and stratigraphic analyses and finds. The residential timber structures were single-storeyed, with saddle notch type corners (“v oblo”) with tails. Beside the houses, there were root cellars. A representative collection of finds is related to the houses: animal bones; breakage of stoneware, chinaware, and glassware; fragments of terracotta, enameled, and polychrome tile, as well as objects made of bone, leather, bark, and wood, mainly dated to the 17th — beginning of the 19th century. The most common material, amounted to several thousand items, was represented by pottery shards — pots, ewers, jars, and pans, which were used for food cooking, food storage, as well as for other everyday purposes. The porcelain ware is associated with the tea ceremony and is mainly represented by fragments of saucers, and sometimes those of drinking cups, bowls, and teapots. By the provenance, two groups of the porcelain have been identified — Chinese and Russian, with characteristic makers marks and patterns. The collection of iron items consists of knives, bridle bits, door hinges, latches, nails, hooks, and fragments of scissors. The leather footwear is represented by one-piece leather-hide shoes, high boots, and shoes with iron heeltaps. Another category of the finds is represented by bone combs, which were ordinarily used not only by women, but also by men. The numismatic collection comprises 36 Russian coins and a counter pfennig struck in the workshop of Johann Adam Dietzel (master 1746–1768) in Nuremberg. The copper articles are represented by five baptismal cross pendants and by a find unique for the Siberian region — a gilded panhagia of a copper alloy with a sliding finial, several liturgical inscriptions, and images, including those of the Crucifixion, the Holy Trinity of the Old Testament, and the Mother of God of the Sign. In general, the archaeological materials of the digs show that this quarter of the uptown of Tobolsk was part of the residential and commercial housing of the town, while its residents had a relatively high level of material wellbeing.

Keywords: Tobolsk, Upper Posad, 17th–19th centuries, residential and utility buildings, artifacts.

REFERENCES

Anoshko, O.M., Seliverstova, T.V. (2009). Characteristics of Russian pottery from excavations in the territory of the upper posad of Tobolsk. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (7), 80–90. (Rus.).

Baliunov, I.V. (2014). Pectoral cross from the cultural layer of the XVII century of the city of Tobolsk. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 13(3), 218–225. (Rus.).

Belov, M.I., Ovsiannikov, O.V., Starkov, V.F. (1981). *Mangazeya: Material culture of Russian polar navigators and explorers of the XVI–XVII centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Glushkova, T.N., Sutula, A.V. (2008). Experience of systematization of technological information about archaeological textiles. In: *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale. T. III*. Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).

Kochetova, S.M. (1956). *Porcelain and paper in the art of China*. Moscow: Akademiia nauk. (Rus.).

Maslikh, S.A. (1983). *Russian tile art of the XV–XIX centuries*. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (Rus.).

Аношко О.М.

Matveev, A.V., Anoshko, O.M., Alieva, T.A. (2012). Tobolsk Panagia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 50(2), 104–113. (Rus.).

Matveev, A.V., Anoshko, O.M., Seliverstova, T.V., Somova, M.A., Bormotina, Iu.V. (2008). Preliminary results of the first year of excavations of the archaeological expedition of the Tyumen University in Tobolsk. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 114–149. (Rus.).

Matveev, A.V., Anoshko, O.M., Siriushova, N.F. (2011). Ancient porcelain and faience from the cultural layer of Tobolsk. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 15(2), 116–124. (Rus.).

Molodin, V.I. (2007). *Crosses-vests Ilimskiy ostrog*. Novosibirsk: INFOLIO. (Rus.).

Osipov, D.O. (2006). Shoes of the Moscow land of the XII–XVIII centuries. In: *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy*, (7). Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).

Plasteeva, N.A. (2011). Bone remains of animals from the excavations of the upper posad of Tobolsk. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, (4). Tiumen': Izdatel'stvo Instituta problem osvoeniia Severa Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 231–234. (Rus.).

Tataurov, S.F. (2020). Tobacco and pipes in the city of Tara in the XVII–XIX centuries. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 49(2), 77–82. (Rus.).

Tataurova, L.V. (1998). Typology of Russian Ceramics (based on Ethnographic materials). In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, 88–123. (Rus.).

Vestfalen, E.Kh., Krechetova, M.N. (1947). *Chinese porcelain*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh. (Rus.).

Ziniakov, N.M. Blacksmithing production of Tobolsk of the XVII–XVIII centuries: (Metallographic study of household equipment). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4), 46–52. (Rus.)

Ziniakov, N.M. (2013). Metallographic and chemical analysis of artillery shells of Tobolsk posad of the XVII–XVIII centuries. In: *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 100–114. (Rus.).

АНОШКО О.М., <https://orcid.org/0000-0002-6612-8707>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Рафикова Т.Н.* , Аношко О.М.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

E-mail: TN Rafikova@yandex.ru (Рафикова Т.Н.); oKanoshko@yandex.ru (Аношко О.М.)

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЛЕСОСТЕПНОГО И ПОДТАЕЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА СТАРЫЙ ПОГОСТ (КЫСЫМ-ТУРЫ))

Отражены результаты анализа материалов позднесредневекового слоя (XIV–XVI вв. н.э.) городища Старый Погост, расположенного на левобережье Иртыша. Сооружения представлены наземными или незначительно углубленными постройками с глинобитными очагами внутри, выявлено большое количество хозяйственных ям, зольных пятен, скоплений рыбьей чешуи, костей рыбы и животных. Сопоставление керамических коллекций всех известных позднесредневековых памятников лесостепного и подтаежного Зауралья позволило выявить четыре основных типа сосудов. При сравнении с синхронными материалами Барабы выделен ряд особенностей керамических комплексов Зауралья. Отмечено угасание керамической традиции в изучаемом регионе в XIV–XVI вв., проявившееся в малом количестве глиняной посуды, грубой обработке поверхности сосудов, скудной орнаментации или полном отсутствии декора.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, позднее средневековье, сибирские татары.*

Введение

Ключевое место в истории позднего средневековья Западной Сибири занимают вопросы этногенеза сибирских татар, система их расселения, формирование первых государственных образований — Тюменского и Сибирского ханств. Если письменные источники активно привлекаются при разработке этих проблем, то наполнение темы данными археологии несколько запаздывает. Вместе с тем только по археологическим материалам можно осветить ряд аспектов среды обитания, быта, хозяйственной деятельности позднесредневекового населения XIV–XVI вв., определить территорию формирования и основные компоненты культуры.

Археологическое изучение позднесредневековых памятников западной части Западной Сибири¹ началось более ста лет назад. Системно и последовательно оно осуществлялось в Среднем Прииртышье и отражено в трудах В.П. Левашевой, В.Н. Чернецова, В.И. Мошинской, В.А. Могильникова, В.И. Молодина, В.И. Соболева, А.И. Соловьева, С.С. Тихонова, С.Ф. и Ф.С. Татауровых, А.В. Матвеева и ряда других исследователей [Левашева, 1928; 1950; Матвеев, Татауров, 2013; Могильников, 1997; Молодин и др., 1990; Соболев, 1994, 2008; Татауров, 2016; Татауров и др., 2019; Чернецов, Мошинская, 1951; и др.]. В лесостепном и подтаежном Зауралье после работ М.С. Знаменского и В.Н. Пигнатти в окрестностях г. Тобольска (Чувашский мыс, Искер) археологические исследования памятников позднего средневековья долгое время не проводились [Пигнатти, 1915а, 1915б]. В 60-х гг. XX в. широкомасштабные археологические работы в регионе вела Уральская археологическая экспедиция. К позднесредневековым объектам отнесены городища Малое Бакальское [Генинг, Бушуева, 1961], Кучум-гора [Голдина, 1969], могильник Пахомовский [Генинг, Овчинникова, 1969]. В 1968 г. работы на городище Искер осуществлены Б.Б. Овчинниковой [2014], в 1988 и 1994 гг. — А.П. Зыковым [Зыков и др., 2017]. В 1970 г. В.А. Могильниковым и И.А. Сыркиной изучено многослойное Ивановское городище [Сыркина, 1972], содержащее в том числе материалы позднего средневековья. В 1974 г. И.А. Сыркина исследовала раскопками городище Еляк-Алып, где зафиксирован комплекс татарского времени [Сыркина, 1975, с. 235]. В 1986 г. В.А. Могильников начал исследовать городище Старый Погост, поздний слой которого отнес к культуре татар [Могильников, 1987]. В 2006 г. работы на

* Corresponding author.

¹ В работе рассматриваются позднесредневековые объекты, соотносимые исследователями с культурой сибирских татар. Памятники, оставленные населением — представителями прочих синхронных культур (чияликской (макушинской), ромадановской, поздних этапов нижеобской общности и др.), не анализируются.

объекте продолжили А.В. Матвеев и О.М. Аношко [Матвеев, 2007; Матвеев, Аношко, 2009]. В 1993 г. В.А. Зах провел охранные раскопки на Цингалинском святилище, где прослежен позднесредневековый слой, соотнесенный им с сибирскими татарами [Зах, 2001]. Поздние материалы городища Долговское 1, изученного А.А. Адамовым, по характеру инвентаря и сооружений, представленных в основном развалами глинобитных очагов и хозяйственными ямами, отнесены также к культуре сибирских татар [Адамов, 1998]. В 2007–2009 гг. Т.Н. Рафиковой, а в 2011 г. Н.П. Матвеевой осуществлены раскопки на Царевом городище — цитадели Чинги-Туры, столицы Тюменского ханства [Рафикова, 2008, 2009, 2011; Матвеева, 2012].

Таким образом, на территории лесостепного и подтаежного Зауралья изучено менее десяти памятников, датированных поздним средневековьем и соотносимых с культурой сибирских татар (Искер, Кучум-гора, Старый Погост, Еляк-Алып, Цингалинское, Чинги-Тура, Долговское 1, Ивановское) или предшествующим периодом (Малое Бакальское)². Систематизации материалов по позднесредневековому периоду до настоящего времени не осуществлено, часть их не опубликована. Данная работа посвящена введению в научный оборот результатов изучения позднесредневекового слоя городища Старый Погост, обобщению материалов XIV–XVI вв. лесостепного и подтаежного Зауралья, выявлению локальных особенностей формирующейся культуры сибирских татар.

Объекты исследования

Городище Старый Погост (Кысым-Тура) находится на левобережье Иртыша, в 2,5 км к северо-западу от с. Старый Погост Вагайского района Тюменской области и в 7,5 км в этом же направлении от районного центра с. Вагай. Памятник расположен на останце надпойменной террасы, который на современных картах именуется урочищем Холм. В плане он отдаленно напоминает высокий равнобедренный треугольник, обращенный острой вершиной на юго-запад, и возвышается над левобережной поймой Иртыша на 9–13 м. В 1 км к северо-востоку от урочища слабо выраженное в рельефе русло р. Луговской, впадающей в Иртыш чуть ниже устья р. Вагай. На расстоянии 25–30 м от юго-восточного склона останца проходит грунтовая дорога, ведущая из с. Старый Погост и часто используемая в последнее время в связи с тем, что урочище Холм ошибочно ассоциируется с местом гибели отряда Ермака [Матвеев, Аношко, 2009].

Городище занимает южную подтреугольную часть останца и состоит из двух частей: «цитадели» площадью около 1300 м² и «посада», разделенных с северной стороны двойной линией укреплений. Первый вал слабо выражен в рельефе и расположен на краю жилой площадки, со стороны которой его высота не превышает 0,2 м. Высота второго вала от дна первого рва достигает 1,5 м, ширина — 7,5 м. Внешний (третий) вал шириной 5 м с напольной стороны имеет высоту 0,7 м, от дна второго рва — 1 м. Практически в центральной части оборонительные сооружения размыкает въезд шириной до 2,5 м. Помимо слегка углубленных западин, являвшихся остатками древних сооружений, на территории «цитадели» обнаружены четыре ямы предположительно позднесредневекового времени глубиной до 1,3 м. На территории «посада» хорошо выражены в рельефе лишь одна западина и довольно глубокая яма, расположенные около западной части внешнего вала.

В.А. Могильниковым на городище был заложен раскоп площадью 488 м², в том числе траншея шириной 2 м, длиной 30 м через оборонительные линии памятника от северного края раскопа. В 2006 г. А.В. Матвеевым и О.А. Аношко к траншее В.А. Могильникова прирезан раскоп в 96 м². Таким образом, общая вскрытая площадь культурного слоя на памятнике составила 584 м². На городище обнаружен разновременный материал, относящийся к раннему железному веку [Могильников и др., 1999] и позднему средневековью. В культурном слое находки стратиграфически не разделяются, материал различных эпох, подчас встречаясь совместно, выделяется лишь типологически. Сооружения позднего средневековья представлены преимущественно остатками глинобитных очагов, ямами, скоплениями золы, угля, рыбьей чешуи и костей (рис. 1).

Всего отмечены развалы трех глинобитных очагов. В пространственной проекции они располагались вдоль длинной оси мыса по его северо-западной стороне. Первый объект находился в кв. К–Л/17–18, представлял собой пятно прокаленного суглинка размерами 1,6×1,4 м, толщи-

² Для понимания местоположения памятников на карте региона приведем их более точную географическую привязку: Искер, Еляк-Алып, Ивановское — Тобольский район, Долговское — Вагайский район, Кучум-гора — Ишимский район Тюменской области, Чинги-Тура — г. Тюмень, Цингалинское святилище — Ханты-Мансийский район ХМАО, Малое Бакальское — Шадринский район Курганской области.

Позднесредневековые комплексы лесостепного и подтаежного Зауралья...

ной 0,22 м и примыкавшее к нему с севера суглинистое отложение 2,3×1,3 м, мощностью 0,17 м. В центральной части глинобитной площадки отмечена линза угля диаметром 0,18 м и остатки выгоревшего столба диаметром 0,14 м. С северо-западной стороны к прокаленному суглинку примыкало пятно с углистыми скоплениями диаметром 0,3 м, толщиной 0,15 м. Второй глинобитный очаг в виде овального пятна прокаленного суглинка, с включением углей, размерами 1×0,75 м, толщиной 0,12 м, располагался к югу от первого, в кв. К/20–21. С юго-востока к нему примыкало суглинистое напластование 1,8×1,3 м, толщиной до 0,15 м, с находящимся внутри него прокаленным слоем диаметром 0,3 м, мощностью 0,07 м. Третий развал глинобитного очага состоял из прокаленного суглинка с угольками, размером 1,7×1,4 м, мощностью 0,42 м, локализован в кв. З–И/20–21. В юго-западной части пятна лежало два фрагмента обгорелых бревен, длиной 1,1–1,3 м, диаметром 0,12–0,15 м.

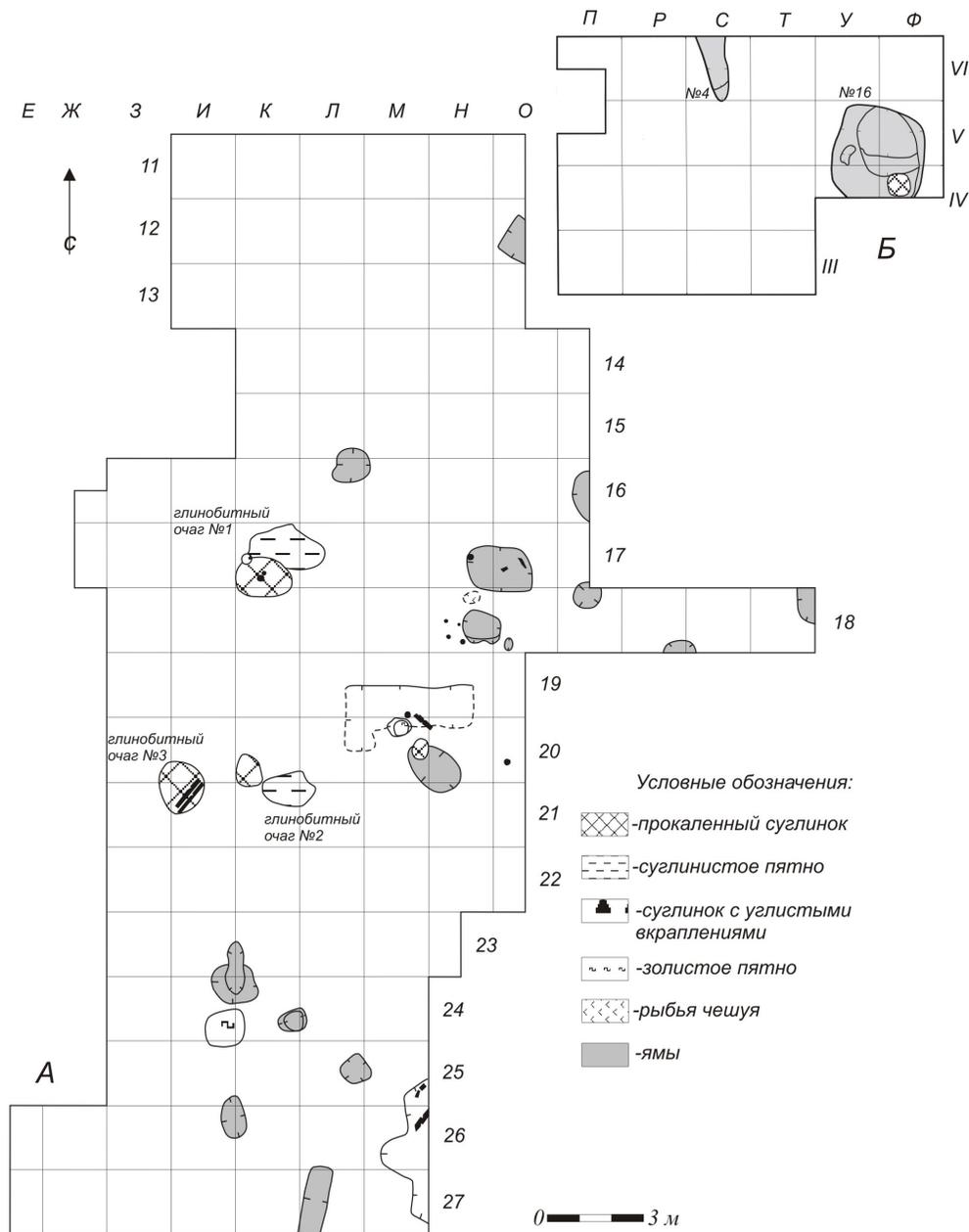

Рис. 1. Сооружения позднего средневековья городища Старый Погост:

А — раскоп 1986 г. (по: [Могильников, 1987]); Б — раскоп 2006 г.

Fig.1. Structures of the late Middle Ages of the Staryi Pogost settlement:

A — the excavation site in 1986 (according to: [Mogilnikov, 1987]); B — the excavation site in 2006.

На участке Л–Н/19–20 расчищены остатки постройки, которые В.А. Могильников был склонен связывать с татарским временем. Ее основание незначительно углублялось в материк. В постройке зафиксирована яма диаметром 0,7 м с расположенным внутри золистым слоем от очага размером 0,4×0,45 м. К северу от очага локализована яма от столба диаметром 0,18 м, глубиной 0,12 м и остатки плахи длиной 0,65 м, шириной 0,13 м. Так как юго-восточный контур сооружения не прослеживался, ее точные размеры неизвестны. Зафиксированные параметры — 4×2,1 м. Возможно, к данному объекту относится яма от столба в кв. О/20, диаметром 0,17 м, глубиной 0,2 м. В кв. С/VI зафиксировано канавообразное углубление № 4 размерами 0,3–0,85×2 м, глубиной 0,2–0,55 м с плавным повышением уровня дна по направлению к его южной стенке, вдоль которой наблюдалась ступенька шириной 0,4 м, высотой 0,1 м. В кв. У–Ф/У–VI изучена яма подквадратной формы (№ 16) размерами по верхнему краю 2,85×2,85 м (размеры самой углубленной части составили 1,45×1,65 м). В юго-восточной части данного объекта, в кв. Ф/IV, выше уровня пола на 0,1 м зафиксирован прокол диаметром 0,7 м, мощностью 0,3 м. У западной стены котлована описываемого объекта на уровне пола обнаружена ямка от столба (№ 9) размерами 0,25×0,6 м, глубиной 0,15 м. В верхнем горизонте заполнения ямы № 16 было расчищено скопление костей от взрослой особи крупного рогатого скота, в том числе целый череп этого животного с обломками шейных позвонков. Характеристика остальных ям позднего средневековья представлена в табл. 1.

Характеристика ям позднего средневековья

Characteristics of the pits of the late Middle Ages

Местонахождение, квадрат	Полное или частичное исследование	Конфигурация	Размеры, диаметр (м)	Глубина от материка, м	Заполнение
Л–М/15–16	Полное	Округлая	1	?	?
М–Н/20–21	Полное	Овальная	1,85×1,2	0,8	Темное, перекрытое прокалом
М/25–27	Частичное	Подпрямоугольная, с выступом	4,35×1,4	0,25	Темное, фрагменты двух плах
И–К/23–24	Полное	Вытянутая, овальная	1,7×0,55	0,45	Темное
И–К/23–24	Полное	Подпрямоугольная	1,3×1,2	0,5	Темное, рыба чешуя, кости
К–Л/24	Полное	Овальная	0,8×0,67	0,3	Темное, керамика с зеленоватой поливой
П/16	Полное	Округлое	1,6	0,52	Темное
П/17–18	Полное	Овальная	0,95×0,6	0,12	Темное
Н–О/17–18	Полное	Подпрямоугольная	2,1×1,35	0,2	Темное, древесный тлен от двух досок
Н–17	Полное	Округлая, от столба	0,16	0,1	Темное
Л–М/25	Полное	Трапециевидная	0,8×0,85	0,4	Темное
О/12	Частичное	Подпрямоугольная	1,3×1,2	1,2	Темное
Н–О/18	Полное	Округлая	1,2×1,1	0,75	Темное, в 0,2 м к северу скопление рыбьей чешуи и костей животных
Н–18, четыре ямы	Полное	Круглые от столбов	0,08–0,18	0,1–0,15	Темное
О–18	Полное	Овальная	0,4×0,25	0,1	Темное
Р–С/18	Частичное	Овальная	1,1×0,4	0,13	Темное
Т/18	Частичное	Подовальная (?)	1,1×0,52	0,35	Темное
Л/26–27	Частичное	Вытянутая, подпрямоугольная	2,8×0,7	0,2	Темное, обломок бронзового височного кольца
К–Л/26–27	Полное	Округлая	0,28×0,22	0,25	Темное

Керамическая коллекция из обоих раскопов насчитывает 39 сосудов. Их статистический анализ приведен далее в общей типологии позднесредневековых керамических комплексов с памятников лесостепного и подтаежного Зауралья. Инвентарь с городища Старый Погост достаточно разнообразен: железные и костяные ножи, наконечники стрел, рыболовный крючок, железные кольца, пробои, замок древнерусского типа предмонгольского времени, скобы, накладка (?) от ножен, костяные изделия, проколки, глиняные пряслица дисковидной формы, бронзовая литая лапчатая подвеска и пронизка со вздутиями, бронзовый щитковый браслет со стилизованным изображением птицы, фрагменты керамики с зеленоватой поливой и русского станкового сосуда. Датируется поздний слой памятника в пределах XIII–XIV–XVI вв. [Могильников, 1987, с. 120–121].

Обсуждение материалов

По мнению большинства исследователей, основным маркером, позволяющим выделить и объединить позднесредневековые материалы в единую общность, являются керамические комплексы. Первая классификация керамики сибирских татар, учитывающая формы сосудов, а также подробная характеристика орнаментальных мотивов приведены в работах В.П. Левашевой [1928, 1950]. Развернутая типология керамики, относимой к барабинским татарам, предложена В.И. Соболевым [Молодин и др., 1990, с. 16–34; Соболев, 1994; 2008, с. 126–138]. Он выделил две группы сосудов: круглодонные/остродонные и с плоским дном. Внутри первой, значительно преобладающей группы выделено несколько типов. Первый — остродонные (яйцевидные сосуды), у которых чаще всего орнаментирована вся поверхность. Вторым типом — круглодонная керамика с четко выраженной шейкой. Орнаментирована преимущественно верхняя часть сосудов (шейка и плечико), реже вся поверхность. Третьим типом — круглодонные чаши открытого типа, декор расположен на верхней трети или на всей поверхности изделия [Соболев, 2008, с. 127–130]. Наиболее распространенными элементами орнамента являлись косые насечки, ямочные (треугольные, овальные, каплевидные, аморфные) вдавления, елочка [Молодин и др., 1990, с. 21]. Эта же типология, в силу близости керамических комплексов, использована Л.В. Татауровой при анализе керамики позднего средневековья Нижнетарского археологического микрорайона [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с. 169–175]. Отличие авторы отмечают лишь в большей насыщенности орнаментацией, что связывают с наследием раннего времени [Там же, с. 173]. При анализе керамики с городища Искер А.П. Зыков разработал свою подробную типологию, включающую 15 типов [Зыков и др., 2017, с. 216–227]. В позднесредневековом комплексе городища Кучум-гора Р.Д. Голдиной выделено пять типов посуды [1969, с. 155–157].

Отдельно необходимо остановиться на посуде с Малого Бакальского городища³. Первоначально ее относили к сылвенской культуре (как и все бакальские комплексы), полагая, что бедная орнаментация и чашевидные формы сосудов иллюстрируют следующий этап развития бакальской керамики [Генинг, Бушуева, 1961, с. 185]. Эта точка зрения была поддержана В.А. Могильниковым, который именно на примере Малого Бакальского городища показывал возрастание в XII–XIV вв. доли чашевидных сосудов, украшенных ямками [1987, с. 181, с. 323, табл. LXXV]. Несомненно, по бедности орнаментации керамика Малого Бакальского городища близка к чашевидным сосудам бакальской культуры, орнаментированным лишь ямочными вдавлениями и насечками по венчику или вообще не декорированным. Но они сильно отличаются по форме и технологии производства: на Малом Бакальском городище сосуды крупных размеров, толсто-стенные, прямостенные или закрытые чаши, с уплощенным дном, орнаментированные одним рядом ямок или жемчужин по верхнему краю. Полагаем, что Малое Бакальское городище следует исключить из списка бакальских памятников и рассматривать как позднесредневековый объект. Инвентарь памятника позволил В.Ф. Генингу и Т.Г. Бушуевой датировать комплекс XIII–XIV вв. н.э. [1961].

Сравнительный анализ керамических комплексов городищ Старый Погост, Еляк-Алып, Чинги-Тура, Кучум-гора, Искер, Малое Бакальское, Ивановское и Цингалинского святилища⁴ показал возможность выделения четырех основных типов сосудов. В основу типологии мы положили морфологический признак, подтипы выделены по степени и особенностям орнаментации.

1. Крупные котловидные сосуды, с прямыми, чуть наклоненными внутрь или наружу толстыми стенками, с уплощенным дном (рис. 2, 1–4). Вылеплены небрежно, грубо, из комковатого, плохо промешанного теста. Поверхность волнистая, со вмятинами, небрежно заглаженная. Чаще всего украшены только рядом ямок по верхней части, иногда дополнительно оставлены пальцевые вдавления, защипы, грубые насечки (один случай). Значительна доля полностью неорнаментированных экземпляров. Большая часть подобной посуды выявлена на городище Малое Бакальское [Генинг, Бушуева, 1961, с. 182–186, с. 205–206, табл. IV, V; Могильников, 1987, с. 323, табл. LXXV], отмечена она также в комплексах Старого Погоста, Кучум-горы, Еляк-Алып. А.П. Зыков не выделяет подобного типа среди керамики Искера, но на его иллюстрациях приведен рисунок одного сосуда, близкого к описанному нами типу [Зыков и др., 2017, рис. 102, 3].

³ Лично ознакомиться с коллекцией Малого Бакальского городища мы не смогли, так как многолетние поиски места хранения не принесли результата. Поэтому при использовании материала опираемся на рисунки, представленные в отчете, и описания авторов раскопок.

⁴ На городище Долговское 1 керамика отсутствует.

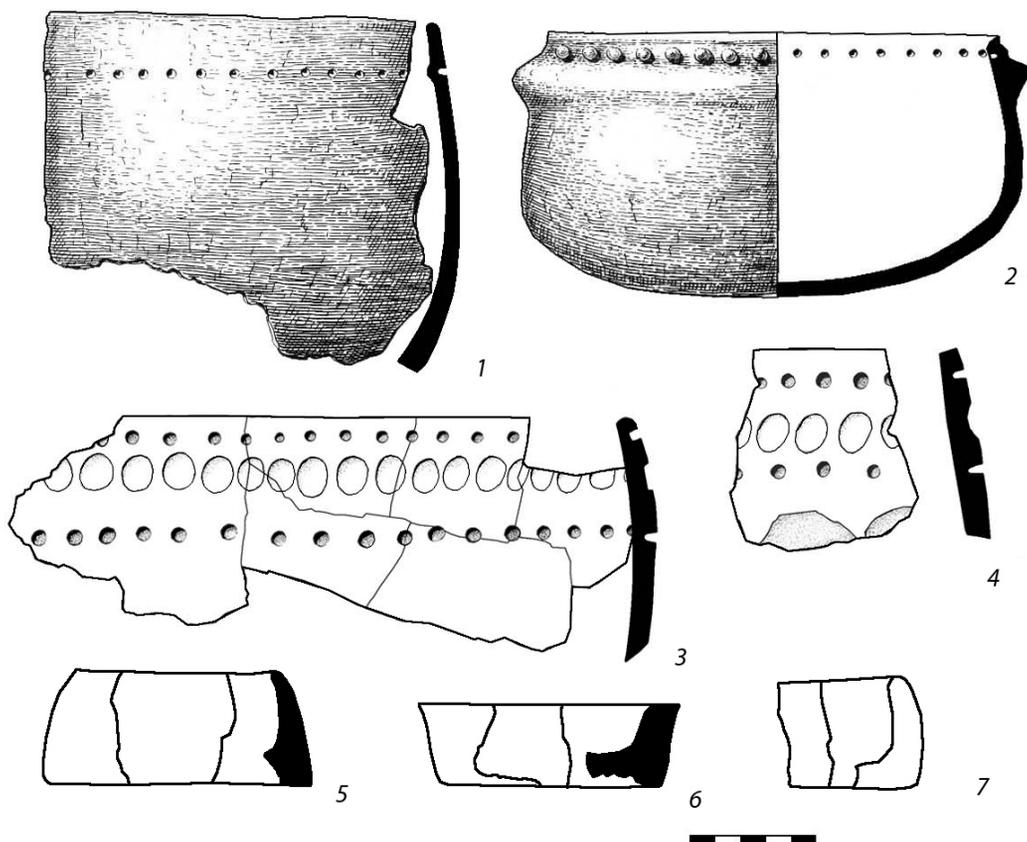

Рис. 2. Керамика позднего средневековья 1 (1–4) и 4 (5–7) типов:
 1, 2 — Малое Бакальское городище (по: [Могильников, 1987]); 3, 4 — городище Старый Погост;
 5–7 — Цингалинское святилище (по: [Зах, 2001]).
Fig. 2. Ceramics of the late Middle Ages of 1 (1–4) and 4 (5–7) types:
 1, 2 — Maloe Bakalskoe settlement (according to: [Mogilnikov, 1987]); 3, 4 — Staryi Pogost settlement;
 5–7 — Tsingaly sanctuary (according to: [Zakh, 2001]).

2. Чашевидные сосуды с округлым туловом и дном, стенки могли быть наклоненными внутрь или вертикальными. По принципу орнаментации выделено два подтипа.

2.1. Орнамент либо отсутствует, либо представлен пояском ямок или жемчужин, нанесенных в верхней части (рис. 3, 1–7). В редких случаях отмечены пальцевые (не ногтевые) вдавления или защипы. По срезу наносили наклонные резные линии, вдавления пальцами или ногтями. Данный тип керамики преобладает в комплексах всех рассмотренных памятников, он встречен на городищах Старый Погост, Еляк-Алып, Малое Бакальское [Генинг, Бушуева, 1961, с. 205, табл. IV, рис. 5], Цингалинском святилище [Зах, 2001, с. 144, рис. 3, 4–6, 8–10]. На городище Искер подобные сосуды выделены А.П. Зыковым в тип 9–12 [Зыков и др., 2017, с. 220–222].

2.2. Вся поверхность этих чаш либо его верхняя часть покрыта семечковидными, овальными, круглыми наколами, ногтевыми вдавлениями, оттисками гребенчатого штампа (рис. 3, 8, 9). Зафиксированы на городищах Старый Погост, Кучум-гора [Голдина, 1969, табл. 76, 11], Искер [Зыков и др., 2017, рис. 101, 5], Чинги-Тура, Ивановское.

3. Круглодонные горшковидные сосуды с вертикальной, наклонной внутрь или отогнутой шейкой. В основном сосуды слабопрофилированы, но на Кучум-горе зафиксированы изделия с достаточно резким переходом от плечика к тулову. По степени и принципам орнаментации также выделено два подтипа.

3.1. Основными орнаментами являются рядок ямок (рис. 4, 1–4). В редких случаях отмечены пальцевые (не ногтевые) вдавления, защипы. По срезу венчика могли наноситься подтреугольные насечки, ногтевые вдавления. Отмечены на городищах Старый Погост, Кучум-гора [Голдина, 1969, табл. 76, 3, 7], Малое Бакальское [Генинг, Бушуева, 1961, с. 206, табл. V, рис. 3,

4], Ивановское. На городище Искер зафиксированы полностью неорнаментированные горшки (тип. 7) [Зыков и др., 20017, с. 218–219].

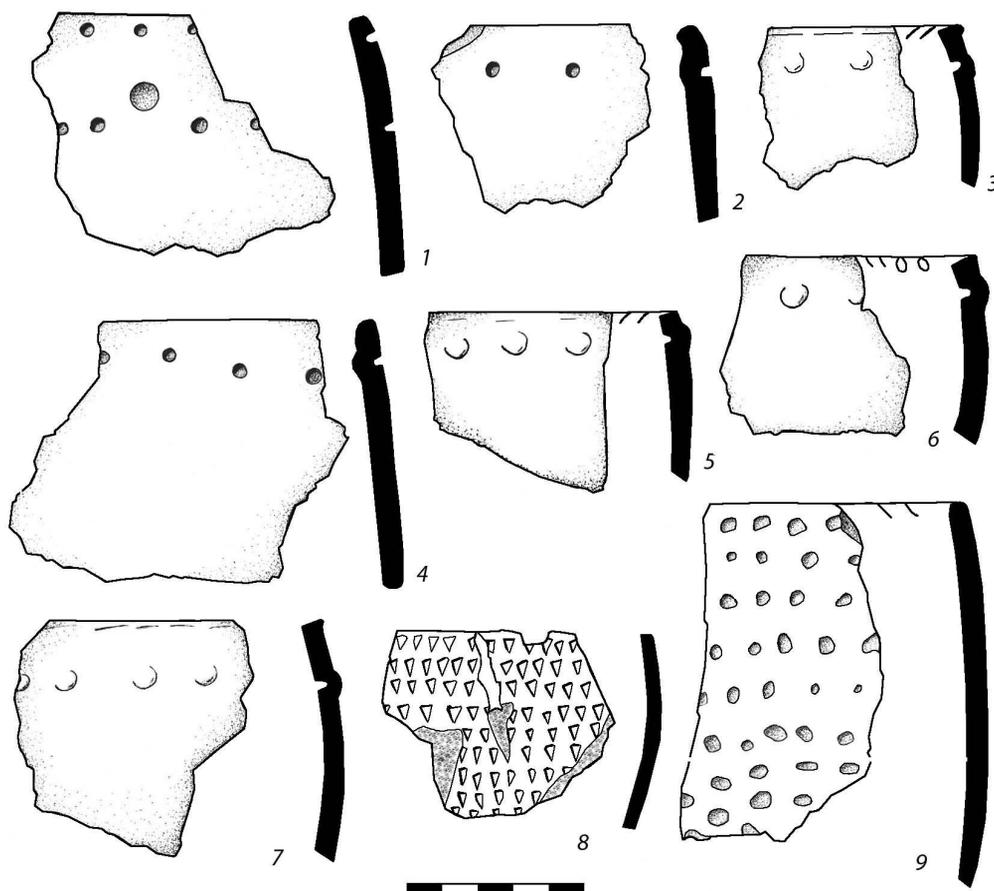

Рис. 3. Керамика позднего средневековья 2 типа:

1–7, 9 — городище Старый Погост; 8 — городище Кучум-гора (по: [Голдина, 1964]).

Fig. 3. Ceramics of the late Middle Ages type 2:

1–7, 9 — Staryi Pogost settlement; 8 — Kuchum-gora settlement (according to: [Goldina, 1964]).

3.2. Верхнюю половину либо всю поверхность изделий покрывали наколами круглой, овальной, подквадратной, семечковидной форм; рядами ногтевых вдавлений; гребенчатыми линиями наносили зигзаги, елочку; ямки в зоне перехода от шейки к плечу редки (рис. 4, 5–9). По срезу венчика в ряде случаев наносили наклонные гребенчатые линии. Выявлены на городищах Старый Погост, Кучум-гора [Голдина, 1969, табл. 76, 5, 8], Чинги-Тура, Ивановское. На городище Искер подобные сосуды описаны как типы 3, 6 [Зыков и др., 2017, с. 216–218].

4. Небольшие плоскодонные сосуды баночной формы, неорнаментированы. Выявлены на двух памятниках — городище Искер [Зыков и др., 2017, с. 222–223] и Цингалинском святилище [Зах, 2001, с. 144, рис. 3, 1–3].

При сопоставлении позднесредневековых комплексов лесостепного и подтаежного Зауралья с керамикой Барабы (Вознесенское, Преображенка-4, Венгерovo-8, Бол. Чуланкуль-1, Чиняиха и др.) можно отметить ряд отличительных и близких черт. Так, на памятниках Зауралья отсутствуют сосуды первого типа — остродонные (яйцевидные), поверхность которых, в основном полностью, покрыта орнаментом. На памятниках Барабы, в свою очередь, не обнаружены крупные котловидные сосуды, с толстыми стенками, с уплощенным дном и очень бедной орнаментацией — рядом ямок или жемчужин по верхнему краю, пальцевыми вдавлениями или защипами. Самый восточный памятник, на котором, по нашим сведениям, отмечена подобная группа сосудов, — Красноярское городище.

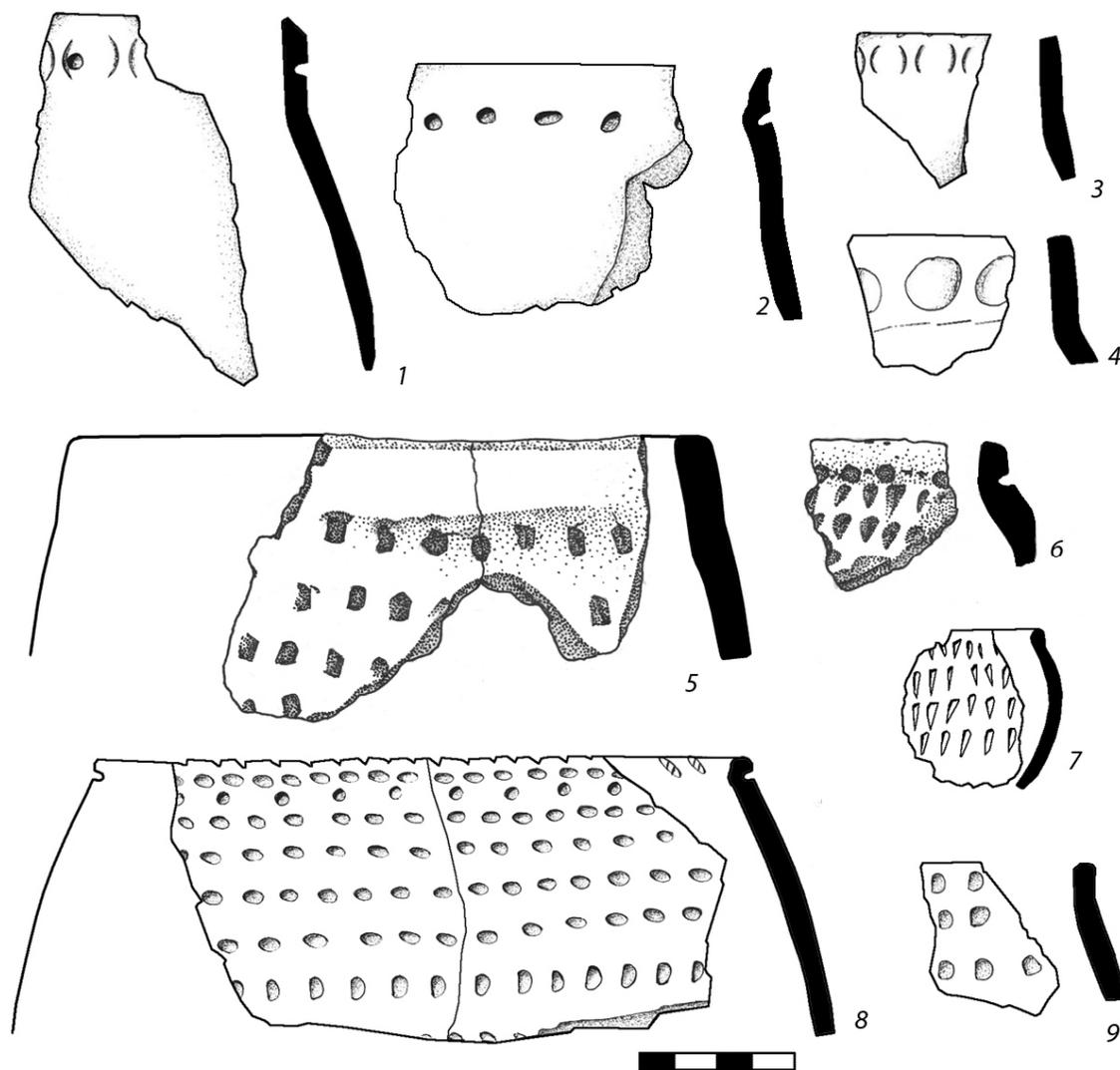

Рис. 4. Керамика позднего средневековья 3 типа:

1–4, 8, 9 — городище Старый Погост; 5, 6 — Чинги-Тура; 7 — Кучум города (по: [Голдина, 1964]).

Fig. 4. Ceramics of the late Middle Ages type 3:

1–4, 8, 9 — Staryi Pogost settlement; 5, 6 — Chingi-Tura settlement; 7 — Kuchum-gora settlement (according to: [Goldina, 1964]).

Горшковидные и чашевидные сосуды с округлым дном зафиксированы в обоих регионах. На памятниках Барабы они представлены примерно в равных долях, в то время как на памятниках Зауралья чашевидные формы преобладают. Сильно различается и степень орнаментации посуды. Если в орнаментации барабинской керамики встречено 44 элемента орнамента [Молодин и др., 1990, с. 20, 24], то для керамики Зауралья не набирается и 15. Скучность орнамента является характерной чертой позднесредневековых комплексов Зауралья.

По нашей гипотезе, сосуды котловидной формы (тип 1) более ранние в хронологическом плане и могли быть оставлены позднесредневековым населением XIII–XIV вв., в период формирования культуры сибирских татар. Данную точку зрения подтверждают материалы Малого Бакальского городища XIII–XIV вв., где сосуды описанного типа доминируют. При этом в комплексе городища абсолютно отсутствует посуда, покрытая полностью или частично наколами разных форм — семечковидными, круглыми, подтреугольными, подквадратными, аморфными и т.д., которая, скорее всего, появилась и получила распространение в более позднее время, после XIV века. Доказывает это ее присутствие в поздних слоях Чинги-Туры, Кучум-горы, Искера. К сожалению, неопределенная хронологическая позиция одних памятников (Еляк-Алып, Ивановское) и продолжительное время функционирования других (Кучум-гора, Чинги-Тура, Искер,

Цингалинское, Старый Погост) не могут прояснить данный вопрос. Возможно, планируемое радиоуглеродное датирование позднесредневековой керамики поможет в решении проблемы.

Также особенностью памятников Зауралья, в отличие от Среднего Прииртышья, является малое количество керамики. Эта тенденция отмечена В.А. Могильниковым, А.П. Зыковым, А.А. Адамовым и подтверждается результатами раскопок всех позднесредневековых объектов [Могильников, 1987, с. 120; Адамов, 1998, с. 4–5; Зыков и др., 2017, с. 226–227]. Несомненно, зафиксированное на зауральских поселениях количество глиняной посуды не могло удовлетворять нужд населения. Часть посуды изготовлялась из органических материалов — бересты, дерева; часть — из металла. Тлен от берестяной посуды прослежен в поздних слоях городища Кучум-гора, так же как и обломки чугунных котлов [Голдина, 1969, с. 141, 143, 157]. А.П. Зыков указывает, что на Искере зафиксировано использование привозной «псевдофарфоровой» посуды, а также сосудов из чугуна, меди, бронзы, дерева, бересты [Зыков и др., 2017, с. 226]. Привозная среднеазиатская посуда отмечена на Чинги-Туре [Рафикова, 2009, с. 163, рис. 87; Матвеева, Алиева, 2014, с. 642–643, рис. 2, 23]. Уменьшение объемов керамического производства характерно для всех памятников развитого и особенно позднего средневековья Зауралья. Так, В.А. Могильников фиксировал это для юдинских объектов [1987, с. 171], А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров — для сайгатинских [2001, с. 62].

Малое количество фрагментов керамики и ее орнаментальная бедность, отсутствие углубленных стационарных жилищ затрудняют выявление позднесредневековых объектов из общего массива средневековых памятников. При этом существуют две достаточно насыщенные объектами карты позднесредневековых древностей Западной Сибири. Первая создана В.И. Соболевым и названа «схемой расположения памятников населения сибирских ханств» [Соболев, 2008, с. 62–63], что совершенно не тождественно схеме расположения объектов сибирских татар. Поэтому в нее вошло большое количество памятников, не имеющих отношения к собственно сибирским татарам. Кроме того, на карту попали объекты, оставленные населением раннего и развитого средневековья (до XIII в.), которое не могло входить в состав Сибирского ханства, — например, городища Липчинское, Старолыбаевское, Красногорское, Логиновское, могильник Пылаевский и т.д.

Другим путем пошли А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, проделав масштабную работу по выявлению городов и городков Тюменского и Сибирского ханств на основании письменных источников, дополненных археологическими свидетельствами [Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 185–211, с. 495, рис. 57]. Вполне естественно, что сюда попали памятники, входящие в состав Сибирского ханства, но принадлежавшие осякам и вогулам, — городки Нарымский, Самар, Епанчин юрт и др. Эту карту, полагаем, надо воспринимать как план работы на несколько лет вперед по розыску указанных памятников и их изучению на предмет соответствия культуре сибирских татар. К сожалению, целый ряд объектов, обозначенных на ней, уже полностью уничтожен в результате хозяйственного освоения края.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день мы располагаем материалами раскопок всего девяти памятников позднего средневековья — городищ Старый Погост, Еляк-Алып, Малое Бакальское, Чинги-Тура, Искер, Кучум-гора, Ивановское, Долговское 1, святилище Цингалинское. Это обязывает нас не только к поиску новых позднесредневековых объектов, но и к тщательному анализу полученных ранее материалов.

В результате изучения позднесредневекового слоя (XIV–XVI вв. н.э.) городища Старый Погост зафиксированы незначительно углубленная в грунт постройка, развалы глинобитных очагов, большое количество хозяйственных ям, зольных пятен, углей, скоплений рыбьей чешуи, костей рыбы и животных.

Комплексный анализ посуды позднесредневековых памятников лесостепного и подтаежного Зауралья при сравнении с керамикой Барабы позволил выделить ряд ее локальных особенностей. Так, на данной территории выявлена группа керамики, не встречающаяся восточнее Ишима, — крупные котловидные сосуды, с толстыми вертикальными или чуть наклоненными внутрь стенками, уплощенным дном, небрежно вылепленные из комковатого теста, с грубо обработанной поверхностью, украшенные преимущественно рядком ямок или жемчужин по верхнему краю и в редких случаях пальцевыми вдавлениями и защипами. По нашему мнению, это самая ранняя в хронологическом плане керамика формирующихся сибирских татар (XIII–XIV вв.). Остальная

часть керамических коллекций представлена горшками и чашами, при этом доля последних значительно выше. Следующей особенностью керамических комплексов лесостепного и подтаежного Зауралья является скудная орнаментация посуды (ямки, жемчужины, пальцевые вдавления, наколы) или ее полное отсутствие. Малое количество глиняной посуды в исследуемом регионе свидетельствует об угасании традиции керамического производства в XIV–XVI вв.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамов А.А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 дек. 1998 г., Тобольск). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 4–5.

Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Пахомовский могильник // ВАУ. Вып. 8. Свердловск, 1969. С. 128–137.

Голдина Р.Д. Городище Кучум-гора // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969. С. 138–158.

Зах В.А. Цингалинское святилище // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СургПИ, 2001. С. 139–146.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь — городище Искер: (Историко-археологическое исследование). М.: Наука: Вост. лит., 2017. 559 с.

Левашева В.П. Вознесенское городище // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск: Изд-во Гос. Зап-Сиб. музея, 1928. № 1. С. 87–97.

Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. 1950. № XIII. С. 341–350.

Маслюженко Д.Н., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р. (отв. ред). Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Раскопки городища Старый Погост // АО 2006 г. М.: ИА РАН, 2009. С. 615.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: появление и эволюция термина // Интеграция археологических и этнографических исследований: В 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 1. С. 127–134.

Матвеева Н.П., Алиева Т.А. Исследование памятника Царева городище в исторической части Тюмени в 2011 году // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 640–644.

Матющенко В.И. (отв. ред.) Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск: Наука, 2001. 256 с.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М.: Наука, 1987. С. 163–235.

Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье: (К проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 51–64.

Могильников В.А., Данченко Е.М., Горькавая О.Е. Керамические комплексы эпохи раннего железа с городища Старый Погост // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодник. Вып. 3. Омск, 1999. С. 120–143.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Овчинникова Б.Б. Искер — Кучумово городище // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 168–193.

Пиgnатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915а. Вып. XXV. С. 1–36.

Пиgnатти В.Н. Каталог коллекции находок на Искере, принадлежащий Тобольскому губернскому музею // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915b. Вып. XXVI. С. 1–89.

Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.

Сыркина И.А. Ивановское городище // АО 1971 г. М., 1972. С. 293–294.

Сыркина И.А. Исследования в Тобольском районе // АО 1974 г. М., 1975. С. 235.

Татауров С.Ф. Тюрко-татарские города Западной Сибири в XIV–XVI вв. в археологических и исторических исследованиях // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы Седьмой Междунар. конф., посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 58–61.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой лог // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 78–87.

ИСТОЧНИКИ

Генинг В.Ф., Бушуева Т.Г. Малое Бакальское городище // Архив ИА РАН. Р-1. № 2362. 1961. С. 166–207.

Позднесредневековые комплексы лесостепного и подтаежного Зауралья...

Голдина Р.Д. Отчет о раскопках городища Кучум-Гора // Отчеты археологических исследований Ишимского отряда Уральской археологической экспедиции в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2865. С. 185–242.

Матвеев А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 2006 г. Тюмень, 2007 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук ТюмГУ. № 1/81, 82.

Матвеева Н.П. Итоговый отчет о спасательных археологических раскопках на территории охраняемого культурного слоя г. Тюмени, квартал улиц Ф. Энгельса — Коммуны (Царево городище) в 2011 году. Тюмень, 2012 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук ТюмГУ. № 1/324.

Могильников В.А. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской области и Алтайском крае в 1986. Ч. I // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 12458.

Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1994. 50 с.

Рафикова Т.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории охраняемого культурного слоя в г. Тюмени (Царево городище) и археологической разведке в Тюменском районе Тюменской области. Тюмень, 2008 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук ТюмГУ. № 1/119, 120.

Рафикова Т.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории охраняемого культурного слоя в г. Тюмени (Царево городище) в 2008 г. Тюмень, 2009 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук ТюмГУ. № 1/201, 202.

Рафикова Т.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории охраняемого культурного слоя в г. Тюмени (Царево городище) в 2009 г. Тюмень, 2010 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук ТюмГУ. № 1/284.

Rafikova T.N.^{*}, Anoshko O.M.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: TNRafikova@yandex.ru (Rafikova T.N.); okanoshko@yandex.ru (Anoshko O.M.)

Late Medieval complexes of the forest-steppe and sub-taiga Trans-Urals (based on materials from the settlement of Stary Pogost)

The paper concerns the results of the archaeological investigation of the Late Medieval sites in the forest-steppe and sub-taiga regions of Trans-Urals (Western Siberia). With the example of the fortress of Stary Pogost, and using the materials on all studied Late Medieval sites of the region (the hillforts of Yelyak-Alyp, Maloye Bakal-skoye, Chingi-Tura, Isker, Kuchum-gora, Ivanovskoye, Dolgovskoye 1, the sanctuary of Tsingalinskoye), the main aspects of the material culture of the population of the 14th–16th centuries have been reconstructed. The building structures are represented by above-ground or slightly sunken permanent buildings with pise-walled hearths. In the cultural level, ashy spots, cumulations of fish-scale, and bones of fish and animals were recorded. The seasonal occupancy of most of the settlements, thin cultural layer, small quantity or complete absence of ceramics complicate distinguishing of the Late-Medieval complexes from the full array of Medieval monuments of the forest-steppe and sub-taiga Trans-Urals. A statistical analysis of the ceramics collections from all Late Medieval sites of the Trans-Urals was carried out. Four main types of the ware were identified. By correlation with contemporaneous collections of the Middle Irtysh, local specifics of the ceramics of the studied region were determined. The small amount of the stoneware was noted. The decline of the ceramics manufacture reflected in the composition of the clay dough, surface finish, and shape of the vessels, and it was manifested by poor ornamentation or complete absence of décor. One type of the ware – large cauldron-shaped vessels with thick vertical or slightly inside-bent walls, flattened bottom, and poor ornamentation – was recorded only in the territory of the forest-steppe and sub-taiga Trans-Urals, as well as in the Ishym River area. This indicates its earlier chronological position (13th–14th cc. A.D.) and association with the population of the emerging Siberian Tatars. A widespread became the ware made from organic materials – wood and bark, as well as imported ware, including metallic items.

Keywords: Western Siberia, late Middle Ages, Siberian Tatars.

Funding. The article has been written within the State Project No. 121041600045-8 “Western Siberia in the context of Eurasian relations: man, nature, society”.

^{*} Corresponding author.

REFERENCES

- Adamov, A.A. (1998). Late medieval Turkic monuments in the Irtysh region. In: *Sibirskie tatory*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 4–5. (Rus.).
- Chernetsov, V.N., Moshinskaia, V.I. (1951). The ancient town Bolshoy Log. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, (37), 78–87. (Rus.)
- Gening, V.F., Ovchinnikova, B.B. (1968). Pakhomovskii burial ground. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 128–137. (Rus.).
- Goldina, R.D. (1969). The fortified settlement of Kuchum-Gora. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 138–158. (Rus.).
- Levasheva V.P. (1928). Voznesenskoe settlement. *Izvestiia Gosudarstvennogo Zapadno-Sibirskogo muzeia*, (1), 87–97. (Rus.).
- Levasheva, V.P. (1950). About the settlement of the Siberian yurt. *Sovetskaia arkheologiya*, (13), 341–350. (Rus.).
- Maslyuzhenko, D.N., Sitdikov A.G., Khairutdinov R.R. (Eds.) (2018). *Tyumen and Siberian Khanates*. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (Rus.).
- Matveev, A.V., Anoshko, O.M. (2009). Excavations of the Staryi Pogost settlement. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 2006 g.* Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Matveev A.V., Tataurov S.F. (2013). "Tatar ceramics" of Western Siberia: The emergence and evolution of the term. In: *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*, 1. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 127–134. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Alieva, T.A. (2014). Study of the Tsarev settlement in the historical part of Tyumen in 2011. In: *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, 3. Kazan': Otechestvo, 640–644. (Rus.).
- Matyushchenko, V.I. (Ed.) (2001). *Nizhnertarsky archaeological micro region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I., Sobolev, V.I., Solov'ev, A.I. (1990). *Baraba in the Late Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.)
- Mogilnikov, V.A. (1987). The Ugric and the Samoyeds Peoples in the Urals and Western Siberia. In: *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ya (Arkheologiya SSSR)*. Moscow: Nauka, 163–235. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (1997). Late medieval materials from a complex of monuments near the village of Okunevo in the Tara Irtysh region: (On the problem of the origin of the Tara Tatars). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 51–64. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A., Danchenko, E.M., Gor'kavaia, O.E. (1999). Ceramic complexes of the Early Iron Age from the settlement Staryi Pogost. *Gumanitarnoe znanie. Seriya Preemstvennost*, (3), 120–143. (Rus.).
- Ovchinnikova, B.B. (2014). Isker — Kuchum fortified settlement (archaeological research of 1968). *Povolzhskaya Arkheologiya*, 7(1), 168–193. (Rus.).
- Pignatti, V.N. (1915). Isker — Kuchum fortified settlement. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia*, (25), 1–36. (Rus.).
- Pignatti, V.N. (1915). Catalog of the collection of finds on Isker belonging to the Tobolsk Provincial Museum. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia*, (26), 1–89. (Rus.).
- Sobolev, V.I. (2008). *History of the Siberian Khanates (on archaeological materials)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Syrkina, I.A. (1972). Ivanovskoe settlement. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 g.* Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk, 293–294. (Rus.).
- Syrkina, I.A. (1975). Research in the Tobolsk region. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.* Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Tataurov, S.F. (2016). Turkic-Tatar cities of Western Siberia in the XIV–XVI centuries in archaeological and historical research. In: *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy': Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova*. Kazan': Ialta; Kishinev, 58–61. (Rus.).
- Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tataurova, L.V., Tikhonov S.S. (2019). *Archaeological chronicle of the land of Tara*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. (Rus.).
- Zakh, V.A. (2001). Tsingaly sanctuary. In: *Materialy po arkheologii Ob'-Irtysh'ia*. Surgut: Surgutskiy gosudarstvennyy pedagogical Institute, 139–146. (Rus.).
- Zykov, A.P., Koksharov, S.F. (2001). *Ancient Emder*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Zykov, A.P., Kosintsev, P.A., Trepavlov, V.V. (2017). The city of Sibir — Isker settlement (Historical-archaeological research). Moscow: Nauka: Vostochnaia literature. (Rus.).

Аношко О.М., <https://orcid.org/0000-0002-6612-8707>

Рафикова Т.Н., <https://orcid.org/0000-0002-6939-1180>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-9>

Багашев А.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: bagashev@mail.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА НАРЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ

В результате исследований средневековых и близких к современности могильников на территории Нарымского Приобья Томской области собран значительный краниологический материал, который напрямую сопоставляется с конкретными диалектно-локальными группами нарымских селькупов. Историколингвистический анализ всех известных на сегодняшний день краниологических данных позволил сгруппировать их в 10 серий, 5 из которых публикуются впервые. Межгрупповое сопоставление показало слабую изменчивость антропологического типа нарымских селькупов в пространстве и во времени, на основании чего делается вывод, что все выборки являются частями единой совокупности.

Ключевые слова: краниология, популяция, физический тип, межгрупповая изменчивость, южные самодийцы, селькупы, Западная Сибирь, Нарымское Приобье.

Нарымские селькупы — коренное население Среднего Приобья, говорящее на различных диалектах селькупского языка, относящегося к южносамодийской ветви уральской языковой семьи. В результате исследований средневековых и близких к современности могильников на территории Нарымского Приобья в Томской области собран значительный краниологический материал, который является важным историческим источником при решении общих проблем их происхождения. По археологическим и этнографическим данным, средневековые погребения оставлены непосредственными предками современных нарымских селькупов, а материалы из поздних могильников напрямую сопоставляются с конкретными их диалектно-локальными группами.

Уже в первых работах, посвященных антропологии коренного населения Нарымского Приобья [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947], отмечен сложный состав селькупов и выявлены некоторые особенности их морфологического облика. Анализ краниологических материалов из могильников по рр. Чулыму, Оби и Кети, раскопанных А.П. Дульзоном и Е.М. Пеняевым, позволил Н.С. Розову зафиксировать ряд расовых компонентов в антропологическом составе нарымских селькупов и высказать некоторые предположения об их происхождении и этногенетических связях [Розов, 1956, 1958, 1961]. Повторное исследование краниологических материалов из могильников Причулымья и Прикетья, с некоторой их перегруппировкой и добавлением данных из поздних кладбищ [Дремов, 1984, 1998], показало, что в целом черепа нарымских селькупов имеют брахикранную форму, лицевой скелет уплощен в горизонтальной плоскости, а средневыступающее переносье сочетается с очень малым углом выступания носа. Отмечено, что по ряду важных признаков черепа селькупов отличаются от черепов северных самодийцев и угров и сближаются по морфологии с черепами чулымских и томских тюрков. Позднее, дополнительно к уже известным данным, проанализированы краниологические материалы из 5 могильников (табл. 1): Тискино (левый берег Оби, близ г. Колпашево Томской обл.), Мигалки (Колпашевский р-н Томской обл., севернее Тискино), Лукьяновского и Максимоярского (среднее течение р. Кети, Верхнекетский р-н Томской обл.), Бедеревского Бора (среднее течение р. Тым, Кargasокской р-н Томской обл.), Барклай (нижнее течение р. Чаи, Чаинский р-н Томской обл.) [Багашев, 2017].

Анализ данных материалов позволил установить, что локальные выборки сходны по морфологии и представляют в нескольких модификациях один и тот же антропологический тип, а в хронологическом аспекте демонстрируют слабую изменчивость на протяжении II тыс. н.э., при этом обнаруживают историческую преемственность с населением кулайской культуры этого региона эпохи раннего железа [Багашев, 2000, 2001, 2017].

Однако имевшийся в распоряжении исследователей объем материала, анализировавший при группировке в серии из различных могильников, с одной стороны, не позволил уловить в

полной мере особенности территориальной изменчивости популяций. С другой стороны, полное отсутствие информации о структуре выборок, морфологии составных компонентов и их роли в формировании антропологической специфики групп, исторических корней этих компонентов оставляло открытыми многие вопросы этногенеза нарымских селькупов.

Таблица 1

Средние размеры и показатели черепов из погребений могильников Нарымского Приобья

Table 1

Mean sizes and indicators of the skulls from burials of Narym Ob River region

№ по Мартину или условное обозначение	Тискино						Мигалка					
	♂			♀			♂			♀		
	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>									
1. Продольный диаметр	180,4	52	5,9	171,0	56	5,8	179,1	14	6,2	173,0	12	6,3
8. Поперечный диаметр	142,8	55	5,2	137,3	57	5,3	145,4	14	5,3	135,8	15	5,9
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	134,4	53	4,6	128,5	49	4,9	135,4	16	4,4	128,2	14	5,2
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	115,9	53	4,0	110,9	46	3,6	117,9	15	4,5	110,5	14	3,8
8:1. Черепной указатель	79,5	52	4,0	80,7	55	4,9	81,8	12	3,8	78,4	12	5,3
5. Длина основания черепа	102,6	47	4,2	97,6	47	4,6	101,1	12	5,0	98,6	12	6,0
11. Ширина основания черепа	130,7	51	4,0	124,7	47	4,3	133,2	14	4,6	124,5	15	4,1
9. Наименьшая ширина лба	97,6	60	4,8	93,9	78	3,9	98,4	12	2,7	93,1	12	4,8
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,0	52	3,8	140,8	72	5,5	138,0	10	3,0	139,8	12	4,8
10. Наибольшая ширина лба	120,3	52	4,8	115,7	69	3,8	121,9	13	3,6	113,3	12	3,8
32. Угол профиля лба от <i>л</i> .	82,6	40	3,7	84,6	36	3,4	80,9	9	3,1	80,4	10	4,1
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i> .	74,3	40	3,9	77,8	36	3,6	71,8	9	3,1	73,7	10	4,3
Надпереносье (1-6)	3,61	72	—	2,19	84	—	3,3	15	—	2,2	13	—
12. Ширина затылка	112,0	53	4,4	106,8	52	4,0	111,9	18	6,9	107,3	16	4,6
40. Длина основания лица	101,7	41	5,0	96,7	38	4,4	99,0	10	6,6	96,2	10	5,4
40:5. Указатель выступания лица	99,2	40	3,7	98,2	37	3,6	98,6	10	2,9	97,0	10	2,8
43. Верхняя ширина лица	108,6	54	4,2	103,8	68	3,2	106,4	12	3,6	102,3	11	3,0
46. Средняя ширина лица	100,6	49	5,1	95,8	45	3,5	99,2	11	4,4	96,1	8	3,1
45. Скуловой диаметр	139,1	51	4,8	130,7	47	4,4	139,6	14	4,3	128,3	15	4,2
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,5	51	3,7	95,7	45	2,7	96,1	14	3,1	94,5	15	3,2
9:45. Лобно-скуловой указатель	70,4	46	3,5	71,9	47	2,9	70,4	12	1,7	72,9	12	3,5
48. Верхняя высота лица	70,3	52	4,6	65,0	52	3,9	68,3	12	5,5	64,6	11	3,9
47. Полная высота лица	116,6	33	6,7	106,8	35	7,4	114,4	11	9,2	106,1	11	6,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,3	42	3,4	50,1	41	3,1	51,0	10	4,2	49,9	10	2,3
48:45. Верхний лицевой указатель	50,5	43	3,5	49,8	40	2,5	49,1	11	3,2	50,9	10	3,3
72. Общий лицевой угол	85,9	39	3,0	86,1	36	3,3	83,5	10	2,5	84,7	10	2,1
74. Угол альвеолярной части	78,9	39	5,3	78,5	35	4,7	75,7	10	2,8	73,8	10	4,3
77. Назомаллярный угол	144,5	54	4,4	145,4	67	5,1	144,5	11	5,2	143,1	10	5,4
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	133,7	46	5,1	134,9	42	4,4	133,1	9	3,0	136,8	7	5,0
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	44,8	56	2,0	42,7	57	1,6	43,6	11	2,2	42,2	11	1,1
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> .	41,5	51	2,0	39,5	49	1,7	40,3	11	2,5	39,4	11	1,3
52. Высота орбиты	33,4	55	2,1	32,6	57	1,6	33,6	13	1,9	33,2	11	2,1
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i> .	74,6	54	4,3	76,4	56	3,9	77,0	11	4,5	78,7	11	5,0
52:51a. Орбитный указатель от <i>d</i> .	80,6	50	4,9	82,8	49	4,6	83,5	11	5,2	84,4	11	6,0
55. Высота носа	52,0	52	2,8	49,0	54	2,7	50,7	12	3,0	48,4	11	2,8
54. Ширина носа	26,1	57	1,5	25,5	59	1,6	16,1	15	1,4	25,8	13	1,9
54:55. Носовой указатель	50,6	51	4,3	52,2	54	3,8	52,1	12	3,9	54,0	11	2,7
75(1). Угол выступания носа	18,2	46	4,1	15,9	43	4,3	15,1	11	3,8	14,6	9	3,2
SC. Симотическая ширина	8,10	57	2,2	7,77	66	1,7	8,88	12	2,1	8,48	10	1,6
SS. Симотическая высота	3,12	57	1,0	2,70	66	0,7	3,38	12	1,2	2,36	10	0,5
SS:SC. Симотический указатель	39,8	57	11,1	35,5	66	8,9	38,0	12	10,3	28,2	10	5,1
∠S. Симотический угол	104,6	57	15,3	110,3	66	12,8	106,9	12	13,4	121,5	10	9,1
50. Межглазничная ширина	19,54	55	1,7	18,62	63	1,8	18,41	11	1,4	19,30	12	3,0
DC. Дакриальная ширина	21,67	46	2,0	20,45	54	2,3	22,03	10	1,5	20,36	8	3,4
DS. Дакриальная высота	10,78	46	1,4	9,33	54	1,4	10,39	10	1,6	9,09	8	1,4
DS:DC. Дакриальный указатель	50,2	46	7,7	46,5	54	7,7	47,0	10	5,2	45,1	8	6,5
∠D. Дакриальный угол	90,6	46	8,5	95,5	54	8,6	93,8	10	6,3	96,4	8	8,2
68(1). Длина ниж. чел. от мыщелков	105,3	52	6,0	99,9	49	5,5	103,6	17	4,8	97,3	15	4,2
68. Длина нижней челюсти от углов	79,6	56	5,5	76,0	48	3,8	78,8	17	4,5	74,0	16	4,2
65. Мыщелковая ширина	127,4	43	6,6	120,6	39	6,1	125,9	13	4,4	119,6	14	7,6
66. Угловая ширина	110,2	53	6,6	101,6	48	5,7	110,1	16	7,3	99,8	18	6,2
70. Высота ветви	58,2	52	5,3	51,7	48	4,2	57,4	17	5,2	50,7	15	3,4
71a. Наименьшая ширина ветви	36,7	59	3,1	34,6	51	3,9	36,2	17	2,0	33,6	16	2,7
67. Передняя ширина ниж. челюсти	48,2	64	3,0	45,5	65	3,9	47,6	20	3,2	45,0	18	3,0
79. Угол ветви нижней челюсти	120,0	53	6,4	122,5	48	5,7	121,9	17	4,6	123,1	15	7,3
C'∠. Угол выступания подбородка	73,1	58	5,4	69,9	49	4,7	70,3	16	6,3	68,1	15	5,0

Краниологические источники к проблеме этногенеза нарымских селькупов

Продолжение табл. 1

№ по Мартину или условное обозначение	Максимоярский и Лукьяновский (Прикетье)						Бедеревский Бор 1, 2, 3 (Притырье)					
	♂			♀			♂			♀		
	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	176,1	18	5,3	167,4	9	7,4	176,9	24	4,8	169,9	17	6,2
8. Поперечный диаметр	145,2	18	7,3	138,0	9	6,2	145,2	24	4,8	137,4	17	3,6
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	133,2	16	4,6	124,9	9	5,4	128,1	22	4,7	125,0	18	4,7
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	114,6	17	3,8	108,4	9	4,8	112,4	20	2,9	109,4	16	3,7
8:1. Черепной указатель	82,5	18	5,1	82,5	9	3,0	80,6	23	3,5	80,2	14	4,5
5. Длина основания черепа	101,9	16	4,6	97,9	9	4,2	101,7	16	3,9	96,1	17	3,8
11. Ширина основания черепа	133,8	17	5,2	124,3	9	4,3	130,2	20	4,3	123,8	16	5,5
9. Наименьшая ширина лба	96,8	19	3,5	93,0	9	3,7	96,4	21	4,0	93,9	16	3,6
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	142,0	17	3,5	140,4	9	4,8	142,0	16	4,3	138,8	12	4,8
10. Наибольшая ширина лба	119,8	18	4,9	115,3	9	3,4	118,2	20	4,1	115,4	16	3,3
32. Угол профиля лба от <i>l</i> .	77,4	14	3,2	80,8	9	5,4	77,9	13	2,9	79,0	12	3,5
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i> .	67,9	14	4,1	73,8	9	6,0	69,9	13	2,6	72,2	12	4,1
Надпереносье (1-6)	3,9	19	—	2,8	9	—	3,3	29	—	—	—	—
112.2. Ширина затылка	112,2	19	4,5	108,7	9	5,9	111,2	27	5,8	109,2	16	8,3
40. Длина основания лица	100,4	14	6,0	97,9	9	3,9	100,3	15	4,1	94,1	15	3,9
40:5. Указатель выступания лица	98,3	14	2,2	100,1	9	5,4	98,6	15	2,0	98,7	15	2,9
43. Верхняя ширина лица	107,4	17	3,6	102,8	9	4,5	105,7	21	3,6	102,2	15	2,7
46. Средняя ширина лица	103,1	15	5,3	94,9	9	4,5	99,4	12	5,3	93,9	14	3,9
45. Скуловой диаметр	141,3	18	5,5	131,2	9	4,9	138,1	16	5,4	128,9	15	5,1
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,5	18	4,6	95,2	9	3,3	95,9	14	3,3	93,6	13	2,8
9:45. Лобно-скуловой указатель	68,6	18	3,2	70,9	9	2,8	69,3	12	2,6	73,1	14	2,5
48. Верхняя высота лица	69,5	15	4,5	63,4	9	2,8	67,6	19	3,4	65,9	18	3,6
47. Полная высота лица	117,9	14	7,5	106,0	8	4,4	114,3	18	4,9	106,6	16	7,0
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,4	14	3,6	50,9	9	3,2	52,8	15	2,9	52,9	15	2,4
48:45.Верхний лицевой указатель	48,9	15	3,4	48,4	9	2,8	50,2	12	3,0	51,2	14	2,1
72. Общий лицевой угол	83,2	14	4,1	82,1	7	3,9	85,2	12	1,7	84,6	12	2,7
74. Угол альвеолярной части	76,6	14	6,1	74,3	7	6,8	76,5	12	4,7	77,3	12	5,2
77. Назомалярный угол	144,6	17	5,1	145,1	9	5,4	145,4	16	4,5	143,7	13	5,0
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,6	13	6,2	132,2	6	6,3	138,3	11	2,9	138,0	12	3,2
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	44,2	17	2,2	42,7	9	2,5	43,3	18	1,9	42,2	20	1,9
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> .	41,2	16	2,3	39,3	9	1,9	39,9	16	1,5	39,4	18	1,4
52. Высота орбиты	34,3	16	1,4	33,8	9	1,4	33,2	17	2,0	33,1	19	1,2
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i> .	77,7	16	5,2	79,5	9	6,5	76,5	17	5,5	78,3	19	3,8
52:51a. Орбитный указатель от <i>d</i> .	83,4	16	5,8	86,1	9	6,0	82,8	15	5,7	84,0	18	3,3
55. Высота носа	51,0	15	2,0	48,3	9	2,4	50,5	20	2,1	48,3	18	2,6
54. Ширина носа	24,6	16	1,7	24,0	9	2,6	25,6	18	1,9	24,4	18	1,6
54:55. Носовой указатель	48,4	15	3,6	49,6	9	4,1	51,0	18	4,0	50,7	18	3,7
75(1). Угол выступания носа	17,7	15	4,2	15,1	7	4,6	14,9	12	4,4	17,7	13	3,0
SC. Симотическая ширина	7,83	15	1,6	7,63	7	2,2	7,53	15	1,6	7,89	15	1,1
SS. Симотическая высота	3,17	15	0,8	2,99	7	0,7	3,02	15	0,7	2,89	15	0,9
SS:SC. Симотический указатель	41,8	15	11,9	40,7	7	10,6	42,2	15	16,7	36,5	15	8,4
∠S. Симотический угол	101,8	15	14,3	102,9	7	14,2	102,5	15	16,8	108,7	15	12,5
50. Межглазничная ширина	18,64	17	1,7	16,83	9	1,6	18,2	21	1,2	17,43	18	1,2
DC. Дакриальная ширина	21,75	15	1,1	20,23	7	1,4	21,5	14	1,8	19,89	15	1,6
DS. Дакриальная высота	10,81	15	1,2	8,99	7	1,8	9,73	14	1,9	8,84	15	1,3
DS:DC. Дакриальный указатель	49,8	15	7,0	44,2	7	6,7	45,8	14	10,7	44,6	15	6,7
∠D. Дакриальный угол	90,6	15	8,2	97,6	7	8,6	96,3	14	13,0	97,0	15	8,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	103,5	15	3,2	95,2	6	4,1	102,6	19	4,4	98,4	12	3,5
68. Длина нижней челюсти от углов	79,0	15	3,3	71,0	7	3,7	79,3	20	4,2	73,8	14	3,7
65. Мыщелковая ширина	132,2	12	8,0	117,7	6	7,4	120,7	17	6,9	117,9	13	9,8
66. Угловая ширина	114,8	12	8,8	101,9	7	9,9	108,1	21	9,3	103,6	14	8,3
70. Высота ветви	60,3	15	4,6	56,3	6	6,6	59,9	17	4,9	52,5	13	4,0
71a. Наименьшая ширина ветви	36,8	15	3,1	32,0	8	3,0	36,3	22	3,0	34,6	13	2,3
67. Передняя ширина нижней челюсти	49,6	16	2,3	43,4	7	2,5	46,8	25	2,7	45,4	15	3,3
79. Угол ветви нижней челюсти	117,9	15	4,4	118,7	6	4,5	118,4	17	6,9	120,5	12	3,0
C'∠. Угол выступания подбородка	68,5	13	3,8	67,1	7	6,0	68,6	13	5,9	69,4	10	5,4

№ по Мартину или условное обозначение	Барклай						Остяцкая Гора					
	♂			♀			♂			♀		
	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	178,8	17	7,3	168,2	24	7,6	176,6	16	7,1	170,6	14	7,0
8. Поперечный диаметр	140,3	18	6,5	137,7	21	5,9	142,0	17	6,8	134,1	14	5,9
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	133,8	16	5,3	126,9	20	6,2	134,5	15	4,2	129,6	13	4,8
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	116,1	15	2,6	111,5	20	4,9	114,2	14	4,1	109,6	13	2,9
8:1. Черепной указатель	79,1	16	6,1	81,0	20	4,4	80,6	16	5,8	78,8	14	5,3
5. Длина основания черепа	100,9	15	5,8	97,0	20	8,3	101,7	14	3,1	96,5	13	7,9
11. Ширина основания черепа	129,9	15	3,8	123,5	20	5,8	132,0	15	5,8	125,3	12	7,0
9. Наименьшая ширина лба	93,8	22	4,2	91,6	26	4,4	95,8	20	4,3	92,8	16	4,8
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,6	20	5,4	137,3	26	4,8	—	—	—	—	—	—
10. Наибольшая ширина лба	120,0	21	4,6	117,4	25	5,7	118,6	19	6,1	113,8	15	4,7
32. Угол профиля лба от <i>n</i> .	77,9	12	3,6	82,6	17	3,7	80,1	14	6,1	83,0	11	4,5
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i> .	70,1	12	4,0	77,4	17	4,2	72,8	14	7,1	77,4	11	5,0
Надпереносье (1-6)	2,8	6	—	1,7	6	—	3,2	20	—	1,9	16	—
12. Ширина затылка	109,8	17	5,7	106,1	23	4,3	110,8	13	5,7	108,7	12	5,8
40. Длина основания лица	100,8	13	5,7	94,9	16	4,6	99,6	12	7,3	96,3	11	5,4
40:5. Указатель выпуклости лица	99,4	13	4,2	98,7	16	5,1	97,8	12	5,0	98,2	11	2,8
43. Верхняя ширина лица	106,0	20	3,8	102,5	25	5,8	107,2	18	4,3	103,1	14	3,9
46. Средняя ширина лица	97,7	15	5,0	91,7	15	4,4	103,0	17	6,9	94,8	12	4,5
45. Скуловой диаметр	134,9	16	5,4	127,0	19	6,0	140,1	16	4,8	130,8	11	5,2
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,5	13	4,9	92,4	17	5,1	97,7	14	4,0	98,1	11	4,5
9:45. Лобно-скуловой указатель	69,3	15	3,3	72,8	19	3,5	69,1	15	3,1	70,4	11	2,5
48. Верхняя высота лица	69,2	15	3,6	65,0	19	3,0	71,2	18	4,1	66,1	13	2,3
47. Полная высота лица	112,3	13	5,8	107,0	15	6,2	117,4	15	5,6	108,2	9	4,9
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,0	13	3,1	50,7	17	2,4	53,1	14	2,8	51,4	11	2,7
48:45. Верхний лицевой указатель	51,3	13	3,4	50,9	18	3,8	50,7	15	3,3	51,0	11	2,0
72. Общий лицевой угол	83,4	11	2,4	85,0	15	2,9	84,8	13	4,6	82,9	10	2,4
74. Угол альвеолярной части	70,1	11	5,6	70,2	15	6,5	83,3	13	4,4	81,5	10	2,3
77. Назомаллярный угол	145,9	19	4,9	144,6	21	5,0	144,2	19	3,4	145,6	15	6,6
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	134,8	13	5,3	136,9	14	3,3	133,5	15	4,9	132,2	11	5,0
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	43,8	19	2,1	41,7	18	1,8	43,3	18	2,4	42,2	13	1,9
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> .	40,2	16	2,1	38,0	17	1,9	40,2	18	2,5	39,4	13	1,6
52. Высота орбиты	35,1	18	1,7	34,0	18	1,7	34,7	18	1,9	34,0	13	1,7
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i> .	80,0	18	5,0	81,7	18	5,2	80,4	18	6,8	80,6	13	3,5
52:51a. Орбитный указатель от <i>d</i> .	87,1	15	6,1	89,7	17	6,4	86,7	18	7,6	86,4	13	3,9
55. Высота носа	51,4	16	2,9	48,5	18	3,0	53,9	19	3,4	50,4	13	2,1
54. Ширина носа	51,4	16	1,7	25,1	19	1,6	27,0	19	1,3	26,2	13	1,5
54:55. Носовой указатель	50,9	15	3,1	51,8	18	4,1	50,3	19	4,1	51,9	13	2,2
75(1). Угол выпуклости носа	16,8	14	3,1	13,3	16	2,9	22,3	14	3,6	18,5	11	3,5
SC. Симотическая ширина	7,8	19	1,6	7,6	20	2,3	7,5	17	1,9	8,3	14	1,7
SS. Симотическая высота	3,2	19	0,7	2,4	20	0,8	3,5	17	0,7	3,1	14	0,9
SS:SC. Симотический указатель	41,4	19	9,4	33,7	20	14,7	47,3	17	8,9	38,1	14	11,0
∠S. Симотический угол	101,9	19	11,9	114,9	20	21,9	94,1	17	11,1	107,0	14	16,7
50. Межглазничная ширина	18,3	18	2,3	17,3	21	1,9	—	—	—	—	—	—
DC. Дакриальная ширина	20,6	13	1,3	20,6	18	2,3	22,4	17	2,6	20,5	14	3,4
DS. Дакриальная высота	9,8	13	0,9	9,0	18	1,4	11,1	17	1,6	9,8	14	1,6
DS:DC. Дакриальный указатель	47,8	13	6,0	44,0	18	7,0	49,6	17	6,2	48,6	14	7,6
∠D. Дакриальный угол	93,0	13	6,9	97,9	18	8,7	90,9	17	7,6	92,5	14	9,6
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	108,0	24	9,7	102,3	22	4,5	107,5	16	5,5	101,5	13	5,7
68. Длина нижней челюсти от углов	84,2	24	8,4	78,6	22	6,2	81,9	16	5,0	77,2	14	5,3
65. Мыщелковая ширина	124,5	19	7,5	117,9	18	6,2	121,9	16	7,4	119,5	11	6,1
66. Угловая ширина	108,0	22	8,0	102,8	21	6,0	108,7	18	6,2	103,0	12	6,9
70. Высота ветви	57,0	25	6,8	52,1	22	5,1	60,9	19	3,3	57,1	15	3,7
71a. Наименьшая ширина ветви	35,8	25	4,3	33,0	22	1,9	36,1	19	2,5	35,5	15	5,1
67. Передняя ширина нижней челюсти	46,4	25	3,7	44,5	22	2,7	—	—	—	—	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	120,0	24	7,9	121,7	22	4,8	122,6	16	5,6	123,0	14	4,6
C'∠. Угол выпуклости подбородка	67,9	23	6,5	69,3	20	5,5	67,8	16	4,6	67,5	10	3,4

Краниологические источники к проблеме этногенеза нарымских селькупов

Продолжение табл. 1

№ по Мартину или условное обозначение	Сборная серия из могильников Нижнего Чулыма и прилегающего участка Оби						Сборная серия из могильников Нарымского Приобья					
	♂			♀			♂			♀		
	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	180,3	27	5,9	168,5	19	6,2	179,7	27	7,0	172,1	25	5,2
8. Поперечный диаметр	143,5	28	5,4	141,2	18	4,8	142,4	25	6,2	135,8	28	5,9
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	133,6	25	5,0	125,7	17	6,7	132,4	24	5,6	127,8	23	5,4
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	115,9	27	4,0	109,6	15	4,3	115,6	24	4,4	110,1	20	5,1
8:1. Черепной указатель	79,7	27	3,3	84,2	18	4,1	79,6	24	4,4	79,0	24	5,0
5. Длина основания черепа	102,3	25	4,0	96,0	18	5,1	99,8	22	5,8	97,8	21	7,0
11. Ширина основания черепа	133,3	27	6,4	125,9	16	5,5	130,8	23	7,0	125,1	21	6,1
9. Наименьшая ширина лба	97,1	33	5,0	93,9	22	5,2	96,8	24	5,3	93,3	26	5,3
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	136,6	24	6,1	135,8	11	5,7	136,8	9	4,2	134,8	12	5,3
10. Наибольшая ширина лба	120,6	28	5,2	117,0	20	5,1	119,3	25	6,2	113,9	26	5,4
32. Угол профиля лба от <i>n</i> .	80,2	18	4,1	81,9	13	5,7	80,9	14	4,2	84,2	11	4,6
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i> .	72,2	18	5,0	75,6	13	6,5	72,6	14	4,1	78,8	11	5,6
Надпереносье (1-6)	3,2	35	—	2,1	23	—	3,8	30	—	2,0	31	—
12. Ширина затылка	108,7	31	5,1	106,4	16	7,3	111,7	28	5,7	106,1	28	6,8
40. Длина основания лица	104,5	19	5,1	93,2	14	5,0	99,8	22	5,8	96,6	17	5,4
40:5. Указатель выступания лица	99,2	19	2,9	98,2	14	4,7	96,3	13	3,3	97,3	16	4,6
43. Верхняя ширина лица	109,4	25	4,9	103,5	18	4,7	107,2	21	4,3	101,5	24	4,4
46. Средняя ширина лица	100,5	17	5,3	94,4	16	4,2	103,1	14	8,0	95,3	16	4,7
45. Скуловой диаметр	142,0	24	5,1	128,1	14	6,4	137,6	20	7,6	130,9	15	4,6
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	98,5	23	3,7	91,1	14	3,5	96,3	18	3,8	94,6	15	3,6
9:45. Лобно-скуловой указатель	69,2	23	3,1	72,6	14	4,5	69,8	18	3,5	71,2	15	4,1
48. Верхняя высота лица	69,0	22	3,7	63,8	18	4,6	70,5	18	4,1	63,6	19	4,9
47. Полная высота лица	115,6	14	4,7	109,3	9	7,4	118,9	15	5,6	110,5	12	7,7
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	51,8	20	3,7	51,3	16	4,3	52,5	16	3,5	50,0	17	3,9
48:45. Верхний лицевой указатель	48,6	18	2,5	50,0	14	2,9	51,3	15	4,2	49,6	13	3,2
72. Общий лицевой угол	83,4	18	3,1	83,2	13	3,0	87,1	11	2,6	84,8	12	4,5
74. Угол альвеолярной части	81,7	18	3,2	81,9	13	2,8	85,5	11	3,0	77,2	10	3,1
77. Назомалярный угол	145,9	27	5,5	145,6	17	4,0	144,1	19	6,1	144,2	22	4,8
∠zml'. Зигмаксиллярный угол	133,7	16	5,3	133,4	12	4,2	137,0	13	5,4	135,2	14	5,7
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	44,7	23	2,9	41,3	16	1,8	43,2	21	2,5	41,7	21	2,2
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> .	41,5	23	1,9	38,9	16	2,0	40,3	18	2,0	38,8	21	1,8
52. Высота орбиты	33,2	22	1,5	33,7	16	2,1	34,0	19	2,5	33,9	21	2,0
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i> .	74,4	22	5,1	81,7	16	4,8	78,0	19	5,7	81,2	21	4,1
52:51a. Орбитный указатель от <i>d</i> .	80,0	22	4,2	86,6	16	4,8	84,5	17	6,0	87,4	21	4,5
55. Высота носа	51,6	22	2,8	48,4	18	3,4	52,3	19	3,0	48,2	21	3,0
54. Ширина носа	26,3	23	2,0	24,8	20	1,9	25,2	17	2,7	25,4	19	2,6
54:55. Носовой указатель	51,1	21	3,2	51,6	18	3,8	48,6	16	4,8	53,2	18	6,3
75(1). Угол выступания носа	21,5	17	3,2	19,0	14	4,9	19,5	11	4,5	18,8	15	2,6
SC. Симотическая ширина	8,0	25	1,7	7,6	20	1,7	7,7	23	2,0	8,6	22	2,2
SS. Симотическая высота	3,3	25	0,8	2,6	20	0,6	3,1	23	1,0	3,0	22	0,7
SS:SC. Симотический указатель	42,0	25	10,6	35,3	20	11,3	42,2	23	10,5	35,9	22	9,8
∠S. Симотический угол	101,3	25	13,6	111,1	20	16,1	100,8	23	13,8	110,0	22	14,2
50. Межглазничная ширина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
DC. Дакриальная ширина	21,4	23	3,4	20,3	18	1,8	22,1	20	2,5	21,0	22	2,5
DS. Дакриальная высота	10,3	23	1,9	9,1	18	1,7	9,8	20	1,8	10,1	22	2,0
DS:DC. Дакриальный указатель	48,3	23	6,1	45,1	18	9,7	45,1	20	9,4	48,6	22	10,0
∠D. Дакриальный угол	92,4	23	7,2	97,0	18	12,2	97,0	20	11,9	93,3	22	12,0
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	111,5	20	6,7	100,5	14	6,2	109,0	25	7,0	103,7	20	4,0
68. Длина нижней челюсти от углов	84,8	25	7,8	78,4	13	6,0	81,3	26	6,9	76,6	23	5,5
65. Мыщелковая ширина	123,1	17	8,9	121,3	11	9,5	126,2	19	8,5	116,0	15	4,4
66. Угловая ширина	106,9	23	7,4	100,3	14	8,6	109,6	27	8,6	100,5	22	6,7
70. Высота ветви	61,0	21	5,7	54,6	13	5,9	57,7	25	5,7	52,6	18	5,3
71a. Наименьшая ширина ветви	36,8	26	3,2	33,9	14	2,0	34,7	25	2,6	32,3	22	3,2
67. Передняя ширина нижней челюсти	48,9	19	2,8	45,3	7	2,4	46,3	18	3,0	44,4	16	3,5
79. Угол ветви нижней челюсти	121,3	23	6,4	121,9	13	7,9	124,3	24	7,7	127,0	21	5,2
C'∠. Угол выступания подбородка	68,7	23	6,6	69,9	12	4,7	67,4	17	8,0	65,8	21	8,7

№ по Мартину или условное обозначение	Сборная серия из могильников Верхнего Прикетья						Сборная серия из могильников на рр. Тым и Васюган					
	♂			♀			♂			♀		
	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	178,4	13	6,5	168,8	8	7,4	178,2	16	7,1	167,9	13	4,3
8. Поперечный диаметр	147,0	12	6,5	141,3	8	3,7	143,8	16	4,9	139,3	13	5,2
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	130,9	10	4,1	127,5	8	2,9	131,7	16	5,8	125,2	13	4,7
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	115,1	9	3,7	110,0	8	3,0	113,4	16	3,8	109,2	13	3,5
8:1. Черепной указатель	82,7	12	4,5	83,8	8	4,7	80,8	16	3,0	83,0	13	3,5
5. Длина основания черепа	99,3	10	4,7	95,6	8	3,2	98,9	16	3,8	93,3	13	2,7
11. Ширина основания черепа	130,0	9	6,5	126,9	8	5,5	130,9	16	5,1	123,1	13	6,5
9. Наименьшая ширина лба	98,0	11	3,5	92,4	9	3,0	95,1	16	3,3	91,6	13	2,8
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	141,1	4	1,7	139,4	5	3,5	140,8	10	4,4	135,0	5	8,0
10. Наибольшая ширина лба	120,4	12	4,5	116,2	9	4,5	118,1	16	4,4	113,6	13	5,1
32. Угол профиля лба от <i>л</i> .	83,3	8	3,3	83,8	8	2,5	83,3	16	3,6	86,1	10	3,7
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i> .	73,6	8	4,4	77,5	8	3,3	75,1	16	4,8	79,9	10	3,7
Надпереносье (1-6)	3,1	13	—	2,0	8	—	3,1	16	—	2,1	13	—
12. Ширина затылка	109,7	11	6,4	106,1	8	6,1	111,3	16	4,3	110,0	13	6,5
40. Длина основания лица	96,2	6	4,9	93,3	8	5,1	96,6	16	4,3	92,4	9	6,0
40:5. Указатель выступания лица	98,3	6	2,8	97,5	8	2,9	97,7	16	3,9	98,3	9	3,9
43. Верхняя ширина лица	108,3	12	5,7	101,6	9	3,7	107,0	16	3,2	99,5	12	4,2
46. Средняя ширина лица	97,9	8	4,9	95,7	9	4,5	99,7	16	3,5	92,6	10	7,0
45. Скуловой диаметр	137,2	9	6,4	131,6	8	5,9	135,8	16	5,0	124,7	12	7,1
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,9	8	2,9	93,2	8	3,8	94,4	16	3,2	89,6	12	4,0
9:45. Лобно-скуловой указатель	71,5	9	3,4	70,1	8	4,0	70,2	16	3,6	73,6	12	4,2
48. Верхняя высота лица	67,2	10	6,0	63,9	9	3,1	66,9	16	2,9	63,2	12	5,0
47. Полная высота лица	114,3	4	9,8	104,7	7	5,1	112,3	12	5,1	105,2	9	5,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	50,4	7	3,6	50,4	8	2,3	52,5	16	7,4	50,5	12	3,9
48:45. Верхний лицевой указатель	49,0	8	2,8	48,9	8	2,4	49,4	16	2,0	50,7	12	3,9
72. Общий лицевой угол	86,0	5	1,6	86,5	8	2,3	85,6	16	2,4	85,8	9	2,0
74. Угол альвеолярной части	84,1	5	1,6	85,0	8	1,9	84,1	16	2,5	84,0	9	2,3
77. Назомаллярный угол	146,5	8	3,9	146,1	9	3,5	144,2	16	3,6	144,8	13	4,9
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	139,8	8	5,4	136,9	8	4,1	134,0	15	4,5	132,6	9	6,2
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	42,0	8	1,8	41,4	9	2,2	42,7	16	2,4	40,4	10	2,2
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> .	39,0	8	1,9	38,3	9	1,8	39,4	16	1,7	37,7	10	1,9
52. Высота орбиты	33,7	9	1,8	33,9	9	2,3	32,6	16	2,3	32,5	10	2,2
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i> .	80,0	8	6,4	81,8	9	5,3	76,6	16	6,2	80,7	10	7,3
52:51a. Орбитный указатель от <i>d</i> .	86,1	8	5,9	88,5	9	5,6	82,8	16	6,6	86,4	10	7,0
55. Высота носа	50,4	12	3,9	48,4	8	2,4	49,5	16	3,2	46,7	12	3,0
54. Ширина носа	26,5	11	1,4	25,1	8	2,2	25,9	16	2,0	23,8	12	2,3
54:55. Носовой указатель	52,6	11	4,9	51,9	8	3,0	52,4	16	3,9	51,0	12	4,7
75(1). Угол выступания носа	15,8	6	4,3	17,1	8	5,5	20,6	16	6,8	19,1	9	5,6
SC. Симотическая ширина	8,8	11	1,6	7,6	8	1,8	8,1	16	1,9	7,7	12	1,0
SS. Симотическая высота	3,2	11	0,7	2,9	8	1,1	2,9	16	0,9	3,0	12	1,0
SS:SC. Симотический указатель	37,7	11	10,5	36,9	8	9,4	36,9	16	10,4	38,9	12	8,8
∠S. Симотический угол	107,3	11	14,8	108,2	8	15,4	108,6	16	15,3	105,2	12	11,9
50. Межглазничная ширина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
DC. Дакриальная ширина	22,6	10	2,4	21,3	9	2,3	22,7	16	2,6	20,1	10	2,1
DS. Дакриальная высота	11,3	10	1,1	9,1	9	2,0	10,9	16	2,6	10,4	10	2,1
DS:DC. Дакриальный указатель	50,2	10	6,4	43,0	9	9,6	48,5	16	13,2	51,7	10	12,9
∠D. Дакриальный угол	90,2	10	7,4	99,7	9	13,7	93,5	16	14,2	89,2	10	12,7
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	102,1	9	6,8	93,4	7	6,5	103,8	13	5,5	98,4	11	5,0
68. Длина нижней челюсти от углов	80,0	8	5,2	72,3	7	4,4	81,5	13	4,4	75,5	11	3,8
65. Мышелковая ширина	119,5	6	10,1	117,0	7	7,2	121,2	13	6,0	111,8	13	8,7
66. Угловая ширина	103,1	8	8,5	101,5	8	6,3	101,7	13	6,8	93,7	12	5,4
70. Высота ветви	57,3	9	6,9	52,1	8	3,0	57,2	13	7,9	51,0	13	3,9
71a. Наименьшая ширина ветви	36,9	10	4,1	31,5	8	2,9	37,1	13	2,1	32,4	13	2,9
67. Передняя ширина нижней челюсти	44,8	6	2,6	45,4	5	0,9	48,4	8	2,4	45,6	5	2,5
79. Угол ветви нижней челюсти	120,0	8	4,4	121,4	7	2,5	116,4	13	7,3	121,3	11	5,5
C'∠. Угол выступания подбородка	72,9	9	4,3	69,0	7	5,7	69,5	13	7,4	65,6	11	6,8

Цель настоящей работы — ввести в научный оборот практически все известные на сегодняшний день краниологические материалы из могильников, оставленных нарымскими селькупками, и на основе результатов межгруппового сопоставления выявить закономерности территориальной изменчивости генеральной совокупности.

Единичные краниологические материалы из многочисленных могильников Нарымского Приобья, исследованных в конце XIX и в течение XX в., как правило, суммировались антропо-

Краниологические источники к проблеме этногенеза нарымских селькупов

логами в сборные выборки. На этапе накопления материалов подобный подход был оправдан. Однако существенное приращение новых находок с огромной территории Среднего Приобья, популяционный подход к анализу данных и совершенствование краниометрической методики актуализировали необходимость не только перегруппировки находок по территориальному принципу, повторного их измерения, но и анализа на современном уровне. Исходя из данной проблемы все краниологические материалы, не вошедшие в упомянутые выше 5 выборок, были заново измерены и перегруппированы, что в итоге позволило сформировать 1 палеопопуляционную выборку (могильник Остяцкая Гора) и 4 сборные краниологические серии — из могильников Нижнего Чулыма, Нарымского Приобья, Верхней Кети, рек Тым и Васюган (табл. 1). Общее количество репрезентативных выборок в итоге составило 10 (рис. 1).

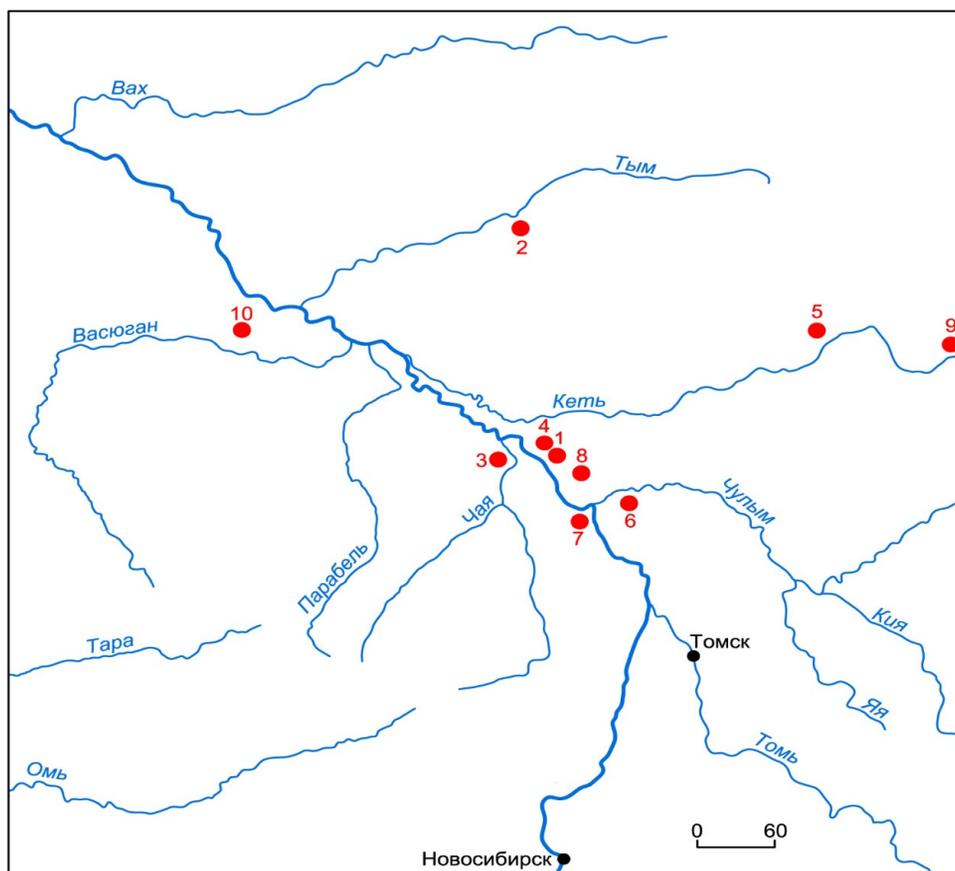

Рис. 1. Географическая локализация краниологических выборок:

1 — Тискино; 2 — Бедеревский Бор; 3 — Барклай; 4 — Мигалка; 5 — Максимоярский и Лукьяновский Бор, 6 — Остяцкая Гора; 7 — Нижний Чулым; 8 — Нарымская Обь; 9 — Верхнее Прикетье; 10 — Тым, Васюган.

Fig. 1. Geographical location of craniological samples.

Для выяснения общих закономерностей территориальной межгрупповой изменчивости мужские и женские группы проанализированы с помощью канонического анализа (программа написана Ю.К. Чистовым) по 17 признакам, наименование которых и величины нагрузок приведены в табл. 2. В мужской совокупности групп нагрузки по первым двум векторам описывают 44,5 % общей изменчивости, в женской — 49,6 %, что свидетельствует о их высокой информативности и дифференцирующей возможности. Так, изменчивость по признакам 1 канонического вектора по мужским и женским черепам полностью совпадает и заключается в следующем. Максимальные нагрузки приходятся на более узкие и высокие черепа с относительно большей шириной и высотой лица, в мужской совокупности — также на более профилированный по горизонтالي в подносовой части лицевой скелет. По признакам 2 канонического вектора совокупность нарымских групп дифференцируется по степени выраженности особенностей, усиливающих европеоидные особенности.

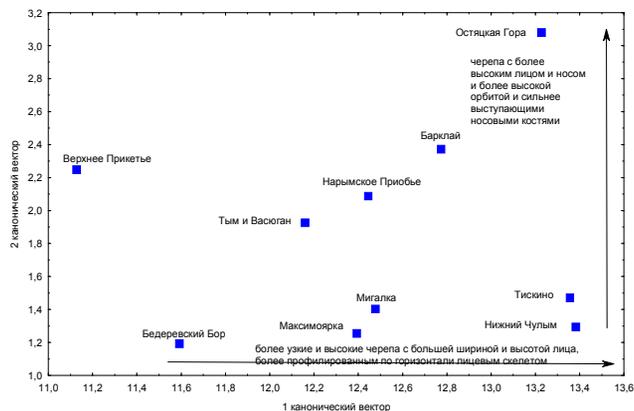
Величины нагрузок по признакам 1 и 2 канонических векторов при межгрупповом анализе выборок из Нарымского Приобья

Table 2

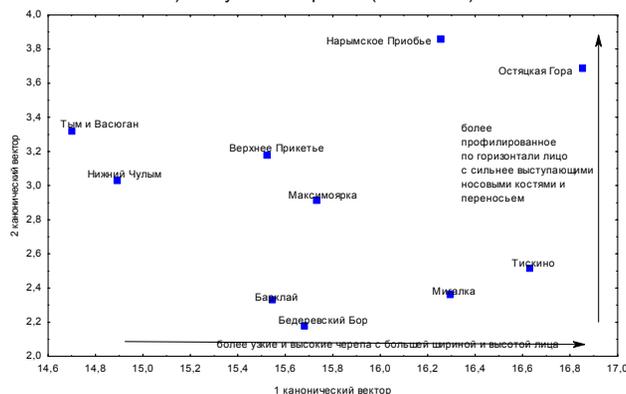
Factor loading values for features of 1 and 2 canonical vectors in the intergroup analysis of samples from the Narym Ob River region

Признаки	I канонический вектор		II канонический вектор	
	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	0,2222	0,3118	-0,1311	0,0688
8. Поперечный диаметр	-0,3363	-0,4535	-0,2560	-0,1409
17. Высотный диаметр	0,4636	0,3361	0,1896	0,0896
9. Наименьшая ширина лба	0,0631	0,1714	-0,2011	-0,0533
45. Скуловой диаметр	0,3368	0,5273	-0,1477	0,2016
48. Верхняя высота лица	0,2344	-0,0008	0,2693	-0,2402
55. Высота носа	0,1755	0,2124	0,3598	0,1524
54. Ширина носа	0,0685	0,2494	0,3440	0,0100
51. Ширина орбиты от <i>mf.</i>	0,4331	0,1809	-0,3491	-0,3763
52. Высота орбиты	-0,1960	-0,2442	0,4718	0,4623
77. Назомалярный угол	0,0527	0,0871	-0,1019	-0,0525
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	-0,3262	0,0254	0,1292	-0,3408
75(1). Угол выступания носа	0,2111	-0,0991	0,2800	0,2975
72. Общий лицевой угол	0,1117	0,2145	0,0981	-0,0494
SS. Симотическая высота	0,0391	0,0240	0,0657	0,2381
DC. Дакриальная ширина	-0,1395	-0,1107	0,1345	0,1225
DS. Дакриальная высота	0,0391	-0,0122	0,1292	0,4539
Собственные значения	9,9628	9,1438	7,0784	5,8244
Доля описываемой изменчивости в %	26,0	30,3	18,5	19,3

Примечание. Выделены максимальные нагрузки.

А) по мужским черепам (male skulls)

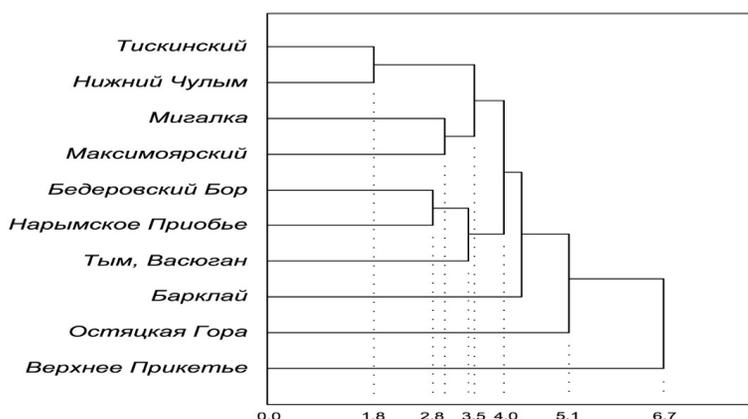

Б) по женским черепам (female skulls)

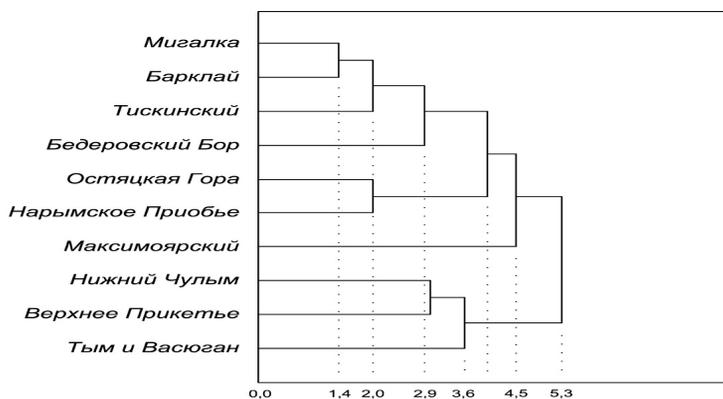
Рис. 2. Взаиморасположение селькупских популяций в пространстве 1 и 2 канонических векторов.
Fig. 2. The collocation of the Selkup populations in the space of 1 and 2 canonical vectors.

Краниологические источники к проблеме этногенеза нарымских селькупов

Характер рассеивания в корреляционном поле первых двух векторов и кластеризация выборок на основе расстояний Махаланобиса — Рао, с одной стороны, свидетельствуют о слабой их территориальной изменчивости, с другой стороны, указывают на основную закономерность варибельности, связанную с формой мозговой коробки и лицевого скелета (рис. 2, 3). В краниологических сериях, происходящих из могильников близ р. Оби, наблюдается слабая тенденция к долихокрании и более высокой мозговой капсуле с незначительным усилением горизонтальной профилированности лицевого скелета (Тискино, Мигалка). Серии, в которых отмечается более брахикранный низкий череп (Верхнее Прикетье, Бедеровский Бор, Тым, Васюган), локализируются географически на значительном удалении от Оби.

А) по мужским черепам

Б) по женским черепам

Рис. 3. Иллюстрация связей селькупских популяций (расстояния Махаланобиса — Рао).
Fig. 3. Illustration of the connections of the Selkup populations (Mahalanobis — Rao distances).

Вариабельность антропологических черт популяций Нарымского Приобья в целом весьма незначительна, все они близки между собой и представляют выборки из одной совокупности. Морфологически наиболее сходны между собой в анализируемой совокупности групп серии из могильников Тискино, Мигалка, наибольшее отклонение от средних характеристик нарымских популяций обнаруживает серия из могильника Остяцкая Гора в низовьях Чулыма.

Анализ изменчивости серий из Нарымского Приобья в хронологическом диапазоне II тыс. н.э. свидетельствует о весьма незначительных различиях между ними, что позволяет говорить об очень тесной родственной связи между поколениями в течение целого тысячелетия, а физический тип населения Нарымского Приобья не претерпевает за это время практически никаких изменений [Багашев, 2017].

**Генеральная совокупность краниологических находок из селькупских могильников
Нарымского Приобья**

Table 3

General sample of craniological finds from Selkup burial grounds of the Narym Ob River region

№ по Мартину или условное обозначение	♂			♀		
	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{X}	<i>n</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	178,8	224	6,3	170,1	197	6,3
8. Поперечный диаметр	143,2	227	5,9	137,5	200	5,6
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	133,0	213	5,2	127,2	184	5,3
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	115,2	210	4,1	110,2	174	4,0
8:1. Черепной указатель	80,3	216	4,4	81,0	187	4,9
17:1. Высотно-продольный указатель, от <i>b</i> .	74,5	199	3,3	74,9	177	3,3
20:1. Высотно-продольный указатель от <i>po</i> .	64,5	199	2,6	64,9	169	2,8
17:8. Высотно-поперечный указатель от <i>b</i> .	92,8	201	5,0	92,8	175	5,5
5. Длина основания черепа	101,3	193	4,6	96,7	178	5,3
11. Ширина основания черепа	131,4	207	5,3	124,6	177	5,3
9. Наименьшая ширина лба	96,7	238	4,5	93,2	227	4,3
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	139,8	163	4,7	139,0	164	5,6
10., Наибольшая ширина лба	119,8	224	5,0	115,3	214	4,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,6	201	3,8	68,2	185	5,4
9:10. Лобный указатель	80,7	212	3,4	80,9	208	3,6
29. Лобная хорда	111,5	225	4,5	106,4	219	4,6
Sub.№:29. Указатель выпуклости лба	24,7	223	2,9	23,2	219	1,8
32. Угол профиля лба от <i>п</i> .	80,8	158	4,3	83,0	137	4,4
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i> .	72,4	158	4,8	76,7	137	4,9
12. Ширина затылка	111,1	233	5,3	107,2	192	5,8
40. Длина основания лица	99,8	159	5,5	95,4	147	4,9
40:5. Указатель выступания лица	98,5	158	3,5	98,2	145	3,9
43. Верхняя ширина лица	107,5	216	4,3	102,7	205	4,1
46. Средняя ширина лица	100,6	174	5,6	94,7	154	4,4
45. Скуловой диаметр	138,8	200	5,7	129,3	165	5,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,8	189	3,9	94,1	159	4,1
9:45. Лобно-скуловой указатель	69,8	184	3,2	72,1	161	3,5
48. Верхняя высота лица	69,3	198	4,4	64,6	180	3,9
47. Полная высота лица	115,7	149	6,5	107,1	131	6,6
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,2	167	3,9	50,8	156	3,2
48:45. Верхний лицевой указатель	50,0	166	3,3	50,2	149	2,9
47:45. Общий лицевой указатель	83,5	133	4,9	83,2	117	5,4
72. Общий лицевой угол	84,9	149	3,2	84,9	132	3,3
73. Средний лицевой угол	87,1	152	4,6	87,7	131	3,3
74. Угол альвеолярной части	79,6	149	6,0	78,5	129	6,1
77. Назомалярный угол	144,9	207	4,7	145,0	196	5,0
∠zmn'. Зигмаксиллярный угол	134,9	159	5,2	135,0	135	4,8
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	43,9	207	2,4	42,1	184	1,9
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> .	40,6	193	2,1	39,0	173	1,8
52. Высота орбиты	33,7	203	2,0	33,3	183	1,8
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i> .	76,8	199	5,6	79,3	182	5,0
52:51a. Орбитный указатель от <i>d</i> .	83,0	188	6,1	85,5	173	5,4
55. Высота носа	51,5	203	3,0	48,6	182	2,8
54. Ширина носа	26,0	209	1,8	25,1	189	1,9
54:55. Носовой указатель	50,7	194	4,1	51,9	179	4,1
75(1). Угол выступания носа	18,5	162	4,7	16,8	145	4,3
SC. Симотическая ширина	8,0	210	1,9	7,9	194	1,6
SS. Симотическая высота	3,2	210	0,9	2,7	194	0,8
SS:SC. Симотический указатель	41,1	210	11,4	35,7	194	10,1
∠S. Симотический угол	102,9	210	14,4	110,3	194	14,8
50. Межглазничная ширина	19,1	203	2,2	18,2	188	1,9
DC. Дакриальная ширина	21,8	184	2,3	20,5	175	2,3
DS. Дакриальная высота	10,5	184	1,7	9,4	175	1,6
DS:DC. Дакриальный указатель	48,5	184	8,2	46,3	175	8,5
∠D. Дакриальный угол	92,6	184	9,5	95,6	175	10,3
FC. Глубина клыковой ямки	3,8	169	1,4	3,8	145	1,6
62. Длина неба	46,2	186	3,2	43,7	158	3,1
63. Ширина неба	41,5	197	3,1	39,5	177	2,8
63:62. Небный указатель	89,9	151	6,5	90,3	140	7,7
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	106,1	210	6,8	100,0	169	5,5
68. Длина нижней челюсти от углов	81,1	220	6,2	76,0	175	5,0
65. Мышелковая ширина	124,0	175	7,8	118,4	147	7,4
66. Угловая ширина	108,7	213	8,0	101,0	176	6,9
70. Высота ветви	58,8	212	5,4	52,6	171	4,8
71a. Наименьшая ширина ветви	36,2	231	3,2	33,6	182	3,4
67. Передняя ширина нижней челюсти	47,7	202	3,2	45,1	160	3,3
69(3). Толщина тела	13,1	212	1,3	12,0	172	1,3
79. Угол ветви нижней челюсти	120,5	210	6,7	122,6	169	5,7
C'∠. Угол выступания подбородка	70,0	201	6,3	68,5	162	5,8

Краниологические источники к проблеме этногенеза нарымских селькупов

Таким образом, широкое географическое распространение и хронологическая стабильность антропологического типа южных самодийцев указывают, что до начала русской колонизации в этот район Среднего Приобья не проникали какие-либо крупные группы людей иного антропологического облика, а все исследованные краниологические серии представляют выборки из единой совокупности (табл. 3). Хотя территориальная изменчивость антропологических признаков в группах нарымских селькупов невелика, в отдельных случаях улавливается влияние на антропологическую структуры отдельных селькупских популяций их территориально ближайших соседей. Так, если южные группы обнаруживают сходство с территориально ближайшими тюрками Причулымья и Нижнего Притомья, то в составе других нарымских групп фиксируется примесь компонента, генетически связанного с тюрками Западносибирской лесостепи — барабинскими и тоболо-иртышскими татарами, весьма слабо, но улавливается влияние хантов на формирование физического типа населения, оставившего могильники Мигалка на Оби, Бедеревский Бор на Тyme и Барклай на Чае [Багашев, 2017]. Однако ответить на вопрос о внутренней структуре нарымских популяций, удельном весе и исторических корнях компонентов их антропологической структуры предполагается при проведении внутригруппового анализа, что выходит за рамки настоящей работы.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Багашев А.Н.* Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. 2001. С. 159–174.
- Багашев А.Н.* Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408 с.
- Дебец Г.Ф.* Селькупы. Антропологический очерк // Труды ИЭ. 1947. Т. 2. С. 103–145.
- Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А.* Западносибирская экспедиция 1937 г. // Краткие сообщения Института и Музея антропологии при МГУ. 1941. С. 26, 35.
- Дремов В.А.* Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 106–132.
- Дремов В.А.* Нарымские селькупы // Очерки культуругенеза коренного населения Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 110–111.
- Розов Н.С.* Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Труды ИЭ. Т. 33. 1956. С. 340–373.
- Розов Н.С.* Антропологический состав древнего населения Средней Оби (селькупов) // Ученые записки ТГУ. № 32. 1958. С. 144–151.
- Розов Н.С.* Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопросы антропологии. Вып. 6. 1961. С. 71–91.

Bagashev A.N.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bagashev@mail.ru

Craniological sources on the problem of ethnogenesis of the Narym Selkups

The Narym Selkups are an indigenous population of the Middle Ob River region speaking various dialects of the Selkup language related to the South-Samodian branch of the Ural language family. In the course of the study of Medieval and relatively recent burial grounds in the territory of the Narym Ob area of Tomsk Oblast, considerable amount of craniological material has been collected, which constitutes an important historical source for solving general problems of their origins. According to the archaeological and ethnographic materials, the Medieval burials were left by direct ascendants of modern Narym Selkups, whereas the materials from the later burial grounds are directly associated with their specific local-dialect groups. This paper is aimed to introduce into scientific discourse virtually all craniological materials known today from the burial grounds left by the Narym Selkups, and, on the basis of the results of group cross-correlation, to identify trends of the territorial variability of the whole community. Significant increase of new finds from the vast territory of the Middle Ob region, population-driven approach to the data analysis and development of the craniometric technique warranted re-grouping of the finds by the territorial principle and their repeated measurement and analysis. In view of the current problem, all craniological materials were grouped into ten sampling series, five of which are published for the first time (the burial

ground of Ostyatskaya Gora and four combined craniological series from the burial grounds of Lower Chulyum, Narym Ob, Upper Ket, and the Tym and Vasyugan rivers). Analysis of the variability of the series from the Narym Ob region in chronological and geographical bands showed their weak variability in space and time. Therefore, prior to the Russian colonization of Siberia, this region of the Middle Ob area was not invaded by considerably large groups of people of different anthropological appearance. All studied craniological series were samples from the single unity. Although the territorial variability of the anthropological features within the groups of the Narym Selkups is not large, in some cases an influence of territorially closest neighbours on the anthropological structures of particular Selkup populations can be discerned. It appeared that the southern groups exhibit resemblance with their territorially closest Turkic populations of the Chulyum and Lower Tom regions, while in the composition of other Narym groups, there have been identified an admixture of the component genetically related to the Turkic populations of the Western-Siberian forest-steppe – Barabino and Tobol-Irtysh Tatars, and, although being very weak, an influence of the Ob Ugric populations can be discerned.

Keywords: craniology, population, physical type, intergroup variability, Southern Samoyedians, Selkups, Western Siberia, Narym Ob River region.

Funding. The work was carried out according to state order No. 121041600045-8.

REFERENCES

- Bagashev A.N. (2000). *Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-steppe in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bagashev A.N. (2001). Chronological variability of the craniological type of the Narym Selkups. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 159–174. (Rus.).
- Bagashev A.N. (2017). *Anthropology of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Debets G.F. (1947). Selkups. Anthropological sketch. In: *Trudy Instituta etnografii*, 2, 103–145. (Rus.).
- Debets G.F., Trofimova T.A. (1941). West Siberian expedition in 1937. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta i Muzeia antropologii pri MGU*. (Rus.).
- Dremov V.A. (1984). Racial differentiation of the Ugric and Samoyed groups of Western Siberia according to craniology data. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniia severa Evrazii*. Leningrad: Nauka, 106–132. (Rus.).
- Dremov V.A. (1998). Narym Selkups. In: *Ocherki kul'turogeneza korennoogo naseleniia Zapadnoi Sibiri. T. 4: Rasogenez korennoogo naseleniia*. Tomsk: TSU Publ., 110–111. (Rus.).
- Rozov N.S. (1956). Materials on the craniology of the Chulyms and Selkups. *Trudy Instituta etnografii*, 33, 340–373. (Rus.).
- Rozov N.S. (1958). Anthropological composition of the ancient population of the Middle Ob (Selkups). *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (32), 144–151. (Rus.).
- Rozov N.S. (1961). Anthropological studies of the indigenous population of Western Siberia. In: *Voprosy antropologii*, (6), 71–91. (Rus.).

Багашев А.Н., <https://orcid.org/0000-0003-2420-6276>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Слепченко С.М.^{a, *}, Сударев Н.И.^b, Цокур И.В.^c, Абрамова А.Н.^d

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Институт археологии РАН
ул. Кржижановского, 14, корп. 2, Москва, 117218

^c ООО «Ирида»

Таманская ул., 8, п. Волна, Темрюкский район Краснодарского края, 353556

^d Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына
Гимназическая ул., 67, Краснодар, 350910

E-mail: s_slepchenko@list.ru (Слепченко С.М.); sudarev@list.ru (Сударев Н.И.);
naslediekk@mail.ru (Цокур И.В.); abramovasacha0902@gmail.com (Абрамова А.Н.)

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОПАЗИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ВОЛНА 1 (ТЕМРЮКСКИЙ РАЙОН, КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

Представлены результаты археопаразитологического анализа проб грунта из части погребений, датированных концом IV — первой половиной III в. до н.э., античного могильника Волна 1, находившегося на территории «азиатской части» Боспорского царства (современный Темрюкский район, Краснодарский край). Определен паразитарный спектр исследованной группы населения, проведена интерпретация полученных результатов в широком историко-археологическом контексте, получены новые данные о паразитарных заболеваниях, состоянии здоровья, питании и гигиене населения, оставившего данный могильник.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, археопаразитология, палинология, палеопатология, кишечные паразиты, биоархеологические реконструкции.

Введение

Археопаразитология — научное направление на стыке паразитологии, биологической антропологии, экологии и большого корпуса исторических дисциплин (археологии, этнографии и др.), изучающее явление паразитизма в древних человеческих популяциях. В результате археопаразитологического исследования реконструируются диета и способы приготовления пищи, санитарное состояние поселений, направления миграции и контактов в древности. Это далеко не полный список проблем, которые могут решаться при интегративном подходе, применяемом в археопаразитологии [Reinhard, 1992].

География археопаразитологических исследований в мире довольно обширна. В то же время сохраняются территории, на которых в древности существовали развитые государства и которые при хорошей археологической и антропологической изученности слабо исследованы с точки зрения археопаразитологии. Примером такой территории является Северное Причерноморье.

Цель данного исследования — определить паразитарный спектр у части населения, оставившего некрополь Волна 1, интерпретировать полученные результаты в широком историко-археологическом контексте с целью получения знаний о паразитарных заболеваниях, состоянии здоровья, питании и гигиене в исследуемой популяции. Подобная информация, на наш взгляд, важна для более глубокого понимания и реконструкции различных сторон жизни греческого населения, не только оставившего исследуемый могильник, но и в целом Северного Причерноморья.

Археологический контекст. Восточный Крым, Таманский полуостров и Западное Прикубанье являлись уникальной для нашей страны исторической территорией. Здесь на протяжении тысячелетий сталкивались восточные и западные культуры. Эта территория была подобна плавильному котлу, в котором смешивались разные «ингредиенты» и в результате получалась особая, самобытная культура, которая объединяла и элементы, привнесенные с Запада, и восточные особенности и влияния.

В конце VII в. до н.э. на этой территории появляются первые греческие поселения, в первую очередь эмпорий в Анапском районе, Пантикапей и Таганрогское поселение. Уже со второй

* Corresponding author.

четверти VI в. до н.э. греки на этой территории основывают несколько городов-колоний, в первую очередь Нимфей и Феодосию на Керченском полуострове и Гермонассу, Патрей, Кепы и чуть позже — Фанагорию на Таманском полуострове. Значительно больше нам известно безымянных древних поселений, одним из которых является поселение Волна 1.

Некрополь Волна 1 располагался в 4,5 км к северо-западу от п. Волна Темрюкского района Краснодарского края, на пологом склоне горы Зеленая, в 300 м к северу от крупного античного поселения Волна 1, к которому и относился [Цокур, 2017, 2020] (рис. 1).

Рис. 1. Локализация грунтового могильника Волна 1.
Fig. 1. Localization of the Volna 1 burial ground.

Раскопки могильника Волна I проводились с 2015 по 2019 г. несколькими археологическими экспедициями. В общей сложности исследовано 1381 погребение и 725 погребальных комплексов. Все захоронения на могильнике проводились по обряду ингумации. На некрополе представлены различные типы погребальных сооружений. Большинство погребений совершено в простых грунтовых ямах без перекрытия, однако встречаются и ямы с заплечиками, ямы, перекрытые досками, камнями или черепицей, сырцовые ящики, подбойные могилы, каменные ящики разных типов и грунтовые склепы. Детские погребения совершались в амфорах. Костяки чаще всего лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой чаще всего на восток, иногда с небольшим отклонением к северу или югу. Небольшая часть погребений имела ориентацию на север, юг и запад. Однако встречаются и погребения в скорченном положении и положении «всадника» (скорченно на спине) [Мимоход и др., 2017, 2019; Берлизов и др., 2019; Цокур, 2020].

Погребальный инвентарь располагался слева или в ногах и состоял из керамических, изредка бронзовых сосудов, оружия, украшений, монет, предметов обихода, инструментов. В некоторых могилах в мисках были обнаружены кости животных. Наиболее массовой категорией находок являются различные сосуды, размещенные в погребении слева от покойного. Керамика представлена двумя основными группами: столовая посуда и туалетные сосуды. В большинстве могил присутствовал «основной набор», состоявший из ойнохойи, или кувшина, чаши для питья — канфара, чаши — килика, скифоса аттического или малоазийского производства и миски. Бронзовая посуда была представлена киафами. В погребениях обнаружены предметы наступательного и защитного вооружения: железные мечи, копья, наконечники стрел, боевые ножи. Уникальными находками являются шлемы и чешуйчатый защитный доспех. Общая характеристика некрополя, формы и виды погребений, погребальный обряд, анализ сопроводительного материала погребений позволяют датировать памятник серединой VI — II в. до н.э. [Мимоход и др., 2017, 2019; Берлизов и др., 2019; Цокур, 2020].

Материалы и методы

Археологические раскопки на могильнике Волна 1 проводились в течение пяти лет, однако пробоотбор был осуществлен только во время работ 2016 г., когда на них присутствовал профес-

Первые результаты археопаразитологического исследования грунтового могильника Волна 1...

сиональный антрополог, которому удалось получить пробы грунта с поверхности крестца и крестцовых отверстий 8 погребенных из 6 могил (табл. 1). Все используемые в исследовании пробы были отобраны из погребений, датируемых концом IV — первой половиной III в. до н.э. Результаты, полученные в ходе исследования, могут характеризовать группу населения, оставившего могильник Волна 1, только в пределах вышеобозначенного хронологического периода. Контрольные пробы были отобраны в области черепа в каждом из исследованных погребений.

Таблица 1

Результаты археопаразитологического исследования проб грунта из погребений могильника Волна 1

Results of an archaeoparasitological study of soil samples from burials of the Volna 1 burial ground.

Погребение №	[+]: позитивный; [-]: отрицательный	Контрольные образцы	Паразиты [количество обнаруженных яиц]
503 [1]	15 [+]	[-]	<i>Trichuris</i> sp. [2]
503 [2]	17 [+]	[-]	—
504	20 [+]	[-]	<i>Trichuris</i> sp. [6]
505	20 [-]	[-]	—
507 [1]	20 [+]	[-]	<i>Trichuris</i> sp. [4]
507 [2]	20 [-]	[-]	—
519	20 [-]	[-]	—
525	8 [+]	[-]	<i>Dicrocoelium dendriticum</i> [3], <i>Diphyllobothrium</i> sp. [1]

В условиях лаборатории сухой, предварительно измельченный образец помещали в химический стакан объемом 800 мл. С целью определения наличия карбонатов к каждой пробе добавлялись 1–2 капли 10 % раствора HCl. Реакции с соляной кислотой не было отмечено ни в одной из проб. На следующем этапе проводилось диспергирование проб по неоднократно описанной стандартной схеме с использованием 0,5 % раствора тринатрийфосфата (Na₃PO₄) [Callen and Cameron, 1960]. В приготовленных образцах содержалось значительное количество мелкодисперсного песка, препятствовавшего приготовлению микропрепаратов и проведению микроскопии, мы использовали плавиковую кислоту (49 %) для его растворения. Органическая фракция отделялась от раствора плавиковой кислоты путем центрифугирования. На следующем этапе в водяную баню с температурой 80 °С помещались пробирки с образцами, в которые предварительно был добавлен глицерин до 2/3 объема. Далее пробирки центрифугировались и горячий глицерин сливался. Для предупреждения грибкового роста в каждый образец добавлялось по 2–5 капель 10 % формалина. Ввиду того что органическая фракция, выделенная из проб грунта, оказалась минимальной, не для всех образцов удалось приготовить по 20 микропрепаратов, как это рекомендовано стандартными методами (табл. 1). Микроскопирование проводилось с помощью микроскопа Zeiss AxioLab.A1 под увеличением в 100 и 400 раз. Фотографирование осуществлялось камерой AxioCam 105 color. Измерения яиц выполняли с помощью программы ZEN 2.3. При статистической обработке материала мы исходили из данных количественной паразитологии, согласно которым утверждается, что распределение паразитов в популяции хозяина является агрегированным. Это означает, что большинство членов популяции хозяина лишено паразитарного бремени, а малая часть популяции гиперинвазирована [Crofton, 1971]. Определение распространенности (Pr, %) паразитозов в популяции и расчет доверительного интервала Стерна производились с помощью программного обеспечения Quantitative Parasitology 3.0 [Reiczigel and Rózsa, 2005; Reiczigel et al., 2019].

Результаты

При исследовании образцов почвы из погребений могильника Волна 1 были обнаружены яйца трех типов кишечных паразитов в 4 погребениях. Частота инфицирования паразитами в исследованной группе составила 50 % при доверительном интервале от 19,3 до 80,7 % (табл. 2).

В трех из восьми проб (погребения №№ 503(1), 504, 507) нами были обнаружены яйца удлиненной, бочкообразной формы с относительно толстой стенкой, имеющей двойной контур. Внутреннее содержимое и характерные мукоидные пробки на полюсах яиц отсутствовали. Размер яиц колебался в пределах 59,2×32,9 μm. Подобные морфологические и морфометрические признаки указывают на вероятную принадлежность обнаруженных яиц гельминтам рода *Trichuris* (рис. 2) [Ash and Orihel, 2007]. Прецизионный отбор проб с поверхности крестца и крестцовых отверстий позволяет достаточно уверенно утверждать, что яйца, имеющие подобные

параметры, могут принадлежать *Trichuris trichiura* — видоспецифичному и наиболее патогенному для человека виду круглых червей рода *Trichuris* [Bundy and Cooper, 1989].

Частота инфицирования *Trichuris* sp. в популяции составила 37,5 %, доверительный интервал от 11,1 до 71,1 % (табл. 2). В образце грунта из погребения № 525 были обнаружены яйца двух типов паразитов. Яйца первого типа, выявленные в пробе из погребения № 525, имели эллипсоидальную, несколько асимметричную форму, толстую, темно-коричневую оболочку. Размер яиц 39,1×22,4 мкм. Подобное морфологическое сочетание позволяет нам предположить принадлежность их к роду *Dicrocoelium* (рис. 2) [Ash and Orihel, 2007]. В качестве паразитов человека известны представители двух его видов — *Dicrocoelium dendriticum* и *Dicrocoelium hospes* [Гаевская, 2015]. Последний вид трематод как возможный источник обнаруженных яиц может быть отброшен, так как ввиду особенностей жизненного цикла может встречаться только у крупного рогатого скота, овец в восточной, центральной и западной Африке [Гаевская, 2015]. Таким образом, яйца обнаруженной трематоды с большой долей вероятности принадлежат виду *Dicrocoelium dendriticum*, имеющему большой ареал распространения, включающий европейскую часть России [Гаевская, 2015].

Яйца второго типа имели светло-коричневый цвет и овальную форму (рис. 2). На противоположном от крышечки конце яйца скорлуповидный штырек (knob) слабо обозначен. Размер обнаруженного яйца составил 63,3×38,7 мкм. Основываясь на вышеперечисленных морфологических и морфометрических признаках, предполагаем, что яйца принадлежат роду *Diphyllobothrium* (рис. 2) [Ash and Orihel, 2007].

Для человека представляют опасность около 14 видов гельминтов рода *Diphyllobothrium*, которые относительно широко распределены географически [Scholz et al., 2019; Гаевская, 2017]. На территории Европы и европейской части России заболеваемость дифиллоботриозом связана в основном с *Diphyllobothrium latum* и в меньшей степени с *Diphyllobothrium dendriticum*, который представлен в циркумполярной зоне континента [Scholz et al., 2019]. Отсутствие на территории Юга России рыб — вторых промежуточных хозяев *Diphyllobothrium dendriticum* (пелядь, сиг, пыжьян, омуль, чир, муксун, хариус, голец и т.д.) позволяет нам считать его менее вероятным источником яиц у человека, погребенного в могиле № 525, а более вероятным является широкий лентец (*Diphyllobothrium latum*) [Scholz et al., 2009]. Частота инфицирования *Diphyllobothrium latum* и *Dicrocoelium dendriticum* в исследованной популяции составила 12,5 %, доверительный интервал от 0,64 до 50,0 % (табл. 2). В контрольных пробах яиц гельминтов не обнаружено.

Таблица 2

Распространенность гельминтов в могильнике Волна 1*

Occurrence of helminths in the Volna 1 burial ground

N	Общая		<i>Trichuris</i> sp.		<i>Dicrocoelium dendriticum</i>		<i>Diphyllobothrium</i> sp.	
	n	Pr, % [95 % conf]	n	Pr, % [95 % conf]	n	Pr, % [95 % conf]	n	Pr, % [95 % conf]
8	4	50 % [19.3–80.7 %]	3	37,5 % [11.1–71.1]	1	12.5 % [0.64–50.0]	1	12.5 % [0.64–50.0]

* N — общее число исследованных погребений; n — число индивидуумов, зараженных паразитами; Pr, % — распространенность.

Обсуждение

Власоглав (*Trichuris trichiura*) — геогельминт с прямым жизненным циклом развития, яйца которого вместе с фекалиями, попадая в теплую и влажную почву, в течение 2–4 недель созревают до инвазионной стадии [Возианова, 2001]. Человек заражается паразитом фекально-оральным путем при употреблении в пищу загрязненных яйцами власоглава овощей, ягод, фруктов или другой пищи, а также воды. При проникновении яйца в кишечник человека под действием пищеварительных ферментов оболочка яйца растворяется и высвободившаяся личинка проникает в слизистую оболочку тонкой кишки. Далее гельминт спускается в начальный отдел толстой кишки (особенно поражается слепая кишка), где превращается во взрослого червя, который своим головным концом проникает в стенку кишки и питается кровью хозяина. Тело гельминта свободно располагается в просвете кишки, гельминт производит от 5000 до 20 000 фертильных яиц в день [Bundy and Cooper, 1989].

Обнаружение яиц власоглава (*Trichuris trichiura*) в копролитах и пробах грунта, полученных при раскопках хронологически одновременных археологических памятников как на территории Евразии, так и в других частях света, не является редкостью [Leles et al., 2010]. На территории

Юга России описан единственный случай обнаружения яиц власоглава у сармата, погребенного в могильнике Ковалевка 1, расположенного на территории Волгоградской области и датированного I–II вв. до н.э. [Slepchenko et al., 2019b].

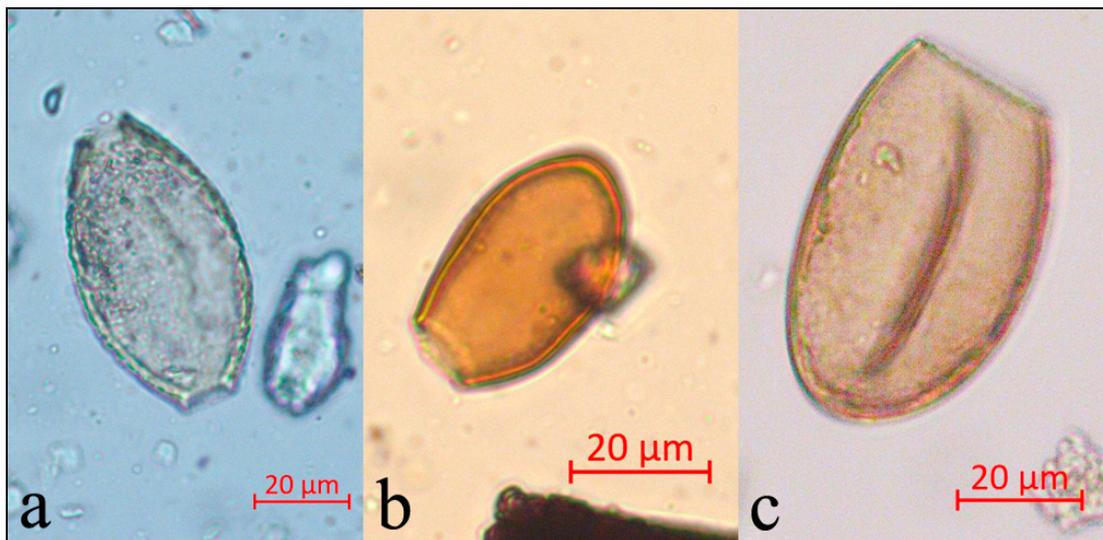

Рис. 2. Яйца паразитов, обнаруженные при исследовании проб грунта из погребений могильника Волна 1: а) власоглав; б) ланцетовидная двуустка; с) широкий лентец.

Fig. 2. Eggs of parasites found in the study of soil samples from the burials of the Volna 1 burial ground: а) *Trichuris trichiura*; б) *Dicrocoelium dendriticum*; с) *Diphyllobothrium latum*.

Значительная частота трихуриоза и обсемененность яйцами власоглава культурных слоев отмечена при исследовании археологических памятников римского периода с территории Европы, хронологически близких к исследованному могильнику [Mitchell, 2016; Dufour et al., 2016; Anastasiou et al., 2018]. По имеющимся немногочисленным сравнительным данным, наблюдаемая картина высокой зараженности геогельминтами населения и обсемененности культурных слоев городов римского периода вызвана рядом причин.

Как известно, соблюдение личной гигиены, использование туалетов, наличие канализации в городах снижают уровень заражения геогельминтозами. В то же время высокая частота трихуриоза и обсемененность проб культурного слоя исследованных римских городов указывают, вероятно, на низкий уровень личной гигиены значительной части населения. Несмотря на наличие бань, общественных туалетов, канализации и т.д., вероятно, не для всех групп населения подобные «удобства» были доступны, и далеко не во всех римских городах удавалось радикально уменьшить частоту гельминтозов и имевших сходные пути передачи бактериальных желудочно-кишечных инфекций [Scobie, 1986; Dufour, 2015; Ledger et al., 2018].

Еще одной причиной высокой распространенности геогельминтов могла быть обсемененность яйцами паразитов общественных фонтанов и мест сбора воды, которые большинство населения использовало для питьевых нужд [Scheidel, 2009]. Так, например, на территории города Хорбург-Вир была отмечена близость общественного туалета к колодцу [Dufour et al., 2015]. Малоэффективная система очистки городов от отходов, скопление мусора и экскрементов, а иногда трупов и туш животных на улицах, в сочетании с переполнением дренажных коллекторов и в совокупности с высокой плотностью населения в римских городах, усугубляла проблему распространения геогельминтозов [Scheidel, 2009]. Немаловажным фактором распространения геогельминтов является использование фекалий человека и животных для удобрения полей, на которых выращивались овощи [Koloski-Ostrow, 2015].

На наш взгляд, относительно высокая распространенность трихуриоза в популяции, оставшейся могильник Волна 1 (пораженность минимум 11,1 % населения), вполне может иметь сходные, хоть и не идентичные причины с зафиксированными для поселений римского периода Европы и Малой Азии. Интересным является тот факт, что при исследовании проб грунта из погребений некрополя Волна 1 мы не обнаружили яиц человеческой аскариды (*Ascaris lumbricoides*), в то время как наличие последних, вместе с яйцами власоглава (*Trichuris trichiura*), отмечено

практически на всех археопаразитологически исследованных памятниках с территории Европы в древности [Bouchet et al., 2003]. Сочетание двух паразитов объясняется тем обстоятельством, что оба гельминта занимают одну экологическую нишу на начальных этапах жизни (стадия созревания яиц обоих гельминтов в почве) и обладают одинаковым механизмом инвазирования человека. По данным археопаразитологии, обнаружение в пробах только яиц власоглава — относительно редкое явление, имеющее географически отдаленные аналогии и объясняемое разрушением яиц аскарид в почве вследствие тафономических процессов, использования антигельминтных средств и в меньшей степени — разрушения яиц аскарид грибами нематофагами [Leles et al., 2010]. Ввиду того что археопаразитологическое исследование проб из могильника Волна 1 первое и пока единственное в своем роде на территории Северного Причерноморья, мы не можем дать однозначный ответ на вопрос о причинах отсутствия яиц аскарид при наличии яиц власоглава в исследованной популяции. Вместе с тем, учитывая вероятность разрушения яиц гельминтов в почве в результате тафономических процессов и действия нематофагов, мы не можем исключить и использование антигельминтных средств населением, оставившим могильник Волна 1.

Лечение людей от глистных инвазий известно с глубокой древности. Что касается греческих и римских авторов, то и у них имелись знания как минимум о трех видах гельминтов, плоских (возможно, бычий и/или свиной цепни), круглых (аскарида человеческая) червях и острицах [Hoerpli, 1956]. О гельминте власоглаве первая информация встречается только у византийского автора Иоанна Актуария, врача, жившего во времена Андроника III (1328–1341 гг.) [Hoerpli, 1956]. В трудах Гиппократов имеются четкие указания на причины, симптоматику и лечение гельминтозов [Гиппократ, 1936, с. 156]. Последнее заключалось в назначении слабительных средств, усиливающих перистальтику кишечника (сокращение стенок кишки, способствующее продвижению ее содержимого к выходному отверстию). Так как взрослая человеческая аскарида свободно располагается в просвете тонкой кишки и противодействует перистальтике кишечника собственным сокращением, то такой способ дегельминтизации оказывается направлен в основном на этого гельминта [Keiser and Utzinger, 2008]. На власоглава, глубоко фиксирующегося своим головным концом в стенке слепой кишки, усиление перистальтики кишечника не может оказать значимого воздействия. Данное предположение подтверждается наблюдениями из современной медицинской практики дегельминтизации населения. Метаанализ данных о лечении гельминтозов современными антигельминтными препаратами показал их высокую эффективность при аскаридозах и неудовлетворительную при трихуриазе [Keiser and Utzinger, 2008]. Многолетняя практика дегельминтизации в некоторых популяциях Амазонии мебендазолом и натуральными растительными препаратами привела к значительному сокращению в популяции частоты аскаридоза и увеличению трихуриаза [Vo'ia et al., 2006].

Ланцетовидная печеночная двуустка *Dicrocoelium* sp. — трематода со сложным жизненным циклом. Первым промежуточным хозяином паразита являются сухопутные улитки *Zebrina* sp., *Helicella* sp., *Cionella* sp., которые заражаются, поедая зараженные яйцами гельминта фекалии животных (крупного и мелкого скота). Дальнейшее развитие идет в моллюске, в котором формируются церкарии. Пытаясь избавиться от паразита, моллюск обволакивает церкарии слизью и выделяет их наружу. Дополнительные хозяева, которыми являются муравьи видов *Formica* sp., *Lasius* sp., используя следы слизи, оставляемые улитками, в качестве источника влаги, заглатывают слизистые шарики, содержащие церкарии, и заражаются. Дальнейшее развитие паразита в муравье меняет поведение последнего. Муравей, пораженный трематодой *Dicrocoelium* sp., вечером забирается на верхушки стебельков трав и, зацепившись мандибулами за травинку, находится в оцепенении до утра. Заражение окончательных хозяев, которыми являются крупный рогатый скот, овцы, козы, происходит при заглатывании вместе с травой зараженного муравья. Дальнейшее развитие гельминта происходит уже в организме окончательного хозяина, у которого гельминт обитает во внутривисцеральных желчных протоках [Гаевская, 2015].

Вследствие специфики жизненного цикла паразита человек редко заражается *D. dendriticum* [Гаевская, 2015]. В то же время случаи дикроцеоза встречаются как в глубокой древности, так и в современности [Le Bailly and Bouchet, 2010]. Обнаружение яиц трематод в фекалиях человека может быть следствием ложного паразитизма. В этом случае яйца попадают в кишечник человека при употреблении в пищу инфицированной, сырой или плохо проваренной/прожаренной печени крупного рогатого скота, коз или овец. Наличие яиц в фекалиях носит транзиторный характер и прекращается при устранении причины [Гаевская, 2015].

Истинный паразитизм является более редким явлением. При этом человек заражается, случайно проглатывая инвазированного муравья с пищей (овощи, дикорастущие съедобные травянистые растения) или водой [Гаевская, 2015]. В обоих случаях способствовать заражению могут особенности ведения хозяйства, содержания животных, приготовления пищи и гигиена питания.

Обнаружение яиц *D. Dendriticum* в только в одной пробе грунта (погребение № 525) и расчет доверительного интервала показывают, что не менее чем 0,64 % людей в данной популяции, оставившей могильник Волна 1, были заражены дикроцеозом, без уточнения, истинный это паразитизм или ложный. По современным данным, частота дикроцеоза в различных группах значительно варьируется. Так, в Швейцарии, где *D. Dendriticum* является обычным паразитом крупного и мелкого рогатого скота, дикроцеоз регистрируется в 0,2–0,38 % случаев, при этом основной причиной является употребление в пищу сырой или недожаренной печени [Stahel, 1981]. Еще больший процент дикроцеоза был обнаружен при исследовании детей в Республике Кыргызстан. Было выявлено, что выборка детей от 2 до 15 лет поражена дикроцеозом в 8 % случаев. Как указывают авторы исследования, такому положению дел могут способствовать социально-экологические реалии современного Кыргызстана. Советская система ветеринарного надзора, разработанная для контроля паразитарных заболеваний в крупных стадах домашних животных, оказалась не подходящей для нового способа животноводства, когда резко возросло значение выращивания крупного и мелкого рогатого скота на частном подворье. Отсутствие либо неэффективность ветеринарного контроля неминуемо привели к увеличению частоты дикроцеоза среди домашнего крупного и мелкого рогатого скота [Jeandron et al., 2011]. Употребление в пищу недоваренной и/или недожаренной печени больных животных может стать причиной ложного паразитизма, а значительное поголовье зараженного скота — поддерживать жизненный цикл паразита в окружающей среде. Кроме того, значительная доля выращивания и употребления в пищу овощей и фруктов на личных приусадебных участках, отсутствие доступа к качественной питьевой воде способствуют случайному попаданию муравьев в организм человека и, следовательно, возникновению истинного инвазирования *D. Dendriticum* [Jeandron et al., 2011].

Сходные факторы риска возникновения дикроцеоза могли присутствовать и в древности. Действительно, сельское хозяйство было основным занятием жителей Боспора. Безусловно, основой благосостояния Боспора являлась торговля зерном [Завойкин, 2013; Кругликова, 1975]. Однако помимо этого сельские жители Боспора занимались виноградарством, садоводством, огородничеством, скотоводством, птицеводством и рыболовством. Начиная с III в. до н.э. значение производства зерна на Боспоре постепенно снижается и происходит перестройка хозяйств. В них большую роль приобретает скотоводство, а также производство винограда (и вина), садоводство и огородничество [Кругликова, 1975]. О том, что греки были искусные садоводы, известно не только из письменных источников. Название одного из городов Боспора — Кепы переводится как «Сады». Помимо этого, на памятниках Боспора встречено большое количество разнообразных по формам и размерам садовых ножей. На территории поселений, в слоях пожаров, а также в некрополях находят косточки и даже обугленные плоды, в частности, яблок, груш, айвы (?), смоковницы, миндаля, каштана, грецкого ореха. Сады составляли от 1/5 до 1/7 площади сельскохозяйственных участков [Кругликова, 1975].

Что касается скотоводства, то, помимо письменных источников, имеются свидетельства в виде находок на поселениях в хозяйственных отходах большого количества костей. Основу стада (около 36 %) составлял мелкий рогатый скот, далее — крупный рогатый скот (29 %) и лошадь (20 %). Доля свиньи — 14 % [Кругликова, 1975]. Вероятно, на Боспоре было два типа овцеводства — отгонное, или пастбищное, и стойловое, или приусадебное. На ряде поселений в домовладениях открыты специальные помещения для животных. Большие округлые загоны для скота открыты также на поселениях IV–III вв. до н.э. в Восточном Крыму. С большой долей вероятности можно говорить, что отгонное и стойловое скотоводство совмещалось в границах одного и того же поселения и хозяйства [Кругликова, 1975].

Указания на факторы риска ложного паразитизма мы находим в трудах Гиппократ, где упоминается об употреблении в пищу сырой печени быка для лечения некоторых заболеваний, например никталопии (по Гиппократу светобоязнь и слезотечение при дневном свете), а также гемералопии («куриная слепота» — дефицит витамина А) [Гиппократ, 1936, с. 615].

Широкий лентец (*Diphyllobothrium latum*) — цестода со сложным циклом развития, в который входит смена двух промежуточных хозяев. Из яиц гельминта, попавших в воду, вылупляются корацидии, их проглатывают пресноводные рачки — первые промежуточные хозяева. Да-

лее пресноводных рачков поедают вторые промежуточные хозяева — рыбы-планктонофаги, в мышечной ткани которых развиваются плероцеркоиды. В организме хищных рыб, поедающих рыб-планктонофагов, не происходит гибели плероцеркоидов. Последние проникают в мышцы хищной рыбы и накапливаются в них. Как показано исследованиями, в крупных экземплярах хищных рыб может насчитываться большое количество плероцеркоидов [Сердюков, 1979].

Путь передачи дифиллоботриоза — пищевой, и заражение человека (окончательного хозяина) данным гельминтом происходит при употреблении в пищу сырой, недоваренной, недожаренной рыбы (щука, налим, окунь и т.д.). При сушке и холодном копчении часто не происходит полной гибели плероцеркоидов, в связи с чем рыба остается опасной для употребления [Возианова, 2001]. Как показано в ряде исследований, цикл развития широкого лентеца может являться основой для реконструкции диеты [Slepchenko et al., 2019a]. Возможность заражения широким лентецом продемонстрирована при исследовании сарматского могильника Ковалевка I, расположенного на территории Волгоградской области и датированного I–II вв. до н.э. [Slepchenko et al., 2019b].

Предположительно человек из погребения № 525 мог перемещаться из района расположения поселения и некрополя Волна 1 в бассейны близлежащих рек и озер и употреблять в пищу рыбу, выловленную в них, что и стало причиной его заражения дифиллоботриозом. Подобные передвижения вполне могли осуществляться ввиду самого расположения древнего поселения, находящегося на месте пересечения и слияния двух важнейших древних дорог Таманского полуострова, ведущих к основной древней переправе через Керченский пролив, в районе современного мыса и косы Тузла. Одна из этих дорог шла в южном направлении в сторону современной Бугазской косы и далее, через Благовещенский останец, по Анапской пересыпи — в сторону древней Синдской Гавани (Горгиппии; совр. Анапа) и затем Западного Кавказа и перевалов. Вторая дорога шла в восточном направлении, в сторону современного хутора Белый, где еще в III тыс. до н.э. сформировалась коса-перейма, по которой путники могли перебраться через дельту Кубани на территорию Синдики (совр. Анапский и частично Крымский районы) и далее, на территории левобережья Кубани и Западного Предкавказья. В районе поселка Виноградный-7 от этой дороги отходил еще один путь — в северо-восточном направлении и далее на широкие просторы правобережной Кубани [Сударев, 2017; Гарбузов и др., 2017; Сударев, Гарбузов, 2015; Поротов и др., 2017].

Все три дороги, во время существования поселения и некрополя и несколько раньше, вероятно, отражали сухопутные направления перемещения греческого и аборигенного населения в данном регионе ввиду периодических трудностей перемещения товаров и людей по морю. Морские перевозки были не всегда возможны, финансово оправданны и просто доступны как грекам-первопоселенцам, так и местному населению. Существовавшие в Греции законы ограничивали возможности навигации в «межсезонье».

Таким образом, исходя из жизненного цикла широкого лентеца и способа заражения можно четко обозначить, что инвазирование дифиллоботриозом могло произойти при употреблении в пищу сырой недоваренной/недожаренной, сушеной рыбы из пресноводных озер и рек с территории Юга России (рр. Кубань, Дон и т.д.). Рассмотрев полученные данные в историко-археологическом контексте, можно гипотетически указать направление перемещения зараженного человека.

Заключение

Несмотря на то что археопаразитологические исследования имеют довольно широкую географию, ряд территорий, на которых в древности существовали развитые государства, при хорошей археологической и антропологической изученности слабо исследованы с точки зрения археопаразитологии. Такой территорией является Северное Причерноморье.

Данная работа позволила определить, в некотором приближении, археопаразитологический спектр населения, проживавшего на территории «азиатского» Боспора в период с конца IV по первую половину III в. до н.э. и оставившего античный могильник Волна 1, территориально расположенный ныне в Темрюкском районе Краснодарского края.

Обнаружение в пробах грунта из погребений яиц человеческого власоглава (*Trichuris trichiura*) отразило относительно плохое санитарно-гигиеническое состояние поселения и недостаточные гигиенические навыки изученной группы населения, а исторический контекст археопаразитологических данных позволил рассмотреть круг вероятных причин подобной ситуации. Некоторые особенности хозяйственной деятельности населения, оставившего могильник

Первые результаты археопаразитологического исследования грунтового могильника Волна 1...

Волна 1, с точки зрения археопаразитологии выявлены в связи с обнаружением яиц ланцетовидной двуустки (*Dicrocoelium dendriticum*). Наличие в одной из проб яиц широкого лентеца (*Diphyllobothrium latum*) и обсуждение предполагаемых причин заражения человека данным гельминтом дали возможность гипотетически обозначить направления перемещений этого человека.

Отсутствие археопаразитологической информации с территории Северного Причерноморья не позволяет делать широкие обобщения. В то же время исследование показывает перспективность подобных изысканий, а накопление информации в дальнейшем будет способствовать более значимым выводам.

Благодарности. Авторы благодарны С.В. Бугмырину за помощь в статистической обработке материала и С.Н. Иванову за помощь в приготовлении проб. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 21-18-00263 «Археопаразитологические спектры древнего и средневекового населения Северного Причерноморья и юга Русской равнины: новый подход в биоархеологических реконструкциях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлизов А.Н., Кашаев С.В., Мимоход Р.А.* Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артюченко 2 в VI–IV вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 3. С. 229–245.
- Возианова Ж.И.* Инфекционные и паразитарные болезни. К., 2001. 656 с.
- Гаевская А.В.* Мир паразитов человека. I: Трематоды и трематодозы пищевого происхождения. Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2015. 410 с.
- Гаевская А.В.* Мир паразитов человека. III: Цестоды и цестодозы пищевого происхождения. Севастополь: Колорит, 2017. 358 с.
- Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И.* К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // Древности Боспора. 2017. № 21. С. 64–81.
- Гиппократ.* Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936. 736 с.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ИА РАН, 2013. 591 с.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Мимоход Р.М., Сударев Н.И., Успенский П.С.* 2017. Новый городской некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове: (Предварительная информация) // Древности Боспора. 2017. № 21. С. 295–310.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.* Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сборник науч. трудов, посвященный 70-летию проф. В.П. Копылова. Ростов н/Д: Наследие, 2019. С. 120–144.
- Поротов А.В., Сударев Н.И., Гарбузов Г.П.* Некоторые результаты археолого-палеогеографических исследований в долине Кубани // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы X Всерос. конф. по изучению четвертичного периода. М.: ГЕОС, 2017. С. 324–326.
- Сердюков А.М.* Дифиллоботрииды Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Сударев Н.И.* «Торговля: пути — товары — отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // XVIII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения. Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 525–535.
- Сударев Н.И., Гарбузов Г.П.* К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Сер. Ист. 2015. № 7. С. 156–166.
- Цокур И.В.* Грунтовой могильник «Волна 1» // Древности Боспора. М., 2017. Вып. 20. С. 493–501.
- Цокур И.В.* К вопросу о погребальных сооружениях VI–II вв. до н.э. Таманского полуострова (по материалам некрополя «Волна 1»: раскопки 2015–2018 гг.) // Археологическое наследие Кавказа: Актуальные проблемы изучения и сохранения: XXXI Крупновские чтения. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 284–286.
- Anastasiou E., Papathanasiou A., Schepartz L.A., Mitchell P.D.* Infectious disease in the ancient Aegean: Intestinal parasitic worms in the Neolithic to Roman Period inhabitants of kea, Greece // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. № 17. P. 860–864. <https://doi:10.1016/j.jasrep.2017.11.006>
- Ash L.R., Orihel T.C.* Atlas of Human Parasitology. 5th ed. ASCP Press, 2007.
- Bo'ia M.N., Carvalho-Costa F.A., Sodre F.C., Eyer-Silva W.A., Lamas C.C., Lyra M.R., Pinto-Junior V.L., Cantalice Filho J.P., Oliveira A.L., Carvalho L.M., Gross J.B., Sousa A.L., Moraes T.I., Bermudez-Aza E.H., Martins E.B., Coura J.R.* Mass treatment for intestinal helminthiasis control in an Amazonian endemic area in Brazil // Revista do Instituto de Medicina Tropical de São Paulo. 2006. № 48. P. 189–195. <https://doi:10.1590/S0036-46652006000400003>
- Bouchet F., Harter S., Le Bailly M.* The State of the Art of Paleoparasitological Research in the Old World // Memórias do Instituto Oswaldo Cruz. 2003. № 98. P. 9–101. <https://doi:10.1590/S0074-02762003000900015>

- Bundy D.A., Cooper E.S. Trichuris and trichuriasis in humans // In Advances in parasitology. 1989. № 28. P. 107–173. [https://doi:10.1016/s0065-308x\[08\]60332-2](https://doi:10.1016/s0065-308x[08]60332-2)
- Callen E.O., Cameron T.W.M. A prehistoric diet revealed in coprolites // New Scientist. 1960. № 7. P. 35–40.
- Crofton H.D. A quantitative approach to parasitism // Parasitology. 1971. № 62 (2). P. 179–193. <https://doi:10.1017/S0031182000071420>
- Dufour B. Synthèse de Données et Nouvelle Contribution à L'étude des Parasites de L'époque Romaine, et Apports Méthodologiques de L'extraction des Marqueurs Au Traitement des Résultats. Besançon: Université de Bourgogne Franche-Comté, 2015. 337 p.
- Dufour B., Segard M., Le Bailly M. A First Case of Human Trichuriasis from a Roman Lead Coffin in France // Korean Journal of Parasitology. 2016. № 54. P. 625–629. <https://doi:10.3347/kjp.2016.54.5.625>
- Hoepli R. The knowledge of parasites and parasitic infections from ancient times to the 17th century // Experimental Parasitology. 1956. № 5. P. 398–419. [https://doi:10.1016/0014-4894\[56\]90024-8](https://doi:10.1016/0014-4894[56]90024-8)
- Jeandron A., Rinaldi L., Abdylidaeva G., Usabalieva J., Steinmann P., Cringoli G., Utzinger J. Human infections with *Dicrocoelium dendriticum* in Kyrgyzstan: The tip of the iceberg? // Journal of Parasitology. № 97. 2011. P. 1170–1172. <https://doi:10.1645/GE-2828.1>
- Keiser J., Utzinger J. Efficacy of current drugs against soil-transmitted helminth infections: Systematic review and meta-analysis // JAMA. 2008. № 299. P. 1937–48. <https://doi:10.1001/jama.299.16.1937>
- Koloski-Ostrow A.O. The Archaeology of Sanitation in Roman Italy: Toilets, Sewers, and Water Systems. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2015. 286 p.
- Le Bailly M., Bouchet F. Ancient dicrocoeliosis: Occurrence, distribution and migration // Acta Tropica. 2010. № 115. P. 175–180. <https://doi:10.1016/j.actatropica.2010.03.004>
- Ledger M.L., Stock F., Schwaiger H., Knipping M., Brückner H., Ladstätter S., Mitchell P.D. Intestinal parasites from public and private latrines and the harbour canal in Roman Period Ephesus Turkey (1st c. BCE to 6th c. CE) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. № 21. P. 289–297. <https://doi:10.1016/j.jasrep.2018.07.013>
- Leles D., Reinhard K.J., Fugassa M., Ferreira L.F., Iñiguez A.M., Araújo A. A parasitological paradox: Why is ascarid infection so rare in the prehistoric Americas? // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 1510–1520. <https://doi:10.1016/j.jas.2010.01.011>
- Mitchell P.D. Human parasites in the Roman World: health consequences of conquering an empire // Parasitology. 2016. № 8. P. 1–11. <https://doi:10.1017/S0031182015001651>
- Reiczigel J., Rózsa L. Quantitative Parasitology 3.0 (Internet); Budapest, Hungary, 2005. URL: <http://www.zoologia.hu/qp/qp.html>
- Reiczigel J., Marozzi M., Fábrián I., Rózsa L. Biostatistics for Parasitologists — A Primer to Quantitative Parasitology // Trends in Parasitology. 2020. № 35. P. 277–281. <https://doi:10.1016/j.pt.2019.01.003>
- Reinhard K.J. Parasitology as an interpretive tool in archaeology // American Antiquity. 1992. № 57. P. 231–245. <https://doi:10.2307/280729>
- Scheidel W. Disease and Death in the Ancient City of Rome // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. 2009. <https://doi:10.2139/ssrn.1347510>
- Scholz T., Garcia, H.H., Kuchta, R., Wicht, B. Update on the human broad tapeworm (genus *Diphyllobothrium*), including clinical relevance // Clinical Microbiology Reviews. 2009. № 22. P. 146–160. <https://doi:10.1128/CMR.00033-08>
- Scholz T., Kuchta, R., Brabec, J. Broad tapeworms (*Diphyllobothriidae*), parasites of wildlife and humans: Recent progress and future challenges // International Journal for Parasitology: Parasites and Wildlife. 2019. № 9. P. 359–369. <https://doi:10.1016/j.ijppaw.2019.02.001>
- Scobie A. Slums, Sanitation, and Mortality in the Roman World // Klio. 1986. № 2. P. 399–433. <https://doi:10.1524/klio.1986.68.68.399>
- Slepchenko S.M., Kardash O.V., Slavinsky V.S., Ivanov S.N., Rakultseva D.S., Tsybankov A.A., Shin D.H. Archaeoparasitological Analysis of Samples from the Cultural Layer of Nadym Gorodok dated Back to the 14th — Late 18th Centuries // Korean Journal of Parasitology. 2019a. № 57. P. 567–573. <https://doi:10.3347/kjp.2019.57.6.567>
- Slepchenko S.M., Pererva E.V., Ivanov S.N., Klepikov V.M. Archaeoparasitological analysis of soil samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd–1st centuries BCE, Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019b. № 26. <https://doi:10.1016/j.jasrep.2019.101874>
- Stahel E. Spurious infections by the small liver fluke (*Dicrocoelium dendriticum*) in Switzerland 1976–1980 // Schweizerische medizinische Wochenschrift. 1981. № 111. P. 1159–1162.

Slepchenko S.M.^{a,*}, Sudarev N.I.^b, Tsokur I.V.^c, Abramova A.N.^d

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b Institute of Archeology RAS
Krzhizhanovsky st., 14, bldg. 2, Moscow, 117218, Russian Federation
^c LLC "Irida"

Tamanskaya st., 8, Volna village, Temryuk District, Krasnodar Krai, 353556, Russian Federation

^d Krasnodar's Felitsyn State Historical and Archaeological Reserve
Krasnodar, Gymnazicheskaya st., 67, Krasnodar, 350910, Russian Federation
E-mail: s_slepchenko@list.ru (Slepchenko S.M.); sudarev@list.ru (Sudarev N.I.);
naslediekk@mail.ru (Tsokur I.V.); abramovasacha0902@gmail.com (Abramova A.N.)

First results of the archaeoparasitological study of the Volna 1 burial ground (Temryuk District, Krasnodar Krai)

The paper presents the results of an archaeoparasitological analysis of the soil samples from a number of the burials dated to the end of the 4th — first half of the 3rd c. B.C. of the ancient burial ground of Volna 1 situated in the territory of the "Asiatic part" of the Bosporan Kingdom (present-day Temryuk District, Krasnodar Krai). As the result of the investigation, the parasitogenic spectrum of the studied population group has been determined. The eggs of three types of helminths were found. The presence of the eggs of human whipworm (*Trichuris trichiura*) in the soil samples from the burials suggest relatively poor sanitary and hygienic condition of the population and undeveloped hygienic habits of the studied population group. Analysis of the archaeoparasitological data in the historical context and utilization of the archaeopathological material from the archaeological sites of the chronologically close period from the territory of Europe and Asia Minor permitted identification of the range of possible causes of such a situation. The undeveloped hygienic habits are also manifested by finding of lancet fluke (*Dicrocoelium dendriticum*) eggs in the soil samples. Besides, the presence in the soil samples of the eggs of this parasite is indicative, from the point of view of archaeoparasitology, of the type of the economy, its methods and, partly, of the dietary specifics. Interesting is the fact of finding of the broad tapeworm (*Diphyllobothrium latum*) eggs in one of the samples. Given the life cycle of the broad tapeworm and mode of infestation, it is possible to determine unambiguously that the tapeworm infestation might have happened during the consumption of raw underboiled/underroast or dried fish from the freshwater lakes and rivers from the territory of the south of Russia (River Kuban, River Don etc.). Having considered the obtained data in the historical-archaeological context, it is possible to hypothesize on the directions of travels of the infested individual. Characteristics of the archaeoparasitological spectrum indicate possible use of anthelmintic agents, or consumption of food with vermicial effect with respect to the round worms. An important result of the study is demonstration of capabilities of the archaeoparasitology as a source of bioarchaeological information on the population of Northern Black Sea coast.

Keywords: Northern Black Sea region, archeoparasitology, palynology, paleopathology, intestinal parasites, bioarchaeological reconstructions.

REFERENCES

- Anastasiou, E., Papathanasiou, A., Schepartz, L.A., Mitchell, P.D. (2018), Infectious disease in the ancient Aegean: Intestinal parasitic worms in the Neolithic to Roman Period inhabitants of Kea, Greece. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (17), 860–864. <https://doi:10.1016/j.jasrep.2017.11.006>
- Ash, L.R., Orihel, T.C. (2007). *Atlas of Human Parasitology*. 5th ed. ASCP Press.
- Berlizov, A.N., Kashaev, S.V., Mimokhod, R.A. (2019). Evolution of funeral traditions in Volna 1 and Artyushchenko 2 necropolises during the 6th to 4th centuries BC. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (3), 229–245. (Rus.).
- Bo'ia, M.N., Carvalho-Costa, F.A., Sodre', F.C., Eyer-Silva, W.A., Lamas, C.C., Lyra, M.R., Pinto-Junior, V.L., Cantalice, F., Oliveira, A.L., Carvalho, L.M., Gross, J.B., Sousa, A.L., Moraes, T.I., Bermudez-Aza, E.H., Martins, E.B., Coura, J.R. (2006). Mass treatment for intestinal helminthiasis control in an Amazonian endemic area in Brazil. *Revista do Instituto de Medicina Tropical de São Paulo*, (48), 189–195. <https://doi:10.1590/S0036-46652006000400003>
- Bouchet, F., Harter, S., Le Bailly, M. (2003). The State of the Art of Paleoparasitological Research in the Old World. *Memórias do Instituto Oswaldo Cruz*, (98), 9–101. <https://doi:10.1590/S0074-02762003000900015>
- Bundy, D.A., Cooper, E.S. (1989). Trichuris and trichuriasis in humans. *In Advances in parasitology*, (28), 107–173. [https://doi:10.1016/s0065-308x\(08\)60332-2](https://doi:10.1016/s0065-308x(08)60332-2)
- Callen, E.O., Cameron, T.W.M. (1960). A prehistoric diet revealed in coprolites. *New Scientist*, (7), 35–40.
- Crofton, H.D. (1971). A quantitative approach to parasitism. *Parasitology*, (62), 179–193. <https://doi:10.1017/S0031182000071420>

* Corresponding author.

- Dufour, B. (2015). *Synthèse de Données et Nouvelle Contribution à L'étude des Parasites de L'époque Romaine, et Apports Méthodologiques de L'extraction des Marqueurs Au Traitement des Résultats*. Besançon: Université de Bourgogne Franche-Comté.
- Dufour, B., Segard, M., Le Bailly, M. (2016). A First Case of Human Trichuriasis from a Roman Lead Coffin in France. *Korean Journal of Parasitology*, (54), 625–629. <https://doi:10.3347/kjp.2016.54.5.625>
- Gaevskaia, A.V. (2015). *The world of human parasites. I: Trematodes and trematodoses of food origin*. Sevastopol': EKOSI-Gidrofizika. (Rus.).
- Gaevskaia, A.V. (2017). *The world of human parasites. III: Cestodes and cestodoses of food origin*. Sevastopol': Kolorit. (Rus.).
- Garbuzov, G.P., Porotov, A.V., Sudarev, N.I. (2017). To discuss the results of paleogeographic studies in the Kuban river delta. *Drevnosti Bospora*, (21), 64–81. (Rus.).
- Gippokrat (1936). *Selected books*. Russian translation by V.I. Rudneva. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologii i medicinskoy literatury. (Rus.).
- Hoeppli, R. (1956). The knowledge of parasites and parasitic infections from ancient times to the 17th century. *Experimental Parasitology*, (5), 398–419. [https://doi:10.1016/0014-4894\(56\)90024-8](https://doi:10.1016/0014-4894(56)90024-8)
- Jeandron, A., Rinaldi, L., Abdylidaeva, G., Usubalieva, J., Steinmann, P., Cringoli, G., Utzinger, J. (2011). Human infections with *Dicrocoelium dendriticum* in Kyrgyzstan: The tip of the iceberg? *Journal of Parasitology*, (97), 1170–1172. <https://doi:10.1645/GE-2828.1>
- Keiser, J., Utzinger, J. (2008). Efficacy of current drugs against soil-transmitted helminth infections: Systematic review and meta-analysis. *JAMA*, (299), 1937–1948. <https://doi:10.1001/jama.299.16.1937>
- Koloski-Ostrow, A.O. (2015). *The Archaeology of Sanitation in Roman Italy: Toilets, Sewers, and Water Systems*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Kruglikova, I.T. (1975). *The Bosporus agriculture*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Le Bailly, M., Bouchet, F. (2010). Ancient dicrocoeliosis: Occurrence, distribution and migration. *Acta Tropica*, (115), 175–180. <https://doi:10.1016/j.actatropica.2010.03.004>
- Ledger, M.L., Stock, F., Schwaiger, H., Knipping, M., Brückner, H., Ladstätter, S., Mitchell, P.D. (2018). Intestinal parasites from public and private latrines and the harbour canal in Roman Period Ephesus Turkey (1st c. BCE to 6th c. CE). *Journal of Archaeological Science: Reports*, (21), 289–297. <https://doi:10.1016/j.jasrep.2018.07.013>
- Leles, D., Reinhard, K.J., Fugassa, M., Ferreira, L.F., Iñiguez, A.M., Araújo, A.A. (2010). Parasitological paradox: Why is ascariid infection so rare in the prehistoric Americas? *Journal of Archaeological Science*, (37), 1510–1520. <https://doi:10.1016/j.jas.2010.01.011>
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskii, P.S. (2019). Excavations of Volna 1 cemetery in 2017. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Vyp. 2: Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 70-letiiu professora V.P. Kopylova*. Rostov-na Donu: Nasledie, 120–144. (Rus.).
- Mimokhod, R.M., Sudarev, N.I., Uspenskii, P.S. (2017). New “city” necropolis of archaic and classical period in Taman peninsula: (Preliminary information). *Drevnosti Bospora*, (21), 295–310. (Rus.).
- Mitchell, P.D. (2016). Human parasites in the Roman World: Health consequences of conquering an empire. *Parasitology*, (8), 1–11. <https://doi:10.1017/S0031182015001651>
- Porotov, A.V., Sudarev, N.I., Garbuzov, G.P. (2017). Some results of archaeological and paleographic studies in the Kuban valley. *Fundamental'nye problemy kvartera, itogi izucheniia i osnovnye napravleniia dal'neishikh issledovani: Materialy X Vserossiiskoi konferentsii po izucheniuiu chetvertichnogo perioda*. Moscow: GEOS, 324–326. (Rus.).
- Reiczigel J., Marozzi, M., Fábíán, I., Rózsa, L. (2020). Biostatistics for Parasitologists -- A Primer to Quantitative Parasitology. *Trends in Parasitology*, (35), 277–281. <https://doi:10.1016/j.pt.2019.01.003>
- Reiczigel, J., Rózsa, L. (2005). Quantitative Parasitology 3.0 (Internet); Budapest, Hungary. URL: <http://www.zoologia.hu/qp/qp.html>.
- Reinhard, K.J. (1992). Parasitology as an interpretive tool in archaeology. *American Antiquity*, (57), 231–245. <https://doi:10.2307/280729>
- Scheidel, W. (2009). Disease and Death in the Ancient City of Rome. *Princeton/Stanford Working Papers in Classics*. <https://doi:10.2139/ssrn.1347510>
- Scholz, T., Garcia, H.H., Kuchta, R., Wicht, B. (2009). Update on the human broad tapeworm (genus *Diphyllobothrium*), including clinical relevance. *Clinical Microbiology Reviews*, (22), 146–160. <https://doi:10.1128/CMR.00033-08>
- Scholz, T., Kuchta, R., Brabec, J. (2019). Broad tapeworms (*Diphyllobothriidae*), parasites of wildlife and humans: Recent progress and future challenges. *International Journal for Parasitology: Parasites and Wildlife*, (9), 359–369. <https://doi:10.1016/j.ijppaw.2019.02.001>
- Scobie, A. (1986). Slums, Sanitation, and Mortality in the Roman World. *Klio*, (2), 399–433. <https://doi:10.1524/klio.1986.68.68.399>
- Serdiukov, A.M. (1979). *Diphyllobothriids of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Slepchenko, S.M., Kardash, O.V., Slavinsky, V.S., Ivanov, S.N., Rakultseva, D.S., Tsybankov, A.A., Shin, D.H. (2019). Archaeoparasitological Analysis of Samples from the Cultural Layer of Nadym Gorodok dated back to the 14th — Late 18th Centuries. *Korean Journal of Parasitology*, (57), 567–573. <https://doi:10.3347/kjp.2019.57.6.567>

Первые результаты археопаразитологического исследования грунтового могильника Волна 1...

Slepchenko, S.M., Pererva, E.V., Ivanov, S.N., Klepikov, V.M. (2019). Archaeoparasitological analysis of soil samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd–1st centuries BCE, Russia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (26). <https://doi:10.1016/j.jasrep.2019.101874>

Stahel, E. (1981). Spurious infections by the small liver fluke (*Dicrocoelium dendriticum*) in Switzerland 1976–1980. *Schweizerische medizinische Wochenschrift*, (111), 1159–1162.

Sudarev, N.I. (2017). “Trade: ways — goods — relations” through the prism of studying funerary monuments of the Asian Bosphorus. In: *XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti — tovary — otnosheniia*. Kerch': Solo-Rich, 525–535. (Rus.).

Sudarev, N.I., Garbuzov, G.P. (2015). To the question of colonization of the Bosphorus. *Tavrisheskie studii. Seriia Istoricheskie nauki*, (7), 156–166. (Rus.).

Tsokur I.V. (2017). Burial ground “Volna 1”. *Drevnosti Bospora*, (20), 493–501. (Rus.).

Tsokur I.V. (2020). To the question of the burial constructions of 6th–2nd cc. BC of the Taman' peninsula (on the materials of necropolis “Volna 1”, excavation 2015–2018). *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia. XXXI Krupnovskie chteniia*. Makhachkala: Mavraev", 284–286. (Rus.).

Vozianova, Zh.I. (2001). *Infectious and parasitic diseases*. Kiev: Zdorovje. (Rus.).

Zavoikin, A.A. (2013). *Formation of the Bosporan state*. Archeology and chronology of the formation of the Spartocids Empire. Simferopol'; Kerch': IA RAN. (Rus.).

Слепченко С.М., <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Сударев Н.И., <https://orcid.org/0000-0001-8827-9656>

Цокур И.В., <https://orcid.org/0000-0002-7397-5226>

Абрамова А.Н., <https://orcid.org/0000-0002-6390-0845>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Рассказова А.В.^{a, b, *}, Зейфер В.А.^c, Мазурок О.И.^d

^a Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334

^b НИИ и Музей антропологии МГУ, ул. Моховая, 11, Москва, 125009

^c Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292

^d Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Музейный переулок, 4, Переславль-Залесский, 152024

E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru (Рассказова А.В.); boatswain.72@mail.ru (Зейфер В.А.);
sfabr2@yandex.ru (Мазурок О.И.)

МАССОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

Статья посвящена антропологическому исследованию массового захоронения XIII–XIV вв. Цель работы — краниологическое исследование и выяснение обстоятельств образования массового захоронения. Установлено, что население Переславля формировалось под влиянием северо-западного и южного потоков славянской миграции. Влияние же древней финно-угорской антропологической компоненты на городское население XIII в. незначительно. Сделан вывод о одновременной гибели жителей города в результате военного столкновения

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, городское население, массовое захоронение, русские, средневековые города.

Введение

Переславль (Переславль-Залесский) был основан князем Юрием Долгоруким в середине XII в. [ПСРЛ, 1921, с. 77]. Город входил в состав Ростово-Суздальской земли. С 1212 по 1302 г. был центром удельного Переяславского княжества. После 1302 г. Переяславское княжество, юридически отошедшее к землям великого княжества Владимирского, существовало в политическом союзе с Москвой [Кучкин, 1984, с. 139].

Особенностью природных условий региона является наличие большого водоема: озера Плещеево (в русском летописании Клецино), ключевого звена одного из вариантов Волжского пути, соединявшего северо-западные земли с северо-востоком [Рыбаков, 1948, с. 349]. Следует предположить, что изначально Переяславль являлся сторожевым и административным пунктом на торговой магистрали для поставок хлеба из опольной суздальской земли в Новгород. Город был заложен на правом берегу р. Трубеж, на пустом ранее незаселенном месте [Воронин, 1961, с. 86–87]. В отличие от болотистой низины, в которой расположилась крепость, высокие берега озера были освоены ранее XII в. многочисленным славяно-финским населением.

В целом земли Волго-Клязьминского региона были освоены славянами еще в третьей четверти I тыс. н.э. Характерным элементом древностей этой племенной группировки славян являются браслетообразные височные кольца со сходящимися или заходящими друг на друга концами [Седов, 2002а, с. 157, 159]. Мерянская этническая общность в районе озер Неро и Клецино образуется под воздействием притока финноязычного населения из бассейна Средней Оки [Леонтьев, 1996, с. 21]. В.В. Седов выдвинул гипотезу о славянской основе мери в результате миграции в VI–VII вв. нового населения из Средней Европы. А.Е. Леонтьев, признавая важность фактов, положенных в основу этой концепции, напомнил, что летопись отрицает славянство мери, относя ее к «иным языцам» [2012, с. 163]. Палеоантропологические же материалы, которые позволили бы пролить свет на антропологический тип носителей мерянской культуры, совершенно неизвестны.

В X в. начинается новый приток славянского населения. В.В. Седов отмечает, что курганные материалы Северо-Восточной Руси выявляют два направления движения славянского населения в X–XI вв.: ильменских словен через бассейн Мологи и смоленско-полоцких кривичей, двигавшихся вдоль Волги и оседавших в Ростово-Суздальской земле среди раннеславянского и словенского населения [Седов, 2002а, с. 159]. Постепенно в процессе взаимодействия финноязычной мери и славянского населения происходило становление древнерусского населения Ростово-Суздальской земли [Седов, 2002b, с. 395].

* Corresponding author.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

Несмотря на важное место Переславля-Залесского в истории Северо-Восточной Руси и Русского государства, до недавнего времени с палеоантропологической точки зрения он совершенно не был изучен. Первые палеоантропологические исследования города связаны с обширными спасательными археологическими работами Института археологии РАН, начатыми в 2012 г., и посвящены исследованию некрополей XV–XVII вв. [Зейфер и др., 2014, 2016; Рассказова, 2019, 2020].

В 2016 г. в Переславле-Залесском, во время охранных археологических исследований Института археологии РАН, было обнаружено массовое скопление человеческих останков. Комплекс первоначальной городской застройки кремля включал котлованы построек XIII–XIV вв. [Зейфер и др., 2019]. Захоронение располагалось в подполе сгоревшей постройки. Предварительная датировка, выполненная на основании анализа массового керамического материала и индивидуальных находок (среди которых фрагменты стеклянных браслетов и височные кольца), указывает на то, что погребение было совершено в период XIII — середины XIV в. [Рассказова и др., 2019]. Эта самая ранняя находка палеоантропологического материала, зафиксированного на территории города. Комплекс представляет огромный интерес, как с антропологической, так и с исторической точки зрения.

Целями настоящего исследования являются: краниологическое исследование, выявление антропологических связей средневекового населения Переславля-Залесского, а также выяснение обстоятельств образования массового захоронения на территории города с привлечением антропологических методов.

Материалы и методы

В исследованном массовом погребении все кости находились не в анатомическом порядке, и определить их принадлежность к конкретным индивидам не представлялось возможным. Минимальная численность индивидов в массовом захоронении устанавливалась путем определения максимального количества костей одного типа. Проводился подсчет лобных костей с сохранившейся областью точки *glabella*, затылочных костей с сохранившейся областью точки *opistion* и нижних челюстей с сохранившейся областью точки *gnation*. Проводилось суммирование количества целых черепов и черепных крышек с максимальным количеством фрагментов костей лобного отдела, затылочного отделов черепов или нижних челюстей. Также рассчитывалось максимальное представленное количество парных костей посткраниального скелета по одной стороне тела и крестцов. Пол и возраст определялись по черепу, так как тазовых костей было значительно меньше. Определение пола и возраста проводилось по стандартной методике, принятой в классических палеоантропологических работах [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–34]. Также на краниологическом материале были проведены исследования травматических повреждений. Краниологическое исследование выполнялось по стандартной программе [Алексеев, Дебец, 1964, с. 52–74]. Программа исследования включала 28 линейных и угловых размеров и расчет по ним 2 указателей. Всего было изучено 28 мужских и 16 женских черепов.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета программ STATISTICA 12. Для определения основных антропологических компонентов в составе погребенных был использован межгрупповой канонический дискриминантный анализ. В качестве сравнительного материала в анализ были включены близкие по времени краниологические серии с территории Восточной Европы с численностью индивидов, достаточной для статистической обработки.

Анализ был выполнен с помощью программы MultiCan [Гончаров, Гончарова, 2016]. Были вычислены расстояния Махаланобиса между группами в пространстве всех канонических переменных. Для оценки сходства между группами использовался квадрат расстояния Махаланобиса с поправкой на численность [Rightmire, 1969]. Этот способ позволяет учитывать вклад всех канонических переменных в общую межгрупповую изменчивость.

Результаты

Палеодемография. В процессе разбора останков из погребения обнаружено большое количество целых костей животных (коров, лошадей и собак) без следов разделки и кулинарной обработки. В исследованном массовом захоронении находились останки не менее чем 99 человек, из них 80 взрослых и 19 детей (23,7 %). Пол и возраст удалось определить у 54 взрослых индивидов. Мужских погребений 55,6 % (30 индивидов), женских — 44,4 % (24 индивида). Распределение индивидов по полу и возрасту представлено на рис. 1. В мужской части группы представлены практически все возрастные интервалы с наибольшей численностью в 30–40 лет и старше 45 лет. Женская часть группы в основном представлена индивидами 20–35 лет с наибольшей численностью в интервале 25–29 лет и постепенным снижением к старшим возрастным интервалам.

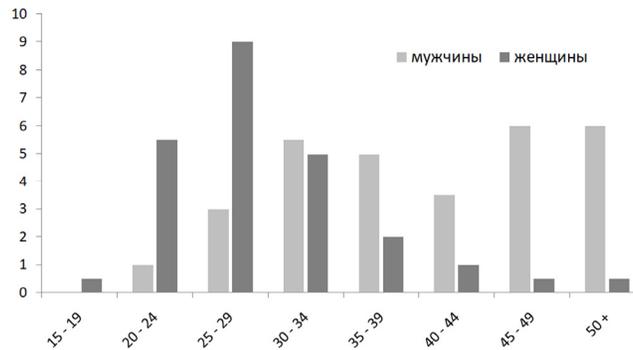

Рис. 1. Частота встречаемости индивидов в серии по полу и возрасту.
Fig. 1. Sex and age distribution of individuals in a mass burial.

Травматические повреждения, причиненные боевым оружием. При исследовании травматических повреждений было отмечено 11 случаев травм черепа без следов заживления или некротического процесса. Расположение и характер этих повреждений позволил классифицировать их как травмы, несовместимые с жизнью, нанесенные индивидам незадолго до смерти. Обнаружено два случая рубленых ран. Рубленая рана скулы с повреждением нижней челюсти (рис. 2, 1). Удар нанесен острым рубящим оружием по направлению сверху вниз, возможно, нападающий был верхом. Рубленая рана затылка. Расположение и характер удара указывают, что удар был нанесен по лежащему на земле человеку (рис. 2, 2). Остальные девять случаев незаживших травм черепа представлены дырчатыми переломами с радиальным растрескиванием (рис. 2, 3). Они обнаружены в области лобных, теменных или затылочных костей. Возможно, это последствия удара тупым предметом с ограниченной поверхностью, по типу кистеня.

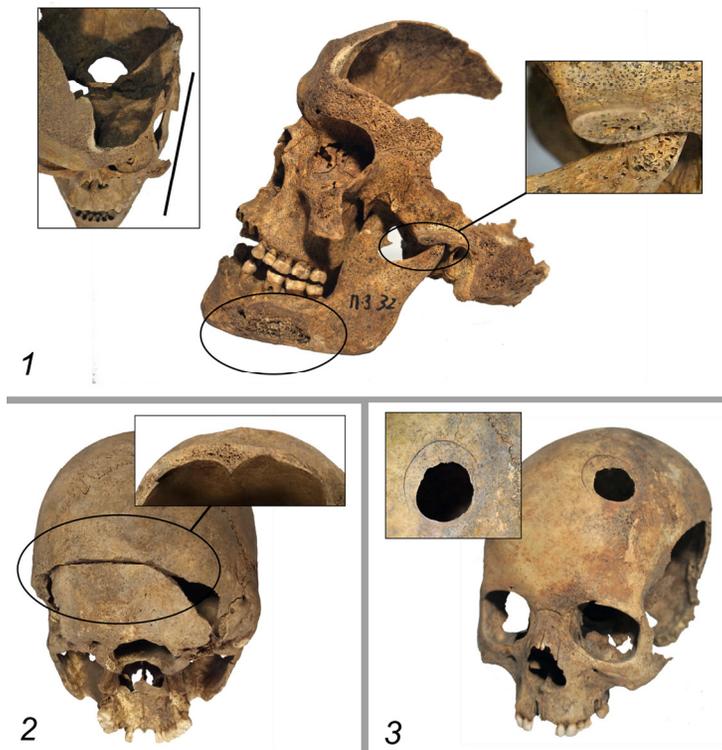

Рис. 2. Травмы черепа:
1 — рубленая рана скулы с повреждением нижней челюсти; 2 — рубленая рана затылка;
3 — дырчатый перелом лобной кости.

Fig. 2. Injuries to the skull:
1 — sword wound on the cheekbone and the lower jaw; 2 — sword wound on the occipital bone;
3 — perforated fracture on the frontal bone.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

Краниологическое исследование. Основные статистические параметры мужских и женских черепов представлены в табл. 1. Мужские черепа из коллективного захоронения долихокраничные, все основные размеры и диаметры черепной коробки относятся к категории средних величин, кроме поперечного диаметра черепа, попадающего в категорию малых размеров. Верхняя высота лица малая. Скуловой диаметр, верхняя и средняя ширина лица попадают в категорию средних размеров, вертикальный фацио-церебральный указатель попадает в категорию малых размеров, поперечный фацио-церебральный указатель — в категорию больших. Лицо среднее по верхнему лицевому указателю с сильной горизонтальной профилировкой по обоим лицевым углам. Грушевидное отверстие узкое, высота носа малая, нос мезоринный по указателю, выступание носовых костей относительно профиля лица большое. Переносье широкое и высокое, симотический указатель большой. Орбиты низкие, среднеширокие, мезоконхные по указателю.

Таблица 1

Основные статистические параметры краниологической серии из массового захоронения с территории Переславля-Залесского

Table 1

The main statistical parameters of the craniological series from mass grave from Pereslavl-Zalesky

№ по Мартину	Признаки	Мужчины			Женщины		
		N	M	SD	N	M, мм	SD
1	Продольный диаметр	28	183,3	5,6	15	174,6	4,2
8	Поперечный диаметр	26	137,1	2,7	13	136,8	5,0
8/1	Поперечно-продольный указатель	26	75,0	2,1	13	78,5	2,5
17	Высотный диаметр	27	136,4	6,0	13	128,3	4,7
5	Длина основания черепа	27	103,2	4,4	10	99,1	3,8
11	Ширина основания черепа	25	123,8	4,4	12	118,8	4,5
9	Наименьшая ширина лба	28	97,1	4,4	16	97,3	5,2
10	Наибольшая ширина лба	28	116,6	4,4	13	114,3	4,4
12	Ширина затылка	26	109,0	5,7	11	106,8	3,2
40	Длина основания лица	18	100,1	4,7	6	98,4	
45	Скуловой диаметр	16	134,1	3,6	7	123,9	2,7
48	Верхняя высота лица	21	68,7	4,5	13	66,4	4,1
48/45	Верхний лицевой указатель	14	53,1	2,5	7	52,5	2,9
45/8	Поперечный фацио-церебральный	14	98,0	2,2	5	93,5	
48/17	Вертикальный фацио-церебральный	18	51,0	3,0	10	51,9	4,2
43	Верхняя ширина лица	28	105,5	3,9	15	103,7	3,9
46	Средняя ширина лица	19	96,6	4,9	8	93,4	2,9
55	Высота носа	21	49,0	2,6	13	48,4	3,8
54	Ширина носа	18	24,1	1,3	10	24,2	1,8
54/55	Носовой указатель	18	49,4	3,4	10	51,1	5,1
52	Высота орбиты	21	31,6	1,7	12	31,0	1,4
51	Ширина орбиты от mf	21	41,0	1,4	12	40,4	1,4
52/51	Орбитный максиллофронтальный указатель	21	77,3	4,3	12	76,8	3,7
43[1]	Биорбитальная ширина	23	98,7	3,5	12	96,5	2,5
77	Назомалярный угол	18	139,4	3,9	7	137,3	4,5
<Zm'	Зигомаксиллярный угол	18	128,3	5,8	7	125,6	3,0
SC	Симотическая ширина	20	10,4	1,2	11	11,0	2,2
SS	Симотическая высота	20	5,0	1,3	11	4,5	1,0
SS/SC	Симотический указатель	20	48,3	10,8	11	41,2	7,4
MC	Максиллофронтальная ширина	19	22,7	2,1	10	22,0	1,8
MS	Максиллофронтальная высота	19	9,3	1,6	10	9,1	0,8
MS/MC	Максиллофронтальный указатель	19	41,1	7,8	10	41,5	5,7
75[1]	Угол выступления носа	15	30,7	4,8	9	26,2	4,2

Примечание. Случаи превышения пределов средних величин квадратических отклонений выделены полужирным шрифтом.

Женские черепа мезокраничные, все основные диаметры черепной коробки относятся к категории средних величин, длина основания черепа, наименьшая ширина лба попадают в категорию больших величин. Скуловой диаметр, верхняя высота лица и средняя ширина лица, поперечный и вертикальный фацио-церебральные указатели попадают в категорию средних размеров, верхняя ширина лица — в категорию больших. Лицо среднее по верхнему лицевому указателю с сильной горизонтальной профилировкой по обоим лицевым углам, нос сильно выступает к линии профиля. Переносье широкое и высокое, симотический указатель большой. Орбиты

низкие, малые по ширине, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие и высота носа средние, нос мезоринный по указателю.

Таблица 2

Квадратичные расстояния Махаланобиса между серией из массового захоронения в Переславле-Залесском и близкими по времени сериями с территории Восточной Европы. Мужчины

Table 2

Squared Mahalanobis distances between a series from a mass grave in Pereslavl-Zalessky and contemporary series from Eastern Europe. Men

	Серия	Датировка, вв.	Автор
0,8	Кривичи смоленско-тверские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
0,9	Смоленские кривичи	XII–XIII	Алексеева, 1973
0,9	Поляне переяславские (курганы)	VIII–X	Алексеева, 1973
0,9	Смоленские кривичи	X–XII	Алексеева, 1973
1,0	Поляне (курганы)	IX–XIII	Алексеева, 1973
1,2	Тверские кривичи	X–XIV	Алексеева, 1973
1,3	Волосово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
1,5	Муранский и др. (средневековая мордва)	X–XIII	Алексеев, 1969
1,6	Волгово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
1,7	Поляне черниговские	XI–XIII	Алексеева, 1973
1,7	Северяне (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
1,7	Поляне черниговские (курганы)	VIII–X	Алексеева, 1973
1,7	Дреговичи восточные и западные	X–XIII	Алексеева, 1973
1,7	Дреговичи восточные и западные	X–XIII	Алексеева, 1973
1,8	Московская и Рязанская (вятичи)	XII–XIII	Алексеева, 1973
1,8	Галич	X–XIII	Рудич, 2011
1,9	Рутелицы. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XV	Седов, 1952
1,9	Борницы и др. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
1,9	Любеч	XI–XII	Алексеева, 1973
1,9	Поляне переяславские (курганы)	XI–XII	Алексеев, 1969
2,0	Артюшино, Городня, Рогатино, Торосово, Ущевицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
2,0	Володино. Ижорское плато (словене)	XI–XIII	Гончарова, 2000
2,1	Ярославль. Рубленый город	XIII	Гончарова, 2011
2,2	Вятичи, верховья Москвы и Истры	XII–XIII	Алексеева, 1973
2,3	Дмитров	XII–XVI	Гончарова, 2011
2,3	Радимичи	XI–XII	Алексеева, 1973
2,3	Радимичи (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
2,3	Северяне	IX–XIII	Алексеев, 1969
2,5	Кривичи ярославские	X–XIV	Алексеева, 1973
2,6	Калитино, Таровицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
2,6	Ожого. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
2,7	Поляне (кладбища)	—	Алексеева, 1973
2,7	Поляне киевские	XI–XIII	Алексеева, 1973
2,9	Новосиверская-2. Ижорское плато	XIII–XIV	Санкина, 2007
3,1	Старая Рязань	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,1	Новогрудок	XI–XII	Саливон и др., 1976
3,1	Вятичи низовья Москвы и бассейн Пахры	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,4	Селиксенский и Цнинские могильники (объединенная древнемордовская серия)	III–X	Алексеева, 1973; Дебеч, 1948
3,4	Лашковицы. Ижорское плато	XII–XVI	Хартанович, Чистов, 1984
3,6	Витичев	XI	Алексеева, 1973
3,7	Бегуницы. Ижорское плато	XII–XIII	Хартанович, Чистов, 1984
3,9	Кривичи костромские	X–XIV	Алексеева, 1973
4,0	Хрепле. Верхнее Полужье (словене)	XI–XII	Гончарова, 2000
4,0	Старая Ладога	XI–XII	Санкина, 2000
4,2	Кривичи ярославские, костромские, владимирские, рязанские, нижегородские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
4,5	Войносолово. Ижорское плато	XII–XV	Гончарова, 2000
4,5	Конезерье. Верхнее Полужье	XIII–XIV	Санкина, 2000
4,6	Ольгин Крест, Криуши, Загривье, Мокредь. Сланцевский р-н Ленинградской обл.	XI–XIV	Алексеева, 1963
4,7	Владимирская, Рязанская, Нижегородская (кривичи)	X–XIV	Алексеева, 1973
5,1	Новинки. Старорусский р-н Новгородской обл.	XI–XIII	Гончарова, 2000
5,5	Нефедьево-Шульгино. Вологодская обл.	XI–XIII	Алексеева и др., 1993
6,4	Вологодская обл.	XI–XIII	Коваленко, 1975

И в мужской, и в женской подгруппах по ряду признаков наблюдается превышение величины стандартного отклонения по сравнению со средними значениями [Алексеев, Дебеч, 1964, с. 123–127].

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

В таблице эти стандартные отклонения выделены жирным шрифтом. Часть же значений квадратичных отклонений меньше средних величин этого признака. Была проведена проверка нормальности распределения признаков с помощью критерия Шапиро — Уилка. Проверка показала, что от нормального распределения в мужской подгруппе отличается только вертикальный фацио-церебральный указатель, демонстрирующий двувёршинность; в женской подгруппе — верхняя высота лица и носовой указатель, что можно объяснить очень небольшой численностью исследованной подгруппы.

Межгрупповой анализ. Для выяснения положения изучаемой серии в кругу территориально и хронологически близких серий был проведен канонический дискриминантный анализ по 12 признакам: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, SS:SC, 77, <Zm', 75(1). Были проанализированы 53 мужских и 50 женских серий. Список сравнительных групп представлен в табл. 2, 3.

Таблица 3

Квадратичные расстояния Махаланобиса между сериями из массового захоронения в Переславле-Залесском и близкими по времени сериями с территории Восточной Европы. Женщины

Table 3

Squared Mahalanobis distances between a series from a mass grave in Pereslavl-Zalesky and series contemporary from Eastern Europe. Women

Квадрат расстояния Махаланобиса	Серия	Датировка, вв.	Автор
-1,1	Озертицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIV	Санкина, 2000
-0,2	Беседа. Ижорское плато (словене)	XII–XIV	Седов, 1952
-0,1	Поляне переяславские	XI–XII	Алексеев, 1969
0,1	Калитино, Таровицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
0,1	Поляне черниговские	XI–XIII	Алексеева, 1973
0,1	Чернигов	XI–XIII	Алексеева, 1973
0,1	Артюшкино, Городня, Рогатино, Торосово, Ущевцы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
0,3	Витичев	XI	Алексеева, 1973
0,3	Конезерье. Верхнее Полужье	XIII–XIV	Санкина, 2000
0,4	Муранский и др. (средневековая мордва)	X–XIII	Алексеев, 1969
0,5	Лашковицы. Ижорское плато.	XII–XVI	Хартанович, Чистов, 1984
0,7	Волосово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
0,8	Поляне (кладбища)	—	Алексеева, 1973
0,9	Радимичи	XI–XII	Алексеева, 1973
0,9	Ожого. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
0,9	Рутелицы. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XV	Седов, 1952
1,0	Радимичи (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
1,1	Северяне	IX–XIII	Алексеев, 1969
1,2	Словене		Алексеев, 1969
1,3	Волгово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
1,3	Хрепле. Верхнее Полужье (словене)	XI–XII	Гончарова, 2000
1,8	Кривичи ярославские	X–XII	Алексеева, 1973
1,9	Любеч	XI–XII	Алексеева, 1973
2,0	Поляне черниговские	VIII–X	Алексеева, 1973
2,0	Поляне (курганы)	IX–XIII	Алексеева, 1973
2,0	Поляне переяславские	VIII–X	Алексеева, 1973
2,0	Северяне (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
2,2	Киев	XI–XIII	Алексеева, 1973
2,2	Поляне киевские	XI–XIII	Алексеева, 1973
2,3	Ярославль (Рубленый город)	XIII	Гончарова, 2011
2,7	Вятчи, верховья Москвы и Истры	XII–XIII	Алексеева, 1973
2,9	Кривичи ярославские, костромские, владимирские, рязанские, нижегородские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
2,9	Войносолово. Ижорское плато.	XII–XV	Гончарова, 2000
3,0	Новосиверская-2 (подгруппа 1). Ижорское плато	XIII–XIV	Санкина, 2007
3,0	Кривичи костромские	X–XII	Алексеева, 1973
3,0	Московская и Рязанская (вятчи)	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,0	Вятчи (курганы)	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,1	Нефедьево-Шульгино. Вологодская обл.		Алексеева и др. 1993
3,2	Славенка. Верхнее Полужье	XIII–XIV	Санкина, 2000
3,2	Кривичи смоленские	X–XII	Алексеева, 1973
3,2	Кривичи тверские	X–XII	Алексеева, 1973
3,3	Володино. Ижорское плато (словене)	XI–XIII	Гончарова, 2000
3,6	Ольгин Крест. Криуши, Загривье, Мокредь. Сланцевский р-н Ленинградской обл.	XI–XIV	Алексеева, 1963
3,7	Кривичи смоленско-тверские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
3,8	Вятчи, низовья Москвы и бассейн Пахры	XII–XIII	Алексеева, 1973
4,0	Дмитров	XII–XVI	Гончарова 2011
4,9	Галич	X–XIII	Рудич, 2011
7,8	Жабино, Загорицы, Смедово, Волковицы. Ижорское плато	XIII–XIV	Седов, 1952
9,7	Новинки. Старорусский р-н Новгородской обл.	XI–XIII	Гончарова, 2000

Результаты анализа мужских серий представлены в табл. 2. После расчета матрицы расстояний Махаланобиса серии были представлены в порядке убывания общего морфологического сходства с анализируемой выборкой из Переславля-Залесского. Минимальные квадратичные расстояния Махаланобиса соответствуют ближайшему сходству между группами. В результате поправки на численность сравниваемых групп [Rightmire, 1969] некоторые значения квадрата расстояния Махаланобиса получаются отрицательными, их следует считать близкими к нулю или очень малыми. Мужская подгруппа из Переславля-Залесского сближается с группами кривичей и курганскими группами полян переяславских. Она наиболее близка к объединенной серии смоленско-тверских кривичей, а также к ранней серии переяславских полян из курганов и серии смоленских кривичей. Чуть дальше отстоит от более поздней серии переяславских полян и серии тверских кривичей. Еще дальше от исследованной группы расположены серии из могильников с чудским инвентарем с территории Ижорского плато Волосово и Волгово, характеризующиеся как чудское население с небольшой славянской примесью [Седов, 1952], а также средневековая мордовская серия.

Результаты анализа женских серий представлены в табл. 3. Женские серии морфологически более близки между собой, если опираться на расстояние Махаланобиса. Исследованная серия наиболее близка к словенским группам с территории Ижорского плато и также сближается с поздними сериями полян переяславских и черниговских. Чуть дальше расположены серии с территории Витичева и Чернигова, а также морфологически неоднородная серия из Конезерья, чуть дальше отстоит серия средневековой мордвы. В отличие от мужской выборки, женская серия из Переславля-Залесского морфологически далека от групп смоленских и тверских кривичей.

Стоит отметить, что и женская, и мужская подгруппы исследуемой выборки морфологически сильно отличаются от территориально и хронологически близкой серии из массового захоронения в Ярославле, а также от костромских и ярославских кривичей.

Обсуждение

Найденное массовое погребение имеет много общих черт с коллективными захоронениями в Ярославле, оставленными после нашествия хана Бату в 1238 г. [Энговатова и др., 2009, 2010, 2012]. Например, захоронение было совершено в не предназначенном для этой цели месте: в подполе сгоревшей постройки. Отмечено значительное количество травм черепа без следов некротического процесса. Исследованные травматические повреждения практически полностью совпадают с повреждениями, обнаруженными во время исследования массовых захоронений в Ярославле [Buzhilova, Goncharova, 2009]. Вместе с останками людей были обнаружены практически полные скелеты домашних животных без следов кулинарной обработки: кости лошадей, коров и собак. Очевидно, подобные захоронения, нарушающие традиции погребения умерших, вызваны необходимостью спешной санитарной очистки территории города.

В отличие от захоронений, найденных в Ярославле, где в некоторых случаях было возможно определить принадлежность костей конкретным индивидам [Энговатова и др., 2012], все кости погребенных были изолированы и находились не в анатомическом порядке. Это может свидетельствовать о том, что костные останки были перезахоронены. Однако факт их захоронения в подполе постройки XIII в. и наличие в погребении костей животных ставят эту версию под сомнение. Можно утверждать, что ко времени захоронения тела практически полностью разложились. Это говорит о том, что с момента смерти до момента перезахоронения прошло довольно много времени, и, возможно, больше, чем в Ярославле. На это же указывает частичное разрушение и оплывание ямы постройки, в которой было обнаружено скопление костей [Зейфер и др., 2019, с. 142; Рассказова и др., 2019].

Расположение и характер захоронения свидетельствуют, что жители города погибли одновременно, в результате военного конфликта. Таким образом, исследованный палеоантропологический материал является одномоментным срезом населения средневекового города.

Помимо коллективных захоронений в Ярославле известны и другие массовые погребения горожан, которые исследователи соотносят с первым монгольским походом на Русь в 1237, 1238 гг. Коллективные захоронения зафиксированы археологами в Изяславле, Киеве и Старой Рязани [Даркевич, Борисевич, 1995; Рохлин, 1965; Хвойка, 1908].

Данные по аналогичным массовым захоронениям в других городах обнаруживают определенную стратификацию в половозрастном составе в разных захоронениях. В одних захоронены в основном мужчины активного возраста — защитники города, в других — женщины, старики и

дети [Даркевич, Борисевич, 1995; Энгватова и др., 2009, 2010, 2012]. В нашем случае изученную серию невозможно трактовать ни как группу защитников города со значительным преобладанием мужчин, ни как женщин, стариков и детей, прячущихся от завоевателей. Скорее всего, попадание индивидов в это погребение носит случайный характер.

Несмотря на сходство захоронения в Переславле с другими массовыми погребениями, мы не можем утверждать, что жители города погибли именно в 1238 г. Наряду с другими городами Северо-Восточной Руси Переяславль в течение XIII–XIV вв. подвергался частым нападениям монголов; особенно разорительными были походы 1252, 1281 и 1293 гг. [Кучкин, 1984, с. 109, 107]. Последнее монгольское вторжение, закончившееся пожаром и гибелью жителей, относится к декабрю 1408 г. [Смирнов, 1996, с. 103].

Результаты краниологических исследований показали превышение величины стандартного квадратического отклонения по ряду признаков и в мужской, и в женской подгруппах. Исходя из особенностей исследованной серии можно не брать во внимание фактор временной изменчивости населения, который играет важную роль при изучении материалов из городских некрополей с долгим периодом существования. Повышенную изменчивость ряда признаков можно объяснить разнородностью городского населения и относительно небольшим объемом выборки для женской подгруппы. Близость исследованной серии к южным группам полян переяславских объясняется политическими и миграционными процессами, происходившими в XII–XIII вв. По мнению ряда исследователей, Юрий Долгорукий стремился создать новую политическую парадигму в Северо-Восточной Руси, называя новый основанный им город-крепость в Ростово-Суздальской земле в честь более древнего Переяславля Русского [Ищенко, 2017, с. 274]. С другой стороны, топонимический перенос названия Переяславля Русского традиционно объясняется миграционными процессами. Например, некоторые исследователи полагают, что под влиянием половецкого давления происходил сдвиг населения южнорусских областей к северу [Кучкин, 1984, с. 74, 75]. Нестабильность политической ситуации могла способствовать добровольному исходу части населения вместе с князем [Kolyubenko, 2016, с. 242] или их насильственному выводу с подвластной/завоеванной территории. Например, в одной из войн с Рязанью в 1208 г. Всеволод Большое Гнездо выводит побежденных в свою землю: «и повеле великий князь всем людям изйти из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град... и взвратися... поимь по собе все Рязанцы» (цит. по: [Комаров, 2018, с. 97]).

Важная роль в становлении древнерусского народа принадлежала городам, они были центрами, собирающими дружинное сословие, торговцев и ремесленников. Городское население формировалось из жителей разных регионов и было неоднородно по этнической структуре [Седов, 1983], но существенная часть населения города обычно принадлежала к племени, на территории которого расположен этот город. Значительное влияние финно-угорского субстрата на формирование особенностей населения Волго-Клязьменского междуречья отмечала в своих работах Т.И. Алексеева, опираясь на данные по группам ярославских и костромских кривичей [1973, 2002]. Об этом свидетельствуют также финно-угорские топонимы, широко распространенные на этой территории [Седов, 2002b, с. 392].

Результаты многомерного межгруппового анализа показывают, что жители города морфологически близки к сериям кривичей и словен, переселявшихся в Ростово-Суздальские земли в X–XI вв., сильно отличаются от восточных групп кривичей и достаточно далеки от финно-угорских групп средневековой мордвы или серий ославяненной чуди. Возможно, здесь прослеживается незначительное влияние древнего мерянского финно-угорского антропологического компонента, но, по данным археологии, в словенской миграции принимала участие и ославяненная чуда [Седов, 2002a, с. 159], поэтому близость этих групп может быть обусловлена также влиянием позднего пришлого населения.

Различное поведение мужской и женской части серии при многомерном анализе можно объяснить относительно небольшим объемом женской выборки, но может быть, это показывает происходившие в тот момент изменения в антропологической структуре населения города, во время которых мужские и женские подгруппы зачастую ведут себя различно [Рассказова, 2019, 2020]. Опираясь на полученные результаты, можно было бы сделать вывод, что к моменту становления города потоки славянских миграций в Суздальскую землю полностью поглотили мерянского население. Однако позднее, в XV в., в мужской части жителей Переславля-Залесского финно-угорский антропологический компонент прослеживается очень четко, и было сделано предположение о переселении сельского населения, сохранившего в себе древний финно-угорский морфологический компонент, в сильно опустевший город [Рассказова, 2020]. Исходя из

этого можно заключить, что население города XIII–XIV вв. отличалось от населения сельской округи, что объясняется особенностями основания и начального бытования городской территории. По материалам археологических раскопок Н.Н. Воронина, выполненных в 1939 г. у стен Спасо-Преображенского собора, был сделан вывод, что постройка собора, а вместе с тем и заложение города происходили на совершенно пустынном и необитаемом берегу р. Трубуж [Воронин, 1961, с. 86–87]. Таким образом, городу не предшествовало какое-либо поселение. Быстрое развитие города в составе Суздальской земли способствовало привлечению торгового и ремесленного населения из других земель.

Выводы

Расположение и характер изученного массового погребения свидетельствуют, что жители города погибли одновременно в результате военного конфликта. Захоронение имеет много общих черт с массовыми погребениями периода монгольских нашествий, найденными в других городах.

Стратификация в половозрастном составе не отмечена. Попадание индивидов в захоронение носило случайный характер. Очевидно, санитарная очистка города происходила спустя значительное время, когда тела успели полностью разложиться.

Результаты антропологического исследования подтверждают археологические наблюдения о влиянии словено-кривичского населения на процесс заселения Ростово-Суздальской земли. На формирование населения Переславля-Залесского наибольшее влияние оказали миграционные потоки ильменских словен и смоленско-полоцких кривичей. Среди особенностей переславской выборки следует отметить также сильное влияние южнорусских переселенцев. Влияние финно-угорской морфологической компоненты на городское население XIII–XIV вв., напротив, очень незначительно.

Финансирование. Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алексеева Т.И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья // Труды ИЭ. Н. С. 1963. Т. 82. С. 122–143.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973, 332 с.
- Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского севера: История, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1993. С. 3–78.
- Алексеева Т.И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 2002. С. 160–170.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: АН СССР, 1961. Т. 1. 584 с.
- Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № Ru 2016610803. Опубл. 19.01.2016.
- Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России. Антропология. М.: Старый сад, 2000. С. 66–94.
- Гончарова Н.Н. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 202–216.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг, 1995. 225 с.
- Дяденко В.Д. Разведки и наблюдения за земляными работами в Киеве // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 207–210.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Рассказова А.В. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2014. Т. 10. С. 304–321.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Рассказова А.В. Средневековый некрополь в юго-восточной части кремля Переславля-Залесского // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2016. Т. 12. С. 342–350.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Леонтьев А.Е., Столярова Е.К., Сапрыкина И.А. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XV веках (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2019. Т. 15. С. 132–149.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

- Ищенко А.С.* Переяславль Южный в политической структуре Древней Руси // *Древняя Русь: во времени, личностях, в идеях.* 2017. № 8. С. 259–278.
- Коваленко В.Ю.* К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // *Вопросы антропологии.* 1975. Вып. 49. С. 92–107.
- Комаров К.И.* Расселение славян в Верхнем Поволжье // *Земли родной минувшая судьба...: К юбилею А.Е. Леонтьева.* М.: ИА РАН, 2018. С. 92–98.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Леонтьев А.Е.,* На берегах озер Неро и Плещеево // *Русь в IX–X веках: Археологическая панорама.* М.: Вологда: Древности Севера, 2012. С. 162–177.
- Платонов С.Ф.* (отв.ред). Полное собрание русских летописей. Т. XXIV: Летопись по Типографскому списку. СПб., 1921. 272 с.
- Рассказова А.В.* Краниология населения г. Переславля-Залесского XVI–XVIII вв. // *Вестник антропологии.* 2019. № 47. С. 72–89.
- Рассказова А.В., Зейфер В.А., Мазурок О.И.* Средневековое массовое захоронение в Переславле-Залесском: Предварительные результаты // VIII Алексеевские чтения: Материалы конф. М., 2019. С. 91–92.
- Рассказова А.В.* Краниология позднесредневекового населения Переславля-Залесского // *Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология.* 2020. № 3. С. 77–89. <https://doi.ru/10.32521/2074-8132.2020.3.077-089>
- Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // *История культуры Древней Руси. Домонгольский период.* М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 315–369.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.: Наука, 1965. 304 с.
- Рудич Т.А.* К вопросу об антропологическом составе населения древнерусского города (по материалам из раскопок Галича) // *Вестник антропологии.* 2011. № 19. С. 182–201.
- Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // *История культуры Древней Руси: Домонгольский период.* М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 315–369.
- Санкина С.Л.* Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // *Народы России: Антропология.* М.: Старый сад, 2000. С. 5–66.
- Санкина С.Л.* Материалы к проблеме заселения Ижорского плато: Могильник Ново-Сиверская-2 // *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г.* СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 202–206.
- Седов В.В.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // *КСИЭ.* 1952. Вып. 15. С. 78–85.
- Седов В.В.* Начало городов на Руси // *Древнерусское государство и славяне: Материалы сим., посвящ. 1500-летию Киева.* Мн., 1983. С. 51–54.
- Седов В.В.* Освоение славянами Восточноевропейской равнины // *Восточные славяне: Антропология и этническая история.* М.: Науч. мир, 2002а. С. 153–160.
- Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 2002b. 624 с.
- Саливон И.П., Тезако Л.И., Микулич А.И.* Очерки по антропологии Белоруссии. Мн., 1976. 128 с.
- Смирнов М.И.* Переславль-Залесский уезд: Краткий краеведческий очерк // *Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества.* Т. 10. М.: MelanarE, 2004. 55 с.
- Сукина Л.Б.* Переславль-Залесский. М.: Славпринт, 2002. 176 с.
- Хартанович В.И., Чистов Ю.К.* Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // *Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии.* Л.: Наука, 1984. С. 74–105.
- Хвойка В.В.* Раскопки в Десятиной церкви // *Императорская Археологическая Комиссия.* 1908. № 26. 128–129.
- Энговатова А.В., Антипина Е.Е., Власов Д.В., Добровольская М.В., Карлухин А.А., Осипов Д.О.* Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле: (Результаты комплексного исследования) // *Археология: История и перспективы.* Ярославль, 2012. С. 185–208.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Гончарова Н.Н., Бужилова А.П.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле: (Предварительные результаты) // *КСИА.* 2010. № 224. С. 106–114.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле: Анализ археологических и антропологических материалов // *РА.* 2009. № 2. С. 68–78.
- Buzhilova A., Goncharova N.* A mass grave from Medieval Russian town: The anthropological evidence of a social catastrophe // *Vers une anthropologie des catastrophes: Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne.* Editions APDCA, Antibes. P.: Ined, 2009. P. 285–300.

Kolybennko O.W. Переяславль Руський и Переяславль Залесский: Славяно-русские, тюркские и финно-угорские взаимосвязи и параллели // *Dobre i złe sąsiedztwa. Historia kluczem do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich.* Bydgoszcz, 2016. С. 233–247.

Rightmire G.P. On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D2) // *American Journal of Physical Anthropology.* 1969. № 30. P. 157–160.

Rasskazova A.V.^{a, b, *}, Zheyfer V.A.^c, Mazurok O.I.^d

^a Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninsky prospect, 32a, Moscow, 119334, Russian Federation

^b Research Institute and Museum of Anthropology MSU
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation

^c Institute of Archeology RAS, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

^d Pereslavl-Zalessky Historical, Architectural and Art Museum-Reserve
Museum lane, 4, Pereslavl-Zalessky, 152024, Russian Federation

E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru (Rasskazova A.V.); boatswain.72@mail.ru (Zheyfer V.A.);
sfabr2@yandex.ru (Mazurok O.I.)

Medieval mass burial in Pereslavl-Zalessky

The paper presents the results of the anthropological study of a mass grave located in the grounds of the kremlin of Pereslavl-Zalessky (European Russia). It has been preliminary dated to the 13th — first half of the 14th century. This study is aimed at craniological investigation and establishing anthropological connections of the Medieval population of Pereslavl-Zalessky, as well as clarification of the circumstances of appearance of the mass burial within the town territory with the aid of anthropological methods. The human remains were analyzed to identify the number of individuals and to determine their sex and age. Determination of sex and age and recording of injuries were carried out on the craniological material. The craniological program was used to study 28 male and 16 female skulls. A canonical discriminant analysis was used for the intergroup analysis. The mass burial contained separated bones of 80 adults and 19 children. It was possible to identify 30 males and 24 females. The male component of the group was represented by virtually all age groups. The female part comprised mainly women aged 20–35. Therefore, the interred were placed in the grave spontaneously, considerably later after their death; the bodies had time to decompose completely. Eleven instances of skull injuries without signs of necrotic process and healing were recorded. The location and characteristics of the burial and presence of several instances of fatal lacerated wounds indicate that the city residents died in the course of a military clash. Therefore, the studied series represents a time slice of the population of the medieval city. The canonical discriminant analysis on the craniological series of 53 revealed that the studied series is distinct from the territorially and chronologically close series of Yaroslavl and Kostroma Krivichs. It also showed that the formation of the population of Pereslavl-Zalessky was strongly influenced by the migration of the Ilmen Slovens and Smolensk-Polotsk Krivichs. Among the specifics of the Pereslavl series, also noteworthy is the strong influence of southern Russian migrants. On the contrary, the influence of the Finno-Ugric morphological component on the urban population of the 13th–14th centuries was very insignificant.

Keywords: paleoanthropology, craniology, urban population, mass burial, Russians, Medieval cities.

Funding. The work is published in accordance to the RAS Institute of Ethnology and Anthropology research plan.

REFERENCES

Alekseev, V.P., Debec, G.F. (1964). *Craniometry the Methods of anthropological research.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Alexeev, V.P. (1969). *Ethnogeny of Eastern Europe nationalities: (A craniological study).* Moscow: Nauka. (Rus.).

Alekseyeva, T.I. (1963). Some new materials to the craniology of the northwestern regions of Eastern Europe in the Middle Ages. *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya*, (82), 122–143. (Rus.).

Alexeeva, T.I. (1973). *Ethnogeny of East Slavs according to anthropological data.* Moscow: MGU. (Rus.).

Alekseeva, T.I., Makarov, N.A., Balueva, T.S., Segeda, S.P., Fedosova, V.N., Dobrovol'skaya, M.V. (1993). Early steps in colonization of the Russian north: History, anthropology, ecology. In: T. Alekseeva (Ed.). *Ekologicheskiye problemy v issledovaniyakh srednevekovogo naseleniya vostochnoy Evropy.* Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 3–78. (Rus.).

Alexeeva, T.I. (2002). Anthropological characteristics of Middle Age East Slavs in comparative coverage. In: T. Alekseeva (Ed.). *Vostochnie slavyane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya.* Moscow: Nauchnyj Mir, 160–170. (Rus.).

* Corresponding author.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

- Darkevich, V.P., Borisevich, G.V. (1995). *The ancient capital of the Ryazan land*. Moscow: Krug. (Рус.).
- Buzhilova, A., Goncharova, N. (2009). A mass grave from Medieval Russian town: The anthropological evidence of a social catastrophe. In: *Vers une anthropologie des catastrophes: Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne*. Paris: Ined, 285–300.
- Dyadenko, V.D. (1968). Exploration and observation of earthworks in Kiev in 1967. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1967 g.* Kiev, 207–210. (Рус.).
- Goncharov, I.A., Goncharova, N.N. (2016). MultiCan program for analyzing multidimensional data sets using sampling statistics and parameters of the general population (MultiCan). Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № Ru 2016610803.
- Goncharova, N.N. (2000). Characteristics of antropological type of Novgorod Slovenes in relation to the questions of their origination. In: T. Alekseeva (Eds.). *Narody Rossii. Antropologiya*. Moscow: Stariy Sad, 66–94. (Рус.).
- Goncharova, N.N. (2011). Formation of the antropological diversity of medieval cities: Yaroslavl, Dmitrov, Kolomna. *Vestnik antropologii*, (19), 202–216. (Рус.).
- Engovatova, A.V., Antipina, E.E., Vlasov, D.V., Dobrovolskaya, M.V., Karpukhin, A.A., Osipov, D.O. The ninth collective burial in 1238 on the territory of the Rubleny city in Yaroslavl: (Results of a comprehensive study). In: *Arkheologiya: Istoriya i perspektivy*. Yaroslavl, 185–208. (Рус.).
- Engovatova, A.V., Osipov, D.O., Buzhilova, A.P., Goncharova, N.N. (2010). Mass medieval burial in Yaroslavl: (Preliminary results). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, (224), 106–114. (Рус.).
- Engovatova, A.V., Osipov, D.O., Faradzheva, N.N., Buzhilova, A.P., Goncharova, N.N. (2009). Medieval mass graves in Yaroslavl: Analysis of archeological and antropological materials. *Rossiyskaya arkheologiya*, (2), 68–78. (Рус.).
- Ishchenko, A.S. (2017). Pereyasavl Southern in the political structure of Ancient Rus. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, lichnostyakh, v ideyakh*, (8), 259–278. (Рус.).
- Khartanovich, V.I., Chistov, Iu.K. (1984). Antropological composition of the medieval population of the Izhora Plateau. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Severa Yevrazii*. Leningrad: Nauka, 74–105. (Рус.).
- Khvoyka, V.V. (1908). Excavations in the Church of the Tithes. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya*, (26), 128–129. (Рус.).
- Kolybennko, O.W. (2016). Pereyasavl of Rus' and Pereyasavl Zalesky. Slavic-Old Rus', Turkic and Finno-Ugric relationships and parallels In: T. Maresz, K. Grysińska-Jarmuła (Eds.). *Dobre i złe sąsiedztwa. Historia kluczowa do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich*. Bydgoszcz, 233–247. (Рус.).
- Komarov, K.I. (2018). Resettlement of the Slavs in the Upper Volga region. In: A. Chernetsov (Ed.). *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba...: K yubileyu A.Ye. Leont'yeva*. Moscow: IA RAN, 92–98. (Рус.).
- Kovalenko, V.Iu. (1975). To the antropology of the Kurgan population of the 11th–13th centuries of Vologda region. *Voprosy antropologii*, (49), 92–107. (Рус.).
- Kuchkin, V.A. (1984). Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the X–XIV centuries. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Leontiev, A.E. (1996). *Archeology of Merya: Towards the Prehistory of North-Eastern Russia*. Moscow: Geoeko. (Рус.).
- Leontiev, A.E. (2012). On the shores of lakes Nero and Pleshcheyevo In: N. Makarov (Ed.). *Rus' v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama*. Moscow: Vologda: Drevnosti Severa, 162–177. (Рус.).
- Platonov, S.F. (Ed.) (1921). Complete collection of Russian chronicles. T. XXIV: Chronicle according to the Typographic list. St. Petersburg. (Рус.).
- Rasskazova, A.V. (2019). Craniology of the population of Pereslavl-Zalesky of the 16th–18th centuries. *Vestnik antropologii*, (47), 72–89. (Рус.).
- Rasskazova, A.V., Zeifer, V.A., Mazurok, O.I. (2019). Mass medieval burial in Pereslavl-Zaleskiy: Preliminary results. In: *VIII Alekseyevskiy chteniya: Materialy konferentsii*. Moscow: Research Institute and Museum of Anthropology, MSU, 91–92 (Рус.).
- Rasskazova, A.V. (2020). Craniological characteristics of the late medieval population of Pereslavl-Zalesky. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya*, (3), 77–89. (Рус.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.077-089>
- Rightmire, G.P. (1969). On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D₂). *American Journal of Physical Anthropology*, (30), 157–160.
- Rokhlin, D.G. (1965). *Diseases of ancient people*. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Rudich, T.A. (2000). To the question of the antropological composition of the population of the ancient Russian city (based on materials from Galich excavations) *Vestnik antropologii*, (19), 182–201. (Рус.).
- Salivon, I.P., Tegako, L.I., Mikulich, A.I. (1976). *Essays on the Anthropology of Belarus*. Minsk. (Рус.).
- Sankina, S.L. (2000). Antropological characteristics of the medieval population of the Novgorod land. In: T. Alekseeva (Ed.). *Narody Rossii: Antropologiya*. Moscow: Stariy Sad, 5–66. (Рус.).
- Sankina, S.L. (2007). Materials to the problem of the settlement of the Izhora plateau: Novo-Siverskaya-2 burial ground. In: Yu. Chistov, M. Rubtsova (Eds.). *Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye projekty MAE RAN v 2006 g.* St. Petersburg: MAE RAN, 202–206. (Рус.).

Sedov, V.V. (1952). Anthropological types of the population of the northwestern lands of Veliky Novgorod. *Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, (15), 78–82. (Rus.).

Sedov, V.V. (1983). The beginning of cities of Russia. In: *Drevnerusskoye gosudarstvo i slavyane: Materialy simpoziuma*. Minsk, 51–54. (Rus.).

Sedov, V.V. (2002a). Settlement by the Slavs of the East European Plain. In: T. Alekseeva (Ed.). *Vostochnie slavyane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya*. Moscow: Nauchyj Mir, 153–160. (Rus.).

Sedov V.V. (2002b). *Slavs Historical and archaeological research*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (Rus.).

Smirnov, M.I. (2004). Pereslavl-Zalessky district: Brief local history essay. In: *Doklady Pereslavl'-Zalesskogo nauchno-prosvetitel'nogo obshchestva*. Moscow: MelanarO, 1–55. (Rus.).

Sukina, L.B. (2002). *Pereslavl'-Zalesskiy*. Moscow: Slavprint. (Rus.).

Voronin, N.N. (1961). *Architecture of North-Eastern Russia in XII–XV centuries. Vol. 1*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. (Rus.).

Zeyfer, V.A., Mazurok, O.I., Rasskazova, A.V. (2014). Medieval necropolis of the Church of the Beheading of John the Baptist in Pereslavl-Zalessky. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya*. Moscow: IA RAN, 304–321. (Rus.).

Zeyfer, V.A., Mazurok, O.I., Rasskazova, A.V. (2016). Medieval necropolis in the southeastern part of the Pereslavl-Zalessky Kremlin. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya*. Moscow: IA RAN, 342–350. (Rus.).

Рассказова А.В., <https://orcid.org/0000-0002-4107-7923>

Зейфер В.А., <https://orcid.org/0000-0002-7867-545X>

Мазурок О.И., <https://orcid.org/0000-0002-2858-1543>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

ПОЛИМОРФИЗМ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ МИНЕРАЛЬНОГО ОБМЕНА В КОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ГРУППАХ КОМИ

*Оценено распределение генотипов и аллелей полиморфных локусов генов *LCT*, *VDR FokI* и *VDR BsmI* в выборках автохтонного населения Северного и Среднего Приуралья: коми-пермяков, коми (зырян), коми-ижемцев. Показано, что межпопуляционные различия обусловлены разными стратегиями экологической адаптации родственных групп. Гибкость ответа на давление средовых факторов обеспечивалась благодаря независимому отбору генов, локализованных в разных хромосомах и детерминирующих разные этапы минерального обмена.*

Ключевые слова: витамин D, кальций, кальциферол, молоко, *LCT*, *VDR*.

Введение

Необходимость поддержания динамического равновесия (гомеореза) костной ткани стала серьезным физиологическим вызовом для популяций, осваивавших регионы умеренных и высоких широт. Из-за невысокого и непостоянного на протяжении года уровня ультрафиолетового облучения во внетропических областях основной регулятор минерального метаболизма в кости, холекальциферол D3, в организме человека не мог синтезироваться постоянно и в необходимом объеме. Это препятствие было преодолено благодаря относительно независимым группам адаптаций. Одна из них была обусловлена изменениями питания. Повышение в рационе доли животного продукта с высоким содержанием жиров, и прежде всего рыбы, позволяло восполнить недостаток холекальциферола аналогичным по действию и участию в метаболических процессах жирорастворимым витамином — эргокальциферолом D2.

Важнейшей же эволюционной инновацией для популяций внутриконтинентальных регионов, не имевших доступа к богатым D2 морской рыбе и зверю, стала способность к стабильному потреблению принципиально нового продукта — молока домашних животных. Молоко не представляет ценности как источник витамина D: концентрация кальциферола в натуральном продукте мала и не может удовлетворить суточные потребности взрослого человека. С нутрициологической точки зрения молоко гораздо ценнее как продукт, содержащий большое количество кальция. У подавляющего большинства видов млекопитающих способность к усвоению молока сохраняется только в детстве. По мере взросления продукция фермента, необходимого для расщепления дисахарида лактозы, снижается, что приводит к диспепсии после употребления молока. Исследования показали, что в практиковавших скотоводство популяциях западной Евразии на протяжении последних 4–8 тыс. лет действовал отбор в пользу носительства мутантного аллеля T гена *LCT* (rs4988235), детерминирующего стабильную на протяжении всей жизни продукцию фермента лактазы [Gerbault et al., 2011; Mathieson et al., 2015]. Носители этого аллеля, сохраняя «детскую» способность усваивать молоко на протяжении взрослой жизни, получали преимущества за счет повышенного поступления в организм кальция — основного субстрата минерального обмена в кости.

Другая группа адаптаций была связана с совершенствованием этапов обмена кальциферола и его метаболитов, в частности 25(OH)D. Отбором был подхвачен ряд генов, влияющих на активность синтеза холекальциферола D3 [Sturm, Duffy, 2012]; способность транспортного белка DBP к связыванию и переносу D3 [Malik et al., 2013]; а также активность клеточных рецепторов по отношению к 25(OH)D [Uitterlinden et al., 2004; Zintzaras et al., 2006].

На чувствительность рецептора органов-мишеней к витамину D относительно независимо влияют несколько нуклеотидных последовательностей гена *VDR* [Uitterlinden et al., 2004]. Замена в *VDR FokI* (rs2228570) исходного тиамина (T) на цистеин (C) приводит к синтезу в 1,7 раза более активного рецептора [Ames et al., 1999]. Ряд исследований указывает и на влияние на

метаболизм костной ткани полиморфизма *VDR BsmI* (rs1544410). В северных европеоидных группах носительство гомозиготного варианта *TT*BsmI* ассоциировано со снижением эффективности абсорбции кальция по сравнению с гомозиготами **CC* и особенно гетерозиготами **CT* [Kozlov et al., 2017]. Мы полагаем, что успех в поддержании гомеореза костной ткани в умеренных и высоких широтах был обеспечен комплексом адаптаций, затронувших разные элементы минерального обмена: поддержание концентрации кальциферола в организме благодаря сочетанию ауто синтеза D3 с получением витамина D2; повышение чувствительности к витамину клеточных рецепторов (*VDR*); а также увеличение доступности субстрата метаболизма — кальция. Важным фактором стала относительная независимость этих процессов. Гены лактазы (*LCT*) и рецептора витамина D (*VDR*) локализованы в разных хромосомах (соответственно 2-й и 12-й). Благодаря этому объектом отбора становилась не ригидная система генетически сцепленных физиологических процессов, а гибко сочетающиеся элементы, причем снижение вклада одного из них могло компенсироваться за счет селективного подбора других. При этом если поддержание функциональной активности какого-либо компонента не давало популяции существенного преимущества, давление стабилизирующего отбора могло снижаться, обеспечивая дополнительный выигрыш на уровне фенотипа в виде сокращения трат на поддержание слабо эффективного звена. Рассмотрим эти теоретические послылки на примере родственных групп, освоивших разные в экологическом плане регионы: коми-пермяков, коми центральных районов современной Республики Коми и ижемских коми (далее условно обозначаем две последние группы как зырян и ижемцев, делая это исключительно для удобства изложения).

Антропологическая, историческая и культурная близость всех трех рассматриваемых групп несомненна. Пермско-финские народы формировались в конце I — начале II тыс. н.э. в сходных по природным условиям регионах Прикамья и Средней Вычегды. На протяжении столетий их хозяйственные уклады сохраняли присущий обитателям зоны северных лесов экстенсивный характер, позволявший эксплуатировать скудные природные ресурсы, не допуская их истощения. Нагрузка на среду оставалась сравнительно равномерной благодаря удачной исторически сложившейся комбинации элементов пашенного земледелия, животноводства, рыболовства и охоты (обзор: [Козлов и др., 2009]). Первоначально коми-пермяки и коми (зыряне) населяли экологически сходные территории лесотаяжной зоны. В XV–XVI вв. область расселения коми начала смещаться в восточном, а позже — и в северном направлении. По мере освоения в XVII–XIX вв. приарктических таежно-тундровых регионов сложилась специфическая группа коми-ижемцев, хозяйственный уклад и характер природопользования которых сблизился с характерными для коренного населения Арктики — ненцев, саамов, хантов и манси [Конаков, Котов, 1991; Повод, 2006, 2008; Шабаев, Истомин, 2017]. В результате коми-пермяки, зыряне и ижемцы оказались в условиях, различающихся по параметрам факторов, лимитирующих костный гомеорез: уровню ультрафиолетового облучения, доступности содержащих витамин D продуктов, возможностей получения кальция с продуктами молочного животноводства.

Цель настоящей работы — сравнить частоты генов *LCT* (rs4988235) и *VDR* (*FokI* rs2228570 и *BsmI* rs1544410) в этнотерриториальных группах коми-пермяков, коми и коми-ижемцев и рассмотреть вклад антропологических факторов в возникновение межпопуляционных различий в полиморфизме указанных генов, влияющих на метаболизм костной ткани.

Материалы и методы

Исследование основано на материалах, частично опубликованных нами ранее, но в едином ключе не рассматривавшихся. Биоматериалы для молекулярно-генетического исследования собраны автором или при его непосредственном участии в комплексных экспедициях 2006–2016 гг.; все клинико-лабораторные исследования активности лактазы в группах коми-пермяков и ижемцев также проводились автором в 1991–1994 гг.

Коми-пермяки обследованы на территории Кудымкарского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края, коми (зыряне) — в Сыктывдинском и Корткеросском районах, коми-ижемцы — в Ижемском р-не Республики Коми. Этническая принадлежность обследованных устанавливалась по самоопределению. Забор образцов и клинические обследования проводились с соблюдением принципов информированного согласия. Суммарный объем выборок обследованных генетически и клинически — 604 чел. (181 коми-пермяк, 223 коми, 200 коми-ижемцев). Поскольку различными видами исследований были охвачены не все включенные в выборки, частоты аллелей, генотипов и фенотипов для каждого из полиморфизмов приводятся в соответствующих таблицах по мере представления результатов.

Полиморфизм генетических детерминант минерального обмена в кости в различных группах коми

Описания примененных методов выделения ДНК, типирования генов, а также результаты исследования частот генотипов и аллелей генов лактазы (*LCT*) и рецептора витамина D (*VDR FokI, BsmI*) приведены в публикациях, послуживших источником данных для настоящей работы [Боринская и др., 2006; Козлов и др., 2020а, 2020b; Enattah et al., 2007]. Данные о частотах аллелей и распределении генотипов лактазы (*LCT*) получены в ходе нескольких предыдущих исследований. Выборка коми-пермяков включила биоматериалы от 69 индивидов, коми — от 93 [Боринская и др., 2006; Козлов и др., 2020а]. У коми-ижемцев частоты и аллели гена *LCT* были определены всего в 10 образцах [Enattah et al., 2007]. Учитывая малое количество обследованных ижемцев, помимо результатов генетического анализа мы используем данные, полученные в ходе проводившихся в 1991–1994 гг. клинико-лабораторных исследований представителей этой этно-реальной группы ($n = 56$), а также коми-пермяков ($n = 112$) [Kozlov, 1995].

Нагрузочные пробы с лактозой проводились по стандартным диагностическим критериям, после ночного голодания. Обследуемый получал 50 г лактозы в 400 мл воды с добавлением 4 мл этилового спирта. Уровень глюкозы в капиллярной крови определялся до лактозной нагрузки и через 40 мин после нее. Повышение уровня сывороточной глюкозы менее чем на 1,1 ммоль/л расценивалось как признак гиполактазии. В ряде случаев применялся неинвазивный тест, основанный на оценке содержания галактозы в моче. При этом критерием гиполактазии служило нарастание концентрации галактозы менее чем на 2,0 ммоль/л через 40 мин после лактозной нагрузки. Совпадение результатов глюкозного и галактозного тестов показано рядом исследований [Козлов, 1996]. Также ранее мы подтвердили высокое совпадение генотипа *CC*LCT* с фенотипическим проявлением гиполактазии при проведении нагрузочных проб у взрослых представителей различных групп восточных финнов [Соколова и др., 2005; Боринская и др., 2006]. Таким образом, объединение полученных разными методами выборочных и популяционных данных методически корректно. Поскольку генетически и клинико-лабораторно обследовались разные индивиды в разное время, дублирование информации исключено.

Обработка результатов осуществлялась при помощи программ Statistica 8.0 и EXCEL. Генотипические и аллельные частоты рассчитывали стандартными методами популяционной генетики. При парном сравнении выборок применяли критерий χ^2 (хи-квадрат) с поправкой на максимальное правдоподобие. Статистически значимыми считались различия с уровнем меньше 5 % ($p < 0,05$).

Результаты

Согласно результатам типирования по гену *LCT* (табл. 1) выборка ижемцев характеризуется высокой (0,85) долей носителей аллеля *C*LCT* (отличия от зырян и коми-пермяков значимы, $p < 0,05$ в обоих случаях). Сравнение частот фенотипов стабильной и ограниченной продукции лактазы не выявило значимых различий между коми-пермяками и ижемцами ($p = 0,12$). Однако агрегация клинических и генетических данных (табл. 2) подтвердила первоначальное заключение: ижемцы отличаются высоким носительством фенотипа гиполактазии как от коми-пермяков ($p = 0,02$), так и от зырян ($p = 0,004$).

Таблица 1

Распределение генотипов и аллелей полиморфных локусов гена *LCT* в выборках коми-пермяков, коми (зырян) и коми-ижемцев

Table 1

Frequencies of *LCT* genotypes and alleles of polymorphic loci in study groups of Komi-Permyaks, Komi (Zyrian), and Komi-Izhems

Признак		Коми-пермяки		Коми (зыряне)		Коми-ижемцы	
		<i>n</i>	Доля	<i>n</i>	Доля	<i>n</i>	Доля
Генотипы / аллели <i>LCT</i> rs 4988235	CC	29	0,420	38	0,408	7	0,700
	CT	30	0,435	42	0,452	3	0,300
	TT	10	0,145	13	0,140	0	0,000
	C	88	0,640	118	0,634	17	0,850
	T	50	0,360	68	0,366	3	0,150
Лактазный фенотип	Гиполактазия	56	0,500	—	—	35	0,625
	Персистенция	56	0,500	—	—	21	0,375

Частоты гиполактазии и персистенции лактазы в выборках коми-пермяков, коми (зырян) и коми-ижемцев по объединенным результатам генетических и клинико-лабораторных исследований

Table 2

Frequencies of hypolactasia and lactase persistence variants in Komi-Permyak, Komi (Zyrian), and Komi-Izhem study groups derived from the consolidated data of genetic and clinical analyses

Лактазный фенотип	Коми-пермяки, $n = 181$		Коми (зыряне), $n = 93^*$		Коми-ижемцы, $n = 66$	
	Кол-во	Частота	Кол-во	Частота	Кол-во	Частота
Гиполактазия	85	0,470	38	0,408	42	0,636
Персистенция	96	0,530	55	0,592	24	0,364

Примечание: * — только по данным генетических исследований.

В табл. 3 приведены частоты аллелей и генотипов локусов гена рецептора витамина D (*VDR FokI* и *VDR BsmI*) в выборках коми-пермяков, коми (зырян) и ижемцев.

Таблица 3

Распределение генотипов и аллелей полиморфных локусов гена VDR в выборках коми-пермяков, коми (зырян) и коми-ижемцев

Table 3

Frequencies of *VDR* genotypes and alleles of polymorphic loci in study groups of Komi-Permyaks, Komi (Zyrians), and Komi-Izhems

Ген/фенотип	Генотипы/аллели	Коми-пермяки		Коми (зыряне)		Коми-ижемцы	
		n	Доля	n	Доля	n	Доля
<i>VDR (BsmI)</i> <i>rs1544410</i>	CC	12	0,364	39	0,459	37	0,276
	CT	15	0,455	28	0,329	62	0,463
	TT	6	0,182	18	0,212	35	0,261
	C	39	0,591	106	0,623	136	0,507
	T	27	0,409	64	0,377	132	0,493
<i>VDR (FokI)</i> <i>rs2228570</i>	CC	14	0,197	34	0,262	57	0,456
	CT	39	0,549	74	0,569	36	0,288
	TT	18	0,254	22	0,169	32	0,256
	C	67	0,472	142	0,546	150	0,600
	T	75	0,528	118	0,454	100	0,400

По частотам аллелей локуса *BsmI* гена *VDR* ижемцы значительно отличаются от зырян ($p = 0,017$) за счет высокой (0,493) доли носителей *T*BsmI*. Соответственно в выборке ижемцев высока доля гетеро- и гомозигот *CT** и *TT*BsmI*, что отличает их от зырян ($p = 0,021$). Коми-пермяки, имеющие промежуточные значения частот аллелей и генотипов данного локуса, значительно от ижемцев и зырян не отличаются. Самая высокая концентрация аллеля *T*FokI* обнаружена в выборке коми-пермяков. Следующую позицию по доле носителей этого аллеля занимают зыряне, но различия между этими группами не достигают пятипроцентного уровня значимости. Ижемцы, характеризующиеся самым малым в наших выборках процентом носителей аллеля *T*FokI*, значительно отличаются от коми-пермяков ($p = 0,01$). Распределение генотипов локуса *FokI VDR* в группах коми-пермяков и зырян не различается, но обе выборки значительно отличаются от ижемцев ($p < 0,001$ при попарном сравнении в обоих случаях). Коми-пермяки и зыряне почти вдвое превосходят ижемцев по частоте носительства генотипа *CT*FokI*.

Обсуждение

Географическое распределение генотипов *LCT* в популяциях Старого Света и России хорошо изучено [Боринская и др., 2006; Kozlov et al., 1998; Enattah et al., 2007]. Это позволяет сравнивать частоты ограниченной активности лактазы (гиполактазии) в рассматриваемых группах (табл. 1, 2) с другими популяциями. Генетически детерминированной стабильной продукцией (персистенцией) лактазы и сохраняющейся благодаря этому способностью в старшем возрасте усваивать молоко и получать с ним кальций характеризуются 53 % коми-пермяков и 59 % коми центральных районов Республики Коми — Сыктывдинского и Корткеросского (табл. 2). Эти частоты находятся в пределах вариации признака в различных выборках русских (44–64 %) [Боринская и др., 2006].

Полиморфизм генетических детерминант минерального обмена в кости в различных группах коми

При этом только у 36 % коми-ижемцев можно ожидать стабильную на протяжении жизни продукцию лактазы. Это означает, что среди коренных жителей самых северных районов Коми способностью регулярно потреблять молоко, важнейший источник необходимого для костной ткани кальция, обладает только треть взрослых (отличия от коми-пермяков и зырян $p < 0,05$). Данные генетических и клинико-лабораторных исследований коррелируют с этнографическими материалами относительно места молока в традиционной кухне восточных финнов. Потребление коми-пермяками молока и входящей в его состав лактозы было невысоким по ряду причин.

Историко-этнографические данные свидетельствуют о малой и нестабильной на протяжении года доступности молока в коми-пермяцких хозяйствах из-за недостатка корма для скота: села, как правило, не имели удобного доступа к заливным лугам, где можно было бы заготовить сено на зиму [Рогов, 1858; Белицер, 1958]. Н.А.Александров указывал, что в хозяйствах коми-пермяков имеются только «коровы, не дающие зимой молока, за отсутствием пищи» [1900, с. 38]. Этнографы XIX в. сообщали, что молочной пищей коми-пермякам служат преимущественно кислое молоко и сыр из высушенного творога: «...молоко пресное пермяками не употребляется; они едят молоко кислое...» [Добротворский, 1883, с. 249]. Усвоение таких продуктов не требует высокой активности лактазы, поскольку при их приготовлении значительная часть лактозы расщепляется [Козлов, 1996]. Учитывая это, а также принимая во внимание данные о кухне коми-пермяков XX в. [Долдина, 1999], можно заключить, что доступность и потребление молока в коми-пермяцких семьях были ниже тех, что сложились у их соседей — северных русских и зырян. Мелкостадное скотоводство зырян имело мясомолочную направленность. Хотя удоимость зырянских коров также была сравнительно невелика и варьировалась в зависимости от сезона года, молоко и молочные блюда рассматриваются этнографами как устойчивый компонент питания всех локальных групп коми [Чудова, 2017]. Можно заключить, что потребление молока зырянами по объемам и интенсивности примерно соответствовало характерному для северных групп русского населения.

Этим оценкам вполне отвечает и распределение генотипов *LCT* в рассмотренных группах. Генетически детерминированная способность к стабильной активности лактазы у зырян центральных регионов современной Коми выражена примерно так же, как у русских, хотя и слабее, чем в большинстве тесно связанных с интенсивным молочным животноводством популяций Северо-Западной Европы — финнов, шведов, датчан. Коми-пермяки по доле носителей фенотипа стабильной активности лактазы отстают не только от этих групп, но и от русского населения [Козлов, 1996; Kozlov et al., 1998]. Вклад молока в рацион связанных с оленеводством ижемцев был меньшим, что обуславливалось спецификой жизненного уклада [Иванов-Дятлов, 1928; Чудова, 2014, 2017]. Тундровики-оленоводы имели доступ к молоку только во время пребывания в селах, но и там религиозный календарь ограничивал употребление молока в многочисленные постные дни (от 192 до 216 на протяжении календарного года). Оседлые жители Ижмы, Сизябска и других крупных населенных пунктов севера Коми края (как и ижемцы Ловозера и Краснощелья на Кольском полуострове или Саранпауля и других сел в Западной Сибири) использовали коровье молоко, добавляя его в чай или уху, но преимущественно для приготовления кисломолочных продуктов.

Необходимо упомянуть о такой специфической составляющей традиционной кухни ижемцев, как оленьё молоко [Чудова, 2014]. Его потребление не могло быть регулярным и значительным по объему, поскольку дойка важенок возможна только во время кормления ими оленят, а удоимость самок северного оленя очень низка (200–400 мл за дойку). Но и это молоко, вероятно, из-за очень высокой жирности (22 % по сравнению с 3,5–4,7 % в коровьем молоке), ижемцы употребляли не как цельное, а разводя водой или «забеливая» им чай. Наконец, содержание лактозы в молоке северного оленя практически вдвое ниже, чем в коровьем: в среднем 2,5 % против 4,7 % [Козлов, 1996]. Таким образом, включение в рацион молока северных оленей на поддержание персистенции лактазы влиять не могло.

На основании изложенного можно заключить, что у коми-пермяков и зырян из-за сравнительно невысокой (по «европейским» меркам) доступности цельного молока давление отбора в пользу аллеля *T*LCT* было лишь умеренно выражено, а в генофонде ижемцев на фоне диеты с очень малым поступлением «молочного сахара» лактозы сохранялось носительство предкового генотипа *CC*LCT*. Подчеркнем, что, согласно нашей точке зрения, описанные межпопуляционные различия в частотах генотипов и аллелей *LCT* отражают не интенсивность отбора в пользу фенотипов персистенции лактазы у коми-пермяков и зырян, а снижение селективного давления по данному признаку в группе ижемцев. Умеренное у коми-пермяков и зырян и низкое у ижем-

цев поступление с молоком субстрата минерального обмена, кальция, требовало компенсаторного повышения вклада регуляторов костного метаболизма, и в первую очередь витамина D.

Ранее в ряде исследований мы показали, что современные коми-пермяки, зыряне и не связанные с оленеводством жители сел Сизябск и Ижма характеризуются сниженным содержанием витамина D в сыворотке крови, тогда как у оленеводов-ижемцев высокая концентрация 25(OH)D сохраняется даже в зимний период [Kozlov, Vershubskaya, 2017, 2019]. Сравнительно высокая обеспеченность ижемцев витамином D обусловлена связанной с оленеводством спецификой питания. В отличие от других домашних животных, у северного оленя (*Rangifer tarandus*) жир содержит значительное количество витамина D [Kuhnlein et al., 2006; Wiklund, Johansson, 2011]. Оленина является основой рациона пастухов в период нахождения со стадом и, пусть в меньших количествах, остается доступной для односельчан. В результате традиционная диета коми-ижемцев обеспечивала повышенное поступление эргокальциферола D2.

Кроме того, следует учитывать высокий вклад в диету рыбы [Конаков, 1983; Чудова, 2014, 2017]. В традиционных методах ее приготовления закрепились приемы, также обеспечивающие специфический ответ на недостаток холекальциферола D3 в высоких широтах. В частности, характерное для кухни зырян и ижемцев использование вытопленного рыбьего жира позволяло получать блюда с повышенной концентрацией витамина D2 даже при промысле пресноводных рыб, не столь богатых витамином, как морские виды. Кроме того, служившие основой рыбного промысла субарктических групп коми семга (*Salmo salar*) и ряпушка (*Coregonus albula*) отличаются от других пресноводных видов высоким содержанием витамина D. Сочетание их вылова со сложившимися кулинарными практиками позволяло ижемцам получать продукт с повышенной концентрацией витамина. В результате традиционная диета ижемцев, в особенности занятых в оленеводстве, обеспечивала значительное поступление кальциферола на протяжении всего года.

В противоположность этому сочетание географического обусловленного низкого уровня УФ-облучения с природными условиями северных залесенных территорий вело к дефициту витамина D у коми-пермяков и зырян. Традиционная индивидуальная охота не могла быть достаточным источником эргокальциферола D2. Лось и тем более медведь добывались редко, а лесная дичь (рябчик, тетерев, утка, глухарь) и мелкий лесной зверь (заяц, белка) — виды, ткани которых содержат невысокое количество жира и жирорастворимого витамина D [Николаев, 2006; Унру, 2016]. Не могла служить источником эргокальциферола и потреблявшаяся в личных хозяйствах птица (куры, гуси, с XIX в. — индейки) и домашний скот [Рогов, 1858]. Рыболовство во внутренних водоемах обеспечивало уловы речной и озерной рыбы также с относительно невысоким содержанием витамина D [Конаков, 1983; Белавин, 2016].

При малой доступности субстрата метаболизма (кальция, получаемого с молоком) и регулятора его обмена, кальциферола, возрастает физиологическая роль чувствительности органов-мишеней. Она обусловлена активностью рецептора витамина D (VDR), регуляция которого контролируется локусами *Bsml* и *Fokl* VDR. Благоприятным в плане регуляции костного метаболизма является носительство аллеля T*Bsml [Kozlov et al., 2017]. Гетерозиготность TC*Bsml ассоциирована с повышенным содержанием костной ткани у юношей и девушек коми [Kozlov et al., 2014]. В выборках молодых взрослых северных регионов РФ носители аллеля *T отличаются от гомозигот CC*Bsml более развитым костным компонентом состава тела [Kozlov et al., 2017]. С учетом этого повышенное носительство аллеля T*Bsml у ижемцев по сравнению с зырянами и коми-пермяками выглядит вполне ожидаемым (табл. 3). При этом по частотам аллеля T*Fokl и доле гетерозигот CT*Fokl — генетическим характеристикам, также благоприятным в плане D-витаминного обмена, ижемцы отстают ($p < 0,05$) от коми-пермяков и зырян (табл. 3). Для аллеля *T показана ассоциация с повышенной чувствительностью органов-мишеней к витамину D [Ames et al., 1999]. В выборках этнических коми и русских носители гетерозиготного генотипа CT отличаются большим вкладом костной ткани в общую массу тела по сравнению с гомозиготами TT*Fol [Kozlov et al., 2017]. Однако, как показывают представленные в табл. 3 результаты, концентрация «благоприятного» аллеля у ижемцев снижена.

Заключение

Резюмировать изложенное можно следующим образом. Осваивая различные в экологическом отношении регионы, антропологически родственные популяции восточных финнов адаптировались к неблагоприятным для поддержания гомеореза костной ткани условиям разными путями.

Коми-пермяки сохраняли близкий к исходному вариант природопользования, не имевший выраженной специализации. Обусловленная недостаточным развитием молочного животно-

Полиморфизм генетических детерминант минерального обмена в кости в различных группах коми

водства ограниченная доступность цельного молока ослабляла отбор в пользу персистенции лактазы, частоты аллеля T*LCT остались сравнительно невысокими. Малое поступление кальция с молоком компенсировалось совершенствованием регуляторных процессов минерального обмена: повышением чувствительности органов-мишеней к кальциферолу за счет поддержания высокого носительства аллелей T*BsmI и T*FokI гена VDR.

У зырян более продуктивное молочное животноводство стимулировало отбор в пользу персистенции лактазы и соответственно носительства аллеля T*LCT. Сохранение способности стабильно получать кальций с молоком ослабило давление отбора на чувствительность тканей к витамину D: физиологически достаточный эффект был достигнут благодаря регуляции со стороны аллеля T*FokI (носительство аллеля T*BsmI осталось низким).

Диета освоивших высокоширотные регионы коми-ижемцев включала мало содержащих лактозу молочных продуктов, что ослабляло отбор эволюционно молодого аллеля T*LCT. Также сравнительно невысоким оставалось и давление отбора на чувствительность рецептора витамина D: оно отразилось только в повышении частот аллеля T*BsmI. Умеренную реакцию со стороны генетических детерминант регуляторов минерального обмена у оленеводов-ижемцев мы объясняем высоким фоновым D-витаминным статусом, который обеспечивался традиционной диетой с большим поступлением богатых эргокальциферолом D2 оленины и рыбы.

Можно заключить, что формирование различий в полиморфизме влияющих на метаболизм костной ткани генов LCT, VDR FokI и VDR BsmI в генофондах коми-пермяков, коми (зырян) и коми-ижемцев обусловлено разными стратегиями экологической адаптации этих антропологически родственных групп. Гибкость ответа на давление средовых факторов (условия для ауто-синтеза холекальциферола D3, доступность кальция и эргокальциферола D2) обеспечивалась благодаря независимому отбору генов, локализованных в разных хромосомах и детерминирующих разные этапы минерального обмена.

Финансирование. Работа выполнена в рамках НИР «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Н.А. Иногородцы лесов. М.: Изд-во А.Я. Панафидина, 1900. 203+хviii с.
- Белавин А.М. Рыбная ловля в Прикамье в древности и в средние века // Вестник Пермского НЦ. 2016. № 3. С. 42–47.
- Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 392 с.
- Боринская С.А., Ребриков Д.В., Нефедова В.В., Кофиади И.А., Соколова М.В., Колчина Е.В., Куликова Е.А., Чернышов В.Н., Куцев С.И., Полоников А.В., Иванов В.П., Козлов А.И., Янковский Н.К. Молекулярная диагностика и распространенность первичной гиполактазии в популяциях России и сопредельных стран // Молекулярная биология. 2006. Вып. 40. № 6. С. 1031–1036.
- Добротворский Н. Пермьяки: Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. Т. II. Кн. 3. С. 228–264.
- Долбина А.Г. Коми-пермяцкая кухня. 2-е изд. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1999. 512 с.
- Иванов-Дятлов Ф.Г. Медицинские наблюдения на Кольском полуострове. Л.: Гос. Рус. Геогр. о-во, 1928. 128 с.
- Козлов А.И. Гиполактазия: Распространенность, диагностика, врачебная тактика. М.: АрктАн-С, 1996. 70 с.
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Боринская С.А. Дивергенция генетических характеристик у антропологически родственных популяций при разных типах хозяйствования // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2020а. № 4. С. 99–110. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.4.099-110>
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Лавряшина М.Б., Остроухова И.О. Отражение особенностей традиционного питания в генофондах народов с лесо-таежным типом природопользования // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2020б. № 3. С. 46–56. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.046-056>
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Лисицын Д.В., Санина Е.Д., Атеева Ю.А. Пермские и волжские финны: Медицинская антропология в экологической перспективе. Пермь: ПГПУ, 2009. 160 с.
- Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Николаев Ю.К. Из истории охоты коми-пермяков // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2006. № 1. С. 136–144.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Повод Н.А. Хозяйственные традиции ляпинских коми в начале XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 140–148.

Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. Т. 29. Кн. 4. С. 45–126.

Соколова М.В., Бородина Т.А., Гасемианродсари Ф., Козлов А.И., Гречанина Е.Я., Фещенко С.П., Боринская С.А., Янковский Н.К. Полиморфизм ассоциированного с гиполактазией локуса С/Т-13910 гена лактазы LCT у восточных славян и иранцев // Медицинская генетика. 2005. № 11. С. 523–527.

Унру О.В. Охотничий промысел как фактор социально-экономической стабильности у коми-пермяков в XVI–XX вв. // Вестник НАСА. 2016. № 1 (12). С. 54–65.

Чудова Т.И. Локальная традиция питания ижемских коми // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2014. Вып. 4 (20). С. 66–73.

Чудова Т.И. Модель питания коми (зырян) и ее локальные традиции // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2017. № 1. С. 88–97.

Шабает Ю.П., Истомин К.В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: Коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как «другие» коми // ЭО. 2017. № 4. С. 99–114.

Ames S.K., Ellis K.J., Gunn S.K., Copeland K.C., Abrams S.A. Vitamin D receptor gene Fok1 polymorphism predicts calcium absorption and bone mineral density in children // Journal of Bone and Mineral Research. 1999. Vol. 14. № 5. P. 740–746.

Enattah N.S., Trudeau A., Pimenoff V., Maiuri L., Auricchio S., Creco L., Rossi M., Lentze M., Seo J.K., Rahgozar S., Khalil I., Alifrangis M., Natah S., Groop L., Shaat N., Kozlov A., Verschubskaya G., Comas D., Bulava K., Mehdi S.Q., Terwilliger J.D., Sahi T., Savilahti E., Perola M., Sajantila A., Järvelä I., Peltonen L. Evidence for still ongoing convergence evolution of the lactase persistence T-13910 alleles in humans // American Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 81. P. 615–625.

Gerbault P., Liebert A., Itan Y., Powell A., Currat M., Burger J., Swallow D.M., Thomas M.G. Evolution of lactase persistence: An example of human niche construction // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2011. Vol. 366. P. 863–877.

Kozlov A. The phenocline of primary hypolactasia in Finno-Ugrian populations // Papers on Anthropology VI. Tartu: University of Tartu, Centre of Physical Anthropology, 1995. P. 111–115.

Kozlov A.I., Balanovskaya E.V., Nurbaev S.D., Balanovsky O.P. Gene geography of primary hypolactasia in populations of the Old World // Russian Journal of Genetics. 1998. Vol. 34. № 4. P. 445–454.

Kozlov A.I., Vershubskaya G.G. Blood serum 25-hydroxyvitamin D in various populations of Russia, Ukraine, and Belarus: A systematic review with elements of meta-analysis // Human Physiology. 2017. Vol. 43. № 6. P. 135–146.

Kozlov A.I., Vershubskaya G.G. Systematic review on vitamin D levels in various populations of the Russian North // Human Physiology. 2019. Vol. 45. № 5. P. 565–575.

Kozlov A.I., Vershubskaya G.G., Negasheva M.A. Association between relative bone mass and vitamin D receptor gene polymorphism // Human Physiology. 2017. Vol. 43. № 3. P. 320–325.

Kozlov A.I., Vershubsky G.G., Ateeva Yu.A., Orr P., Larcombe L. Association of vitamin D receptor gene with anthropometric measures in Komi ethnic group // Russian Journal of Genetics: Applied Research. 2014. Vol. 4. № 5. P. 397–404.

Kuhnlein H.V., Barthelet V., Farren A., Falahi E., Leggee D., Receveur O., Berti P. Vitamins A, D, and E in Canadian Arctic traditional food and adult diet // Journal of Food Composition and Analysis. 2006. Vol. 19. P. 495–506.

Malik S., Fu L., Juras D.J., Karmali M., Wong B.Y., Gozdzik A., Cole D.E. Common variants of the vitamin D binding protein gene and adverse health outcomes // Critical Reviews in Clinical Laboratory Sciences. 2013. Vol. 50. № 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.3109/10408363.2012.750262>

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N., Roodenberg S.A., Harney E., Stewardson K., Fernandes D., Novak M., Sirak K., Gamba C., Jones E.R., Llamas B., Dryomov S., Pickrell J., Arsuaga J.L., de Castro J.M., Carbonell E., Gerritsen F., Khokhlov A., Kuznetsov P., Lozano M., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Guerra M.A., Roodenberg J., Vergès J.M., Krause J., Cooper A., Alt K.W., Brown D., Anthony D., Lalueza-Fox C., Haak W., Pinhasi R., Reich D. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. 2015. Vol. 528. P. 499–503. <https://doi.org/10.1038/nature16152>

Sturm R.A., Duffy D.L. Human pigmentation genes under environmental selection // Genome Biology. 2012. Vol. 13. 248. <https://doi.org/10.1186/gb-2012-13-9-248>

Uitterlinden A.G., Fang Y., van Meurs J.B.J., Pols H.A.P., van Leeuwen J.P.T.M. Genetics and biology of vitamin D receptor polymorphisms: Review // Gene. 2004. Vol. 338. P. 143–156.

Wiklund E., Johansson L. Water-holding capacity, color stability and sensory characteristics in meat (*M. longissimus dorsi*) from reindeer fed two different feeds // Rangifer. 2011. Vol. 31. № 1. P. 49–59.

Zintzaras E., Rodopoulou P., Koukoulis G.N. BSM1, TAQ1, AP1 and FOK1 polymorphisms in the vitamin D receptor (VDR) gene and the risk of osteoporosis: A meta-analysis // Disease Markers. 2006. Vol. 22. P. 317–326.

Polymorphism of the genetic determinants of bone mineral metabolism in various groups of the Komi people

The subject of the study is autochthonous population of the Northern and Middle Cis-Urals: Komi-Permyaks, Komi (Zyryans), and Komi-Izhems. The aim of the study is to compare the population frequencies of the *LCT* (rs4988235) and *VDR* (*FokI* rs2228570 and *BsmI* rs1544410) genes and to consider the contribution of environmental and cultural factors to the formation of differences in the genetic determinants of bone tissue metabolism. In total, 181 Komi-Permyak, 223 Komi, and 200 Komi-Izhem subjects were tested clinically and genetically. The evaluation consisted of the determination of polymorphic loci of *VDR* and *LCT* genes variants and assessment of clinical and laboratory lactase activity. The information on traditional diet and food composition was obtained from ethnographic materials. The study group of Komi-Izhems differs by a high proportion of C*LCT carriers (0.85) from the other two groups ($p < 0.05$). The prevalence of hypolactasia, i.e., limited lactase production, is also higher ($p < 0.05$) in Komi-Izhems (0.64) than in Komi-Permyaks (0.47) and Zyryans (0.41). The T*BsmI allele frequency is higher in Komi-Izhems (0.493) in hetero- CT* (0.463) and homozygote TT* (0.261) genotypes, as compared to Zyryans ($p < 0.05$, where the frequencies are 0.377, 0.329 and 0.212, respectively). The values of BsmI allele and genotype frequencies in Komi-Permyaks are intermediate and do not differ significantly from those in Komi-Izhems and Zyryans. The concentration of T*FokI is highest in Komi-Permyaks (0.528). They are followed by Zyryans (the difference is insignificant, $p > 0.05$). Komi-Izhems have the smallest proportion of T*FokI allele carriers (0.400) and significantly differ from Komi-Permyaks ($p = 0.01$). The genotype distributions in FokI locus of *VDR* in the groups of Komi-Permyaks and Zyryans do not differ, but both show higher CT*FokI genotype frequencies than Komi-Izhems (0.549 and 0.569 against 0.288; $p < 0.001$). Poor livestock production and a lack of milk in the traditional subsistence economy of the Komi-Permyaks weakened the selection in favor of T*LCT allele and lactase persistence. The low intake of calcium with milk was compensated by an increase in the sensitivity of the target organs to calciferol, the regulator of mineral metabolism, by maintaining the high frequency of carriers of T*BsmI and T*FokI alleles of *VDR* gene in the population. The more productive dairy farming of Zyryans stimulated selection in favor of lactase persistence. The possibility of continuous consumption of calcium from milk eased the selection pressure on *VDR* loci. The regulation by T*FokI produced a physiologically sufficient effect and T*BsmI carriership remained low. The diet of the Komi-Izhems, who were accustomed to high-latitude regions, comprised low-lactose dairy products. The population preserved a high carriage of C*LCT and the phenotype of hypolactasia. Moderately intensive selection for vitamin D receptor sensitivity showed up in the increase of *VDR* T*BsmI frequency only. The high D-vitamin status of the Izhem people was leveraged by the traditional diet with a considerable intake of ergocalciferol-rich venison and fish. The Komi-Permyaks, Komi (Zyryans) and Komi-Izhems occupied different ecological niches and the groups found different ways to adapt to the unfavorable bone-homeorhesis conditions. The flexible responses to the pressure of the environmental factors were implemented by the selection of variants of *LCT*, *VDR FokI* and *VDR BsmI* genes, which are located in different chromosomes and determine different stages of mineral metabolism. We contend that modern interpopulation differences in distribution of the genotypes and alleles are the manifestations of different strategies of ecological adaptation of anthropologically related groups.

Keywords: vitamin D, calcium, calciferol, milk, *LCT*, *VDR*.

Funding. The study was carried out as a part of research “Anthropology of Eurasian populations (biological aspects)”.

REFERENCES

- Aleksandrov, N.A. (1900). *The forest foreigners*. Moscow: A.Ya. Panafidin Publ. (Rus.).
- Ames, S.K., Ellis, K.J., Gunn, S.K., Copeland, K.C., Abrams, S.A. (1999). Vitamin D receptor gene FokI polymorphism predicts calcium absorption and bone mineral density in children. *Journal of Bone and Mineral Research*, 14(5), 740–746.
- Belavin, A.M. (2016). Fishing in the Kama region in antiquity and the Middle Ages. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra*, (3), 42–47. (Rus.).
- Belicer, V.N. (1958). Essays on the ethnography of the Komi peoples of the 19th — early 20th centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (Rus.).
- Borinskaya, S.A., Rebrikov, D.V., Nefedova, V.V., Kofiadi, I.A., Sokolova, M.V., Kolchina, E.V., Kulikova, E.A., Chernyshov, V.N., Kucev, S.I., Polonikov, A.V., Ivanov, V.P., Kozlov, A.I., Yankovskij, N.K. (2006). Molecular diagnosis and frequencies of primary hypolactasia in populations of Russia and neighboring countries. *Molekulyarnaya Biologiya*, 40(6), 1031–1036. (Rus.).

- Chudova, T.I. (2014). Local tradition of nutrition of Izhma Komi. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 20(4), 66–73. (Rus.).
- Chudova, T.I. (2017). The food model of Komi (Zyrian) and its local traditions. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, (1), 88–97. (Rus.).
- Dobrotvorskiy, N. (1883). Permians: Household and ethnographic essay. *Vestnik Evropy*, 2(3), 228–264. (Rus.).
- Doldina, A.G. (1999). *Komi-Permyak cuisine*. 2nd ed. Kudymkar: Komi-Permyack Publ. (Rus.).
- Enattah, N.S., Trudeau, A., Pimenoff, V., Maiuri, L., Auricchio, S., Creco, L., Rossi, M., Lentze, M., Seo, J.K., Rahgozar, S., Khalil, I., Alifrangis, M., Natah, S., Groop, L., Shaat, N., Kozlov, A., Vershubskaya, G., Comas, D., Bulaeva, K., Mehdi, S.Q., Terwilliger, J.D., Sahi, T., Savilahti, E., Perola, M., Sajantila, A., Järvelä, I., Peltonen, L. (2007). Evidence for still ongoing convergence evolution of the lactase persistence T-13910 alleles in humans. *American Journal of Human Genetics*, 81, 615–625.
- Gerbault, P., Liebert, A., Itan, Y., Powell, A., Currat, M., Burger, J., Swallow, D.M., Thomas, M.G. (2011). Evolution of lactase persistence: An example of human niche construction. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 366, 863–877.
- Ivanov-Dyatlov, F.G. (1928). Medical observations on the Kola Peninsula. Leningrad: State Russian Geographical Society. (Rus.).
- Kozlov, A. (1995). The phenocline of primary hypolactasia in Finno-Ugrian populations. In: *Papers on Anthropology VI*. Tartu: University of Tartu, Centre of Physical Anthropology, 111–115.
- Kozlov, A.I. (1996). Hypolactasia: Distribution, diagnostics, medical tactics. Moscow: ArktAn-C Publ. (Rus.).
- Kozlov, A.I., Balanovskaya, E.V., Nurbaev, S.D., Balanovsky, O.P. (1998). Gene geography of primary hypolactasia in populations of the Old World. *Russian Journal of Genetics*, 34(4), 445–454.
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G. (2017). Blood serum 25-hydroxyvitamin d in various populations of Russia, Ukraine, and Belarus: A systematic review with elements of meta-analysis. *Human Physiology*, 43(6), 135–146.
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G. (2019). Systematic review on vitamin D levels in various populations of the Russian North. *Human Physiology*, 45(5), 565–575.
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G., Borinskaya, S.A. (2020a). The divergence of genetic features in anthropologically related populations with different types of husbandry. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya*, (4), 99–110. (Rus.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.4.0>
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G., Lavryashina, M.B., Ostroukhova, I.O. (2020b). Gene pool reflects traditional diet peculiarities of ethnic groups practicing taiga-forest type of economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya*, (3), 46–56. (Rus.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.046-056>
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G., Lisitsyn, D.V., Sanina, E.D., Ateeva, Y.A. (2009). *Permian and Volga Finns: Medical Anthropology in Ecological Perspective*. Perm: PSPU Publ. (Rus.).
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G., Negasheva, M.A. (2017). Association between relative bone mass and vitamin D receptor gene polymorphism. *Human Physiology*, 43(3), 320–325.
- Kozlov, A.I., Vershubsky, G.G., Ateeva, Yu.A., Orr, P., Larcombe, L. (2014). Association of vitamin D receptor gene with anthropometric measures in Komi ethnic group. *Russian Journal of Genetics: Applied Research*, 4(5), 397–404.
- Konakov, N.D. (1983). *Komi hunters and fishermen in the second half of the 19 — beginning of 20 centuries*. Moscow: Nauka, 1983. (Rus.).
- Konakov, N.D., Kotov, O.V. (1991). *Ethnic areal Komi groups: Formation and modern ethnocultural state*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kuhnlein, H.V., Barthelet, V. Farren, A., Falahi, E., Leggee, D., Receveur, O., Berti, P. (2006). Vitamins A, D, and E in Canadian Arctic traditional food and adult diets. *Journal of Food Composition and Analysis*, (19), 495–506.
- Malik, S., Fu, L., Juras, D.J., Karmali, M., Wong, B.Y., Gozdzik, A., Cole, D.E. (2013). Common variants of the vitamin D binding protein gene and adverse health outcomes. *Critical Reviews in Clinical Laboratory Sciences*, 50(1), 1–22. <https://doi.org/10.3109/10408363.2012.750262>
- Mathieson, I., Lazaridis, I., Rohland, N., Mallick, S., Patterson, N., Roodenberg, S.A., Harney, E., Stewardson, K., Fernandes, D., Novak, M., Sirak, K., Gamba, C., Jones, E.R., Llamas, B., Dryomov, S., Pickrell, J., Arsuaga, J.L., de Castro, J.M., Carbonell, E., Gerritsen, F., Khokhlov, A., Kuznetsov, P., Lozano, M., Meller, H., Mochalov, O., Moiseyev, V., Guerra, M.A., Roodenberg, J., Vergès, J.M., Krause, J., Cooper, A., Alt, K.W., Brown, D., Anthony, D., Laluzza-Fox, C., Haak, W., Pinhasi, R., Reich, D. (2015). Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*, (528), 499–503. <https://doi.org/10.1038/nature16152>.
- Nikolaev, Yu.K. (2006). From the history of hunting of the Komi-Permyaks. *Vestnik Muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya*, (1), 136–144. (Rus.).
- Povod, N.A. (2006). *Komi of the Northern Trans-Urals (19th — the first quarter of the 20th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Povod N.A. (2008). Economic traditions of the Komi dwelling in the Lyapin river basin in the beginning of 21 century. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (8), 140–148. (Rus.).
- Rogov, N.A. (1858). Materials for describing the life of Permyaks. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*, 29(4), 45–126. (Rus.).

Полиморфизм генетических детерминант минерального обмена в кости в различных группах коми

Shabaev, Yu.P., Istomin, K.V. (2017). Territoriality, ethnicity, and administrative and cultural borders: The Komi-Izhemtsy (Izvataz) and Komi-Permyak as the “other” Komi. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 99–114. (Rus.).

Sokolova, M.V., Borodina, T.A., Gasemianrodsari, F., Kozlov, A.I., Grechanina, E.Ya., Feshchenko, S.P., Borinskaya, S.A., Yankovskij, N.K. (2005). Polymorphism of hypolactasia-associated locus C/T-13910 of the lactase gene *LCT* in Eastern Slavs and Iranians. *Meditinskaya genetika*, (11), 523–527. (Rus.).

Sturm, R.A., Duffy, D.L. (2012). Human pigmentation genes under environmental selection. *Genome Biology*, (13). <https://doi.org/10.1186/gb-2012-13-9-248>

Uitterlinden, A.G., Fang, Y., van Meurs, J.B.J., Pols, H.A.P., van Leeuwen, J.P.T.M. (2004). Genetics and biology of vitamin D receptor polymorphisms: Review. *Gene*, (338), 143–156.

Unru, O.V. (2016). Hunting as a factor of socio-economic stability among Komi-Permyaks in the 16th–20th centuries. *Vestnik NACA*, 12(1), 54–65. (Rus.).

Wiklund, E., Johansson, L. (2011). Water-holding capacity, color stability and sensory characteristics in meat (*M. longissimus dorsi*) from reindeer fed two different feeds. *Rangifer*, 31(1), 49–59.

Zintzaras, E., Rodopoulou, P., Koukoulis, G.N. (2006). BSMI, TAQI, APAI and FOKI polymorphisms in the vitamin D receptor (VDR) gene and the risk of osteoporosis: A meta-analysis. *Disease Markers*, (22), 317–326.

Козлов А.И., <https://orcid.org/0000-0002-6710-4862>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-13>

Богордаева А.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: bogordaeva@mail.ru

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ КОСТЮМ ХАНТОВ И МАНСИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.: ДИНАМИКА И ФУНКЦИИ

Установлено, что праздничный костюм сформировался на основе традиционного, который стал выходить из повседневного использования при широком распространении одежды фабричного производства. В то же время возросший в конце XX в. интерес к этнической культуре и обрядам обусловил потребность в национальном наряде. В условиях дефицита отечественных хлопчатобумажных тканей платья стали шить из импортных синтетических тканей, изменивших их внешний вид и ограничивших сферу их применения рамками праздника.

Ключевые слова: традиционная одежда, обские угры, история костюма, праздники, обряды, функции одежды.

Важным элементом любого праздника является особый костюм. Он указывает на степень вовлеченности своего владельца в праздничное действо и, как правило, представлен двумя типами: маскарадным/карнавальным и праздничным. Первый посвящен различным мифическим персонажам и отражает традиционные представления о них. Вторым — праздничный костюм остальных участников. На фоне первого он выглядит менее заметным, он более индивидуален и указывает на степень приверженности своего владельца традициям, этническую и социальную принадлежность и пр. Праздничный костюм демонстрирует эстетику народного искусства, навыки и умения мастериц.

Выделяя праздничный костюм из состава традиционной одежды, его обычно характеризуют как «нарядный», «лучший», а иногда и «новый», отмечая главенство эстетической функции. По мнению П.Г. Богатырева, праздничная и эстетическая функции стоят на первом месте среди выполняемых праздничным костюмом, за ними следуют — обрядовая, национальная или региональная, сословная и практическая [1971, с. 307–308]. Будничным, торжественным, праздничным и обрядовым костюмы имеют примерно одинаковый набор функций, при переходе одного в другой происходит смена лидирующих функций, появляются и новые, вместе они образуют структуру с функцией «наш костюм» [1971, с. 307, 355–357]. При этом будничный костюм, для которого главным является практическое назначение (предохраняет от холода и жары, соответствует условиям труда и пр.), может перейти в торжественный, а затем — в праздничный, праздничный — в обрядовый [Там же, с. 307–308]. Функции изменяются со временем, изменяется их структура и функция их структуры и само содержание понятия «наш костюм» [Там же, с. 355–357]. Исследование П.Г. Богатырева показывает, что праздничный костюм в этом процессе играет важную роль, так как часто именно на его основе формируется обрядовый костюм, в том числе свадебный и погребальный. Но динамика и причины трансформации будничного костюма в праздничный, а праздничного — в обрядовый остались за рамками его исследования.

С целью определения динамики и причин преобразования будничного костюма в праздничный рассмотрим особенности и функции летнего женского костюма у хантов и манси в конце XX — начале XXI в. Для этого на основе сравнительно-типологического метода определим состав костюма, его функции и локальные особенности, отличия от повседневной традиционной одежды, используя материалы этнографических экспедиций, проведенных в 1990–2010 гг. в Уватском районе Тюменской области, в Березовском, Белоярском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Октябрьском, Ханты-Мансийском, Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, а также собранные данные о праздничных мероприятиях в гг. Ханты-Мансийске, Сургуте, Мегионе и др.

Ханты и манси (обские угры) — народы угорской группы финно-угорской ветви уральской языковой семьи, проживают на территории, прилегающей к бассейну Средней и Нижней Оби и ее притоков, административно относящейся к Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу, Уватскому району Тюменской области, а также Свердловской области и Александровскому и Каргасокскому районам Томской области. По Всероссийской переписи населения 2010 г., манси насчитывалось около 12,2 тыс. чел., из них около 7 тыс. проживало в городах и 5,2 тыс. — в сельской местности; хантов — около 31 тыс. чел., из них около 12 тыс. составляли городские жители и 19 тыс. — сельские. На основе лингвистического деления, а также характерных признаков культуры и хозяйства у хантов выделяют три этнографические группы: южную, восточную и северную, у манси — четыре: южную, восточную, западную и северную. В XIX–XX вв. южные и восточные манси, южные ханты подверглись значительной ассимиляции, часть их переселилась на другие территории. В рассматриваемый период восточные манси (кондинские), большей частью утратившие язык, практиковали традиционные способы рыбного лова, охоты и собирательства. У сохранивших в значительной степени традиционную культуру северных и западных манси, северных и восточных хантов хозяйство основывается на оленеводстве, охоте и рыболовстве. В ходе достаточно длительного, обособленного проживания в границах одной территории у различных групп сложились свои культурные особенности. Так, среди северных хантов выделяются обские (среднеобские), казымские, березовские, сынские и др.; среди восточных — аганские, юганские, пимские, ваховские и др.; среди северных манси — ляпинские, верхне- и нижнесосьвинские, обские; у восточных манси — кондинские и у западных — лозьвинские манси. Эта специфика отражена и в праздничном костюме.

Исследования показывают, что праздничный костюм, как правило, формировался на основе традиционного комплекса одежды, имел яркое декоративное убранство и зачастую применялся во время обрядов. Эти особенности праздничного костюма обусловили основные линии его изучения: 1) в составе традиционной одежды и культуры в целом; 2) при описании и анализе традиционных обрядов и ритуалов; 3) в рамках изучения народного декоративно-прикладного искусства. Хронологические рамки этих трудов охватывают большей частью период конца XIX и XX в. и отражают исторические особенности этой эпохи. В ряде работ первого направления в составе традиционной одежды выделяют праздничный и повседневный, а иногда и обрядовый комплекс [Логоинов, 2006, с. 14–38; Николаев и др., 2002, с. 47, 70; Повод, 2006, с. 135; и др.]. Подчеркивается, что от будничного праздничный костюм отличают множество украшений, богатая декоративная отделка, применение покупных тканей, большая комплектность, новизна, а иногда — и особое название [Молоткова, 1992, с. 73; Прокина, Сурина, 1990, с. 26–33; Сидорова, 2006, с. 21; Фурсова, 1997, с. 20–21; и др.]. В ходе анализа художественных особенностей одежды и украшений выделена их эстетическая функция, установлено исчезновение из состава традиционного костюма одних предметов и изменение функций других, зафиксировано использование покупных фабричных тканей и изменение кроя, цветовых сочетаний, орнаментов при сохранении их локализации и т.п. [Бобрихин, 2006, с. 80; Крюкова, 1968, с. 93–96; Кузеев и др., 1979; Меджитова, Трофимов, 1981, с. 10–11 и др.]. Отмечено, что у одних народов со временем праздничная одежда донашивалась в качестве повседневной [Прокина, Сурина, 1990, с. 32; Шитова, 1995, с. 174–175], у других сохраняла свой статус весь период существования [Бережнова, 2003, с. 108].

Важную роль в переходе традиционной одежды из повседневной в праздничную сыграл городской костюм. Широкое распространение городского костюма в различных регионах было разновременным и неоднородным, начавшись в конце XIX в., оно растянулось на столетие и достигло некоторых удаленных регионов лишь в конце XX в. Влияние «городской моды» сказалось и на покрое традиционной одежды, и на составе костюма, и на его комплектности, и на украшениях [Бадмаева, 1987, с. 117–128; Завьялова, 1996, с. 185–187; Коновалова, 2006, с. 43–50; и др.]. И если в конце XIX — начале XX в. городской костюм часто использовался как праздничный, то во второй половине XX в. он прочно утвердился в быту, а традиционная одежда перешла в категорию праздничной, обрядовой, сценической (фольклорной) [Бережнова, 2003, с. 109; Логоинов, 2006, с. 19, 26; Прокина, Сурина, 1990, с. 33; и др.]. Замечено, что в советском обществе традиционный (национальный) костюм играл важную роль в праздниках, отражавших идею интернационализма [Маслова, 1984, с. 138]. В работах начала XXI в., посвященных русскому женскому праздничному костюму, выделяются такие его качества, как: новая одежда, дорогая ткань, многокомплектность, большое количество украшений, деление одежды на вос-

кресную и для «больших годовых» праздников и др. [Кислуха, 2006, с. 4; и др.]. Рассматривая женский праздничный костюм Русского Севера, Л.Ф. Кислуха определяет его как «сложный, состоящий из множества предметов и деталей комплекс, который предназначался для праздников и других торжественных случаев, обрядов и ритуалов» [Там же, с. 3]. Однако Г.С. Маслова, изучив использование одежды в обрядах у восточнославянских народов, ранее указывала, что «обычная или праздничная одежда приобретала обрядовую функцию лишь при использовании во время обряда» [1984, с. 126–127]. Очевидно, что обрядовая одежда обладает дополнительными функциями и является более узкой категорией одежды по сравнению с праздничным костюмом, при том что он нередко использовался во время обрядов, и особенно свадебного. Подчеркивается, что с течением времени изменяется символика одежды и возрастает значение эстетической функции костюма [Маслова, 1984, с. 145].

В целом праздничный костюм выделялся в составе традиционной одежды такими свойствами, как многокомплектность, большое количество украшений, богатая декоративная отделка, использованием шелковых и других покупных тканей. У некоторых народов праздничный костюм ранжировался не только по полу, но и по возрасту, сезону, имел локальную специфику. У одних народов он со временем переходил в разряд повседневной одежды, у других — сохранял свой статус весь период существования, у третьих — становился обрядовым. Праздничный костюм хантов и манси отдельно не рассматривался. Отрывочные сведения о праздничной одежде изучаемого периода можно найти лишь в исследованиях по медвежьему празднику и другим обрядам [Пятникова, 2008, с. 57; Ромбандеева, 1993, с. 121; Соколова, 1971, с. 227; Талигина, 2005, с. 57–62; и др.], а также в работах, описывающих состояние их культуры во второй половине XX в. и характеризующих декоративно-прикладное творчество, орнамент, одежду [Лукина, 1985, с. 36; Молданова, 1999, с. 17–31; Рандымова, 2004, с. 96; Сязи, 2000, с. 28, 32]. Описания, зарисовки и фотографии традиционной одежды последней четверти XX в. подробно представлены в альбомах, посвященных одежде и орнаменту обских угров [Лукина, 1979; Saag, 2008].

Впервые праздничная одежда была выделена среди традиционной в монографии Е.Г. Федоровой, посвященной материальной культуре манси конца XIX — начала XX в. [1994, с. 203–211]. Разделив праздники на две группы — традиционные и христианские (Пасха, Благовещение и др.), в составе одежды она вычленила нарядную и обрядовую [Там же, с. 203–204]. К нарядной одежде ею отнесена новая и более украшенная, а у северных манси — и одежда, сшитая из красной ткани [Там же]. В дальнейшем эта схема была использована при классификации одежды обских угров XVIII–XX вв. по функциональным признакам, в ней были определены повседневный и празднично-обрядовый комплексы [Богордаева, 2006, с. 193–216]. Собственно праздничная одежда характеризовалась как надеваемая во время христианских праздников. Ее характерные признаки — наличие большого количества съемных и нашивных украшений, красный цвет, орнаментация, применение шелковых тканей ярких расцветок и другие, в том числе локальные, признаки. Отмечено, что в последней четверти XX в. покупная одежда начинает вытеснять традиционную, которая постепенно переходит в разряд праздничной.

Предложенная схема деления празднично-обрядовой одежды была актуальна для периода конца XIX — начала XX в. и перестала работать в конце XX в., когда революционные изменения начала и конца века привели к двукратной перестройке социально-экономического устройства всей страны, затронув все сферы и слои общества, в том числе традиционные. Так, в 1920–1930-е гг. многие традиционные и христианские праздники и обряды оказались под запретом, но появились новые. В 1990-е гг. ушли в прошлое некоторые советские праздники, но многие и остались (8 марта, День Победы, День оленевода и пр.). В то же время массово стали отмечать православные Рождество, Пасху, Троицу, Ильин день и др.; традиционные Вороний день, Медвежий праздник и пр., а также новейшие общероссийские День России, День народного единства и пр. Кроме того, активно стали проводить массовые мероприятия местного, всероссийского и международного уровня, которые активизировали общественную жизнь и привлекли внимание к этнической культуре. Состав праздничного календаря усложнился, кроме традиционных он стал включать государственные, общественные, региональные и местные торжества.

Праздники во многом регламентируют общественную жизнь и культуру. Исследования показывают, что они базируются на коллективных представлениях о ценностях и их воспроизведении во времени [Бахтин, 1990, с. 13–14; Жигульский, 1985, с. 84]. По мнению польского социолога К. Жигульского, воспроизведение праздника во времени напрямую связано с его идеей, ценностью для определенной социальной группы: пока существует группа, для которой важна

эта идея, существует и праздник; и наоборот — «упадок идеи, угасание веры и убеждения в ценности блага ослабляют и обычно, в конце концов, и вовсе сводят на нет потребность в празднике, связанном с данной идеей» [Жигульский, 1985, с. 85]. Генетически праздники восходят к традиционным обрядам и верованиям. По определению В.Н. Топорова, праздник — это «временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих... и отмечаемый как некое институализированное... действие» [1988, с. 329]. Среди праздников выделяют государственные и региональные, календарного и жизненного цикла, официальные и неофициальные, разовые (спорадические) и периодические и др., каждый из них выполняет ряд функций — познавательно-созидательную, социально-психологическую, ценностно-ориентационную и др., каждый имеет свою атрибутику [Бахтин, 1990, с. 9–16; Жигульский, 1985, с. 59–66; Маркарьян, Молодякова, 1990, с. 5–10; Топоров, 1988, с. 330]. Частью этой атрибутики, наряду со специальным карнавальным/маскарадным костюмом, является традиционный праздничный костюм, более универсальный, так как может использоваться на праздниках как в рамках традиционной культуры, так и посвященных официальным, историческим и другим событиям.

Проведенные в последние три десятилетия исследования традиционных праздников и обрядов обских угров показали, что и в советское, и в постсоветское время у них проводились календарные, семейные и спорадические праздники. По материалам С.А. Поповой, они имели прежде всего сакральный и обрядовый характер, что отражено в самом названии праздника у манси — *ялпыу хѳтал* 'святой день', *пѳйксян хѳтал* 'просьб день', *ялпыу пѳйксян хѳтыл* 'святой день просьб' (манс.) [Попова, 2008, с. 5]. То же наблюдается и у хантов. В словаре шурышкарского диалекта хантыйского языка находим: 'праздник' — *емаухатл*, где *емау* — 'праздничный', *ем* — 'святой, священный', *хатл* — 'день' [Скамейко, Сязи, 1992, с. 24, 93]. Среди традиционных календарных праздников обских угров выделяют зимние, весенне-летние и осенние, а также праздники многолетнего цикла и годовые [Новикова, 1995, с. 161; Попова, 2008, с. 21–22]. К летним праздникам многолетнего цикла у манси С.А. Попова относит периодический Медвежий праздник — *Торев йѳкв* 'Белого [священного] медведя [медведицы] танцы' и чествования местных духов-покровителей [2008, с. 22, 52, 78, 109–119; 2011, с. 26]. По данным Т.Р. Пятниковой, у усть-казымских (обских) хантов периодическим летним праздником являлся *Йиуцк вѳрт хѳтл* 'День водяного духа' (Петров день) [2008, с. 32–37]. У юганских хантов, проживающих на р. Демьянке, летом проводилось два праздника (жертвоприношения), а также устраивался праздник по случаю добычи медведя. Кроме того, они регулярно принимали участие в праздниках-жертвоприношениях многолетнего цикла на Югане (ПМА, Уватский р-н Тюменской обл., 1999 г.). Материалы Е.А. Главацкой показывают, что цикличность была характерна и для других групп восточных хантов (пимских, аганских, тромъеганских, ваховских), которые собирались для проведения ежегодных летних обрядов в честь родовых, территориальных и семейных духов-покровителей [2008, с. 192–209]. Как правило, они сопровождались совместными молитвами, торжественными жертвоприношениями и трапезами, а иногда и песнями, танцами, состязаниями. Некоторые традиционные календарные праздники хантов и манси совпадали по времени проведения с православными, летом это Троица (июнь), Петров день (12 июля) и Ильин день (2 августа) [Аксянова, 2005, с. 166; Новикова, 1995, с. 181–186; Попова, 2008, с. 54, 82, 109–110; Пятникова, 2008, с. 5]. Часто крещеные ханты и манси, проживающие в населенных пунктах с многочисленным православным населением, также соблюдали христианские праздники, посещали церковь, держали в доме иконы, совершали молитвы [Главацкая, 2005, с. 192, 197–199]. Семейные праздники, связанные с рождением, свадьбой и пр., также сопровождались молениями на домашних святилищах, проведением обрядов жертвоприношения, совместными трапезами, дарением подарков, посещением родовых и территориальных святилищ [Аксянова, 2005, с. 155; Бауло, 2002, с. 12–14; Главацкая, 2005, с. 194–208; Попова, 2003, с. 91; Талигина, 2005, с. 26, 98]. В рассматриваемый период не все семьи придерживались традиций и соблюдали традиционную обрядность, но по возможности желающие участвовали в них и следовали требованиям к одежде. Традиционно для женщин всех возрастов обязательным предметом костюма при совершении обряда и посещении святилища являлся платок, который должен был закрывать голову.

В традиционном хозяйстве обских угров лето — активный промысловый период. Оленеводы в это время пребывали на летних пастбищах, рыболовы после вскрытия рек переселялись в летние поселки, на стоянки, располагавшиеся вблизи рыболовных угодий, где праздничная жизнь сосредоточивалась внутри группы. В это же время в городах и поселках отмечали государствен-

ные праздники — День России (12 июня — с 1992 г.), День молодежи (27 июня), День рыбака (второе воскресенье июля), а также региональные и муниципальные праздники, которые обычно сопровождаются ярмарками, концертами, соревнованиями и пр. (рис. 1). Активная праздничная жизнь городов и поселков делала востребованным традиционный летний праздничный костюм, который использовался и в холодное время года в помещении, т.е. по сути был всесезонным.

Женский летний праздничный костюм у всех групп хантов и манси включал платье, нагрудное украшение, платок, которые в целом составляют основу традиционного женского костюма. У одних групп она была собственно праздничным костюмом, у других ее дополняли прочими предметами одежды и обувью. Праздничное платье *суп* (манс.), *ернас* (хант.), *нинернас* (тром. хант.) 'рубашка', 'платье' шили из шелка, атласа чаще однотонной расцветки или с мелким жаккардовым узором длиной до середины голени и ниже — до щиколотки (рис. 1, 2–4; 2, 1, 2)). Платье имело традиционный покрой с кокеткой (в некоторых вариантах кокетку удлиняли до талии, в результате образовывался лиф), широким подолом, длинными рукавами с манжетами и ластовицами, с отложным воротником или воротником-стойкой, с нагрудным разрезом по середине кокетки. Воротник, манжеты, край подола платья украшали аппликацией, вышивкой бисером и пр.

Рис. 1. Участницы Фестиваля ремесел в традиционных праздничных костюмах, 2006 г.: 1 — восточные и северные ханты; 2 — восточные (ваховские) ханты; 3 — северные (обские) ханты; 4 — восточные (тромьёганские) ханты; 5 — восточные (аганские) ханты. Фото автора.

Fig. 1. Participants of the Crafts Festival in traditional costumes, 2006:

1 — Eastern and Northern Khanty; 2 — Eastern (Wachowski) Khanty; 3 — Northern (Ob) Khanty; 4 — Eastern (Tromyogan) Khanty; 5 — Eastern (Agan) Khanty. Photo by the author.

У отдельных территориальных групп были свои особенности платья, проявившиеся в крое отдельных деталей (кокетки, воротника, планки нагрудного разреза и пр.) и в декоративной отделке (сочетание ткани различных расцветок, применение бисера, кружева и пр.) (рис. 1, 2–4; 2, 1, 2)). У неко-

Женский праздничный костюм хантов и манси в конце XX — начале XXI в.: динамика и функции

торых групп восточных хантов (юганских, аганских, салымских), надевавших поверх платья халат, платье имело меньше украшений, поскольку было скрыто под халатом. В отличие от праздничных повседневные платья шили из хлопчатобумажных тканей и чаще украшали аппликацией. В рассматриваемый период традиционное платье из хлопчатобумажных тканей практически вышло из повседневного бытования, его носили в основном пожилые женщины, проживавшие в удаленных деревнях.

Повсеместно поверх праздничного платья женщины надевали на шею традиционные нагрудные украшения, которые имели локальную специфику. К числу наиболее распространенных относились сплетенные из бисера полукруглые ожерелья — *тур лопас* 'горла плоскость' (сев. хант.), *сак лопас* 'из бисера плоскость' (сев. хант.), *тур ков* (вост. хант.), *тур лалс* (сев. манс.) и узкие ленты с концами, соединенными различными способами, — *сак пал* 'из бисера ухо' (сев. ханты), *мевл сак* 'груды бисер' (казым. ханты), *пальсак* (сев. манс.) (рис. 1, 1, 3; 2, 2). У ляпинских манси, а также шурышкарских, сынских, приуральских и казымских хантов по праздникам женщины иногда вплетали ложные косы *сэв* (сев. хант.), *саль*, *сай*, *сайпос* (сев. манс.) — два жгута из шерстяных ниток или лоскутов ткани длиной ниже колен, украшенные по всей длине и на концах металлическими кольцами, пуговицами, бубенчиками, бисером, бусами и пр. Эти украшения использовали в качестве праздничных и ранее. У восточных хантов (аганских, пимских) молодые женщины, девушки и девочки дополняли свой наряд головным украшением в виде плетеного из бисера обруча с бисерными низками у висков (рис. 1, 1, 4).

Рис. 2. Женщины в праздничных нарядах:

- 1 — восточные (юганские) ханты, п. Ярсино Уватского района Тюменской области, 2006 г.;
- 2 — северные (ляпинские) манси, п. Хурумпауль Березовского района ХМАО, 2010 г.;
- 3 — северные (сынские) ханты, п. Оволингорт Шурышкарского района ЯНАО, 2005 г. Фото автора.

Fig. 2. Women in festive outfits:

- 1 — Eastern (Yugan) Khanty, Yarsino of the Uvat district of the Tyumen region, 2006; 2 — Northern (Lyapin) Mansi, Khurumpaul of the Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, 2010; 3 — Northern (Synsk) Khanty, Ovolingort of the Shuryskarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 2005. Photo by the author.

Обычно голову покрывали платком — *охшам*, *охсам* (сев. хант.), *суминьтых* (вост. хант.), *тор*, *пунктор* (сев. манс.). В основном это покупные хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые, вискозные павловопосадские платки с кистями, которые давно вошли в состав традиционного костюма хантов и манси (рис. 1, 2, 3, 5; 2). Изредка встречались традиционные платки — из прямоугольного куска ткани, обшитого по краям широкой полосой с квадратами по углам и длинными самодельными кистями из ниток. Наиболее распространенный прием — накидывание сложенного треугольного платка на голову, его концы закидывали на спину. Молодые женщины и девушки завязывали концы сзади на затылке, опуская поверх узла средний угол платка. Наряд, состоявший из платья, нагрудного украшения и платка, как самостоятельный костюм использовался на праздниках летом, а также в холодное время года в помещении у лозьвинских, ляпинских и сосьвинских манси, сынских, шурышкарских, приуральских, войкарских, казымских и тромьёганских хантов. При этом у всех этих групп наряды различались покроем, тканью, декоративной отделкой, украшениями и орнаментами.

У других групп женский летний праздничный костюм дополняли халаты из хлопчатобумажных (ситца, сатина), шелковых (шелк, атлас) и шерстяных (сукно) тканей. Так, березовские, обские

(среднеобские), усть-казымские, пословские, куноватские ханты, а также нижнесосьвинские и обские манси поверх платья обязательно надевали халат из хлопчатобумажных или шелковых тканей — *щацкан сах* 'из ткани сах' (сев. хант.), *тор с̄ахи* (манс.) (рис. 1, 3). Традиционно он имел туникообразный покрой без плечевых швов, но шили его и с плечевыми швами. Как правило, спинка состояла из средней и боковых частей, а каждая полочка — из центральной и боковой. Полы соединялись встык при помощи завязок. Халат имел широкие прямые рукава и V-образный спереди ворот. У нижнеобских и сургутских (русскиных) хантов были известны подобные халаты с кокеткой [Лукина, 1985, с. 45; Сязи, 2000, с. 35]. Халат декорировали в технике аппликации, нашивая полоски и вырезанные из них узоры параллельными рядами вдоль края подола, полочек и рукавов, иногда здесь пришивали и бисер. В прошлом для изготовления таких повседневных халатов, которые в зимнее время служили покрытием для шуб, применялись хлопчатобумажные ткани.

Праздничный наряд этих групп хантов и манси дополняла традиционная женская обувь нир (сев. хант.), няр (сев. манс.). В основе ее кроя две основные детали — подошва и головка, сделанные из черной кожи или кожзаменителя. Переднюю часть головки украшали нашитыми полосами бисера или стекляруса. Носили эту обувь с вязаными шерстяными чулками длиной до колен. Чулки — сэвум вей (сев. хант.), хасаң вай, ётлың вай, сьолкиныг (сев. манс.) вязали из цветных шерстяных или акриловых ниток и украшали горизонтальными ленточными орнаментами. Способы ношения чулок, расположение орнаментов на чулках и цветовые сочетания использованных ниток указывают на территориальную группу, к которой принадлежит владелица наряда. В отличие от чулок, которые использовали и в будни с другой обувью (тапочки, калоши, ботинки, сапоги и пр.), вышитая бисером обувь давно вышла из повседневного применения. У ляпинских манси, сынских, березовских хантов праздничный костюм иногда дополняла традиционная поршневидная обувь из ровдуги — совьа вай (сев. манс.), нюки вай 'ровдужная обувь' (сев. хант.). У ляпинских манси и сынских хантов треугольную вставку между голенищем и подошвой на передней части обуви окрашивали красной краской, полученной из охры (рис. 2, 2). В прошлом такая обувь использовалась как повседневная.

В период межсезонья у северных хантов и манси применялся праздничный халат из сукна — *нуй сах* (сев. хант.), *нуй с̄ахи* (сев. манс.) длиной до середины голени и ниже (рис. 2, 2). Традиционно его шили из сукна темных цветов (черного, темно-синего, темно-зеленого), в рассматриваемый период стали использовать более яркие расцветки (желтый, красный, голубой и пр.). Стан халата или делали цельнокроеным, выкраивая спинку и полочки из одного куска ткани, или сшивали из широкой спинки и двух полочек одинаковой ширины. Иногда к полочкам и/или спинке пришивали боковые вставки в виде клиньев. Край подола и полочки надставляли широкой полосой ткани, у северных хантов она была контрастного цвета. Халат имел зауженные к краям рукава с широкими обшлагами и квадратными ластовицами. Полочки соединялись встык при помощи нескольких пар завязок, пришитых по краям. Воротник и декоративная отделка этого халата различались по территориальному признаку. Так, северные ханты пришивали к краю ворота мех, а северные (ляпинские) манси делали широкий отложной воротник с длинными, спускавшимися на грудь закругленными концами, расшитыми аппликацией — хлопчатобумажными полосками и вырезанными из них узорами (рис. 2, 2). Такими же полосками и орнаментами украшали стан и рукава халата по обшлагам, по швам и краям полочек и подола. Более сложную отделку имели праздничные халаты у северных (шурышкарских, сынских, приуральских) хантов. Она включала нашивку цветных суконных полос, мозаичных орнаментов и бисера, вставку в швы цветного канта, пришивание кисточек из полосок цветного сукна и т.п. В быту у хантов такие халаты сохраняются в небольших поселках и стойбищах, их носят чаще всего пожилые женщины. У северных манси такие халаты перешли в разряд праздничных и в быту не используются.

У восточных (юганских, салымских, пимских, аганских) хантов был распространен другой праздничный халат — *ной с̄ак*, *нӧй* (вост. хант.), который традиционно шили из однотонного тонкого сукна, а в начале XXI в. стали использовать для этого шелк и атлас (рис. 1, 5; 2, 3). Стан халата сшивали из прямых цельнокроеных спинки и полочек, которые иногда расширяли одним-двумя клиньями. Халат имел спущенные плечи, широкие, прямые рукава с ластовицами, отложной воротник с длинными прямоугольными концами. Полочки запаховали справа налево и соединяли при помощи нескольких пар завязок. Край правой полочки и подола украшали нашитыми полосками из бисера и ткани, меховой опушкой. Поверх халата повязывали широкий длинный (3–4 м) пояс из сукна, которым обматывали талию два-три раза, длинные концы завязывали сзади узлом. В повседневности такие халаты носят редко, и, как правило, они имеют

меньше украшений. Праздничный наряд у этих групп хантов дополняла традиционная обувь, у которой головку и подошву делали из замши или шкуры мехом внутрь, а длинное голенище — из ткани, между ними вшивали широкую вставку из ткани, расшитую полосками в технике аппликации. Верхний край голенища завязками закрепляли под коленом.

Итак, женский праздничный костюм в рассматриваемый период обладал общими и локальными признаками. К числу общих можно отнести его многокомплектность (состоит из нескольких предметов), вариативность по погоде, использование шелковых и шерстяных тканей и бисера, сочетание в одном виде одежды различных способов украшения: аппликации, канта, бисера, мозаики и пр. Красный цвет уже не был приоритетным как ранее, использовались разнообразные цветовые сочетания. Платок, платье и нагрудное украшение из бисера являлись общераспространенными предметами женского костюма. При этом платье имело локальную специфику, проявлявшуюся в покрое, способах и видах украшения. Наиболее ярко локальные особенности прослеживаются в покрое женских летних халатов и обуви.

Во многом бытование праздничного костюма связано с воспроизведением традиционных праздников, сохранением их идеи и культурной ценности. Кроме того, его использовали фольклорные коллективы на официальных церемониях, где на первый план выдвигалась его национальная функция. В целом женский праздничный костюм хантов и манси обладал всеми теми функциями, которые выделил П.Г. Богатырев, в соответствии с их иерархией: праздничной, эстетической, обрядовой, национальной и региональной принадлежности и др. Так как традиционная одежда практически вышла из повседневного быта, изменилась структура функций и этот костюм стал определяться понятием «наш костюм», со всеми теми переменами, которые произошли в нем. Это процесс закономерный и необратимый, он отражает изменения, которые характерны для всей культуры.

На примере костюма можно проследить динамику этих изменений и как происходит замена повседневной функции праздничной. Здесь прослеживаются два процесса. Первый связан с выходом традиционной одежды из повседневного быта, второй — с превращением традиционной одежды в праздничный костюм. Первый процесс постепенный и растянутый во времени. Очевидно, он начался еще в конце XIX — начале XX в. и был связан с появлением покупной одежды и «городской моды». Скорейшему распространению «городской моды» среди хантов и манси и вытеснению традиционной одежды из быта поспособствовали всеобщая трудовая занятость в эпоху советской власти и активно развернувшееся в последней четверти XX в. на территории их проживания промышленное строительство. Процесс создания костюма являлся длительным, трудоемким и кроме того денежнозатратным, так как ткани, бисер, нитки и пр. нужно было покупать. Не всякая женщина (шитье одежды — преимущественно женское занятие) в условиях регламентированного рабочего дня могла выделить время на пошив традиционной одежды себе и всей семье, дешевле и быстрее было приобрести одежду фабричного производства. В то же время один праздничный костюм можно было сделать самостоятельно или заказать у мастерицы. При этом мастерицы, которые шили одежду по заказу, исходили из своих навыков и знаний, изготавливая костюм по образцу, что часто делало его одинаковым.

Второй процесс — переход традиционной одежды из повседневной в праздничную — был скачкообразным и произошел в короткий отрезок времени на рубеже XX–XXI вв. Это время политических событий, которые затронули социальные, экономические и культурные сферы жизни большей части населения. Развал советской экономики привел к тому, что с прилавков магазинов исчезли качественные отечественные хлопчатобумажные (ситец, сатин) и шерстяные (сукно) ткани, из которых шили традиционную одежду. Так, по отношению к 1990 г. общее производство тканей в 1998 г. снизилось в 6,1 раза, шерстяных — в 11,9 раза, шелковых — в 9,5 раза, хлопчатобумажных — в 5,2 раза [Петров, 2010, с. 35]. И в настоящее время производство этих тканей в России не достигло советского уровня. На фоне сокращения производства отечественных тканей увеличился импорт синтетических тканей из Китая, Южной Кореи и Турции. Они заместили хлопчатобумажные ткани и вместе с этим изменили внешний вид традиционного костюма. Применение новых тканей и фурнитуры, а затем и современного швейного оборудования расширило возможность моделирования одежды, что, в свою очередь, привело к изменению кроя и способов отделки. Одежду из искусственных шелка и атласа с учетом их свойств изначально шили как праздничную и соответственно украшали.

Таким образом, в конце XX — начале XXI в. традиционная одежда хантов и манси изменилась внешне за счет используемых современных материалов и сменила функцию — перешла в разряд праздничной. Во многом этот переход был обусловлен политическими, культурными и

социально-экономическими преобразованиями в России, в результате которых, с одной стороны, сократилась сфера применения традиционной одежды, исчезли традиционно используемые для ее шитья ткани, а с другой — вырос интерес к традиционной культуре и возникла потребность в праздничном костюме.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксянова Г.А., Бауло А.В., Перевалова Е.В., Рутткау-Миклиан Э., Соколова З.П., Солдатова Г.Е., Талигина Н.М., Тыликова Е.И., Федорова Н.В. Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 352 с.
- Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1987. 144 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 543 с.
- Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 92 с.
- Бережнова М.Л. Изменения в традиционном костюме русских юга Западно-Сибирской равнины в последней трети XIX — начале XX вв. // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.: Очерки истории и быта. Омск: Наука, 2003. С. 106–124.
- Бобрин А.А. Марийская народная одежда и вышивка // Народное искусство Урала: Традиционный костюм. Екатеринбург: Баско, 2006. С. 79–110.
- Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
- Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.
- Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985. 336 с.
- Завьялова М.К. Татарский костюм из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань: Заман, 1996. 256 с.
- Кислуха Л.Ф. Народный костюм Русского Севера XIX — начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М.: Сев. паломник, 2006. 276 с.
- Коновалова О.Д. Русская женская одежда на Урале: Парочка // Народное искусство Урала: Традиционный костюм. Екатеринбург: Баско, 2006. С. 41–50.
- Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1968. 212 с.
- Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа: БФАН СССР, 1979. С. 73–120.
- Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии // Костюм и праздник. Петрозаводск: Карелия, 2006. С. 14–38.
- Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 239 с.
- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 384 с.
- Меджитова Э.Д., Трофимов А.А. Чувашское народное искусство. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 249 с.
- Маркарян С.Б., Молодякова Э.Д. Праздники в Японии: Обычай, обряды, социальные функции. М.: Наука, 1990. 248 с.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.
- Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 261 с.
- Молоткова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.
- Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П. Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 400 с.
- Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. 223 с.
- Петров А.Н. Анализ динамики и структуры отечественного рынка текстильной продукции // Экономический анализ: Теория и практика. 2010. № 14 (179). С. 34–38.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
- Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 138 с.
- Попова С.А. Медвежий праздник на Северном Урале. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. 76 с.
- Прокина Т.П., Сурина М.И. Мордовский народный костюм. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 384 с.
- Пятникова Т.Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья. Екатеринбург: Баско, 2008. 80 с.
- Рандымова З.И. Оленеводческая культура приуральских хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 136 с.
- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом и Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.

Женский праздничный костюм хантов и манси в конце XX — начале XXI в.: динамика и функции

Сидорова Н.Г. Русский традиционный костюм // Народное искусство Урала: Традиционный костюм. Екатеринбург: Баско, 2006. С. 19–40.

Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурьш. диал.). СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. 271 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1971. Т. 37. С. 211–238.

Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 248 с.

Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.

Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира: (Энцикл. в 2 т.). М.: Сов. энцикл., 1988. Т. 2: К–Я. С. 329–331.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 152 с.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

Saar E. Folk Costumes of the Northern Khanty in the Last Quarter of the 20th Century. Tartu: Estonian National Museum, 2008. 267 p.

Bogordayeva A.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bogordaeva@mail.ru

Female festive costume of the Khanty and Mansi in the late 20th — early 21st century: dynamics and functions

In order to determine dynamics and causes of transformation of everyday dress into a festive costume, specifics and functions of the women's costume of the Khanty and Mansi have been studied. Towards this, the comparative-typological method was employed to study the costume composition, its local features, and differences with respect to the traditional everyday dresses, and the functions of the costume were determined. The study is based upon the materials of ethnographic expeditions carried out in the 1990s–2010s in the regions occupied by the Ob Ugric population (North-West Siberia and Northern Trans-Urals). It has been ascertained that the festive costume commonly comprised a dress, a breast decoration, and a shawl, and in its local variants it was complemented by other items. The costume was all-season and had common and local elements. The common elements include multi-completeness (it consists of several items), variability according to weather conditions, use of silk and woolen fabrics and beads. The local specifics are manifested in the costume composition, silhouette variability, and techniques of decoration. In the end of the 20th — beginning of the 21st century, traditional clothing of the Khanty and Mansi changed in the appearance due to the use of modern synthetic materials (it changed the colour, silhouette, means and techniques of decoration) and became merely festive. To the large extent those changes were caused by the industrial development on the territory occupied by the Ob Ugric population in the last quarter of the 20th century, and later by the cultural, social, and economic transformations in Russia. The range of use of the traditional clothing shrank due to the spread of factory-made clothing. The growing interest to the ethnic culture stimulated demand for the national costume. It has become made from import synthetic fabrics, because the home-produced cotton fabrics disappeared from the shops. New fabrics changed the appearance of the clothing and its function, as it became merely festive.

Keywords: traditional clothes, Ob Ugrians, costume history, traditional holidays, the festival, traditional costume, function costume.

Funding. The work was done according to the state order № 121041600045-8.

REFERENCES

Aksianova, G.A., Baulo, A.V., Perevalova, E.V., Ruttkai-Miklian, E., Sokolova, Z.P., Soldatova, G.E., Taligina, N.M., Tylikova, E.I., Fedorova, N.V. (2005). *Synskie Khanty*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Badmaeva, R.D. (1987). *Buryat folk costume*. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo. (Rus.).

Bakhtin, M.M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaia literature. (Rus.).

Baulo, A.V. (2002). *Cult attributes of the Khanty in Berezovo*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Berezhnova, M.L. (2003). Changes in the traditional costume of Russians in the south of the West Siberian Plain in the last third of the 19th — early 20th centuries. In: M.L. Berezhnova, D.A. Alisov (Eds.). *Traditsionnaia kul'tura russkikh Zapadnoi Sibiri XIX–XX vv.: Ocherki istorii i byta*. Omsk: Nauka, 106–124. (Rus.).

Bobrikhin, A.A. (2006). Mari folk clothing and embroidery. In: A.A. Bobrikhin (Ed.). *Narodnoe iskusstvo Urala: Traditsionnyi kostium*. Ekaterinburg: Basko, 79–110. (Rus.).

Bogatyrev, P.G. (1971). *Questions of the theory of folk art*. Moscow: Iskusstvo. (Rus.).

Bogordayeva, A.A. (2006). *The traditional costume of the Ob Ugric peoples*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

- Fedorova, E.G. (1994). *Historical and ethnographic essays on Mansi material culture*. St. Petersburg: MAE RAN. (Рус.).
- Fursova, E.F. (1997). *Traditional clothes of Russian old-timers of the Upper Ob region (late XIX — early XX centuries)*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. (Рус.).
- Glavatskaia, E.M. (2005). *Religious traditions of the Khanty. XVII–XX centuries*. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia. (Рус.).
- Kislukha, L.F. (2006). *Folk costume of the Russian North of the XIX — early XX century in the collection of the State Museum Association "Artistic Culture of the Russian North"*. Moscow: Severnyi palomnik. (Рус.).
- Konovalova, O.D. (2006). Russian women's clothing in the Urals: A couple. In: A.A. Bobrikhin (Ed.). *Narodnoe iskusstvo Urala: Traditsionnyi kostium*. Ekaterinburg: Basko, 41–50. (Рус.).
- Kriukova, T.A. (1968). *Mordovian folk art*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Рус.).
- Kuzeev, R.G., Bikbulatov, N.V., Shitova, S.N. (1979). *Decorative creativity of the Bashkir people*. Ufa: BFAN SSSR. (Рус.).
- Loginov, K.K. (2006). Traditional clothes of the peoples of Karelia. In: *Kostium i prazdnik*. Petrozavodsk: Kareliia, 14–38. (Рус.).
- Lukina, N.V. (1979). *Album of Khanty ornaments*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Lukina, N.V. (1985). *Formation of the material culture of the Khanty (eastern group)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Markar'ian, S.B., Molodiakova, E.D. (1990). *Festivals in Japan: Customs, rituals, social functions*. Moscow: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (Рус.).
- Maslova, G.S. (1984). *Folk clothes in East Slavic traditional customs and rituals of the 19th — early 20th centuries*. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Medzhitova, E.D., Trofimov, A.A. (1981). *Chuvash folk art*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Рус.).
- Moldanova, T.A. (1999) *Ornament of the Khanty of the Kazym Ob region: Semantics, mythology, genesis*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Molotkova, T.L. (1992). *Mari folk costume*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Рус.).
- Nikolaev, V.V., Ivanov-Orkov, G.N., Ivanov, V.P. (2002). *Chuvash costume from antiquity to modern times*. Moscow; Cheboksary; Orenburg: Fond istoriko-kul'turologicheskikh issledovaniim. K.V. Ivanova. (Рус.).
- Novikova, N.I. (1995). *Traditional Mansi holidays*. Moscow: IEA im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN. (Рус.).
- Petrov, A.N. (2010). Analysis of the dynamics and structure of the domestic textile market. *Ekonomicheskii analiz: Teoriia i praktika*, 179(14), 34–38. (Рус.).
- Piatnikova, T.R. (2008). *Traditional rituals of the Khanty of the Ust-Kazym Ob region*. Ekaterinburg: Basko. (Рус.).
- Popova, S.A. (2003). *Rites of passage in the traditional culture of Mansi*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Popova, S.A. (2008). *Mansi calendar holidays and rituals*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Popova, S.A. (2011). *Bear festival in the Northern Urals*. Khanty-Mansiisk: Novosti Iugry. (Рус.).
- Povod, N.A. (2006). *Komi Northern Trans-Urals (XIX — first quarter of XX century)*. Novosibirsk: Nauka. (Рус.).
- Prokina, T.P., Surina, M.I. (1990). *Mordovian folk costume*. Saransk: Mordov. kn. izd-vo. (Рус.).
- Randymova, Z.I. (2004). *Reindeer herding culture of the Ural Khanty*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Rombandeyeva, E.I. (1993). *History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and ritual data)*. Surgut: Severnyi dom: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo. (Рус.).
- Saar, E. (2008). *Folk Costumes of the Northern Khanty in the Last Quarter of the 20th Century*. Tartu: Estonian National Museum.
- Siazi, A.M. (2000). *Ornament and thing in the culture of the Khanty in the Lower Ob*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Рус.).
- Sidorova, N.G. (2006). Russian traditional costume. In: A.A. Bobrikhin (Ed.). *Narodnoe iskusstvo Urala: Traditsionnyi kostium*. Ekaterinburg: Basko, 19–40. (Рус.).
- Shitova, S.N. (1995). *Bashkir folk clothes*. Ufa: Kitap. (Рус.).
- Skameiko, R.R., Siazi, Z.I. (1992). *Dictionary of Khanty-Russian and Russian-Khanty (Shurysh. Dial.)*. St. Petersburg: Otd-nie izd-va «Prosveshchenie». (Рус.).
- Sokolova, Z.P. (1971). Remnants of religious beliefs among the Ob Ugrians. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, (37), 211–238. (Рус.).
- Taligina, N.M. (2005). *Ceremonies of a life cycle among the Syn Khanty (Russia)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (Рус.).
- Toporov, V.N. (1988). Holiday. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediia: V 2 t. T. 2*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 329–331. (Рус.).
- Zav'ialova, M.K. (1996). *Tatar costume from the collection of the State Museum of the Republic of Tatarstan*. Kazan': Zaman. (Рус.).
- Zhigul'sky, K. (1985). *Festival and culture*. Moscow: Progress. (Рус.).

Богордаева А.А., <https://orcid.org/0000-0002-2665-4833>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Данилова Н.К.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: dan_nataliksen@mail.ru

ЭТНОЭТИКЕТ В ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: САКРАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОДЕКС

Статья посвящена изучению культуры общения и связанных с ним мифоритуальных представлений на материале народа саха (якутов). Впервые в научный оборот вводятся архивные и полевые материалы по гостевому и дорожному этикету. Исследование фольклорных, этнографических, языковых материалов позволило выявить и проанализировать рефлексии поведенческих стратегий: расширяются границы освоенного пространства (дорожные обычаи и обряды), исчезает «инаковость» гостя (этикет), устанавливаются коммуникации между человеком и божествами/духами (ритуал).

Ключевые слова: народ саха (якуты), поведенческий код, символическая коммуникация, дорожный этикет, путник/гость, сакральный гость.

Введение

Образ мыслей и чувств людей минувших эпох качественно отличается от мировосприятия в современном обществе, поскольку диктовался мировоззренческими представлениями и насыщен символами и знаками. В контексте активно происходящих в настоящее время глобальных социальных процессов и культурного «ренессанса» (возрождения) в России стало важным не просто описать действия людей, но и раскрыть глубинные мотивы этих действий и символическую связь между человеком и окружающим миром.

Одним из перспективных направлений в сегодняшней исследовательской практике этнологов является историко-антропологический подход («история повседневности»), при котором фокус исследования направлен на изучение мотивов и стратегий поведения, ментальности людей прошлого. Использование данного подхода в рамках когнитивной истории дает возможность рассмотреть коммуникативные нормы поведения северных тюрков — народа саха (якутов). Цель исследования — рассмотреть этноэтикет народа саха, который безусловно рефлексировал традиционную культуру, мировоззренческие представления и ритуально-мифологический практикum.

Культура поведения базировалась прежде всего на соблюдении «законов общежития», так как одной из составляющих компонентов традиционного общества является коллективизм. Родовой коллектив, следуя «законам общежития», согласно канонам религиозных воззрений направлял индивида, предписывая ему необходимый образ действий и мыслей. На этой основе создавался своеобразный поведенческий кодекс, регулирующий весь жизненный процесс, чтобы человек не сошел с *айыы суола* 'дороги, указанной божествами айыы'. Полное отторжение привычной системы отношений с миром, создаваемой посредством участия всего коллектива, общества, означало «социальную смерть» [Бравина, 2005, с. 75]. Так, родовой коллектив был скреплен духовным единством, которое обуславливалось прежде всего потребностью людей в сохранении и укреплении жизненного пространства через различные стратегии выживания [Белянская, 2004, с. 36]. В суровых условиях Севера, где каждый в прямом смысле выступал гарантом жизни другого, особое значение приобретали гостевой этикет и символическая ритуальная коммуникация между миром людей и миром природы. Известно, что в традиционном обществе нет четкой границы между профанным и сакральным, повседневным и ритуальным понятиями. Между тем бинарные оппозиции «свое — чужое» четко прослежены в организации жизненного пространства и соотносятся с понятиями «освоенное/неосвоенное». «Освоенное пространство всегда семантизированное пространство, подвергшееся некоторой ценностной акцентировке», — так определяет А.К. Байбурин общие моменты восприятия данного термина [1992, с. 26]. Оппозиции «освоенное/неосвоенное» проявляются в первую очередь в ограждении жилого пространства от внешнего мира. У оседлых и полuosедлых народов (к которым относится народ саха. — Н. Д.) установление границы связано с устойчивым представлением о

безопасности огражденного пространства. Так, изгородь не только символически и фактически отделяет «свое» пространство от внешнего, но и обладает функцией защиты от проникновения нечистой силы, вредоносной магии и «чужого» влияния. Вещное оформление границы являлось символом человеческого пространственного мира, поэтому становилось в буквальном смысле «культурным барьером», через который не могли проникать существа иного мира, т.е. семантически представляло идею освоенности и защищенности [Данилова, 2011, с. 38].

Из-за обилия различного рода ограждений путешественники и исследователи XVIII–XX вв. с изумлением отмечали, что Якутия — «страна изгородей». Изгородь в якутском языке выражалась словами *бютэй, кюрюе*, в круг символических коннотаций которых включена идея защищенности. *Бютэй дьулайдаах киһи* ‘человек с защищенным родничком’ — так говорили о сверхудачливом человеке, который будто бы находился под защитой каких-либо сверхъестественных сил, божеств *айыы* или духов-*иччи*. А якутское выражение *кюрюелэнии* в пространстве сакральной культуры может означать «защищенность» [ПМА, Данилов]. Так, обязательно перед совершением какого-либо обряда, шамланским камланием, отправлением в долгую дорогу устанавливалась астральная защита *кюрюе*.

И сегодня все хозяйственные территории, угодья, участки капитально ограждаются, при установлении столбов изгороди приносится в жертву духам жирная пища (олады, топленый жир, саламат)¹. До сих пор существует поверье о том, что изгородь защищает как фактически, так и символически. Дорожный этикет начинался с преодоления данного «культурного барьера». Так, отправляясь в путь, человек прежде всего мысленно и силой слова *алгыстаныы* устанавливал астральное *кюрюе*. Выходя за ворота изгороди, «оставлял» свою домашнюю сущность и надеялся духом путешествия *айан иччитэ*. У столба последней изгороди оставлял какой-нибудь предмет (монету, тряпицу и т.д.), чтобы дух-*иччи* изгороди «звал» назад своего хозяина, домоладца [ПМА, Никифоров].

Обсуждение

Дорожный этикет. Тема дороги в культуре народов Якутии соотносилась с понятием «жизни» и с ее общим признаком — протяженностью [Романова, 1997, с. 91]. В пространственном представлении движение, связанное с дорогой, подразумевается как перемещение из одного локуса в другой, туда и обратно — *барыы-кэлии* ‘уход-возврат’: человек обязательно возвращается туда, откуда ушел. Как заметила Т.В. Цивьян, «человек не столько проводит жизнь в доме, сколько возвращается домой извне» [1999, с. 75]. Путь/дорога человека обязательно должна предполагать возвращение, так как путь в одну сторону означает уход в иной мир, поэтому путник старался обеспечить себе безопасное путешествие и соблюсти дорожный этикет. Дорожный этикет включает в себя комплекс поведенческих кодов, которые направлены на соблюдение преддорожных и дорожных запретов-табу и ритуализованных действий.

Прежде всего, специально «умалчивали» о предстоящем путешествии. Молчание как стратегия поведения было характерно для якутского менталитета. Из-за боязни влияния темных сил, которые могли бы воспрепятствовать благополучному завершению какого-либо действия (рождение ребенка, свадьба, приобретение вещи и т.д.), в том числе перед поездкой, старались вслух не говорить об этом и не рассказывать другим людям. В дорожном этикете это касалось конечного пункта и считывания продолжительности времени поездки. При этом надо было случайно «забыть» какую-нибудь незначительную, но необходимую в дороге вещь, которая бы способствовала благополучному возвращению назад. Кроме этого, в дорогу брали значимые дорожные амулеты. Универсальными дорожными амулетами являлись свернутый в круг пучок конского волоса, олицетворяющий символическую дорогу, и камешек с родовой горы или из родовой местности. Считалось, что камень будет «тянуть» назад, при возвращении его обязательно относили туда, откуда брали [ПМА, Прудецкий]. Эти преддорожные запреты не утратили былой значимости и охотно используются сейчас.

Основным защитным оберегом в дороге считается горсть родной земли, обладавшая кроме этого исцеляющими свойствами. Брали землю с предпечи или родного *алааса* (места жительства. — Н. Д). По материалам А.А. Саввина, якуты, «отправляясь в дальнюю дорогу, брали с собой горсть родной земли с целью в момент глубокой тоски по родной местности принимать вовнутрь, разбавив водой» [1939, л. 80].

¹ Издревле народ саха считает, что, копая землю, «ранит» лик Матери-Земли, поэтому проводятся умилюстивительные обряды — жертвуют жирную пищу духу Земли, просят прощения и приносят дары.

Этноэтикет в якутской культуре: сакральные стратегии и поведенческий кодекс

В фольклорных текстах-погових говорится: «Чужая сторона опасна, а своя — обидчива», т.е. родная земля «обижается», когда человек долго не появляется, не проявляет должного уважения к своей земле и почитания. Для того чтобы умилостивить духа родной земли, человек после долгой отлучки обязательно должен был найти природный камень с отверстием, затем закопать его внутри своего двора *тэлгэһэ* со словами: «Земля моя родная, прими этот подарок!» [ПМА, Данилов]. Примечательно, что у якутов крайне развито чувство слитности с родной землей, которое не утратило своей значимости и сегодня [Бравина, 2005, с. 13]. Метафоры *мин дойдум* 'моя родина', *тереебют алааһым* 'место рождения' представляют собой эмоциональные интенции и связаны с жизненным пространством вообще. «Не бывает человека без родного алааса, без родины», — говорят якуты, имея в виду, что только человек, напроочь лишенный покровительства божеств *айыы*, может быть «без роду, без племени, без родины». *Айыы кийитэ буолбатах* 'Он не людского племени', — говорят о таком человеке. Как справедливо отметила Р.И. Бравина, предназначение людей племени айыы — это утверждение жизни на земле, поэтому человек должен был следовать мифологическому сценарию, написанному творцами, что предполагало стереотипность его поведения в различных ситуациях [2005, с. 57]. Именно такое чувственное восприятие родной земли стало основным фактором устойчивого сохранения представлений, связанных с почитанием духов-иччи и небесных божеств айыы.

В иерархии духов-иччи *суол иччитэ* 'дух дороги' считается особо обидчивым и недоброжелательным, поэтому в отношении к нему совершались строго ритуализованные действия и придерживались определенных норм поведения и запретов-табу. В архивных материалах А.А. Саввина есть отдельная папка, посвященная описанию якутских табу-запретов, где особое внимание уделено преддорожным запретам [1938–1939, л. 12]. Так, существовал своеобразный этикет для «уходящих» из дома: путники перед выходом в дорогу не должны были завязывать шнурки на шапке, рукавицах, одежде. Они садились на почетное место в доме, повернувшись к огню, затем вставали и молча одевались. В это время в печку-камелек добавляли дрова, провожающие садились, обратившись к огню. Старший член семьи производил кормление духа-огня и благословлял: «Пусть ваши передние ноги никаких помех не встретят, пусть ваши задние ноги никаких задержек не встретят! Хорошо, счастливо без болезней и потерь вернитесь!» [Там же, л. 15].

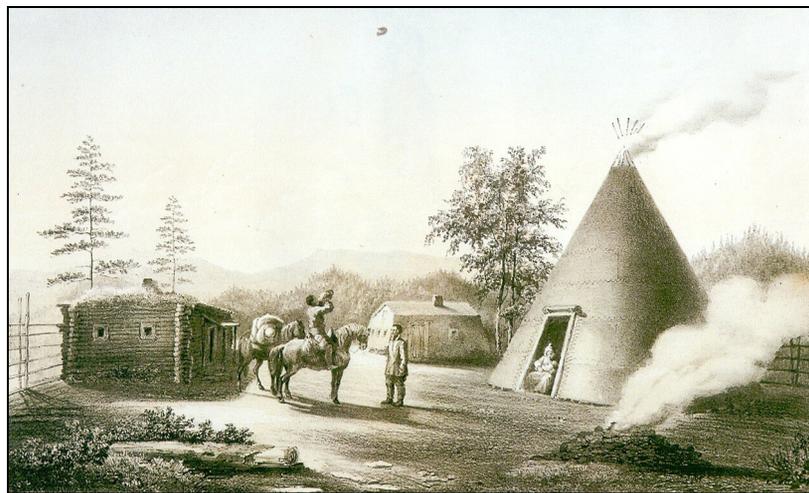

Рис. 1. Проводы путника.

Рисунок Л. Немировского из книги «Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева». СПб., 1856.

Fig. 1. Seeing off a traveler.

Drawing by L. Nemirovsky from the book "Journey through Eastern Siberia by I. Bulychev". Saint Petersburg, 1856.

Особое табу касалось духа-огня и духа жилища. Согласно ему нельзя было в день отъезда домочадца сгребать пепел в печке и подметать пол. Считалось, что, выгребая пепел, можно «выгрести» удачу путника, тем самым накликав неудачу в делах, а подметая пол — «стирать» его след, а потому путник мог не вернуться обратно домой. У якутов *суол* 'дорога' выступала и в другом значении — 'след'.

Для девушки, выходящей замуж, существовал также определенный код поведения, когда она покидала родительский дом. Чтобы путь был легким, невеста не завязывала шнурки на

одежде. Категорически запрещалось оглядываться назад (на дом), в противном случае ее счастье останется дома; нельзя сильно плакать, потому что можно «стереть» дорогу домой и больше никогда не увидеть родителей [Саввин, 1938–1939, л. 30].

Метафора *айанна аттаныы* 'отправление в путь' в прямом переводе означает 'обзаведение лошастью при дороге'. Понятно, что в дальнюю дорогу отправлялись преимущественно на коне, отсюда и происходит данное выражение. Следует отметить, что у якутов существует развитый культ коня; таким образом, священный образ лошади, как главного покровителя всего человечества, в этом выражении выступает своеобразным «оберегом-словом» в пути. Отметим также, что близкая связь человека с лошастью получила отражение в некоторых терминах социально-общественного значения. Например, в среде оленекских и северовилуйских якутов в значении «род» применялся термин *ат баһа* 'голова лошади' [Гоголев, 2018, с. 19]. Слово как благословение, слово как проклятие и слово как оберег — универсальное понятие в ритуальной культуре. В дорожном этикете, как и в промысловой сфере, широко применяется табу слов. Об этом подробно написал Д.К. Зеленин на материале народов Восточной Европы и Северной Азии [1929, с. 120].

В якутской культуре табу слов иносказательное выражение *ханарытан этии* применялось в основном охотниками (рыболовами) и путниками. Считалось, что таким образом человек ограждает себя от влияния потусторонних сил и программирует удачное завершение дел. В дороге запрещалось употреблять названия не только предметов, но и самого коня. Отметим, что путники также старались не называть друг друга по имени из-за опасения быть услышанными темными силами. Особенно этот запрет действовал в непроходимом лесу и горной местности. Обращались друг к другу: *догоор*, *атаас* 'друг', *били киһи* 'тот человек'. Старались также не упоминать хозяина тайги медведя *эһэ*, используя при этом слово *тыатаагы* 'лесной'. Кроме того, из-за особого почитания вслух не произносили названия гор, озер, рек, алаасов-долин. Для их обозначения применялся общий термин *эбэ* 'бабушка' [ПМА, Данилов]. Приведем несколько табуированных дорожных слов: конь — *далаһа* 'мост'; топор — *киргил* 'дятел'; деревянный ковш — *дайбыыр* 'махалка'; чаша кытыйа — *тегюрюк* 'круглый'; ружье — *тайах* 'посох'; нож — *уһуктаах* 'острый'; дорога — *кюэтэл* 'вьюк' и т.д. [Романова, 1997, с. 53; ПМА, Прудецкий]. Так иносказательные выражения, тайная речь, определенное ритуальное поведение в пути создавали особое отношение к дороге как к сакральному объекту. Дорожные нормы поведения регулировались и обрядами.

Путь/дорога начинался с жертвоприношения духу дороги *суол иччитэ* и его умастивания жирной пищей еще дома. Остаток *саламаата* (жирная похлебка из муки, масла и сливок) брали в дорогу для выполнения последующего обряда умастивания духа дороги. При первом ночлеге путник (или самый старший из путников), обращаясь к духу огня, читал заклинание и просил передать жертву духу дороги. В огонь бросали три ложки саламаата для духа огня и три ложки для духа дороги [ПМА, Никифоров]. Кроме этого обязательные жертвоприношения совершались на пересечении границ, на развилке дороги, горном перевале и водоразделе. Для этого не обязательно было разжигать костер и совершать «жирное» жертвоприношение. Достаточно было вешать на ветки дерева пучок конского волоса, лоскутки материи, медные монетки, пуговицы и т.д.

Приношение в дар дорожному духу путником собственных домашних вещей создавало ситуацию «дома» в дороге и ограждало от дорожных опасностей [Романова, 1997, с. 52]. Такой ритуальный «перенос дома» на дорогу давал возможность путнику вступить в диалог с дорожным иномиром, тем самым превращая неосвоенное пространство в зону деятельности [Щепанская, 2003, с. 35]. Таким образом, дорога — как след, оставленный человеком, — становится маркером окультуренного пространства. Между тем дороги, тропы не принадлежат конкретному человеку, а потому ими пользуются как люди, так и мифические пришельцы из того мира. Особенно кризисными и опасными считаются перекрестки и развилки дорог. В культуре многих народов существуют универсальные представления, связанные с подобными участками. Например, по поверьям якутов, нельзя брать чужие предметы с дороги, особенно найденные в развилке дорог, так как считается, что вместе с подобранными вещами на человека переходят болезни и несчастья хозяина вещей. Дорожные обряды до сих пор широко бытуют и используются повсеместно. Например, перед поездкой устраивают общие «посиделки», при этом соблюдают молчание. Во многих якутских семьях придерживаются обычая «не убирать дом, не выкидывать мусор, не устраивать стирку» в день отъезда домочадца. Отметим, что и молодежь отлично знает и соблюдает преддорожные и дорожные обряды. Согласно опросу среди студентов СВФУ (2018–2019 гг.), 70 % от общего числа респондентов знают про поведенческую и этикетную установки, диктуемые дорожной культурой, и следуют им в обычной жизни.

Гостевой этикет. Якутские поселения *ыал* были разбросаны по многочисленным алаасам и речным долинам, расстояния между ближайшими соседями доходили до нескольких сотен километров. Поэтому приход гостя *ыалдьыт* рассматривался как целое событие, хозяева в полной мере пытались выказывать глубокое почтение и радушие [Зибер, 1937, с. 140]. В традиционной культуре гость выступал «как лицо, соединяющее сферы “своего” и “чужого”, объект сакрализации и почитания, представитель “иного” мира» [Агапкина, Невская, 1995, с. 531]. Якуты говорят: *ыалдьыт да араастаах* ‘и гости бывают разными’. Этимологически слово *ыалдьыт* ‘гость’ включает несколько коннотаций: гость, специально приехавший погостить — *ыалдьыт*; путник, зашедший по дороге, — *айанныыт* (от *айан* ‘путь’). Причем когда и те и другие остаются на ночь, то они становятся *хоноһо* (от ‘оставаться на ночлег’).

Кроме того, статус гостя зависит от принадлежности к той или иной социальной группе.

— Статусом «почетный гость» *мааны ыалдьыт* обладают главы и старейшины родов, знатные люди, именитые богачи. Как в будние, так и в праздничные дни по отношению к *мааны ыалдьыт* соблюдались строгие ритуализованные действия, домочадцы должны были демонстрировать благоговейное отношение и подавать лучшие угощения (жирное мясо и кумыс).

— Категорию особых гостей, которых условно можно обозначить как «сакральные гости», составляют шаманы, сваты, певцы-олонхосуты и сказочники *сээркээн сэхэн*. Общего термина, обозначающего данную категорию, нет. При этом следует отметить, что именно их приход/уход несет высокую семиотическую функцию, а во время их пребывания в доме «профанный мир» превращается в «сакральный».

— «*Ынырыллыбатах ыалдьыт*» ‘непрощенные гости’, враждебно настроенные люди, своим приходом нарушают гармоничное равновесие в жизненном пространстве. Это, как правило, посланники Нижнего мира *абааһы* (духи, приносящие болезни, смерть, злой дух *иччи*) и люди из рода недоброжелателей, обидчиков, супостатов, про которых говорят *ыар ыалдьыт*, *нуһэр хоноһо* (букв. ‘зловещий гость, оставшийся на ночлег’). Кроме того, у якутов в старину существовала особая каста низшего сословия *киибэс* — люди, которые занимались самой грязной работой во время похорон [Гоголев, 2018, с. 27]. Считалось, что приход *киибэс* осквернял пространство дома, поэтому их не пускали в дом, кормили из особой чаши, чаще всего из разбитой, и т.д.

— Нищие старики-*кумалааны* и сироты, просящие милостыню и подрабатывающие за ночлег и пищу нехитрой работой, не входят в категорию гостей. Тем не менее их обязательно надо было покормить, оставить на ночлег и дать еду на дорогу, поскольку согласно «божьему напутствию» выгонять их — большой грех.

Встреча гостя: обычай гостеприимства. Согласно материалам В.Л. Серошевского, путники, всецело полагаясь на древний обычай гостеприимства, никогда не берут с собой провизию и сено для лошади. Более того, «предложение принять деньги за ночлег, за съеденную пищу даже крайний бедняк сочтет за обиду» [Серошевский, 1993, с. 426]. Как путник *айанныыт*, так и человек, специально приехавший погостить, перед тем как войти дом, строго следуют «поведенческому сценарию». Преодолев «культурные барьеры» в виде изгороди *кюрюе*, гость отряхивал снег, пыль со своей шапки и одежды. Данное действие можно интерпретировать следующим образом: человек, как только выезжает на большую дорогу, соприкасается со сферой «чужого», неосвоенного, семантически опасного, а потому становится ее неотъемлемой частью. Эту негативную сущность путника в первую очередь начинает «чувствовать» главный хранитель домашнего очага, дух-иччи огня. Поэтому во многих этнических культурах существуют универсальные приметы, связанные с приходом гостя. Например, огонь начинает гореть с треском и шумом, время от времени из очага отскакивают крупные угольки. Маленький ребенок также чувствует приход гостя и начинает плакать, капризничать, становится возбужденным и беспокойным. Это состояние якуты называют *атахтыыр* (букв. ‘чувствует ноги гостя’). Кроме того, «у хозяев беспрестанно подергивались уголки рта — к приезду конного путника), ступни чесались (к пешему путнику)» [Кулаковский, 1979, с. 77–78]. Таким образом, следуя этим приметам, хозяева уже с нетерпением ждали прихода гостя, так как через него, во-первых, восполнялось информационное поле сенинун, а во-вторых, устраивались браки детей, приобретались хозяйственно значимые предметы и т.д.

Гостей, прибывших издалека, называли *уһун суол кийитэ* ‘человек с длинной дороги’ [ГПМА, Никифоров]. О приходе гостя узнавали по лаю собак и начинали выглядывать за дверь (в основном дети). По тому, к какой коновязи привязывает путник своего коня, определяли статус гостя и стелили для него соответствующее ложе *наара орон*. Для почетных гостей было предназначено ложе *биллирик орон*, для гостя со средним достатком — среднее ложе *ортоку орон*

или *кэтэгириин орон*, для бедняков предназначалось место у дверей *атах орон* [Данилова, 2011, с. 69]. Следует отметить, что как коновязи-*сэргэ*, так и лежанки в жилище имели свое предназначение, согласно гендерной и социальной стратификации. В богатых усадьбах количество коновязей доходило до 12, но в основном ставили перед входом в балаган 3 почетных *сэргэ*. Южное *сэргэ* (правое) считалось самым главным: *бастын сэргэ* или *тойон сэргэ* 'господин *сэргэ*' — предназначалось для привязывания коней именитых, богатых гостей. *Орто сэргэ* 'среднее *сэргэ*' — для гостей среднего достатка. Третье — *кэтэх сэргэ* 'заднее *сэргэ*' — для домохозяев. Для привязывания быков и рабочих лошадей предназначался *ат сэргэ*, который находился на левой стороне усадьбы, рядом с хозяйственными постройками [Яковлев, 1992, с. 16; ПМА, Данилов]. Таким образом, гостевой этикет начинался уже за пределами жилища, как только гость/путник заходил в освоенное пространство.

Перед тем как войти в дом, гости отряхивают свою одежду — очищают от пыли, снега, негативной энергии дорожного пространства, а также духа дороги *айан иччитэ*. Войдя в дом, путник-гость первым делом подходил к камельку. Гость сначала протягивал руки к огню, демонстрируя свою принадлежность к миру людей и доброжелательное отношение к семье. В это время дым огня очищал путника от «инаковости». Только после исполнения этих процедур хозяин обращался к гостю и начинался ритуальный обмен приветствиями: *Кэлсиэ?* 'Что расскажете?', при этом гость обязательно отвечал: *Суох, онтон эһиэхэ?* 'Да нет, а как у вас?'. Как справедливо отметила Н.Л. Жуковская, обмен стандартными приветствиями является отголоском когда-то семантически значимого «переходного» ритуала: пересечена граница двух миров, один из которых — снаружи, другой — внутри; первый — чужой, второй — свой. В первом заключена опасность, и первоначальные контактивные ситуации должны ее развеять и сгладить. Поведение гостя, соблюдение им всех правил — часть ритуала перевода «чужого» в «свой» [Жуковская, 1988, с. 35].

Ритуал встречи гостя предполагает в первую очередь семантическое преодоление оппозиций «свой — чужой» и включение гостя в круг семейного коллектива. Обязательным условием в гостевом этикете является совместное принятие пищи, во время которого гость окончательно входит в круг «своих» и наделяется единой энергетикой вместе с хозяевами.

Сакральный гость. Сценарий встречи гостей с особым статусом, шаманов и сватов существенно отличался. Шамана специально вызывали во время критических или неординарных ситуаций, а потому его добровольный приход в гости сильно пугал домохозяев. Обычно шаман «отправлял» помощников (воронов, собак, кукушек) известить о своем приходе, поэтому его обязательно должны были встретить у коновязи *сэргэ* и забить к его приходу скотину, усадить на почетное ложе *биллирик*, предварительно застелив его медвежьей шкурой.

Р.К. Маак зафиксировал интересный по своей семантической структуре ритуал встречи шамана у локальной группы вилюйских якутов. Так, шаман никогда не заходил в балаган сам, его обязательно должны были встретить у коновязи и *попросить* (именно *попросить*. — Н. Д.) войти в дом [Маак, 1886–1887, с. 93]. Довольно распространены рассказы о том, как шаман наложил на 9 поколений страшную порчу из-за того, что его не встретили, и он ушел домой обратно [ПМА, Никифоров]. Встреча шамана представляла собой значимое и строго ритуализованное действие, так как в архаических культурах титулованные лица и жрецы (шаманы) являлись воплощением божества и представляли собой сакральный центр социума и Вселенной. Именно поэтому шамана обязательно брали за руки и, поддерживая с двух сторон, вводили в дом. Шаман входил в дом в шапке, а в руках держал кнут — символ власти и сакральности. Для сравнения вновь укажем, что обычный человек, перед тем как войти в дом, снимал шапку и отряхивал ее, чтобы избавиться от всего нечистого. В пространстве дома шамана усаживали на предназначенное для него ложе *биллирик*, которое находилось с левой стороны почетного юго-западного столба. В старинных легендах упоминается, что на это ложе клали кости/останки *убитого* шамана и в течение нескольких дней «угощали» его [Васильев, 2006, с. 52]. Кроме этого, существовал набор правил поведения домохозяев во время гостевания шамана, от их соблюдения зависело благополучие семьи.

В основном шамана специально приглашали для изгнания духов болезней, при проведении различных обрядов, а потому пространство жилища преобразовывалось и насыщалось сверхъестественной энергетикой. В связи с этим бытовал строгий поведенческий кодекс. Например, в присутствии шамана нельзя стоять за печкой-камельком; нельзя находиться слева от него и др., так как с приходом шамана открывался портал между миром природы и миром живых. Считалось, что слишком бойких и громких могли услышать злые духи и вселиться в них. Во время

камлания строго запрещалось разговаривать, переходить дорогу шаману, мешать ему. Следует отметить, что камлание шамана представляло собой своеобразное зрелищное представление, вызывающее страх, восторг и восхищение. Часто во время или после камлания шаманы устраивали демонстрацию своих сверхспособностей: вызывали дождь в доме, превращались в зверя, втыкали нож себе в живот и т.д. Поэтому на камлание шамана собирались зрители со всей округи. Такие представления доказывали величие и силу шамана, о нем слагались легенды и передавались от поколения к поколению [ПМА, Никифоров].

Независимо от того, по какой причине шаман нанес визит, его обязательно должны были проводить домой провожатые. Перед отъездом шаману давали на дорогу плату *атах соболоно* (букв. 'плата за ногу'), припасы *ындьы* и подстилку *олбох*, на котором шаман сидел во время камлания. Кроме того, шаман брал с собой ту лошадь, которая стояла у столба привязанной при его спешивании и называлась *тайанан туһэр ата* 'лошадь, на которую опирается шаман'. Если шаман был недоволен приемом, то мог наслать проклятие и порчу, поэтому старались во всем ему угодить [Алексеев, 1975, с. 169; Попов, 2006, с. 48–50].

Встреча свата «суорумньу корсуу». Приход свата *суорумньу* ожидался буквально с момента рождения дочери [Маак, 1886–1887, с. 26]. Семья, где росла дочь, с ее семилетнего возраста² каждого гостя рассматривала как потенциального свата *суорумньу*, надеясь затем благополучно выдать дочь замуж. Действительно, именно благодаря гостям/путникам узнавали о девушках необыкновенной красоты и отправляли к ним своих сватов именитые богачи. *Агыс улуус тухары аата ааттанна* 'слава о ней прогремела в восьми улусах' — говорили в таких случаях. Таким образом, гости/путники выступали и как «внештатные» сваты, передавая информацию заинтересованным семьям о потенциальных невестах и женихах. Этимологическое гнездо слова *суорунньу*, *суорумньу*, *суорумудьу* представлено различными значениями, которые наделяют данную сакральную фигуру высокосемиотичным статусом: 1) посланец, посол, сват, сватанье; 2) эпитетика имени мужских персонафицированных образов (*Хара Суорун Тойон*); 3) дом, жилище, место жительства, организация жизненного пространства (*суорун*); 4) высокая гора (символическая ось мира) (*суорун*, *суорум*); 5) жернова (*суоруна*) [Пекарский, 2008, стб. 2350–2351].

Итак, комплекс свадебных ритуалов начинался с прихода свата, цель визита которого угадывалась домочадцами по его иносказательным фразам и действиям: после приветственных слов сват демонстративно замолкал, набивал трубку табаком, зажигал и, передавая ее хозяину, тихо произносил: *куһи кордуу кэлэн олоробун* 'пришел за человеком'. Если хозяин соглашался на это предложение, то брал трубку, если нет — молча отворачивался. Отказ от предложения свата нарушал гармоничное равновесие в жизненном пространстве, наносил большое оскорбление просившему, поэтому мог иметь плохие последствия. В таких случаях домочадцы с тяжелым сердцем ждали прихода оскорбленных родичей. Еще больше последствий имело нарушение брачной сделки, при котором возмещали скотом моральный ущерб *саат куттарыы*, причем количество скота определял также сват [Слепцов, 2017, с. 44].

В материалах И.А. Худякова и Р.К. Маака подробно описываются ритуал встречи сватов и заключение свадебной сделки, которые в течение трех дней сопровождалось иносказательным разговором и соблюдением кодифицированных символических действий (выкуривание трубки, обмен рукавицами, памятливыми подарками и т.д.). Следует отметить, что во время заключения брачной сделки должна была сохраняться полная тишина [Маак, 1886–1887, с. 50, 90–93; Худяков, 1969, с. 182–183]. Весь символический сценарий встречи свата *суорумньу* можно сравнить с космогоническим мотивом первотворения, когда за три дня из Хаоса возникли Земля и Небо (в данном случае Земля — невеста, Небо — жених). При этом сакральная фигура главного свата соотносится с образом высшего божества, так как он моделировал будущую семью. Примечательно, что корнем слова *суорумньу* является слово *суор* 'ворон', включающее в себя глагольную форму *суор*, что в переводе означает «стругать». Таким образом, можно сказать, что в ритуале встречи свата символически разыгрывался космогонический акт — первотворения Земли и Неба. А сам сват *суорумньу* моделировал («стругал») будущую семейную программу молодоженов. Высокий семиотический статус *суорумньу* доказывает, что раньше функцию свата исполнял *айыы ойууна* 'шаман айыы'.

Якуты большое значение придавали приходу певцов — *олонхосутов* и сказочников *сээркээн сэһэн*. Удивительно быстро по всей округе распространялась весть о приходе такого желан-

² Считалось, что дети до семилетнего возраста находились между миром людей и миром природы, поэтому их одевали одинаково, называли именами-оберегами, не указывающими на пол ребенка.

ного гостя, и в тот же день в доме, где остановился *олонхосут*, собирались гости, готовилось угощение, устраивался своеобразный праздник [ПМА, Никифоров]. Следует отметить, что встреча и проводы олонхосута существенно отличается. Его встречали как обычного человека с низким социальным статусом, угощали молочно-кислой пищей *тар*. И до самого наступления часа пик *олонхосут* не покидал околodверное пространство. Поздно вечером, когда народ собрался, *олонхосут* перемещался в другой локус дома — предпочажное пространство и наступал *дьоро киэһэ* — *олонхо киэһэтэ* 'вечер олонхо'. Там, сидя перед камельком, приняв соответствующую позу, он начинал свой рассказ, который мог длиться в течение нескольких вечеров и ночей.

Удивительную атмосферу вечера олонхо описал А.Е. Кулаковский: «...слушают все с таинственным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех — глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от "грешной" земли; он закрыл пальцем отверстие уха, чтобы звонче раздавалось в мозгу собственное пение... Он забыл про сон, про отдых, про все на свете... В глазах слушателей он совершенно преобразился: это не прежний знакомец Уйбаан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом» [1925, с. 62]. Провожали *олонхосута* всей семьей, давали ему на дорогу угощение и свое благословение. Таким образом, статус *олонхосута* к его отъезду из обычного превращался в сакральный: через пение *олонхосут* получал способность преодолевать мифические границы и проникать в иные миры подобно шаману.

Заключение

Изучение культуры поведения дает наиболее полное представление о народе, его характере, менталитете, стереотипах поведения, культурных традициях и предпочтениях.

Анализ символической фигуры путника показал, что поведенческий код выступает гарантией успешного пути, а соблюдение преддорожных и дорожных запретов и правил в первую очередь способствовали благополучному возвращению путника назад. Так, в благопожеланиях *алгысах* по случаю отъезда человека основной акцент делается на его возвращение, и, наоборот, в проклятиях *кырыыс* говорят: «Да будет тебе дорога, чтобы идти, да не будет дороги для возвращения!», что равнозначно пожеланию смерти.

Преобразование статуса путника происходит тогда, когда он, преодолев «культурный барьер» — изгородь, попадает в освоенное пространство и становится гостем.

Выявлено, что гостевой этикет в основном определял поведение хозяев, так как приход гостей, их встреча и проводы укрепляли жизненные позиции хозяев, стабильность и благополучие. Неслучайно в свадебном благословении *алгыс* одна из формул традиционных пожеланий содержит в себе кодифицированные слова: замерзшему дайте обогреться, проголодавшемуся дайте покушать, да будет ваш дом полон гостей, да не обходит вас путник! Поведение гостя также регламентируется, поскольку с обеих сторон должен поддерживаться «закон общежития», направленный на сохранение устойчивого и благополучного жизненного пространства. Встреча сакральных гостей несет дополнительную семантическую нагрузку, так как с появлением таких гостей пространство преобразуется и открывается проход между миром природы и миром людей. В связи с этим требуется строго соблюдать поведенческий кодекс. Достойная встреча гостя в наше время также имеет огромное значение, и метафора «якутское гостеприимство» до сих пор не утратила актуальности. Сегодня обычай гостеприимства в основном демонстрируется во время массовых мероприятий. Встреча гостей обязательно сопровождается угощением и выполнением так называемых дорожных обрядов. Приглашенных гостей встречают, как полагается, в здании аэропорта или рядом с пограничными маркерами (стелы и столбы на границе населенного пункта) с обязательным подношением чорона с кумысом и оладий. Кроме того, по русской традиции преподносят хлеб с солью. Считается, как встретишь гостей, так и мероприятие пройдет.

Дорожный обряд — *айан алгыһа* 'благословение алгысом от дорожной инаковости' — проводят в Доме Арчы (Дом благословения) *алгысчиты* (заклинатели/благословители) — люди, наделенные силой природы и связанные с небесными божествами *айыы*. Провозглашение алгыса сопровождается возжиганием священного огня, жертвоприношением жирной пищи духу огня с просьбой принять в свое пространство посланца «чужого мира». Очищение от «инаковости» происходит через окуривание дымом от сожженного пучка конских волос или можжевельника. Таким образом, под влиянием алгыса человек очищается, наделяется живительной силой огня и становится «своим». В рамках формирования привлекательности территории презента-

Этноэтикет в якутской культуре: сакральные стратегии и поведенческий кодекс

ция гостевого этикета выступает одной из символических стратегий ребрендинга северного холодного края — Якутии. В противовес «холодной зиме» ставится «теплое» гостеприимство, а *алгыс* приобретает функции бренд-инструментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А., Невская Л.Г.* Гость // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 531–532.
- Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 200 с.
- Байбурин А.К.* Ритуал: Между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 18–28.
- Белянская М.Х.* Традиция и современность культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии: (Историко-этнографический очерк). СПб.: Бельведер, 2004. 124 с.
- Брагина Р.И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса (на материале традиции саха). Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
- Васильев В.Е.* Саха терют итэҕэлэ былыргы сэхэннэргэ. Якутск: Бичик, 2006. (На як. яз.).
- Гоголев А.И.* Происхождение народа саха и его традиционной культуры. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2018. 256 с.
- Данилова Н.К.* Традиционное жилище народа саха. Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск: ГЕО, 2011. 122 с.
- Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 194 с.
- Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах // СМАЭ. Л., 1929. Т. VIII. С. 1–151.
- Зибер Н.И.* Очерки первобытной экономической культуры. М.: Соцэкгиз, 1937. 462 с.
- Кулаковский А.Е.* Якутский язык // Сб. трудов исслед. о-ва «Саха кэскилэ». Якутск, 1925. Вып. 1. С. 62–69.
- Кулаковский А.Е.* Научные труды: Работа по этнографии и фольклору. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Маак Р.К.* Вилюйский округ Якутской области. 2-е изд. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1886–1887. Ч. 3. 192 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 3-е изд. СПб.: Наука, 2008. 614 с.
- Попов А.А.* Камлания шаманов. Новосибирск: Наука, 2006. 448 с.
- Романова Е.Н.* «Люди солнечных лучей, с поводами за спиной»: (Судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М.: КМЦ ИЭиА РАН, 1997. 200 с.
- Сорошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993. 214 с.
- Слепцов П.А.* Научные труды. Публикации. Якутск: Изд.дом СВФУ, 2017. 332 с.
- Цивьян Т.В.* Дом в фольклорной модели мира // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Вып.10. С. 65–86.
- Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 438 с.
- Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 526 с.
- Яковлев В.Ф.* Сэргэ (Коновязь). Якутск: Ситим ЧИФ, 1992. Ч. 1. 63 с.

ИСТОЧНИКИ

- Архив МАЭ.* Ф. 14. Оп. 3. Д. 12: Попов А.А. Материалы по верованиям якутов. Вилюйский район, 1941 г.
- Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН.* Ф. 4. Оп. 12. Д. 66: Саввин А.А. Верования якутов. Магия (ап), 1939 г.
- Полевые материалы автора (ПМА):* Прудецкий И.Д., 1935 г.р., с. Табалаах, Верхоянский улус, зап. от 2014 г.; Данилов В.Н., 1939 г.р., с. Тойбохой, Сунтарский улус, зап. от 2018 г.; Никифоров К.Н., 1936 г.р. с. Верхневилуйск, Верхневилуйский улус, зап. от 2018 г.

Danilova N.K.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the RAS
Petrovsky st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: dan_nataliksen@mail.ru

The ethno-etiquette in the Yakut culture: sacred strategies and behavioral code

The ethnic etiquette of the Yakuts demonstrates traditional culture, worldviews, and ritual and mythological practices. The historical and anthropological approach used in this study allowed us to consider motives and strategies of the behavior, customs and rituals in space and time. The study of folklore and ethnographic and linguistic materials made it possible to identify and analyze responses of the behavioral strategies that expand the boundaries of the developed space (travel customs and rituals), eliminate the “otherness” of a guest (an etiquette), and provide for communications between the man and the deities/spirits (a ritual). For the first time, archival and field materials on the guest and travel etiquette are introduced into scientific discourse. The aim of the study is to conduct a historical and cognitive analysis of the travel and guest etiquettes, which begin with overcoming the developed space — the dwelling place. As the result, we have revealed that the travel etiquette is primarily aimed at ensuring that the traveler returns home without encountering any obstacles in his journey. To

achieve that, they used words-taboos and made a sacrifice to the spirit of the fire and to the spirit of the road. The analysis of special travel terms has shown that the main guardian of the traveler is his horse, while the behavioral code serves as an assurance of a successful journey. Compliance with pre-travel and travel taboos and rules primarily contributed to a safe return of the traveler. It has been found that the status of the traveler is transformed when he overcomes a "cultural barrier" — the fence, enters the developed space, and becomes a guest. The guest etiquette mainly defines behavior of the hosts, since the arrival of the guest, his welcoming and parting with him strengthened their life values, stability, and prosperity. The guest was considered to be a messenger of an alien world, so that the first series of the ritual actions was aimed at removing the "otherness" of the guest, the second series was aimed at including the guest in the home space, and the third series was aimed at seeing off the guest. Nowadays, respectful welcoming of a guest is also of a great importance, and the metaphor "the Yakut's hospitality" has still not lost its significance.

Keywords: Sakha people (Yakuts), behavioral code, symbolic communication, road etiquette, traveler/guest, sacred guest.

REFERENCES

- Agapkina, T.A., Nevskaya, L.G. (1995). Guest. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow: Nauka. 531–532. (Rus.).
- Alekseev, N.A. (1975). *Traditional religious beliefs of the Yakuts in the XIX early XX century*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bayburin, A.K. (1992). Ritual: Between biological and social. In: *Fol'klor i etnograficheskaya deistvitel'nost'*. St. Petersburg: Nauka, 18–28. (Rus.).
- Belyanskaya, M.H. (2004). *Tradition and modernity culture of survival of the Northern Tungus in North-East Asia: (Historical and ethnographic essay)*. St. Petersburg: Belvedere. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2005). *The Concept of life and death in the culture of an ethnic group (based on the Sakha tradition)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Gogolev, A.I. (2018). *Origin of the Sakha people and their traditional culture*. Yakutsk: Izdatel'skiy dom SVFU. (Rus.).
- Danilova, N.K. (2011). *Traditional home of the Sakha people. Space. House. Ritual*. Novosibirsk: GEO. (Rus.).
- Khudyakov, I.A. (1969). *Brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Kulakovskiy, A.E. (1925). Yakut language. In: *Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva «Sakha keskile»*. Yakutsk, 62–69. (Rus.).
- Kulakovskiy, A.E. (1979). *Scientific works: Work on Ethnography and folklore*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Maak, R.K. (1886–1887). *Vilyuyskiy district of the Yakut region. 2nd ed. Part. 3*. St. Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A.Tranchelya. (Rus.).
- Pekarskiy, E.K. (2008). *Dictionary of the Yakut language. 3rd ed.* St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Popov, A.A. (2006). *The ritual of the shamans*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Romanova, E.N. (1997). *"People of the sun's rays, with reins behind their back": (Fate in the context of the Yakut mythological tradition)*. Moscow: KMTS IEiA RAN. (Rus.).
- Seroshevskiy, V.L. (1993). *The Yakuts: Experience of ethnographic research*. Moscow. (Rus.).
- Shchepanskaya, T.B. (2003). *Culture of the road in the Russian mythological tradition of the XIX–XX centuries*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Sleptsov, P.A. (2017). *Scientific works. Publications*. Yakutsk: Izdatel'skiy dom SVFU. (Rus.).
- Tsivyan, T.V. (1978). House in the folklore model of the world. In: *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, 65–68. (Rus.).
- Vasiliev, V.E. (2006). *Yakut traditional culture in ancient legends*. Yakutsk: Bichik. (Yak.).
- Zelenin, D.K. (1979). *Taboo words among the peoples of Eastern Europe and North Asia. Part 1: Prohibitions on hunting and other trades. Vol. 8*. In: *Sbornik MAE*. St. Petersburg, 1–151. (Rus.).
- Zhukovskaya, N.L. (1988). *Categories and symbolism of traditional Mongol culture*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zieber, N.I. (1937). *Essays of primitive economic culture*. Moscow: Sotsekgiz. (Rus.).
- Yakovlev, V.Ya. (1992). *Serge (Horse post). Part 1*. Yakutsk: Sitim ChIF. (Yak.).

Данилова Н.К., <https://orcid.org/0000-0002-3728-5738>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Прокопьева А.Н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: sendiele@gmail.com

ЖЕНСКАЯ ПРИЧЕСКА И ГОЛОВНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЯКУТОВ XVIII в.

Выдвинута гипотеза о преемственной связи кос и подвесок головного украшения якутов. Исследование показало, что до конца XVIII в. в якутской культуре могли бытовать прически от одной до трех кос, связанные с социальным статусом женщины. В контексте свадебного обряда существовала традиция смены прически с девичьей на женскую, что частично сохранилось в обряде срезания лент с нарядной шапки.

Ключевые слова: начальник, накосные украшения, волосы, косы, обряд, традиция, погребальные памятники.

Введение

Комплекс головных украшений в традиционной культуре выступал маркирующим элементом, обозначающим социальный статус и переход из одного жизненного цикла в другой. Во многих культурах эту функцию выполняли и волосы, и изменение прически было связано с определенными процессами в жизни человека. Часто волосы и головные украшения (украшения волос и начельники) — это соотносимые и взаимозависимые явления. В отечественной этнографии этот вопрос не раз рассматривался исследователями [Бакаева, 2017; Баязитова, 2018; Ключева, Михайлова, 1988, 2005; и др.]. В якутоведении вопрос причесок и их связи с головными украшениями не становился темой отдельного исследования, но замечания по этому поводу высказывались [Михайлова, 2005, с. 60; Носов, 1955, с. 129; Яковлева, Прокопьева, 2019, с. 193]. Основной гипотезой работы является предположение о том, что количество кос в прическе отразилось на количестве подвесок головного украшения *бастынга*. Цель исследования — на основании анализа письменных, изобразительных и вещественных источников воссоздать прическу якутских женщин XVIII в.

Материалы

В течение XVIII в. в якутском обществе начали происходить изменения, вызванные развитием торговли, политикой государства в отношении народов Сибири и христианизацией. Это привело к тому, что с конца XVIII в. якутская культура вступает в эпоху «классицизма» [Борисов, 2010, с. 237]. В истории костюма это выразилось в изменении материала изготовления одежды (смена натуральных материалов тканью), увеличении длины, монументальности и монолитности форм и фасонов. Украшения стали тяжелыми и массивными, вместо желтых металлов предпочтение отдается серебру. Цветовая гамма бисерной отделки от сочетания белого, синего и черного цветов переходит к более широкому диапазону. Усложняются орнаментальные мотивы, внедряются новые техники декора, такие как золотное шитье, вышивка гладью и т.д. Изменяется положение женщин в обществе, укореняются патриархальные отношения. Все это привело к изменению внешнего облика женщины. Соответственно некоторые элементы костюма теряют свои функции и постепенно исчезают. К таким элементам можно отнести женские прически. По этнографическим материалам XIX в., появление с непокрытой головой было строго запрещено, а срывание головного убора с женщины приравнивалось к обесчещиванию [Петрова, 2006, с. 32].

В данной статье будут рассмотрены прически из сформированных в косы волос. Несмотря на большое количество изученных якутских погребений периода XVII–XVIII вв. (более 300) и наличие письменных источников о той эпохе, информации о прическах мало. Исследователи якутских погребальных памятников первой половины XX в. практически не фиксировали в своих записях информацию о волосах и прическе погребенных женщин. Было это связано с тем, что волосы не сохранились или не представляли интереса — выяснить невозможно. Только в двух случаях упоминались особенности: речь шла об отрезанных и уложенных вместе с погребенной длинных волосах [НА РС(Я). Ф. 1407, оп. 1, д. 38] и остриженных «в скобку» волосах погребенной из захоронения на Лысой горе [Стрелов, 1937, с. 95]. В 1981 г. две отрезанные косички бы-

ли обнаружены в женском погребении [Бравина, Попов, 2008, с. 135]. В ходе работ Сахарно-французской археологической экспедиции (с 2003 г. по наши дни) волосы погребенных фиксировались чаще и более четко. Так, у погребенных были распущенные волосы, редко встречались волосы, перевязанные у основания кожаным ремешком [Мир древних якутов..., 2012, с. 102]. В некоторых случаях встречались коротко остриженные волосы, что могло быть связано с уходом за больной [Там же, с. 35].

Письменные и изобразительные источники XVIII в. содержат разные сведения о способах ношения причесок. Я.И. Линденау пишет, что «женщины и девушки носят их как хотят — заплетают косы сзади или сбоку, и косы у них не фальшивые <...>. Якутки к косам иногда прикрепляют бубенчики, бусы и всякие другие безделушки» [1983, с. 26]. И. Биллингс отмечает ношение двух широких кос [1978, с. 42], а О. Матушевич — «второе сплетенные» косы [НА РС(Я). Ф. 1413, оп. 2, д. 25, л. 13]. В немногочисленных изобразительных источниках, на рисунках, волос у якуток практически не видно. Только на одном рисунке — «Якутская девка с лица» из труда И.Г. Георги [1799, рис. 54] видны две косички.

Якутские головные украшения, имеющие непосредственное отношение к волосам, — начельники *бастынга* и украшения волос. Письменные источники содержат противоречивые сведения о *бастынге*. Часть исследователей и путешественников утверждают, что это украшение замужних женщин, часть — что девочек и девушек. Исследователь якутского костюма XVIII в. Р.И. Гаврильева считала, что головное украшение произошло от повязки, призванной защищать от холода [1998, с. 30]. Кроме этого, было высказано предположение о связи и преемственности начельников *бастынга* и накосников [Прокопьева, 2019].

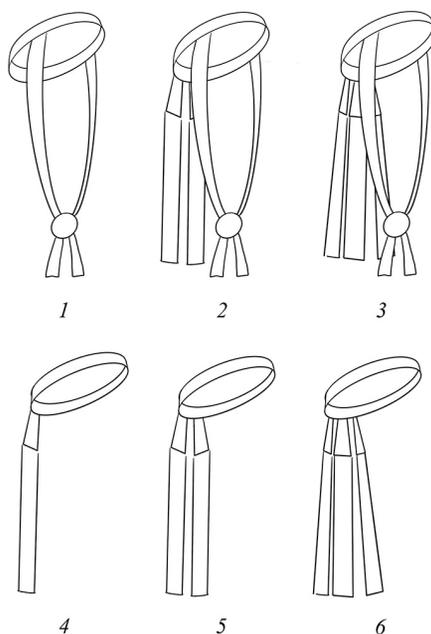

Рис. 1. Типология начельников *бастынга*: 1 — тип 1; 2, 3 — тип 2; 4–6 — тип 3.
Fig. 1. Typology of head ornaments: 1 — type 1; 2, 3 — type 2; 4–6 — type 3.

Начельники были обнаружены в якутских погребениях всего четыре раза: женское погребение в могильнике Киис Тиэрбит, погребение девочки в могильнике Ампаардаах, коллективное погребение Шаманское дерево I и женское погребение Ус сэргэ. В музейных собраниях хранятся начельники, бытовавшие в XIX — начале XX в., а также фотографии, фиксирующие ношение начельников. Основой начельника является мягкий кожаный обруч, расшитый бисером и металлическими бляшками. Начельник имеет нагрудные и наспинные подвески, изготовленные из металлических пластин и крупных бусин. Нагрудные подвески состояли из двух цепей, пришитых к височной или затылочной части обруча. Спускаясь к груди, цепи соединялись в центральной круглой пластине. К нижней части пластины прикреплялись «продолжения» цепей. Наспинные подвески выполнялись в той же технике и из тех же материалов, что и нагрудные. Цен-

тральная подвеска была самой широкой, две боковые чуть уже. Передние и задние подвески могли достигать бедер. На основании конструктивных особенностей начельников было выделено три типа [Яковлева, Прокопьева, 2019]: 1) с нагрудной подвеской (рис. 1, 1); 2) с нагрудной и наспинной подвесками (рис. 1, 2, 3); 3) с наспинными подвесками (рис. 1, 4–6). В каждом типе выделены подтипы в зависимости от количества подвесок. Расположение подвесок начельников не изменилось на протяжении XVIII и XIX вв. Отличием поздних начельников является материал изготовления: если раньше использовали большое количество бисера, крупных бусин и пластинок из желтого металла, то подвески XIX в. практически полностью выполнены из серебра. Соответственно подвески стали значительно шире, массивнее и тяжелее.

Украшения для волос в виде накосников и косоплеток крайне редко встречаются в материалах погребений. Вероятно, это связано с особенностями погребального ритуала и представлениями о смерти. В Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера хранится пучок длинных волос с металлической закрепкой *ас куустарар* из неизвестного погребения (инв. № ЯГОМ КП-51043). Волосы перевязаны кожаным ремешком и не сформированы в косу. Здесь же хранятся две косоплетки в виде кожаных лент с металлическими подвесками (инв. № ЯГОМ КП-49747; инв. № ЯГОМ КП-5/749). К сожалению, во всех случаях нет сведений об условиях нахождения этих изделий.

Результаты и обсуждение

Археологически ношение нескольких кос у якутов четко не фиксируется, что может быть связано с представлениями о душе и смерти. Так, по поверьям якутов, с наступлением смерти души *кут* покидают тело человека. Здесь распускание волос умершего приравнивается к освобождению пути для отхода души [Бравина, 2005, с. 184]. Зафиксированный случай нахождения заплетенной косы не противоречит этому представлению, так как косы были предварительно отрезаны и уложены рядом с телом [Бравина, Попов, 2008, с. 135, рис. 71]. Обрезанные волосы были обнаружены в погребении дочери богача Омуройа, более известной в народе как Болугур Айыыта (божество Болугура), — одной из главных фигур в якутском культе дев-божеств [Боло, 1994, с. 203]. Согласно легенде, девушка была насильно выдана замуж, в результате чего она удавилась и превратилась в *юер* — зловредный дух. Существует поверье, что самоубийцам отрезали косу, чтобы отсечь множительную магию волос. Если учесть известные случаи коротко постриженных волос в женских погребениях, то вполне возможно, что отрезание женских волос входило в погребальную обрядность независимо от причин смерти.

В случаях, когда волосы у погребенных не были отрезаны, они были оформлены в виде пучка, затянутого кожаным шнурком. Судя по рисункам и археологическим материалам, обмотка волос шнурком могла быть разной длины: от перехвата у основания до полностью обмотанных волос. Такой способ приведен на рисунке в труде Р.К. Маака [1887, с. 63], подписанном «Коса с привешенными к ней бляхами, у молодых девиц и детей». Как было указано выше, поверх обмотки могли прикрепить заколку *ас куустарар* (досл. «обхватывающий волосы»). Здесь следует отметить, что в музейных собраниях, иллюстрирующих культуру XIX в., это украшение не встречается. Обмотка волос шнурком существовала параллельно с плетением кос, и это следует рассматривать как две разные традиции, имеющие разные корни, восходящие к этногенезу якутского народа.

Судя по фольклорным данным и письменным источникам, якутские женщины носили от одной до трех кос. Одна или две косы — распространенная в Сибири традиция. В настоящее время сложилось мнение, что традиционным для якутских женщин было ношение одной косы, и это справедливо для якутской культуры образца XIX в. [Клюева, Михайлова, 1988, с. 115; Саввинов, 2001, с. 39]. Однако в дохристианский период все могло обстоять несколько по-другому, и кроме ношения одной косы могли быть другие варианты причесок. В описании якутов, составленном О. Матушевичем в 1760-е гг., отмечено, что «жены носят втрое сплетенные назади головы косы» [НА РС(Я). Ф. 1413, оп. 2, д. 25, л. 13]. Следующее упоминание о трех косах встречается в олонхо «Эриэдэл Бэргэн». По сюжету произведения, старуха выдает себя за молодую невесту, и в процессе подготовки «невесты» к встрече с женихом ей заплетают три косы и прикрепляют к ним три серебряные привески [Миддендорф, 1878, с. 818]. Вероятно, здесь речь идет о некогда существовавшем обряде смены прически, проводившемся в контексте свадебной обрядности. Подобные традиции смены прически и украшений волос характерны для многих народов Сибири [Клюева, Михайлова, 1988, с. 125–126], но не фиксируются в материалах по этнографии якутов. К отголоскам традиции смены прически можно отнести обряд срезания нарядных лент с женской шапки *дьабака* [Петрова, 2006, с. 42].

Наряд невесты образца XIX в. представлен на фотографии Джезуповской экспедиции (рис. 2). Здесь мы видим нарядную шапку *дьабака* с двумя лентами, из-под шапки спускаются длинные металлические подвески головного украшения *бастынга*: широкая центральная и две боковые, более узкие. В конструктивный шов задней части шапки *дьабака* вшиты две широкие шелковые ленты, которые судя по фольклорным материалам, во время свадебного обряда срезались. По полевым материалам С.И. Петровой, эти ленты символизировали девичью вольность и в народной песне назывались *дэндиискэлиир* [Там же]. О бытовании этого обряда свидетельствуют нарядные ленты, хранящиеся отдельно от шапок в музейных собраниях. Ленты богато украшались золотной вышивкой, бисером, серебряными подвесками или могли быть из полоски ткани контрастного цвета. Аналогичные нарядные ленты, но оформленные в виде наконечника, хранятся в Американском музее естественной истории (инв. № 70/8796). Это может свидетельствовать, что нарядные ленты на шапках *дьабака* обозначали две косы — символы девичества. Замена кос лентами на шапке могла произойти из-за изменений в якутском обществе, вызванных массовым крещением и последовавшим развитием народного христианства. Были выдвинуты требования к внешнему виду женщины, в числе которых покрытие головы и волос. К тому же сама шапка *дьабака* является неким символом своей эпохи и была сформирована в конце XVIII — XIX в., так что в своих конструктивных особенностях могла вобрать в себя элементы, являвшиеся требованием времени.

Рис. 2. Одежда богатой якутки. 1902 г. Материалы Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Американский музей естественной истории, инв. № 1775.

Fig. 2. Clothing of a rich Yakut woman. 1902. Materials of the Jesup North Pacific Expedition. American museum of natural history, id. 1775.

Вероятно, символами кос могли стать и наспинные подвески начельника. В пользу этого предположения говорит примечание М.М. Носова в описании наспинных подвесок начельника из могильника Киис Тиэрбит: «...иногда в эти цепочки вплетаются волосы в две косы» [НА РС(Я). Ф. 1413, оп. 1, д. 46, л. 19]. Вполне возможно, что в более ранние времена каждая подвеска начельника соответствовала определенной косе. В зависимости от социального положения женщины могли носить разное количество кос и соответствующий вид начельника. В описании якутов начала XIX в. находим следующее: «На голову под шапку надевают повязку, убранный корольками же и серебряными бляшками, и позади поверх косы выпускают до поясницы, наподобие лент, две цепочки, шириною в три пальца, составленные из белых и синих корольков и серебра» [Описание..., 1822, с. 374]. Височные подвески *бастынга*, соединяющиеся на груди, тоже могли быть связаны с косами. Например, у теленгитов существовала традиция ношения перекинутых на грудь и соединенных кос [Дьяконова, 2001, с. 105].

Женская прическа и головные украшения якутов XVIII в.

В свете вышесказанного происхождение и развитие *бастынга* как головного украшения с подвесками может быть связано с трансформацией украшений для волос. Косоплетки и наконники XVIII в. отличаются от поздних образцов более простой конструкцией и материалом изготовления. Косоплетка была из ровдужной ленточки, на которую нанизаны крупные бусины, металлические трубочки и подвески на обоих концах. Накосное украшение представляло собой небольшую кожаную полоску, расшитую бисером, к нижнему краю которой прикрепляли систему цепочек из металлических пластинок и бусин. С увеличением веса наконные украшения могли перенестись на головную повязку, и таким образом подвески стали дублировать косы и постепенно заменили их, а повязка *бастынга* утратила значение самостоятельного головного убора [Саввинов, 2001, с. 44]. Выработка правил поведения и закрепление социальных ролей женщины привели к тому, что маркирующая функция причесок изжила себя. Именно с этим может быть связано отсутствие в культуре якутов XIX–XX вв. ритуалов и правил, связанных с женскими волосами и прическами.

Выводы

Таким образом, материалы XVIII в. свидетельствуют, что бытовали прически в виде заплетенных в одну, две и три косы волос и стягивание волос ремешком под затылком. Возможно, в основе двух разных способов упорядочения кос (плетение и подвязывание) лежат разные традиции, связанные с разными компонентами якутского этноса. В более ранние времена, которые на данный момент невозможно точно обозначить, количество кос указывало на социальный статус женщины. Исходя из разрозненности письменных сведений и отсутствия традиции смены прически на разных этапах жизненного цикла женщины можно прийти к выводу, что в XVIII в. знаковая функция причесок практически была забыта. В связи с новой регламентацией поведения и внешнего облика женщины, вызванной изменениями в якутском обществе, в XIX в. эта функция полностью изживает себя, и социально-знаковая роль кос частично переходит к лентам шапки *дьабака*.

Со сменой материала изготовления наконных украшений изменился способ их крепления. Если раньше они вплетались в косы или прикреплялись к уже заплетенной косе, то не позднее XVIII в. эти украшения получают новый виток развития, трансформируются в головное украшение с подвесками и далее существуют как самостоятельные виды головных украшений. Для более точных заключений требуются дальнейшее изучение вопроса и более широкие диахронные и кросскультурные построения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева Э.П.* О символике наконников в женском костюме калмыков // Монголоведение (Монгол Судлал). 2017. № 11 (11). С. 36–39. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2017-11-36-69>
- Баязитова Р.Р.* Волосы в традиционной культуре башкир // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. № 4. С. 613–620.
- Биллинг И.* О якутах: Журнал, или поденник, флотского капитана // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 19–43.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 319 с.
- Борисов А.А.* Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.
- Бравина Р.И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Гаврильева Р.С.* Одежда народа Саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск, 1998. 144 с.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. II: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. СПб., 1799. 178 с.
- Дьяконова В.П.* Алтайцы: (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горноалтайск, 2001. 222 с.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: СМФЭ. 1988. Т. XLII. С. 113–128.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Маак Р.К.* Вилойский округ Якутской Области. СПб., 1887. Ч. III. 213 с.
- Миддендорф А.Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: В 2 ч. Ч. 2. Отд. 6: Коренные жители Сибири. 1878. С. 619–833.

Прокопьева А.Н.

Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбэзи, А. Алексеева. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.

Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 84–137.

Описание якутов, их происхождение, поселение страны Ленской, внутреннее их управление, покорение под власть России, благосостояние, нравы и обычаи // Сев. архив. 1822. № 17. С. 367–380.

Петрова С.И. Свадебный наряд якутов: Традиции и реконструкция. Новосибирск: Наука, 2006. 104 с.

Прокопьева А.Н. Головное украшение XVIII в. из коллекции МАЭиВШ СВФУ // Эхо арктической одиссеи: Судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: Сб. материалов всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием, 14–15 ноября 2019 г. Якутск: Электрон. изд-во НБ РС (Я), 2019. С. 504–508. <https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019ProkopievaAN>

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.

Стрелов Е.Д. Одежда и украшения якутки в половине XVII века // СЭ. 1937. № 2–3. С. 75–99.

Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Типологическая классификация якутского начальника — бастынга // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 186–193.

ИСТОЧНИКИ

НА РС (Я). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 38. Протокол № 1: Описание предметов, изъятых из погребения якутки «Болугур айыыта».

НА РС (Я). Ф. 1413. Оп. 2. Д. 25: Личный фонд И.Д. Новгородова. Подбор материалов о якутских старинных одеждах и кольчугах.

НА РС (Я). Ф. 1413. Оп. 1. Д. 46: Описание якутской одежды, выставленной в Якутском краеведческом музее им. Ем. Ярославского.

Prokopeva A.N.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: sendiele@gmail.com

Women's Hairstyles and Head Ornamentation of the Yakuts in the 18th century

Mass Christianization of the peoples of Yakutia (Eastern Siberia) at the end of the 18th century led to the development of a demotic Christianity throughout the 19th century. There were new rules, according to which a woman was not permitted to appear in public with her head uncovered, and therefore the marking function of the hairstyles became obsolete. This could explain the absence of rituals and rules associated with women's hair and hairstyles in the Yakut culture of the 19th–20th centuries. The aim of this study is to prove a hypothesis, according to which pendants of hair ornamentation duplicate braids, and studying the pendants of the headrest 'nachel'nik' allows recreation of women's hairstyle that had been in use before the period of mass Christianization. The article is based on the analysis of written, material, and visual sources of the 18th–19th centuries. Information about the hairstyles and adornments of the Yakuts is contained within the records of travelers of the 18th–19th centuries. Among the ethnographic works on the peoples of Siberia, one can find drawings depicting maidens and women, where particular attention is given to their hair. These materials were correlated with the data of the archaeological excavations of Yakut female burials of the 18th century. The obtained results were compared with the materials from the 19th century — photographs of women in national costumes and jewelry from museum collections. According to the results of the study, it can be stated that there was a tradition of changing maiden's hairstyle to woman's hairstyle in the context of the wedding ritualism. New rules of conduct, social roles, especially regulations on the appearance of women, were formalized in the society in the 19th century with the mass Christianization of the peoples of Yakutia. There were new rules, according to which a woman was not permitted to appear in public with her head uncovered, and therefore the marking function of hairstyles became obsolete. This could explain the absence of rituals and rules associated with women's hair and hairstyles in the Yakut culture of the 19th–20th centuries.

Keywords: head decoration, hair decoration, hair, braids, rite, tradition, funeral monuments.

REFERENCES

Alekseev, A.N., Crubézy, E. (Eds.) (2012). *The world of ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on materials of the Sakha-French archaeological expedition)*. Yakutsk: Izdatel'skii dom Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. (Рус.).

Женская прическа и головные украшения якутов XVIII в.

- Bakaeva, E.P. (2017). The Kalmyk Women's National Costume: Symbolism of Plait Covers. *Mongolovedenie (Mongol Sudlal)*, (11), 36–39. (Rus.). <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2017-11-36-69>. (Rus.).
- Bayazitova, R.R. (2018). Hair in the traditional culture of Bashkirs. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriia i filologiya*, (28), 613–620. (Rus.).
- Billings, I. (1978). About the Yakuts: Journal, or diary, of the naval captain. In: *Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi ekspeditsii 1785–1795 gg.* Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Bolo, S.I. (1994). *The Past of Yakuts before the arrival of Russian on Lena: According to legend of Yakuts of Yakut former county.* Yakutsk: Bichik. (Rus.).
- Borisov, A.A. (2010). *Social history of Yakuts in late Middle Ages and New Age: (Experience of a comprehensive study).* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2005). *The concept of life and death in the culture of the ethnic group (based on the traditions of Sakha).* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bravina, R.I., Popov, V.V. (2008) *The Yakut funeral and memorial rites: Monuments and traditions (the 15th–19th centuries).* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- D'iakonova, V.P. (2001). *Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai).* Gorno-Altai: Iuch-Siumer. (Rus.).
- Gavril'eva, R.S. (1998). *Clothing of the Sakha people of the end of the XVII — the middle of the XVIII century.* Novosibirsk: Nauka, (Rus.).
- Georgi, J.G. (1799). *Description of all peoples inhabiting the Russian state, their everyday rituals, wont, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilia. Part 2: About the peoples of the Tatar tribe and other unsolved origin of the Northern Siberian.* St. Petersburg. (Rus.).
- Iakovleva, K.M., Prokop'eva, A.N. (2019). Typological classification of Yakut head decoration — bastynga. *Sovremennaiia nauchnaia mys'*, (6), 186–193. (Rus.).
- Kliueva, N.I., Mikhailova, E.A. (1988). Hair ornaments of Siberian peoples. *Material'naia i dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, (17), 113–128. (Rus.).
- Maack, R. (1887). *Vilyuisky district of the Yakutsk region. Part 3.* St. Petersburg, 619–833. (Rus.).
- Middendorf, A. (1878). *Travel North and East Siberia. The North and East Siberia in the natural-historical terms. Part 2.* St. Petersburg. (Rus.).
- Mikhailova, E.A. (2005). Removable jewelry of the peoples of Siberia. In: *Ukrasheniia narodov Sibiri.* St. Petersburg: MAE RAN, 12–119. (Rus.).
- Nosov, M.M. (1995). Clothing and jewelry of Yakuts in XVII–XVIII centuries. *Sbornik nauchnykh statei Iakut'skogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia*, (1), 82–137. (Rus.).
- Petrova, S.I. (2006). *Wedding clothes of Yakuts: Traditions and reconstruction.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Prokop'eva, A.N. (2019). Head ornament of the 18th century from the collection of the Museum of Archeology and Ethnography of NEFU. In: *Ekho arkticheskoi odissei: Sud'by etnicheskikh kul'tur v issledovaniakh uchenykh-severovedov.* Yakutsk: Elektronnoe izdatel'stvo NB RS (Ia), 504–508. (Rus.). <https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019ProkopievaAN>
- Savvinov, A.I (2001). *Traditional metal jewelry of the Yakuts: XIX — beginning of XX century: (Historical and ethnographic study).* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Strelov, E.D. (1937). Yakut women's clothing and jewelry in the half of the XVII century. *Sovetskaia etnografiia*, (2–3), 75–99. (Rus.).

Прокопьева А.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8329-159X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ЖЕНСКОГО МОНАШЕСТВА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА 1940–1950-х гг.

Представлена история русского женского монашества на Святой земле в условиях образования государства Израиль и разворачивания холодной войны. На материалах эго-документов монахинь показана эскалация конфликта между сторонницами Русской православной церкви Московского патриархата и эмигрантскими структурами русского православия. На архивных материалах прослеживаются мотивы участия представителей советских инстанций в отборе кандидатур на пополнение русских женских монастырей и скитов Палестины.

Ключевые слова: Палестина, церковная дипломатия, православие, холодная война, Горненский монастырь, стратегии выживания, русское присутствие, паломничество.

Введение

«За 3 года мы похоронили 15 сестер, таким путем на радость враждебников наших монастырь умалывается и ждет к ликвидации сам собой. Меры необходимы экстренные и твердые» — такими словами заканчивала свое отчаянное донесение от 19 февраля 1952 г. патриарху Московскому Алексию игуменья Афанасия, настоятельница Горненского монастыря на Святой земле. В настоящей статье будет показано, как русские монахини оказываются под угрозой исчезновения и как их включение в геополитические интересы Советского государства делает их акторами холодной войны. Фокус исследования направлен в первую очередь на женщин, остающихся невидимыми в официальной историографии русского православного присутствия в Палестине, сводимого часто к истории руководителей Русской духовной миссии, к усилиям в сфере приобретения и благоустройства недвижимости. Несмотря на обилие исследований женская история «русской Палестины» [Шаповалов и др., 2021] остается в целом ненаписанной. Даже в официальной истории Горненского, Елеонского, Гефсиманского монастырей внимание сосредоточено на имуществе, архитектуре, храмовых постройках, вкладе российской императорской семьи и, в лучшем случае, биографиях настоятельниц. Между тем в последние годы был введен в научный оборот комплекс источников [Кривова, 2010; Копылова, 2015; Копылова и др., 2019; Паламаренко, 2020а, 2020б].

Цель исследования — реконструировать повседневную жизнь русских монахинь на территории Палестины после II Мировой войны и определить значение их присутствия в условиях трансформаций на Ближнем Востоке в 1940–1950-е гг. Для этого необходимо решить следующие задачи: проанализировать круг доступных сегодня эго-документов, характеризующих повседневность и внутреннюю мотивацию женщин при выборе церковной юрисдикции; выявить на основании письменных источников круг наиболее активных сторонниц Московского патриархата, посмотреть на монахинь как на информационных агентов РПЦ и советского правительства; охарактеризовать акторов, влияющих на повседневность русских монахинь в условиях создания государства Израиль и новых границ, разделивших Святую землю; выявить мотивы и инструменты влияния, используемые представителями как светской, так и церковной дипломатии в отношении монашествующих женщин; описать последствия включения монахинь в сферу интересов МИД СССР; показать специфическую роль, которую начинают играть «русские женщины» в условиях борьбы за закрепление позиций СССР и Русской духовной миссии в регионе. Источниками для анализа стали документы государственных архивов России и Украины, опубликованные воспоминания и письма участников событий. Соединение методов исторической антропологии, микроистории, истории повседневности с политической историей холодной войны позволило выявить агентность традиционно незамечаемой в политической истории категории женщин-монахинь. Необходимо оговорить, что исследование в силу специфики источников со-

средоточено исключительно на группе монахинь Святой земли, вошедших в юрисдикцию Русской православной церкви.

Монахини Святой земли выбирают Московский патриархат

Советский Союз принимал активное участие в решении палестинского вопроса в середине 1940-х гг. (подробнее см.: [Агапов, 2012, с. 33–43; Носенко, 2016, с. 71–74]). Советское государство искало способы закрепить свое присутствие, в том числе через восстановление православной инфраструктуры, созданной еще в имперский период. Однако в 1920–1930-е гг. эта инфраструктура оказалась в распоряжении русской эмиграции, находившейся в юрисдикции (преимущественно) Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Претензия Русской православной церкви Московского патриархата (далее — РПЦ) на восстановление своего присутствия на Ближнем Востоке стала очевидна во время официального турне патриарха Алексия I на православный Восток в 1945 г. [Болотов, 2011, с. 153–174; Каиль, 2017]. Во время поездки, призванной восстановить отношения с Восточными патриархатами и показать международную значимость Московского патриархата, глава РПЦ посетил и Палестину, где произошло прямое столкновение двух юрисдикций русской церкви. Ухудшение дипломатических отношений между СССР и Израилем вынудило МИД СССР сосредоточиться на закреплении в регионе через церковное присутствие, что неизбежно втягивало в геополитические комбинации местное русскоязычное население [Белякова, Каиль, 2021]. Внутри русского православного сообщества Палестины, а оно начиная с Первой мировой войны было преимущественно женским [Семенченко, 2012, с. 53–56], развивается конфликт: одни выбирают Московского патриарха (и Иерусалимского патриарха соответственно), другие остаются в юрисдикции представителей РПЦЗ, с которыми Иерусалимский патриархат прекращает общение. Часть монашествующих, решивших перейти в РПЦ, оказывается в уязвимом положении. Например, конфликт в Горненском монастыре, послужил причиной смены игумений и ухода части монахинь [Паламаренко, 2020а, с. 25–29]. В Елеонском монастыре монахини остаются в юрисдикции РПЦЗ, тогда как перешедшая в Московский патриархат группа получила от Иерусалимского патриарха отдельный храм в Эйн-Кареме. Письмо, отправленное летом 1947 г. митрополиту Николаю (Ярушевичу), показывает, как выбор монахинь отразился на их повседневной жизни.

«Со времени радостного пребывания Вашего со Святейшим патриархом нашим прошло уже более двух лет. Это были годы непрерывного ожидания и надежд, до сих пор, к великой скорби нашей, не оправдавшихся... Ведь вот уже более двух лет, как мы терпим бесчисленные притеснения, поношения, травлю со стороны отца Антония и всех его раскольничьих приверженцев. Очень трудно не слабеть в этой борьбе, когда за раскольников стоят местные власти. Есть среди нас немощные, старые, которых мы всячески оберегаем от уныния, но есть два основных вопроса, которые всей тяжестью обрушились на нас, — это, во-первых, и важнее всего, вопрос о церкви и, во-вторых, вопрос о материальной нужде. Более двух лет наша монастырская церковь закрыта. В наше распоряжение блаженнейший патриарх Тимофей предоставил греко-арабскую церковь в селе, но эта церковь очень далеко расположена, под горой, идти к ней надо по каменистой тропе, и большинство наших сестер, старые и немощные, не в состоянии даже летом к ней спускаться; в дождливое же время это ни для кого невыносимо. Без своей церкви мы все страдаем. Нам говорят, что, если Святейший патриарх прикажет, церковь нашу правительство откроет. Земно кланяясь Вашему Высокопреосвященству, слезно молим Вас, если возможно, помогите нам в этом деле... Есть у нас и другая забота — вопрос о хлебе насущном для наших немощных и престарелых сестер, из которых многим свыше 80 лет. Мы получаем паек в 1 фунт 35 пиастров в месяц, на что жить без постороннего заработка совершенно невозможно, и наши старушки совершенно нетрудоспособны, да еще и больны» ([ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 15, л. 149–150]. Опубликовано: [Паламаренко, 2020b, с. 168]). Письмо подписано игуменией Антониной (Гришко), монахинями Вероникой (Гордеевой), Афанасией (Лисенковой), Глафирой (Лариной). Это один из немногих текстов, рассказывающих о религиозной мотивации женщин, жизнь которых сосредоточена вокруг церкви, и зависящих от крупных политических и церковных игроков, разыгрывающих комбинации на Святой Земле. Мы видим, что на повседневность монашествующих влияют местное правительство, Иерусалимский патриарх, представитель РПЦЗ архимандрит Антоний Сенкевич, глава ОВЦС МП митрополит Николай (Ярушевич) и патриарх Московский Алексей. Выбор юрисдикции Московской патриархии означал невозможность получать финансирование от эмигрантских структур и делал его обременением для представителей СССР, находящихся в условиях перманентного валютного дефицита.

Образование государства Израиль (в 1948 г.) [Penkower, 2018] и предпочтения представителям Московской патриархии на получение «русского» имущества и регистрации РДМ (до этого она находилась в распоряжении представителей РПЦЗ) принципиально поменяли расклад сил. Женское православное сообщество разделилось не только юрисдикционно, но и государственными границами. Восточная часть Иерусалима и Старый город оказались в Иордании вместе с Елеонским женским монастырем и группой монахинь, проживавших в Гефсимании и вокруг храма Гроба Господня. Тогда как РДМ и Горненский монастырь находились на территории Израиля. Итак, наиболее крупная группа монахинь (и паломниц) оказалась на территории Израиля; большая часть из них проживала в Горненском монастыре. Несколько монахинь служили в Русской духовной миссии. Дипломатические представители СССР и представители РПЦ в лице руководства РДМ обратили внимание на «русских людей» на Святой земле (большинство русскоязычного населения Палестины составляли женщины в статусе насельниц монастырей (монахинь, послушниц или паломниц). Связано это было как с попытками закрепления геополитического влияния [Beglov, Belyakova, 2012, p. 171–191; Белякова, Пивоваров, 2018], так и с усилиями вернуть недвижимость, приобретенную в период Российской империи; в условиях образования государства Израиль такие шансы были. Горненский монастырь вошел в структуру миссии [Паламаренко, 2019, с. 76], расходы и доходы с его территорий стали частью ее бюджета.

Схиигумения Евгения и монахини Московского патриархата в Иордании

Появление представителей Московской патриархии на Святой земле сопровождалось жестким противостоянием и вытеснением представителей альтернативной церковной структуры — РПЦЗ, воспринимавшейся главным идеологическим конкурентом РПЦ на международной арене. В среде русской эмиграции сложился нарратив об антирелигиозном советском коммунистическом государстве, о репрессиях в отношении верующих (особо чтимыми фигурами на Святой земле были расстрелянные великая княгиня Елизавета Федоровна и ее спутница ин. Варвара). Переход монахинь в юрисдикцию РПЦ предполагал очевидную личную и политическую мотивацию, и имел, судя по всему, очень болезненные и необратимые церковные и социальные последствия. Если на территории Израиля доминирующими оказываются представители Московской патриархии в лице сотрудников РДМ, то иная ситуация складывается на территории Иордании, где доминировали представители РПЦЗ, прежде всего насельницы Елеонского монастыря (игумения Тамара) и Гефсиманского скита (игумения Мария Робинсон). Эти знатные и хорошо образованные дамы стремились сохранить практики социальной активности (приюты, школы) и искали для этого новые источники финансирования [Холодюк, 2017].

Сторонницы Московской патриархии в Иордании, осознавая себя форпостом/авангардом Московской патриархии, оказались изолированным меньшинством. Из-за отсутствия налаженной связи сторонницы МП вынуждены были общаться с РДМ письменно. Они адресовали свои послания иерархам, ответственным за международные отношения РПЦ (митрополиту Николаю и митрополиту Григорию). Их сообщения одновременно представляли собой плач библейского Иова и сводки с театра военных действий: «...мы оставлены на смех и поругание, от русских и греков, отовсюду обиды, хулы, ненависти, зависть, укоры и гонение из квартиры в квартиру, и нет заступающего...» [Паламаренко, 2020b, с. 169]. Внутри этого женского сообщества особенно заметной становится монахиня, ставшая сегодня для историков уникальным источником сведений о повседневных конфликтах, слухах, эпизодах в Старом Городе и Иордании. Речь идет о схиигумении Евгении (Митрофановой, ум. в 1959 г.). Она приехала в Палестину в 1935 г. из Франции по благословению афонского старца схиигумена Софрония, получив от митрополита Анастасия (Грибановского) благословение на обустройство женского монастыря и приюта в Яффе. В Палестине у нее возник личный конфликт как с архим. Антонием, так и с игуменией Марией (Робинсон). Во время Второй мировой войны созданные ею приюты и Яффский монастырь были ликвидированы; сама игумения перешла в юрисдикцию Иерусалимского патриарха [Паламаренко, 2020b, с. 13]. Одним из мотивов, побудивших Евгению сделать ставку на патриарха Алексия, помимо острого конфликта с другими лидерами, как представляется, стали надежды на возвращение имения на Воьны (реквизированного во время Второй мировой войны). Доходы с имения расходовались на содержание детского приюта. В октябре 1945 г. она просила патриарха Алексия походатайствовать о возвращении имения, в котором планировалось открыть женский монастырь. Она писала: «Мне кажется, что я имею все права на то, чтобы мою усадьбу вернули. Ведь она никогда не была заброшена, всегда управлялась очень тщательно, пока ее не реквизировал Гитлер, оставив меня почти без всяких средств к существова-

нию. Мне же 74 года, и я часто хвораю, умственно работать могу интенсивно, но к физическому труду не способна... Перед войной я ездила на Волынь, и крестьяне выражали большое желание иметь монастырь, многие девушки просились в послушницы. На рубеже с воинствующим католицизмом нам нужны православные оплоты» ([ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 15, л. 66–67]). Опубликовано: [Паламаренко, 2020а, с. 20]). Совершенно очевидно, что схиигумения Евгения не представляла реалии Советского Союза, рассчитывая на возвращение имущества за персональные заслуги перед новой властью. Эпистолии схиигумении Евгении до 1959 г., а затем ее преемницы монахини Серафимы (Путяты) до 1967 г. были, вероятно, единственным источником сведений для представителей Московской патриархии и советских чиновников о ситуации в Иерусалимском патриархате на территории Иордании. Схимонахиня Евгения подробно рапортовала о происходящем в среде сторонников РПЦЗ и положении дел в Иерусалимской православной церкви, ревностно следила за тем, кому оказывается предпочтение. Нахождение небольшой группы преданных РПЦ (точнее, патриарху Алексию) лиц на территории Иордании, видимо, было стратегически важным, и пересылаемые сообщения анализировались как внутри Московской патриархии, так и советскими инстанциями.

Письма внимательно изучались, по крайней мере в СДР, иногда оказываясь в одной аналитической сводке (выборке) с сообщениями начальника РДМ. Схиигумения приводила яркие эмоционально окрашенные характеристики: «На Елеоне большие перемены. Новая игумения Тамара, по-видимому, очень хороший человек и старается бороться против старых течений — злобы и ненависти, но она слабохарактерна и в шорах у архимандрита Дмитрия, а он спешник митрополита Анастасия и лютый враг нашей Матери-Церкви. Все-таки матушка Тамара настояла на своем, и в день Вознесения, впервые после 7-ми лет, ворота монастыря были открыты для всех, и была устроена трапеза для всех монахинь (даже наших) и богомольцев на 250 чел. Деньги на эту трапезу дала одна приезжая из Цюриха русская состоятельная дама (наша всецело), так как в монастыре ни денег, ни какого-либо инвентаря нет — все расхищено и распродано. Эта дама хотела остаться, постричься, но ее оттолкнул грубостью и нетерпимостью архимандрит Димитрий, и она уехала обратно» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 170]. Кроме схиигумении корреспондентами были и другие монахини.

Авторам писем было свойственно дихотомичное мышление, желание очернить своих противников и противопоставить их своим союзникам. Вот пример отчаянного письма монахинь, желавших попасть в Русскую духовную миссию: «...попираются на Елеоне заветы Спасителя о милости и любви иг[уменьей] Тамарой и архимандритом Димитрием Биакеем, татаринном, бывшим мусульманином, бежавшим из Киево-Печерской лавры во время Второй мировой войны... Теперь же он именуется начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, но в 10 минутах ходьбы от Живон[осного] Гроба Господня за запертой границей в Иерусалиме израильском находится настоящая Русская духовная патриаршая миссия, возглавленная архимандритом Поликарпом. <...> В подведомственных ему подворьях живут старухи, не признающие Святейшего Патриарха Алексия, отказывающиеся посещать церковь Патриаршую и там причащаться Св[я]тых Таин. Тем не менее архим[андрит] Поликарп их не выгоняет, дает им ежемесячное пособие, а по смерти хоронит их как православных христиан. Это знают наши елеонские патриаршие сестры и говорят: “Нас не устрашат прецения Димитрия и Тамары, и их издевательства над прахом новопреставленной нашей сестры Харитины. Мы никогда не примкнем к анастасиевскому расколу, потому что там царит ненависть и злоба, тогда как у Святейшего Патриарха Алексия и его духовенства мы видим Божью правду и христианскую любовь”» [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 2, д. 107, л. 173–175; Паламаренко, 2020b, с. 171]. Письмо демонстрирует установки «русских женщин», пожелавших принять юрисдикцию Московской патриархии. Составительницы текста показывают свой мирок, разделенный на своих и чужих. Примером категорического неприятия «чужих» являются характеристики игумении Тамары или архим. Димитрия, отражающие классовые и национальные дефиниции. С другой стороны, эта дихотомия совершенно не означает верности и признания авторитетов выбранного церковного руководства. Эти же монахини писали жалобы и на представителей Московского патриархата. Архим. Никодим (Ротов) так описывал доставшийся в «оформление» контингент: «В подавляющем большинстве это люди преклонного возраста (самые молодые имели возраст около 65 лет). За сорок с лишним лет проживания в чужой земле в тяжелых материальных условиях при постоянном унижении зарабатывающие кусок насущного хлеба выработали в себе приспособленчество, пресмыкательство перед имущими деньги и болезненно повышенное самолюбие. Если к этому еще прибавить

сильную нервозность, вполне оправдываемую многолетней жизнью в чужой стране, среди чужого народа при постоянной неуверенности в завтрашнем дне, и полное отсутствие дисциплины, ибо в поисках заработка насельницы обителей только жили в монастырях, а работать часто уходили на сторону, от Миссии же или от Палестинского общества они привыкли получать пособие (только в момент получения денег люди подобострастно кланялись, могли целовать руку, а отойдя могли ругать выдавшего им деньги, то получится атмосфера весьма трудная для работы и вообще тяжелая» [Никодим (Ротов), 2019, с. 40]. В нарративах монахинь, адресуемых представителям Московской патриархии, доминировали сообщения о финансовых проблемах. Безусловно, монашествующие, принадлежащие к РПЦЗ, тоже находились в крайне стесненном материальном положении. Однако они взаимодействовали с ППО, представителями РПЦЗ из Западной Европы и Америки, их коммуникации развивались достаточно активно. Православные эмигранты, разбросанные по всему миру, могли приезжать в Святую землю и пополнять бюджет обителей Святой земли [Герасимова, 2020]. Тогда как принявшие юрисдикцию патриарха Алексия могли рассчитывать только на прямое финансирование от РПЦ, и привычка просить подаяние сохранила для нас хотя бы некоторые тексты этих женщин.

Советская поддержка монахинь Святой земли

Документы, отложившиеся в государственных архивах, показывают амбивалентное отношение к монахиням со стороны представителей РПЦ. С одной стороны, они были необходимы для закрепления советского влияния в регионе: монахини и бывшие паломницы составляли паству РДМ, обосновывая присутствие представителей РПЦ в Израиле. При этом их финансирование началось только после официального оформления Русской духовной миссии Московского патриархата в 1949 г., когда им стали выделять незначительные средства. Нужно помнить, что послевоенный период характеризовался принципиально новым этапом отношений между Советским правительством и руководством РПЦ; финансовое обеспечение внешнеполитических активностей РПЦ шло через советские ведомства, и в условиях стабильного валютного дефицита в бюджете СССР получение «иностранной валюты» свидетельствовало о необычайной важности направления.

Насколько важными с точки зрения советской внешнеполитической логики были престарелые монахини, свидетельствует наличие в бюджете миссии отдельной графы на содержание «состава женского Горненского монастыря 46 человек русских монахинь, в большинстве оставшихся в Палестине со времени Первой мировой войны и достигших возраста 60–80 лет и нетрудоспособных» [Копылова и др., 2019, с. 190]. Представители миссии упирали на то, что монахини практически неработоспособны. Вот какую характеристику давал им архим. Поликарп (Приймак) в 1951 г.: «Монастырь в хозяйственном и материальном отношении находится в упадочном состоянии главным образом из-за малочисленности и старости насельниц монастыря. Теперь это можно сказать — богадельня во главе с игуменией, а не монастырь. Благосостояние монастыря можно поднять путем увеличения числа нестарых, работоспособных сестер» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 45].

Судя по всему, кризис в монастырской жизни был вызван не только естественным старением насельниц и расколом (из-за которого активная часть монахинь покинула монастырь), а также военными действиями на территории Палестины. Были эвакуированы приюты для девочек и работающие в них монахини. Женские монастыри, служащие важными культурными и социальными центрами — при них содержались школы для местного населения, приюты для сирот и детей из бедных семей, амбулатории и даже больницы, — превратились, по сути, в богадельни, полные болезненных, престарелых и конфликтных женщин. «Здесь совершенно нет монахинь, которые могли бы быть хорошими игуменьями и установить настоящую строгую духовную монастырскую жизнь. На старых дрожжах новая закваска не получится и оздоровления не будет. Поэтому общая мольба к Вашему Святейшеству — сообразованно прислать опытных игумений с несколькими сестрами, настоящими по духу и жизни монахинями. Здесь возможна большая и плодотворная духовная работа. Арабы сочувственно относятся к русским монастырям, очень были довольны Яффским приютом, в котором мы воспитывали девочек-сироток в православно-русском духе, и очень желают восстановления такого приюта. Лишь бы были живые люди, которых здесь нет. Свет должен воссиять с Востока от Вашего Святейшества», — писала еще в 1945 г. схиигумения Евгения патриарху Московскому Алексию [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 15, л. 66–67]. Однако насколько в стратегических интересах советского правительства было возрождение женского монашества? Очевидно, что для представителей советского МИД и руководителей

РДМ монахини нужны были как дешевая или бесплатная рабочая сила, поддерживающая имущество, на которое претендует СССР. Поэтому они отказали в организации в монастыре приюта для арабских девочек. Недовольство полученным «неэффективным контингентом» и сложностью выживания в новых условиях регулярно звучало в отчетах руководителей миссии. Так, руководитель РДМ писал в Москву (дек. 1951 — янв. 1952): «...пособие насельницам Горненского монастыря выражается в размере 6 фунт<ов> в месяц, но это не удовлетворяет самые минимальные потребности... На хлеб насельнице идет около 3 ф<унтов>, на керосин (приготовление несложной пищи) 2 ф., на приобретение продуктов по карточному пайку 3 ф<унта>. Таким образом в месяц насельнице нужно минимум 8 из<раильских> ф<унтов>, а мы даем ей 6. Отсюда они побираются, клянчат... Благотворительность приходится направлять на своих людей» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп.1, д. 985, л. 39].

Между руководством миссии и монастырем происходили конфликты из-за непрозрачности финансов монастыря, а главное, финансовых возможностей его насельниц. Вот типичный вопрос, рассматриваемый в протоколе (1952 г.), показывающий зоны конфликта: «О ненормальных явлениях в экономике Горненского монастыря: хозяйством монастыря игуменья Афанасия заведует единолично и бесконтрольно» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 104]. Благодаря сохранившейся финансовой документации РДМ мы видим распределение поступающих средств. Иерархическую пирамиду возглавлял начальник РДМ — архимандрит, получавший в начале 1950-х гг. 180–200 фунтов¹ в месяц (мать архим. Поликарпа в это время жила в Москве в ведомственной квартире и получала от Московской патриархии 3000 р. в месяц), два члена миссии (обычно в священническом сане) получали по 150 фунтов в месяц, а их семьи в Москве — по 5000 р. [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 53]. Внизу пирамиды находились монахини, и еще ниже — паломницы. Согласно смете миссии на 1952 г., содержание престарелых шло отдельным пунктом [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 137]. Выделение престарелых в отдельную статью расхода означало определенную стабильность их положения. В июне 1952 г. пособие было увеличено: «Монахини Горненского монастыря, получавшие ежемесячное пособие в размере 6 из<раильских> ф<унтов>, по новым ставкам стали получать 24 из<раильских> ф<унта>» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 2, д. 133, л. 69].

Экономическое положение монахинь Горненского монастыря, а главное, стабильность и предсказуемость их финансирования в выгодную сторону отличались от ситуации монахинь, находившихся в Иордании. До 1955 г. бюджет РДМ ежегодно рос. Наиболее крупной статьей расходов было содержание насельниц монастыря (в 1951 г. — 46 чел.) [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 958, л. 57]. Однако просьбы об увеличении финансирования вызывали критику со стороны советского представителя. Жесткую отповедь дал посол СССР в Израиле А.Н. Абрамов. При встрече с руководством Совета по делам РПЦ в октябре 1955 г. он заявил: «...начальник миссии в проекте сметы завысил отпуск средств на содержание монахинь. Начальник миссии считает, что на содержание каждой монахини следует отпускать 150 израильских фунтов или 330 рублей в месяц. Тов. Абрамов полагает, что на содержание монахинь вполне достаточно отпускать 75 израильских фунтов в месяц, учитывая, что питание обходится примерно в 40 фунтов в месяц на человека, и кроме того, они имеют возможность вести свое хозяйство, которое обеспечит овощами монахинь. Земля в Иерусалиме настолько плодородна, что дает урожаи в течение всего года. Тов. Абрамов считает, что нужно несколько снизить содержание членов миссии, которое также завышено» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 1324, л. 143]. Финансовый дефицит, постоянно испытываемый на Святой земле, накладывался на кадровый кризис: не хватало рабочих рук для поддержания имущества, на которое претендовала РПЦ.

Как оживить Горненский монастырь?

19 февраля 1952 г. игуменья Горненского монастыря Афанасия (Лисенкова) направляет очередной доклад на имя патриарха Московского Алексия: «Честь имею донести до Вашего сведения тяжелое состояние нашей Обители от недостатка сестер. На все послушания не хватает рабочих рук, но особенно тяжело это ощущается в певчих и чтецах: у нас сестра на старшем чтении — каноника, четвертый год одна без смены. Певчих 8: одна из них девочка² и есть больные, которые не могут присутствовать всегда. Сестры наши в преклонных годах, здоровья некрепкого. За 3 года мы похоронили 15 сестер, таким путем на радость враждебников наших

¹ В разных ведомостях указаны разные суммы.

² Речь идет о приемной дочери игуменьи Афанасии — Евангелине, которой было на момент написания письма 14 лет.

монастырь умалывается и ждет к ликвидации сам собой. Меры необходимы экстренные и твердые [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 210]. Несмотря на настойчивые просьбы со стороны Московской патриархии и представителей МИД, решение о принятии в советское гражданство монахинь и паломниц и пополнении женских монастырей в Израиле было принято не сразу. Советское гражданство, с некоторыми оговорками, монахини и паломницы получили к лету 1952 г., тогда как одобрение на пополнение Горненского монастыря произошло только в 1955 г. Основным аргументом, учтенный на высшем партийном уровне, — «пополнением монастыря преследуется цель закрепления его имущественных прав в Иерусалиме». Комплектация монастырей Святой земли молодыми и работоспособными монахинями из Советского Союза становится общей задачей для Московской патриархии и советских ведомств, поскольку согласно установке МИД необходимо «сохранение огромного имущества, принадлежащего миссии и оцениваемого в 20 миллионов долларов только в Израиле и в 50 миллионов долларов в Старом Городе» [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 1324, л. 142]. Сюжеты, посвященные монахиням, появились в советском делопроизводстве начиная с 1955 г. Документы о комплектовании групп монахинь для Святой земли проходили по ведомству Совета по делам РПЦ и его уполномоченных, КГБ и Комиссии по выездам за границу ЦК КПСС. Процесс набора монахинь из монастырей Советского Союза (надо сказать, что большая часть монастырей находилась на территориях, присоединенных к СССР в ходе Второй мировой войны, в первую очередь из монастырей Украинской ССР, в более поздний период — из Пюхтицкого монастыря (Эстонская ССР)) пока совершенно не изучен.

К марту 1955 г. совместными усилиями представителей Московской патриархии и Совета по делам РПЦ в комиссию по выездам за границу ЦК КПСС был составлен список, в котором перечислялись монахини, направляемые в Израиль на пять лет с перспективой остаться навсегда. Но Комиссия по выездам за границу, давая им разрешение, не указала на возможность продления проживания на Святой Земле. 15 мая 1955 г. Совет по делам РПЦ сообщил в МИД СССР, что «Московская патриархия получила разрешение командировать в Израиль для пополнения Горненского женского монастыря 13 монахинь сроком на 3 года» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 1324, л. 14]. К октябрю 1955 г. в Израиле находились 7 монахинь из СССР, и все, кроме одной болевшей миокардитом, характеризовались как адаптировавшиеся [Там же, л. 142]. Однако в отчете руководителя РДМ архим. Пимена (Хмелевского) приводится иная характеристика здоровья присланных монахинь: «...как указывает врач, большинство указанных монахинь так и приехали из Советского Союза со своими болезнями, однако местные климатические условия весьма отрицательно действуют на организм больных, особенно же на монахиню Нину, инокиню Елену и инокиню Ксению, которым рекомендовано при первой возможности переменить климат, то есть возвратиться в СССР» [Пимен (Хмелевский), 2008, с. 484–485].

Судя по всему, найти в послевоенных советских монастырях молодых, физически крепких и психологически устойчивых женщин, готовых отправиться для тяжелой работы в регион с постоянными военными действиями и очень тяжелым климатом, было сложно. Состояние здоровья монахинь становится предметом переписки и обсуждения разных ведомств. В этих обстоятельствах каждая претендентка становилась заметной как для представителей Московской патриархии, так и для советских инстанций. В архивах КГБ сохранились характеристики агенток, которые хоть как-то позволяют нам представить их социальный облик. Например, из Овручского монастыря (Житомирская область) КГБ предлагал для отправки в Израиль двух «проверенных» кандидаток: «Петрову» и «В-20». Примечательна переписка между руководителями подразделений КГБ на Украине, показывающая зависимость КГБ от желаний и установок монашествующих [ГДА СБУ. Ф. 2, оп. 1, д. 2868]³. «Согласно поступившего от вас предложения за № 662с от 9.12.1954 года об агенте “Петровой” как возможном кандидате для внедрения в группу монахинь, направляемых Московской патриархией в Горненский монастырь в Палестину, было сообщено в 4 Управление КГБ при СМ СССР, а также она была рекомендована для этой цели по линии Уполномоченного Совета по делам РПЦ по УССР. Однако, как Вам известно, “Петрова” и желавшая с ней выехать ее воспитанница, ныне ваш агент “В-20”, впоследствии от выезда в Палестину отказались, о чем “Петрова” в мае с.г. сообщила телеграммой Уполномоченному Совету. Позже в июне с.г. “Петрова” вновь выразила свое согласие на выезд в Палестину, но в связи с тем, что к тому времени группа отобранных монахинь с Украины выехала в город Москву для направления в Палестину, “Петрова” в состав этой группы включена не была» [ГДА СБУ. Ф. 2, оп. 1, д. 2868, л. 43]. Мы ви-

³ Благодарю коллегу Р. Скакуна, любезно предоставившего возможность ознакомиться с этим делом.

дим, что завербованные кандидатки могли отказаться от поездки, однако не потеряли свою ценность для КГБ. Более того, письмо свидетельствует, что КГБ не мог регулировать полностью отбор кадров на Святую землю и считал очень важным настоять на отправке своих агентов.

«В настоящее время <...> Московской патриархией ведется отбор новой группы монахинь из монастырей на Украине, в том числе и среди монахинь Овручского монастыря, который поручено произвести архиепископу Житомирской епархии Владимиру.

Учитывая, что агенты “Петрова” и “В-20” в настоящее время изъявляют желание на выезд в Палестину, Вам необходимо через Уполномоченного по делам Русской православной церкви при Облсполкоме воздействовать на архиепископа Владимира в том, чтоб он включил последних в список рекомендуемых кандидатов» [ГДА СБУ. Ф. 2, оп. 1, д. 2868, л. 43–43 об.].

Комбинации советских ведомств не ограничивались подключением к работе агентов. На межведомственном уровне решался вопрос о настоятельнице Горненского монастыря. Так, весной 1955 г. Московская патриархия вызвала с докладом игуменю Афанасию (Лисенкову), приехавшую вместе с дочерью Евангелиной⁴. По просьбе Патриархии Совет по делам РПЦ обратился в Комиссию по выездам при ЦК КПСС 21 июля 1955 г. с просьбой выдать разрешение на выезд игуменни Афанасии и ее воспитаннице, чтобы они вместе с набранной группой монахинь вернулись в Горненский монастырь [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 1327, л. 73]. Однако, судя по сохранившимся материалам, 20 октября 1955 г. игуменья еще находилась в Москве и в Израиль ее отпускать не хотели. Более того, ключевое решение в ее судьбе сыграла позиция посла СССР в Израиле и поддержавшего его представителя РДМ прот. Михаила Зернова. «По мнению т. Абрамова и т. М.В. Зернова, нецелесообразно высылать Афанасию в Иерусалим. Игуменья Афанасия не годится как представитель Московской патриархии. Она напоминает базарную торговку, не умеет и не может объединить вокруг себя монахинь, которые крайне недовольны ею вследствие ее стяжательства, жадности, стремлению жить исключительно для себя» [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 1324, л. 143–144]. В дальнейшем игуменья Афанасия не смогла возглавить Горненский монастырь, а пополнение монастыря стало рутинным процессом взаимодействия представителей РПЦ и разных советских инстанций, однако дефицит монашествующих так и не был преодолен до конца 1980-х гг.

Заключение

В представленном исследовании показаны сложности повседневной жизни русских монахинь, оказавшихся втянутыми в процессы глобальных трансформаций на Ближнем Востоке в 1940–1950-е гг. Привлечение комплекса эго-документов позволило увидеть специфику положения женской колонии Святой земли и мотивацию монахинь в выборе церковной юрисдикции. Появление представителей РПЦ в середине 1940-х гг. в Палестине, в контексте поиска инструментов геополитического влияния СССР на Ближнем Востоке, актуализировало внутреннюю конфликтность и выявило противоречия внутри русского православного эмигрантского сообщества. Конфликт между двумя юрисдикциями Русской церкви напрямую отразился на повседневной жизни православных женщин, оказавшихся в зависимости от деятельности советских ведомств и советско-израильских отношений. Престарелые монахини Святой земли, принявшие юрисдикцию Московского патриархата после создания государства Израиль, становятся объектом внимания и финансовой поддержки Советского государства. Понимание стратегической важности недвижимости Российской империи заставляет Советское государство финансировать содержание насельниц Горненского монастыря. Протокольная запись встречи представителей Совета по делам РПЦ, МИД СССР и Московской патриархии (1955 г.) свидетельствует, что главным заказчиком формирования женского монашества в Израиле выступает МИД СССР, и именно его представителям принадлежало право решения судеб монахинь и игуменни. Важной, а то и ключевой фигурой, определяющей полезность и ценность монахинь, оказывается посол СССР, который не только влиял на объемы финансирования, но и мог потребовать замену руководительницы Горненского монастыря. Мы показали формы самопозиционирования монахинь в переписке с руководством РПЦ и представителями советского МИДа. Несмотря на то что женское монашество к середине 1950-х гг. было в значительной степени инструментализировано государством, женщины, выбравшие монашескую стезю и соглашавшиеся поехать в Святую землю, становились важными акторами в условиях геополитических комбинаций на Ближнем Востоке.

⁴ Игуменья Афанасия хотела устроить ее на учебу в Москве.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-09-41017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов М.Г. «Принять эффективное участие в судьбе Палестины»: Политика СССР в палестинском вопросе в 1944–1947 гг. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 1. С. 34–44.

Белякова Н.А. Женское паломничество в условиях глобальных трансформаций на Ближнем Востоке, или Как затерявшиеся на Святой земле паломницы оказались в сфере интересов Советского государства // Электронный научный-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016651-5-1>.

Белякова Н.А., Каиль М.В. Советское присутствие на Ближнем Востоке в условиях разворачивающейся холодной войны: Церковные институты и акторы влияния в Палестине // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 107–120.

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149.

Болотов С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. 315 с.

Герасимова В.А. Епископ Мефодий Кампанский и практика паломничества в Святую Землю из Русского Зарубежья: (Пере)изобретение традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (4). С. 294–317.

Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: Международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 19–40.

Каиль М.В. Церковная дипломатия и визит патриарха Алексия (Симанского) в Святую Землю 1945 года // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2020. № 4 (56). С. 4–15.

Копылова О.Н. (ред.) Россия и христианский Восток в документах Государственного архива Российской Федерации. М.: Индрик, 2015.

Копылова О., Додонов Б., Лукина К. Постановления и распоряжения Советского правительства, касающиеся связей Русской православной церкви и Советского государства с Восточными патриархатами (1940-е — 1950-е гг.), и материалы к ним (из фондов Государственного архива Российской Федерации) // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2019. С. 148–208.

Кривошапкина Н.А. (ред.). Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. 671 с.

Никодим (Ротов). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. СПб.: Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2019. 440 с.

Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания государства Израиль (1945–1948) // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 55–88.

Паламаренко Е.В. Деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1948–1967 годы: Дис. ... канд. теологии. ОЦАД. М., 2019. 421 с.

Паламаренко Е.В. История Горненского монастыря, написанная иеромонахом Исаией (Бабининым) в 1950 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2020а. № 3. С. 4–32.

Паламаренко Е.В. Письма русских монахинь из Иерусалима в 1945–1967 годах // Христианство на Ближнем Востоке. 2020б. № 5. С. 4–186.

Пимен (Хмелевский), архиепископ Саратовский и Вольский. Дневники. Русская духовная миссия в Иерусалиме 1955–1957. Саратов, 2008. 512 с.

Семенченко Н.А. Русская община в Палестине после Первой мировой войны // Восточный архив. 2012. № 1 (25). С. 53–62.

Холодюк А. Елеонская игуменья Тамара. Мюнхен, 2017. 200 с.

Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А., Герасимова В.А., Григорян Э.Р., Манцевич Л.Н., Мурастова К.А., Шевелев Д.Л. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.

Beglov A., Beliakova N. International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / Ed. J. Filo. Bratislava, 2012. P. 171–192.

Penkower A.R. Palestine to Israel: Mandate to State, 1945–1948. Vol.II // The International Arena. 1947–1948. Boston: Academic Studies Press, 2018.

ИСТОЧНИКИ

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 15, 958, 985, 1324, 1327; Оп. 2. Д. 107, 133.

ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2868.

Beliakova N.A.^{a, b}

^a Institute of World History, RAS

Leninskij prosp., 32A, Moscow, 117036, Russian Federation

^b National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)

Kashirskoe shosse, 31, Moscow, 115409, Russian Federation

E-mail: beliacovana@gmail.com

Everyday Life of the Russian Nuns in the Holy Land at the Time of Changes in the Middle East, 1940s–1950s

This study aims at providing an overview of the everyday life of Russian nuns in Palestine after World War II. This research encompassed the following tasks: to analyze the range of ego-documents available today, characterizing the everyday life and internal motivation of women in choosing the church jurisdiction; to identify, on the basis of written sources, the most active supporters of the Moscow Patriarchate to examine the nuns' activity as information agents of the Russian Orthodox Church and Soviet government; to characterize the actors influencing the everyday life of the Russian nuns in the context of the creation of the state of Israel and new borders dividing the Holy Land; to present the motives and instruments of influence employed by the representatives of both secular and church diplomacies in respect to the women leading a monastic life; to describe consequences of including the nuns into the sphere of interest of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; to show the specific role of "Russian women" in the context of the struggle for securing positions of the USSR and the Russian Ecclesiastical Mission in the region. The sources for the study were produced by the state (correspondence between the state authorities, meeting notes) and from the religious actors (letters of nuns to the church authorities, reports of the Russian Ecclesiastical Mission, memoirs of the clergy). By combining the methods of micro-history and history of the everyday life with the political history of the Cold War, the study examines the agency of the nuns — a category of women traditionally unnoticeable in the political history. Due to the specificity of the sources, the study focuses exclusively on a group of the nuns of the Holy Land who came under the jurisdiction of the Moscow Patriarchate. The majority of the Russian-speaking population of Palestine in the mid-1940s were women in the status of monastic residents (nuns and novices) and pilgrims, and in the 1940s–1950s, they were drawn into the geopolitical combinations of the Soviet Union. The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, staffed with representatives of the Russian Orthodox Church, becomes a key institution of influence in the region. This article shows how elderly nuns became an object of close attention and even funding by the Soviet state. The everyday life of the nuns became directly dependent on the activities of the Soviet agencies and Soviet-Israeli relations after the arrival of the Soviet state representatives. At the same time, the nuns became key participants in the inter-jurisdictional conflicts and began to act as agents of influence in the region. The study analyzes numerous ego-documents created by the nuns themselves from the collection of the Council on the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers. The study shows how nuns positioned themselves as leading a monastic life in the written correspondence with the ROC authorities and staff of the Soviet MFA. The instances of influence of different secular authorities on the development of the female monasticism presented here point to promising research avenues for future reconstruction of the history of women in the Holy Land based on archival materials from state departments, alternative sources should also be found. The study focused on the life of elderly Russian nuns in the Holy Land and showed their activity in the context of the geopolitical transformations in the Near East in the 1940s–1950s.

Key words: Palestine, Holy Land, female monasticism, church diplomacy, cold war agency, orthodox nuns, Gornensky monastery.

Funding. The research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (N 20-09-41017).

REFERENCES

- Agapov, M.A. (2012). «To take an effective part in the fate of Palestine»: the policy of the USSR in the Palestinian question in 1944–1947. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M.A. Sholohova. Istorija i politologija*, (1), 33–34. (Rus.).
- Beglov, A., Beliakova, N. (2012). International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study. In: J. Filo (Ed.). *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference*. Bratislava, 171–192.
- Beliakova, N.A., Pivovarov, N.Ju. (2018). Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the Time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, 11(4), 130–149. (Rus.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149>
- Bolotov, S.V. (2011). *Russian Orthodox Church and the International Policy of the USSR in the 1930s — 1950s*. Moscow: Izdatelstvo Krutitskogo podvorja. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. (Rus.).
- Gerasimova, V.A. (2020). Bishop Methodian Campanian and the Practice of Pilgrimage to the Holy Land of the Russian Emigration: (Re)Invented Tradition. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 38(4), 294–317. (Rus.). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-294-317>

- Holodjuk, A. (2017). *Eleonskaja igumenija Tamara*. München, 2017. (Rus.).
- Kail', M.V. (2017). "Orthodox Factor" in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, (1), 19–40. (Rus.). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-19-40>
- Kail', M.V. (2020) Church diplomacy and the visit of Patriarch Alexy (Simansky) to the Holy Land in 1945. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija*, 56(4), 4–15. (Rus.). <https://doi.org/10.26456/vthistory/2020.4.004>
- Kopylova, O. (Ed.) (2015). *Russia and Christian East in documents of the State Archive of the Russian Federation*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Kopylova, O., Dodonov, B., Lukina, K. (2019). Resolutions and orders of the Soviet government concerning the relations of the Russian Orthodox Church and the Soviet state with the Eastern Patriarchates (1940s — 1950s) and materials to them (from the funds of the State Archive of the Russian Federation). In: *Ierusalimskij pravoslavnyj seminar*. Moscow: Indrik, 148–208. (Rus.).
- Krivova, N.A. (Ed.). (2010). *Letters of Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars — Council of Ministers of the USSR. 1945–1970. Vol. 2*. Moscow: ROSSPEN. (Rus.)
- Nosenko, T.V. (2016). The Soviet Union, the United States, and the establishment of the state of Israel (1945–1948). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25, Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*, (2), 55–88. (Rus.).
- Palamarenko, E.V. (2020a). The history of the Gornensky Monastery, written by Hieromonk Isaiah (Babinin) in 1950. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke*, (3), 4–32. (Rus.).
- Palamarenko, E.V. (2020b). Letters of Russian Nuns from Jerusalem in 1945–1967. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke*, (5), 4–186. (Rus.)
- Penkower, A.R. (2018). *Palestine to Israel: Mandate to State, 1945–1948. Vol. II*. In: *The International Arena, 1947–1948*. Boston: Academic Studies Press.
- Pimen (Hmelevskij), arhiepiskop Saratovskij i Vol'skij. (2008). *Diaries. Russian Spiritual Mission in Jerusalem 1955–1957*. Saratov. (Rus.)
- Semenchenko, N.A. (2012). Russian community in Palestine after the First World War. In: *Vostochny archiv*, 25(1), 53–62. (Rus.)
- Shapovalov, M.S., Bokatov, A.Ju., Valitov, A.A., Gerasimova, V.A., Grigorjan, Je.R., Mancevich, L.N., Murastova, K.A., Shevelev, D.L. (2021). *Imagining Palestine: Holy Land and Russian Identity in the XIX — early XXI centuries*. St. Petersburg: Nestor-Istorija. (Rus.).

Бељакова Н.А., <https://orcid.org/0000-0003-0470-4497>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Мавлютова Г.Ш.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: gmavlyutova@mail.ru

ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Анализируется сеть мечетей Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. В этот период они в основном располагались в сельской местности. Законодательные акты Российской империи ограничивали возможности мусульман по возведению культовых зданий. В губернии в пореформенный период численность мусульман возросла в 1,5 раза, количество мечетей увеличилось в 1,2 раза. В начале XX в. 164 (97 %) культовых сооружения находились в сельской местности и только 5 (3 %) располагались в городах.

Ключевые слова: мечеть, культовое здание, мусульмане, Оренбургское магометанское духовное собрание, татары, бухарцы.

Введение

Тобольская губерния являлась административной-территориальной единицей Российской империи, населенной мусульманами. В данном регионе ислам суннитского толка исповедовали тюркские народы — татары и бухарцы. Ислам предоставляет разнообразный выбор мест для совершения индивидуальной молитвы. Но более предпочтительным по шариату является коллективный, общественный намаз: в пятницу до полудня каждый правоверный мусульманин должен принимать в нем участие. Поэтому для мусульман наличие мечетей как специальных молитвенных зданий является необходимостью. Мечеть считается не только местом для совершения богослужения, но и системообразующим центром мусульманской общины. Конфессиональная политика российского правительства по отношению к приверженцам ислама Сибирской (Тобольской) губернии на разных этапах имела определенные особенности, в том числе в вопросе строительства мечетей [Мавлютова, 2015, с. 133–135]. В 1990-е гг. в исторической науке стали появляться работы, посвященные исламу в Сибири [Ислам, общество и культура..., 1994]. Существенный вклад в разработку понятия «мусульманской общины», ее институтов внес И.К. Загидуллин [2007]. Он проанализировал правовую основу функционирования мечетей, молельных домов и исламских учебных заведений в дореволюционный период на материалах Европейской России, Урала и Сибири. Система формирования мусульманских приходов в Западной Сибири в пореформенный период рассмотрена П.К. Дашковским, Е.А. Шершневой [2020]. Интерес к исламским религиозным институтам в Тобольской губернии проявляли И.Б. Гарифуллин [2000, 2006], Г.Т. Бакиева [2003, 2020], К. Кабдулвахитов [2005], С.Ф. Татауров [2017]. Таким образом, в последние десятилетия исследователи попытались создать целостную картину жизнедеятельности мусульманской общины в Западной Сибири. Тем не менее некоторые аспекты истории ислама в Тобольской губернии в дореволюционную эпоху, в том числе связанные с культовыми сооружениями, недостаточно проработаны.

Объект работы — мечети Тобольской губернии. Предмет исследования — процесс формирования мечетей. Цель статьи — проанализировать сеть мусульманских культовых зданий Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. Термин «мечеть» в дореволюционной России означал публичное здание, аналогичное культовым сооружениям других конфессий, в котором совершалось общественное богослужение. В этом значении применяем его и мы, а точнее, понимаем под мечетью «исламское/мусульманское культовое сооружение/здание». Территориальные рамки работы определяются границами Тобольской губернии, без Томского округа и Омской области. Томский округ был выделен в качестве самостоятельной губернии в 1804 г., Омская область периодически входила в состав изучаемой губернии. На территории Тобольской губернии тюркоязычное население компактно проживало в Тобольском, Тюменском, Тарском и Ялуторовском округах (уездах). Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII до начала XX в. Нижняя граница обусловлена тем, что в это время начался новый этап государственно-исламских отношений. Он связан с созданием Оренбургского магоме-

танского духовного собрания (далее — ОМДС), с помощью которого государство стремилось установить контроль над исламскими институтами. Верхняя граница определяется сменой государственно-политического режима, приведшей к установлению иной системы управления мусульманским сообществом. Источниковой основой работы послужили нормативные правовые акты, опубликованные и неопубликованные статистические материалы, делопроизводственная документация, извлеченная из региональных архивов. В работе использовался ряд научных методов. Метод историзма позволил объективно изучить процесс взаимодействия государственных органов и исламских религиозных институтов. С помощью статистического метода определялась численность культовых сооружений, верующих, мусульманских общин. Историко-сравнительный анализ дал возможность исследовать исламские культовые объекты с конца XVIII до начала XX в.

Результаты и обсуждение

В 1773 г. императрица Екатерина II издала указ «О терпимости всех вероисповеданий...». С этого времени в жизнедеятельности мусульман империи произошли изменения. В 1788 г. возникло Оренбургское духовное собрание [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 22, № 16710]. Его действие распространялось на всю территорию России (за исключением Таврии), в том числе на Сибирь. Оно должно было управлять мусульманскими духовными лицами. Постепенно компетенции Духовного собрания расширялись. С 1801 г. ОМДС стало выдавать губернской власти заключение на ходатайства о постройке мечетей и об организации общественного богослужения.

В этот период возведение исламских культовых сооружений осуществлялось на основе норм, принятых в правление Елизаветы Петровны. Согласно указу 1744 г. мечети в Российской империи могли быть в тех населенных пунктах, где проживали только мусульмане. При этом в каждой мечети прихожан должно было состоять не менее 200 и не более 300 человек мужского пола (далее — м.п.). Иные мечети необходимо было сломать. Реализация данного правового акта в Сибирской (Тобольской) губернии привела к уничтожению двух мечетей в г. Тобольске, располагавшихся в нижнем посаде; 66 мечетей в Тобольском уезде; 19 мечетей в Тюменском уезде [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 12, № 9446]. В результате в Тобольском уезде осталось 23 мечети, в Тюменском — 13. Большая часть мечетей в Сибирской (Тобольской) губернии была уничтожена. При этом, объясняя количество оставленных мечетей в Тобольском уезде, власть указывала, что на 23 мечети имеется мужчин — 5843 [Там же]. Получается, что в среднем на 1 мечеть приходилось 254 мусульманина. Таким образом, губернская власть выполнила требования закона. Татары и бухарцы (290 чел.) г. Тобольска оказались приписаны к мечети Медянских юрт, находившейся в 6 верстах от города. Последовавшие за этим многочисленные челобитные от мусульман городов Сибирской губернии привели к появлению в 1747 г. указа, согласно которому строительство мечетей дозволялось в полуверсте от городов [Там же]. В случаях малочисленности верующих в одном населенном пункте допускалось причислять к ним жителей других поселений до объединения 200–300 мужчин для организации совместного прихода и возведения мечети [Там же, № 8978]. Сенатский указ 1756 г. регламентировал правила строительства мечетей в поликонфессиональных селениях. В случаях, когда численность новокрещеных татар составляла не более десятой части по отношению к татарам-мусульманам, новообращенных следовало переселять в «православные» деревни, а после этого разрешалось возводить мечеть. Как видно, правовая регламентация организации мусульманского прихода и мечети как его центра складывалась постепенно. Эти разрозненные нормы нашли отражение в Уставе строительном, кодификация которого произошла в рамках Свода законов Российской империи, вступившем в силу с 1 января 1835 г. [Свод законов Российской империи, т. XII, ч. 1]. Устав строительный предусматривал: общий порядок рассмотрения дел о постройке мечетей; минимальные нормативы численности прихода; обязательность его финансирования членами общины; требования к проектам возводимых зданий; ответственность за нарушение предусмотренных правил.

На рубеже XVIII и XIX столетий в населенных пунктах Тобольской губернии действовали десятки исламских культовых сооружений. К большинству из них было приписано менее 200 мужчин. Например, в 1805 г. в Тюменском округе при мечетях в юртах Варваринских имелось 68 чел. м.п.; Шайтановских — 64; Матмасовских — 60 [ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 4260, л. 6 об.–7, 10 об.]. Иногда жители малочисленных поселений приписывались к близлежащим действующим приходам. Так, по данным 1805 г., к мечети в юртах Новых Шабабиных, в которых мужчин насчитывалось 94, относились мусульмане юрт Истляровых (43 чел.), юрт Аваровых (37 чел.) и юрт Матмасовых (7 чел.). Всего в приходе юрт Новых Шабабиных числился 181 мусульманин [Там же, л. 10 об.].

Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

По данным 1828 г., в религиозных общинах Ялуторовского округа проживало 3153 представителя исламского вероисповедания, из них мужчин — 1441. В среднем на 1 культовое здание приходилось 96 мужчин; 210 чел. от общего числа верующих. В приходах Тарского округа числилось 6327 приверженцев ислама, из них мужчин — 3435. На 1 мечеть среднее число прихожан м.п. было 107; обоего пола — 197. В Тюменском округе жило 6403 чел., исповедовавших ислам, из них 3356 мужчин. В среднем на 1 культовое сооружение приходилось 108 мужчин и 206 человек обоего пола [ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 15 об.–47]. В большинстве мечетей Тобольской губернии количество верующих м.п. было меньше, чем предписывал закон [Там же]. К этому времени более 200 мужчин имелось в мечетях:

- Тарского округа в деревнях Туралинской, Себяляковой, Сеитовой;
- Ялуторовского округа в юртах Чечкинских;
- Тюменского округа в юртах Енбаевских, Тураевских, Варваринских, Акияровских (с 4 приписными юртами), Красноярских (с 3 приписными юртами) [Там же].

Таким образом, в 1828 г. в трех округах Тобольской губернии только 11,4 % мусульманских общин по количественному составу отвечали государственным требованиям. Установленный норматив численности прихода ограничивал возможности мусульман по возведению культовых сооружений. По сути, это была дискриминационная норма, ущемлявшая жителей малочисленных поселений и городских сообществ в праве организовать общественное богослужение и религиозный быт под руководством духовного лица. В начале XIX в. мусульманское население Тюменского округа, не имея в своих поселениях мечетей, организовывало богослужения в частных домах. По данным «Ведомости о числе магометанских селений и мечетей...» 1811 г., в Калымской и Эскалбинской ясачных волостях они проходили в юртах:

- Новых Красноярских у татарина Мурзина;
- Больших Есаульских у татарина Муратова;
- Малых Есаульских у татарина Ниясова;
- Сагандыковских у татарина Абышева [ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 810, л. 5 об.–7].

Предполагаем, что подобная практика существовала и в других волостях края. Она была возможна, так как в исламе любой верующий мужчина, достигший совершеннолетия, обладавший необходимыми знаниями и высокими нравственными характеристиками, имел право управлять жизнедеятельностью мусульманской общины без специальной процедуры посвящения в сан. В это же время из-за отсутствия в своем селении культового здания часть мусульман ездила в близлежащую мечеть. Например, жители юрт Утяшевских один раз в неделю посещали культовое здание в юртах Больше-Красноярских для участия в общественном богослужении [Там же]. Думается, что в дальнейшем практика проведения приверженцами ислама богослужений в частных домах стала сокращаться. В 1828 г. вышло распоряжение Сената о введении метрических книг для мусульман. Обязанностью официально утвержденных духовных лиц (указных мулл) стала регистрация актов гражданского состояния: рождения, смерти, бракосочетания и развода. В связи с этим у населения возникала необходимость посещать мечети. В 1828 г. в губернии имелись 2 городские мечети — в Таре и Тобольске. Остальные исламские культовые сооружения располагались в сельской местности. В каждом поселении из трех рассматриваемых округов находилось по одной мечети, кроме юрт Зимний Сингуль Ялуторовского округа (в них располагалось две). Все культовые сооружения были деревянные, за исключением г. Тары, там стояла каменная мечеть [ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 15 об.].

Чаще всего культовые сооружения возводились на общественные средства. Но появление ряда мечетей стало возможным благодаря стремлению отдельных людей осуществить строительные работы на собственные сбережения. На деньги частных лиц были возведены мечети в юртах Новых Шабабиных (1768 г.), Енбаевских (1810 г.), Тураевских (1815 г.), Акияровских (первая половина XVIII в.), Казаровских (1822 г.), Малокаскариных (1780 г.), Речаповских (1783 г.), г. Тобольске (1811 г.) и т.д. [Там же, л. 15 об.–47]. Как видно, уже во второй половине XVIII в. в мусульманских общинах имелись благотворители, оказывавшие им финансовую помощь. Благодаря дарителям религиозная община имела возможность функционировать и развиваться. Наиболее полные сведения о числе исламских культовых сооружений на территории Тобольской губернии во второй половине XIX в., имеющиеся в нашем распоряжении, содержатся в справочном издании «Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов» [1871]. Данные из него были обработаны Г.Т. Бакиевой [2003, с. 242–249]. Анализ справочного издания и материалов работы Г.Т. Бакиевой позволил нам выяснить, что к 1868 г. в сельской местности было

135 мечетей, при этом тюркоязычное население проживало в 260 селениях (табл. 1). В среднем на 1 культовое здание приходилось 136 мужчин. В 1868–1869 гг. в Тобольском округе находилось 63 мечети. К юртам Карагайским было приписано 210 мужчин, к юртам Уватским — 250. Во всех остальных мусульманских общинах Тобольского округа численность мужского населения была менее 200 чел. [Бакиева, 2003, с. 242–245]. В Ишимском округе действовала 1 мечеть в д. Мавлютова (табл. 1). К 1868–1869 гг. количество культовых зданий в Тюменском и Ялуторовском округах по сравнению с 1828 г. не изменилось. В Тюменском округе их по-прежнему было 31, в Ялуторовском округе — 15. В Тюменском округе большинство мусульманских общин численно увеличилось [Бакиева, 2003, с. 245–246]. В Ялуторовском округе в целом число мусульман возросло, лишь в юртах Сунгуровских количество мужчин незначительно уменьшилось [Там же, с. 246–247]. В трех религиозных общинах округа находилось более 200 верующих м.п. [Там же]. В губернии, как и прежде только в юртах Зимний Сингуль имелось две мечети [Там же]. По данным 1868–1869 гг., в Тобольской губернии зафиксировано 137 культовых сооружений с учетом двух городских мечетей в Таре и Тобольске (табл. 1 [Список населенных мест..., 1871, с. 1, 3]). По-прежнему каменная мечеть имелась только в г. Таре.

Таблица 1

Сельские мечети в Тобольской губернии в 1868 г. *

Table 1

Rural mosques in the Tobolsk province

Округ	Число мечетей	Число душ м.п.	Число душ ж.п.	Всего жителей	Всего поселений
Тобольский	63	7999	7250	15249	106
Тарский	25	3938	3724	7510	64
Тюменский	31	4264	3773	8037	71
Ялуторовский	15	2262	2094	4356	18
Ишимский	1	—	—	—	1
<i>Итого</i>	135	18 463	16 841	35 304	260

* Таблица составлена по: [Бакиева, 2003, с. 242–249; Список населенных мест..., 1871].

На наш взгляд, сведения по Тарскому округу, приведенные в вышеуказанном справочном издании, не точны (табл. 1). В нем обозначены 25 культовых сооружений в округе [Список населенных мест..., 1871, с. 100–115], а по данным ОМДС 1870 г. в нем функционировало 34 исламских культовых здания (без мечети в г. Таре) [Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 7441, л. 11 об.]. Считаем, что в 1868 г. часть культовых сооружений не была учтена. В 1870 г. лишь в семи мусульманских общинах находилось более 200 прихожан-мужчин, что составляло 20 % от общего числа общин (табл. 2). Официально зарегистрированные религиозные общины в вышеуказанных 7 поселениях Тарского округа уже существовали ранее (табл. 2). При этом количество мусульман в них увеличилось по сравнению с 1828 г., что являлось характерным для большинства приходов (табл. 2). В основном рост числа верующих объясняется естественным приростом населения. Также в первой половине XIX в. продолжался процесс миграции населения из Средней Азии [Корусенко, Томилов, 2011, с. 179]. Лиц, приехавших из Средней Азии, относили к категории «бухарцы». В Тарском округе деревни Тузказанская, Аубаткинская, Сеитова, Себялякова и Туралинская входили в состав Бухарской волости. Там проживало много бухарцев, в них и наблюдался значительный рост прихожан (табл. 2). Стоит обратить внимание на 4 религиозные общины, образованные в период между 1828 и 1870 гг. (табл. 2). Три из них ранее входили в состав другой мусульманской общины. Так, жители д. Ебаргульской были приписаны к приходу д. Ишимской; д. Космаковой — к д. Ильчибагинской; д. Чернолинской — к д. Тузказанской [ГА в г.Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 36–47]. Как видно из табл. 2, число мужчин в созданных приходах не соответствовало правовой норме. В Тарском округе все мечети, действовавшие в 1828 г., продолжали функционировать. Исключением стала мечеть в д. Тоскиной. Здесь, вместо возведенного в 1808 г. [ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 38 об.–39], к 1867 г. было построено новое здание [Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6708, л. 2]. Но в приходе отсутствовал утвержденный мулла, поэтому мечеть не действовала [Там же. л. 1–1 об.]. И в статистических данных по Тарскому округу она отсутствует. По сведениям ОМДС, в Тюменском округе в 1870 г. находилось 33 мечети [Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 7454, л. 12 об.]. По-нашему мнению, их было 31. В «Ведомости о количестве мечетей, духовных лиц и прихожан Тюменского уезда Тобольской губернии на 1870 год» культовые сооружения в юртах Казаровских и Матияровских зафиксированы дважды. Первоначально мечети обо-

Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

значены в Кашегальской волости: юрты Казаровские с прихожанами — 85 мужчин и 66 женщин; юрты Матияровские с прихожанами — 21 мужчина и 16 женщин [Там же, л. 5 об.].

Таблица 2

Список населенных пунктов Тарского округа, в которых действовали мечети в 1828 и 1870 гг. *

Table 2

List of settlements in the Tara district, in which mosques operated in 1828 and 1870

№	Населенный пункт	1828 г.			1870 г.		
		Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1	г. Тара	98	100	198	265	230	495
2	д. Тузказанская	134	116	250	635	611	1246
3	д. Туралинская	217	138	355	374	316	690
4	д. Себялякова	201	157	358	363	306	669
5	д. Сеитова	250	174	424	424	357	781
6	д. Аиткулова	197	141	338	288	241	529
7	д. Кыргакская	158	83	241	169	148	317
8	д. Аубаткинская	78	95	173	273	248	521
9	д. Атакская	42	30	72	132	115	247
10	д. Речапова	103	78	181	189	172	361
11	д. Мурлинская	95	78	173	56	52	108
12	д. Тоскинская	17	36	53	—	—	—
13	д. Чиплярова	47	50	97	58	49	107
14	д. УстьТарская	96	68	164	148	110	258
15	д. Инцынская	47	45	92	63	50	113
16	д. Бергаматская	43	48	91	60	48	108
17	д. Черталинская	59	40	99	52	30	82
18	д. Кученева	46	45	91	72	52	124
19	д. Алеменева	65	70	135	82	50	132
20	д. Тайчинская	184	141	325	187	138	325
21	д. Аевская	87	74	161	91	73	164
22	д. Байбахтинская	137	118	255	128	109	237
23	д. УстьТамацкая	80	74	154	70	59	129
24	д. Большая Ковинская	78	62	140	86	86	172
25	д. Товинская	91	78	169	83	82	165
26	д. Киповских Куллар	86	90	176	80	83	163
27	д. Больших Куллар	152	141	293	80	83	163
28	д. Утуская	78	75	153	96	108	202
29	д. Тюрметянская	48	52	100	112	111	123
30	д. Ашеванская	149	151	300	168	130	298
31	д. Устьишимская	102	97	199	170	188	358
32	д. Ильчибагинская	170	147	317	93	66	159
33	д. Ебаргульская	—	—	—	83	95	178
34	д. Космакова	—	—	—	46	38	84
35	д. Чернолинская	—	—	—	90	91	181
36	д. Таксайская	—	—	—	134	118	252
Всего		3435	2892	6327	5349	4898	10447

* Таблица составлена по: [ГА в г. Тобольске. ф. И-329, оп. 2, д., 54, л. 36–47; Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 7441, л. 9 об.–12].

В дальнейшем мечети указаны в Бухарской волости: юрты Казаровские с прихожанами — 68 мужчин и 56 женщин; юрты Матияровские с прихожанами — 114 мужчин и 113 женщин [Там же, л. 6 об.]. По данным 1870 г., в девяти религиозных общинах Тюменского округа имелось более 200 мужчин (табл. 3), что равняется 29 % от общего числа мусульманских общин. Эти девять приходо́в существовали в первой половине XIX в. К 1870 г. в большинстве мечетей Тюменского округа наблюдался рост числа мусульман по сравнению с 1828 г. (табл. 3). За время между 1828 и 1870 г. мусульманские культовые здания появились в четырех населенных пунктах (табл. 3). В этот период три религиозные общины возникли в результате выхода из той общины, в состав которой они входили. Население юрт Больше-Есаульских находилось в составе общины юрт Красноярских; юрт Нижнетарманских — юрт Верхнетарманских; юрт Матияровских — юрт

Новошабабинских [ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 25–32]. Как видно из табл. 3, число мусульман м.п. в созданных приходах не соответствовало правовой норме.

Таблица 3

Список населенных пунктов Тюменского округа, в которых действовали мечети в 1828 и 1870 гг. *

Table 3

List of settlements in the Tyumen district, in which mosques operated in 1828 and 1870

№	Населенный пункт	1828 г.			1870 г.		
		Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1	ю. Новые Шабабинные	147	162	309	136	147	430
2	ю. Енбаевские	318	299	617	430	490	920
3	ю. Тураевские	230	235	465	340	340	680
4	ю. Акиярские	106	108	214	203	163	366
5	ю. Большеакиярские	142	121	263	174	144	318
6	ю. Островные	102	95	197	218	192	410
7	ю. Салаирские	124	90	214	204	170	374
8	ю. Искинские	93	87	180	203	183	386
9	ю. Верхнетарманские	104	102	206	78	62	140
10	ю. Канчегурские (Кашегальская волость)	24	18	42	46	47	93
11	ю.Киндерские (Кашегальская волость)	73	34	107	—	—	—
12	ю. Янтыковские	84	81	165	118	105	223
13	ю. Большекаскаринские	91	65	156	195	167	362
14	ю. Якушевские	31	27	58	144	129	273
15	ю. Есаульские	43	37	80	65	64	129
16	ю. Андреевские	22	35	57	50	42	92
17	ю. Кыштырлинские	84	47	131	126	118	244
18	ю. Муллашевские	37	45	82	—	—	—
19	ю. Чикчинские	136	109	245	146	129	275
20	ю. Казаровские	57	41	98	153	66	151
21	ю. Малокаскаринские	44	45	89	36	32	68
22	ю. Шайтановские	82	86	168	90	80	170
23	ю. Варваринские	216	210	426	239	214	453
24	ю. Матмасовские	151	153	304	118	109	227
25	ю. Киндерские (Калымская волость)	130	102	232	91	76	167
26	ю. Красноярские	239	195	434	180	141	321
27	ю. Сакандыковские	50	40	90	—	—	—
28	ю. Канчегурские (Калымская волость)	70	80	150	65	53	118
29	ю. Боровские	32	30	62	—	—	—
30	ю. Тарханские	159	147	306	248	209	457
31	ю. Карбанские	135	121	256	239	201	440
32	ю. Больше-Есаульские	—	—	—	67	48	115
33	ю. Нижнетарманские	—	—	—	80	64	144
34	ю. Матияровские	—	—	—	135	129	264
35	ю. Манатские	—	—	—	46	27	73
<i>Всего</i>		3356	3047	6403	4663	4125	8788

* Таблица составлена по: [ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 25–34; ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 7445, л. 1 об.–8].

В Ялutorовском округе к 1870 г. имелось 15 мечетей. К этому времени, по сравнению с данными первой трети XIX в. и 1868 г. [Бакиева, 2003, с. 246], в юртах Зимний Сингуль из двух мечетей осталась только одна (табл. 4). Появилась мечеть в юртах Корсаковских (табл. 4). Количество верующих уменьшилось в юртах Зимний Сингуль и Летний Сингуль, Кошелевских. В остальных религиозных общинах число верующих возросло (табл. 4).

Мусульманам Тобольской губернии удавалось создавать приходы, когда с точки зрения закона имелось несоответствие предписываемым правилам. На рубеже XVIII и XIX столетий и в последующее время получалось обходить предусмотренные требования по минимальному количеству прихожан для открытия мечетей. В случаях отсутствия необходимых 200 «ревизских душ м.п.» мусульмане в основном использовали следующие аргументы — удаленность проживания от культовых зданий и их труднодоступность. Так, в 1790 г. жители Карбанских юрт Калымской волости Тюменского округа обратились с просьбой в Тюменский нижний земский суд построить деревянную мечеть. Будучи приписанными к религиозной общине в юртах Тарханских, они указывали, что «Тарханские юрты хотя и отстают от наших Карбанских точно в 5 вер-

Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

стах, но ежегодно в летнее время за разлитием больших вод, а в зимнее время за бываемыми морозами малолетним и престарелым людям для приношения по закону нашему — всегдашнего моления лишаются». В это время в юртах Карбанских имелось 27 дворов и 90 верующих м.п. [ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 2680, л. 1–1 об.]. Власть приняла положительное решение, и в начале XIX в. мечеть в юртах Карбанских функционировала [Там же, д. 3798, л. 8 об.–9].

Таблица 4

Список населенных пунктов Ялуторовского округа, в которых действовали мечети в 1828 г. и 1870 г. *

Table 4

List of settlements in the Yalutorovsk district, in which mosques operated in 1828 and 1870

№	Населенный пункт	1828 г.			1870 г.		
		Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1	ю. Зимний Сингуль	381	516	897	239	230	469
2	ю. Зимний Сингуль				—	—	—
3	ю. Летний Сингуль				143	131	274
4	ю. Нижнеингалинские	106	200	306	147	127	274
5	ю. Верхнеингалинские	57	65	122	135	130	265
6	ю. Сунгуровские	54	45	99	52	54	106
7	ю. Кошелевские	51	52	103	68	73	141
8	ю. Асланинские	136	148	284	266	227	493
9	ю. Осиновские	85	95	180	200	150	350
10	ю. Чечкинские	210	196	406	292	212	504
11	ю. Новоатъяловские	175	190	365	263	197	460
12	ю. Авазбакеевские	67	76	143	162	166	328
13	ю. Красноярские	13	18	31	46	32	78
14	ю. Озернинские	20	22	42	74	54	128
15	ю. Ревдинские	86	89	175	114	101	215
16	ю. Корсаковские	—	—	—	125	110	235
<i>Всего</i>		1441	1712	3153	2321	1992	4313

* Таблица составлена по: [ГА в г. Тобольске, ф. И-329, оп. 2, д. 54, л. 18–20; Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 7442, л. 2 об.–10].

Подобные доводы использовались и в дальнейшем. Например, в 1864 г. жители юрт Чернолинских Бухарской волости Тарского округа ходатайствовали о дозволении им возвести соборную мечеть. В прошении указывалась причина строительства — «отстоят в дальнем расстоянии» от приписанной мечети в юртах Тусказанских [Национальный архив РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6024, л. 5–5 об.]. В этой ситуации разрешение было получено. В 1881–1882 гг. Тобольским губернским правлением рассматривалось дело о постройке мечети в юртах Сеитовских Карачинской волости Тобольского округа. В процессе разбирательства выяснилось, что ближайшая мечеть находится в 37 верстах в юртах Яманаульских. Исполняющий должность земского заседателя 1-го участка Тобольского округа доносил: «Сообщение между этими юртами возможно лишь зимой и только тогда, когда неглубокий, как в настоящую зиму, снег... Весной же и осенью, положительно нет никакой возможности не только проехать, но даже пройти... потому что юрты эти окружены зыбучими болотами, путь по которым доступен лишь в сухое лето и то только на лыжах» [ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 2, д. 283, л. 81]. В результате по данному вопросу была получена положительная резолюция, несмотря на то что в юртах Сеитовских числилось 63 верующих м.п. [Там же, л. 76–76 об., 88]. Но не всегда при разрешении строительства мечетей власть учитывала только численность прихожан.

В 1874 г. жители юрт Миткинских, Сулейманских и Курманацких начали ходатайствовать о постройке в юртах Миткинских соборной мечети. Ее возведение планировалось на деньги указанного муллы Казанских юрт Курманала Абутахманова. В ходе разбирательств выяснилось, что необходимость строительства вызвана дальностью расстояния близлежащей мечети в юртах Казанских (10 верст от Миткинских, 20 верст от Курманацких). При этом в трех вышеуказанных селениях проживало 100 мужчин [Там же, д. 265, л. 26–26 об.]. В 1876 г. Тобольское губернское правление при принятии решения сослалось на Устав строительный, который регламентировал нормы численности прихожан при мечети (от 200 до 300 душ м.п.). А также обратило внимание, «что, хотя инородцы... и дали отзыв в том, что по постройке мечети обяжутся содержать ме-

четь и духовенство при ней, но в приговоре, данном Абутахманову, жалуются на свою бедность». Власть оставила прошение без удовлетворения [Там же]. Предполагаем, что финансовые возможности верующих имели решающее значение при принятии решения.

В целом без гибкой позиции региональной власти появление большей части мечетей в Тобольской губернии было бы невозможно. Думается, что к решению вопроса в каждом случае подходили индивидуально. Получение разрешения на строительство мечети расценивалось как официальное признание общины и ее регистрация. По данным статистического издания «Список населенных мест Тобольской губернии за 1909 год», исламских культовых сооружений в губернии было 175, из них 5 в городах, остальные в сельской местности [Список населенных мест..., 1912]. Считаем, что приведенные в справочнике данные не совсем точны. В нем не обозначены 9 мечетей в Тарском уезде: в Коурдакской волости в юртах Байбинских (Байбахтинских), Красноярских, Лугово-Аевских (Аевских), Тайчинских, Ташетканских, Усть-Тамакских; в Саргатской волости в юртах Ильчибагинских, Тюрьмитякских, Эборгульских. Также не зафиксированы 8 мечетей в Сингульской волости Ялуторовского уезда. Они располагались в юртах Верхнеингалинских, Кимбаевских, Корсаковских, Кошелевских, Кысылтаевских, Нижнеингалинских, Сингульских, Сунгуровских. Наше предположение основывается на информации из сборника «Список населенных мест Тобольской губернии за 1903 год». В нем показаны культовые здания в вышеуказанных поселениях. Думаем, что 17 мечетей не могли исчезнуть за столь короткое время. Кроме того, на 1909 г. в этих волостях не обозначено ни одного культового здания, что представляется маловероятным. Наличие мечетей в поселениях отмечалось в графе «церкви». Возможно, часть чиновников, заполнявших предложенную форму, буквально воспринимало ее название. Церкви в татарских селениях отсутствовали, а для фиксации мечетей графы не предусматривалось.

Также в справочнике «Список населенных мест за 1909 год» осуществлен двойной учет ряда мечетей. Объясняется это тем, что тюркоязычное население губернии приписывалось к тем или иным волостям не только в связи с определенным местом проживания. На это оказывало влияние и то, к какой категории населения они относились (инородцы, бухарцы, государственные крестьяне). В итоге мусульмане Тобольской губернии, фактически жительствуя в одном селении, официально числились в разных волостях. Это способствовало тому, что одна и та же мечеть оказывалась дважды учтена в различных административно-территориальных единицах. На наш взгляд, в 1909 г. в губернии насчитывалось порядка 169 мечетей. Из них 164 — в сельской местности (табл. 5) и 5 — в городах. По данным на 1909 г., мечети имелись в городах Тобольске, Таре, Тюмени (2 шт.) и Кургане [Список населенных мест..., 1912, с. 24]. Практически все мечети являлись деревянными, каменные культовые сооружения имелись в городах Таре, Тобольске, с. Ембаево Тюменского уезда, ю. Тоболтуринских Тобольского уезда.

Таблица 5

Сельские мечети в Тобольской губернии в 1909 г. *

Table 5

Rural mosques in the Tobolsk province in 1909

Уезд	Число мечетей	Число душ м.п.	Число душ ж.п.	Всего жителей	Всего поселений
Тобольский	71	12 790	11 963	24 753	120
Тарский	38	7356	6566	14 102	71
Тюменский	37	7345	6243	13 588	53
Ялуторовский	16	3248	2882	6130	18
Ишимский	2	133	128	262	2
<i>Итого</i>	164	30 872	27 782	55 835	264

* Таблица составлена по: [Список населенных мест..., 1904, 1912].

По сравнению с 1868–1870 гг. количество культовых зданий возросло. При этом наблюдался рост численности мусульман и мест их проживания (табл. 5). В основном увеличение тюркоязычного населения происходило за счет естественного прироста. Также продолжался процесс миграции. В последней трети XIX в. переезжавшие поволжские и приуральские татары чаще всего подселялись к местным татарам, но отмечались случаи образования ими новых деревень. В сельской местности Тобольской губернии по переписи 1897 г. они составляли 7219 чел., вместе с горожанами — 8074 чел. А в середине века на всей территории Западно-Сибирской равнины их находилось лишь 700 чел. [Корусенко, Томилов, 2011, с. 181].

Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

В 1909 г. в сельской местности Тобольской губернии в среднем на 1 мечеть приходилось 188 верующих м.п. Количество приходов с минимальным количеством мусульман (200 мужчин), требуемых законом, возросло. Например, в Ялуторовском уезде из 16 мечетей в 7 численность прихожан была более 200 чел. В начале XX в. в Тарском уезде появились две новые мечети, численный состав возникших общин насчитывал менее 200 мужчин: в Аялынской волости юрты Кошулевы — 64 верующих м.п. [Список населенных мест..., 1912, с. 286–287], в Бухарской волости выселок Умангульский — 129 верующих м.п. [Список населенных мест..., 1912, с. 296–297]. В целом количество мусульман, приписанных к мечетям, как и прежде, являлось вариативным. В религиозных общинах численность прихожан составляла менее 50; от 50 до 100; от 100 до 200 и более 200 [Список населенных мест..., 1912]. По 2 мечети находилось в Тюменском округе в юртах Ембаевских, где зафиксировано 726 лиц м.п. [Там же, с. 474–475; 486–487] и в Тобольском округе в юртах Тукузских, где отмечено 403 мусульманина [Там же, с. 126–127]. В остальных сельских поселениях Тобольской губернии располагалось по 1 мечети. В начале XX в. исламские культовые сооружения оказались наиболее доступными для населения Ялуторовского округа. В нем на 18 поселений имелось 16 мечетей. Наименее обеспеченными культовыми зданиями являлись мусульмане Тарского округа. В нем на 71 селение приходилось 38 мечетей (табл. 5). Подчинившись условиям жизнедеятельности, верующие приписывались к ближайшим мечетям. В дальнейшем мусульмане и духовные лица вынуждены были преодолевать расстояния для выполнения обрядов и ритуалов, предусмотренных шариатом.

Заключение

В первой трети XIX в. все мечети Тобольской губернии находились в сельской местности, за исключением двух, располагавшихся в городах Таре и Тобольске. В 1868 г. сельских культовых зданий имелось 135 (98,5 %), 2 мечети находились в городах (1,5 %). В 1909 г. произошло незначительное увеличение городских мечетей, их стало 5 (3 %), сельских — 164 (97 %). С 1868 по 1909 г. численность мусульман возросла в 1,5 раза. Этому способствовали естественный прирост населения и миграционные процессы. В 1,2 раза возросло число мечетей. В связи с ростом населения большая часть религиозных общин постепенно увеличивалась. В пореформенный период количество мечетей в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах (округах) возросло в среднем на 10–12 %. В Ялуторовском уезде (округе) ситуация практически не менялась. В 1828 г. в нем находилось 15 мечетей, в 1909 г. их насчитывалось 16.

В Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX в. число селений, в которых проживало тюркоязычное население, изменилось незначительно: в 1868 г. — 260; в 1909 г. — 264. В начале XX в. мечети стали более доступны для жителей Тобольской губернии. Они присутствовали в большинстве населенных пунктов. Тем не менее для мусульман порядка 100 поселений Тобольской губернии оставалось затруднительным участие в общественных богослужениях, выполнение обрядов жизненного цикла, требовавших со второй трети XIX в. записи актов гражданского состояния (рождение, смерть, бракосочетание, развод). Для этого им требовалось добраться до ближайшего исламского культового сооружения, что порой было сложно. В начале XX в. на 1 сельскую мечеть приходилось 188 верующих м.п. и 340 верующих обоего пола. На протяжении рассматриваемого периода для открытия культовых сооружений законодательно установленный норматив прихожан (не менее 200 душ м.п.) нарушался. Местная власть разрешала мусульманам возводить мечети, даже когда прихожан-мужчин было менее 100. На это могли оказывать влияние позиция губернской власти, природно-ландшафтные особенности, расстояние до ближайшей мечети, финансовые возможности общины. На наш взгляд, политика, проводимая региональными органами в конце XVIII — начале XX в. давала возможность большому числу жителей Тобольской губернии, исповедующих ислам, удовлетворять свои духовные потребности. При этом отсутствие культовых сооружений не позволяло части верующих полноценно участвовать в жизни религиозной общины, а также реализовывать свою вероисповедную нужду, что ущемляло их положение.

Таким образом, в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. на развитие сети мечетей оказывали влияние такие факторы, как духовные потребности тюркоязычного населения; политика высшей и местной власти по отношению к исламу; материальные возможности религиозных общин; увеличение численности мусульман; наличие благотворителей, готовых на собственные средства возводить культовые здания.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакиева Г.Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 259 с.
- Бакиева Г.Т.* Сибирские татары города Тобольска: (Историко-этнографические очерки). Тобольск, 2020. 208 с.
- Гарифуллин И.Б.* Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. 220 с.
- Гарифуллин И.Б.* Из истории мечетей Тюменского края // Словцовские чтения-2006: Материалы XVIII Всерос. науч. краевед. конф. Тюмень, 2006. С. 162–163.
- Дашковский П.К., Шершнева Е.А.* Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2020. 162 с.
- Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань, 2007. 416 с.
- Ислам, общество и культура: Материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)» / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 1994. 205 с.*
- Кабдулвахитов К.* По следам Тюменских шейхов: Историческое расследование. Тюмень, 2005. 240 с.
- Корусенко С.Н., Томилов Н.А.* Татары Сибири в XVIII — начале XX в.: Расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 177–185.
- Мавлютова Г.Ш.* Законодательное регулирование жизнедеятельности мусульман Западной Сибири в XVII–XVIII веках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 133–136.
- Татауров С.Ф.* Как строили и разбирали каменную мечеть в г. Таре // Ислам в Сибири: Вызовы времени: Сб. докл. Междунар. науч. конф. Омск, 2016. С. 69–73.

ИСТОЧНИКИ

- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 12. № 8978, 9446; Т. 22. № 16710.*
- Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 1.*
- Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. СПб., 1871. 196 с.*
- Список населенных мест Тобольской губернии за 1903 год. Тобольск, 1904. 341 с.*
- Список населенных мест Тобольской губернии за 1909 год. Тобольск, 1912. 634 с.*
- Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 810, 2680, 3798, 4260.*
- Государственный архив в городе Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. И-329. Оп. 2. Д. 54, 265, 283.*
- Национальный архив республики Башкортостан (Национальный архив РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д. 6024, 6708, 7441, 7442, 7445.*

Mavlyutova G.Sh.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: gmavlyutova@mail.ru

Islamic religious buildings in the Tobolsk Province in the late 18th — early 20th century

A network of mosques in the Tobol Province (Western Siberia) in the end of the 18th — beginning of the 20th century is analyzed. The source basis for the work was represented by legal enactments, statistical materials, and clerical documentation. The scientific methods were employed, including historicism, statistical, and comparative-historical analysis. By the Imperial Decree of 1744, mosques were to be located in places inhabited by only Muslims. Moreover, each mosque should have had no less than 200 and no more than 300 male parishioners. The set limit on the number of parishioners restricted the ability of the Muslims to build religious structures. This appeared to be a discriminatory regulation for the residents of small settlements. In the studied time, most of the mosques were located in the countryside. In 1828, towns had two mosques and in 1909 — five. The total number of Islamic religious buildings was 137 in 1868 and 169 in 1909. In the meantime, Muslim population had grown by one-and-a-half times. In general, the increase of the number of believers is explained by the natural growth of the population. Besides, in the first half of the 19th century, there was a continued migration of the population from Middle Asia, so called “Bokharans”. In the last third of the 19th century, there was a transit of the Volga and Cis-Urals Tatars. At that time, the number of the settlements inhabited by Muslims changed insignificantly, from 260 in 1868 to 264 in 1909. Therefore, in the beginning of the 20th century, the mosques became more affordable for the population. During the studied period, the legal regulation on the limit of parishioners (no less than 200) was violated in building new religious houses. In 1868, there were on average

Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

137 men per mosque in the countryside, and in the beginning of the 20th century – 188. The local authorities permitted muslims to build mosques for even less than 100 parishioners. That could have been influenced by the position of the Province's authorities, natural and landscape specifics, distance to the nearest mosque, and financial capabilities of the commune. In our opinion, the politics exercised by the regional authorities in the end of the 18th – beginning of the 20th centuries were providing opportunity to the majority of the residents of the Tobol Province professing the Islamic faith to meet their spiritual needs. At the same time, the lack of religious houses precluded part of the practicing Islam from taking full part in the life of the religious commune, as well as from satisfying their religious needs, which was detrimental to their status.

Keywords: mosque, iconic building, Muslims, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, tatars, Bokharan.

REFERENCES

- Bakiyeva, G.T. (2003). *Rural community of the Tobol-Irtysh Tatars (18th — early 20th century)*. Tyumen; Moscow. (Rus.).
- Bakiyeva, G.T. (2020). *Siberian Tatars of the city of Tobolsk: (Historical and ethnographic essays)*. Tobolsk, 2020. (Rus.).
- Dashkovskiy, P.K., Shershneva, E.A. (2020). *Islam and Empire: the Position of Muslim Communities in Western Siberia in the Context of State-Confessional Politics in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries*. Barnaul. (Rus.).
- Garifullin, I.B. (2000). *Essays on the history of the Tatar population of the Tyumen region*. Tyumen. (Rus.).
- Garifullin, I.B. (2006). From the history of the mosques of the Tyumen region. In: *Slovtsovskiy chteniya-2006: Materialy XVIII Vserossiyskoy nauchnoy krayevedcheskoy konferentsii*. Tyumen, 162–163. (Rus.).
- Kabdulvakhitov, K. (2005). In the footsteps of the Tyumen sheikhs: Historical investigation. Tyumen. (Rus.).
- Korusenko, S.N., Tomilov, N.A. (2011). Siberian Tatars in the 18th — early 20th centuries: Settlement, numbers and social structure. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 15(2), 177–185. (Rus.).
- Mavlyutova, G.Sh. (2015). Legislative regulation of the life of Muslims of Western Siberia in the 17th–18th centuries. *Istoricheskiye. filosofskiyе. politicheskiye i yuridicheskiye nauki. kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 62(12-2), 133–136. (Rus.).
- Tataurov, S.F. (2016). How a stone mosque was built and dismantled in the city of Tara. In: *Islam v Sibiri: vyzovy vremeni: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Omsk, 69–73. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (Ed.) (1994). *Islam, Society and Culture: Materials of the International Scientific Conference "Islamic Civilization on the Eve of the XXI Century (to the 600th Anniversary of Islam in Siberia)"*. (Rus.).
- Zagidullin, I.K. (2007). *Islamic Institutions in the Russian Empire: Mosques in European Russia and Siberia*. Kazan. (Rus.).

Мавлютова Г.Ш., <https://orcid.org/0000-0003-4459-7104>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Бубликов В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015
E-mail: v.bublikov@mail.ru

РУССКО-УКРАИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ С УКРАИНОЙ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИЛИ ПЕРЕХОДНАЯ ГРУППА?

Рассматриваются генезис и потенциал воспроизводства биэтнической русско-украинской группы населения в российско-украинском пограничье. Первая часть статьи представляет собой обзор исследований полиэтничных групп, включая русско-украинскую. Вторая часть статьи основана на эмпирических, этносоциологических исследованиях автора и посвящена нахождению ответа на вопрос: является ли население с двойной русско-украинской идентичностью самостоятельным, перманентно существующим этнокультурным сообществом или же это переходная группа, временно возникшая в процессе ассимиляции украинцев России. Исследования свидетельствуют, что русско-украинское население имеет потенциал демографического воспроизводства и по большинству параметров может считаться самостоятельной этнокультурной группой.

Ключевые слова: *биэтничность, множественная этническая идентичность, русско-украинское население, русские, украинцы, приграничные регионы.*

Постановка исследовательской проблемы

Постепенный отход отечественных этнологов и этносоциологов от примордиалистских взглядов на природу и содержание этнической идентичности в пользу более «гибких» концепций и подходов (инструментализм, конструктивизм) актуализировал и исследования смешанных этнокультурных сообществ, возникших и существующих «на стыке» двух этногрупп. Как пишут В.А. Тишков и Э.Ф. Кисриев, «доминирующая в российской науке и в общественно-политической практике эссенциалистская трактовка этничности как свойства строгой группы с эксклюзивным членством уже давно пришла в противоречие с культурным разнообразием, идентификационными сложностями, этнической динамикой и подвижностью» [2007, с. 96].

Несмотря на отсутствие статистических сведений о количественном распространении множественных (чаще двойных, но иногда и тройных и т.д.) этноидентичностей, косвенные данные переписей населения позволяют экспертам оценивать численность жителей России с множественной этничностью в 12–15 % [Степанов, 2019, с. 152], а это около 20 млн чел.

В последние годы интерес к исследованию «гибридных» этносообществ растет. В частности, В.С. Курске выполнено исследование множественной идентичности российских (русских) немцев [2011]. Е.Э. Штейн исследовала формирование этнической самоидентификации в русско-еврейских семьях [2005]. Д.А. Функ описал формирование новых идентичностей у бачатских телеутов [1999]. Появилось несколько работ о специфике идентичности в этнически смешанных семьях [Мухаметзянова, 2011; Сикевич, Поссель, 2019]. Есть исследования о развитии множественной этноидентичности в отдельных регионах России [Тишков, Кисриев, 2007; Гибкие этничности..., 2017; Бойко и др., 2021].

В этом ряду группа русско-украинского населения является интересным объектом исследования полиэтничности, прежде всего ввиду ее многочисленности и представленности практически во всех регионах России. Массовое участие украинцев (черкас, малороссов, «хохлов») в заселении обширных пространств России в XVII–XX вв. привело к формированию значительной группы населения, имеющей смешанную русско-украинскую идентичность (вследствие как ассимиляции украинцев, так и появления потомства в русско-украинских семьях). Актуализирует потребность в исследовании русско-украинского населения и конфликтность в двусторонних взаимоотношениях России и Украины последних лет, которая наверняка отразилась и на самоидентификации этой группы населения.

Данные последних переписей населения показали более чем двукратное сокращение численности украинского населения России в период 1989–2010 гг. (с 4,4 до 1,9 млн чел.), причем

без каких-либо демографических или миграционных предпосылок столь масштабного изменения. Еще более «удивительна» статистика динамики численности русских и украинцев на региональном уровне. Например, на территории Белгородской области численность жителей, назвавших себя украинцами при переписях, составляла: в 1926 г. — 683 тыс. чел., в 1939 г. — 170 тыс., в 1989 г. — 75 тыс., в 2010 г. — 42 тыс.; в то же время практически пропорционально росла численность жителей, записавшихся русскими (рассчитано автором по: [Всесоюзная перепись населения 1926..., 1928; Демоскоп Weekly...]). Эти цифры свидетельствуют, что изменения в численном соотношении русского и украинского населения в России (особенно в этноконтактных зонах русско-украинского пограничья) прежде всего определяются особенностями идентификации на том или ином историческом этапе. То есть, жители демонстрируют инструментальность своего поведения при выборе этнической идентичности.

На наш взгляд, трактовать «переход» большинства российских украинцев в состав русских упрощенно, как некий линейный процесс естественной ассимиляции, нельзя. Вряд ли один и тот же человек, указывающий разные «национальности» при переписях населения, может так быстро изменить свою реальную этническую идентичность. Большую роль здесь играют и процессы отождествления терминов *российский* и *русский* после распада СССР, особенно в приграничных регионах и за пределами национальных республик РФ. Например, при опросе 2019 г., проведенном по методике Сети этномониторинга и Института этнологии и антропологии РАН, в ответ на вопрос «В переписи спрашивают о национальности и записывают именно так, как человек желает себя определить. По Вашему мнению, национальность — это гражданство или принадлежность к народу?» в Белгородской области 32 % респондентов выбрали вариант «гражданство», в то время как в среднем в регионах России число респондентов, выбравших этот вариант ответа, составляет 20,5 % [Степанов, 2019, с. 142].

Многие исследователи (Т.А. Листова, В.В. Степанов, С.Я. Суций и др.) считают, что этническая идентичность населения, ранее официально называвшего себя «украинцами», а ныне — «русскими», значительно более сложная и неоднозначная. Еще в 1980-х гг. Л.Н. Чижикова отмечала: «Национальное самосознание в среде разноэтничных групп изучаемой этноконтактной зоны (русско-украинского пограничья. — В. Б.), как и во многих других районах с национально-смешанным населением, динамично и изменчиво» [1988, с. 61].

В реальности процессы взаимного культурного влияния, «смешения» посредством межэтнических браков породили не фиксируемое до настоящего времени статистикой этнокультурное сообщество — группу населения с двойной русско-украинской идентичностью, которая, как мы предполагаем, составляет не менее нескольких миллионов россиян, «вынужденных» при переписях населения «выбирать» одну этноидентичность. Как пишет В.В. Степанов, именно из-за невозможности фиксации множественной этничности в переписях населения, «в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не “исчезли”. <...> Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно» [2018, с. 68].

Еще более категоричен в оценке достоверности данных переписей населения о «национальном» составе ряда регионов России В.Я. Суций, который пишет: «В регионах со сложной этнической структурой, тем более в таких, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими народами, а также их многочисленным смешанным потомством, вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину, поскольку весомая (иногда даже количественно доминирующая) группа “смешанного” населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочтение, как правило, является конъюнктурным, определяется привходящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации» [2017, с. 66–67].

Тенденции широкого распространения двойной русско-украинской идентичности фиксируются и по ту сторону российско-украинской границы. Так, по оценке И.В. Митрофановой и С.Я. Суцего, доля биэтничного населения в Украине в 2013 г. составляла 30–32 %, увеличившись с 23 % в 2001 г. Кроме того, они прогнозируют и дальнейший численный рост этой группы при сокращении «чисто» русского населения Украины. «По мере ухода из жизни старших (более этнически чистых) возрастных поколений русских и пополнения все более смешанными поколениями молодежи общий уровень биэтничности русского населения Украины должен неуклонно возрастать» [Митрофанова, Суций, 2017, с. 50–51].

Таким образом, в ситуации сохранения прежнего, консервативного подхода при учете этнической идентичности в переписях населения фактически единственным инструментом исследования «смешанных» групп населения остаются этнологические и этносоциологические исследования.

По всей видимости, количественно население с двойной русско-украинской идентичностью составляет наибольшую величину в районах совместного освоения и традиционного проживания русского и украинского населения: в приграничных с Украиной областях (Белгородской, Воронежской и др.), в районах сельскохозяйственной русско-украинской колонизации на юге Западной Сибири и Дальнего Востока, в регионах промышленно-сырьевого освоения Крайнего Севера. В частности, как показали авторские исследования 2017–2018 гг., ответ на вопрос «*Кем Вы себя считаете по национальности?*», с вариантами ответа: «*только русским*», «*только украинцем*», «*и русским, и украинцем одновременно*», «*представителем иной национальности (укажите)*», «*затрудняюсь ответить*», свидетельствует, что в Белгородской области двойную русско-украинскую идентичность имеют 16,2 % жителей, а в приграничных с Украиной районах это число составляет 22,7 % (по данным переписи 2010 г., доля русских в регионе составляла 94,4 %, украинцев — 2,8 % [Демоскоп Weekly...]).

Однако фиксация наличия значительной части населения с двойной этничностью на приграничных с Украиной российских территориях ставит новый фундаментальный вопрос. Является ли население с двойной русско-украинской идентичностью самостоятельным, перманентно существующим *этнокультурным сообществом* или же это *переходная группа*¹, временно возникшая в процессе ассимиляции украинцев России? В пользу первой версии ответа на этот фундаментальный вопрос свидетельствуют исследования ряда этнологов и этносоциологов (Т.А. Листовой, Н.В. Проскуриной и др.), показывающие устойчивое сохранение элементов украинской идентичности в местах проживания потомков украинских переселенцев и одновременное приобретение ими русской идентичности (прежде всего благодаря воздействию школы, массовой культуры и пр.). Т.А. Листова, в частности, пишет: «...можно говорить о формировании в течение более двух веков двойственности самосознания местных потомков украинцев, результатом чего стало их выделение в особую этнокультурную общность *хохлы* с одновременной самоидентификацией *русский*» [2016, с. 84–85]. Н.В. Проскурина считает: «Результатом длительного русско-украинского симбиоза на территории современной Воронежской области, на наш взгляд, можно считать образование самостоятельной субэтнической группы — «*хохлов*»» [2017, с. 97–98].

Вторую версию подтверждает неуклонное сокращение числа жителей, идентифицирующих себя украинцами в течение последнего столетия по данным переписей населения, а также сокращение украинского культурного компонента в идентичности жителей («обрусение» языка и пр.).

Теоретико-методологическая и эмпирическая базы исследования

Получить ответ на сформулированный выше вопрос, по нашему мнению, можно, предварительно ответив на ряд вопросов-маркеров, показывающих уровень устойчивости самосознания жителей с биэтнической русско-украинской идентичностью:

1. Является ли группа с русско-украинской этноидентичностью автохтонной или, напротив, это преимущественно мигранты и их потомки?
2. Каков возрастной состав русско-украинского населения (сбалансированный, т.е. примерно соответствующей возрастной структуре всего населения, или наблюдается дисбаланс в пользу старших возрастных когорт)?
3. Каково этническое происхождение представителей этой группы (это сообщество — следствие ассимиляции украинцев или этнически смешанных браков)?
4. Как респонденты оценивают перспективы своего этносообщества (постепенное «обрусение» или сохранение биэтничности)?
5. Какие факторы влияют на формирование этноидентичности: эндогенные (происхождение, воспитание) или экзогенные (окружающие люди, гражданство)?
6. Как воспринимаются населением с русско-украинской идентичностью жители по ту сторону госграницы (жители Украины): как представители той же этногруппы, что и они, или как представители другого народа?

¹ «Категория «переходные группы» была изобретена (в советское время. — В. Б.) для объяснений некоторых этнографических реальностей зарубежного мира, чтобы поместить в категорию иммигрантские сообщества, которые якобы пребывают в процессе неизбежной ассимиляции и, потеряв свою принадлежность к «материнскому этносу», еще не стали частью этноса или этносов страны пребывания» [Тишков, Кисриев, 2007, с. 96].

Соответственно наша гипотеза заключается в том, что если данная группа населения состоит преимущественно из автохтонов, со сбалансированным возрастным составом, происходящих от представителей обеих этногрупп (русских и украинцев), у которых преобладают эндогенные факторы формирования идентичности, сохраняется тесная этнокультурная связь с жителями Украины, а также они оптимистично смотрят на сохранение своей группы в будущем — то в таком случае, на наш взгляд, справедливо считать эту часть населения *отдельной этнокультурной группой*, многие (но далеко не все) представители которой идентифицируют себя с этнонимом *хохлы*. В противном случае — это скорее *переходная группа*, в процессе ассимиляции украинцев России, которая через несколько поколений «окончательно растворится» в составе русских.

В поисках ответов на обозначенные выше вопросы в 2018 г. нами было проведено социологическое исследования (анкетирование) в 10 приграничных районах и городских округах Белгородской области по разработанной авторской методике. Белгородская область граничит с тремя регионами Украины, а второй по величине украинский город — Харьков расположен всего в 70 км от Белгорода. Анкета для опроса респондентов, которыми стали совершеннолетние, постоянные жители территорий проведения исследования, была составлена следующим образом. Первые шесть базовых вопросов (пол, возрастная группа, длительность проживания, тип поселения, район/город проживания и этническая самоидентификация) задавались всем респондентам, участвовавшим в опросе вне зависимости от их этничности. Вопрос об этнической принадлежности (национальности) был «вопросом отсекающего», поскольку последующие вопросы задавались только тем респондентам, которые указали, что они считают себя «и русскими, и украинцами одновременно».

Выбор такой методики исследования был обусловлен необходимостью сопоставления по базовым половозрастным и миграционным параметрам русско-украинского населения с иными этническими группами (только русскими, украинцами и т.д.). Общее число респондентов, принявших участие в исследовании, составило 2060, из которых 500 — лица с двойной русско-украинской идентичностью. Поскольку выборка в разных муниципальных образованиях составляла разную долю от генеральной совокупности (в малочисленных муниципалитетах она была больше, в многочисленных — меньше), то в процессе обработки результатов опроса был проведен перерасчет относительной численности биэтничного населения для приграничных территорий в целом. То есть, доля русско-украинского населения в приграничных районах Белгородской области составляет не 24,3 % (500 респондентов из 2060), а 22,7 %.

Этнокультурное сообщество или переходная группа?

Полученные социологические результаты свидетельствуют, что группа жителей с русско-украинской идентичностью состоит преимущественно из автохтонов: 54,2 % указали, что они проживают в своей местности с рождения и их предки тоже оттуда, еще 4,8 % — что проживают на территории не с рождения, но их родители оттуда. То есть, 59 % представителей биэтничной группы являются «коренными» жителями; для сравнения: в группе назвавших себя «только русскими» таковых 69 %, а среди «только украинцев» — 11 % (рис. 1).

Кроме того, среди русско-украинского населения, в сравнении с «только русскими», выше доля приезжих из других стран (17,8 и 6,9 % соответственно), но ниже доля приезжих из других регионов РФ (12,8 и 14,5 %). Учитывая приграничный характер Белгородской области, отметим, что лица, фиксировавшиеся в анкете как «приезжие из других стран», — это прежде всего выходцы из соседних регионов Украины, которые часто в силу близости социокультурных особенностей (язык, менталитет, традиции и т.д.) не воспринимаются местным населением в качестве «приезжих». Как пишут С. Баринов с соавт.: «...местные жители почти не замечают приезжих украинцев (они не отличаются ни внешне, ни поговору), зато сразу отличают русских, приезжающих с севера России» [2009, с. 24].

Таким образом, по структуре своего миграционного происхождения население с русско-украинской идентичностью близко к основной массе населения, почти 2/3 из них автохтоны. Наблюдается лишь немногим более высокая доля мигрантов, но большинство из них — бывшие жители соседних регионов Украины, которые как сами не имеют идентичности «приезжих», так и чаще всего не воспринимаются таковыми местными жителями.

Группа населения, идентифицировавшая себя как «только украинцы», напротив, в подавляющем большинстве (71,4 %) состоит из мигрантов (в основном из Украины). Автохтонов среди украинцев всего 11 %, что свидетельствует о высокой степени ассимиляции (но чаще час-

тичной), т.е. принятия элементов русской идентичности. Иначе говоря, приезжие украинцы (даже из более отдаленных регионов Центральной и Западной Украины), как правило, с течением времени начинают идентифицировать себя и как русских, и как украинцев одновременно.

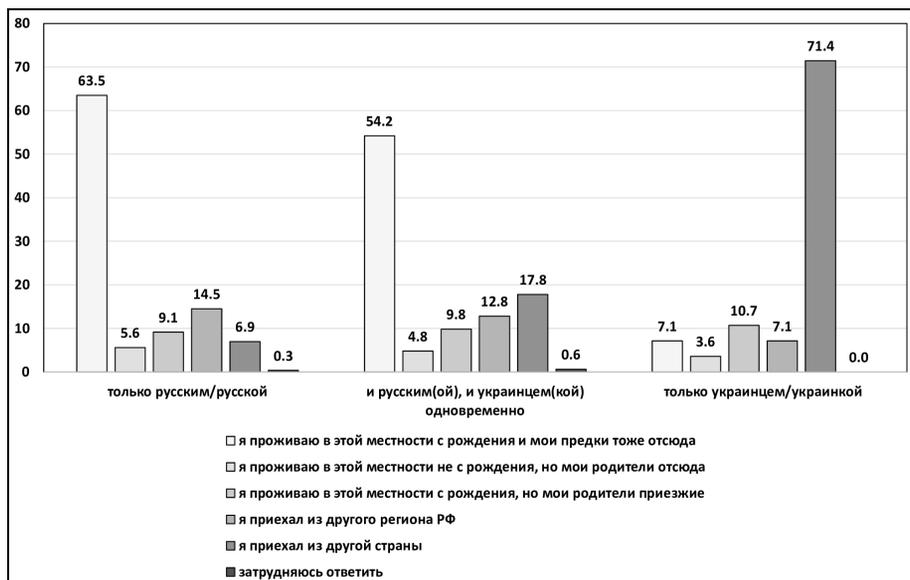

Рис. 1. Ответы респондентов с разной этноидентичностью на приграничных с Украиной территориях Белгородской области на вопрос «Как давно Вы проживаете в этой местности (регионе)?», в %.

Fig. 1. Answers of respondents with different ethnic identities in the territories of the Belgorod region bordering Ukraine with the question “How long have you been living in this area (region)?”, in %.

Возрастной состав биэтнического русско-украинского населения также находится «посередине», между «только русскими» и «только украинцами», и близок к возрастной структуре всего населения. Так, доля молодежи среди «только русских» составляет 29,2 %, среди русско-украинского населения — 28,2 %, а среди «только украинцев» — 25,0 %. Старшая возрастная группа, напротив, больше среди «только украинцев» — 42,9 %, среди русско-украинцев представителей старшей группы 38,4 %, среди «только русских» — 36,9 % (рис. 2).

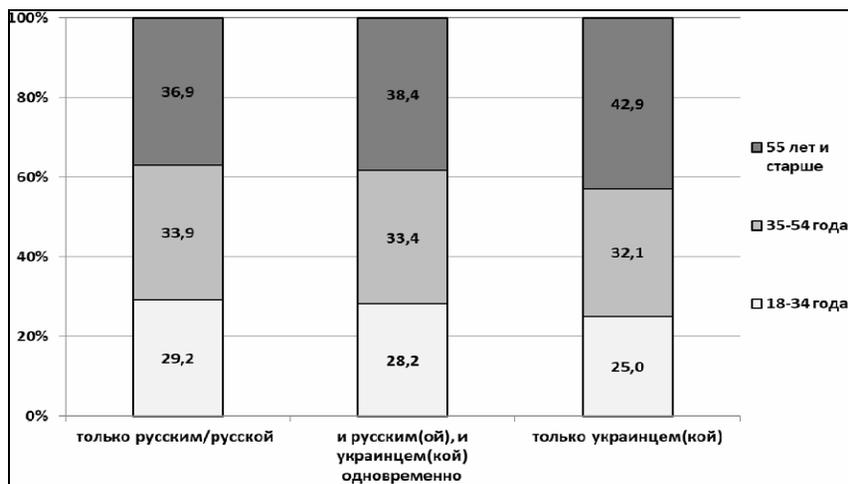

Рис. 2. Возрастной состав основных этнических групп населения приграничных с Украиной территорий Белгородской области, в %.

Fig. 2. The age composition of the main ethnic groups of the border regions of Ukraine with the Belgorod region, in %.

Русско-украинское население приграничных с Украиной территорий России...

То есть, возрастная структура жителей с множественной этноидентичностью примерно соответствует общей массе населения, что свидетельствует об определенной преемственности и естественном воспроизводстве русско-украинской группы населения.

Следующий аспект изучаемой темы — этнический генезис жителей с русско-украинской этничностью. В данном случае мы исходим из предположения, что если основная масса этого сообщества является украинцами по происхождению — то это скорее временная, переходная форма этноидентичности (от украинцев к русским). Если же большинство представителей этой группы имеют смешанное происхождение (среди предков были и русские, и украинцы) — то это показатель большей устойчивости этой группы, так как речь идет не о транзите идентичности, а о воспроизводстве элементов обеих идентичностей, присутствующих в родословной жителей.

С целью фиксации этнического происхождения представителей биетничной группы респондентам было предложено ответить на открытый вопрос (без вариантов ответа): «Если Вы знаете национальность своих предков, укажите эту национальность или несколько национальностей». Отсутствие предложенных вариантов ответа позволило максимально объективно зафиксировать «этническую палитру» происхождения представителей этой группы. Полученные ответы респондентов были сгруппированы в наиболее часто встречающиеся варианты (представлены в табл. 1). В таблице приводится распределение от числа ответивших на вопрос (4,8 % не ответили на вопрос). В случаях, когда представители какой-либо этногруппы упоминались один раз, они в совокупности фиксировались в категории «другая этногруппа».

Структура этнического происхождения жителей со смешанной русско-украинской идентичностью, как правило, довольно сложна. Почти 2/3 респондентов (65 %) указали несколько этнических групп, к которым принадлежали их предки, а 20 % указали представителей трех и более национальностей. Наиболее распространенный вариант происхождения — «русские + украинцы» (42 % опрошенных). Каждый пятый респондент помимо русских и украинцев имеет в своей родословной представителей иных этногрупп — чаще всего это поляки (4,2 %) и белорусы (4 %), еще 11,6 % кроме русских и украинцев разово указали представителей иных народов.

Таблица 1

Группы ответов респондентов с русско-украинской идентичностью на приграничных с Украиной территориях Белгородской области на вопрос: «Если Вы знаете национальность своих предков, укажите эту национальность или несколько национальностей»

Table 1

Response groups of respondents with Russian-Ukrainian identity in the territories of the Belgorod region bordering Ukraine with the question "If you know the nationality of your ancestors, indicate this nationality or several nationalities"

Варианты ответов респондентов	Доля указавших, %
Русские + украинцы	42,0
Украинцы	30,0
Русские + украинцы + другая этногруппа	19,8
в том числе русские + украинцы + поляки	4,2
в том числе русские + украинцы + белорусы	4,0
Русские	5,3
Украинцы + другая этногруппа	2,5
Русские + другая этногруппа	0,4
Всего	100,0

Доля респондентов, среди предков которых были только украинцы, не очень велика — 30 %. То есть, социологические данные свидетельствуют, что жители с русско-украинской этничностью, как правило, не приобретают эту идентичность вследствие ассимиляции украинцев, а наследуют ее от своих предков.

Более того, самый интересный социологический факт, который позволил выявить анализ этнического происхождения представителей русско-украинского населения, заключается в том, что 6 % от их общего числа не имеют среди своих предков украинцев вообще: 5,3 % указали русских, 0,4 % — русских и представителей иной этногруппы (табл. 1). Это значит, что явление русско-украинской этноидентичности, по крайней мере на приграничных с Украиной российских территориях, может присутствовать и в самосознании лиц «чисто» русского происхождения. Такие респонденты объясняют наличие у себя и украинской (в просторечии часто «хохлацкой») идентичности территориальной близостью Украины, влиянием ее культуры, наличием украин-

ских родственников и т.п. Например, в ходе проведения глубинных интервью в 2020 г. такие респонденты объясняли свою биэтничность так: *«Хохлушкой считаю, потому что мы рядом с Украиной, это неизбежно. Чем ближе к Украине, тем больше разговора украинского и поведения. Мы все равно отличаемся [от русских из центральной России]»* (жен., 1990 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл.).

Следовательно, явление ассимиляции социокультурной средой характерно не только для украинцев по происхождению, приобретающих элементы русской идентичности, но и для русских, которые, проживая в социокультурной среде, сохраняющей значительные элементы украинской культуры, отчасти заимствуют украинскую идентичность. Этот факт также свидетельствует в пользу понимания русско-украинской этничности не как временной, переходной, а как перманентной, самовоспроизводящейся.

Вместе с этим сами представители русско-украинского сообщества настроены скорее пессимистично относительно возможности воспроизводства их двойной идентичности. На вопрос *«К какой национальности относят себя Ваши дети, внуки (если у Вас нет детей или они еще маленькие, то, как Вы думаете, кем они будут считать себя по национальности в будущем)?»* лишь 19,0 % ответили, что их потомки будут также считать себя «и русскими, и украинцами одновременно». Почти 2/3 респондентов (63,8 %) полагают, что их дети будут считать себя русскими и лишь 9,8 % — украинцами (еще 7,4 % затруднились ответить).

Эти данные безусловно свидетельствуют о постепенной «эрозии» смешанной идентичности и ее трансформации в идентичность только русскую. Однако для части респондентов вопрос об идентичности их потомков был гипотетическим (молодежь), и, кроме того, респонденты могли трактовать данный вопрос как вопрос об одной, «официальной» этничности, ведь 80,4 % опрошенных нами лиц сами записаны в документах или последней переписи русскими.

Следующий фактор, с помощью которого мы выявляем потенциал воспроизводства группы населения с русско-украинской идентичностью, — это оценка респондентами значимости эндогенных и экзогенных факторов, влияющих, по их мнению, на этничность человека. Мы исходим из предположения, что в случае преобладания внутрисемейных и внутрисемейных (эндогенных) факторов — этноидентичность имеет большую возможность к передаче от поколения к поколению, а в случае превалирования внешних (экзогенных) факторов — меньшую. Другими словами, эндогенные факторы предполагают формирование этничности новых поколений в примордиалистской логике, а экзогенные — в конструктивистской или инструменталистской.

На вопрос *«Как Вы считаете, какие из нижеперечисленных факторов определяют национальность человека?»* респондентам были предложены пять различных вариантов ответа (происхождение, место жительства, гражданство, воспитание, окружающие люди). В данном случае мы относим происхождение и воспитание — к эндогенным факторам, а гражданство и окружающим людям — к экзогенным. Место жительства, на наш взгляд, можно трактовать и как экзогенный фактор (влияние внешнего окружения), и как эндогенный (влияние «почвы», историко-культурного наследия территории).

Как показали результаты опроса, представители русско-украинского населения имеют ярко выраженный баланс в пользу эндогенных факторов («происхождение» указали 70,2 %, «воспитание» — 49,0 %). Экзогенные факторы выбрали менее трети опрошенных («гражданство» — 29,4 %, «окружающие люди» — 23,6 %). «Место жительства» указали 50,4 %. Преобладание эндогенных факторов, скорее всего, обусловлено в целом консервативными представлениями о механизмах формирования и выражения этничности. Этот консерватизм иллюстрирует еще одна особенность восприятия самими биэтнорами своей множественной этничности. Среди них достаточно широко распространено мнение, что «официальная» национальность (в документах или переписи) может быть только одна, при этом это не мешает им самим иметь двойную идентичность, но проявляют и декларируют они ее только в относительно узком родственно-соседском круге. Для внешнего же мира они, как правило, «выбирают» одну, более социально комфортную этничность, в нашем случае в подавляющем большинстве русскую.

Эта некоторая смысловая алогичность неприятия частью самих биэтноров множественной этничности зафиксирована социологами и в других группах с двойной этничностью. Например, исследователи русско-чувашских биэтноров отмечают, что среди них 32 % считают, что у человека может быть только одна национальность. Ученые предполагают, что «для респондентов этой группы... такой единственной является сложная этническая идентичность» [Бойко и др., 2021, с. 108]. Среди русско-украинцев большинство в качестве такой «единственной сложной этничности», объединяю-

Русско-украинское население приграничных с Украиной территорий России...

щей в себе элементы русской и украинской идентичности, является идентичность, описываемая этнонимом «хохлы».

Последний вопрос-маркер, с помощью которого мы определяем уровень устойчивости русско-украинской идентичности части населения на приграничных с Украиной российских территориях — восприятие этим населением жителей по ту сторону госграницы (жителей Украины). Мы исходим из предположения, что в случае «транзитной» (временной) сущности этой идентичности должен наблюдаться постепенный «отход» от восприятия граждан соседней страны в качестве представителей той же этногруппы. В случае же сохранения ощущения неразрывной этнокультурной связи с жителями по ту сторону границы — вполне уместно считать сохранение элементов украинской идентичности явлением устойчивым, а значит, и в целом данное бизнечное сообщество можно считать отдельной этнокультурной единицей.

Результаты опроса показывают, что 61,4 % респондентов продолжают считать жителей соседних регионов Украины представителями того же народа, что и они сами. Еще 23,0 % указали, что жители Украины в большей степени украинцы — эта группа также считает жителей соседней страны своими соплеменниками, у которых, однако, в силу их гражданской принадлежности и страны проживания больше украинская компонента идентичности. Менее 10 % опрошенных выбрали варианты, позволяющие оценивать восприятие русско-украинским населением жителей соседнего государства как представителей другой этнической группы: 7,8 % выбрали вариант «они представители другого народа» и 1 % — предложили свой вариант — «они братский народ» (табл. 2).

Таким образом, двуэтническое население приграничных с Украиной территорий России в подавляющем большинстве воспринимает жителей Украины как представителей той же этнической группы, что и они сами. К аналогичному выводу приходит и Т.А. Листова, проводившая исследование в 2014 г.: «...местные жители (приграничных с Украиной районов Воронежской области. — В. Б.) по-прежнему и ощущают, и аргументируют свою не просто тождественность, а гомогенность с жителями сопредельных районов Украины» [2014, с. 138]. Отметим также, что мы проводили опрос летом 2018 г., спустя четыре года после полевых исследований Т.А. Листой, но события конфронтационного характера, которые произошли за этот период между двумя странами, почти не отразились на восприятии бизнечными россиянами жителей соседних областей Украины.

Таблица 2

Ответы респондентов с русско-украинской идентичностью на приграничных с Украиной территориях Белгородской области на вопрос «Как Вы воспринимаете жителей соседних регионов Украины?»

Table 2

Answers of respondents with Russian-Ukrainian identity in the territories of the Belgorod region bordering Ukraine with the question "How do you perceive the inhabitants of neighboring regions of Ukraine?"

Варианты ответов респондентов	Доля указавших, %
Они представители того же народа, что и я	61,4
Они больше украинцы, чем я	23,0
Они представители другого народа	7,8
Иное: они братский народ	1,0
Затрудняюсь ответить	6,8
Всего	100,0

Выводы

Процессы изменения этнической самоидентификации населения в регионах российско-украинского пограничья продолжались в течение всего XX в., не закончились они и в текущем столетии, несмотря на то что переписи населения фиксируют количественное доминирование русских по национальности. Статистика переписей, до настоящего времени фиксировавшая лишь моноидентичности, не позволяет проследить реальное присутствие тех или иных этнических в самосознании жителей. Нередки примеры того, как одни и те же люди от переписи к переписи меняли свою «официальную» национальность, демонстрируя инструментальность этнического самосознания. Иначе говоря, жители, особенно имеющие сложное этническое происхождение, «выбирают» ту или иную национальность в зависимости от общественно-политической ситуации.

Результаты социологических исследований показывают, что при возможности указания нескольких этноидентичностей² значительная часть местного населения декларирует принадлежность и к русским, и к украинцам. Так, в Белгородской области в целом русско-украинскую биэтничность указали в анкетах 16 % респондентов, а в приграничных муниципалитетах это число составляет 23 %, достигая в некоторых районах половины населения.

Из шести предложенных нами критериев оценки уровня устойчивости (перманентности) двойной русско-украинской идентичности части населения приграничных с Украиной российских территорий пять по результатам социологического исследования свидетельствуют в пользу того, что данная группа является отдельной этнокультурной единицей, а не переходной группой в процессе ассимиляции (табл. 3). На наш взгляд, некорректно называть эту группу субэтносом, поскольку субэтносами, как правило, считают этнокультурные сообщества в составе более крупных этногрупп (например, поморы в составе русских, бойки в составе украинцев и т.д.). Однако русско-украинская этнокультурная группа возникла «на стыке» двух крупных этносов и не может быть отнесена в полной мере ни к русским, ни к украинцам.

Население с русско-украинской идентичностью состоит в основном из автохтонов и имеет сбалансированную возрастную структуру, что свидетельствует о потенциале ее естественного воспроизводства. Биэтничные респонденты, как правило, приобрели эту идентичность не вследствие ассимиляции, а благодаря своему «смешанному» происхождению (предки разных национальностей), они заявляют о приоритете эндогенных (внутриличностных и внутрисемейных) факторов формирования этничности, воспринимают жителей по ту сторону границы как представителей той же этногруппы, что и они сами (табл. 3).

Таблица 3

Критерии оценки устойчивости двойной русско-украинской идентичности у жителей приграничных с Украиной российских территорий (полужирным шрифтом выделены критерии, подтвержденные результатами социологического исследования)

Table 3

Criteria for assessing the stability of the dual Russian-Ukrainian identity among residents of the Russian territories bordering Ukraine (the criteria confirmed by the results of a sociological study are marked in font)

	Критерии, свидетельствующие об устойчивости этноидентичности, сохранении в качестве этнокультурной группы	Критерии, свидетельствующие о «транзитной» сущности этноидентичности в процессе ассимиляции
Уровень «автохтонности»	Преобладают автохтоны	Преобладают мигранты
Возрастной состав	Возрастная структура сбалансирована	Дисбаланс возрастной структуры в пользу пожилых
Этнический генезис	Преобладают лица смешанного происхождения	Преобладают лица украинского происхождения
Самооценка будущего этносообщества	Идентичность будет наследована следующими поколениями	Следующие поколения будут считать себя русскими
Самооценка факторов, влияющих на этноидентичность	Преобладают эндогенные факторы формирования этничности (происхождение, воспитание)	Преобладают экзогенные факторы формирования этничности (окружающие люди, гражданство)
Восприятие жителей по ту сторону границы (Украины)	Жители Украины представители того же народа	Жители Украины представители другого народа

Единственным (хотя и безусловно важным) показателем того, что данная группа населения скорее представляет собой переходный этап в транзите от идентичности двойной (русско-украинской) к моноэтничной (русской) является то, что в ходе опроса большинство наших респондентов предположило, что их потомки будут идентифицировать себя русскими, т.е., по их мнению, вряд ли эта идентичность будет наследована следующими поколениями.

Нельзя не отметить и снижение роли этнической идентичности в самосознании населения приграничных регионов как таковой. Как пишет Т.А. Листова, «в последние десятилетия местная культура в украинских селах (не говоря уже о городах. — В. Б.) активно замещается унифицированным вариантом городской культуры, что воспринимается как вхождение в общерусское пространство» [2014, с. 133]. В итоге: «Процесс постепенной утери украинского этнического самосознания с четким вектором обрусения своим итогом имеет не только смену идентичности, но и, нередко, потерю таковой» [Листова, 2014, с. 133].

² В анкетах для понимания рядовыми жителями был использован термин «национальность».

Этническая идентичность в российских регионах, граничащих с Украиной, по данным социологических исследований, занимает в самосознании жителей как правило периферийное место. Так, по данным опроса 2017 г., в Белгородской области этническую (национальную) идентичность в тройку наиболее важных для себя поставили лишь 22 % опрошенных, в то время как гражданскую (российскую) — 75 %, региональную — 50 %, локальную — 53 % [Бубликов, 2018, с. 619]. В это же время исследования Л.М. Дробижевой показывают, что в целом ряде российских регионов этническая идентичность занимает лидирующие позиции в иерархии идентичностей населения, часто даже опережая гражданскую [2017, с. 29].

Процессы «смешения» (прежде всего посредством этнически неоднородных браков) привели, с одной стороны, к формированию этнокультурной группы населения с двойной русско-украинской идентичностью, но, одновременно, этот процесс сопровождался определенной этносоциальной депривацией, выразившейся в ослаблении этнических чувств как таковых. Так, А.А. Гриценко считает, что на приграничных с Украиной российских территориях «смена идентичности не стерла этнокультурные маркеры, продолжающие воздействовать, но уже на идентичность региональную. Например, таким маркером является специфический говор «суржик»» [2014, с. 28].

То есть, произошла определенная интерференция элементов этнокультуры и самосознания из идентичности этнической в региональную. Последняя, как было показано выше, в приграничных с Украиной российских регионах весьма сильна, в том числе благодаря активной поддержке региональных властей (например, промоция в Белгородской области исторического региона *Слобожанщина*, далеко выходящего за границы области и включающего в том числе соседние украинские регионы — Харьковскую и Сумскую области).

В завершение следует подчеркнуть, что эмпирическим материалом для подготовки данной статьи стали исследования автора в Белгородской области, а также теоретические обобщения других ученых, изучавших русско-украинское население в приграничных с Украиной регионах России. Поэтому сделанные в статье выводы не следует проецировать на все биэтническое русско-украинское население России, так как ситуация в других, более отдаленных от Украины регионах России может существенно отличаться.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баринев С., Гриценко А., Самсонова А.* Образ Украины и особенности местной идентичности населения русско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3. С. 22–28.
- Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 104–120.
- Бубликов В.В.* Идентичность жителей Белгородской области в новых геополитических условиях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 4. С. 617–632.
- Гибкие этничности: Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы / Под ред. С. Пекка, О. Давыдова-Менге.* СПб.: Нестор-История, 2017. 296 с.
- Гриценко А.А.* Региональные идентичности у западных границ России: История, политика, позиционные факторы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 20–32.
- Дробижева Л.М.* Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.
- Листова Т.А.* Воронежские украинцы — русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116–139.
- Листова Т.А.* Была ли смена идентичности? // ЭО. 2016. № 6. С. 82–85.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я.* Русские на Украине: Геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
- Мухаметзянова А.Р.* Гибридные этнокультурные идентичности молодежи из межэтнических семей // Этнологические исследования в Татарстане / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой и др. Казань: Изд-во «ЯЗ»: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 266–272.
- Проскураина Н.В.* Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. 2017. № 4. С. 95–99.
- Сикевич З.В., Поссель Ю.А.* Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей: (Сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 121–136.
- Степанов В.В.* Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.

Бубликов В.В.

Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

Суций С.Я. История, современность и перспективы украинцев юга России: Демографорасселенческий аспект // Народонаселение. 2017. № 3. С. 63–74.

Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой: (Пример Дагестана) // ЭО. 2007. № 5. С. 96–115.

Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга западной Сибири в 1980-е — первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5. С. 109–128.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 251 с.

ИСТОЧНИКИ

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. III: Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-волжский район. М., 1928.

Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): Дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.

Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 12.07.2020).

Bublikov V.V.

Belgorod State University
Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: v.bublikov@mail.ru

Russian-Ukrainian population of the Russian territories bordering with Ukraine: ethnocultural or transition group?

One of the new directions in ethnosociology is the study of population groups with multiple (often double) ethnic identities, which are growing quantitatively due to the spread of ethnically «mixed» marriages, migrations, etc. Among such “hybrid” ethnic groups, residents with Russian-Ukrainian identity are one of the largest bi-ethnic communities in Russia. In particular, in the Russian regions bordering with Ukraine, residents with dual Russian-Ukrainian identity make up a significant proportion of the population. Accordingly, the studies of 2017–2018 show that in Belgorod region 16 % of residents have Russian-Ukrainian ethnic identities, whereas it is 23 % in the border municipalities. In this paper, the genesis and reproduction potential of a bi-ethnic Russian-Ukrainian population group at the Russian-Ukrainian borderland is discussed. The first part of the paper comprises an overview of the studies of multiethnic groups, including the Russian-Ukrainian population. The second part is based on empirical ethnosociological research conducted by the author and is devoted to finding the answer to the question: “Is the population with the double Russian-Ukrainian identity an independent, permanently existing ethnocultural community or a transitional group that temporarily emerged in the process of assimilation of the Ukrainians in Russia?”. Sociological data indicate that this group of population should be considered as a separate, permanently existing ethno-cultural community, and not a temporary, transitional group in the process of assimilation of the Ukrainians in Russia. In favor of the former speaks the fact that the population with the double Russian-Ukrainian identity consists mainly of autochthonous people, with a balanced age composition, who inherited bi-ethnicity by their “mixed” origin, rather than by assimilation. In the respondents in this group, endogenous factors of the formation of ethnic identity are dominant; they feel an inextricable ethnic connection with the population of the neighboring Ukrainian regions. At the same time, members of the Russian-Ukrainian ethnocultural group are predominantly pessimistic about possibility of inheriting their double identity by future generations.

Keywords: bi-ethnicity, multiple ethnic identities, Russian-Ukrainian population, Russians, Ukrainians, border regions.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00676.

REFERENCES

Barinov, S., Gritsenko, A., Samsonova, A. (2009). Image of Ukraine and some special features of spatial identity by the population of the Russian-Ukrainian border area. *Regional'nye issledovaniia*, (3), 22-28. (Rus.).

Boyko, I.I., Dolgova, A.P., Kharitonova, V.G. (2021). On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia. *Vestnik antropologii*, (1), 104–120. (Rus.).

Bublikov, V.V. (2018). Identity of the Belgorod region residents in new geopolitical conditions. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, (4), 617–632. (Rus.).

- Chizhikova, L.N. (1988). *Russian-Ukrainian borderlands: The history and the fate of traditional household culture*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Drobizheva, L.M. (2017). All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya*, (1), 26–36. (Rus.).
- Funk, D.A. (1999). Formation of new ethnic identity in Turks of the South of Western Siberia in the 1980s — the first half of the 1990s (on the example of Bachat Teleuts). *Etnograficheskoe obozrenie*, (5), 109–128. (Rus.).
- Gritsenko, A.A. (2014). Regional identities along the west borders of Russia: The role of history, politics and positional backgrounds. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra UrO RAN*, (5), 20–32. (Rus.).
- Listova, T.A. (2014). Voronezh Ukrainians — Russian Khokhols. *Vestnik antropologii*, (2), 116–139. (Rus.).
- Listova, T.A. (2016). Was there a change of Identity. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 82–85. (Rus.).
- Mitrofanova, I.V., Sushchiy, S.Ya. (2017). The Russians in Ukraine: Geodemographic results of the post soviet period and middle term prospects. *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 45–58. (Rus.).
- Muhametzjanova, A.R. (2011). Hybrid Ethnocultural Identities of Interethnic Youths. In: G.F. Gabdrahmanova (Ed.). *Jetnologicheskie issledovanija v Tatarstane*. Kazan: Izd-vo «YAZ»: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 266–272. (Rus.).
- Pekka, S., Davydova-Menge, O. (Ed.). (2017). *Flexible ethnicity: ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in the 2010-s*. Moscow: Nestor-History. (Rus.).
- Proskurina, N.V. (2017). Russian-Ukrainian symbiosis on the territory of the Voronezh region. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geografiya. Geoekologiya*, (4), 95–99. (Rus.).
- Sikevich, Z.V., Possel, Y.A. (2019). The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Inter-ethnic and Mono-Ethnic Families: (A Comparative Analysis). *Sotsiologicheskij zhurnal*, (1), 121–136. (Rus.).
- Stepanov, V.V. (2018). Ethnocultural diversity of Russia and the possibilities of statistical measurements. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (Eds.). *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 62–88. (Rus.).
- Stepanov, V.V. (2019). Measuring Russia's Cultural Diversity. In: Martynova M.U., Stepanov V.V. (Eds.). *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situaciya, perepisi, polevaya etnostatistika*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 140–154. (Rus.).
- Sushchiy, S.Ya. (2017). The history, the present and the prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic settlement aspect. *Narodonaselenie*, (3), 63–74. (Rus.).
- Tishkov, V.A., Kisriev, E.F. (2007). Multiple Identities between Theory and Politics: (the Case of Dagestan). *Etnograficheskoe obozrenie*, (5), 96–115. (Rus.).

Бубликов В.В., <https://orcid.org/0000-0001-5899-1028>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Рудь А.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: raa@bk.ru

АЛКОГОЛЬ И ЕГО ФУНКЦИИ В КУЛЬТУРЕ ХАНТОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Обычно алкоголь и его место в жизни коренного населения Сибири и Дальнего Востока рассматриваются в негативном ключе, как серьезная проблема, свидетельство культурной и социальной дезадаптации. Целью данного исследования является показать, что подобный взгляд по меньшей мере не полон. Материалы автора, собранные у хантов Сургутского Приобья в 2002–2018 гг., а также изучение проблемы употребления алкоголя другими исследователями демонстрируют функциональную значимость спиртного как в религиозной, так и в социальной жизни восточных хантов.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, восточные ханты, практики употребления алкоголя, социальные функции алкоголя, алкоголь в традиционной религии, алкоголь в быту.

В основу работы легли полевые материалы автора, собранные у хантов Сургутского Приобья в 2002–2018 гг. Границы исследований включают территории проживания восточных хантов, населяющих правые притоки Оби (Лямин, Пим, Тромъеган, Аган) и ее левые притоки (Большой Юган, Малый Юган), а также правый приток р. Иртыша — р. Демьянку. В процессе работы автор использовал методологические подходы, зародившиеся на рубеже XIX–XX вв., но не потерявшие своей актуальности в наши дни. Изучение роли алкоголя в традиционных ритуалах восточных хантов базировалось на методологии дарообмена, предложенной М. Моссом [2011]. При анализе функций алкоголя, его места в традиционной культуре и социальных отношениях восточных хантов был использован структурно-функциональный подход [Малиновский, 2006].

История исследований

Место алкоголя в традиционных культурах Западной Сибири, проблемы, связанные с употреблением спиртного коренными жителями, неоднократно рассматривались современными исследователями [Новикова, 1995; Вигет, 2002; Главацкая, 2005; Пивнева, 2005; Leete, 2005; Wiget, Balalaeva, 2007; Истомина, 2011; Вигет, Балалаева, 2014; Dudeck, 2015; Соколова, 2015, 2017]. Если расширить территориальные рамки в границах Севера России и Сибири, та же тема поднималась как представителями медицины [Козлов, 2007, Тальянова, 2011], так и антропологами и этнологами [Истомина, 2011; Дмитриенко, Чухрова, 2012; Хаховская, 2015; Ярзуткина, 2017].

Алкоголь, вероятнее всего, попал в Сибирь вместе с русскими казаками и купцами в конце XVI в. и занял заметное место в культуре и религии северных аборигенов. В начальный период русской колонизации он был доступен не всем коренным жителям. Архивные документы XVII в. указывают на то, что «вино» было одним из инструментов взаимодействия с остячками князьями и «лучшими людьми» туземцев [Древний город на Оби..., 1994, с. 107–113]. С самого начала русской колонизации алкоголь служил своего рода проводником при крещении сибирских иноземцев, которое началось при митрополите Филофее Лещинском в начале XVIII в. и продолжалась в течение полувека [Главацкая, 2005, с. 229–258]. Первым опытом знакомства с алкоголем мог быть ритуал таинства причащения, являющийся неотъемлемой частью православной церемонии крещения. К XIX в. проблема употребления алкоголя аборигенами беспокоила российское правительство настолько, что Александр I именным указом запретил ввозить его к коренным жителям Сибири [Главацкая, 2005, с. 93]. А. Леэте в публикации, посвященной влиянию алкоголя на коренное население Сибири в XIX в., приведены многочисленные сведения путешественников XIX — начала XX в. о негативных последствиях употребления спиртного аборигенами Западной Сибири [2005, р. 249–252].

Несмотря на предпринимаемые российскими властями меры на территории Западной Сибири, «до 1917 г. купцы и перекупщики пушнины нередко выменивали “мягкое золото” на продукты, в том числе водку и спирт» [Соколова, 2017, с. 100]. Иллюстрацией мер по сдерживанию алкоголизации населения Западной Сибири может служить обзор государственных ограничений, приведенный З.П. Соколовой: «До революции спирт и водку на Севере аборигенам прода-

вать не разрешалось. В 1920-е годы по настоянию этнографов завоз спирта на Север также был запрещен, сухой закон действовал по 1935 г. Спирт появился после Великой Отечественной войны. При этом сначала (до середины 1950-х гг.) его доставляли в бочках, позднее (благодаря вмешательству этнографов) — только в бутылках, а к середине 1970-х гг. он был полностью запрещен» [2015, с. 101]. Отметим, что в 1970–1980-е гг. алкоголь продолжал поступать на Север через систему советской торговли. В места проживания коренного населения завозили много одеколона, который пили, когда не было водки и вина. Также процветала спекуляция алкоголем — в виде продажи его в неуточное время, при скупке частными лицами пушнины и рыбы. Согласно полевым материалам З.П. Соколовой, доля алкоголя (водка и одеколон) в конце 1980-х гг. на р. Большой Юган по отношению к закупаемым продуктам составляла 10 % и более. В местных магазинах продажи водки достигали 50 % от всех товаров и продуктов [2017, с. 103–104]. В начале XXI в. употребление спиртного в традиционных сообществах Сибири сохранялось на высоком уровне, что являлось фактором ухудшения здоровья, повышенной смертности и низкой продолжительности жизни [Пивнева, 2005]. Причины алкоголизации коренного населения Севера и Сибири в 1960 — начале 2000-х гг. Е.А. Пивнева видит в изменении социально-экономического уклада [Там же, с. 75].

До рубежа XIX–XX вв. аборигенам Западной Сибири винокурение не было знакомо. Таким образом, известные сегодня примеры приготовления восточными хантами бражки из морозки, сахара, муки и дрожжей [ПМА, июнь 2002, июль 2005, апрель 2007], а также других ингредиентов мы связываем с опытом, полученным от приезжих умельцев. А.А. Ярзуткина, проводившая исследования на Чукотке, отмечает, что подобная ситуация также характерна для коренных народов Северо-Востока России — здесь алкоголь стал известен местным жителям только с середины XIX в. [2017, с. 138]. Напротив, публикации, посвященные значению алкоголя в культуре коренного населения Южной Сибири, указывают на древние традиции знакомства бурят и алтайцев с винокурением [Дмитриенко, Чухрова, 2012, с. 243–246]. Небезынтересно отметить, что стереотип о предрасположенности аборигенов Сибири к алкоголю на генном уровне не находит поддержки у исследователей — предшественников медицины, в то время как социокультурные особенности употребления спиртного маркируются ими как значимые. Так, А.И. Козлов приходит к выводу, что сложившееся в российском обществе мнение о «гене» предрасположенности аборигенов к алкоголю должно быть пересмотрено: «Потребление алкоголя в среде северян в первую очередь — следствие ослабления инстинктов самосохранения, отражающее социальную дезориентацию аборигенных сообществ. Потеря цели, отсутствие ориентиров, ощущение собственной ненужности и бесполезности в мире, который становится иным, — вот основные причины кризиса. Алкогольная ситуация — лишь его отражение» [2007, с. 48–49]. Важность учета биологических, социальных и этнокультурных аспектов потребления спиртного коренным населением Сибири также отмечает врач-психиатр Т.И. Тальянова [2011, с. 55].

Алкоголь в космогонических мифах

В культуре восточных хантов легитимность алкоголя утверждают космогонические мифы. В настоящее время зафиксированы указания информантов на существование фольклорных сюжетов об употреблении алкоголя божествами верховного пантеона во время акта творения мира. Аргумент выпивающих богов-демиургов появляется при ответах информантов на вопросы об оценке влияния алкоголя на их жизнь: *Вот говорят, что ханты много пьют. Что когда на священных местах ханты жертвоприношение делают, то напиваются. Даже старые люди рассказывали такое про наших хантыйских богов: они выпивали, когда делали нашу землю — реки, озера, тайгу, человека, зверей — всё что сейчас есть. Они пили вино и делали землю* [ПМА, март 2008]. По сведениям Е.В. Переваловой, в угорской традиции один из верховных божеств, *Мир-Сусне-Хум* — «За-Миром-Смотрящий-человек» (он же — «Небесный Всадник»), соотносящийся с фигурой сына *Торума* — божества *Сорни Кон Ики* восточных хантов, характеризуется как «учитель шаманов, чудодей в разноцветной шапке, с бутылкой водки и табакеркой в руках» [2019, с. 35].

В границах традиционного мировоззрения легитимность употребления алкоголя для человека может быть указана божествами и духами через шамана. Такой знак для людей с традиционной картиной мира имеет большую значимость. Так, один из пимских хантов среднего возраста сообщает: *Я тогда много пил. В жизни все плохо было. К тромъеганскому шаману поехал, спрашиваю — может, перестать бухать, может, верующим стать* (евангельским баптистом или пятидесятником. — А. Р.)? *Ты пошамань — узнай! Всё как нужно сделали. Он шаманил. У лункэт¹ спрашивал — что да*

¹ Лункэт — божества.

как. Они отвечали: нужно мне на священные места ходить, жертвоприношения делать. Кури, пей, бухай — всё будет хорошо. Так они сказали. Ну, я стал молиться, на святилища стал ходить. Пори², йыр³ делаю. Водку пью, курю. Всё хорошо [ГМА, сентябрь 2007].

Алкоголь в традиционных ритуалах

В ходе христианизации коренного населения Западной Сибири в XVIII в. алкоголь был неотъемлемой частью синкретических по сути и традиционно-православных по содержанию ритуалов обращения аборигенов в христианство [Перевалова, 2019, с. 88–98]. Не исключено, что значимость спиртного в православных церемониях со временем распространилась на традиционные угорские ритуалы и религиозные церемонии. Сегодня практически ни одно жертвоприношение божествам не обходится без угощения их алкоголем. Во время обрядов-угощений божеств сохраняется порядок ритуальной трапезы: сначала угощение жертвенной пищей, чаем и спиртным адресуют божествам, затем — ритуальную трапезу и угощение алкоголем продолжают люди. Эта неотъемлемая составляющая ритуалов может являться одной из причин раннего знакомства хантыйской молодежи с алкоголем. Вместе с тем отметим: в процессе присутствия на ритуалах автором ни разу не фиксировалось принуждение участников к принятию алкоголя. Каждый участник имеет выбор, сколько ему пить алкоголя и как часто. Данные наблюдения подтверждаются Ш. Дудеком: «Толерантность к тому, чтобы бросить пить раньше других, как правило, выше среди местных оленеводов, чем я обычно испытываю с русскими в аналогичных ситуациях... Также учитываются индивидуальные различия в достижении состояния опьянения, а также индивидуальное решение оставить стол» [Dudeck, 2015, p. 95]. В качестве альтернативы для детей и взрослых, не принимающих алкоголь, существует обычай символического смазывания водкой висков человека либо же возможность «пригубить», но не пить спиртное [ГМА, 2002–2018].

Во взаимоотношениях «человек — божество» алкоголь выполняет функцию медиатора между миром человека и миром божеств. Информанты объясняют ритуал «угощения божеств вином» с позиций, согласующихся с методологией дарообмена [Мосс, 2011]. В традиционных ритуалах хантов алкоголь выступает угощением и даром божествам от мира людей с целью ожидания (или испрашивания) содействия человеку в промысле, достатке, здоровье и безопасности [ГМА, 2002–2018].

Спиртное является социальным катализатором, выполняющим функцию ускоренного включения чужого человека в традиционное сообщество [Dudeck, 2015, p. 93–95]. Стирая социальные границы между участниками ритуала, алкоголь также является инструментом перехода человека в измененное состояние сознания. Коллективное потребление алкоголя в процессе ритуалов вызывает эмоциональное единение собравшихся, что, в свою очередь, выполняет интеграционную функцию укрепления социальных связей. С позиции дарообмена алкоголь выступает в качестве ценного подарка для приглашенных на ритуал гостей, которые также приходят на религиозную церемонию не с пустыми руками [ГМА, 2002–2018].

Не обходятся без алкогольных подношений другие религиозные церемонии: приношения божествам стихии огня — *Най Анки* («Мать Огня»), *Кот Най Ими* («Домашнего Огня Хозяйка»), *Вонт Най Ими* («Лесного Огня Хозяйка»), *Терэс Най Анки* («Мать Огненного моря») [Рудь, 2018, с. 131–133], божествам-хозяевам водоемов, главным хозяевам вод и «повелителям рыб» — божествам *Инк Ики* («Хозяин Вод») и *Ас Ики* («Хозяин Оби»), Медвежий праздник, обряды гаданий и шаманских камланий, погребальные и поминальные ритуалы [ГМА, 2002–2018]. Здесь алкоголь входит в структуру ритуалов жертвоприношений и угощений божеств огненной и водной стихий, божественной ипостаси Медведя, а также божеств и духов во время гадания или камлания или же «помогает» проводить усопшего в последний путь.

В хантыйском языке традиционная свадьба обозначается — *вина пори* («винное жертвоприношение»), подразумевающее приношение спиртных напитков божествам-покровителям в честь образования новой семьи. Отметим, что в ходе опросов о ритуалах сватовства и свадьбах информанты неоднократно подчеркивали обязательность подарков родителям невесты в виде алкоголя. Некоторые информанты вспоминают о своих свадьбах, на которых неотъемлемым атрибутом церемонии было потребление алкоголя на фоне пожелания благополучия и здоровья молодоженам [ГМА, июль 2003, февраль 2004, сентябрь 2005].

² Пори — бескровное жертвоприношение.

³ Йыр — кровавое жертвоприношение.

Алкоголь в дороге

До сих пор при выезде из национальных поселков на стойбище многие коренные жители совершают дорожные ритуалы с просьбой к божествам об удачной обратной дороге. Помимо этого, у восточных хантов сохраняются подношения спиртного в ходе путешествия по рекам (например, выливание алкоголя в воду или же приношение спиртного на берегу водоема) при прохождении священных объектов, связанных как с верховным пантеоном, так и с местными божествами-хозяевами. Со слов информантов, «в старые времена» лесные жители могли везти из поселка большие запасы спиртного, часть из которых употреблялась по дороге [ПМА, январь 2003, март 2007, июнь 2009]. До сих пор на отдельных участках традиционных хантыйских дорог бутылки из-под алкоголя, надетые на ветки деревьев, выполняют функцию маркеров пути. В ментальной карте людей, оставивших тару от алкоголя, такие метки могут выполнять функцию маркеров жизненных вех. Некоторые из подобных мест могут приобретать собственные имена. Так, на Большом Югане между юртами Рыскиными и Каюковыми одно из мест, где ранее останавливались, чтобы дать отдохнуть оленям, а теперь останавливаются, чтобы дать остыть снегоходу, называется «Пьяное дерево». Подножье дерева и прилегающая территория содержат следы потребления спиртного — бутылки, пробки, стаканы и пр. [ПМА, январь 2003]. Отметим, что употребление алкоголя в дороге является причиной травмирования людей, несчастных случаев, порчи транспортных средств [ПМА, 2002–2018].

Значимость алкоголя в ритуальной сфере может переноситься на тару из-под алкоголя. В ходе обследований стойбищ восточных хантов в 2000-х гг. в правобережье Оби бутылки из-под алкоголя нередко фиксировались в местах отправления традиционных ритуалов — «за спиной дома», около священных нарт, рядом с культовыми лабазами [ПМА, 2002–2018]. Эту деталь поясняют информанты: использованные бутылки не являются мусором, потому что алкоголь в них был адресован «на бога» [ПМА, июнь 2002, февраль 2004].

Алкоголь в быту

Распитие спиртного в быту может являться продолжением ритуального потребления. Алкогольное застолье бывает инициировано человеком как реакция на негативные или же позитивные изменения его повседневной жизни. Спиртное расслабляет после выполнения длительной монотонной тяжелой работы в лесу. Так, один из информантов с Малого Югана повествует: *«Мы же в урмане целую зиму охотимся. Сейчас закончится сезон, сниму капканы — поеду в Уэут,— шкурки сдам, мясо продам. Отдохну, водочки попью. Побухаю немножко»* [ПМА, март 2004]. Употребление алкоголя в повседневной жизни включает все перечисленные выше функции ритуального потребления спиртного. Помимо всего, Ш. Дудек отмечает интеграционную функцию распития алкоголя в быту, обозначая ее «ритуалом интеграции»: «...безопасный способ включить незнакомца в социальную группу — это вовлечь его в практики, когда участники вместе теряют лицо в пьяной вечеринке...» [Dudeck, 2015, p. 97].

Отсутствие противоречий в ритуальном и бытовом потреблении спиртного наблюдается в жизненном укладе восточных хантов. Для примера приведем ситуацию, которую мы наблюдали во время посещения родового святилища юганских хантов Тайлаковых *Сот Нехус Ики*. Преодолев долгий путь от р. Демьянки — сначала на снегоходах, затем на лыжах, мы подошли к святилищу, которое коренные жители не посещали уже около года. Культовый объект, находящийся на берегу р. Сугмутеньях, был представлен священным лабазом и ритуальной площадкой с костровищем. Внутри культового амбарчика должны были находиться семь деревянных фигурок божеств. Хранитель святилища полез в культовый амбарчик наводить порядок. Во время предыдущих ритуалов изображения божеств и их помощников кормили жиром. За время отсутствия людей на запах жира приходили россомаха или медведь и раскидали культовые изображения божеств и жертвенные приклады, адресованные им. Интересна ироничная реакция хранителя на мародерство зверя: *«Смотри! Что тут такое в лабазе случилось? Такой беспорядок. Лункэт — пили, что ли? Они пьяные, что ли? Два сидят на своих местах, два — спят на полу в лабазе. Еще два где? С охоты еще не вернулись? Нет — валяются у лабаза, в снегу. Перебрали, наверно. А где еще один? Нигде не видать его. Куда пропал? Зачем спрятался? А! Наверное, поехал в гости к родственникам жены»* [ПМА, апрель 2007]. Этот монолог информанта является калькой жизненного уклада юганских хантов-охотников. После окончания длительного зимнего охотничьего сезона люди могут позволить себе расслабиться. Именно в этот период, пока сохранились дороги и не начались хлопоты по подготовке к весеннему сезону, у многих таежников появляется возможность совершать поездки с целью посещения родственников. Важно отметить,

что в приведенном сюжете жизнь божеств наделяется всеми качествами жизни людей — они едут к родственникам жены, охотятся, оставляют беспорядок и конечно же — употребляют алкоголь.

До индустриализации, в силу отдаленности поселков (мест продажи алкоголя) от стойбищ и юрт хантов, была распространена модель длительного, вплоть до запоев, потребления алкоголя во время посещений населенных пунктов [ПМА, 2002–2018]. Любопытно, что подобная модель употребления алкоголя сложилась, вероятнее всего, еще в XVIII–XIX вв. Так, А. Лаэте отмечает: «А. Альквист и Ю. Лехтонен предполагают, что сообщения о... зависимости северных народов от водки могут быть следствием неточного представления исследователей о них. В большинстве случаев туземцев видели в городах и на ярмарках, и в этих местах они действительно могли пить. И все же, большую часть времени они были трезвыми, когда в лесу у них не было водки несколько месяцев» [2005, р. 252].

По мнению З.П. Соколовой, одной из причин легкой доступности алкоголя в национальных поселках Западной Сибири в 1970–1980-е гг. являлась взаимосвязь торговли спиртным с местными бюджетами и наличными деньгами [2017, с. 105]. Итогами такой экономической политики местных властей стало повальное пьянство жителей национальных поселков, особенно в периоды завоза спиртного [Там же, с. 97]. Любопытно, что, несмотря на указание о доступности алкоголя в поздний советский период, отмечается, что юганские ханты п. Угут запасали вино и водку впрок для традиционных обрядов и дарения божествам [Там же, с. 102].

Как в прошлом, так и сегодня случаи употребления спиртного хантами во время пребывания в поселках способствуют бытованию устойчивого стереотипа в восприятии их русским населением как «не просыхающих». Так, супруга главы хантыйской общины «Яун-ях» (русская) оценивает употребление алкоголя юганскими хантами в п. Угут: *Наши ханты ведь пить не умеют. Они там всю зиму в урмане сидят. Охотятся. Не пьют. А весной как приедут в Угут — так держись. День, пьют, другой пьют, третий, неделю. Пьют, дерутся. Идет по поселку — его всего уже трясет от этой водки, а он еще и деньги просит “на опохмелку”. Некоторых таких пока не посадишь на “Буран”, домой не отправишь, так и болтаются по поселку. Они обратно в юрты к себе уезжают, только там, в лесу, прекращают пить. И так до следующего приезда в поселок* [ПМА, январь 2003, март 2004].

Нелегальный провоз и сбыт алкоголя на территорию проживания коренных жителей Западной Сибири пресекались властями на протяжении нескольких последних веков, хотя это не имело большого эффекта. Попытки ограничить ввоз алкоголя властями предпринимаются и в настоящее время. Имеется информация, что в 1990–2000-х гг. власти общин коренных жителей, а также активисты населенных пунктов препятствовали завозу спиртного в места компактного проживания восточных хантов — вплоть до запрета выгрузки алкоголя из вертолетов, с судов и автотранспорта [ПМА, март 2004, март 2007, март 2011]. Отметим, что подобные социальные антиалкогольные практики («десанты») местных властей и активистов были зафиксированы А.А. Ярзуткиной в населенных пунктах аборигенов на Чукотке [2017, с. 138].

Длительное время алкоголь выступал в качестве эквивалента денег при натуральном обмене товарами и оказании коренным населением транспортных услуг [Перевалова, 2019, с. 287]. Лишь последние два десятилетия, по причине широкой доступности спиртного, денежный эквивалент стоимости перевозки стал более востребованным [ПМА, 2002–2018]. В советское время дефицит спиртного среди таежных аборигенов вызывал спрос, который удовлетворялся русским населением, продававшим его по завышенной цене или же обменивавшим на продукцию традиционного промысла [Соколова, 2017, с. 101]. Ситуация не изменилась и в 1990-е гг. На Тромъегане были получены сведения, что в середине 1990-х гг. один из представителей местной администрации пытался обменивать у хантов государственные приватизационные чеки («ваучеры») на алкоголь [ПМА, март 2008]. Вероятнее всего, торговля спиртным и его неравноценный обмен на традиционную продукцию существовали в Западной Сибири с момента широкого знакомства аборигенов с алкоголем. Упоминания об этих фактах в XIX — начале XX в. содержатся в работе А.А. Дунина-Горкавича [1995, с. 130–137].

В ходе таких взаимодействия формировались стереотипные штампы у русскоязычного населения при оценке алкогольной зависимости восточных хантов: *«Есть здесь местные. Приезжает тут на буровую один хант, вечно пьяный. Как ни приедет — всё водку спрашивает»; «Ханты за водку продают всё. Наши мужики у хантов за пузырь водки рыбу покупали, оленину, шкурки»; «Один мужик рассказывал, что ему хант за пузырь водки со своей женой переспать предлагал»* [ПМА, 2002–2018]. Отметим, что, в большинстве подобные нарративы осно-

ваны не на реальных фактах, а иллюстрируют культурный шок русского населения, столкнувшегося с особенностями потребления спиртного аборигенами.

Алкоголизация Сургутского Приобья

С конца 1960-х гг., в процессе индустриализации в Сургутском Приобье строятся новые города и поселки нефтяников, а также автодороги, создается широкая сеть промышленной инфраструктуры. Доступность населенных пунктов значительно повысилась, что привело к взрывной волне алкоголизации коренного населения в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Заметную роль в этом процессе сыграла политическая, экономическая и социальная нестабильность конца 1980-х — 1990-х гг. Причины алкогольной зависимости коренных жителей Севера и Сибири в 1990-х гг. отмечает Н.И. Новикова: «Негативное влияние на жизнь и здоровье оказывает резкая смена образа жизни — традиционного быта, темпа жизни. Темпы интенсификации жизни опережают развитие приспособительных механизмов психической адаптации, что способствует развитию эмоциональных нарушений у коренных жителей. Резкое изменение образа жизни приводит к несоответствию уже сложившихся стереотипов с новыми требованиями. Создается так называемый “аккультурационный стресс”, возникает длительное психоэмоциональное напряжение и предпосылки к формированию зависимости от алкоголя» [1995, с. 83].

Не последнюю роль в упомянутых процессах сыграла отмена в 1992 г. государственного регулирования оборота алкоголя, следствием чего стало резкое увеличение поступления некачественного алкоголя на Север. Совпад с общей нестабильностью времен краха СССР в конце 1980-х — 1990-х гг., эта проблема в первую очередь затронула коренных жителей, проживающих в национальных поселках. Появившиеся в период массового перехода на оседлость в 1960–1970-х гг. [Пивнева, 2005, с. 68] национальные поселки стали восприниматься хантами, проживающими в лесу, как места деградации традиционной культуры, где прочно обосновались «депрессия, пьянство и безразличие» [Вигет, Балалаева, 2014, с. 50, 55; ПМА, 2002–2018]. Восприятие жизненного уклада «поселковых» хантов «лесными» хантами было метко подмечено Ш. Дудеком: «...хантыйское обозначение для хантов, живущих в деревне, буквально переводится как “живущие у лавки” (на хантыйском языке “лавка” означает деревня, а также магазин), с коннотацией деревенского магазина как основного источника водки. Таким образом, деревня как место проживания ассоциируется с алкогольной зависимостью...» [Dudeck, 2015, p. 104–105].

Последствиями употребления алкоголя стали ухудшение состояния здоровья коренных жителей, случаи домашнего насилия, несчастные случаи и убийства в состоянии алкогольного опьянения. Отметим: негативные последствия алкоголизации затронули все сообщество восточных хантов на территории исследований, в том числе население, проживающее в тайге [ПМА, 2002–2018]. Наши наблюдения подтверждаются исследованиями Э. Вигета и О. Балалаевой в Сургутском Приобье: «Можно бесконечно приводить примеры саморазрушительных запоев, которые приводили к преступлениям, самоубийствам и домашнему насилию, что в последние годы случается с ханты не только в русских поселениях, но и когда они возвращаются в юрты» [Вигет, Балалаева, 2014, с. 55].

Выход из кризиса

Выход из кризиса наметился в двух направлениях. С 1990-х гг. в ХМАО — Югре законодательно было реализовано право коренных жителей на занятие традиционным природопользованием в местах исконного проживания. В 1992 г. здесь появился институт родовых угодий (позднее — территорий традиционного природопользования) [Перевалова, 2019, с. 282–285; Положение о статусе...; Закон ХМАО — Югры...]. С его введением промышленные компании стали обязаны согласовывать свою деятельность в родовых угодьях с коренными жителями посредством экономических соглашений с ними. Это позволило хантам регламентировать промышленное освоение территорий традиционного природопользования, а также получать материальные компенсации при отчуждении части угодий.

Вместе с тем к началу 1990-х гг. относятся воспоминания информантов о том, что алкоголь стал использоваться промышленными компаниями как инструмент при согласовании обустройства нефтяных месторождений. Сначала проект обустройства нефтяники «согласовывали» с пьющими аборигенами путем завоза спиртного непосредственно на стойбища хозяев угодий. Затем, уже имея часть подписей согласования, уговаривали более стойких хозяев [ПМА, 2002–2018]. В литературе описан случай сговора между нефтяниками и местными властями с целью получить от владельцев родовых угодий разрешение на промышленное освоение месторождения нефти [Вигет, 2002, с. 212–213].

И все же политические и экономические изменения времен перестройки имели положительный эффект для коренного населения Среднего Приобья, которое стало рассматривать традиционное природопользование как ресурс, дающий жизненные перспективы. Многих лесных жителей новые законодательные инициативы побудили выйти из алкогольной зависимости, сделать выбор в пользу традиционного природопользования: *Мой муж, когда организовывал общину — тогда люди почти все в поселке жили, мало кто в лесу оленей держал. Вот С.К. ходил по Юбилейному — пил, бичевал. Муж позвал его в общину — первые стойбища строить. С.К. же всё умеет делать своими руками — пить бросил, стойбище себе в лесу построил, оленей завел. Сейчас известный оленевод* [ПМА, июль 2004]. Сегодня характер взаимоотношений хантов с нефтяниками в части определения ценности родовых угодий через алкоголь претерпел большие изменения, которые можно выразить фразой одного из сотрудников ОАО «Сургутнефтегаз»: *Раньше ни с кем не нужно было ничего согласовывать. Любую буровую можно было за пузырь водки поставить где угодно. А теперь угодья у хантов везде. Теперь тут нельзя, там нельзя — ни пузырь, ни ящик водки не нужен. Квартиру в городе подавай им* [ПМА, декабрь 2004].

Правовое обеспечение традиционного природопользования дало толчок к активному возрождению культуры и религии восточных хантов с конца 1980-х [ПМА, 2002–2018; Перевалова, 2019, с. 299]. При этом сегодня употребление алкоголя при отправлении ритуалов можно оценить в целом как умеренное. Традиция не поощряет негативные эмоции и деструктивный настрой во время обрядов. Поэтому чаще всего отрицательные последствия потребления алкоголя наблюдаются за границей сакральных ландшафтов и вне религиозных церемоний. Нередко старейшины и хранители традиции выступают противниками алкоголя и отказываются от спиртного, чтобы ритуал не превратился в банальную попойку [ПМА, февраль 2010, декабрь 2010, июль 2012, март 2014]. Тенденция отказа хранителей традиций от употребления алкоголя впервые была отмечена в 1995 г. Н.И. Новиковой [1995, с. 87] и за 25 лет превратилась в устойчивый тренд, который сохраняется в настоящее время, несмотря на смену поколений хранителей традиции. Наши наблюдения подтверждают исследования Ш. Дудека, проведенными в Сургутском Приобье, где один из его пожилых информантов выступал с критикой бытового распития алкоголя, в то же время допуская его ограниченное употребление в традиционных ритуалах [Dudeck, 2015, p. 104–105]. Другой иллюстрацией вышесказанного могут служить сведения В.Н. Адаева об отрицательной оценке информантом роли алкоголя в процессе неудачных поисков хантами р. Демьянки святилища духа-покровителя реки: «Бог главный обиделся, ушел совсем, помощников только оставил. Пить-то нельзя было, а тут пили, дрались» [Адаев, 2007, с. 202].

К началу 2000-х гг. другим стимулом выхода из алкогольной зависимости, как ни странно, стал кризис традиционной религии. Традиционная религия, не сумевшая оперативно дать актуальные ответы на вызовы XXI в. (промышленное освоение, урбанизация и разрушение традиционной среды проживания, трансформация традиционного мировоззрения), уступила место учениям пятидесятников и евангельских христиан-баптистов. Учения неопротестантов заняли место в вакууме, образовавшемся в результате разочарования традиционной религией. В процессе исследований установлено, что некоторые информанты-неофиты истоки алкоголизма своих сородичей видят в самой традиционной религии и ритуалах [ПМА, январь 2003, март 2004, февраль 2007, март 2008]. Решив проблему алкоголизма радикальным отказом, сохранив во многих деталях традиционное природопользование, неопротестантские общины восточных хантов привлекли в свои ряды большое число поселковых и лесных жителей [ПМА, 2002–2020; Wiget, Balalaeva, 2007; Ключева, 2012]. Сходная оценка альтернативам употребления алкоголя у хантов Сургутского Приобья была сделана Ш. Дудеком: «В последнее время произошли определенные изменения в религиозных обрядах. Некоторые оленеводы перешли в протестантизм, а другая часть возродила традиционные религиозные практики, ограничив и контролируя употребление алкогольных напитков во время ритуалов» [Dudeck, 2015, p. 107–108]. Выход коренных жителей из алкогольной зависимости через принятие неопротестантской веры является общей тенденцией для современного Севера Сибири. К примеру, подобный процесс был отмечен Л.Н. Хаховской у коряков, где основой общин пятидесятников стали аборигены, ранее страдавшие от алкогольной зависимости [2017, с. 105–106].

Настоящее время

Сегодня в календаре восточных хантов мероприятиями, связанными с наиболее массовым употреблением алкоголя, являются дни традиционной культуры, регулярно организуемые властями в национальных поселках и городах нефтяников. Часто на такие праздники приезжают го-

родские жители и представители соседних территориальных групп хантов. Как правило, праздники являются сбором большинства членов территориальной группы хантов, населяющей один из крупных притоков Оби. Во время посещения национальных поселков в праздники восточные ханты могут решать множество проблем — экономических, административных, организационных, религиозных, родственных и пр. Многие из таких решений могут реализовываться за праздничной трапезой в сопровождении алкоголя. Спиртное является не официальной, но все же неотъемлемой частью развлекательных мероприятий праздников — гонок на оленях, соревнований на обласах, спортивных состязаний и конечно же вечерней дискотеки. Все это не оправдывает отрицательного влияния алкоголя на хантйскую молодежь, а также не исключает его негативной роли в возникновении конфликтов, бытового насилия и несчастных случаев [ПМА, 2002–2018].

Отметим, что во время этих массовых мероприятий алкоголь может выступать детонатором изменения социальных связей. На эту функцию впервые обратил внимание Ш. Дудек: «Ежегодные фестивали — единственное место, где собирается почти вся община в течение года. Поэтому они играют важную роль в жизни сообщества. Я заметил, что это почти единственное место, где можно открыто разыграть конфликт и изменить социальную ткань, разрушая старые связи и устанавливая новые. Жизнь в небольших семейных группах кочевников или в изолированных поселениях... не допускает возникновения конфликтов в остальное время года, а публичное обсуждение противоречий является табу. Отсутствие самоконтроля, вызванное употреблением алкоголя, позволяет нарушать табу» [Dudeck, 2015, p. 102–103]. Среди других негативных факторов, связанных с употреблением алкоголя в жизни аборигенов, можно отметить нежелание ездить в гости к соседям и родственникам по причине злоупотребления алкоголем, а также отказ людей от участия в традиционных ритуалах, так или иначе подразумевающих употребление спиртного [ПМА, 2002–2018]. Последствиями такой формы отказа от спиртного могут стать сокращение числа социальных контактов, нарушения родовых и территориальных связей, что опосредованно ведет к нарушению преемственности культурных традиций. Нежелание попадать в алкогольную зависимость может служить одной из причин смены места проживания. Так, на Тромъегане зафиксирован случай, когда супруга одного из хранителей традиции хотела сменить место зимнего стойбища, находящегося на магистральной хантйской дороге, по причине нескончаемого потока транзитных гостей, бесконечных ритуалов и чрезмерного употребления спиртного главой семьи совместно с гостями [ПМА, февраль 2004, декабрь 2004].

Урбанизация Сургутского Приобья и появление широкой транспортной инфраструктуры нефтяников внесли свои коррективы в современный трафик алкоголя. В 1990-х гг. большинство нефтедобывающих компаний ввели пропускной режим, который запрещает сотрудникам компаний ввозить алкоголь на территорию месторождений. Однако ханты продолжают ввозить спиртное, как через КПП (по причине формального досмотра транспорта и вещей аборигенов), так и по традиционным дорогам — в обход КПП. Интересна деталь современного трафика алкоголя: сегодня, в отличие от 1970–1990-х гг., спиртное ввозится на нефтепромыслы чаще всего коренными жителями — не только для собственного потребления, но и для продажи производственному персоналу на месторождениях [ПМА, март 2011, август 2018].

Заключение

Хотя алкоголь может представлять серьезную проблему для восточных хантов, его ни в коем случае нельзя считать внекультурным феноменом — т.е. утверждать, что там, где начинается водка, культура заканчивается. Употребление алкоголя в культуре восточных хантов восходит к началу XVII в. Несмотря на проблемы, связанные с алкоголизмом, а также негативное влияние на здоровье восточных хантов, спиртное играет важную роль в их культуре. Признание легитимности алкоголя в мировоззрении зиждется на космогонических мифах, в них боги-демиурги, выпивая «вино», создают космос восточных хантов. В ритуальной сфере спиртное является даром в адрес божеств, от которых взамен ожидают содействия человеку в охотничьем и рыболовном промысле, достатке, здоровье и безопасности. Помимо этого, алкоголь выполняет функцию стирания социальных границ в сообществе участников традиционных ритуалов, а также является инструментом перехода человека в измененное состояние сознания. В быту спиртное выполняет функции релаксации и снятия стресса. Также алкоголь служит своего рода социальным катализатором (при включении чужого человека в традиционный коллектив, трансформации социальных связей внутри территориальной группы во время крупных встреч ее членов). До недавнего времени алкоголь использовался и в качестве эквивалента денег при

обмене товарами и услугами. Алкогольные практики восточных хантов воспринимаются окружающими как негативная черта аборигенной культуры. Если факты его чрезмерного употребления во время нахождения хантов в населенных пунктах могут быть объяснены длительными периодами воздержания в лесу, то для понимания мотивов употребления алкоголя на стойбищах требуется дальнейшее изучение этой проблемы.

Изменения, вызванные индустриализацией Сургутского Приобья, а также экономические и социальные реформы постперестроечного периода привели к сокращению потребления спиртного восточными хантами. Сегодня эти перемены представлены двумя тенденциями. Первая включает процессы возрождения традиционной культуры, природопользования и религии, вторая — переоценку традиционной религии и переход части восточных хантов в неопротестантизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Ушедший хозяин Демьяна: (Почитание хантами духа-хозяина р. Демьянка в XX в.) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2006. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. Вып. 20. С. 186–205.

Вишет Э. Экономика и традиционное земледелие восточных хантов // Очерки истории традиционного земледелия хантов: Научно-исторические очерки. Екатеринбург: Тезис. 2002. С. 169–222.

Вишет Э., Балалаева О. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования / Под ред. Д. Функа и О. Зайцевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. № 4. С. 38–72.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов: XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Дмитриенко А.Н., Чухрова М.Г. Алкоголь в эпосе Сибирских народов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 243–246.

Древний город на Оби: История Сургута / Н.Н. Баранов, Д.В. Бугров, Е.М. Главацкая, С.В. Горшков, Н.А. Миненко, В.М. Морозов, Н.Н. Попов, Д.А. Редин, Ю.П. Чемякин, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. Т. I. 376 с.

Истомин К.В. «Атрибутивный стиль» и проблема пьянства и самоубийств среди малочисленных коренных народов Севера и Сибири // ЭО. 2011. № 2. С. 89–105.

Клюева В.П. Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 133–141.

Козлов А.И. Сухой закон для поселка и джип для Председателя // Природа. 2007. № 8 (1104). С. 45–49.

Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследования культуры. Интерпретации культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2006. С. 681–702.

Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.

Новикова Н.И. Алкоголизм у коренных народов Севера России // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М.: АИРО–XX, 1995. С. 82–89.

Перевалова Е.В. Обские уры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 553 с.

Пивнева Е.А. Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М.: Наука. 2005. С. 65–84.

Рудь А.А. Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–137. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-41-2-128-137>

Соколова З.П. Торговля на Обском Севере. Коренное население, 1950–1980-е годы: (Снабжение и потребление. Алкоголь и алкоголизм. Наличные деньги и бюджет) // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 91–107.

Соколова З.П. Советский магазин: торговля и алкоголь на Обском Севере: (Коренное население в 1950–1980 гг.) // ЭО. 2017. № 1. С. 97–108.

Тальянова Т.И. Изучение алкоголизма в этнокультурном аспекте (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 6 (69). С. 53–57.

Хаховская Л.Н. Алкогольные практики в корякской культуре // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2015. № 2. С. 98–107.

Ярзуткина А.А. Приюты, рейды, десанты: практики сосуществования жителей с алкоголем в чукотских селах: Стратегии минимизации проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6/2. С. 137–143.

Dudeck S. 'Do You respect me?' Drinking as a Social Catalyst in the Reindeer Herding communities of European Russia and Western Siberia // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2015. Vol. 61. P. 89–116.

Leete A. Accounts of cannibalism, human sacrifice, alcohol-addiction and filthiness among northern peoples // Acta Ethnographica Hungarica. Iss. 50. № 1–3. P. 241–258.

Wiget E., Balalaeva O. Srisis, Conversion and Conflict: Evangelical Christianity, Rapid Change and the Eastern Khanty // Berghahn Journals. Sibirica. Vol. 6. № 1. P. 1–29.

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты:

Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе: Утв. решением Совета народных депутатов ХМАО от 07.02.1992. URL: <http://khanty.regnews.org/doc/sr/j4.htm>.

Закон ХМАО — Югры от 28.12.2006 № 145-ОЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре: (Принят Думой ХМАО — Югры 27.12.2006. URL: <http://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7082>).

Полевые материалы автора

Июнь 2002 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Январь 2003 (д. Угут, р. Большой Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2003 (р. Лямин 2-й, р. Лямин 3-й, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Февраль 2004 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2004 (д. Угут, р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2004 (д. Тром-Аган, р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Декабрь 2004 (д. Русскинская, р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2005 (р. Демьянка, Уватский р-н ХМАО — Югры).
Сентябрь 2005 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Февраль 2007 (р. Пим, п. Нижнесортымский, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2007 (д. Угут, р. Большой Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Апрель 2007 (р. Демьянка, Уватский р-н ХМАО — Югры).
Сентябрь 2007 (г. Лянтор, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2008 (д. Русскинская, р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Май 2008 (р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2009 (р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июнь 2009 (р. Большой Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Февраль 2010 г. (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2010 (р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Декабрь 2010 (д. Пырьях, р. Назым, Ханты-Мансийский р-н ХМАО — Югры).
Март 2011 (р. Пим, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2012 г. (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2014 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Август 2018 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
2002–2018 гг. Общие наблюдения, сделанные в ходе этнографических экспедиций к восточным хантам Сургутского Приобья (р. Лямин, Пим, Тромъеган, Большой Юган, Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры; р. Аган, Нижневартовский р-н ХМАО — Югры; р. Демьянка, Уватский р-н Тюменской обл.).

Rud' A.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: raa@bk.ru

Alcohol and its functions in the culture of the Khanty of the Surgut Ob region

The aim of the research is to show the functions of alcohol in the traditional culture of the Eastern Khanty. The basis of the work is formed by the author's field data collected in 2002–2018 in Khanty Surgut Ob region, including the right bank of the Ob River (Lyamin, Pim, Tromyegan, and Agan) and its left bank (Bolshoi Yugan, Malyy Yugan), as well as the right tributary of the Irtys River (Demyanka). The study of the role of alcohol in the traditional rituals of the Eastern Khanty was based on the methodology of gift exchange proposed by M. Mauss [2011]. The structural-functional approach was used to analyze the functions of alcohol, its place in the traditional culture, and social relations of the Eastern Khanty [Malinovskiy, 2006]. Despite the problems associated with alcoholism, as well as the negative impact on the health of the Eastern Khanty, alcohol performs a number of functions in the traditional culture. The recognition of the legitimacy of alcohol in the traditional worldview is based on the cosmogonic myths. In the ritual sphere, alcohol is a gift to the deities, from whom the indigenous people, in return, expect assistance to a person in hunting and fishing, prosperity, health, and safety. Alcohol performs the function of erasing social boundaries in the community of participants in a traditional ritual. During traditional rituals, alcohol is a tool for a person's transition to an altered state of consciousness. In everyday life, alcohol performs the functions of relaxation and stress relief. Alcohol serves as a social catalyst when a stranger is included in a traditional collective. Until recently, alcohol occupied not the last place as an equivalent of money in the in-kind exchange of goods and services. At the beginning of the 21st century, structural changes caused by the industrialization of the Surgut Ob region, as well as economic and social reforms of the Post-Perestroika period, led to reduction in the consumption of alcohol by the Eastern Khanty. Today, these changes are represented by two

oppositely directed trends. The first tendency is represented by the processes of the revival of traditional culture, nature management, and religion. The second trend includes reappraisal of traditional religion and transition of a part of the Eastern Khanty to Protestantism.

Keywords: Surgut Ob region, Eastern Khanty, drinking practices, social functions of alcohol, alcohol in traditional religion, alcohol in everyday life.

REFERENCES

- Adaev, V.N. (2007). Demyan's goned master: (Reverence by the Khanty of the spirit-master of the Demyanka River in the 20th century). In: *Zemlia Tiimenskaia: Ezhegodnik Tiimenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia: 2006*. Tiumen': Tiumen' State University, (20), 186–205. (Rus.).
- Bugrov, D.V. (Ed.) (1994). *The Ancient City on the Ob: The History of Surgut*. Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Dmitrienko, A.N., Chukhrova, M.G. (2012). Spirits in the epos of Siberian people. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 36(5), 243–246. (Rus.).
- Dudeck, St. (2015). “Do You respect me?” Drinking as a Social Catalyst in the Reindeer Herding communities of European Russia and Western Siberia. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, (61), 89–116. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1995). *Tobolsk North*. Moscow: Libereia, vol. I. (Rus.).
- Glavatskaia, E.M. (2005). *Religious traditions of the Khanty. XVII–XX centuries*. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia. (Rus.).
- Istomin, K.V. (2011). “Attributive style” and the problem of alcohol addiction and suicide among numerically small peoples of the North and Siberia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 89–105. (Rus.).
- Khakhovskaia, L.N. (2015). Alcoholic practices in the Koryak culture. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, (2), 98–107. (Rus.).
- Kliueva, V.P. (2012). Distribution of Protestantism with indigenous minor peoples (by an example of Pentecostal Khanty). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 19(4), 133–141. (Rus.).
- Kozlov, A.I. (2007). Dry law for a settlement and gin for the Chairman. *Priroda*, 1104(8), 45–49. (Rus.).
- Leete, Art. (2005). Accounts of cannibalism, human sacrifice, alcohol-addiction and filthiness among northern peoples. *Acta Ethnographica Hungarica*, 50(1–3), 241–258.
- Malinovski, B. (2006). Functional analysis. In: *Antologija issledovaniia kul'tury. Interpretatsii kul'tury*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing, 681–702. (Rus.).
- Mauss, M. (2011). Essay on the gift. Form and basis of exchange in archaic societies. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: KDU, 134–285. (Rus.).
- Novikova, N.I. (1995). Alcoholism among the indigenous peoples of the North of Russia. In: *Sreda i kul'tura v usloviakh obshchestvennykh transformatsii*. Moscow: AIRO–XX, 82–89. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2019). *The Ob Ugrians and the Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2005). Ethno-demographic aspects of the problem of alcoholism among the small peoples of the North. In: *V poiskakh sebja: Narody Severa i Sibiri v postsovetskikh transformatsiakh*. Moscow: Nauka, 65–84. (Rus.).
- Rud', A.A. (2018). Fires in the culture of the Eastern Khanty: modern aspects. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 41(2), 133–141. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-41-2-128-137>.
- Sokolova, Z.P. (2015). Trades on the Ob North. the indigenous people, 1950–1980 (Supply and consumption. Alcohol and alcoholism. Ready money and budget). *Vestnik ugrovedeniia*, 23(4), 91–107. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (2017). The Soviet shop: Trade and alcohol in the North of Ob: (The indigenous population in the 1950–1980s). *Etnograficheskoe obozrenie*, (10), 97–108. (Rus.).
- Tal'ianova, T.I. (2011). Study of alcoholism in ethnocultural aspect (review). *Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii*, 69(6), 53–57. (Rus.).
- Wiget, A. (2002). Economy and traditional land use of the Eastern Khanty. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: Nauchno-istoricheskie ocherki*. Ekaterinburg: Tezis, 169–222. (Rus.).
- Wiget, E., Balalaeva, O. (2007). Srisis, Conversion and Conflict: Evangelical Christianity, Rapid Change and the Eastern Khanty. *Berghahn Journals. Sibirica*, 6(1), 1–29.
- Wiget, A., Balalaeva, O. (2014). Oil, marginalization and the Eastern Khanty. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*. Tomsk: Tomsk State University, (4), 38–72. (Rus.).
- Yarzutkina, A.A. (2017). Shelters, raids, invasions: practice of inhabitants coexistence with alcohol in Chukotka village settlements. strategies for problem minimization. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, 9(6-2), 137–143. (Rus.).

Рудь А.А., <https://orcid.org/0000-0002-0438-8159>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

Миссонова Л.И.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334, Россия
E-mail: missmila@iea.ras.ru

ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ТУНГУСОВ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ «ИСТОРИЯ ЯКУТИИ»

Отмечается, что начались новые разработки в тунгусо-маньчжурских исследованиях благодаря задаче написания трехтомного труда «История Якутии». Делается вывод, что представление о тунгусской истории в целом и об истории малочисленных тунгусо-маньчжурских народов как о мощном движении, сыгравшем важную роль в освоении огромных территорий на Север и Восток, представляется актуальным. Акцентируется внимание на потенциале синтеза исследования лексики, фольклора, археологических и архивных артефактов.

Ключевые слова: Якутия, тунгусо-маньчжурские народы, кочевые культуры.

Введение

Благодаря задаче написания трехтомной «Истории Якутии»¹, поставленной Академией наук и Правительством РС (Я), а также Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, с 2014 г. начался новый виток развития фундаментальной науки в области изучения народов Якутии, включая тунгусо-маньчжурские. Разработанная концепция создания объемного труда позволила провести многоплановое изучение уже имеющихся исследований и по-новому осознать контекст существующих материалов предыдущих эпох [Ethnological and linguistical aspect..., 1931; Окладников, 1941, 1950; Алексеев, 2008; Певнов, 1985; Архивные материалы рукописного фонда ЯНЦ СО РАН; Василевич, 1961; Аврорин, 1956, 1957, 1960; Аврорин, Лебедева, 1978; и др.]. В результате привлечены новые архивные и иные источники, на которых ранее недостаточно акцентировалось внимание. Кроме того, в рамках данного проекта стали возможными полевые исследования в различных дальневосточных населенных пунктах, где и в настоящее время живут представители тунгусского сообщества, исторически связанные с тунгусо-маньчжурским населением Якутии. Экспедиционные выезды были организованы совместно Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Академией наук Республики Саха (Якутия). В одном из них принимала участие и автор данной статьи. Полевая, архивная и музейная работа проводилась по теме «Тунгусо-маньчжурские народы Дальнего Востока» (рук. А.Н. Алексеев) в сентябре — октябре 2015 г. в Хабаровском крае (г. Хабаровск, п. им. Полины Осипенко, п. Владимировка) и в Республике Саха (Хангаласский улус Якутии, г. Якутск). Изучались факты переселения тунгусских этнических общностей в процессе освоения жизненного пространства: при всей их малочисленности северные тунгусы активно продвигались по огромной территории речных артерий ДВ, в том числе через территорию Якутии, до острова Сахалин (в середине XX в. — до о. Хоккайдо). Собран материал по теме «Тунгусо-маньчжурские народы Якутии» в рамках научно-исследовательского и издательского проекта «История Якутии».

В процессе работы по проекту изучались неопубликованные рукописные материалы исследователей прошлого столетия. Так, необычайно информативной оказалась доверительная научная переписка С.М. Широкогорова и В.Л. Котвича, охватывающая период творчества ученых с 1924 по 1939 г., сохранившаяся в Рукописном фонде Научной библиотеки Польской академии наук и Польской академии знаний (Краков). Есть необходимость более подробно остановиться на этих письмах Широкогорова ввиду еще несостоявшейся их публикации². Большое значение для тунгусоведения имеют экспедиционные материалы и рукописи (лишь частично опубликованные) личных архивов Г.М. Василевич и И.С. Гурвича, хранящиеся в Библиотечно-инфор-

¹ Труд находится на завершающем этапе подготовки выхода в свет в издательстве «Наука» в Новосибирске.

² Данные письма М. Широкогорова В.Л. Котвичу будут опубликованы в ближайшие годы в рамках совместного проекта по изучению наследия С.М. Широкогорова МАЭ РАН, ИЭА РАН, ИГИИПМНС СО РАН и Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

мационном фонде документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), а также коллекции тунгусских материальных предметов, собранные С.М. Широкогоровым столетие назад (МАЭ РАН). Изучение данных источников находится далеко не на завершающей стадии. Многие найденные важные материалы не вошли в публикацию трехтомного издания. Но именно подготовка этого труда побудила к их изучению, и его необходимо продолжить. При написании главы о северных тунгусах Якутии выявилась нехватка современных этнологических трудов (в области материальной культуры, сопоставления различных сфер тунгусской культуры и др.). Цель данной статьи — обратить внимание на возможные, не в полном объеме использованные, источники, а главное — на необходимость комплексного изучения имеющихся полевых, архивных и иных материалов для современных тунгусоведческих исследований.

Изучение тунгусских народов в новом трехтомном издании «История Якутии»

В общем русле истории народов Якутии (в соответствии с общей концепцией «Истории Якутии») изложение всего имеющегося материала возможно с точки зрения традиционного этнографического подхода к изучению различных сторон жизнеобеспечения не только каждого народа отдельно, но и, в частности, северных тунгусов в целом.

Освоение и хозяйственно-культурное преобразование пространства кочевыми тунгусо-маньчжурскими пракультурами активно происходило в процессе движения на Север (пример — Эвено-Бытантайский улус Якутии) и на Восток (причем ДВ, включая островную территорию РФ). Тунгусо-маньчжурские народы России попали в категорию «северных» именно в ходе пути, ориентированного на покорение соответствующих территорий. Очевидно, что они выработали уникальную школу адаптации своей культуры к природным условиям северных пространств.

Адаптация культуры по языковым данным. Известно предположение российского лингвиста А.М. Певнова, что все продолжатели пратунгусо-маньчжурского языка имели представление о коневодстве (в их лексике есть слова, обозначающие «сено», или «сухую траву»), а, видимо, позднее об оленеводстве [Цинциус, 1971]. Во всех тунгусских языках известно наименование домашнего оленя *ого(н)* (в удэгейском и др. — заимствовано из тунгус. яз.), а в уильтинском и ороческом есть иное название, «*ulaa*» [Певнов, 2008, с. 78; Ikegami, 1997, p. 118, 119, 218 et al.]. А.М. Певнов делает важный вывод, что общим для всех тунгусо-маньчжуров занятием была охота, которая «наряду с генетической общностью языков» стала объединяющим фактором, к примеру, оленеводов-эвенков, рыболовов-нанайцев и земледельцев-маньчжуров [2008, с. 81].

Рис. 1. Я. Рау. По дороге домой. Николаевск-на-Амуре, Муниципальный архив Николаевского района, 2015 г. Фото Л.И. Миссоновой.

Fig. 1. Ja. Rau. On the home way. Municipal archive of the Nikolaev district, Nikolaevsk-on-Amur, 2015. Photo by L.I. Missonova.

Специфика адаптации скотоводческой культуры. Покорение тунгусскими народами пространств Севера происходило не так, как у якутов. Уникальность якутской культуры состоит в практике преобразования пространства в процессе адаптации скотоводческой культуры [Такакига, 2015]. Коневодство якутов было приспособлено к крайне суровым условиям северной природы. Уникальность же тунгусской адаптации проявилась по-иному: произошел отход от использования коня, чему есть подтверждения в многопоколенной памяти тунгусов (отраженной в фольклорных текстах), и активное внедрение в культуру жизнеобеспечения оленя (рис. 1–4). Причем одомашнивание оленя шло вовсе не по пути разведения табунного оленеводства: для этого не было и естественной возможности на тех территориях, которые приходилось осваивать тунгусским народам. Олень стал играть важнейшую роль в качестве средства передвижения. И именно маневренность передвижений за счет использования оленя позволила мобильно осваивать пространства ДВ. Применение верхового оленеводства расширяло и временные границы сезонной охоты. Очевидно, что в ходе адаптации культуры тунгусские народы были лишены возможности заниматься земледелием, что отличает их от этнических «собратьев» земледельцев-маньчжуров [Певнов, 2008]. Эти же положения высказывал в 1929 г. С.М. Широкогоров: «...северные тунгусы являются или были охотниками и оленеводами, тогда как южные тунгусы, живыми представителями которых являются маньчжуры,— земледельцы, для которых охота, рыбная ловля и разведение домашних животных не имеют первостепенного значения. С лингвистической точки зрения все северотунгусские диалекты, несмотря на разделяющие их значительные расстояния, настолько близки друг другу, что общность их происхождения устанавливается сразу же» [2017, с. 236].

Продвижение по рекам. Активизация продвижения тунгусских этнических общностей в процессе жизненно необходимого освоения пространства происходила в первую очередь по речным артериям ДВ. Освоение пространства именно системы рек — это характерная особенность тунгусских народов. При этом хорошо известно, как тщательно использовалось все возможное пространство и крупных рек, и самых мелких притоков. Весь жизненный цикл тунгусских общностей происходил в речном ландшафте (подробнее см.: [Ермолова, 2007; Лаврилье, 2010]). Расселение по рекам до сих пор служит тунгусским кодом родства в многопоколенной памяти. Образ реки отражен как в традиционном для прошлых веков орнаменте, так и в современном прикладном искусстве.

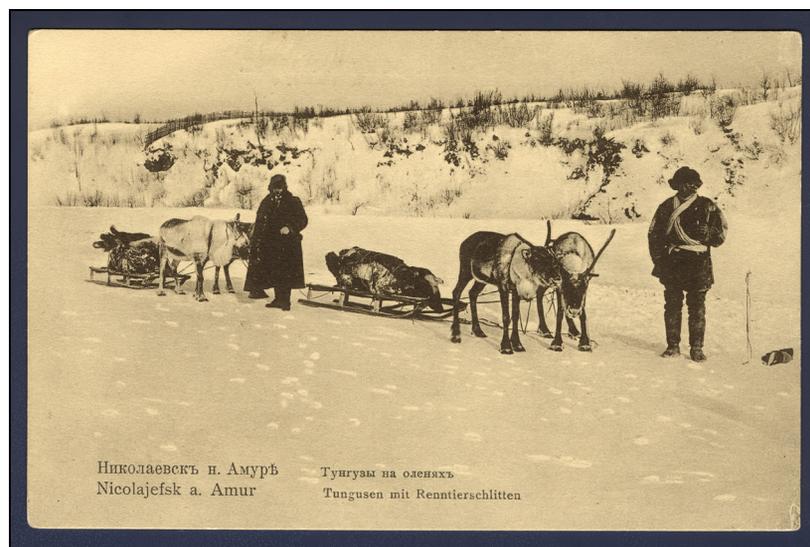

Рис. 2. Фотооткрытка «Тунгузы на оленях». Николаевск-на Амуре, начало XX в.
Fig. 2. Photo card “Tungus on deer”. Nikolaevsk-on-Amur, the beginning of the 20th century.

Взаимодействие культур. В ходе познания пространства происходит естественное освоение разных экологических ниш этническими культурами, практикующими различные формы и виды хозяйственной деятельности. При этом взаимопроникновение и взаимообогащение культур непременно соседствует в ходе изучения новых, а затем и освоенных территорий. Первые контакты населения Якутии раннего железного века с приамурскими племенами предположи-

тельно можно отнести ко II–VIII вв. н.э., а взаимовлияние этнокультурных систем Якутии и Дальнего Востока фиксируется с неолита [Алексеев, 1996; Бравина, 2014, с. 226]. Основываясь на исторических преданиях и археологических изысканиях, Р.И. Бравина выявляет факты существования в XVI–XVIII вв. межэтнической брачной связи дюпсинских, мегинских и усть-алданских якутов с тунгусскими родами [Бравина, 2015]. Причем речь идет о тунгусских общностях как Китая (с земли Тонгус Молды), т.е. находящихся на Амуре к востоку от Якутии, так и самого побережья Охотского моря. На протяжении веков создается уникальный синтез кочевых культур, благодаря которому происходит активное расширение границ освоенных северных пространств. Можно заметить также, что тунгусской культуре было суждено *вторичное познание и освоение коневодства* (уже при оседлом образе жизни) именно при тесном хозяйственно-культурном контакте с якутской скотоводческой традицией.

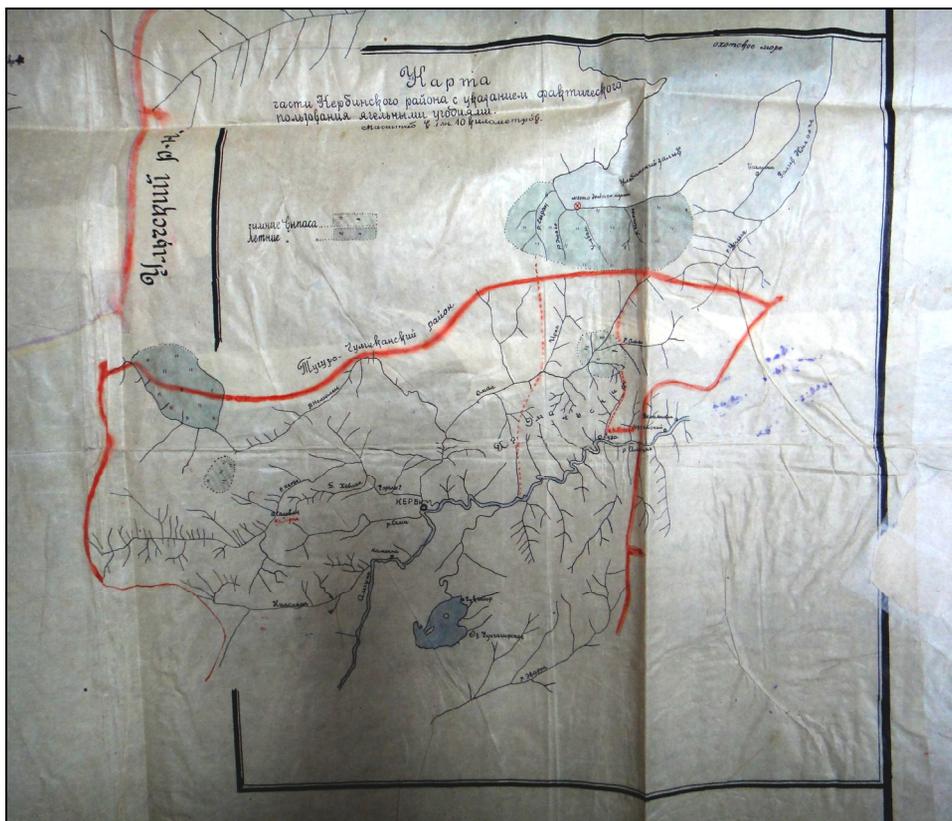

Рис. 3. Схематическая карта Кербинского района с указанием фактического пользования ягельными угодьями, 1937 г. Документ Муниципального архива Николаевского района. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 112. Фото Л.И. Миссоновой, 2015 г.

Fig. 3. A schematic map of the Kerbinsky district of the actual using of the reindeer land, 1937. The document of the Municipal archive of the Nikolaev district. Photo by L.I. Missonova, 2015.

Вопросы скотоводства и землевладения. Обратим внимание на то, что происходит с отношением тунгусской культуры к скотоводству и земледелию на территории Якутии. Как отмечалось выше, при освоении дальних пространств земледелие и скотоводство не были насущно необходимы для носителей кочевых тунгусских культур. Однако, как пишет в 1957 г. проф. Г.П. Башарин («Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVII — первой трети XIX в.» [Национальный архив РС (Я). Ф. 1457, оп. 2, д. 199, л. 13–15]), у тунгусов Якутии, которые осваивали скотоводческую культуру, естественно возникал земельный вопрос, а точнее, вопрос о сенокосах и пастбищах для рогатого скота и лошадей. Но царское правительство смотрело на тунгусов Якутии как на вечных оленеводов, охотников и рыбаков, ведущих бродячий образ жизни. Никакого государственного законного права на владение сенокосными и пастбищными угодьями у тунгусов не было (в отличие от якутов). Башарин также отмечает, что

Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»

к первой трети XIX в. немногим менее половины тунгусов Якутии занимались в разной степени разведением рогатого скота и лошадей, а часть тунгусов Амурской области, Иркутской губернии, Забайкальской области и других южных районов Сибири в XVIII–XIX вв. — в большей мере скотоводством. Некоторые, как пишет Башарин, даже приобщались к земледельческой культуре.

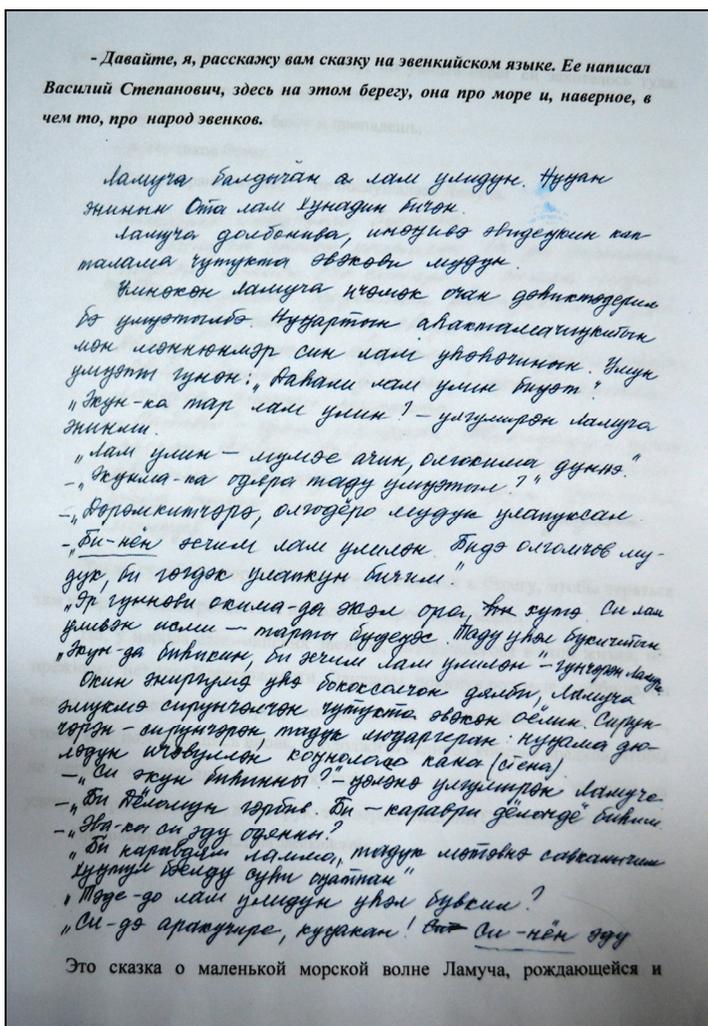

Рис. 4. В.С. Константинов «о великом кочевье предков». Сказка аяно-майских эвенков (на эвенк. яз.). Материалы экспедиции Л. Миссоновой и Е. Алексеевой, п. им. Полины Осипенко Хабаровского края, 2015 г.

Fig. 4. V.S. Konstantinov “about the great nomadic ancestors”. Tale of the Aiano-May Evenks (manuscript in Evenk Language). Personal archive of the author, Khabarovsk region, 2015.

Новое прочтение трудов российских классиков

Одной из самых дискуссионных является тема определения истоков зарождения народов. Анализируя гипотезу неолитического возраста современных народов [Окладников, 1941], В.П. Алексеев писал, что несмотря на значительное развитие конкретных этногенетических исследований теоретическая литература по этногенезу остается довольно бедной, а совершенно правильные указания на необходимость комплексного подхода к проблемам этногенеза носят общий характер и не проясняют путей использования и комбинирования отдельных исторических источников в этногенетических целях. «Не составляет исключения и антропологический материал: много писалось о несовпадении границ распространения антропологических и лингвистических, антропологических и историко-культурных общностей [Дебец, Левин, Трофимова, 1952], но формы их взаимодействия на разных этапах истории человечества еще предстоит исследовать» [Алексеев, 2008, с. 436].

Характеристика этногенетического процесса, по мнению В.П. Алексеева, должна быть исследована по отдельным ее составляющим. «К числу этих составляющих можно отнести многокомпонентность любого этногенеза, характер сопряженности во времени формирования антропологических, лингвистических и историко-культурных особенностей складывающегося нового народа, соотношение этногенеза с экологической средой, понимая под последней и социальные, и природные ее аспекты. Наконец... длительность... становления [народов] и хронологическая приуроченность к той или иной эпохе истории человечества» [Там же]. В.П. Алексеев подробно анализирует и доказательно критикует известную полемику между А.П. Окладниковым и М.Г. Левиным [Окладников, 1950 и мн.др.; Левин, 1958], которые отстаивали идею истоков этногенеза тунгусоязычных народов (Окладников) или юкагиров (Левин) в неолитических популяциях Прибайкалья. В.П. Алексеев обращает особое внимание на *недопустимость самой этой полемики*, происходящей при уверенности обоих названных ученых в неолитических корнях народов, так как в этих и иных подобных точках зрения были «оставлены без достаточного внимания многочисленные зафиксированные палеоантропологические факты обширных древних миграций, в ходе которых на территории Сибири появлялись большие массы нового инородного по происхождению населения» [Алексеев, 2008, с. 437, 440]. Отстаивая позицию о невозможности считать неолитическое население Прибайкалья основой этногенеза тунгусо-маньчжурских народов и юкагиров, В.П. Алексеев не исключает возможности участия в этом процессе неолитических популяций других территорий. Например, черепа из Шилкинской пещеры [Левин, 1953] и пещеры Чоротвы ворота в Приморье [Балуева, 1978] были диагностированы как принадлежащие представителям байкальской расы, черты которой и сейчас характерны для тунгусо-маньчжуров и юкагиров.

В.П. Алексеев считает сомнительным рассматривать этногенез вышеназванных народов даже в эпоху ранней бронзы (Шилкинская пещера) [2008, с. 440]. Отличительные морфологические признаки каждого народа сложились в более позднее время. Ученый делает вывод: «...о неолитическом периоде формирования антропологического состава подавляющего числа коренных народов Сибири не приходится говорить, его формирование приходится на конец I тысячелетия до н.э. — I и начало II тысячелетия н.э. Есть все основания думать, что этногенез современных народов Сибири датируется преимущественно тем же отрезком времени» [Там же, с. 441]. В связи с акцентированием В.П. Алексеевым *необходимости комплексного подхода* к исследованию уместно вспомнить позицию С.М. Широкогорова. Изучение наследия С.М. Широкогорова, как справедливо отмечает А.М. Кузнецов, «показывает, что он фактически разработал методологию реального *постдисциплинарного* анализа, показав, что реальный, а не произвольный синтез всех этих данных возможен только благодаря “сильной” теории, позволяющей создать целостное представление о изучаемом явлении. Такая теория создается не в рамках отдельных дисциплин, а носит более общий характер, хотя и верифицируется эмпирическими данными» [2019, с. 86].

В настоящее время вводятся в научный оборот многогранное письменное (до сих пор не опубликованное, хранящееся в архиве Якутского научного центра) наследие, многолетние теоретические изыскания Г.В. Ксенофонтова, который высоко оценивал вклад кочевых народов в пространственное движение. Он также, анализируя «якутское черное шаманство в составе скотоводческой культуры якутов», высказывал предположение о контактах древнего якутского общества с аборигенным населением Амура, Маньчжурии и вообще Сибири [Архив ИГИИПМНС. Ф. 4, оп. 1: Рукописные материалы Г.Ф. Ксенофонтова]. Большой интерес представляют неопубликованные труды Г.М. Василевич (хранящиеся в МАЭ РАН и библиотечно-информационном фонде документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)). Г.М. Василевич высоко оценивала значительный вклад супругов Широкогуровых в изучение северных тунгусов (она опиралась на работы С.М. Широкогорова, опубликованные в 1919, 1923, 1926, 1929, 1934, 1935 гг.; вела переписку с Сергеем Михайловичем в 1935 г. и др. [Архив В. Котвича, т. 7, л. 64]) и отмечала, что «Широкогуров первым попытался изложить свою гипотезу об этногенезе тунгусоязычных народов... Его этнографические материалы по эвенкам с бассейна Витима и с правых средних притоков Амура очень ценны» [1961, л. 32, 36, 79–82]. Как предполагал С.М. Широкогуров, первичный очаг формирования предков северных тунгусов располагался в бассейнах рек Хуанхэ (р. Желтая) и Янцзы, а точнее, это тот район, «который образован низменностями и возвышенностями Северного и Центрального Китая, т.е. местностями по среднему и частью нижнему течению рек Желтой и Янцзы». При этом Сергей Михайлович подчерки-

вал: «Я не утверждаю, что пратунгусы на территории Китая представляли собой абсолютно чистую антропологическую основу. Вполне возможно, что они уже успели смешаться со своими соседями. Интересно отметить, что, согласно маньчжурам, у проживающих в Маньчжурии северных тунгусов есть нечто общее с населением Южного Китая» (подробнее см.: [Широкогоров, 2017, с. 239–241, карты на с. 245–247; Туров, 2008, с. 23–25]. Миграция предков тунгусов, по представлению С.М. Широкогорова, шла через Маньчжурию в Сибирь, «которая тогда не была столь густо заселена» (с. 240). Она могла проходить в таких районах, которые были бы пригодны для оленеводов, а именно: «Витимское плоскогорье, Маньчжурское плоскогорье и Амурская область, особенно в верхнем течении рек Зеи и Буреи». «Естественным концом всех возможных миграций оленеводов» Сергей Михайлович справедливо считал северную часть «Приморской области, занятой горами Сихотэ-Алинь и островом Сахалин» (с. 248). С.М. Широкогоров обращал внимание, что при этом нам неизвестно, как давно оно [*т.е. оленеводство — ред.*] было открыто или заимствовано сибирским населением» (с. 244; подробнее о миграциях см.: с. 248–275).

В переписке с В. Котвичем С.М. Широкогоров сетует на то, что так и не были опубликованы его «первые работы: по антропологии Тунгусов и Этнографии Заб. Тунгусов (орочен), принятых акад. Наукой к печати в 1912 и 1913 гг.» [Архив В. Котвича, т. 6, л. 77–78]. Он проводит многочисленные сравнения тунгусских диалектов с «маньчжурским», монгольским и якутским языками [Там же, л. 70], а также лингвистические и исторические сравнения среди языков северных и южных тунгусов [Там же, т. 7]. Все свои изыскания ученый постоянно держит под строгим самоконтролем, так как процесс сложения, выделения и переплетения тунгусо-маньчжурских народов был крайне сложен: «Как узнать, где конвергенция и где заимствование, коль скоро они могли друг друга перепокрывать много раз? Даже теперь в тунгусском я наблюдал такое вторичное перепокрывание, равно как и недавние утери... Выделить истинно тунгусское не всегда можно даже при принятии гипотезы, что такое “тунгусское” было. Поэтому я все время стараюсь держать себя в узде в отношении бессознательного приятия непроверенных гипотез, а в то же самое время не упускать из виду ряд методологических положений, полученных на языкознании и в других областях» [Там же, л. 51].

Интенсивную интеллектуальную обработку материала С.М. Широкогорова, включая прежде всего его собственные полевые сборы, отмечал еще В. Мюльман в некрологе, написанном в 1940 г. Заметим, что работа С.М. Широкогорова по миграции северных тунгусов в известном некрологе определена как одна из четырех основополагающих [Мюльман, 2002, с. 145, 146, 154]. Широкогоров предпринимал массу усилий, чтобы следить за академическими публикациями после свершившейся революции и предельно досконально изучал то, что удавалось получить от коллег с родины (чему свидетельством вся вышеназванная его переписка с В. Котвичем).

Ученый фактически поставил перед читателем вопрос, который продолжает быть крайне актуальным: в какой степени возможно доверять академическим трудам того времени, например изданным картам? В апреле 1932 г. ученый с горечью пишет об «Этнографической карте», «изданной Комиссией Академии наук», описывает полную неразбериху: «...вся картина “народов” оказывается весьма условной и запутанной», «поистине поразительно рутинерство!». Он отмечает массу географических и исторических ошибок, некорректность в отношении обозначения расселения и наименования народов, отсутствие привязки к конкретному времени и мн. др. Особенное внимание Сергей Михайлович проявляет к тунгусоведческим данным на карте: «Например, дауры почитаются “тунгусами”... нерченские тунгусы — “ороченами”, в то время как баргузинские — “тунгусами” [это идеи местной полицейской администрации и административно ссыльных революционеров!...]»; «рр. Таун и верховья Номин оказываются занятыми китайцами, в то время как они заняты даурами и разными тунгусами...; районы гиринской провинции, занятые фактически маньчжурами, указаны как занятые китайцами». В итоге Широкогоров пишет о составителях карты: «Зачем же было полагаться на интуитивное влечение руки, вооруженной кистью, коль скоро можно было справиться в “книжках”?». Он характеризует это как «общее падение научной дисциплины в условиях коммунизма», «появление в свет... нового опозоривания Академии и русской науки!» [Архив В. Котвича, т. 7, л. 47–49]. Вышеприведенные высказывания С.М. Широкогорова наводят на мысли о крайней некорректности использования подобных карт, выпущенных в ту эпоху, «для фактического знания расселения этнических групп» [Там же, л. 49] в последующее время, включая современный этап познания.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на отношение ученого к материалам, собранным в первые десятилетия советской власти. В той же переписке Сергей Михайлович критически анали-

зирует, к примеру, «отчет Васильева», изданный в 1930 г., «о работе среди Алдано-Майских и Аяно-Охотских тунгусов в 1926–1928 годах» [Там же, л. 41 об.]. Очевидно, что вопросы о достоверности этнологических источников, поставленные С.М. Широкогоровым, оказываются современны спустя столетие, в XXI в.

Новое прочтение архивных документов. В контексте взглядов С.М. Широкогорова «свежими» могут оказаться и архивные источники. К примеру, можно вспомнить властные «указы» того времени, такие как постановление ЦИК СССР от января 1931 г., когда было объявлено «завершение формирования малых народностей социалистического типа». Некоторые страницы тунгусской истории можно уточнить по материалам ГАРФа первой четверти XX в. [Ф. 3977, оп. 1, ед. хр. 54]³. Обратимся к «Докладам Якутского комитета Севера о снабжении тунгусов оленями и охотничьими принадлежностями» (датированным 4 декабря 1924 г.). В документах акцентируется внимание на том, что наличие ездовых оленей, охотничьего оружия и огнеприпасов обуславливает основные занятия тунгусского населения, дающие им средства к существованию (л. 4). В среде «всего кочующего населения безоленных тунгусских хозяйств» (а именно трех северных и трех южных округов: Колымский, Верхоянский, Булунский, Якутский, Олекминский и Вилюйский) насчитывается 43 % (в том числе 30 % — вообще не имеют оленей, а 13 % имеют от одного до двух оленей) (л. 6). Общая характеристика системы жизнеобеспечения «тунгусов» по округам представлена с выделением следующих групп: Нельканские тунгусы; тунгусы Майского ведомства; Намские тунгусы; Ваяганские тунгусы; тунгусы семи родов Кангаласского ведомства; тунгусы северных округов; Верхне-Колымские юагиры; тунгусы Олекминского округа; тунгусы Вилюйского округа; Хатанго-Анабарские обтунгусевшие якуты (л. 8–20 об.).

Территории расселения и занятия тунгусских общностей

Нельканские тунгусы: более тысячи человек, занимаются оленеводством, звероловством и рыболовством. «Не считая постоянные перекочевки из-за корма оленей и погони за зверьями, тунгусы имеют в год две массовые основные перекочевки». После весеннего сезона охоты они откочевывают к Охотскому морю в Аянский район для ловли рыбы на зиму. «Летом их стойбище располагается по рр. Улкон, Эйкан, Кокра, Комкара, Лантарь и др. Осенью перекочевывают на Нельканский район для охоты и кочуют в окрестностях речек Челисны, Ватома, Маймакан, Уй и их притокам» (л. 8).

Тунгусы Майского ведомства: около 1500 чел., кочуют «по системам рек Маи, Айма, Вер, Учюра, Маймакова, Батары, Батомы и др.». «В большинстве они ведут скотоводческое и даже земледельческое хозяйство, а также занимаются звероводством» (в документе отмечается, что они находятся в лучшем положении, чем тунгусы в Нельканском районе) (л. 8 об.).

Намские тунгусы: «Намскими тунгусами называется Ламухинский род, кочующий по северной части Якутского округа, гранича с севера Верхоянским хребтом, на юге рекою Леной и нижним течением р. Алдана, в числе 365 человек. Занимаются звероловством и оленеводством». Значительный заработок здесь тунгусам в прежнее время давало обслуживание транспортных нужд свинцовых рудников, а «в последнее время» — перевозка идущих из Якутска в Верхоянск грузов. «Намские тунгусы три года тому назад имели до 4000 оленей, в настоящее время не более 700 штук; в один год у них от копытицы пропало 1500 оленей» (л. 8 об.).

Ваяганские тунгусы: «Их три рода, в количестве более 700 человек. Гедниканский род кочует по Оймяконскому тракту, Мямялский род по реке Томпо около 400 верст от населенного пункта к северо-востоку от “Кре[о или с]-Халджом” и Тугулаано-Бараинский род кочует по реке “Делгяня”, от населенного пункта в 150 вер. Они занимаются главным образом звероловством, охотой на оленей, лосей и пушных зверей». Далее сообщается, что охотничье хозяйство в последнее время, в связи с гражданской войной, пришло к сильному упадку из-за отсутствия охотничьих ружей, огнеприпасов. «Спасаются от голодной смерти уничтожением последних ездовых оленей» (л. 8 об.).

Тунгусы семи родов Кангаласского ведомства: «Число тунгусов... до 1800 душ». В прежнее время высшим органом власти в ведомстве был съезд представителей тунгусских родов, созываемый в г. Якутске «в год один раз, обыкновенно, в первых числах августа», на котором решались вопросы общего руководства административной и хозяйственной жизни. На этом съезде выбирался «улушный голова и наследные князья», а также «возбуждались ходатайства перед областными органами власти о снабжении предметами первой необходимости на усло-

³ Грамматика и выделение слов в приводимом далее архивном материале сохранены в соответствии с оригиналом.

виях расчета в будущем пушниной». Заостряется внимание на том, что начиная с 1917 г. прекратилось правительственное снабжение. «Охотничьи ружья и олени отнимались военными отрядами; сокращение добычи зверей и прекращение снабжения продуктами сельского хозяйства вызвало массовое истребление оленей на пищу». (л. 8 об.–9).

Тунгусы северных округов: «В трех северных округах живут приблизительно 4000 человек тунгусов и юкагиров и более 1000 чукоч в Колымском округе. Занятие их как и в других районах — оленеводство и звероловство и, как подсобное, рыболовство... Причиной сильного сокращения оленей, кроме набега волков, гражданской войны, является массовый набег диких оленей /мялякыла/, которые осенью десятками и сотнями тысяч выходят из островов Ледовитого океана и весной возвращаются обратно и с ними уходят домашние олени» (л. 9).

Тунгусы Олекминского округа: численность «достигает до 1800 душ обоего пола». Они занимаются звероловством и «ведут бродячий образ жизни». Среди них нет грамотных людей, «шаманизм и знахарство занимают первое место». «Оленеводство прежде сильно развивалось у тунгусов Харарских и Олекминских, где отдельные хозяйства имели стада до 100, до 800 голов. После 1900 года оленеводство из года в год идет к сильному сокращению, вследствие появления волков и заразных заболеваний. В данное время всего оленей по району насчитывается около 3500 голов, что приходится на человека по два оленя» (л. 10–10 об.).

Тунгусы Вилюйского округа: тунгусов насчитывается приблизительно 2000 чел. «Большая часть живет в западной части», некоторые ведут оседлый образ жизни, занимаются «скотоводством, рыболовством и частично земледелием» (л. 10 об.).

«Хатанго-Анабарских обтунгусевших якутов» насчитывается 600 человек (л. 20). Также среди вышеназванных тунгусов описываются Верхне-Колымские юкагиры (л. 9–10).

В этом же контексте интересно обратиться к «Докладам уполномоченных тунгус собрания Ал. П. Нестерова и Т.С.[О?] Иванова членам Особой Комиссии В.Ц.И.К. по делам Охотского побережья 7 августа 1925 г.» «О присоединении Охотского побережья к ЯАССР» (л. 45). Показателен рассказ, «как один тунгус 100 лет назад, ездил через Якутию к Иркутскому Генерал-Губернатору просит оружия взамен обещал платить ЯСАК и др. сборы, а ружья оплачивать ПУШНИНОЙ». Делается вывод, что тунгусы «с Якутией связаны с давних времен. Тунгусы не сеют хлеба, не разводят скот — мясные продукты, масло и хлеб доставляются нам всегда из Якутии взамен нашей пушнины». Как следует из названного архивного источника, «тунгусы Аянского района кочуют в пределах Якутии и главным их занятием... является звероловство и все остальные промыслы — как то: рыболовство и пр., являются второстепенными». Тунгусы этого района только летом останавливаются около Охотского моря, для рыбной ловли. Центром тунгусского населения называется Нелькан. «Тунгусы Аяна и Нелькана являются неразрывными по образу жизни и территории охоты. Аяно-Нельканский район издавна управляется из Якутии, с которой имеет постоянную связь». Делается акцент на том, что управление Аянского и Нельканского районов «из Даль-Вост.» невозможно ввиду отсутствия «постоянной связи и тесного экономического, культурного и бытового единства», поэтому формулируется обращение: «мы тунгусы Аяно-Нельканского районов считаем необходимым — оставить Аяно-Нельканский районы за... Якутией и то же Охотского района».

Далее источник гласит: «Тунгусский съезд весною сего года, в присутствии представителей Охотского, Аянского, Нельканского районов, выставил свою волю о присоединении Охотского побережья. Действительно раньше Охотское побережье управлялось из Якутии, а затем царское правительство по настоянию Д.В. купцов, присоединил это побережье сперва к Приморской губ., Затем Комчатке, Сахалину и т.д. ...Невозможно управлять целым краем через Охотское море». Следует объяснение ситуации: «Раз в году высаживалась власть в Охотске, в Аяне ... Сов. Власть, находящаяся в Аяно-Охотском районах... насилия и грабежи... по своим размерам были гораздо шире и больше прошлых... [царских]». «С Якутией тунгусы имели тесную связь, сложившуюся в течении нескольких веков. В хозяйственном отношении Аяно-Нельканский районы снабжаются Якутией, через реку "Мая". Со стороны моря нет такой дороги, потому к снабжению невозможно».

Ситуация объясняется не только экономическими причинами, но и культурными связями: «...тунгусы с Якутией связаны бытом, нравом и наконец языком. Тунгусский язык потерял свое значение. Некогда один язык с нескольких наречьями, выродился в совершенно другие языки. Например, в Аяно-Нельканском районах насчитывается три языка, совершенно различные друг от друга и тунгусы с разных наслегов при встрече разговаривают на якутском языке, которого

знают все тунгусы». Делается вывод, что «тунгусы объякутились и с якутами составляют одну неразрывную нацию». «Таким образом, в административном, хозяйственном и национальном положении, население Охотского побережья неотделимо от Якутии и безусловно должно быть присоединено к Якутии».

20 октября 1925 г. Представитель Якутской автономной соц. сов. республики при Президиуме ВЦИК пишет «в Комитет содействия народностям Северных окраин» (л. 48): в Якутии бродячих и кочевых народов насчитывается до 35 033 чел. Сообщается, что эти народы (тунгусы, ламуты, чукчи, юкагиры, чуванцы и др.) «расположены по краям Якутии (что очевидно является результатом оттеснения их якутами в эпоху прихода и завоевания последними края): притундровая полоса Ледовитого океана, границы с Туруханским краем, Приморской областью, Амурской, Забайкальской губерниями, Бурят-Монгольской АССР. Уклад жизни, быта охотника, хозяйствования, за очень маленькой разницей у этих полубродячих народов — у всех одинаков».

В «Докладах и заявлениях уполномоченного 1-го Тунгусского съезда Охотского побережья при Дальне-Восточном ревкоме Карамзина И.В.» (1926 г., Москва) читаем [ГАРФ. Ф. 3977, оп. 1, ед. хр. 1157, л. 5–6]: «Меновой единицей в отношении калыма служит олень». «Религиозность развита среди стариков, но нельзя сказать, что все тунгусы религиозны. В уресе нередко есть икона. В большинстве религиозные праздники /Петров день, Николин день и др./ тунгус отдыхает, не идет на охоту. Священника теперь среди нас нет, /раньше были/, но зато его заменяет один тунгус, знающий по русски, который сам крестит детей и дает им имена».

Заключение

Приведенное архивное описание тунгусских сообществ подтверждает, что главное занятие тунгусов Якутии — охота («звероловство»), оленеводство вторично. Из документов неясно, каковы были форма и привычные размеры оленеводства. Рыболовство фиксируется как второстепенная, но практикуемая необходимая форма жизнеобеспечения. Однозначно в материалах докладов встречается понятие «тунгусы», нет упоминания этнонима «эвенки». К данной группе населения относят также «юкагиров» (верхне-колымских) и «обтунгусевших якутов» (хатанго-анабарских) именно по принципу сходства ведения хозяйства. В истории первой четверти XX в. находим точное подтверждение всем выводам, сделанным исследователями источников предыдущих столетий.

В первой четверти XX в. «калымом» (в широком понимании значения этого термина) служил «олень», а столетием ранее «ясак» выплачивался «пушиной» («олень» вообще не фигурирует в описаниях того времени). Орудия охотничьего промысла воспринимались как первостепенные. Эти данные подтверждают прежде неоднократно делавшийся вывод о более ранней основе системы тунгусского жизнеобеспечения — охоте («звероловстве») и более поздней — оленеводстве. «Пешие» охотники на протяжении длительного периода истории оставались главными лицами, обеспечивавшими жизнедеятельность тунгусских общностей.

Вышеприведенное описание подчеркнуто характеризует тунгусов как чутко восприимчивых к иным культурам, обладающих исключительным умением вживаться в иноэтничную среду, активно влияя на нее и одновременно активно приспособляясь к ней. Полилингвизм тунгусов способствует восприятию иных культур. Характерна как «множественность» наречий тунгусского языка (вплоть до взаимного непонимания в территориально различных тунгусских сообществах), так и беспроblemное освоение и владение языком ближайших соседей — якутов. Представление о тунгусской истории в целом и об истории малочисленных тунгусо-маньчжурских народов России в частности как о мощном движении, сыгравшем огромную роль в истории освоения огромных территорий, является важным и актуальным.

Новым можно назвать прочтение трудов классиков российской этнологии С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич и российской антропологии — В.П. Алексеева. Многолетние труды названных этнологов до сих пор опубликованы не в полном объеме, а фундаментальные антропологические исследования далеко не всегда привлекаются в работах этнологов. К примеру, важно обратить внимание на исследование тунгусо-маньчжурских групп, впервые (!) за последние годы проведенное специалистами в области физической антропологии — сотрудниками ИЭА РАН по материалам экспедиции 1979 г. [Халдеева и др., 2018]: рассматривались признаки зубной морфологии по программе А.А. Зубова, разработанной в 1960–2000-е гг. История изучения тунгусских народов, точнее, их происхождения и обитания/расселения не только не завершена, но даже не приближается к какому-либо завершению или хотя бы некоторому прояснению ситуации. Новейшие данные, например, в области физической антропологии ставят лишь новые вопросы, никак не способствуя обоснованию

Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»

многочисленных гипотетических теорий прежних столетий. Каждая следующая находка может изменить общую картину. Очевидно, что этническую историю и культуру эвенков и эвенов, живущих ныне на территории Якутии, не рассматривать в общем русле сложения и жизни тунгусских народов не представляется разумным. При этом, безусловно, надо учитывать специфику их регионального этнического окружения (среды обитания) на разных этапах многочисленных миграций северных пратунгусов.

Обновленной источниковой базой в изучении освоения пространства тунгусскими этническими общностями может служить именно синтез лексики и фольклора тунгусо-маньчжурских народов и археологических артефактов в тщательном сопоставлении с антропологическими и доступными архивными материалами (прежде всего богатейших архивов Якутии), многие из которых до сих пор не привлекали должного внимания. Исследование массива лексических данных, являясь чаще всего делом лингвистов (что, конечно, естественно), нуждается в соотнесении с этнографическим/этнологическим подходом.

Финансирование. Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин В.А.* Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 92–100.
- Аврорин В.А.* Новые исследования по языкам народностей Севера // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. XVI. Вып. 5. 1957. С. 472–474.
- Аврорин В.А.* О классификации тунгусо-маньчжурских языков // XXV Международный конгресс востоковедов: Доклад. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 11 с.
- Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Ороочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. Сер.: История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 95 с.
- Алексеев В.П.* Избранное: В 5 т. М.: Наука, 2008. Т. 3: Историческая антропология и экология человека. 614 с.
- Балуева Т.С.* Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы Ворота (Приморье) // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 58. С. 184–187.
- Бравина Р.И.* Кус Хоро — «страна, где зимуют птицы...»: (Приамурье и Приморский край в легендах и преданиях якутов) // Восьмые Гродековские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Становление и сохранение российской цивилизации на Дальнем Востоке России XIX–XXI вв.» / Под ред. Т.В. Мельниковой. Хабаровск: Хабаров. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. С. 67–73.
- Бравина Р.И.* Дальневосточный культурный комплекс в зеркале этнической истории саха // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха. Новосибирск, 2014. С. 225–233.
- Ермолова Н.В.* Река в трех мирах эвенкийской Вселенной // Реки и народы Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 87–127.
- Кузнецов А.М.* Феномен С.М. Широкогорова: Судьба и наследие российского этнолога // Три века российской этнографии: Страницы истории. М.: Наука: Вост. лит., 2019. С. 71–91. (Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии; Вып. 2).
- Лаврилье А.* Ориентация по реками у эвенков юго-востока Сибири и система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // ЭО. 2010. № 6. С. 115–132.
- Левин М.Г.* Древний череп с реки Шилки // КСИЭ АН СССР. 1953. Вып. 18. С. 69–75.
- Мюльман В.* С.М. Широкогород: Некролог: (С приложением писем, фотографии и библиографии) / Пер. с нем. Д.А. Функа // ЭО. 2002. № 1. С. 144–155.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: В 3 ч. Ч. 1, 2: Историко-археологические исследования // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 18. 412 с.
- Певнов А.М.* О названиях соли в тунгусо-маньчжурских языках // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1985. С. 19–35.
- Певнов А.М.* Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 64–81.
- Цинциус В.И.* (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю (СС ТМЯ). Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- Туров М.Г.* Эвенки: Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Изд-во Амтера, 2008. 228 с.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Васильев С.В. К антропологии тунгусо-маньчжурских народов: (Однотологический аспект) // Известия Иркутского ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 133–151. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.133>

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп): Пер. с англ. / Сост. и отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давыдов. М.: Наука: Вост. лит., 2017. 710 с. (Этнографическая библиотека).

Ethnological and linguistic aspects of the Ural-Altaic hypothesis / By S.M. Shirokogoroff (Reprinted from Tsing Hua Journal, vol. 6). Printed at the Commercial Press, Ltd. Peiping, China, 1931. 198 p. (Библиотека Университета Тенри, Япония).

Ikegami Jirō. Uilta Kəsəni Vičixəni: A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. 294 p.

Takakura Hiroki. Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia: (Modernity and Identity in Asia Series). Balwyn North: Trans Pacific Press, 2015. 254 p.

ИСТОЧНИКИ

Архив ИГИИПМНС (Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера) СО РАН.

Архив Владислава Котвича. № 4600. Т. 6 (1924–1928), Л. 1–90 об.; Т. 7 (1929–1939). Л. 1–88 об. // Библиотека Польской академии наук и Польской академии знания (г. Краков).

Архивные материалы рукописного фонда ЯНЦ СО РАН.

Василевич Г.М. Эвенки: Этнографическая монография. Кн. первая. 1961. Рукопись. Л. 1–484 // Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Библиотечно-информационный фонд документов.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

Национальный архив РС (Я). Ф. 1457. Оп. 2. Д. 199. Л. 13–15.

Missonova L.I.

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119334, Russian Federation

E-mail: missmila@iea.ras.ru

The Study of the Northern Tungus in the Academic Project “History of Yakutia”

In this paper, it is noted that new development in the Tungus-Manchu studies has begun by the virtue of writing a three-volume work “History of Yakutia”. It was found that, as the result, a new stage of the development of the fundamental science in the field of research of the peoples of Yakutia has begun. It is emphasized that the developed concept of creating the large-volume work allowed conducting a multi-faceted investigation; new archival and other materials were drawn into research, which had not received sufficient attention previously. It is shown how, according to the concept of publishing “History of Yakutia”, in the mainstream of the history of the peoples of Yakutia, presentation of the existing material is possible not only from the point of view of the traditional ethnographic approach by each group individually and by all conventional means of subsistence of the ethnic culture. It is concluded that the development and transformation of the territory by the nomadic Tungus-Manchu Cultures was actively manifested in the expansion to the North (an example of Even-Bytantai Ulus of Yakutia can be noted) and to the East (notably, to the Far East, including the insular territory of the Russian Federation). It is noted that the Tungus-Manchu peoples of Russia fell into the category of the “northern” nations in the very course of the development of the northern territories. These nations developed a unique school of adaptation of their culture to the environmental conditions of the northern spaces. It is the vision of the Tungus history as a whole, and of the history of small Tungus-Manchu nations, in particular, as a powerful momentum that played an important role in the history of the development of the vast territories, that seems new and topical. There have been presented examples of the updated source base for the study of the development of the territory by Tungus ethnic minorities, which reveals the potential of a synthesis of the study of the vocabulary and folklore of the Tungus-Manchu peoples and archaeological artifacts, in comparison with archival materials (primarily, archives of Yakutia).

Keywords: Yakutia, Tungus-Manchu peoples, nomadic cultures, Far East.

REFERENCES

Alekseyev, V.P. (2008). *Historical anthropology and human ecology*. In: *Izbrannoe: 5 vol. Vol. 3*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Avrorin, V.A. (1957). New Studies on the Languages of Indigenous Minorities of the North. *Izvestiya AN SSSR*, (5), 472–474. (Rus.).

Avrorin, V.A. (1956). Predictive-possessive forms in Nanai and other Tungus-Manchu languages. *Voprosy yazykoznaniya*, (3), 92–100. (Rus.).

Изучение северных тунгусов в академическом проекте «История Якутии»

- Avrorin, V.A. (1960). On the classification of the Tungus-Manchu languages. In: *XXV Mezhdunarodnyy kongress vostokovedov*. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. (Rus.).
- Avrorin, V.A., Lebedeva Ye.P. (1978). *Oroch texts and dictionary*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Alekseyev, A.N. (1996). *Ancient Yakutia: Iron Age and the Middle Ages. Series: History and Culture of East Asia*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Balueva, T.S. (1978). Craniological material of the Neolithic layer of the Devil's Gate cave (Primorye). In: *Voprosy antropologii*, (58), 184–187. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2014). Far Eastern cultural complex in the mirror of Sakha ethnic history. In: *Vsadniki Severnoy Azii i rozhdeniye etnosa: Etnogenez i etnicheskaya istoriya sakha*. Novosibirsk, 67–73. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2015). Kus Khoro — “A country where birds hibernate...”: (Amur Region and Primorsky Territory in the legends and traditions of the Yakuts). In: Mel'nikova T.V. (Ed.). *Vos'myye Grodekovskiye chteniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Stanovleniye i sokhraneniye rossiyskoy tsivilizatsii na Dal'nem Vostoke Rossii XIX–XXI vv.»*. Khabarovsk: Khabarovskiy krayevoy muzey imeni N.I. Grodekova, 225–233. (Rus.).
- Ermolova, N.V. (2007). River in three worlds of the Evenk Universe. In: L.R. Pavlinskaya (Ed.). *Reki i narody Sibiri*. St. Petersburg: Nauka, 87–127. (Rus.).
- Ikegami, Jirō. (1997). *Uilta Kēsēni Bičixēni: A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin*. Sapporo: Hokkaido University Press. (Uilta, Japanese, Eng.).
- Khaldeeva, N.I., Kharlamova N.V., Vasil'ev S.V. K antropologii tunguso-man'chzhurskikh narodov: (Odonologicheskii aspekt). In: *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (24), 133–151. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.133>
- Kuznetsov, A.M. (2019). The Phenomenon of S.M. Shirokogoroff: The fate and legacy of the Russian ethnologist. In: M.M. Kerimova, A.A. Sirina (Ed.). *Tri veka rossijskoj etnografii: stranicy istorii*, (2). M.: Nauka: Vostochnaya literature, 71–91. (Rus.).
- Lavrillier, A. (2010). River orientation in the Evenks of South-Eastern Siberia and the system of spatial, social and ritual orientation. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 115–132. (Rus.).
- Levin, M.G. (1953). Ancient skull from the Shilki river. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, (18), 69–75. (Rus.).
- Mulman, V. (2002). S.M. Shirokogorov. Obituary (with Appendix of letters, photos and bibliography). *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 144–155. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1941). Neolithic monuments as sources on the ethnogony of Siberia and the Far East. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*, (9), 5–14. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1950). Neolithic and bronze age of the Baikal region: In 3 vol. 1, 2: Historical and archaeological research. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, Vol. (18). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Shirokogoroff, S.M. (1931). *Ethnological and lingvistical aspect froms of the Ural-Altai hypothesis*. Commercial Press, Ltd. Peiping, China.
- Shirokogoroff, S.M. (2017). *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and history of these groups)*. Moscow: Nauka: Vostochnaya literature. (Rus.).
- Pevnov, A.M. (1985). About salt names in the Tungus-Manchu languages. In: *Leksika tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri*. Novosibirsk: Izdatel'stvo AN SSSR, 19–35. (Rus.).
- Pevnov, A.M. (2008). Linguistic solutions to the Tungus-Manchu problem. *Voprosy yazykoznaniiya*, (5), 64–81. (Rus.).
- Tsintsius, V.I. (Ed.) (1975). *Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages: Materials for the etymological dictionary*, 1. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Takakura, Hiroki (2015). *Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia: (Modernity and Identity in Asia Series)*. Balwyn North: Trans Pacific Press.
- Turov, M.G. (2008). *Evenks: The main problems of ethnogenesis and ethnic history*. Irkutsk: Izdatel'stvo Amtera. (Rus.).

Миссонова Л.И., <https://orcid.org/0000-0002-7376-3434>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

РЕЦЕНЗИИ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-21>

Головченко Н.Н.

Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031
E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. 320 с. ISBN 978-5-91556-710-7

Рецензируется монография, в которой проведены анализ различных видов вооружения и реконструкция некоторых аспектов военного дела племен Лесостепного Алтая в VIII–I вв. до н.э., представлен альбом иллюстраций, включающий в себя фото и рисунки артефактов, художественные интерпретации оружия и образов воинов, выполненные автором. О.С. Лихачевой скрупулезно проанализированы многочисленные категории вооружения и их фрагменты. Однако, по нашему мнению, автором не в полной мере учтен контекст обнаружения значительной части рассматриваемого инвентаря в погребальных, культовых комплексах. В связи с этим вотивное оружие рассматривается как боевое, ритуально сломанные вещи — как целые, фрагментарно представленные отдельные панцирные пластины — как полные доспехи. Некоторая избирательность автора при написании раздела, посвященного историографии, акцентирует основное внимание исключительно на своем регионе, вследствие чего игнорируются транскультурность отдельных типов оружия ближнего и дальнего боя среди кочевников Центрально-Азиатского региона VIII–I вв. до н.э., а также часть попадающего под тематику исследования материала из памятников Новосибирского Приобья.

Ключевые слова: *Лесостепной Алтай, Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, вооружение, военное дело, реконструкция.*

Заметным событием начала 2020 г. стало издание монографии О.С. Лихачевой «Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.)», в которой проанализирован достаточно представительный комплекс находок с территории Верхнего Приобья. Значение систематизации данного собрания определяется специфическим, периферийным по отношению к миру евразийских кочевников, положением рассматриваемого региона. Источниковую базу по исследованию военного дела Лесостепного Алтая эпохи раннего железа составил 371 предмет наступательного и оборонительного вооружения. Среди данного комплекса изделий семь накладок от двух луков, 221 наконечник стрелы, шесть наконечников копий, два наконечника дротиков, 11 мечей, 64 кинжала, четыре топора, шесть кельтов, 23 чекана, 26 панцирных пластин и один шлем. Помимо этого, к исследованию привлечены семь изобразительных источников, которые представлены мелкой пластикой и предметами торевтики. Необходимо отметить весомый труд, проделанный автором по систематизации данного материала, его классификации, зарисовке, сведению в таблицы и интерпретации.

Описанные предметы были выявлены в период с начала XVIII в. по 2015 г. более чем в 100 пунктах, в настоящее время хранятся в составе музейных коллекций в учреждениях городов Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж), Барнаула (Алтайский государственный краеведческий музей, Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Историко-краеведческий музей Алтайского государственного педагогического университета), Бийска (Бийский краеведческий музей им. В.А. Бианки), Горно-Алтайска (Национальный музей Республики Алтай им. Анохина), с. Верх-Озерского (музей при средней школе). С большинством этих коллекций О.С. Лихачева работала лично, осуществив их прорисовку, лишь отчасти представленную в приложениях к изданию. Главным достижением рассматриваемого труда является представление общественности авторской концепции эволюции вооружения населения Лесостепного Алтая рассматриваемого периода. О.С. Лихачева выделила

четыре этапа в развитии комплекса вооружения: VIII–VI вв. до н.э. — характеризующийся сочетанием местных позднебронзовых традиций с «раннескифскими»; VI–V вв. до н.э. — обозначенный сохранением некоторых форм оружия раннескифского времени; IV–III вв. до н.э. — когда «вновь внедряются в боевую практику копья, но уже с железными наконечниками», «окончательно выходят из употребления топоры», «продолжается дальнейшее развитие и совершенствование стрелкового комплекса»; II–I вв. до н.э. — когда происходит качественное изменение всего комплекса вооружения в связи с распространением «хуннских» традиций (с. 141–142). При этом «на основании культурной принадлежности археологических памятников, содержащих предметы вооружения, были выделены четыре комплекса боевых средств: большереченский (VIII–VI вв. до н.э.), каменский (VI–I вв. до н.э.), староалейский (VI–III вв. до н.э.)» и быстрианский (VI–III вв. до н.э.) (с. 142).

Данную схему можно рассматривать как первую попытку создать своего рода «хроностратиграфический» срез комплекса вооружения населения Лесостепного Алтая, от его происхождения к бытованию и изменчивости, что особенно важно при отсутствии представительной серии естественнонаучных дат по памятникам данного периода и региона. В этом отношении концептуально важно отметить, что вооружение рассматриваемого периода представляет собой транскультурный предметный комплекс (компонент «скифской триады»), имеющий массу параллелей среди синхронных и сопредельных культур и не может выступать в качестве культурнодифференцирующего маркера. О.С. Лихачева верно отметила местные черты в данном предметном комплексе, но не раскрыла специфику исследуемого региона как одного из ареалов формирования и трансляции культурной самобытности Сибири в целом. В предлагаемой рецензии мы остановимся только на наиболее дискуссионных аспектах данного труда.

На наш взгляд, в монографии, в которой обобщен столь представительный комплекс разнообразных артефактов, относящихся к материальной культуре эпохи раннего железа, должна присутствовать подробная историография с разбором многочисленных мнений по основным особенностям развития культуры населения рассматриваемого региона в обозначенную эпоху. Вместо этого О.С. Лихачевой приведен сжатый, крайне избирательный по охвату, очерк, заостряющий внимание только на памятниках Барнаульского Приобья. В составленную автором, весьма объемную, статистическую выборку источников почему-то оказались не включенными материалы синхронных и однокультурных исследуемым памятников Новосибирского Приобья [Троицкая и др., 1980, с. 146–164; Полосьмак, 1987, с. 101–104; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 116–131; Молодин и др., 1996, с. 134–136]. Несмотря на то, что, рассматривая материал, автор неоднократно к некоторым из них апеллирует.

Очень подробно проанализированы О.С. Лихачевой материалы исследований барнаульских археологов Г.Е. Иванова и Я.В. Фролова, и в особенности ее учителей А.Б. Шамшина, В.В. Горбунова и А.А. Тишкина. Хорошо понятно стремление автора остаться в рамках конъюнктурных предпочтений, постулируя деление культур Лесостепного Алтая эпохи раннего железа на большереченскую, староалейскую и каменскую. Однако практически полное игнорирование работ Т.Н. Троицкой в данном отношении представляется по меньшей мере незачинным. Так, из всего научного наследия Т.Н. Троицкой и ее учеников [Мжельская, Демахина, 2015] отдельной ссылки в списке литературы, включающем в себя 359 наименований, удостоилась только одна монография [Троицкая, Бородовский, 1994]. Вместе с тем необходимо признать, что источниковая база по исследованию военного дела населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа весьма фрагментарна, и ее искусственное (не снабженное дополнительной аргументацией) деление на три условных хронологических блока приводит к необоснованным или тривиальным общеисторическим выводам касательно эволюции материальной культуры в отдельные периоды. Имеет место известная нехватка источников, которую О.С. Лихачева стремится преодолеть тщательностью анализа отдельных артефактов и их красочной (образной) презентацией.

Особый вопрос — отношение О.С. Лихачевой к проблемам хронологии. Автор считает, что построение «эволюции предметов вооружения должно уточнить датировку памятников». Всяческой похвалы заслуживает стремление упорядочить имеющийся материал, «датирующийся в широком хронологическом диапазоне». Однако нам представляется, что более уместным было бы обратиться с этой целью не к типологическому анализу, а к имеющимся естественнонаучным датировкам. Например, к прекрасно опубликованным данным датирования Быстровского некрополя [Бородовский и др., 2003; Бородовский, 2009], который также относится к большереченской культурно-исторической общности, но О.С. Лихачевой остается не замеченным. Ре-

зультатом значительной работы автора являются типологические выкладки, основанные на морфологическом анализе отдельных элементов вооружения, пусть и датируемых только по аналогиям. Для сравнения автором в основном привлекаются минусинские, тувинские и приаральские материалы, а сопредельные — тасмолинские, саргатские, пазырыкские, кулайские зачастую из виду упускаются. Несмотря на то, что в работе представлены пространные рассуждения о том, что «каменный комплекс вооружения» «немногим уступал саргатскому». Следует ли понимать, что под «немногим», помимо комплекса вооружения, имеется в виду наличие оборонительной фортификации у саргатцев при ее отсутствии на территории Лесостепного Алтая? Не ясно. Между тем ссылки на некоторые крупные работы Н.П. Матвеевой, касающиеся данной тематики, в монографии отсутствуют [Матвеева, 1993, 1994, 2000; Матвеева и др., 2005].

Можно сказать, что выбор привлекаемых О.С. Лихачевой аналогий обусловлен избирательностью в подборе литературы. Особенно ярко это отражено в дефинициях отдельных терминов. В частности, автор находит возможным ссылаться на себя при трактовке общеизвестных понятий (меч, кинжал, лук, копье и т.д.). Несмотря на то, что данные вопросы уже давно разработаны в специальной литературе. Некоторые предметы вооружения, рассматриваемые в монографии О.С. Лихачевой, входят в число элементов «скифской триады», т.е. являются транскультурным комплексом [Бородовский, 2016]. Однако это обстоятельство автором понимается лишь декларативно. Так, автор упускает из виду проблему определения места изготовления найденных на территории Лесостепного Алтая изделий.

Проигнорирован автором и контекст обнаружения значительной части анализируемых предметов вооружения в погребальных, культовых комплексах. В связи с чем вотивное оружие рассматривается как боевое, ритуально сломанные вещи — как целые, фрагментарно представленные отдельные панцирные пластины — как целые доспехи. О.С. Лихачева поставила под сомнение высказанную В.А. Могильниковым возможность использования отдельных «защитных/панцирных» пластин из могильника Камень-2 в качестве элемента декора наборных поясов. К слову, схожие пластины были выявлены на памятнике Новый Шарап-1, исследованном Т.Н. Троицкой, но об этом О.С. Лихачева предпочла умолчать [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 116–131]. В общем виде аргументация автора по данному вопросу сводится к тому, что среди имеющихся находок «достаточно хорошо прослеживаются отдельные пластины, соединенные ламеллярным способом бронирования». Нам представляется, что сам по себе факт установления такого способа соединения пластин на поясе не отрицает их декоративного характера. Важно, что в погребальный комплекс был помещен не полноценный доспех, который реконструирует по нескольким имеющимся пластинам О.С. Лихачева, а его отдельные компоненты. Из материалов погребения не ясно, были ли эти пластины закреплены на поясе; возможно, в захоронение был помещен фрагмент доспеха. Допуская закрепление панцирных пластин на пояском наборе, надо учитывать факт их повторного использования. К сожалению, вопросы, связанные с обрядовой стороной помещения в погребения вооружения, в том числе вотивного и сломанного, остались в книге не рассмотренными. По-видимому, отмеченной выше нехваткой источников можно объяснить стремление автора найти изображения воинов в доспехах даже там, где их нет. Например, на золотой пластине из Сибирской коллекции Петра I, на известной по М.И. Артамонову «сцене возвращения воинов из набега» [Артамонов, 1973, с. 144]. О том, что на персонажах данной сцены изображены мягкие сферические головные уборы, широко известные среди кочевников скифо-сакского мира, неоднократно упоминалось как в известной [Руденко, 1952, с. 113–114; 1962, с. 50–51; Горелик, 1987, с. 123; Бейсенов, Джумабекова, 2014, с. 44], так и в не известной О.С. Лихачевой [Яценко, 2006, с. 89–94; Головченко, Телегин, 2012, с. 70–72; Джумабекова, Базарбаева, 2019] литературе. При этом открытым остается вопрос, насколько вообще правомерно проецировать изображения с предметов Сибирской коллекции именно на носителей каменной археологической культуры.

Безусловным достоинством монографии О.С. Лихачевой являются художественные образные реконструкции, выполненные в числе прочего на материалах конкретных погребений. Однако общее положительное впечатление от них несколько портит описание костюма изучаемого населения в основном тексте исследования. Все реконструкции поддоспешной одежды выполнены автором с отсылкой к работе А.И. Мелюковой [1964], с отдельным привлечением для описания каменного костюма материалов издания С.И. Руденко [1952]. Вместе с тем отсутствуют ссылки на фундаментальные по данной тематике монографии Н.В. Полосьмак, Л.Л. Барковой и С.А. Яценко [Полосьмак, Баркова, 2005; Яценко, 2006]. В качестве ближайших аналогий и параллелей больше-

ченскому костюму приводятся крымские материалы, вместо, например, саргатских, реконструированных Н.П. Матвеевой с соавт. [Матвеева и др., 2013; Матвеева, Долгих, 2016; Матвеева, Проконова, 2019]. При этом полностью оставлены без внимания разработки автора рецензии, посвященные как раз реконструкции одежды населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. [Головченко, Телегин, 2012; Головченко, 2015a, b; 2019].

В заключение нужно отметить, что О.С. Лихачевой проведена серьезная работа по публикации и популяризации историко-культурного наследия населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, и в частности его воинского снаряжения. Обобщенная и систематизированная источниковая база послужит основой для решения неисследованных и дискуссионных вопросов археологии Южной Сибири второй половины I тыс. до н.э. Высказанные замечания относятся к субъективным предпочтениям в выборе ссылочной литературы и частным вопросам интерпретации отдельных находок. Автор рецензии рекомендует книгу О.С. Лихачевой всем интересующимся историей и археологией Алтайского края и Верхнего Приобья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.А.* Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/1. С.42–46.
- Бородовский А.П.* Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа): Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: НГУ: НГПУ: ИАЭТ СО РАН, 2009. 90 с.
- Бородовский А.П.* Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 94–102.
- Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джал Э.Дж.Т.* Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. Т. 3 (15). С. 79–92.
- Головченко Н.Н.* Критерии реконструкции одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Теория и практика археологических исследований. 2015a. № 1 (11). С. 169–174.
- Головченко Н.Н.* Реконструкция одного из вариантов погребального костюма населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (по материалам коллекции памятника Новотроицкое-1) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета: Музееведение и сохранение историко-культурного наследия. 2015b. С. 64–68.
- Головченко Н.Н.* Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 25 с.
- Головченко Н.Н., Телегин А.Н.* Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: Морфология и назначение // Древности Сибири и Центральной Азии. 2012. № 4 (16). С. 70–72.
- Горелик М.В.* Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 110–133.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Образ воина в искусстве населения Казахстана сакского времени // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2019. № 3. С. 183–215.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П., Долгих А.С.* К реконструкции женского костюма периода раннего средневековья (по материалам могильника Ревда-5 в Притоболье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (23). С. 53–62.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чукунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири: (Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 228 с.
- Матвеева Н.П., Проконова М.М.* Воинские облачения из элитных погребений саргатской культуры (Западная Сибирь) // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2019. № 3. С. 37–51.
- Матвеева Н.П., Хайдукова Д.В., Долгих А.С.* Реконструкция костюма воина из могильника Сидоровка (Западная Сибирь) // Вестник Тюменского университета. 2013. № 2. С. 7–20.
- Мжельская Т.В., Демахина М.С.* Библиография научных трудов доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Троицкой // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 8–28.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов: САИ. М.: Наука, 1964. 64 с.

Головченко Н.Н.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л.: Наука, 1952. 268 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I: САИ. Вып. Д3–9. М.; Л.: Наука, 1962. 52 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: Ираноязычные народы. М.: Вост. лит., 2006. 664 с.

Golovchenko N.N.

Altai State Pedagogical University

Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation

E-mail: nikolai.golovchenko@yandex.ru

Review of the Monograph: Likhacheva O.S. Weaponry and warfare of the population of the Forest-Steppe Altai in the Early Iron Age (8th–1st centuries B.C.). Barnaul: Publ. IP I. A. Kolmogorov, 2020. 320 p. ISBN 978-5-91556-710-7

The paper presents a review on a monograph by O.S. Likhacheva, concerned with the analysis of different types of weapons and reconstruction of some aspects of the warfare of the tribes of the Forest-Steppe Altai in the 8th–1st centuries B.C., which contains a representative album of illustrations, including photographs and drawings of artifacts, artistic interpretations of weapons and images of warriors, made by the author. O.S. Likhacheva carried out a meticulous analysis of numerous categories of weapons and their fragments. However, in the opinion of the author of this review, for a considerable part of the presented inventory there is a lack of context description of the finds in the ceremonial burial complexes. This leads to the description of the votive weapons as combative, ceremonially broken items as intact, and fragmentary separate armor-clad plates as a complete armor suit. Certain selectivity of the author in writing the historiography section narrows the attention of the researcher on only one region under consideration, thus ignoring the trans-cultural nature of some types of the weapons of short-range and long-range combat among the nomads of the Central Asia in the 8th–1st centuries B.C., as well as the body of the material from the monuments of the Novosibirsk Ob region which fit in the topic area of the research. The author recommends the book of O.S. Likhacheva to all interested in the history and archaeology of Altai Krai and Upper Ob region.

Keywords: Forest-Steppe Altai, Upper Ob River region, Early Iron Age, armament, military Affairs, reconstruction.

REFERENCES

- Artamonov, M.I. (1973). *Treasures of the Sakas*. Moscow: Iskusstvo. (Rus.).
- Beisenov, A.Z., Dzhumabekova, G.A. (2014). Plaque of the Mythological Subject from Central Kazakhstan. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4), 42–46. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (2009). *Traditional and Natural Science Methods of Dating Burial Complexes (Based on the Materials of the Bystrovsky Necropolis of the Early Iron Age)*: Uchebno-metodicheskoe posobie. Novosibirsk: NGU: NGPU: IAET SO RAN. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (2016). Polyculturalism of the Early Iron Age in the Forest Steppe Ob region according to the Bystrovka necropolis materials. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, (13), 94–102. (Rus.).
- Borodovskii, A.P., Sliusarenko, I.Iu., Kuz'min, Ia.V., Orlova, L.A., Kristen, Dzh.A., Garkusha, Iu.N., Burr, Dzh.S., Dzhai, E.Dzh.T. (2003). Chronology of Early Iron Age burial complexes in the Upper Ob region according to the tree-ring and radiocarbon methods (by the example of the Bystrovka-2 mound group). *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (15), 79–92. (Rus.).
- Dzhumabekova, G.S., Bazarbaeva, G.A. (2019). The Image of Warrior in the Art of Kazakhstan Population of the Saka Time. *Stratum plus: Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (3), 183–215. (Rus.).
- Golovchenko N.N. (2015a). The Criteria for reconstruction clothes settlement Verhnego Priob'ya in Early Iron Age. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, (11), 169–174. (Rus.).
- Golovchenko, N.N. (2015b). Reconstruction of one embodiment of the burial costume population Upper Ob pool Early Iron Age (based on the collections of the museum Novotroitskoe-1). *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Muzeevvedenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo nasledia*, (24), 64–68. (Rus.).
- Golovchenko, N.N. (2019). *Complex of clothes Verhneobskoy basin's population in Early Iron Age*: Avto-ref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk. (Rus.).
- Golovchenko, N.N., Telegin, A.N. (2012). Leather and felt headdresses of the carriers of the archaeological cultures of the Scythian-Saka world: Morphology and purpose. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*, (16), 70–72. (Rus.).

Рецензия на монографию: Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая...

- Gorelik, M.V. (1987). The armor of the Sakas. *Tsentral'naia Aziia. Novye pamiatniki pis'mennosti i iskusstva*. Moscow: Nauka, 110–133. (Rus.).
- Iatsenko, S.A. (2006). *Costume of the ancient Eurasia: (The Iranian-Speaking Peoples)*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1993). *The Sargatka culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1994). *The Early Iron Age of the Ishim River region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Dolgikh, A.S. (2016). Reconstruction of woman costume of the Yearly Middle Ages (on the materials of the burial ground Revda-5 in the Tobol valley). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 53–62. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Khaidukova, D.V., Dolgikh, A.S. (2013). Reconstruction of a warrior's costume from the Sidorovka burial ground (Western Siberia). *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 7–20. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Larina, N.S., Berlina, S.V., Chikunova, I.Iu. (2005). *Comprehensive study of the living conditions of the ancient population of Western Siberia (problems of socio-cultural adaptation in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Prokonova, M.M. (2019). Military Clothes from the Elite Burials of the Sargatka Culture (Western Siberia). *Stratum plus: Arkheologija i kul'turnaia antropologija*, (3), 37–51. (Rus.).
- Mzhel'skaia, T.V., Demakhina, M.S. (2015). Bibliography of scientific works of Doctor of Historical Sciences, Professor Tatyana Nikolaevna Troitskaya. *Arkheologicheskie izyskaniia v Zapadnoi Sibiri i na sopredel'nykh territoriakh*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 8–28. (Rus.).
- Meliukova, A.I. (1964). Armament of the Scythians. *Collection of archaeological sources*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I., Borodovskii, A.P., Troitskaia, T.N. (1996). *Archaeological sites of the Kolyvansky district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Polos'mak, N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Polos'mak, N.V., Barkova, L.L. (2005). *The costume and textiles of the Altai Pazyryk people (IV–III centuries BC)*. Novosibirsk: INFOLIO. (Rus.).
- Rudenko, S.I. (1952). *Mountain Altai finds and Scythians*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Rudenko, S.I. (1962). Siberian collection of Peter I. *Collection of archaeological sources*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Troitskaia, T.N., Molodin, V.I., Sobolev, V.I. (1980). *Archaeological map of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Troitskaia, T.N., Borodovskii, A.P. (1994). *Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Головченко Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);**

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/trics/ya>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crvp.2014.06.004>.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, ТюмНЦ СО РАН

Тел. (345-2) 406-360; 688-768

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
БФАН — Башкирский филиал АН СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН — Институт географии РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК
МАЭ РАН — Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПМА — полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ АН СССР (РАН)
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
УИВ — Уральский исторический вестник
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 4 (55)

2021

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
С.В. Святко

Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.

*При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Дата выхода: 23.12.2021. Уч.-изд. л. 27,8. Объем 40 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360

Е-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

Участницы фестиваля ремесел в традиционных праздничных костюмах.
Восточные и северные ханты. 2006 г. Фото А.А. Богордаевой

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385

Каталог Агентства Роспечать «Журналы России»